

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (41)

Июль–Август–Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2013

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулешкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2013
© Магнитогорский государственный университет, 2013
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2013

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2013

Н. В. Разумов

АФИНСКИЙ СТРАТЕГ ТИМОФЕЙ: ОПЫТ БИОГРАФИИ

В статье предпринимается попытка реконструкции биографии Тимофея — афинского стратега IV в. до н.э. Анализируются данные источников и суждения о Тимофее в историографии. Рассматриваются вопросы об участии Тимофея в политической жизни своего полиса и особенностях политического лидерства в Афинах IV в. до н.э. в целом.

Ключевые слова: Тимофей, Афины, Второй Афинский морской союз, Спарта, Ахемениды, Союзническая война

Основные свидетельства современников о Тимофее принадлежат ораторам Исократу и Демосфену, а также историку Ксенофону. Из позднейших авторов наиболее ценны «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского и «Жизнеописание знаменитых иноземных полководцев» Корнелия Непота.

Историк Ксенофонт был современником Тимофея. Стоит отметить пристрастность этого автора и конспективность изложения истории Греции от освобождения Фив в 379 г. до н.э. до битвы при Мантинее в 362 г. до н.э. Ксенофонт описывает деятельность Тимофея во время кампаний 375 и 373 гг. до н.э. При изложении событий первой из них историк выражает достаточно доброжелательное отношение к полководцу (Xen. Hell. V. 4. 64).

Второй исторический труд, излагающий политическую историю Афин IV в. до н.э., — «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Она была написана в I в. до н.э., но при изложении интересующих нас событий историк опирался на труд автора IV в. до н.э. Эфора. Сочинение Диодора Сицилийского хорошо дополняет Ксенофонта относительно событий 373 г. до н.э. (Diod. XV. 47).

О Тимофее писали в своих речах ораторы Исократ и Демосфен. Первого из них связывала с полководцем дружба, и он посвятил Тимофею значительный пассаж в своей речи «Антидосис» (Isocr. XV. 101–139). В корпус Демосфена входит

Разумов Николай Владимирович — аспирант кафедры истории, философии, культурологии, теории и методик преподавания Тобольской государственной социально-педагогической академии.
E-mail: aoidos@mail.ru

речь «Против Тимофея о долге». Она служит основным источником о суде над полководцем в 373 г. до н.э. (Dem. XLIX). Кроме того, Демосфен ссылается на эпизоды, связанные с деятельностью Тимофея, в других речах.

Еще один автор I в. до н.э., Корнелий Непот, пишет о Тимофее в работе «De excellentibus ducibus exterarum gentium». Биограф конспективно излагает факты, относящиеся к походу 375 г. до н.э., кампаниям 360-х гг. до н.э., Союзнической войне 357–355 гг. до н.э. В биографии Тимофея, написанной Непотом, можно найти ряд неточностей, но также и факты, которые не засвидетельствованы в других источниках, но могли иметь место.

Плутарх, создав биографии спартанцев Лисандра и Агесилая, фиванцев Пелопида и Эпаминонда (последняя не сохранилась), не оставил биографических сочинений об их современниках-афинянах. Новеллы об афинских военачальниках Ификрате, Тимофее и Хабрии присутствуют в его «Изречениях царей и полководцев». Во вступлении к жизнеописанию Пелопида Плутарх рассуждает о роли полководца и вреде для войска, когда военачальник подвергает себя ненужной опасности. Биограф приводит разговор Хареса и Тимофея. Последний говорит, что ему было стыдно, когда при осаде Самоса возле него упала стрела — он считал себя скорее мальчишкой, чем полководцем, стоящим во главе огромного войска (Plut. Pel. 2. 2–3).

В «Стратегемах» Полиэна Тимофею посвящен отдельный раздел. Здесь стоит отметить новеллы, посвященные боевым действиям полководца против Халкидского союза, содержащие некоторые подробности кампаний Тимофея в Северной Эгеиде (Pol. III. 10.7. 8. 14. 15).

Тимофеем неоднократно упоминается в «Стратегемах» Фронтин (I. 12. 11; II. 5. 47) и «Пестрых историях» Элиана (II. 10. 18; III. 16. 47; XIII. 43; XIV. 3).

Личности и биографии афинских полководцев и политиков IV в. до н.э. редко служили темой отдельных исследований зарубежных и отечественных антиковедов. В XIX в. Э. Курциус в своей многотомной «Истории Древней Греции» посвятил одну из глав политической и духовной жизни Афин IV в. до н.э., в которой дал портреты наиболее значимых политиков и полководцев. Историк обозначил основные вехи биографии Тимофея и дал ему оценку¹.

В середине XIX в. в России вышла книга И. К. Бабста «Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распада». Автор причисляет Тимофея к командирам наемников: Ификрату, Хабрию, Харесу, Харидему. И. К. Бабст высказывает предположение, опираясь на цитату из Аристофана, что Тимофей был одним из командиров наемных отрядов в годы Коринфской войны. Историк характеризует его как личность, опираясь на известные суждения Плутарха, Корнелия Непота, Афиня, и дает высокую оценку полководческим, дипломатическим и организаторским талантам Тимофея².

В. П. Бузескул в главе о внутреннем состоянии Афин также дает оценку личности полководца, подчеркивает его аристократическую гордость, и называет его сторонником войны со Спартой³.

¹ Курциус 2002, 213–216.

² Бабст 1855, 186–191.

³ Бузескул 2003, 415.

Д. Бэри в работе по истории Греции также посвящает раздел личностям афинских политиков и полководцев времен Второго Афинского морского союза⁴.

К. Ю. Белох, излагая историю IV в. до н.э., останавливается на основных событиях биографии Тимофея: военных походах и судебном процессе 373 г. до н.э. Историк соглашается с мнением античных авторов о том, что своими успехами Тимофей был обязан, в первую очередь, дипломатии⁵.

Д. К. Дэвис в труде об афинских богатых семьях рассматривает историю рода Конона и Тимофея, уделяя внимание, в частности, ранней биографии полководца⁶.

Д. Хескел в работе «Войны в Северной Эгеиде» рассматривает кампании Тимофея в этом регионе, уделяя особое внимание хронологии⁷. Э. Вудхэд посвятил отдельную статью деятельности Хабрия и Тимофея в период 375–373 гг. до н.э.⁸

Р. Сили является автором монографии, посвященной Афинам IV в. до н.э.⁹ В ней он подробно рассматривает политическую историю полиса, а также уделяет внимание и вопросам внутривластной жизни Афин. В своей статье о Каллистрате он глубже вникает в вопросы внутривластной жизни Афин и роли в ней Тимофея и других политиков и полководцев¹⁰.

Д. Коуквел в статье «Замечания на мир 375/374 гг. до н.э.» рассматривает вопросы об экспедиции Тимофея в Эгеиду в 373 г. до н.э. и процессах полководца, приводя ряд оригинальных суждений¹¹.

Из современных исследований стоит отметить обстоятельную статью К. Бэрона «Декрет Аристотеля и рост Второго Афинского морского союза»¹². Автор, сопоставляя сведения нарративных источников и эпиграфики, анализирует кампании Хабрия и Тимофея 375–373 гг. до н.э.

Отцом Тимофея был афинский военачальник Конон. Последний выдвинулся на военном поприще в период Пелопоннесской войны, впервые в качестве стратега он упоминается в связи с событиями 414 г. до н.э. Позднее он неоднократно командовал афинскими эскадрами на завершающем этапе войны. Во время рокового сражения при Эгоспотамах Конон сумел уйти из-под удара спартанского флота с семьей триерами и увести их на Кипр. Во время Коринфской войны афинский полководец совместно с сатрапом Фарнабазом командовал флотом, снаряженным царем Персии Артаксерсом II. В 394 г. до н.э. ими была одержана победа при Книде. Вернувшись в Афины, полководец вновь отстроил Длинные стены, срытые после поражения в предыдущей войне, и афинский флот. В 392 г. до н.э. во время переговоров в Сардах Конон был арестован персами и, скорее всего, закончил жизнь в заключении.

О матери Тимофея сообщает автор римского времени Афинея. Он пишет, что Тимофей был сыном Конона и гетеры-фракиянки, и приводит слова самого полководца: «...ей я обязан тем, что я сын Конона» (Ath. 577 a-b). Д. Дэвис отме-

⁴ Bury 1900, 589-590.

⁵ Белох 2009, 167, 185-187, 211-212.

⁶ Davies 1971, 506-512.

⁷ Heskell 1997.

⁸ Woodhead 1962.

⁹ Sealey 1993.

¹⁰ Sealey 1956.

¹¹ Cawkwell 1963.

¹² Baron 2006.

чает, что высказывание Тимофея подозрительно напоминает высказывание сына Ификрата Менесфея о своем отце, передаваемое Корнелием Непотом. Кроме того, отмечает исследователь, нам не известно примеров нападок на Тимофея, как на чужеземца¹³. Можно согласиться с Д. Дэвисом, что рождение Тимофея не могло быть позднее первого упоминания его отца в качестве стратега 414/413 г. до н.э.¹⁴. Предположительно, Тимофей сопровождал своего отца во время морских кампаний Коринфской войны — победе при Книде в 394 г. до н.э. и последовавшем за ней походе вдоль побережья Малой Азии (об этом пойдет речь ниже). Следовательно, он должен был достичь совершеннолетия к 395 г. до н.э., чтобы принимать участие в морских военных операциях отца во время Коринфской войны.

У нас нет сведений о жизни Тимофея до 390 г. до н.э. Вероятно, на момент битвы при Эгоспотамах и окончания войны он находился в Афинах, а позднее прибыл к отцу в Малую Азию. Здесь он сопровождал Конона в его походах и, возможно, принимал участие в морской битве при Книде.

Д. Дэвис указывает на свидетельство Павсания об установлении Конону и Тимофею статуй на Самосе и в Эфесе (Paus. VI, 3, 16) и делает вывод, что они были возведены после триумфального похода Конона вдоль Ионийского побережья, в котором Тимофей сопровождал отца. Следующий зафиксированный контакт Тимофея с Самосом относится к кануну Союзнической войны (осада 365 г. до н.э.) и вряд ли заслужил ему статую от благодарных самосцев¹⁵.

Деятельность Тимофея как полководца началась в период создания Второго Афинского морского союза. Еще в 380-е гг. Афины заключили союзы с Хиосом, Византием и Мефимной. В 379 г. до н.э. группа фиванских изгнанников совершила в родном полисе переворот, расправившись с проспартанскими правителями Фив. Афины поддержали беотийский полис и вместе они выступили против Спарты. Диодор Сицилийский пишет, что в 378 г. до н.э. афиняне направили своих послов в многочисленные полисы, убеждая их отпасть от лакедемонян. Многие полисы присоединились к новому союзу, организованному Афинами (Diod. XV. 28. 3–4).

В 375 г. до н.э. афиняне снарядили флот из шестидесяти кораблей, который под командованием Тимофея направился к Керкире. Миссия полководца увенчалась успехом: ему удалось присоединить к Афинам местные полисы. Ксенофонт так характеризует политику Тимофея по отношению к новым союзникам: он не обращал в рабство, не изгонял, не менял законов (*οὐ μέντοι ἡνδραποδίσατο οὐδὲ ἄνδρας ἐφυγάδευσεν οὐδὲ νόμους μετέστησεν* (Xen. Hell. V. 4. 64). Рассказ Ксенофонта дополняет Диодор Сицилийский, уточняя, что в союз с Афинами вступили Кефалления, Акарнания и эпирский царь молоссов Алкет (Diod. XV. 36. 5). Историк, подводя итог, пишет, что Тимофей «не только среди своих сограждан, но и среди греков в целом добился похвалы» (*οὐ μόνον παρὰ τοῖς πολίταις ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς ἄλλοις Ἕλλησι μεγάλης ἐτύγχανεν ἀποδοχῆς* — Diod. XV. 36. 6).

Против него была выставлена спартанская эскадра наварха Николоха, включавшая пятьдесят пять триер. Тимофей одержал над ней победу при Ализии (Xen. Hell. V. 4. 65). Ксенофонт не сообщает о потерях сторон, но из его текста следу-

¹³ Davies 1971, 507.

¹⁴ Davies 1971, 508.

¹⁵ Davies 1971, 508.

ет, что спартанский флот сохранил боеспособность: Николох повторно выступил против Тимофея, корабли которого были вытасканы на берег для починки. Афинский стратег не принял вызова, и Николох поставил трофей. Но вскоре к афинянам присоединились корабли с Керкиры, и флот Тимофея стал численно превосходить спартанский (Xen. Hell. V. 4. 65–66).

Список членов Второго Афинского морского союза, опубликованный под декретом Аристотеля, фиксирует присоединение следующих членов: Акарнаний (IG II² 43. I. 100), Пронн, одного из четырех полисов Кефаллени (IG II² 43. I. 102), царя молоссов Алкета и его наследника Неоптолема (IG II² 43. I. 103–104).

После очередных мирных переговоров афиняне приказали полководцу возвращаться. Он подчинился, но предварительно высадил на Закинфе изгнанников. Жители полиса обратились к за помощью к Спарте. Лакедемоняне ответили тем, что возобновили войну — была снаряжена большая эскадра, которая направилась против Керкиры (Xen. Hell. VI. 2. 2–4). Из текста Ксенофонта следует, что спартанцы возобновили войну почти сразу же. Но Д. Коуквел отмечает, ссылаясь на текст «платейской» речи Исократа (Isocr. 14), что на момент разрушения фиванцами Платей (373 г. до н.э.) Афины и Спарта еще находились в состоянии мира друг с другом¹⁶.

На помощь союзникам Афины направили отряд из шестисот пелтастов под командованием стратега Ктесикла, который с помощью Алкета Молосского ночью переправился на остров и незаметно вошел в город (Xen. Hell. VI. 2. 10–11). Одновременно афинская эkklesia постановила направить к Керкире шестьдесят кораблей под командованием Тимофея. Но стратег, по словам историка, не смог набрать в Афинах необходимого числа экипажей для кораблей и попытался набрать их на островах (Xen. Hell. VI. 2. 12). Вероятно, историк имел в виду острова в Эгейде, потому что ниже он написал, что Тимофей не решался плыть вокруг Пелопоннеса с эскадрой, набранной на скорую руку (Xen. Hell. VI. 2. 12). Это также подтверждается данными эпиграфики: к 373 г. до н.э. относится вступление во Второй Афинский морской союз островных полисов (см. ниже).

Плавание Тимофея вокруг островов Эгейды, фракийского побережья и Пропонтиды кажется странным, если принять указание Ксенофонта, что эскадра была снаряжена для похода на помощь Керкире. Вероятнее, на наш взгляд, что экспедиция 373 г. до н.э. изначально была направлена на расширение Второго Афинского морского союза, а приказ плыть в Ионическое море Тимофея получил, уже позднее.

Диодор Сицилийский пишет, что Тимофей поплыл во Фракию и склонил там много городов к союзу с Афинами: πλεύσας ἐπὶ Θράκης καὶ πολλὰς πόλεις ἐπὶ συμμαχίαν προκαλεσάμενος (Diod. XV. 47. 2). Сведения сицилийского историка при описании дальнейших событий 373 г. до н.э. противоречат Ксенофону. Диодор пишет, что афиняне сначала отстранили Тимофея, но после его прибытия на родину с представителями присоединенных городов и тридцатью новыми триерами восстановили в должности. Более того, Тимофей вместе с Ификратом повел объединенную эскадру на Керкиру (Diod. XV. 47. 3. 7). Эти сведения нельзя признать достоверными, потому что они противоречат данным современников со-

¹⁶ Cawkwell 1963, 85.

бытий Ксенофонта и Демосфена. Но, как отмечает Э. Вудхед, остальное содержание главы 47 Диодора вполне приемлемо¹⁷.

К. Бэрн связывает присоединение ряда новых членов ко Второму Афинскому морскому союзу, отмеченное в декрете Аристотеля Марафонца (lines 112–130), с деятельностью Тимофея¹⁸. Полисами, вступившими в союз, была группа кикладских полисов: Андрос (l. 112), Тенос (l. 113), Микonos (l. 115), полисы Кеоса (l. 119–122), Аморгос (l. 124), Сифнос (l. 126), Сикинос (l. 127). Среди других островных полисов в союз вступили лесбосские Антисса (l. 116) и Эрес (l. 117), Гестия на Эвбее (l. 114). Из региона Пропонтиды: Элеунт (l. 123), Селимбрия (l. 125). Наконец, города фракийского побережья — Дион (l. 128–129) и Неаполь (l. 130).

В списке членов союза есть и соскобленная надпись (IG II² 43. l. 111), от которой сохранилась только последняя буква — «v». Считается, что надпись включала имя тирана Фер — Ясона (Ἰάσων). Э. Вудхед называет более вероятной датой союза фессалийского правителя с Афинами 373 г. до н.э.¹⁹ К. Бэрн отмечает, что возможны и 375 и 373 гг. до н.э., но более вероятной датой он считает 375 г. до н.э. Имя тирана было добавлено одновременно с именами двух других частных лиц, упомянутых на стеле (Алкет и Неоптолем)²⁰. Э.Д. Фролов также поддерживает более раннюю датировку вступления Ясона в союз. Он отмечает, что Алкет Молосский, будучи зависимым от Ясона правителем, мог вступить во Второй Афинский морской союз с согласия и по примеру своего сюзерена²¹. Нельзя с полной уверенностью сделать выбор в пользу одной из дат. Но это событие в любом случае связано с деятельностью Тимофея.

Из-за того, что Тимофей не отправился с флотом в Ионическое море, афиняне отстранили стратега от командования эскадрой и передали ее Ификрату. Последний при наборе экипажей действовал решительнее и быстро снарядил эскадру из семидесяти кораблей, присоединив к ней суда, охранявшие побережье Аттики (Xen. Hell. VI. 2. 13–14).

Основные сведения о процессе Тимофея 373 г. до н.э. содержатся в речи Аполлодора, входящей в корпус Демосфена, против Тимофея. Полководец был отстранен от должности и подвергнут суду за то, что не повел эскадру вокруг Пелопоннеса. Обвинителями выступили Каллистрат и Ификрат. Казначей Тимофея Антиммах был казнен, а сам он сохранил жизнь благодаря заступничеству родных и особенно царя молоссов Алкета и Ясона Ферского (Dem. XLIX. 9–11). После этого Тимофей покинул Афины, отправившись в Персию (Dem. XLIX. 25).

Небольшой период времени Тимофей провел на персидской службе. Для афинских полководцев IV в. до н.э. подобное было характерно: Ификрат служил Одрисскому династу Котису, зятем которого стал, и командовал греческим наемным корпусом в армии персидского сатрапа Фарнабаза. Хабрий дважды поступал на службу к египетским правителям. Как отмечает М. Трандл, заграничная служба была для афинских полководцев четвертого века нормальной и приемлемой. Почти все видные афинские полководцы служили местным правителям в Вос-

¹⁷ Woodhead 1962, 260.

¹⁸ Baron 2006, 388.

¹⁹ Woodhead 1957, 371.

²⁰ Baron 2006, 390.

²¹ Фролов 2001, 164.

точном Средиземноморье в разные моменты своей карьеры. Это следует связать с упадком афинской империи и возросшими возможностями добиться славы, денежных средств и связей вне исключительно афинского контекста для подпитки политической карьеры дома²².

В 373 г. до н.э. Артаксеркс II предпринял попытку подчинить Египет. Командование армией вторжения получил сатрап Фарнабаз, а корпусом греческих наемников — Ификрат. Благодаря действиям афинского полководца была взята крепость Мендесий — одно из укреплений, прикрывавших рукава Нила. Ификрат предложил сразу же двигаться к Мемфису, который не был укреплен, но из-за разногласий с Фарнабазом время было упущено. Разливы Нила сделали пребывание в Египте небезопасным, и персидская армия начала отступление. В это время разногласия полководцев усилились, и Ификрат бежал из персидского лагеря, опасаясь повторить судьбу Конона (Diod. XV. 42–43. 1–3).

Неудача не заставила персов отказаться от попыток овладеть Египтом. Подготовка к новому походу начала вестись сразу после возвращения. С. Ружичка отмечает, что, скорее всего, Фарнабаз не распустил всю армию. После похода сатрап направил в Афины посольство с жалобой на Ификрата (Diod. XV. 48. 1), но основной его целью могла быть вербовка нового командира для наемников Ификрата, остававшихся с Фарнабазом²³.

Корнелий Непот пишет, что Тивфраст и Фарнабаз формировали новое войско для кампании против Египта, но последний был отозван и заменен другим полководцем — Датамом (Nep. Dat. 3. 3–5). С. Ружичка отмечает, что назначение Датама могло привести и к концу службы Тимофея²⁴.

Вероятно, сразу после прекращения службы в Персии Тимофей отправился обратно в Афины. В эпиграфическом документе IG II² 1609, датированном 370/369 г. до н.э., Тимофей упоминается в числе триерархов (IG II² 1609. I. 100).

В 366 г. до н.э. афиняне направили Тимофея на службу сатрапу Ариобарзану с оговоркой: не нарушать мира с царем (Dem. XV. 9). Когда стало очевидно, что сатрап отложился от Артаксеркса II, афинянин оставил службу и осадил Самос, занятый персидским гарнизоном военачальника Кипрофемиды, посланного туда сатрапом Тиграном. Тимофею удалось взять город после девяти месяцев осады (Dem. XV. 9; Isocr. XV. 111).

Д. Хескел анализирует вопросы, связанные с занятием Самоса персидским гарнизоном. По ее мнению, последовательность событий, приведших в итоге к захвату Самоса Афинами, была следующей. В марте-апреле 366/365 г. до н.э. афиняне избрали Тимофея стратегом. В конце весны Ариобарзан направил послов в Афины и, возможно, на Самос и в Спарту с просьбой о помощи в своей локальном конфликте. Афиняне проголосовали за отправку Тимофея для оказания помощи Ариобарзану, а самосцы оформили союз с сатрапом. Сатрап Сард Автофратат, услышав о союзе между ними и подозревая, что сатрап планирует восстать, приказал Тиграну установить контроль над островом. Поздней весной последний поместил на острове гарнизон. Услышав о планах Ариобарзана восстать, афиняне запретили Тимофею нарушать договор с царем. В первой половине июля Тимо-

²² Trundle 2004, 77.

²³ Ruzicka 2012, 122–123.

²⁴ Ruzicka 2012, 124.

фей прибыл в Малую Азию. В том же месяце сатрап начал свое восстание. В конце июля или начале августа афинский полководец направился к Самосу²⁵.

Как отмечает С. Ружичка, действия Тимофея должны были послужить демонстрацией силы, но не дать царю повода для войны²⁶. Р. Сили пишет, что миссия Тимофея должна была послужить угрозой для Персии. Одновременно афиняне вели переговоры о внесении поправок в условия мирного договора — в случае отказа уступить их требованиям Тимофеем мог действительно поддержать Ариобарзана²⁷.

Корнелий Непот упоминает, что за службу Тимофея Ариобарзан передал Афинам города Критоту и Сест на Геллеспонте (Nep. Tim. 1). Это подтверждает и современник событий Исократ, называя их в числе других городов, подчиненных Тимофеем (Isocr. XV. 108). По словам оратора, подчинение этих полисов Тимофеем последовало сразу после завершения осады Самоса (Isocr. XV. 112).

После завершения осады Самоса Тимофеем направился со своим флотом для отстаивания интересов Афин на Халкидике. Его задачей было вырвать Амфиполь, на который претендовали Афины, из-под влияния Олинфского союза. Амфиполь и Херсонес Фракийский некогда были основаны афинянами. По Анталкидову миру эти города должны были сохранять независимость. Возвращение их Афинам было одним из направлений внешней политики полиса в IV в. до н.э. В речи «О преступном посольстве» оратор Демосфен упоминает, что греки и царь Персии признали права афинян на Амфиполь (Dem. XIX. 253). В речи оратора «Против Филиппа», в свою очередь, говорится о признании прав афинян на Херсонес Фракийский (Dem. IX. 16).

В современной историографии высказываются противоположные точки зрения на то, когда это произошло: во время мирных переговоров 371, 369 или 366 гг. до н.э. Мы располагаем лишь фрагментарными сведениями о военных действиях в Северной Эгеиде. В 369 г. до н.э. афиняне направили против Амфиполя Ификрата (Aeshin. II. 27). Около 365 г. до н.э. этот полководец был смещен афинянами и заменен Тимофеем (Dem. XXIII. 149): Ἰφικράτην ἀποστράτηγον ἐποιήσατε, Τιμόθεον δ' ἐπ' Ἀμφίπολιν καὶ Χερρόνησον ἐξέπεμψατε στρατηγόν.

Тимофеем руководил операциями в северной Эгеиде приблизительно с 365 по 362 гг. до н.э. Источники слабо фиксируют развитие событий в этом регионе, поэтому чрезвычайно сложно реконструировать ход войны. Известно, что Тимофею за время своего командования удалось подчинить халкидские полисы Торону и Потидею (Diod. XV. 81. 6; Isocr. XV. 113). Полиэн пишет о попытке афинского полководца напасть на Олинфскую область. Учитывая характер и цель создания «Стратегем», Полиэна интересуют тактические решения. Он указывает, что Тимофеем построил войско прямоугольником, поместив в центр обозы и конницу, чтобы сделать невозможными атаки конницы олинфян (Pol. XIII. 10. 7). Учитывая расстояние между Олинфом и Потидеей, стоит предположить, что атака на важнейший полис Халкидского союза была осуществлена полководцем после взятия Потидеи. У нас нет никаких сведений об осаде Тимофеем Олинфа. Возможно, афиняне ограничились опустошением территории вокруг города и не стали осаж-

²⁵ Heskell 1997, 100.

²⁶ Ruzicka 1998, 63.

²⁷ Sealey 1956, 196.

дать сам Олинф. Примечательно, что Полиэн пишет об олинфской коннице, как об опасном противнике. Современник событий Ксенофонт при рассказе о кампаниях Спарты против Олинфа в 380-е гг. говорит об эффективных действиях конницы халкидского полиса (Xen. Hell. V. 2. 40–42. 3. 1–5).

Полиэн дает некоторые сведения и о попытке Тимофея взять Амфиполь. Автор «Стратегем» сообщает, что к городу подошли войска Халкидского союза, превосходившие численностью афинян. Полководец приказал отступать ночью по суше, а триеры, стоявшие на реке Стримон, сжечь (Pol. XIII. 10. 8). Вызывает сомнение, что попытка Тимофея взять Амфиполь не была упомянута современниками-ораторами. Также стоит отметить, что в 360–350-е гг. неудачливые полководцы часто подвергались судебному преследованию в Афинах: с 365 г. до н.э. по 356 г. до н.э. почти каждый год кто-либо из афинских военачальников подвергался обвинению в исангелии²⁸.

Из схолий к Эсхину известно о попытке напасть на Амфиполь военачальника Амфилоха, направленного туда Тимофеем. Но этот полководец со своей частью войска был атакован фракийцами и принужден к сдаче (Schol. Aeschin. 2. 31)

В труде Корнелия Непота упоминается также покорение Тимофеем Византия (Nep. Tim. 1) без указания обстоятельств и времени. Известно, что в 365 г. до н.э. фиванцы под руководством Эпаминонда приступили к строительству собственного флота, первый поход которого состоялся в 364 г. до н.э. Помощь в этом им оказывали представители Родоса, Хиоса и Византия (Diod. XV. 79, 1). В ходе морской экспедиции Эпаминонд, по замечанию историка, посетил эти города (Византий, Хиос, Родос) и сделал их дружественными Фивам (Diod. XV. 79, 1).

В.П. Невская считает, что в результате действий фиванцев Византий вышел из Афинского морского союза, а Тимофей в ходе военной экспедиции вернул его обратно²⁹. В пользу этого говорит и то, что в тексте Корнелия Непота подчинение Византия приводится в одном разделе с кампаниями Тимофея, проводившимися в 360-е гг. до н.э.

С другой стороны, из речи Демосфена известно, что отношения между Афинами и Византием во второй половине 360-х гг. больше не были дружественными: оратор (или заказчик речи) говорит, что жители Византия и Халкедона нападали на корабли с зерном, шедшие в Афины, и принудительно разгружали их. Это вынуждало афинян держать в проливах морские силы (Dem. L. 17). Можно предположить, что после отпадения Византия в 364 г. до н.э. Тимофей выступил против него. В результате этого полис формально вернулся в морской союз, но вскоре вновь перестал считаться с Афинами.

Во второй половине 360-х гг. до н.э. Тимофей и Ификрат объединились. В речи Аполлодора против Тимофея, созданной около 362 г. до н.э., говорится о браке сына Ификрата и дочери Тимофея (Dem. XLIX. 66). Стоит отметить, что после отстранения от командования на севере Эгеиды Ификрат удалился во Фракию. Убедительно выглядит точка зрения Р. Сили, что для возвращения в Афины ему нужен был союз с Тимофеем³⁰.

²⁸ Hamel 1998, 151–155.

²⁹ Невская 1956, 106.

³⁰ Sealey 1956, 199.

Влиянию Тимофея в Афинах противопоставляется другой полководец — Харес, заявивший о себе за несколько лет до этого. Союзником Хареса был влиятельный политик Аристофон Азениец. Р. Сили выделяет три основные политические группировки в Афинах второй половины 360-х гг. до н.э.: Каллистрата, Тимофея и Аристофонта. Преобладание на некоторое время получила последняя³¹. П. Сэлмонд отмечает, что основное различие между Тимофеем и Харесом касалось отношения к союзникам, и здесь последний был неосторожен в своих действиях³². Примером последнего могут служить действия Хареса на Керкире в 361 г. до н.э. и, по свидетельству Диодора, устроил там серьезную гражданскую распрю, приведшую к гибели многих людей (Diod. XV. 95. 3). Вероятно, полководец, поддерживав одну из группировок, вмешался в политическую борьбу полиса, что противоречило принципам Второго Афинского морского союза — невмешательство в политическую жизнь союзников.

В 357 г. до н.э. на Эвбее началась борьба между разными полисами (Diod. XVI. 7. 2). Разные стороны конфликта обратились за помощью к Афинам и Фивам соответственно. Диодор Сицилийский подчеркивает упорный характер последовавшего противостояния. Но в итоге был заключен мир, по которому фиванцы покидали Эвбею (Diod. XVI. 7. 2). Речь Демосфена показывает роль Тимофея в этом конфликте. Он выступил в народном собрании, убеждая прийти на помощь эвбейцам против уже высадившихся на острове фиванцев (Dem. VIII. 74). Оратор говорит: «Если сказал это Тимофей, то выполнили это вы» (Dem. VIII. 75). Вероятно, сам полководец не принимал участие в боевых действиях на острове.

Последний раз Тимофей командовал флотом в ходе Союзнической войны 357–355 гг. до н.э. Это был конфликт между Афинами и коалицией бывших союзников — Византия, Коса Родоса и Хиоса, поддержанных карийским династом Мавсолом. Первоначально Хабрий и Харес выступили против Хиоса, куда стянулись войска и других восставших полисов. Атака на город с суши и с моря потерпела поражение, а Хабрий погиб в бою (Diod. XVI. 7, 3–4).

Афиняне снарядили новую эскадру, которую возглавили Харес, Ификрат и Тимофей (Diod. XVI. 21. 1). Согласно Корнелию Непоту, в должности стратега с ними был также Менесфей — сын Ификрата и зять Тимофея (Nep. Tim. 3).

После победы на Хиосе союзники опустошили принадлежащие Афинам острова Имброс и Лемнос и осадили Самос. Афинский флот выступил против Византия, и союзники сняли осаду Самоса. Оба флота встретились в Геллеспонте. Из-за начинающейся бури Ификрат и Тимофей вопреки приказу Хареса отказались вести свои корабли в бой. Последний написал письмо народному собранию, в котором обвинил полководцев в предательстве (Diod. XVI. 21. 2–4).

Получив единоличное командование, Харес присоединился к восставшему против персидского царя Артаксеркса III сатрапу Артабазу, чтобы добыть денег для продолжения войны. Стратегу удалось одержать победу, но царь Персии потребовал отзыва Хареса, угрожая Афинам войной. Народное собрание постановило заключить мир с бывшими союзниками (Diod. XVI. 22. 1–2).

Согласно Непоту, после отстранения Тимофей был вновь подвергнут суду, по результатам которого должен был внести сто талантов штрафа. После суда пол-

³¹ Sealey 1956, 200–201.

³² Salmond 1996, 44.

ководец удалился на Халкидику (Нер. Тим. 4), где, вероятно, вскоре скончался. После смерти Тимофея народное собрание сократило размер штрафа до десяти талантов. Эту сумму сын Тимофея Конон внес на ремонт одного из участков Длинных стен (Нер. Тим. 4).

В завершении следует коснуться вопроса о роли Тимофея, а также его современников-полководцев в политической жизни Афин.

Развернутая концепция политического лидерства этой эпохи принадлежит М. Хансену. Он пишет, что после восстановления демократии в 403 г. до н.э. в политическом лидерстве Афин произошел раскол между стратегами и ораторами. Полководцы (Ификрат, Тимофей, Хабрий, Харес) редко выступали в качестве ораторов, в то время как в народном собрании господствовали личности, которые никогда не избирались стратегами — Евбул, Демосфен, Демад, Гиперид, Ликург³³.

Причиной этого историк называет растущую специализацию ораторского искусства с одной стороны и военных технологий — с другой. В народном собрании господствовали ораторы, специально обученные этому искусству, а гражданское ополчение все больше уступало дорогу наемникам под командованием профессиональных военачальников. Они удостаивались афинского гражданства, но не пользовались таким же доверием, как уроженцы Афин³⁴.

Начало разделения лидеров на «стратегов» и «ораторов» относят еще к Пелопоннесской войне³⁵. Это могли быть военачальники, которые вообще не имели политической позиции и посвятили себя военной карьере, неоднократно занимая посты стратегов и не вмешиваясь в борьбу группировок³⁶. Наиболее яркими представителями этого типа лидеров являются полководцы Демосфен и Формион. Тогда же в политической жизни Афин выдвигаются демагоги, самым влиятельным из которых был Клеон, сын Клеонета. Но и в эпоху Пелопоннесской войны были лидеры, совмещавшие военную и политическую деятельность — Никий, Алкивиад, Ферамен, Фрасибул.

Характеристика, данная М. Хансеном политическому лидерству Афин IV в. до н.э., на наш взгляд, соответствует периоду, следовавшему за Союзнической войной. Именно к этому времени относится выдвижение Демосфена, Ликурга, Гиперида и других лидеров, не избиравшихся стратегами.

Однако факт выступления Ификрата против Тимофея в 373 г. до н.э. в суде говорит о том, что стратеги принимали участие и во внутривнутриполитической жизни Афин. Оратор Каллистрат, определявший политику полиса после 373 г. до н.э., в свою очередь, дважды занимал должность стратега. Демосфен, как отмечалось выше, в речи «О делах в Херсонесе» сообщает о выступлении Тимофея в народном собрании с призывом оказать помощь Эвбее.

Деятельности Тимофея в 370-е гг. до н.э. Афинский морской союз обязан вступлением в него значительной части полисов. Наибольшим влиянием полководец пользовался в Афинах в период 378–373 гг. до н.э. и 366–357 гг. до н.э.

Тимофея отличала осторожная политика по отношению к союзникам, что соответствовало афинской политике 370-х гг. до н.э. Дипломатические способности

³³ Hansen 1991, 269–270.

³⁴ Hansen 1991, 270.

³⁵ Виппер 1995, 235; Rhodes 2006, 121, 265.

³⁶ Суриков 2012, 76–77.

стратега особенно проявились в ходе кампаний 375 и 373 гг. до н.э., которые способствовали расширению и укреплению морского союза.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабст И. К.* 1851: Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распада. М.
- Белох Ю.* 2009: Греческая история. М.
- Бузескул В. П.* 2003: История Афинской демократии. СПб.
- Виппер Р. Ю.* 1995: Лекции по истории Греции. Ростов-на-Дону.
- Курциус Э.* 2002: История Древней Греции. Т. IV. Минск.
- Невская В. П.* 1953: Византизм в классическую и эллинистическую эпохи. М.
- Суриков И. Е.* 2011: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.
- Фролов Э. Д.* 2001: Греция в эпоху Поздней Классики (Общество. Личность. Власть). СПб.
- Baron C.* 2006: The Aristoteles Decree and the Expansion of the Second Athenian League // JASCSA. 75, 379-395.
- Bury J. B.* 1900: A History of Greece to the death of Alexander. London.
- Cawkwell G.* 1963: Notes on the Peace of 375/4 // HZAG. 12, 84-95.
- Davies J. K.* 1971: Athenian Propertied Families. Oxford.
- Hamel D.* 1998: Athenian generals: military authority in the classical period. Leiden.
- Hansen M. H.* 1991: Athenian democracy in the age of Demosthenes. Structure, principles, and ideology. London.
- Heskel J.* 1997: The North Aegean wars, 371-360 B. C. Stuttgart.
- Rhodes P. J.* 2006. History of the Classical Greek World 478-323 B.C. Carlton.
- Ruzicka S.* 1998: Epaminondas and the Genesis of the Social War // CPh. 93, 60-69.
- Ruzicka S.* 2012: Trouble in the West: Egypt and the Persian Empire, 525-332 B. C. Oxford.
- Sealey R.* 1993: Demosthenes and His Time. A study in defeat. Oxford.
- Sealey R.* 1956: Callistratos of Aphidna and his Contemporaries // HZAG. 5, 178-203.
- Trundle M.* 2004: Greek mercenaries. From the Late Archaic Period to the Alexander. London; New York.
- Woodhead A. G.* 1962: Chabrias, Timotheus, and the Aegean Allies, 375-373 B.C. // Phoenix. 16, 258-266.
- Woodhead A. G.* 1957: IG II² 43 and Jason of Pherae // AJA. 61, 367-373.

TIMOTHEUS: BIOGRAPHICAL ESSAY

N. V. Razumov

The article is an attempt to reconstruct the biography of the Athenian general Timotheus (the 4th century BC). The author analyses the data of historiography sources concerning the general, considers the role of Timotheus in the political life of his polis, and particular qualities of political leadership Athens in the 4th century BC.

Key words: Timotheus, Athens, the Second Athenian Union, Sparta, the Achaemenid Empire

М. ЮНИЙ ГРАКХАН И Г. СЕМПРОНИЙ ТУДИТАН: К ИСТОКАМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНАТА В РИМСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В римской историографии I в. до н.э. было выработано несколько концепций плебейского трибуната. Варрон рассматривал трибунат как магистратуру, Веррий Флакк как плебейскую магистратуру, а Цицерон был склонен выводить трибунат за пределы магистратуры. Как представляется, несохранившиеся сочинения *Libri magistratuum* Тудитана и *De potestatibus* Гракхана, в которых трибунат и магистратура рассматривались с точки зрения сенатской олигархии и популяров соответственно, послужили основными источниками для Варрона и Цицерона.

Ключевые слова: М. Юний Гракхан, Г. Семпроний Тудитан, плебейский трибунат, римская юриспруденция

Римская юриспруденция оставила нам лишь отдельные, крайне редкие упоминания об институте плебейских трибунов. Эта фрагментарность связана не только с плохой сохранностью источников¹, но, как представляется, и с тем, что трибунат для римских юристов не являлся объектом специальных исследований, в отличие от других магистратур, как и объектом особого интереса, каковым он был для политической философии, антикваров, а также историков и риторов, что само по себе может показаться достаточно странным, учитывая ту роль, которую играло право в римском сознании². Примечательно, однако, что и в современной науке исследование трибуната началось с его политико-философского осмысления в эпоху Просвещения и Нового времени³. Романистика же (как наука о римском праве) сложилась лишь в XIX в., благодаря стараниям ряда известных немецких исследователей-юристов, в первую очередь Т. Моммзена, который, используя опыт немецкой пандектистики, перенес системный анализ на исследования римских институтов публичного права, создав, по сути, новый жанр системных институциональных исследований римской конституции⁴. Парадокс, однако, состоит в том, что Т. Моммзен своим уничижительным отношением к трибунату и отождествлением его с магистратурой немало способствовал понижению внимания юристов к данному институту как важному для понимания римской конституции, переведя его своей «системой» в плоскость истории⁵.

Павлов Андрей Альбертович — доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета. E-mail: aarpavlov@rambler.ru

¹ Хотя мы знаем десятки имен авторов II—I в. до н.э., от их работ, в лучшем случае, сохранились жалкие фрагменты. Достаточно большой список ранних римских юристов и их работ оставлен нам Помпонием (D. 1. 2. 2. 35-53). Фрагменты их работ собраны и опубликованы Ф. Бремером (Bremer F.P. (ed.) 1896). В силу сохранности материала исследованию отражения трибуната в римских юридических источниках в современной историографии уделено очень мало внимания. См., например: Sini 2007, 6; Sini 1996, 80-94.

² См., например: Томсинов 1995а, 34-41; Томсинов 1995б, 35-45; Томсинов 1995в, 56-64.

³ См.: Catalano 1971.

⁴ См., например: Kunkel 1984, 369-380; Nippel 2005, 165-184; Дементьева 2005, 180-193.

⁵ Возрождение интереса к институту среди юристов произошло лишь в последней четверти XX в., прежде всего благодаря исследованиям итальянских (Джованни Лобрано, Пиеранджело Ка-

При создании своего «Римского государственного права» Т. Моммзен использовал не только опыт пандектистики, но и излюбленного в XIX в. жанра «древностей», восходящего своими корнями к «Antiquitates» Варрона. Подобное переплетение юридических и антикварных исследований римского публично-правового порядка было характерно и для немецкой историографии второй половины XIX в. в целом. То же можно сказать и о публично-правовых и антикварных исследованиях самих римлян II–I вв. до н.э.⁶

Римская юриспруденция, истоки которой уходят к жреческой авгуральной и понтификальной практике царского периода, стала складываться как светская наука в III в. до н.э.⁷ Изначально определяющую роль в ней играли частноправовые исследования, прежде всего комментарии к гражданскому и преторскому праву, что хорошо видно и из состава Дигест Юстиниана⁸, однако и публичному праву, под которым понимали «священнодействия, служение жрецов, положение магистратов» (D. 1. 1. 1. 2), придавалось большое значение. В рамках данной триады основное внимание в раннее время исследователи сосредоточивали на *sacra* и *sacerdotes* в силу их особого значения во взаимоотношениях общины с богами⁹, однако в конце II в. до н.э. были сделаны попытки систематизировать также и сферу *ius magistratum*.

Первыми сочинениями такого рода были «Magistratum Libri» Гая Семпрония Тудитана и «De potestatibus» Марка Юния Конга Гракхана¹⁰. Они должны были задать определенные каноны для анализа магистратуры и соотношения ее с трибуналом. Мы можем полагать, что подходы и оценки Гракхана и Тудитана оказали влияние не только на последующую юридическую историографию, но, прежде всего, на основные его трактовки, выработанные в I в. до н.э. в рамках политико-философской и антикварно-грамматической традиции Цицероном и Варроном. Их концепции рассмотрены нами в специальных статьях¹¹. Здесь нет возможности возвращаться к их подробному изложению¹². Наша задача — обратившись к

талано), а затем и латиноамериканских романистов.

⁶ См., например: Павлов 2012б, 52–56.

⁷ О римской юриспруденции и юристах III в. до н.э. см., например: Sini 1995. См. также: Кофанов 2006.

⁸ См.: Кофанов 2001, 12–24. Это наложило влияние и на современную юридическую романистику, по-прежнему находящуюся под влиянием немецкой пандектистики XIX в., зачастую рассматривающую римское право только как частное и отказывающуюся придавать римскому публичному праву важное значение для современной теории и практики. Для этого достаточно взглянуть на содержание современных учебников по римскому праву, структура которых остается практически неизменной с XIX в. См., например: Дождев 1996; Санфилиппо 2002; Франчози 2004.

⁹ См.: Сини 2001, 8–30; Кофанов 2001, 7–61. Благодаря своей древности и сакральному характеру традиция, касающаяся этой сферы римской жизни, как восходящая к корпоративному знанию жреческих коллегий, считается наиболее достоверной (см.: Sini 1999, 76–108; Sini 2005, 22–49; Сини 2006, 188–201).

¹⁰ Ни одна из этих работ не сохранилась. Фрагменты их собраны Ф. Бремером, Х. Петером и Х. Фунайоли. См.: Bremer 1896, 35–40; Peter 1883, 89–92; Funaioli 1907, 120–121.

¹¹ Павлов 2004, 19–39; Павлов 2010, 159–178; Павлов 2012а, 25–46.

¹² Цицерон, Варрон дают нам два различных подхода к объяснению характера трибунской должности. Цицерон склоняется к тому, чтобы вывести трибунал за пределы магистратуры (Leg. III. 9); Варрон, напротив, рассматривает его как неотъемлемую часть внесловесной магистратуры, имеющей специфические цели по защите плебса. Что касается оценки института, то Цицерон выражает умеренно оптиматский взгляд на трибунал. Он выступает против тех оптиматов, которые видели в нем абсолютное зло. По его мнению, трибунал способствовал укреплению смешанной конституции,

тем немногим сведениям, которые есть об авторах и их трудах, попытаться понять, как Гракхан и Тудитан систематизировали трибунат и какое влияние они оказали на построения Цицерона и Варрона.

Социальные и политические противоречия, которые были вскрыты движением Гракхов, нашли непосредственный отклик в противостоянии и внутри римской историографии, развернувшимся в явной или скрытой полемике «програкханцев» и «антигракханцев». Эта полемика способствовала, как полагают некоторые исследователи, возникновению новых историографических направлений и жанровых форм¹³. Отражением этих процессов стало появление в постгракханский период сочинений «*Magistratum libri*» Г. Семпрония Тудитана и «*De potestatibus*» М. Юния Конга Гракхана. Обычно эти сочинения рассматриваются как юридические¹⁴, однако для самих римских юристов это не было столь очевидно¹⁵, они действительно имели много общего с антикварными работами. В современной историографии утвердилось мнение об антагонизме подходов Тудитана и Гракхана к анализу магистратуры¹⁶.

Гай Семпроний Тудитан был достаточно известным политиком и исследователем второй половины II в. до н.э.¹⁷ Дошедшие до нас цитаты из его сочинений относятся к трудам эпохи империи¹⁸, что ставит вопрос относительно его известности как исследователя в I в. до н.э.¹⁹ Цицерон не раз вспоминает о нем

защите свободы народа, но и сдерживанию его произвола. Позиция Варрона более консервативна. Он лишает трибунов своей социальной опоры (*plebs, tribus*), уделяя большее внимание «негативным» их полномочиям, в чем его воззрения оказываются тесно связанными с идеями, которые были реализованы в антитрибунском законодательстве Суллы.

¹³ Так, Э. Роусон выделила два временных отрезка, связанных с политическими новациями в Риме, на которые приходится всплеск антикварных исследований — это постгракханская эпоха конца II в. до н.э. и 50-е гг. до н.э. (См.: Rawson 1972, 35).

¹⁴ Е.g.: Sini 1996, 80-94. Некоторые исследователи полагают, что у Тудитана, помимо «*Magistratum libri*», было и историческое сочинение, условно именуемое «*Annales*». Именно к нему отнес ряд сохранившихся фрагментов Тудитана Х. Петер (Peter 1883, 89-90). С легкой руки Ф. Маркса и К. Цихориуса (Marx 1905, 220-223; 227-228; Cichorius 1908, 109-127), назвавших Юния Конга молодым историком, многие и сегодня относят его именно к историкам (см., например: Веселовский, Горенштейн 1994, 186 (прим. 163); Гаспаров 1989, 369).

¹⁵ Римский юрист II в. Помпоний, рассмотревший в своем «Пособии» (D. 1. 2. 2) историю формирования римского права и перечисливший многих более-менее известных римских юристов с древнейших времен до I в., не упоминает ни Тудитана, ни Гракхана. Единственную ссылку на Гракхана мы можем найти во фрагменте книги Ульпиана «Об обязанностях квестора» (D. 1. 13. 1pr; 1. 13. 1. 1).

¹⁶ По мнению М. Бретоне (Bretone 1982, 14), Тудитан рассматривал трибунат и магистратуру с точки зрения сенатской олигархии. Р.А. Бауман, изучивший вопрос политической ориентации римских юристов рассматриваемого периода, утверждает, что конструкция должностной власти Гракхана была отражением воззрений популяров (Bauman 1983, 292).

¹⁷ Согласно Цицерону, он занимал свои почетные должности в соответствии с принятыми нормами относительно подобающего для их занятия возраста (*ad Att.* XIV. 2). Он был военным трибуном 146 г. до н.э. (*Cic. ad Att.* XIII. 33. 3), квестором 145 г. (*Cic. Ad Att.* XIII. 4. 1), претором 132 г. (*Cic. ad Att.* XIII. 30. 2; 32. 2), консулом 129 (*Cic. Q. fr.* III. 5. 1; *Resp.* I 14; *Nat. deor.* II. 14; *Vell.* II. 4. 4; *Oros.* V. 10. 9; *Liv. Per.* LIX; *App. Illyr.* 10). Будучи консулом, вел войну с иапидами (*Liv. Per.* LIX; *App. Illyr.* 10), разбил истров и установил в этой связи свою статую (*Plin. NH.* III. 129). См.: Münzer 1923, 1441-1443.

¹⁸ *Dionys.* I. 11. 13; *Ascon. ad Cornel.* P. 76. Or. 68K; *Plin. NH.* XIII. 84; *Plut. Tit. Flam.* 14; *Gell.* VII. 4. 1; XIII. 15. 4; *Macrobian.* Sat. I. 13. 21; 16. 32.

¹⁹ Тудитан не цитируется ни Цицероном, ни Варроном, ни Веррием Флакком. Однако можно все же полагать, что труд Тудитана был известен Варрону, а также его современнику и известному

в своих произведениях и письмах, но при этом никогда не ссылается на его работы. Складывается впечатление, что он был знаком с ним лишь понаслышке и представлял для него интерес не столько как автор, сколько как выразитель определенной политической линии. Впервые у Цицерона имя Тудитана появляется в 54 г. до н.э. в письме к брату Квинту (Q. fr. III. 5. 1) при указании на 129 г. до н.э. (к которому относится действие диалога «О государстве») как на год его консулата (ср. Resp. I. 54). Однако никаких упоминаний его работы, которая могла быть полезной Цицерону при написании его диалогов «О государстве» (54 г. до н.э.) и «О законах» (52 г. до н.э.), у Цицерона нет²⁰. Прямую оценку личности Тудитана мы обнаруживаем в диалоге «Брут», написанном в 46 г. до н.э., где Цицерон, сам один из участников диалога, характеризуя способности ранних ораторов, говорит: *«Гай Тудитан, известный своим утонченным образом жизни и образованностью, славился также и изяществом речи. Таков же был и тот, кто терпением отомстил за оскорбление Тиберию Гракху — Марк Октавий, гражданин, на редкость преданный общественному благу»* (Brut. 95; пер. И. П. Стрельниковой). Сравнивая Тудитана с Марком Октавием, Цицерон противопоставляет его тем самым Т. Гракху. В этом контексте Тудитан для Цицерона — «оптимат» и сторонник Сципиона Эмилиана²¹. Наконец, в нескольких письмах 45 г. до н.э. к Аттику Цицерон, собирая материал для своих последних сочинений, спрашивает его о Тудитане, о его участии в числе 10 легатов, направленных в Грецию в консульство Муммия (146 г. до н.э.), и о времени занятия им магистратур, а в последнем из них, выражая благодарность Аттику за предоставленную информацию, пишет: *«Об этом Тудитане, прадеде Гортензия, я совсем не знал и считал, что легатом был сын, который тогда им не мог быть»* (ad Att. XIII. 6. 4; пер. В. О. Горенштейна). Как оказалось, Цицерон перепутал его с отцом (имевшим тот же преномен), который был сенатором и членом упомянутой коллегии при Муммии. Тот факт, что подобный казус, демонстрирующий плохую осведомленность Цицерона о своем персонаже, произошел в 45 г. до н.э., спустя ряд лет после написания «О государстве» и «О законах», может также подтверждать отсутствие близкого знакомства Цицерона с сочинением Тудитана и неиспользование его при работе над данными диалогами.

В отличие от Тудитана, работа и личность Юния хорошо знакомы авторам II–I в. до н.э. Цицерон называет М. Юния Конгом (De orat. I. 256), также делает и Луцилий, который видит в нем наилучшего для себя читателя (Lucil. 595), адресуя ему свою книгу. Варрон ссылается на его работу неоднократно, называя автора просто Юнием (LL. V. 42; 48; 55; VI. 33; 34); лишь однажды он упоминает его как Марка Юния, а работу его именует «Заметками» (VI. 95). Впервые М. Юний появляется с прозвищем Гракхан у Плиния Старшего, который объясняет происхож-

авгуру М. Валерию Мессале Руфу (см. ниже).

²⁰ Сам выбор года его консулата для действия диалога «О государстве» носит, однако, оценочный характер. На него приходится гибель П. Сципиона Эмилиана, первоначально друга, а впоследствии противника Гракхов, в связи с чем диалог становится своего рода политическим завещанием Сципиона.

²¹ Аппиан замечает (BC. I. 19), что в 129 г. до н.э. по предложению Сципиона сенат поручил консулу Тудитану заниматься спорными вопросами по поводу распределения земель, в соответствии с законом Т. Гракха. Однако тот отправился в поход в Иллирию, что привело к бездействию комиссии по распределению земли и недовольству народа.

дение прозвища дружбой с Г. Гракхом²². Как Гракхан он фигурирует и в текстах Ульпиана (D. 1. 13. 1pr) и Иоанна Лида (Lyd. Mag. I. 24), которые именуют его сочинение как «De potestatibus». Разночтения в употреблении прозвища вызвали полемику в историографии. Уже К. Цихориус объединил М. Юния Конга, адресата Луцилия, с М. Юнием Гракханом²³. Эту позицию поддержал и Г. Виссова, предположивший, что Цицерон избегал именовать его Гракханом, дабы не вызывать контаминации с революционными трибунами²⁴ (подобное употребление, однако, было общим для его времени). Напротив, Х. Бардон указал на то, что ни Луцилий, друг Сципиона Эмилиана, ни оптимат М. Антоний, в чьи уста вкладывает Цицерон позитивную характеристику труда Юния (De orat. I. 256), не могли быть в дружественных отношениях с человеком, получившим прозвище Гракхан²⁵.

Биография Гракхана малоизвестна. С уверенностью нельзя говорить о каких-то занимаемых им должностях, что само по себе примечательно. Более-менее приблизительно можно говорить о времени его жизни. Цицерон отмечает (Leg. III. 49), что М. Юний Конг адресовал свой труд отцу Аттика²⁶, Титу Помпония, которого он называет приятелем (sodalis) Конга, а соответственно возраст последнего должен был примерно совпадать с возрастом Помпония²⁷. Таким образом, он родился около 143 г. до н.э.²⁸ На то указывает и посвящение Луцилием своей книги сатир, опубликованной в 123 г. до н.э., Юнию Конгу (Lucil. 595). Умер же он около 60 г. до н.э.²⁹ Когда он получил свое прозвище *Gracchanus*, однозначно сказать нельзя, но учитывая то, что Плиний говорит об *amicitia* между Конгом и Г. Гракхом, и памятуя о политическом характере римской дружбы, должно полагать, что свое прозвище он получил именно за принадлежность к группировке последнего, а не просто за высказывание идей в соответствующем духе³⁰. По предположению Б. Ранкова, Юний Конг мог быть трибуном 122 г. до н.э., упомянутым в *Tabula Bembina*³¹, с которым, как он полагает, был связан один из двух предшествовавших изложенному в табличке *lex de repetundis* (CIL. I² 583 = Bruns. FIR.¹⁰ lin. 23; 74), за что тот и мог получить свое прозвище³². Насколько мы знаем из фрагментов его труда, он действительно отстаивал в нем идею суверенитета народа, поднятую на свои знамена Гракхами³³.

²² Plin. NH. XXXIII. 36: «*Iunius <...> qui ab amicitia eius Gracchanus appellatus est*» («Юний <...> который прозван Гракханом по причине его дружбы»).

²³ Cichorius 1908, 123–127.

²⁴ Wissowa 1918, 1031–1033.

²⁵ Bardou 1952, 145–146.

²⁶ Что подтверждает наличие труда в библиотеке Аттика и, соответственно, доступность его для Цицерона.

²⁷ Атик родился в 110 г. до н.э. и был старшим сыном Тита Помпония и Цецилии Метеллы, которой на момент его рождения было около 20 лет. Об Аттике см., например: Byrne 1920; Perlwitz 1992.

²⁸ Wissowa 1918, 1031.

²⁹ Цицерон в речи «Pro Plancio» (58), относящейся к 54 г. до н.э., упоминает о смерти Конга («*praesertim mortuo Congo*»), побуждая думать, что произошла она не так давно.

³⁰ Таким был путь формирования и других прозвищ подобного рода: Marrianus, Sillanus (Cic. Leg. agr. 3. 2. 7).

³¹ «*M. Iunius D. f(ilius) tr(ibunus) pl(ebis)*». О данном эпиграфическом памятнике см.: Сакки 2006, 224–235.

³² Rankov 1987, 92–93.

³³ К такому выводу исследователи пришли, в частности, на основе анализа фрагмента юриста III в. Ульпиана, который, ссылаясь на работу «De potestatibus», сообщает, что, по мнению Гракхана,

Гракхану, очевидно, удалось избежать прямых репрессий, постигших других сторонников Г. Гракха в 122 г. до н.э. Поскольку мы не знаем о занятии им каких-либо должностей, следует предположить, что после разгрома гракханцев он ушел из политики и занялся литературным трудом. Учитывая то, что Луцилий, посвящая ему свою книгу (123 г. до н.э.), ничего не говорит о нем как об ученом, следует полагать, что труд его был написан уже после гракханского противостояния как своеобразный ответ на филооптиматское сочинение Тудитана, в котором он выразил филонародническую концепцию должностной власти. Вместе с тем то, что ему удалось сохранить жизнь и то влияние, которое он имел в среде оптиматов, скорее указывают на умеренность позиции Гракхана. Он вел далекий от публичного образ жизни римского интеллектуала, сторонясь всех перипетий политической борьбы первой половины I в. до н.э., дожив благодаря этому до глубокой старости и получив от Цицерона эпитет *doctissimus*³⁴.

Если, как мы видели выше, Цицерон не был знаком с трудом Тудитана, то совершенно обратная картина вырисовывается относительно знания и использования им сочинения Гракхана. Уже в диалоге «Об ораторе» (55 г. до н.э.), который был частью не только риторической трилогии («Об ораторе» — «Брут» — «Оратор»), но и политической («Об ораторе» — «О государстве» — «О законах»)³⁵, он вкладывает в уста одного из основных участников диалога, Марка Антония, следующую фразу, свидетельствующую о хорошем знакомстве Цицерона с ним (De orat. I. 256): *«Что же касается остальных предметов — истории, знакомства с государственным правом, изучения древностей и подбора примеров, — я, по мере их пользы и своей надобности, позаимствую все это у превосходного человека и знатока, друга моего Конга»* (пер. Ф. А. Петровского). То, что это действительно так, становится ясно из диалога «О законах». Завершая третью книгу, где была дана общая характеристика и систематика магистратуры, Цицерон пишет, что в четвертой книге он намерен рассмотреть права отдельных носителей власти (книга, к сожалению, не сохранилась), сообщая при этом важнейшую информацию о связи его текста с текстом Гракхана (Leg. III. 49): *«Я сделаю это вкратце, если смогу. Ибо об этом твоему отцу написал его товарищ Марк Юний более подробно и притом, — во всяком случае, по моему мнению, — со знанием дела и обстоятельно. Мы же должны о естественном праве размышлять и высказываться по своему разумению, а о правах римского народа говорить только то, что нам оставлено и передано»* (пер. В. О. Горенштейна). Из высказывания следует, что концепция естественного права, которую Цицерон развивает в рамках диалога, в значительной мере — его собственная. Напротив, что касается рассматриваемого им здесь публичного права, то его изложение покоится на традиции, которая, в свою очередь, подробно изложена Юнием, а Цицерон пытается ее только кратко переложить. Если Цицерон собирается вести речь о правах отдельных магистратов

квесторы избирались уже со времен Ромула и Нумы (D. 1. 13. 1pr.; ср. Lyd. De mag. I. 24pr.). Подобное акцентирование внимания Гракхана на народном избрании дало повод уже Й. Рубино (Rubino 1839, 320), а вслед за ним и всей последующей историографии, считать его сторонником суверенитета народа, отстаивающим идеи популяров. Р. А. Бауман, например, называет его книгу «конституционным пособием гракханской группировки» (Bauman 1983, 292). См., также: Утченко 1960, 58-75.

³⁴ Стоит отметить, что Цицерон, давая ему такую оценку, в то же время ничего не говорит о его ораторских способностях, как он сделал это в отношении Тудитана (Brut. 95).

³⁵ См.: Гаспаров 1994, 34.

тов, опираясь на труд Юния, то мы должны допустить, что и предыдущая глава, в которой была изложена систематика магистратуры, также покоилась на труде Юния и являлась краткой выжимкой идей, заложенных в нем. Это позволяет полагать, что представленная в ней Цицероном концепция трибуната как должности, не входящей в состав магистратуры и не подчиняющейся консулату, обладающей *ius cum plebe* (но не *populi*) *agendi* (Leg. III. 9), как и *ius cum patribus agendi* (III. 10) и *ius auxilii* (III. 16), восходит к Юнию. Подобное исключение трибуната из состава магистратуры должно, таким образом, рассматриваться как часть фило-народнической трактовки трибуната³⁶, для которой характерно не только функциональное противопоставление трибуната и магистратуры, но и сословная ее обусловленность, наличие не только «негативных», но и «позитивных» полномочий, реализуемых прежде всего через взаимодействие с плебейским собранием³⁷.

Если Гракхан не включал трибунов в число магистратов, что косвенно подтверждается и названием его работы³⁸, то Тудитан, напротив, должен был рассматривать их в составе магистратуры, ибо название его работы «*Libri magistratuum*» не допускает иного толкования. Именно так поступает Варрон, что побуждает нас поставить вопрос о генетической связи между их концепциями трибуната. Прооптиматская, более консервативная, чем у Цицерона, оценка трибуната Варроном вполне соответствовала воззрениям Тудитана. С большой долей вероятности мы можем говорить о том, что Варрон, в отличие от Цицерона, был знаком с трудом Тудитана. Такой вывод напрашивается из пассажа «Сатурналий» Макробия (V в.), где тот, повествуя о римском календаре и рассуждая о вставном месяце и вставном дне, сообщает, что Тудитан писал о том в третьей книге своих «*Libri magistratuum*»³⁹. Макробий наряду с мнением Тудитана приводит здесь мнения и других авторов, в том числе Юния Гракхана, что подчеркивает тематическую бли-

³⁶ Трактовка трибуната у Плутарха, выраженная в его «Римских вопросах» (81), очень близка к таковой. Плутарх начинает свой анализ также с вопроса, был ли трибуна магистратурой, который в этом ключе оказывается оселком всего рассуждения.

³⁷ Следование Цицерона за моделью Гракхана не означает, однако, полного заимствования и его оценок. Трактовка трибуната у Цицерона, чью позицию в диалоге «О законах» защищает Марк, не демократическая, но умеренно филооптиматская, она противопоставляется позиции радикальной сенатской олигархии, выражаемой в диалоге его братом Квинтом. Для последнего трибуна — абсолютное зло, институт, возникший «во время мятежа и для мятежа» (Leg. III. 19); для Марка — необходимый для свободы народа институт, исполняющий в то же время и охранительную функцию, он позволяет сдерживать произвол не только власти, но и самого народа (III. 23).

³⁸ М. Юний Гракхан, называя свою книгу «*De potestatibus*», очевидно, не просто хотел дать ей иное, чем у Тудитана, название, но вложил в него и иное понимание должностной власти. Гракхан, как можно полагать, не всех должностных лиц (*potestates*) включал в число магистратов, хотя и рассматривал их как обладателей *potestas*.

³⁹ Macrobi. Sat. I. 13. 20-21: «Но о том, когда он впервые был вставлен, сообщают по-разному. Макр Лициний относит начало этого к Ромулу. Антиец во второй книге настаивает, что это избрал Нума Помпилий ради священнодействий. Юний упоминает, что первым вставил день царь Сервий Туллий, которым, как это кажется Варрону, были установлены и рыночные дни. Тудитан в третьей книге «О магистратах» сообщает, что о вставке дня запрашивали те десять мужей, которые к десяти таблицам законов прибавили еще две. Кассий пишет о тех же самых деятелях. Фульвий говорит, что это сделал консул Маний Ацилий в пятьсот шестьдесят втором году от основания города Рима, вскоре после начала Этолийской войны. Но Варрон с помощью сохранившейся записи доказывает то, что был древнейший закон, вырезанный на медном столбе консулами Луцием Пинарием и Фурием, согласно которому к году приписывался вставной месяц» (пер. В. Т. Звиревича).

зость их работ. Дважды в пассаже Макробий прибегает к авторитету Варрона, завершая примеры его мнением, которое считает наиболее авторитетным, поскольку антиквар ссылается на надпись с текстом закона. Учитывая то, что упоминаемые в пассаже авторы являются предшественниками Варрона, мы можем полагать, что все они известны Макробию через посредство пассажа, заимствованного им у Варрона, что подчеркивает знакомство последнего с трудом Тудитана. Это свидетельство Макробия может быть поддержано указанием Авла Геллия на то, что современник Варрона авгур М. Валерий Мессала Руф (консул 53 г. до н.э.) в своем сочинении «Об ауспигиях» заимствовал свой материал о магистратуре из тринадцатой книги «Заметок» Тудитана⁴⁰. Хотя Мессала в сохранившихся фрагментах его труда ничего не сообщает о трибунах, его осмысление римской республиканской конституции очень схоже со взглядами на нее Варрона, что может указывать на их общую зависимость от Тудитана⁴¹. О связи «Древностей» Варрона с сочинением Тудитана может говорить и тематическая, а возможно и структурная близость двух трудов⁴². Можно привести и некоторые другие косвенные данные в подтверждение отмеченной связи⁴³.

Что касается прямой информации о трибунах, то мы имеем единственный фрагмент Тудитана, приведенный в комментарии грамматика и антиквара I в. Аскония⁴⁴ к речи Цицерона «Против Корнелия», в котором он касается вопроса о первоначальном числе трибунов⁴⁵. Как видно из пассажа, Тудитан считал, что первоначально было избрано два трибуна, которые затем кооптировали еще тро-

⁴⁰ Gell. XIII. 15. 4: «Претор, хотя и является коллегой консула, по закону не может выдвигать кандидатуру претора или консула, как, по крайней мере, мы переняли от предков, да и до сей поры соблюдалось, и как ясно изложено в тринадцатой книге «Комментариев» Гая Тудитана, ибо претор имеет меньшую власть, а консул большую...».

⁴¹ Оба исходят из троичной ее систематики: магистратура, сенат, народ; оба не обращаются к сословным понятиям *plebs*, *plebiscitum*; указывают на магистратское право *ius cum populo agendi*, но ничего не говорят о *ius cum plebe agendi*; обоим известны различные типы магистратов, но ни тот, ни другой не говорят о делении магистратов на *m. patricii/plebei*.

⁴² «Antiquitates» Варрона были разбиты на четыре шестикнижия, посвященных тому, кто, где, когда и как действует (August. De civ. Dei. VI. 3). Как мы видели, третья книга Тудитана была посвящена календарю, а тринадцатая — полномочиям магистратов, что пересекается с шестикнижиями Варрона *de temporibus* и *de rebus*. О структуре труда Варрона см.: Кофанов 2006, 50; Сидорович 2005, 196-201.

⁴³ Так, например, в сохранившейся части грамматической работы Варрона «О латинском языке» имеется ряд ссылок на Юния (V. 42; 48; 55; VI. 55; 95), которого Ф. Бремер (Bremer (ed.) 1896, 35-40) и Х. Фунайоли (Funaioli (ed.) 1907, 120-121) рассматривают как Гракхана. Все они связаны с обсуждением Варроном терминов, связанных с топографией Рима либо с календарем. Примечательно, что во всех случаях мнение Юния оспаривается Варроном, а в одном месте в качестве обоснования своей правоты он говорит, что следует более древним авторам, за чем может скрываться нечто большее, чем просто неприятие Юния как грамматика, учитывая то, что Варрон, при наличии у него обеих работ, последовал в трактовке трибуна именно за Тудитаном, а не Гракханом.

⁴⁴ Асконий родился в 3 г., ослеп в 76 и умер в 88 г. В 54–57 гг. написал комментарий к речам Цицерона, имевший характер наставления своим сыновьям. См., например: Benario 1973, 64-71. Фрагменты Аскония собраны Ц. Джарратано. См.: Giarratano (ed.) 1920.

⁴⁵ Ascon. In Cornel. 68K: «Кроме того, некоторые сообщают, что там (на Священной горе. — А.П.) были избраны не два плебейских трибуна, как утверждает Цицерон, а пять, по одному от каждого класса. Также есть те, которые и Цицерон, говорят о двух, среди них Тудитан и Помпоний Атик, а также и наш Ливий. Но те же Ливий и Тудитан прибавляют к ним еще трех, что были избраны этими двумя в качестве своих коллег. Имена двух, выбранных первыми, передают так: Л. Сициний Белут и Л. Альбин Патеркул».

их⁴⁶. Указывая на кооптацию, юрист мог подчеркивать специфику избрания трибунов, поскольку кооптация не применялась при избрании других магистратов, но делать отсюда далеко идущие выводы все же нельзя. Подчеркивание специфики трибуната не мешало Варрону включать его в состав магистратов, хотя это и вело к определенным противоречиям в его систематике.

Большинство сохранившихся фрагментов Гракхана связано с двумя концен-трами, поименованными у Варрона *de temporibus*⁴⁷ и *de locis*⁴⁸. Что же касается *de hominibus* и *de rebus*, то помимо упоминавшихся выше пассажей Ульпиана (D. 1. 13. 1pr.) и Лида (De mag. I. 24pr.) о квесторах, мы имеем лишь два небольших фрагмента. Один, восходящий к «Вопросам в письмах» Варрона, оставлен нам Авлом Геллием (XIV. 8. 1), второй сохранен в глоссе Феста (s.v. Publica pondera. P. 288 L).

Предметом обсуждения в первом является возможность созывать сенат префектом, назначаемым на время проведения *Feriae Latinae*⁴⁹. Как замечает Авл Геллий, Юний и Варрон разошлись в этом вопросе. По мнению первого, *praefectus f.l.c.* не мог созывать сенат, ибо не был сенатором (в силу возраста), по мнению же второго, мог. Доказательством чему Варрон привел сравнение с плебейскими трибунами, которые могли созывать сенат, не будучи сенаторами до плебисцита Атиния⁵⁰. Это различие уже П. Виллемсом было занесено в разряд теоретических, демонстрирующих еще один пункт расхождения двух авторов⁵¹, а Ф. Сини счел его дополнительным доказательством того, что Гракхан интерпретировал «конституционную традицию в народном смысле, отрицая более широкие прерогативы тех магистратур, которые не были основаны на *potestas populi*». Однако подобная интерпретация данного случая не может быть принята⁵². Состояние ис-

⁴⁶ Вновь следует отметить, что мнение Тудитана расходится с таковым Цицерона. Как утверждает Асконий, Цицерон считал, что первоначально были избраны два трибуна (см. Cic. Resp II. 34. 59), впоследствии их число было увеличено до 10 (Leg. III. 9). В вопросе о численности Цицерон, очевидно, следует за Гракханом.

⁴⁷ Так, Варрон (VI. 33) передает объяснение Юния названию месяца апрель, а также его трактовку понятия *inilicium* (VI. 95). Цензорин, говоря о календаре, сообщает, что Юний полагал (20. 4), что первоначально год был десятимесячным (с чем соглашался и Варрон), затем стал двенадцатимесячным, а также передает его мнение относительно происхождения названий месяцев (22. 9). Макробий упоминает его (Sat. I. 13. 20-21) в связи с трактовкой понятия *intercalatio*.

⁴⁸ Варрон упоминает Юния в связи с трактовкой названий *mons Saturnius* (LL. V. 42), *Subura* (LL. V. 48), трех первых триб (LL. V. 55). Примечательно, что у Варрона, много внимания уделившего анализу *loci*, не анализируется происхождение *mons Sacer*, чему Юний, несомненно, должен был уделить внимание.

⁴⁹ Gell. XIV. 8: «Юний утверждает, что префект, оставленный в городе на время Латинских игр, не может созывать сенат, поскольку не является сенатором и не имеет права высказывать свое мнение [в сенате], поскольку префектом становился тот, кто не достиг еще сенаторского возраста. Но Марк Варрон в четвертой книге «Вопросов в письмах» и Атей Капитон в 9-й книге «Заметок» говорят, что префект имел право созывать сенат; и в этой связи Капитон заявляет, что Варрон соглашался в этом с Тубероном, против позиции Юния: «Ибо право созывать сенат, — говорит он, — было и у плебейских трибунов, хотя они не были сенаторами до плебисцита Атиния»».

⁵⁰ Точное время плебисцита неизвестно. Разброс датировок в историографии составляет около 100 лет. А. Астин связывал его с трибуном 197 г. до н.э. (Astin 1969, 38ff.); Дж. Никколини (Niccolini 1934, 129) относил к 149 г. до н.э., Дж. Ротонди — к периоду до 102 г. до н.э. (Rotondi 1962, 330).

⁵¹ Willems 1968, 130.

⁵² Sini 1996, 85. Гракхан не связывает отсутствие этого права у *praefectus f.l.c.* с назначением, не делает этого и его оппонент Варрон, который обращается к *praefectus f.l.c.* как специфическому

точников позволяет в данном случае говорить лишь о том, что Гракхан в отличие от Варрона, не считал возможным соотносить типологически различные должности *praefectus f.l.c.* и *tribunus plebis*.

Единственный фрагмент текста Гракхана, прямо касающийся трибунов, точнее трибунского законодательства, сохранен Фестом (*Fest. s.v. Publica pondera. P. 288 L*). Он приводит текст плебисцита Силия *de ponderibus publicis*, унифицировавший меры объема и веса⁵³. К какой книге он относился, неизвестно, но ссылка на текст плебисцита говорит об основательности исследовательского подхода автора.

Подведем итоги. Первыми сочинениями в Риме, которые обобщили сферу *ius magistratuum*, были труды «*Libri magistratuum*» Г. Семпрония Тудитана и «*De potestatibus*» М. Юния Конга Гракхана, написанные в конце II — начале I в. до н.э. Появившись как следствие социального раскола, связанного с гракханским противостоянием, они концептуально стали отражением взглядов двух оппозиционных лагерей. Сведения о личной жизни, об окружении авторов, отдельные фрагменты их трудов позволяют трактовать позицию Гракхана как филонародническую, а Тудидана как филооптиматскую. Это нашло отражение и в систематике трибуната, о которой, в силу сохранности источников, мы можем делать только предположительные выводы. Гракхан, как это делал впоследствии следовавший за ним Цицерон, очевидно, исключал трибунат из числа магистратуры, наделяя его при этом не только функциональной, но и социальной спецификацией, а также «положительными» полномочиями. Тудитан, за которым, как можно полагать, последовал Варрон, рассматривал трибунат как часть социально недифференцированной магистратуры, рассматривая особенности трибуната как чисто функциональные особенности магистратуры.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский И. Н., Горенштейн В. О. 1994: Примечания к «О государстве» // Цицерон. Диалоги. М., 175–196.

Гаспаров М. (ред.) 1989: Римская сатира. М.

Гаспаров М. Л. 1994: Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.

Дементьева В. В. 2005: Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // ВДИ. 1, 180–193.

Дождев Д. В. 1996: Римское право. М.

Кофанов Л. Л. 2001: Введение // Дигесты Юстиниана / Л. Л. Кофанов (ред.). М., 12–24.

Кофанов Л. Л. 2001: Роль жреческих коллегий в архаическом Риме и развитие жреческого права // Жреческие коллегии в Раннем Риме / Л. Л. Кофанов (ред.). М., 7–61.

Кофанов Л. Л. 2006а: Lex и Ius: возникновение римского права в VIII–III вв. до н.э. М.

Кофанов Л. Л. 2006б: *Antiquitates rerum humanarum et divinarum* Варрона и система римского публичного права // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(17), 45–54.

Павлов А. А. 2004: Плебейский трибунат в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(13), 19–39.

случаю префектуры. Префект города, который, как известно, назначался консулом на время своего отсутствия, включен Варроном в число магистратов, созывающих сенат (ар. Gell. XIV. 7. 4).

⁵³ Время принятия плебисцита неизвестно. Дж. Никколини помещает его после 244 г. Л. Ланге, Ф. Мюнцер, Дж. Ротонди относят его к концу III в. См.: Niccolini 1934, 394–395.

- Павлов А. А.* 2010: Плебейский трибунал между магистратурой и представительством народа: к систематике трибунала у Полибия и Цицерона // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей. Вып. 9 / Э. Д. Фролов (ред.). СПб., 159–178.
- Павлов А. А.* 2012а: Римские концепции трибунала: Марк Теренций Варрон // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 41, 25–46.
- Павлов А. А.* 2012б: «De verborum significatione» Дигест и «De verborum significatu» Веррия Флакка: право и грамматика // Прошлое. Проекция. Презентация. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. трудов / В. В. Дементьева (ред.). Ярославль, 52–56.
- Сакки О.* 2006: Предисловие // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(17), 224–235.
- Санфилиппо Ч.* 2002: Курс римского частного права. М.
- Сидорович О. В.* 2005: Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н.э. М.
- Сини Ф.* 2001: Люди и боги в римской религиозно-юридической системе: рах deorum, время богов, жертвоприношения // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(8), 8–30.
- Сини Ф.* 2006: Палингенезис римских жреческих документов: русско-итальянский научный проект // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(17), 188–201.
- Томсинов В. А.* 1995а: Юриспруденция в духовной культуре Древнего Рима (древнейший период) // Вестник МГУ. Серия «Право». 1, 33–41.
- Томсинов В. А.* 1995б: Юриспруденция в Древнем Риме (классический период) // Вестник МГУ. Серия «Право». 2, 35–45.
- Томсинов В. А.* 1995в: Юриспруденция в Древнем Риме (постклассический период) // Вестник МГУ. Серия «Право». 6, 56–64.
- Утченко С. Л.* 1960: Идея народного суверенитета у римлян // ВДИ. 2, 58–75.
- Франчози Дж.* 2004: Институционный курс римского права. М.
- Astin A. E.* 1969: The Atinii // *Hommages a M. Renard / J. Bibauw* (ed.). Bruxelles, 34–39.
- Bardon H.* 1952: La littérature latine inconnue. Paris.
- Bauman R. A.* 1983: Lawyers in Roman republican politics: a study of the Roman jurists in their political setting, 316–82 BC. München.
- Benario H. W.* 1973: Asconiana // *Historia*. 22, 64–71.
- Bremer F. P.* 1896: *Iurisprudentiae antehadrianae*. I. Lipsiae.
- Bretone M.* 1982: *Tecniche e ideologie dei giuristi romani*. Napoli.
- Byrne A. H.* 1920: *Titus Pomponius Atticus*. Chapters of Biography. Pennsylvania.
- Catalano P.* 1971: *Tribunato e resistenza*. Torino.
- Cichorius C.* 1908: *Untersuchungen zu Lucilius*. Berlin.
- Giarratano C.* (ed.) 1920: *Q. Asconii Pediani Commentarii*. Roma.
- Funaioli H.* (ed.) 1907: *Grammaticae Romanorum fragmenta*. I. Lipsiae.
- Kunkel W.* 1984: Theodor Mommsen als Jurist // *Chiron*. 14, 369–380.
- Marx F.* 1905: *C. Lucilii carminum reliquiae*. Leipzig.
- Münzer F.* 1923: C. Sempronius Tuditanus (92) // *RE*. II, 1441–1443.
- Niccolini G.* 1934: *Fasti dei tribuni della plebe*. Milano.
- Nippel W.* 2005: Der “Antiquarische Bauplatz”. Theodor Mommsens Römisches Staatsrecht // Theodor Mommsen: Gelehrter, Politiker und Literat / J. Wiesehöfer, H. Börm (ed.). Stuttgart, 165–184.
- Rankov B. M.* 1987: Iunius Congus the Gracchan // *Homo Viator: Classical Essays for John Bramble / M. Whitby, P. Hardie* (ed.). Bristol.
- Rawson E.* 1972: Cicero the historian and Cicero the antiquarian // *JRS*. 62, 33–45.
- Perlwitz O.* 1992: *Titus Pomponius Atticus*. Untersuchungen zur Person eines einflussreichen Ritters in der ausgehenden römischen Republik. Stuttgart.
- Peter H.* 1883: *Historicorum Romanorum Fragmenta*. Lipsiae.
- Rotondi G.* 1962: *Leges publicae populi Romani*. Hildesheim.

- Rubino J.* 1839: Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel.
- Sini F.* 1995: A quibus iura civibus praescribebantur. Ricerche sui iuristi del III secolo A.C. Torino.
- Sini F.* 1996: Interpretazioni giurisprudenziali in tema di inviolabilità tribunitia (a proposito di Liv. 3, 55, 6–12) // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1, 80–94.
- Sini F.* 1999: Libri e commentarii nella tradizione documentaria dei grandi college sacerdotali romani // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2(5), 76–108.
- Sini F.* 2005: Diritto e documenti sacerdotali romani: verso una palingenesi // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2(16), 22–49.
- Sini F.* 2007: Una sententia di iuris interpretes sulla inviolabilità dei tribuni della plebe // *Diritto@Storia*. 6.
- Willems P.* 1968: Le Senat de la Republique romaine. II. Aalen.
- Wissowa G.* 1918: M. Iunius Congus Gracchanus // *RE*. 19, 1031–1033.

M. IUNIUS GRACCHANUS AND G. SEMPRONIUS TUDITANUS: SOURCES OF PLEBS TRIBUNATE INTERPRETATION IN ROMAN HISTORIOGRAPHY OF JURISDICTION

A. A. Pavlov

Roman historiography of the 1st century BC developed several concepts of plebs tribunate. Varro considered tribunate as magistracy, Verrius Flaccus saw it as plebeian magistracy, and Cicero was inclined to see tribunate beyond the realm of magistracy. One can presume that basic sources for Varro and Cicero's conceptions were lost *Libri magistratuum* by Tuditanus and *De potestatibus* by Gracchanus in which tribunate and magistracy were considered from the viewpoint of senatorial oligarchy and populares, respectively.

Key words: M. Iunius Gracchanus, C. Sempronius Tuditanus, plebs tribunate, Roman jurisprudence

© 2013

Р. М. Фролов

COETUS КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ В КОРПУСЕ СОЧИНЕНИЙ ЦИЦЕРОНА*

В статье анализируется употребление термина *coetus* Цицероном в политическом контексте. Выделяются основные группы значений слова. Отмечается, что *coetus* называются и неофициальные сходки, и собрания под руководством магистратов, кроме того, термин

Фролов Роман Михайлович — сотрудник Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ им. П. Г. Демидова. E-mail: FrolovRM@yandex.ru

* Исследование проведено при поддержке Минобрнауки РФ по Соглашению № 14.132.21.1027 (проект «Римские *contiones* («народные сходки») в политической практике Республики и Империи», ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.3.2) и в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, шифр проекта: 6.7589.2013).

обозначает любые политические собрания, а также употребляется в абстрактном смысле, указывая на «сообщество, скопление людей». В статье делается вывод о том, что при исследовании политических собраний и совещаний по инициативе частных лиц необходимо особое внимание обращать на контекст употребления понятия *coetus*, поскольку оно оказывается чрезвычайно многозначным.

Ключевые слова: Римская республика, политическая система, политические собрания, Марк Туллий Цицерон, терминология, *coetus*

Анализ терминологии, которая применялась античными авторами для указания на различные политические институты, всегда составлял важную и необходимую часть исследований публично-правовой системы Римской республики, однако часто оказывался сопряженным со значительными трудностями. Так, антиковеды, изучавшие официальные *contiones*, приходили к выводу о том, что в нарративной традиции для обозначения этих собраний как политического института, т.е. для указания на *contiones* «в техническом смысле», нередко применялись слова и выражения, которые могли в определенном контексте обозначать нечто совсем иное, нежели политические сходки-конции¹.

В конце XX — начале XXI вв. было опубликовано значительное количество работ, посвященных магистратским *contiones*, которые до этого находились на периферии внимания исследователей². Но в самое последнее время начинают появляться труды, в которых анализ функционирования официальных конций удачно дополняется рассмотрением других средств политической коммуникации³. Нам кажется весьма перспективным систематическое изучение тех политических собраний и совещаний в республиканском Риме, которые проводились по инициативе частных лиц. Однако если речь идет об исследовании такого рода собраний (по определению неофициальных), то, как не трудно предположить, проблема «терминологической неточности» источников в этом случае должна стоять еще более остро, чем в случае с магистратскими *contiones*.

Обратимся к анализу употребления термина *coetus*⁴, ограничившись в настоящей работе рассмотрением корпуса сочинений Цицерона. При прочтении источников обращает на себя внимание то, что возникавшие без санкции магистратов политические сходки (т.е. собрания для обсуждений, выступлений с речами) нередко называются именно *coetus*. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, как раз этот термин (хотя он часто обозначал политические собрания) на магистратские *contiones* при этом не указывал. Так, согласно Ф. Пина Поло, если *contio* представляла собой «собрание с институциональным значением» (*una asamblea con entidad institucional*), то *coetus* — «любое собрание отдельных лиц» (*reunión cualquiera de individuos*)⁵. *Coetus* — «термин менее формальный, чем другие латинские обозначения собраний», как охарактеризовал его Х.-Ф. Мюллер⁶. Д. Ибель пишет, что в политическом языке *coetus* и *coitio*, обозначали, в отличие от *contio*, неофициальные собрания, запрещенные *mos maiorum*. Термин *coetus*

¹ См., напр.: Pina Polo 1989, 12–27, 34–40.

² Из последних публикаций можно назвать, в частности, Smith, Covino 2010; Jehne 2011; Segenni 2011; Morstein-Marx 2011; Pina Polo 2011; 2012.

³ Morstein-Marx 2012; Steel, Van Der Blom 2013.

⁴ От *co-ire*, см. Шюрбаум 2009, 197; Vaan 2008, 191.

⁵ Pina Polo 1989, 6–7.

⁶ Mueller 2004, 82.

приобрел негативный оттенок и часто связывался с *coniuratio* и *seditio*⁷. Ж. Эллегарш отмечал употребление *coetus* в качестве самого общего обозначения собраний, однако подчеркивал, что слово нередко использовалось как пейоратив⁸.

Итак, *coetus* вполне мог служить одним из понятий политического языка, обозначающих те собрания, которые играли определенную роль в общественной жизни, но проводились не должностными, а частными лицами.

Слово *coetus* встречается у Цицерона 34 раза⁹ и нередко используется им при описании реалий, далеких от политической жизни Рима или имеющих к ней не самое прямое отношение. Как, например, в «*Academica posteriora*» — при повествовании о собраниях последователей Платона (*coetus erant et sermones habere*; *Ac. I. 17*). А в речи «В защиту Сестия» — в замечании о том, что Публия Клодия вместо «кифаристки» (*pro psaltria*) приводят в собрание женщин (*in coetum mulierum*)¹⁰. В связи с отображением общественной жизни, рассуждениями о политике слово употреблено 24 раза. Сгруппируем эти случаи по основным значениям, в которых использован термин.

(1) *Coetus* действительно применяется Цицероном для обозначения собраний, организовывавшихся по инициативе частных лиц. *Coetus nefarius* (*Cat. I. 6*) и *coetus* (*Cat. I. 10*) прямо названо сборище сторонников Катилины в Риме, в частном доме в ночь с 6 на 7 ноября 63 г. до н.э., созданное для обсуждения и подготовки планов заговорщиков. Кроме того, у Цицерона находим пассаж о *coetus amicorum* и *sermones* во время пиров членов *sodalitates*, учрежденных в 205 г. до н.э. (*De sen. 45*). В данном случае возможный политический характер этих собраний не отмечается, однако политическая значимость *sodalitates* как таковых хорошо известна по сообщениям о времени самого Цицерона¹¹.

Кроме этих двух случаев *coetus* может с определенной долей вероятности также обозначать политические собрания или совещания по инициативе частных лиц в пассажах, где Цицерон рассуждает о силе красноречия и применяет *coetus hominum* в качестве указания на все те общественные собрания (сенат, народные сходки, суды), функционирование которых было немыслимым без выступлений с речами (*De Orat. I. 30–31*). Предположение о том, что *coetus* в подобных случаях может обозначать у Цицерона не только официальные собрания, подкрепляется тем, что в другом месте «Диалога об ораторе» он пишет: «*ei contionem aut senatum aut ullum coetum hominum*» (*De Orat. III. 65*). Схожий пассаж — в сочинении «О пределах блага и зла»; Цицерон отмечает, что достойные мысли могут быть открыто высказаны в сенате, перед народом (видимо, в *contio*) и во всех собраниях (*quae in senatu, quae apud populum, quae in omni coetu concilioque profitendae sint*; *Fin. II. 77*). *Concilium* — термин, в техническом смысле обозначавший вполне определенный вид римских собраний¹². Однако в данном случае и это слово, и *coetus*, употреблены как синонимы для указания на все виды политических со-

⁷ Hiebel 2004, 69–70. См.: O'Neill 2001, 152, n. 279.

⁸ Hellegouarch 1963, 92–93.

⁹ См., в частности: TLL. 1912. Vol. 3. 1439–1444, s.v. *coetus*.

¹⁰ *Sest. 116*. Речь идет об инциденте во время жертвоприношения *Bona Dea*. См. об этом, в частности, Tatum 1999, 62–86.

¹¹ См., напр., *Comm pet. 19*; Gruen 1995, 228–229. В «*Commentariolum petitionis*» идет речь о важности взаимодействия с членами *sodalitates* для достижения электорального успеха.

¹² См. Botsford 1909, 119–138; Farrell 1986.

браний, вероятнее всего, включая сенат и конции, но не только их. Наконец, не исключено, что указание на неофициальные политические собрания содержится в попутном замечании о том, что в *coetus hominum* и *sermone*s граждане превозносят Милона за избавление их от Клодия (Mil. 98). Таким образом, в рассматриваемом значении *coetus* употребляется Цицероном довольно редко, даже если принимать во внимание неоднозначные случаи.

(2) Вторая группа пассажей включает эпизоды, где *coetus* названы те политические совещания и собрания, которые организовывались должностными лицами. Именно *coetus* обозначены тайные ночные собрания избранных плебейских трибунов в 64 г. до н.э., где они обсуждали между собой и с некоторыми частными лицами проект нового земельного закона (*coetus occultos noctem adiungere*; Leg. Agr. II. 12). В качестве обращения к сенаторам Цицерон употребляет *coetus* в речи против Пизона (Pis. 68). Наконец, весьма вероятно, что *coetus* однажды употреблено даже как аналог *contio* (Phil. II. 63), точнее выражение «*in coetu vero populi Romani*» — как синоним «*in populi Romani conspectu*» (которое, в свою очередь, служит соответствием «*in contione populi*»)¹³.

(3) Отдельно можно выделить случай, когда *coetus* названо скопление участников *ludi*, во время которых статуи богов провозили на тенсах (*coetus ludorum*; Verr. II. 5. 186). Таким образом, здесь *coetus* — не политическое собрание, хотя и общегражданское публичное мероприятие или скопление людей в ходе него.

(4) *Coetus* у Цицерона может обозначать одновременно все разнообразие политических собраний (и неофициальных, и официальных). Ряд случаев уже приводился выше (De Orat. I. 30; III. 65; Mil. 98). Кроме того, в трактате «Об обязанностях» *coetus hominum* — это то, что сопровождает государственную деятельность. Весьма вероятно, имеются в виду политические собрания, учитывая, что Цицерон связывает здесь *coetus hominum* с курией и форумом (Off. III. 2). В «Academica griora» (Ac. II. 6) *popularis coetus* также служит указанием на общественные дела в противоположность тому, что не относится к занятиям политикой (*non modo operam nostram umquam a populari coetu removimus*). Нельзя исключить и то, что подразумеваются общественные дела в целом, и то, что имеются в виду именно собрания и совещания граждан (сенат, комиции, конции или любое «скопление народа»).

(5) Наконец, чаще всего (9 случаев из 24) термин *coetus* используется как самое общее указание на любые объединения, скопления, сообщества людей. Так, в «De Haruspicum Responsis» (Har. Resp. 62) Цицерон, пишет о том, что, конечно, не следует думать, будто какое-нибудь божество, спустившись с небес, явится

¹³ «Tu istis faucibus, istis lateribus, ista gladiatoria totius corporis firmitate tantum vini in Hippiae nuptiis exhauseras, ut tibi necesse esset in populi Romani conspectu vomere postridie. <...> In coetu vero populi Romani negotium publicum gerens, magister equitum, cui ructare turpe esset, is vomens frustis esculentis vinum redolentibus gremium suum et totum tribunal inplevit». Контекст также свидетельствует о том, что в данном случае речь шла о *contio*. Присутствует, например, указание на *tribunal* (ср., в частности: Liv. III. 19. 4: *ad siduis contionibus pro tribunali*; Liv. XXVI. 15. 9: *murmur ab tribunali totam contionem peruasit*; Sen. Dial. III. 16: *conuocanda classico contio est, procedam in tribunal*). Описываемая Цицероном *contio* (под председательством магистра конницы Марка Антония) не отмечена Ф. Пина Поло в его каталоге сведений источников о проведении народных сходов, хотя выражение «*in conspectu populi (Romani)*» признается исследователем в качестве аналога «*in contione populi*» (Pina Polo 1989, 19).

в собрание людей, вступит в общение с ними (*delapsus de caelo coetus hominum adeat <...>, cum hominibus conloquatur*), как это показывают в трагедиях (ведь в реальности боги посылают знамения иного рода). Вероятно, это все же не *coetus* в смысле конкретного собрания, а в значении «сообщество людей». В любом случае, для изучения римских политических реалий этот пассаж, как кажется, ничего не дает.

В знаменитом определении *populus* (Rep. I. 39) Цицерон дважды употребляет *coetus* для обозначения всякого объединения людей. *Populus* представляет собой не любой *coetus hominum*, собранный каким ли бы то ни было образом, но только такой *coetus multitudinis*, который связан согласием по поводу права и общностью пользы (*populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus*). Как родовое понятие по отношению к *populus* слово *coetus* (*coetus multitudinis*) употреблено еще в двух пассажах (Rep. I. 41; III. 43). В последней книге «*De Re Publica*» *coetus hominum* тоже использовано для описания гражданского коллектива (Rep. VI. 13). Последний здесь назван *civitas* (*concilia coetusque hominum iure sociati, quae 'civitates' appellantur*). *Coetus* снова употреблен вместе с *concilia* (ср. Fin. II. 77), однако оба слова, в данном случае, обозначают, скорее, не конкретные собрания, а сообщества, объединения людей (*civitates*). Схожим образом использованы понятия *coetus*, *concilia* и *civitates* в контексте общих рассуждений о человеческой природе (Fin. III. 63)¹⁴. Она силой разума побуждает индивида принимать участие в сообществах и скоплениях людей (*hominum coetus et celebrationes*; Off. I. 12). Без таких скоплений невозможны города и законы (Off. II. 15).

Кроме того, отметим, что автор «Риторики к Гереннию» ([Cic.] Rhet. ad Her. IV. 48) называет *coetus* заседание *iudices* (*primo coetu condemnassetis*), что можно сравнить с примерами группы (2). А в «Инвективе против Гая Саллюстия Криспа» *coetus* — политическое сообщество, группа (употреблено в связи с *pars*), к которой примкнул Саллюстий, однако речь не идет о конкретном собрании (Cic. Sall. 18).

В сочинениях Цицерона слово *coetus*, конечно, многозначно, но можно заметить, что чаще оно используется именно в политическом или политико-философском ключе. *Coetus* хотя и может, действительно, обозначать неофициальные политические собрания, не реже указывает на совещания под руководством магистратов, а чаще всего употребляется как общее обозначение любых собраний или в значении «сообщество, скопление людей». При этом в большей части рассмотренных случаев термин не используется в качестве пейоратива¹⁵.

Итак, анализ применения Цицероном слова *coetus* подводит нас к следующему выводу. При исследовании политических собраний и совещаний по инициати-

¹⁴ «*Multo haec coniunctius homines. Itaque natura sumus apti ad coetus, concilia, civitates*». Цицерон пишет и о способности некоторых животных собираться вместе, как бы подражая объединению граждан (*congregatione aliae coetum quodam modo civitatis imitantur*; Fin. II. 109).

¹⁵ То, как Цицерон употребляет слово *coetus*, напоминает характер его использования в Кодексе и Дигестах Юстиниана. Во-первых, *coetus* в этих поздних юридических памятниках использовалось для указания на некоторые официальные институты, например, собрание декурионов; во-вторых, употреблялось как обозначение любых общественных собраний; в-третьих, *coetus* назывались именно немагистратские собрания, которые могли становиться источником общественной опасности (Фролов 2009).

ве частных лиц необходимо особое внимание обращать на контекст употребления термина *coetus*, который оказывается чрезвычайно многозначным и, если судить по результатам рассмотрения корпуса сочинений Цицерона, в большинстве случаев на упомянутые собрания не указывает (особенно если сравнить это с тем, как часто термин *contio* употреблен в значении «политическая сходка»). Собрания, отличавшиеся друг от друга по таким важным характеристикам, как, например, статус организатора (должностное лицо/частное лицо) или легальность, вполне могли обозначаться схожей либо идентичной терминологией. Например, *coetus* названы как сходка заговорщиков во главе с Катилиной — частным лицом (*Cic. Cat. I. 6*; [*Porcius Latro*] *Decl. in Cat. 19*), так и совещания законно избранных плебейских трибунов (*Liv. IV. 25. 9–13*)¹⁶. Действительно, без дополнительных уточнений понятие *coetus* представляет собой «неопределенное выражение»¹⁷, однако при изучении неофициальных политических собраний и совещаний в Риме нельзя обойтись без анализа употребления этого термина.

ЛИТЕРАТУРА

- Фролов Р. М. 2009: Употребление термина «*coetus*» в Кодексе и Дигестах Юстиниана // *Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр.* / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 51–55.
- Фролов Р. М. 2013: Терминология античной традиции для обозначения собраний сторонников Катилины в 64–62 гг. до н.э. // *Сборник материалов научного семинара стипендиатов DAAD в Москве, 26–27 апреля 2013 г. М. (в печати)*
- Шюрбаум В. 2009: Цицерон: *De re publica* // *Res publica: история понятия* / О. В. Хархордин (ред.). СПб.
- Botsford G. W. 1909: *The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic*. New York.
- Farrell J. 1986: The Distinction between “Comitia” and “Concilium” // *Athenaeum*. 64, 407–438.
- Gruen E. 1995: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley.
- Hellegouarch J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. Paris.
- Hiebel D. 2004: *Rôles institutionnel et politique de la contio sous la République romaine (287 avant J. C.-49 avant J. C.)*. Paris.
- Jehne M. 2011: Scaptius oder der kleine Mann in der großen Politik. Zur kommunikativen Struktur der contiones in der römischen Republik // *Politica antica*. 1, 59–87.
- Morstein-Marx R. 2011: Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-republican Rome // *Consuls and Res Publica* / H. Beck et al. (eds.). Cambridge, 259–278.
- Morstein-Marx R. 2012: Political Graffiti in the Late Roman Republic: Hidden Transcripts and Common Knowledge // *Politische Kommunikation und öffentliche Meinung in der antiken Welt* / C. Kuhn (ed.). Heidelberg, 191–217.
- Mueller H.-F. 2004: Nocturni coetus in 494 BC // *Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski* / C. F. Konrad (ed.). Stuttgart, 77–88.
- O’Neill P. 2001: *A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome*. PhD Thesis. University of Southern California.

¹⁶ Подробнее см. Фролов 2013.

¹⁷ См.: Шюрбаум 2009, 197.

-
- Pina Polo F.* 1989: Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza.
- Pina Polo F.* 2011: Public Speaking in Rome: A Question of auctoritas // Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World / M. Peachin (ed.). Oxford, 286–303.
- Pina Polo F.* 2012: Contio, auctoritas and Freedom of Speech in Republican Rome // Rome, a City and Its Empire in Perspective: The Impact of the Roman World through Fergus Millar's Research / St. Benoist (ed.). Leiden, 45–58.
- Segenni S.* 2011: Contiones in ambito municipale: autonomia cittadina e ruolo del populus // Identità e autonomie nel mondo romano occidentale / A. Sartori, A. Valvo (eds.). Faenza, 455–464.
- Smith Ch., Covino R.* (eds.) 2010: Praise and Blame in Roman Republican Rhetoric. Swansea.
- Steel C., van der Blom H.* (eds.): 2013. Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome. Oxford.
- Tatum W.J.* 1999: The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. London.
- Vaan M.* 2008: Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston.

COETUS AS THE TERM FOR POLITICAL GATHERINGS IN THE WORKS OF CICERO

R. M. Frolov

The paper analyses the political usage of the word *coetus* in Cicero's works. The main groups of the term's meanings are determined. The *coetus* may indicate both the unofficial political gatherings and the meetings presided over by magistrates. Besides that, the term is used as the general name for any meetings and designates the people's association or aggregation. It is concluded that when studying the political gatherings and consultations initiated by private individuals, one should pay special attention to the context of the usage of the word *coetus*, which appears to be quite a polysemantic term of political language.

Key words: Roman Republic, political system, political gatherings, Marcus Tullius Cicero, terminology, *coetus*

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ВИННЫХ НАПИТКОВ В ДРЕВНЕМ РИМЕ (ПО СОЧИНЕНИЮ «DE RE COQUINARIA»)*

Статья посвящена изучению способов приготовления винных напитков, содержащихся в «De re coquinaria», имевшей широкое распространение в античном мире кулинарной книге, авторство которой приписывалось известному богачу и чревоугоднику Марку Габии Апицию, современнику императора Тиберия. Рецепты коктейлей, зафиксированные в текстах Апициевого корпуса, позволяли изготовить наиболее универсальные и любимые римлянами напитки на основе вин (*conditum paradoxum*, *absinthium Romanum*, *rosatum*, *violatum*). Автор статьи приходит к выводу, что сборник кулинарных рецептов был ориентирован на широкий круг читателей с различным достатком, а не только на профессиональных поваров, обслуживавших верхи римского общества. Коктейли из «De re coquinaria» могли быть приготовлены из того, что было под рукой в разные сезоны года, подойти любителям терпких, пряных, душистых, а также легких освежающих напитков, оказаться полезными и в холодную, и в жаркую погоду.

Ключевые слова: Марк Габий Апиций, De re coquinaria, кулинарная книга, поварское искусство, винный напиток

Проблемы изучения способов производства и культуры употребления вина в Античности не обделены исследовательским вниманием. В обобщающих трудах, посвященных данной тематике¹, ученые опираются во многом на анализ сведений, содержащихся в «De re coquinaria», имевшей широкое распространение в античном мире кулинарной книге, авторство которой приписывалось известному богачу и чревоугоднику Марку Габии Апицию, современнику императора Тиберия. Этот источник составляет основу и тех трудов, которые посвящены частным, более специальным вопросам в рамках упомянутой проблематики, например, использованию определенных приправ в качестве ингредиентов блюд и напитков². В исследовании, посвященном античной кулинарной традиции в римской Британии, Хилари Кул справедливо отмечает, что книга поварских рецептов была не единственным памятником этого жанра в античном мире, существовал ряд подобных, более ранних трудов, которые не сохранились³.

«De re coquinaria» содержит несколько рецептов коктейлей, которые изготавливались довольно сложным и трудоемким способом. Основу этих напитков составляло вино, которое подслащалось медом и насыщалось интенсивным ароматом путем настаивания на пряных травах. Сочинение «De re coquinaria» инте-

Жаровская Анна Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий эксперт Центра антиковедения ЯрГУ. E-mail: afroloff@mail.ru

* Исследование проведено при поддержке Минобрнауки РФ по Соглашению №14.В37.21.0692 от 24.08.2012 г. (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.3.1) и в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, шифр проекта: 6.7589.2013).

¹ См., например: Carcopino 1964, 292ff; Civitello 2008, 40-46; Cowell 1980, 80-85; Garnsey 1999, 118-119; Laurence 2010, 109-114.

² Gradvohl 2012, 63-77; Heilmeyer 2007, 18.

³ Cool 2006, 33.

ресно в первую очередь тем, что в нем содержатся нюансы, которые авторы других трудов нередко опускали, как им казалось, за незначительностью. В частности, в рецептах иногда указана точная дозировка компонентов, что позволяет предположить, насколько пряным, терпким или ароматным был тот или иной винный напиток. Несомненно, что исследование данного сочинения с целью уточнения наших знаний о развитии поварского искусства древних римлян должно включать в себя анализ рецептуры алкогольных коктейлей, подробно изложенной в «*De re coquinaria*».

Рассмотрим способы приготовления винных напитков, рецепты которых помещены в начале кулинарной книги, что само по себе уже весьма примечательно (Aric. I. 1–4). В текстах Апициевого корпуса⁴ приведены несколько способов приготовления коктейлей из вина. Вероятно, это были наиболее универсальные и любимые римлянами рецепты. Первое, что обращает на себя внимание при ознакомлении с ними, это практически полное отсутствие указаний на то, какое именно вино рекомендовалось использовать при приготовлении определенных коктейлей. Хотя, безусловно, в римском мире специфика различных сортов вин была хорошо известна. Так, например, Афинея (кон. II — нач. III в. н.э.) писал, что по цвету различали белое, темное и желтое вино (Ath. I. 33c). Автор подразделял вина на основе других критериев и подробно изложил их свойства: какое было более хмельное, какое — способствовало пищеварению, какое подходило лишь для празднеств, а какое — для каждодневного употребления (Ath. I. 32c-f). Вероятно, выбор вина предвлял и приготовление коктейлей, ведь конечный результат сильно зависел не только от рецептуры, но и от исходного продукта.

В первом рецепте «*De re coquinaria*» рекомендовалось использовать легкое вино (*vinum lene*). Под более легким могло подразумеваться свежее виноградное вино (*mustum, sapa*). Плутарх писал, что молодое вино, которому брожение пока еще не придало крепости, не опьяняет (Plut. Quest. conv. 655e-656b). Следовательно, эффект крепких вин, «от которых сдвигаются брови и сводит кишки» (Ath. I. 30c; Пер. О. Л. Левинской)⁵, в данном случае не требовался.

Другим фактором, влиявшим на выбор вина для приготовления винного напитка, могла быть цена. Рей Лоуренс привел соотношение стоимости различных категорий вин, среди которых одним из самых дорогих было фалернское, стоившее в четыре раза дороже, чем обычное столовое вино, и в два раза дороже, чем другие сорта качественных вин⁶. Как известно, это вино активно использовалось и в кулинарии: у Горация есть упоминание, как сделать мясо курицы более нежным: надо было вымачивать его в фалернском вине, смешанным с водой (Hor. Serm. 2.4. 19–22). В Кампании производились не только элитарное фалернское, но также и ряд дешевых и популярных вин. Разумеется, стоимость продуктов даже

⁴ Такую формулировку для обозначения данного сочинения предлагает филолог-классик А. А. Григорьева, которая впервые в отечественной науке провела специальное исследование «*De re coquinaria*»; исследователь подчеркивает, что проблема авторства и датировки данного сочинения достаточно сложна (Григорьева 2000, 5–6).

⁵ Среди крепких вин своими вкусовыми качествами выделялось фалернское вино, которое не рекомендовалось употреблять на пустой желудок. Афинея называл это вино наиболее приятным из итальянских вин, но пояснял, что оно не подлежало длительному хранению (Ath. I. 33a-b).

⁶ Laurence 2010, 109. Марциал упоминал фалернское вино как одно из наиболее дорогих и престижных (Mart. Epigr. VIII. 56. 14).

современникам не всегда казалась обоснованной. Ж.-Н. Робер привел ряд примеров, когда цены на редкие виды мяса или рыбы превышали стоимость аналогичных, но более распространенных продуктов, в сотни раз⁷.

В кулинарной книге зафиксировано шесть рецептов коктейлей. Винные напитки зачастую имели довольно сложный способ приготовления. В первой книге описан крайне трудоемкий и длительный процесс создания коктейля *conditum paradoxum* (Apic. I. 1), который приправлялся медом и специями. В медную посуду помещалось вино и мед, смесь на слабом огне доводилась до кипения и охлаждалась; эту процедуру нужно было повторять два-три раза. На следующий день в вино добавлялись перец, мастика, шафран и финики с косточкой. В кулинарной книге, как правило, оговаривается точная дозировка приправ, тогда как в современных рецептах обычно принята формулировка «по вкусу». Уже у Плавта повар говорит о том, что даже профессионалы — его коллеги — неправильно использовали приправы, не знали, в каком объеме и как нужно их добавлять, чтобы улучшить, а не испортить вкус блюда (Plaut. Pseud. 819–825). В приготовленную по рецепту *conditum paradoxum* пряную смесь добавлялось легкое вино. В качестве абсорбента использовался, как и по сей день, древесный уголь. Напиток употреблялся как в горячем, так и в холодном виде.

Интересен один из рецептов, описывающих приготовление винного напитка для путешественников, приправленного также медом и специями (Apic. I. 2). Считалось, что этот коктейль придает силы и энергию путникам. Суть данного способа состояла в том, что заблаговременно готовились составные части напитка, а смешивались они лишь при необходимости. Таким образом, несмотря на воздействие температуры и времени, аромат и вкус напитка существенно не изменялись. Примечательно, что в данном рецепте дозировка компонентов не указана. Можно предположить, что когда автор книги описывал приготовление коктейлей для застолий, то приводил средние объемы пряностей и меда, с тем, чтобы напиток был по вкусу большинству гостей. Если же речь шла о коктейле для одного человека, то подразумевалось, что он сам будет определять дозировку приправ, опираясь на собственные вкусовые предпочтения.

Как видно, мед был одним из основных ингредиентов, входивших в состав коктейлей. Римляне любили подслащать вино медом, изготавливали даже медовое вино, которое упоминается, в частности, у Петрония (Petr. Sat. 34). Плиний писал о хмельном напитке, состоявшем из дождевой воды и меда (Plin. NH. XIV. 113)⁸. Качество меда оказывало влияние на вкус коктейля, поэтому в книге Апиция передается способ того, как отличить хороший мед от некачественного продукта при покупке на рынке (Apic. I. 16). В кулинарной книге описан способ, как сделать старый мед более привлекательным для покупателя (Apic. I. 15). Этот продукт предназначался для продажи (*ad vendendum*), следовательно, для домашнего использования «восстановленный» мед не рекомендовался.

В Риме были распространены вина, которые настаивались на травах или цветах. Одним из основных ингредиентов *absinthium Romanum* была понтийская по-

⁷ Робер 2004, 176.

⁸ Для разбавления вина использовали, как известно, и морскую воду, которая имеет солоноватый вкус (Ath. I. 26b). Плутарх писал, что соль можно признать приятнейшей из всех приправ (Plut. Quest. conv. V. 685a).

лынь, вымытая и измельченная (Apic. I. 3). Плиний указывал на то, что именно такая полынь имеет наиболее терпкий вкус (Plin. NH. XXVII. 45). Также в состав рецепта *absinthium Romanum* входили фиванские финики, мастика, шафран, которые добавлялись в легкое вино⁹. Финики часто использовались как ингредиенты винных напитков. Афиной даже писал о хмельном напитке из фиников (Ath. I. 29d).

Вино с ароматом полыни очень любил, например, Гелиогабал (SHA. Elag. XXI. 6). О полынном вине писал Плиний; он отмечал, что насытить напиток запахом этого растения можно было путем засеивания полыни вокруг виноградной лозы (Plin. NH. XIV. 109–110); подобный способ изменения вкуса винограда, а следовательно, и свойств производимого из него вина, описан еще у Катона (Cato. De agr. 114). Х. Кул, анализируя упоминания античных авторов об использовании этого растения, считает, что римляне вообще не пили полынное вино во время трапез. По мнению ученого, в античных трудах могли быть зафиксированы упоминания либо о пиве с ароматом полыни, либо о лекарственной настойке, которая, разумеется, употреблялась с целью улучшить здоровье, а не получить наслаждение от вкуса душистого напитка¹⁰. Мы же разделяем мнение М. Хильмейер, посвятившей труд анализу растений, используемых в античной кулинарии и медицине. Автор отмечает, что целебные свойства полыни были известны еще грекам. Римляне же, зная о благотворном влиянии этого растения на организм человека, начали активно употреблять ее в пищу в качестве приправы¹¹. Таким образом, полынь стала использоваться не только в медицине, но и в кулинарии — в качестве ароматизатора вин. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить и то, что в соответствующем рецепте кулинарной книги нет каких-либо указаний, что полынное вино предназначалось именно для лечения. Хотя в «*De re coquinaria*» описаны способы приготовления, например, таких блюд, которые рекомендовалось принимать в пищу для улучшения пищеварения, причем то, что кушанья были диетические, так или иначе отражалось в заголовках рецептов (например: Apic. III. 2.1–2.4).

Апиций оставил два похожих рецепта розового (*rosatum*) и фиалкового (*violatum*) вин (Apic. I. 4). Лепестки роз нанизывались на льняную нить и опускались в вино на неделю (весьма хлопотный, но изобретательный способ удаления лепестков без процеживания общего объема жидкости, ведь это помогало избежать того, чтобы поднимался осадок). Затем вынимались старые и на неделю погружали свежие, специально отобранные лепестки. Лишь по окончании трех фаз настаивания вино процеживалось. Перед употреблением его подслащали медом. Такой же способ использовался и для приготовления фиалкового вина. У Афины упоминается вино из фиалок, роз, гиацинтов (Ath. I. 29f). Если верить Лампридию, Гелиогабал, любивший розовое вино, делал его более ароматным, добавляя сосновые шишки (SHA. Elag. XIX. 4; XXIV. 1). Вина, настоянные на травах и цветах, были сезонным напитком; для их приготовления использовались только свежие листья и лепестки.

⁹ К. Т. Шух, редактор известного издания «*De re coquinaria*», полагал, что в данном случае речь шла именно о легком вине (использовано издание: Apici Caeli. 1867: *De re coquinaria libri decem*. Heidelbergae. P. 29).

¹⁰ Cool 2006, 146.

¹¹ Heilmeyer 2007, 18.

У Апиция есть еще один рецепт розового вина — заменитель *rosatum* (*rosatum sine rosa*). Настой производился на цитрусовых листьях, уложенных в корзиночку из пальмовых листьев. Эту конструкцию помещали в бочонок с молодым вином (*mustum*), пока оно еще не начало серьезно бродить. Настаивать предполагалось около сорока дней. Перед употреблением его также делали более сладким. Конечно, предпочтительным считалось использование настоящего *rosatum* (Apic. I. 5).

Римляне любили во время трапезы ощущать аромат роз и других цветов. К примеру, чтобы угодить Антонию, Клеопатра на одном из пиров приказала усыпать пол толстым слоем розовых лепестков (Ath. I. 148b). Гелиогабал устилал полы столовых залов розами, а также лилиями, фиалками, гиацинтами, нарциссами (SHA. Elag. XIX. 7). У Плутарха мы находим более подробное объяснение того, почему в вина добавлялись розы или фиалки. Во-первых, как считалось в древности, аромат трав и цветов помогал создать за столом более благоприятную атмосферу и усилить наслаждение от приема пищи. Во-вторых, цветочные запахи до некоторой степени содействовали тому, чтобы избежать опьянения; шафран же, к примеру, способствовал крепкому сну выпивших лишнее (Plut. Quest. conv. 645d-648b).

Можно заключить, что хотя в «*De re coquinaria*» иногда присутствуют указания на точные дозировки некоторых ингредиентов (приправ) или совет использовать именно легкое вино для приготовления напитков, в целом приведенные рецепты были сформулированы таким образом, что оставался большой простор для их применения ко множеству конкретных ситуаций. То, например, что автор или составителем кулинарной книги не были указаны конкретные сорта или возраст вин, может свидетельствовать о том, что труд был ориентирован на широкий круг читателей с различным достатком, а не только на профессиональных поваров, обслуживавших верхи римского общества. Коктейли из «*De re coquinaria*» могли быть приготовлены из того, что было под рукой в разные сезоны года, подойти любителям терпких, пряных, душистых, а также легких освежающих напитков, оказаться полезными и в холодную, и в жаркую погоду.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева А. А. 2000: Древнеримская кулинарная лексика: Проблема терминологии (на материале текстов Апициевского корпуса): дис. ... канд. фил. наук. М.
- Робер Ж.-Н. 2004: Рождение роскоши. Древний Рим в погоне за модой. М.
- Apici Caeli. 1867: *De re coquinaria libri decem*. Heidelbergae.
- Carcopino J. 1964: *Daily Life in Ancient Rome*. London.
- Civitello L. 2008: *Cuisine and Culture: A History of Food and People*. Hoboken.
- Cool H. E. M. 2006: *Eating and Drinking in Roman Britain*. Cambridge.
- Cowell F. R. 1980: *Life in Ancient Rome*. New York.
- Dupont F. 1992: *Daily Life in Ancient Rome*. Oxford.
- Garnsey P. 1999: *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Gradvohl E. 2012: Healing Kitchen // *Graeco-Latina Brunensia*. V. 17/1, 63–77.
- Heilmeyer M. 2007: *Ancient Herbs*. Los Angeles.
- Laurence R. 2010: *Roman Passions: A History of Pleasure in Imperial Rome*. London; New York.

THE PREPARATION OF WINE DRINKS IN ANCIENT ROME ACCORDING TO 'DE RE COQUINARIA'*A. N. Zharovskaya*

The article considers wine drink making and preparation techniques, contained in cookbook 'De re coquinaria' ('On the Subject of Cooking'), which was widespread in Antiquity and said to be written by Marcus Gavius Apicius, a gourmand who lived in Rome during the first century C. E. Cocktail recipes, recorded in the cookbook, described popular wine-based drinks most loved by the Romans (conditum paradoxum, absinthium Romanum, rosatum, violatum). The author concludes that the collection of recipes was aimed at a wide range of readers with different income levels, not just for professional chefs serving the upper classes of Roman society. Cocktails from 'De re coquinaria' could be made from what was available in the different seasons of the year, were appropriate for connoisseurs of tart, spicy, fragrant or light refreshments, and remained useful both for cold and hot weather.

Key words: Marcus Gavius Apicius, 'De re coquinaria', 'On the Subject of Cooking', cookbook, cooking art, wine drinks

© 2013

А. Е. Телин

КОНТРОЛЬ ЗАХОРОНЕНИЙ В РАМКАХ CURA URBIS РИМСКИХ ЭДИЛОВ*

Статья посвящена рассмотрению полномочий эдилов в сфере контроля захоронений в Риме. Исходя из сведений источников, ответственность за соблюдение запрета на проведение похорон и кремаций была возложена на эдилов, рассматривавших вопросы о почетных похоронах на определенных законом территориях, возможности захоронений в семейной могиле; эдикт эдилов определял максимальные расходы на погребение и оплакивание. Автор статьи также обращается к вопросу о разграничении сфер деятельности между преторами и эдилами в рамках реализации cura urbis при контроле за погребениями.

Ключевые слова: Римская республика, магистраты, эдилитет, cura urbis

Для больших городов древности — таких, как Рим, проблема захоронений являлась весьма значимой, поскольку тела умерших жителей должны были предаваться земле согласно обычаям и при соблюдении соответствующих ритуалов, а также, что немаловажно, и гигиенических норм.

По подсчетам Д. Бодела, к началу правления Августа, смерть ежегодно уносила в Риме около 30 тысяч жизней¹. А в периоды, когда в городе бушевали эпи-

Телин Антон Евгеньевич — кандидат исторических наук, сотрудник научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ им. П. Г. Демидова. E-mail: ae_telin@mail.ru

* Исследование проводится при поддержке DAAD (программа Иммануил Кант III), Министерства образования и науки РФ, темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

¹ Bodel 2000, 128–129.

демии, и того больше, например, чума во времена правления Нерона только за одну осень погубила 30 тысяч человек (Suet. Nero 39.1; Oros. 7.7.11). Если рабы в вопросе захоронения могли положиться на своих владельцев, то свободные бедняки и бездомные не имели достаточных средств, чтобы оплатить погребение. После смерти последние рассчитывали только на то, что будут похоронены в братской могиле. Их трупы, скорее всего, просто бросали в ямы, использовавшиеся как общие могилы — *puticuli* (Varr. LL 5.25), которые периодически засыпались землей. Одним из мест погребения бедноты являлись Эсквилинские поля. Особенно активно Эсквилин использовался для захоронений бедняков в III–II в. до н.э.² Согласно расчетам Д. Бодела, из общего числа умерших каждый двадцатый, то есть примерно 1500 человек в год, не имели средств для оплаты собственных похорон³. В действительности, достоверно сказать о том, какое количество человек из общего числа жителей города попадали в эту категорию, трудно; любые подсчеты будут носить условный характер, но совершенно очевидно, что даже для современных городов, проблема захоронения неимущих представляет значительную сложность. Едва ли городская беднота, уже не говоря о бродягах и бездомных, могла приобретать места, предназначенные для обеспеченных жителей города. Зажиточные горожане и члены их семей практически подходили к вопросам погребения: для защиты членов семьи составлялись завещания, для похорон выбирались участки в пригородах⁴. Права этой категории жителей были защищены интердиктом *de mortuis inferendis* (Dig. 11. 8).

Нарративные источники содержат несколько символических фактов об эпохе Империи, согласно которым, трупы и части тел умерших оказывались в неположённых местах, не погребёнными или погребёнными не должным образом, привлекая животных и птиц⁵. Подобные истории наверняка содержат долю правды. Известно, что проблемы возникали в кризисные эпохи, например, в 174 г. до н.э., во время эпидемии чумы в Риме (Liv. XLI. 21. 5–11, Oros. V. 4. 8–9). Но каким же образом была организована повседневная работа по контролю погребений в период Республики? Известно, что в IV в. до н.э. в Афинах *demarchoi*, ведавшие делами демов, отвечали в числе прочего за поиск и захоронение брошенных тел за государственный счет, в случае, если погребение не могли оплатить родственники умершего (Arist. Ath. Pol. 50.2; Demosth. 43.57–58; IG II 1672. 119–120). Существовали ли аналогичные институциональные механизмы в Риме? Ни один из источников, которыми мы располагаем, прямо не говорит об этом. Проводя аналогию с Афинскими *demarchoi*, разумно будет предположить, что деятельность эта относилась к сфере *cura urbis*, обычно в Риме возлагавшейся на эдилов. В существующей исследовательской литературе деятельность эдилов по регулированию погребений упоминалась лишь в кратких неопределённых описаниях, основывавшихся, прежде всего, на данных Цицерона — участие в организации почетных

² Morris 1992, 42–44.

³ Bodel 2000, 128–129.

⁴ Crook 1970, 120–121.

⁵ Светоний сообщает о том, что лошадь Нерона была напугана запахом трупа, лежавшего неподалеку от дороги. Бездомная собака принесла человеческую руку и бросила к ногам будущего императора Веспасиана, однако это было сочтено как доброе предзнаменование, поскольку рука — это символ власти (Suet. Nero. 48; Vesp. 5; Dom. 15).

похорон, контроль захоронений. Поэтому круг полномочий эдилов в данной сфере требует уточнения.

Пожалуй, самые ранние сведения, касающиеся регулирования похорон в Риме, относятся к законам Двенадцати таблиц. Они определяли нормы запрета похорон и кремации в городе (Cic. Leg. II. 23. 58). Римские погребальные культы регулировало и понтификальное право, что свидетельствовало о глубоком религиозном чувстве и уважении к обрядам. Места погребений глубоко почитались римлянами, — хоронить человека вне мест проведения его родовых священнодействий не позволяли обычаи и законы. Человек считался захороненным подобающим образом, только если были совершены все принятые обряды и необходимые жертвоприношения. После того, как тело было предано земле, на него распространялись нормы религиозного права. Если в раннюю эпоху представления о местах захоронений могли быть обусловлены, прежде всего, религиозными убеждениями, то для римских граждан эпохи поздней Республики очевидными были, вероятно, соображения безопасности и гигиены. Цицерон предполагал, что запрет, введенный в законах Двенадцати таблиц, происходил из-за опасений пожаров; погребальные костры были запрещены в пределах 60 футов от какого-либо строения, за исключением тех случаев, когда было получено разрешение его хозяина (Cic. Leg. 2. 24. 61). Все же и для поздних авторов защита священных мест города от осквернения была немаловажна, о чем свидетельствует Павел (Paul. 1.21.2). Цицерон также упоминал, что коллегия понтификов запретила захоронения в общественных местах. Все же, о том, что существовали исключения, свидетельствует наличие отдельных погребений в пределах померия⁶. Весталки и некоторые другие привилегированные римляне имели право быть захороненными в городе (например, Долиола, зона погребения весталок на форуме, мавзолей Августа на Марсовом поле). Контроль мест погребения соблюдался и за городскими пределами. Никто не мог быть похоронен на чьей-либо земле или в чужом саркофаге без разрешения (Dig. 11. 7. 2). Дион Кассий писал о двухмильной запретной зоне для кремации в городе (Dio Cass. XLVIII. 43. 3). Надпись из Лация и Кампании (CIL. X. 3334) содержит сведения о том, что земля, однажды использованная для погребения, не должна была предназначаться для продажи и строительства. Нормы, аналогичные римским, были приняты и в провинциях, о чем свидетельствуют надписи, которые мы рассмотрим ниже.

Гарантировать соблюдение обычаев и законодательных норм должны были магистраты. Каким образом были разграничены их полномочия в данном вопросе? Об этом мы можем судить по сведениям нарративных и эпиграфических источников. Надпись с Эсквилина, относившаяся к городской стороне (CIL. VI. 3823), содержит сообщение о том, что сенат передал плебейским эдилам некоторую юрисдикцию в этом вопросе: они должны были контролировать поручение сената о запрете кремаций и захоронений⁷. За кремацию в неположенном месте нарушитель обязан был заплатить штраф — 3 сестерция. Другая надпись на ме-

⁶ Morris 1992, 31.

⁷ *eisque curarent tu[erenturque] / [ar]bitratu aedilium plebeium / [quei]comque essent neve ustrinae in / eis locis re[g]ionibusve nive foci ustri/naeve caussa fierent nive stercus terra[m]/ve intra ea loca fecisse coniecisseve veli[t] / quei haec loca ab paa<g=C>o Montano // [redempta habebit quod si stercus in eis locis fecerit terramve] / [in ea] loca iecerit in[3 uti HS 3] / [ma]nus iniectio pignorisq(ue) capi[o siet] (CIL. VI. 03823).*

жевом камне первой половины I в. до н.э. (80 г. до н.э.) свидетельствует об аналогичной норме, однако, ее текст не дает нам возможности достоверно указать на магистрата, ответственного за исполнение данных требований. Луций Сентий, претор⁸, по постановлению Сената, установил норму о расположении могил, введенную для общественного блага. Согласно надписи, были запрещены какие-либо захоронения и сожжение трупов от этого камня в направлении города⁹. Схожие нормы содержит закон колонии Юлии Генетивы I в. н.э. (*Lex Coloniae Genetivae Iuliae seu Ursonensis*, 73–74)¹⁰, найденный в Севилье. Он в числе прочего касается регулирования похорон на территории колонии и содержит сведения о юрисдикции эдилов. Считается, что закон является копией более раннего закона, изданного при выведении колонии. Он запрещает проведение похорон и кремаций в пределах границы города, и также сооружение надгробий, а новые погребальные костры должны были размещаться, по крайней мере, в полукилометре от города. Закон гласит, что «ни один человек в границах города или колонии или в пределах территории, очерченной плугом, не должен оставлять мертвого человека, или хоронить или кремировать тело на этой территории, или ставить памятник мертвецу». «Любой, кто будет действовать вопреки данным правилам, должен быть приговорен к уплате колоницам Юлии Генетивы 5000 сестерциев, ему должен быть предъявлен иск, и он должен быть привлечен к ответственности любым лицом на эту сумму. Дуумвир или эдил должны проследить за сносом любого памятника, поставленного там, и если, в нарушение положений данного закона, умерший человек был привезен сюда и погребен, они должны провести надлежащее искупление. Никто не должен строить новую устрину, где мертвый человек не кремировался прежде, ближе к городу, чем на 500 шагов. Лицо, действующее в нарушение настоящих правил, должно быть приговорено к выплате колоницам Юлии Генетивы 5000 сестерциев, отвечать в суде и преследоваться в судебном порядке на эту сумму любым лицом в соответствии с настоящим законом» (перевод автора). О том, что данная практика была распространена, говорит наличие аналогичных законов в ПUTEОЛАХ и Риме.

Эдилы также могли быть теми магистратами, которые рассматривали вопросы о почетных похоронах и предоставляли возможность проведения захоронений в семейной могиле. Об этом свидетельствует надпись из Рима¹¹. Члены коллегии эдилов заведовали погребальными процессиями в городе, на них лежала от-

⁸ Точная дата его претуры не установлена. Broughton 1952, 465.

⁹ CIL. VI. 31615, CIL. VI. 31614: L(ucius) S(entius) C(ai) f(ilius) pr(aetor?) / de sen(atu)s sent(entia) loca / terminanda coeravit / b(onum) f(actum) nei quis intra / terminos propius / urbem ustrinam / fecisse velit neve / stercus cadaver / iniecisse velit // Stercus longe / aufer / ne malum habeas.

¹⁰ Lex Gen. Iul. 73. Ne quis intra fines oppidi coloniaeve, qua aratro circumductum erit, hominem mortuum inferto neve ibi humato neve urito neve hominis mortui monumentum aedificato. Si quis adversus ea fecerit, is colonis coloniae Genetivae Iuliae HS ICC dare damnas esto, eiusque pecuniae cui volet petitio persecutio exactioque esto. itque quot inaedificatum erit Ilvir aedilisve dimoliendum curanto. Si adversus ea mortuus inlatus positusve erit, expianto uti oportebit. 74. Ne quis ustrinam novam, ubi homo mortuus combustus non erit, propius oppidum passus D facito. qui adversus ea fecerit, HS ICC colonis coloniae Genetivae Iuliae dare damnas esto, eiusque pecuniae cui volet petitio persecutioque ex hac lege esto.

¹¹ D(is) M(anibus) / Arriae Apolloni/ae parenti(bus) et patr(ona)e et / Arriae Telesphoridi / coniugi virginiae q(uae) v(ixit) / annis XXXXV fecit Cn(aeus) / Arrius Abascantus / sibi et Arriae Phon(a)e filiae suae et lib(ertis) / lib(ertabus)q(ue) post(eris)q(ue) eor(um) in hoc monumento sive / sepulc(hro) corp(ora) per aedil(em) inferri licebit (CIL. VI. 12389).

ветственность за благопристойность и соблюдение обычаев на кладбищах и при проведении похорон (Ovid. Fast. VI. 663–4). Кто наделял эдилов правом решения чрезвычайных вопросов? Понтифики или сенат? Или же соблюдение обычаев и общественным норм могло быть доверено эдилам членами семьи умершего?

Публичные похороны, проводившиеся по решению сената, и, вероятно при участии понтификов, оплачивались из казны¹², на них приглашались все граждане, чтобы отдать честь великим людям, которые служили Риму¹³. Так, Цицерон упоминает эдикт эдилов *de funeribus* в связи с заседанием сената, на котором обсуждались право захоронения в пределах города и предоставление посмертных почестей Сервию Сульпицию Руфу¹⁴, последний скончался, находясь в составе посольства от римского сената к Марку Антонию. По предложению Цицерона ему была воздвигнута статуя на форуме, также он был похоронен за государственный счет, поскольку он умер на службе и в руках врага. В девятой филиппике 43 г. до н.э. Цицерон пытается указать ряд аспектов, исходя из которых, принималось решение, кто будет удостоен такой чести. «Сенат до настоящего времени показывал свою власть, выказывая уважение публичными похоронами храбрых мужей <...> Сенат постановляет, и рассматривает в интересах государства, что эдилы временно приостанавливают их эдикт, относящийся к похоронам, в отношении расхода на похороны Сервия Сульпиция Руфа, сына Квинта из Лемонийской трибы. И что Гай Панса, консул, определит территорию для похорон в 30 шагов во всех направлениях Эсквилинского поля, или в другом месте, которое кажется соответствующим ему, чтобы принять тело Сервия Сульпиция; и это место погребения будет также для его детей и потомков» (Cic. Phil. 9. 7. 17). Кроме информации о предоставлении почестей, в эпизоде содержатся сведения о том, что строгость эдилов ограничивала роскошь на похоронах при помощи эдикта, вводившего ограничения расходов на погребение. Законы против расточительности, *leges sumptuariae*, вводились в Риме неоднократно, они касались не только трат на чревоугодие и распутство — они вводили, среди прочего, размер максимальных трат на похоронные расходы. Древнейшие из подобных ограничений содержались в законе Нумы, и ряде параграфов Законов XII таблиц (Cic. Leg. 2. 23 Tac. Ann. 3, 52. 3, 55). Цицерон сообщает, что предписания Законов XII таблиц, ограничивающие расходы на погребение и оплакивание умершего, в общем перенесены в них из законов Солона (Cic. Leg. 2. 23. 59) Закон упразднял неумеренное оплакивание, ограничив расходы изготовлением трех головных покрывал, пурпурной туники и платой десятерым флейтистам, а другие обычаи при похоронах, усиливавшие проявления горя. Эти нормы, вероятно, подтверждались и эдильскими эдиктами¹⁵. Однако Тацит писал, что нередко подобные законы никем ни во что

¹² Wesch-Klein 1993, 11.

¹³ О торжественных похоронах Германика пишет Тацит (Tac. Ann. III. 4–6).

¹⁴ Cic. Phil. IX. 7. 17: Et cum Ser. Sulpicius Q. f. LEMONIA Rufus ita de re publica meritis sit, ut iis ornamentis decorari debeat, senatum censere atque e re publica existimare aediles curules edictum, quod de funeribus habeant, Ser. Sulpici Q. f. LEMONIA Rufi funeri remittere; utique locum sepulchro in campo Esquilino C. Pansa consul, seu quo in loco videbitur, pedes triginta quoquo versus adsignet, quo Ser. Sulpicius inferatur; quod sepulchrum ipsius, liberorum posterorumque eius esset, uti quod optimo iure publice sepulchrum datum esset.

¹⁵ Ovid. Fast. VI. 663–4: «Сладок был флейтищиков труд: хорошо им платили; но после вдруг прекратилось совсем это искусство у нас. Надо прибавить еще, что эдил для торжеств похоронных до десяти сократил флейтищиков прежних число» (Пер. Ф. А. Петровского).

не ставились, что вызывало раздражение со стороны эдилов, отвечавших за их исполнение (Тас. Ann. 3, 52. Имеется в виду, очевидно, закон о предельных размерах расходов на стол, одежду, убранство и т. д., изданный Юлием Цезарем и в 22 г. до н.э. дополненный Августом).

Нужно отметить, что гораздо более широкие полномочия, по крайней мере, в позднейший период, имел в вопросах регулирования похоронных обрядов претор. Полномочия претора в этой сфере достаточно подробно описаны в Дигестах Юстиниана. Юрисдикция претора, находилась в сфере разрешения споров частных лиц по погребальным вопросам, а также заведовании особыми похоронными расходами (Dig. 11. 7).

Возможно, часть прав и эдилам, и преторам делегировалась понтификами. Нормы регулирования похоронных обрядов находились на стыке права и религии, на стыке права гражданского и понтификального. Понтифики осуществляли контроль соблюдения религиозных норм, например в случаях, когда требовалось перезахоронение тел. Например, являлось ли наводнение серьезным основанием для перенесения останков (CIL. VI. 2120)? Они также управляли ремонтом могил и памятников (CIL. VI. 2963; Dig. 11.8.5.1). Императорские постановления по погребальным вопросам, внесенные в Кодекс Юстиниана, показывают использование императорами понтификальной власти, что подтверждает контроль этого вопроса со стороны власти светской и религиозной в раннюю эпоху (Dig. 11.7.8). Вероятно, понтифики подтверждали или отменяли решение Сената о возможности проведения похорон на территории города с религиозной точки зрения (Cic. Leg. 2. 23. 58).

Таким образом, наши рассуждения на основе приведенных источников скорее подтверждают и дополняют, нежели опровергают существующие, пусть и краткие, оценки деятельности эдилов в сфере регулирования захоронений. Круг вопросов контроля погребений был разделен между преторами и эдилами в рамках реализации *cura urbis*. В то время как претор имел дело со спорами частных лиц по различным правовым аспектам регулирования и заведовал особыми похоронными расходами, эдилы были ответственны за соблюдение запрета на проведение похорон и кремаций на определенных законом территориях, рассматривали вопросы о почетных похоронах, возможности захоронений в семейной могиле, кроме того, эдильский эдикт определял максимальные расходы на погребение и оплакивание.

ЛИТЕРАТУРА

- Bodel J.* 2000: Dealing with the dead. Undertakers, executioners and potter's fields in ancient Rome // *Death and Disease in the Ancient City*. London, 128–151.
- Broughton T.R.S.* 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. 509 B.C.-100 B.C. Vol. I. New York.
- Crook J.A.* 1970: *Law and Life of Rome*. London.
- Morris I.* 1992: *Death-ritual and social structure in classical antiquity*. Cambridge.
- Wesch-Klein G.* 1993: *Funus publicum. Eine Studie zur öffentlichen Beisetzung und Gewährung von Ehrengräbern in Rom und den Westprovinzen*. Stuttgart.

CONTROL OF BURIAL PLACES WITHIN THE CURA URBIS OF ROMAN
AEDILES

A. E. Telin

The article is devoted to studying the aediles' powers in control of burial places in Rome. According to sources evidence, aediles were responsible for compliance with the ban on funeral and cremation within city boundaries. They were considering questions of honorable funerals on the defined by the law territories; consider the possibility of burials in a family grave. Aediles' edict defined the maximum expenses on burial and mourning. The author also refers to the question of delimitation of the spheres of activity in the control over burials between praetors and aediles within cura urbis realization.

Key words: Roman republic, magistracies, aedileship, cura urbis

© 2013

А. В. Банников, Г. А. Шмидт

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЕННОГО МЯТЕЖА 360 Г. Н.Э.: СКОЛЬКО РАЗ
ЮЛИАН ОТПРАВЛЯЛ ВОЙСКА НА ПОМОЩЬ КОНСТАНЦИЮ?

События, предшествовавшие восстанию галльских солдат в 360 г., и ход самого восстания, в результате которого армия провозгласила императором Юлиана, неоднократно служили предметом научной дискуссии, продолжающейся до сих пор. Хотя дошедшие до нас свидетельства заметно разнятся друг с другом, при внимательном анализе выясняется, что информация, которую содержат источники, повествующие об этом историческом эпизоде, вполне достоверна и позволяет нам наиболее полно воссоздать картину произошедшего.

Ключевые слова: Юлиан, Аммиан Марцеллин, Зосим, Констанций, Константин, ауксиларии, легионы

События, предшествовавшие восстанию галльских солдат в 360 г. н.э., и ход самого восстания, в результате которого армия провозгласила императором Юлиана, достаточно подробно изложены в нескольких источниках, прежде всего в «Послании сенату и народу афинскому» Юлиана, в «Деяниях» Аммиана Марцеллина и «Новой истории» Зосима.

Этот исторический эпизод уже неоднократно служил предметом научной дискуссии, которая не окончена до сих пор. Основная проблема заключается в том, что описания в трех упомянутых источниках заметно разнятся друг с другом.

Банников Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: bramastra@mail.ru

Шмидт Глеб Александрович — преподаватель кафедры истории средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: schmidt.gleb@gmail.com

Во-первых, нет ясности в отношении того, сколько раз галльские отряды отправлялись на восток. По мнению некоторых исследователей, в письме Юлиана к афинянам речь идет не об одной посылке войск, а о трех, последовавших друг за другом¹. В то же время Аммиан определенно говорит только об одной отправке, которая в результате так и не состоялась из-за вспыхнувшего бунта солдат. Наконец, Зосим утверждает, что Юлиан дважды посылал Констанцию галльские подкрепления, и лишь третий приказ с требованием дополнительных сил привел к военному мятежу.

Во-вторых, нет определенности в вопросе о количестве западных подразделений, отправленных Констанцию. Юлиан пишет, что он передал последнему 9 отрядов: 4 отборных подразделения пехоты, 3 менее сильных подразделения и 2 кавалерийские *тагмы* (Iul. Ad Ath. 280c–d)². Аммиан приводит не только число отправляемых подразделений, но также упоминает названия некоторых из них. В соответствии с его данными, Констанций потребовал отправить ему четыре ауксиллии (*Эрулов, Батавов, Кельтов и Петулантов*), отряды по триста человек, отобранных из других отрядов (*нумеров*), а также неизвестное количество солдат из кавалерийских схол *Гентилов* и *Скутариев* (Amm. XX. 4. 2–3). По Зосиму, Юлиан послал в первый раз два пехотных подразделения, вслед за этим некоторое количество необозначенных отрядов, после чего Констанций потребовал еще четыре эскадрона (*илы*) (Zos. III. 8. 3–4).

Согласно теории, выдвинутой Д. Хоффманном³, сообщения трех источников не содержат противоречий и вполне могут быть соотнесены друг с другом. Д. Хоффманн считает, что два пехотных подразделения вместе с неопределенным числом других пехотных отрядов, об отсылке которых сообщает Зосим, соответствуют первой отправке, упомянутой Юлианом. У Аммиана же это событие попросту не нашло отражения. Четыре *илы* кавалерии у Зосима соотносятся со второй (несостоявшейся) отправкой войск у Юлиана и тем детальным рассказом, который оставил нам Аммиан.

Развивая эту гипотезу, И. Сзидат отождествляет две первые отправки у Зосима с теми событиями, о которых Аммиан упоминает вскользь как о предшествовавших мятежу 360 г. н.э. По мнению исследователя, сообщение о 2-х турмах иллирийских всадников (Amm. XVIII. 8. 2), оказавшихся на востоке во время войны с персами (359 г.), — прямое доказательство того, что ранее Юлиан уже отправлял войска Констанцию. Подтверждение своей теории И. Сзидат находит в утверждении Аммиана (Amm. XXI. 5. 6), которому вторит Созомен (Soz. V. 1. 3), что Иллирия в 360 г. н.э. оставалась без каких-либо значительных воинских сил⁴. Впрочем, вряд ли мы можем принять аргументы И. Сзидата, поскольку Иллирик не был частью Галльской префектуры, войсками которой командовал Юлиан. Более того, на момент начала войны с Персией Констанций сам со всей своей армией находился в Иллирике, где вел войну с сарматами, следовательно, он мог распоряжаться военными силами этого региона без обращения за помощью к Юлиану.

¹ Paschoud 1979, 84.

² «ἑπεμψα τῷ Κωνσταντίῳ τέτταρες ἀριθμοὺς τῶν κρατίστων πέζων, τρεῖς ἄλλους τῶν ἐλαττόνων, ἱππέων τάγματα δύο τὰ ἐντιμότερα».

³ Paschoud 1979, 84.

⁴ Paschoud 1979, 84.

По мнению Ф. Пашу, объединить сообщения всех трех источников невозможно. Зосим старается оправдать Юлиана, убеждая своих читателей, что тот не был виновен в государственном перевороте. Для этого он показывает, что Юлиан всегда scrupulously выполнял требования императора и дважды посылал ему воинские контингенты, когда на востоке шла изнурительная война с персами (Zos. III. 8. 3–4). Умышленно сгущая краски, Зосим утверждает, что третий приказ об отправке войск пришел в тот самый момент, когда с персами якобы был уже заключен мир. Это стало причиной распространения в галльской армии слуха, что Констанций нарочно забирает у Юлиана лучшие войска с тем, чтобы погубить его, что и вызвало открытое выступление солдат, провозгласивших Юлиана августом⁵.

Тенденциозность Зосима в освещении событий, сопутствовавших приходу Юлиана к власти, несомненна. Впрочем, это еще не доказывает того, что был только один приказ Констанция об отправке подкреплений на восток. Сведения Зосима, касающиеся периода правления Юлиана, восходят к Евнапию⁶, источником для которого стал так называемый *меморандум* Оривазия, личного врача Юлиана⁷. Поэтому в «Новой истории» некоторые рассказы более детальны и точны, нежели в «Деяниях» Аммиана.

У нас есть достаточно веские основания полагать, что информация Зосима о двух состоявшихся отправках галльских войск на восток соответствует действительности. Для того чтобы это продемонстрировать, нам придется для начала выяснить вопрос о том, из каких воинских частей состояла в 360 г. н.э. армия Юлиана.

Описывая военные действия в Галлии в 355–360 гг. н.э., Аммиан довольно часто упоминает названия различных отрядов. В общей сложности мы можем насчитать 10 подразделений линейной пехоты: шесть ауксилиий (*Кельты* и *Петуланты* (Amm. XX. 4. 2; 5. 9; XXI. 3. 2), *Эрулы* и *Батавы* (Amm. XVI. 12. 45; XX. 1. 3; 4. 2), *Корнуты* и *Бракхиаты* (Amm. XV. 5. 30; XVI. 12. 43; 11. 9), легион *Приманов* (Amm. XVI. 12. 49), два «нумера» (*numeri*) *Мезиаков* (Amm. XX. 1. 3)⁸, и *Региев* (Amm. XVI. 12. 45), которые могли быть как легионом, так и ауксией⁹. Кроме того, в состав галльской армии входил отряд, обслуживавший метательные машины (*ballistarii*) (Amm. XVI. 12. 7)¹⁰.

⁵ Paschoud 1979, 84–85.

⁶ Liebeschuetz 2003, 184–185.

⁷ Liebeschuetz 2003, 188, n. 56.

⁸ По всей видимости, это были легионы, поскольку существование одного палатинского легиона с таким названием (*Moesiaci seniores*) засвидетельствовано в *Notitia* (ND. Ос. V.7=150=VII, 8).

⁹ Согласно данным *Notitia dignitatum*, в римской армии существовало два подразделения *Региев* (Царей): одно из них – легион комитатенсов – было дислоцировано в Италии (ND, Ос., V, 80 = 229 = VII, 32); второе – на востоке (ND, Ор., VI, 8 = 49). По мнению Я. Ле Боэка, западный отряд был создан Константином I (306 г.) из подданных аламманского царя Крока, с которым у него были союзнические отношения (Le Bohec 2006, 61, n. 55). К. Цукерман полагает, что полное название этого подразделения – *Regii Emesensi Iudaei*. Оно было сформировано правителем Эмессы Уранием Антонином для защиты от персов. Эмесский отряд продолжил свое существование и через несколько лет, когда Эмесса вошла в состав Пальмирского царства. После поражения пальмирцев Аврелиан включил Региев в состав своей армии (Zuckerman 1993, 19). Непонятно в таком случае, когда *Regii Emesensi Iudaei* оказались в Галлии и каким образом с ними связана восточная ауксия, которая продолжила свое существование в VI столетии (Procop. BG. I. 23).

¹⁰ Этот отряд оставался в Галлии еще в начале V в. (ND. Ос., VII. 97).

Подтверждение того, что галльская армия состояла именно из 10 отрядов пехоты, можно найти также и в описании битвы при Аргенторате (357 г.), сделанном Аммианом. Анализируя построение армии Юлиана в этом сражении, Ф. Ришардо обращает внимание на то, что, хотя Аммиан называет всего пять пехотных подразделений, участвовавших в бою, в действительности их должно было быть десять. Во-первых, известно, что Юлиан выстроил свою армию в две линии; в центре второй из них находился легион *Приманов*; на правом фланге от него стояли *Батавы* и *Регии*; следовательно, на левом фланге также должно было стоять два подразделения; таким образом, и первую линию должны были образовывать также пять подразделений пехоты¹¹.

Кавалерия Юлиана состояла из шести эскадронов: катафрактарии (Amm. XVI. 12. 7; 12. 38), три отряда легкой кавалерии (вероятно, конные лучники) (Amm. XVI. 11. 5; XVI. 12. 7), школы *Гентилов* и *Скутарицев* (Amm. XVI. 4. 1; XX. 4. 3).

Некоторые из галльских подразделений имели давнюю историю и пользовались в армии особым почетом. В *Notitia dignitatum*, согласно существующей гипотезе, при перечислении воинских отрядов соблюдался иерархический принцип, согласно которому перечень начинался с самых старых и высоких по статусу подразделений. В V главе западной части *Notitia dignitatum* список ауксилиев возглавляют *Корнуты* за ними следуют *Бракхиаты*, *Петуланты*, *Кельты*, *Эрулы* и *Батавы* (ND. Ос. V. 158–163). Изображения на щитах *Корнутов*, *Бракхиатов* и *Петулантов* практически идентичны. А. Альфельди и некоторые другие исследователи полагали, что на них представлены рога¹². Однако более вероятным кажется, что на щитах были нарисованы изначально два обращенных друг к другу змея, точно такие же, как и на щитах *Кельтов*. Но вследствие многократного копирования миниатюр рисунки утратили свои зооморфные формы. Ф. Альтхайм связывает эти два изображения с фигурами двух танцующих змей, которые часто украшают германское оружие¹³.

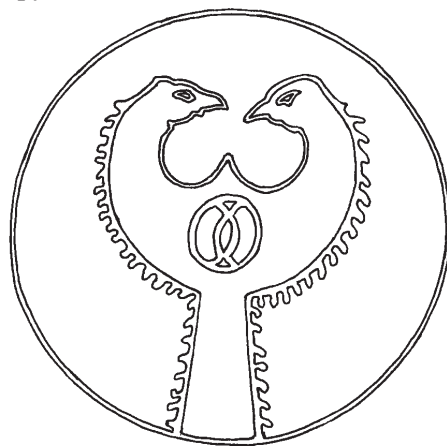

Рис. 1. Эмблема *Корнутов* в *Notitia dignitatum* (ND. Or. VI. 9 = 50).

Прорисовка И. В. Кирсанова.

¹¹ Richardot 1995, 417.

¹² Alföldi 1959, 169–183.

¹³ Altheim 1938, 55.

Аналогичный символ на щите можно увидеть и на арке Константина. Предполагается, что *Корнуты* – одно из подразделений, носивших на щитах подобное изображение, вошли в состав армии Константина и прославились в боях за Италию (312 г.). Аммиан Марцеллин называет их «закаленными в боях» и утверждает, что они нагоняли страх уже одним своим внешним видом (Amm. XVI. 12. 43).

Доказательством привилегированного положения отрядов с змеиной символикой служит бронзовая статуэтка из Принстона, представляющая Константина, опирающегося на щит с подобным рисунком. Вероятно, император хотел видеть себя представителем одного из своих гвардейских подразделений. В этом не было ничего странного, поскольку в торжественных случаях императоры часто показывались в доспехах своих элитных подразделений¹⁴.

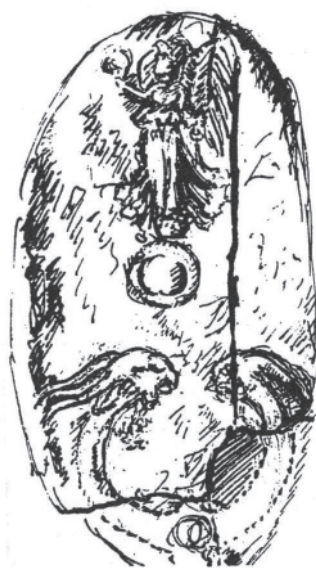

Рис. 2. Изображение щита на триумфальной арке Константина¹⁵.

Логично было бы предположить, что в критический момент, когда Констанций получил известие о нашествии огромной персидской армии, он должен был бы вызвать из Галлии наиболее сильные отряды. Но, согласно Аммиану, самым престижным подразделением, затребованным императором, были *Петуланты* — третьи в списке *Notitia dignitatum*.

Аммиан не упоминает о *Корнутах* и *Бракхиатах* не только когда перечисляет подразделения, которые Констанций II потребовал от Юлиана, но и при описании военного мятежа, в результате которого последний был провозглашен императором. В момент «коронации» Юлиана золотую цепь ему на голову возлагает гастат *Петулантов* Мавр, хотя эта честь должна была принадлежать офицеру самого старшего подразделения армии. Подобное представляется весьма странным, если учесть, какую роль играли *Корнуты* и *Бракхиаты* в низложении Сильвана (355 г.): подкупленные верными Констанцию людьми, солдаты этих отрядов из-

¹⁴ Speidel 2004, 138.

¹⁵ Speidel 2004, 143.

менили Сильвану и умертвили его (Amm. XV. 5. 31). Характерно, что этот поступок не вызвал никаких протестов среди солдат других галльских подразделений. А ведь Констанций не мог пользоваться особой любовью в западной армии: он был победителем при Мурсе (351 г.) и виновником смерти Магненция (353 г.); он насрал на Галлию аламаннов¹⁶ и к тому же был последовательным гонителем языческой религии, что не могло не вызывать негодования в рядах армии, где было много германских солдат, придерживавшихся верований своих предков. Однако галльские войска не выразили никакого протеста действиям *Корнутов* и *Бракхиатов*, настолько был велик авторитет этих двух отрядов. Но когда Юлиану пришел приказ отослать на восток вспомогательный контингент, то их не оказалось среди «сильнейших». Таким образом, мы можем утверждать, что к этому моменту *Корнуты* и *Бракхиаты* уже оставили место своей постоянной дислокации¹⁷. Это в точности совпадает с тем, что сообщает нам Зосим о первой отправке Юлианом войск на восток.

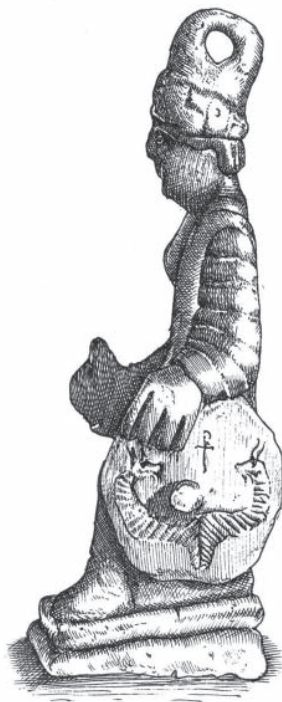

Рис. 3. Бронзовая статуэтка, представляющая императора Константина.
Прорисовка И. В. Кирсанова.

¹⁶ Не имея возможности справиться с Магненцием, Констанций освободил аламаннов от заключенных с империей соглашений и сам поощрял их к вторжению на римскую территорию. По сообщению Либания, он разослал варварам письма, заявив им о своем дозволении приобретать земли столько, сколько они пожелают (Lib. Or. XVIII. 33. 34). Аламанны вторглись в Галлию, заняли значительную часть ее территории и разрушили 45 или 48 городов (Iul. Ad Ath. 279a; Lib. Or. XII, 44; cf.: Zos. III. 1. 1).

¹⁷ Hoffmann 1970, 206.

Относительно последней, несостоявшейся отправки в тексте трех наших основных источников наблюдается явное совпадение, которое не может быть случайным. Это указание на подсылку 4-х подразделений. Правда, при этом в сообщениях каждого из авторов есть определенные специфические детали, нуждающиеся в уточнении.

Итак, в соответствии с тем, что пишет Юлиан, он предоставил Констанцию 9 отрядов: 4 сильнейших отряда пехоты (τέσσαρες ἀριθμοὶ τῶν κρατίστων πέζων) – это были 4 ауксии (*Aeruli et Batavi cumque Petulantibus Celtae*), о которых сообщает Аммиан; 3 более слабых отряда (τρεῖς ἄλλοι τῶν ἐλαττόνων) – т.е., очевидно, отряды по 300 солдат (*ex numeris aliis trecenteni*), согласно Аммиану; и, наконец, две тагмы всадников (ἱππέων τάγματα δύο), а согласно, Аммиану – 2 кавалерийских отряда, сформированных из схол *Скутариес* и *Гентилов* (*de Scutariis autem et Gentilibus*).

Сообщения двух наших источников совпадают полностью. Более того, мы даже можем внести ясность в вопрос, какие именно подразделения имеются в виду под выражением Аммиана «*ex numeris aliis*» (из других подразделений). В соответствии с версией, предложенной комментаторами «Деяний», под другими *numeri* подразумеваются все воинские части галльской армии, исключая *Эрулов*, *Батавов*, *Кельтов* и *Петулантов*¹⁸. Со своей стороны, И. Сзидат полагает, что *numeri alii* это все вообще отряды армии Юлиана, не являвшиеся ауксиями¹⁹. Согласно первой точке зрения, Юлиан посылал на восток четыре ауксии в полном составе, а из всех остальных подразделений (ауксильев, легионов и кавалерийских отрядов) отбирал по триста человек. Вторая гипотеза предполагает, что в дополнение к четырем ауксиям Юлиан посылал по 300 человек только из легионов и кавалерийских отрядов.

И. Сзидат аргументирует свою позицию тем, что в тексте пассажа слово *auxiliariis* (ауксильиариев) со всей очевидностью противопоставлено слову *trecentenis* (по триста)²⁰. Тот факт, что Аммиан употребляет слово *auxiliarius*, обозначающее воина ауксии, а не *auxilia* (тип подразделения), позволяет сделать вывод, что среди тех солдат, кто вошел в состав отрядов по 300 человек, ауксильиариев не было.

Однако авторы комментариев полагают, что данный довод не может считаться надежным доказательством. По их мнению²¹, по смыслу разграничены не столько *auxiliariis* и *trecentenis*, сколько оба слова, взятые вместе, противопоставлены выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*²².

Возражая подобной трактовке, заметим, что Аммиан, как нам представляется, обособляет *Скутариес* и *Гентилов* вовсе не потому, что противопоставляет их ауксильиариям и отрядам по 300 солдат, а лишь по той причине, что это были гвар-

¹⁸ Den Boeft, Drijvers 1987, 58.

¹⁹ Den Boeft, Drijvers 1987, 58.

²⁰ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis» («Помимо ауксильиариев, а также отрядов по триста человек»)

²¹ Den Boeft, Drijvers 1987, 59.

²² «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ... de Scutariis autem et Gentilibus» («Помимо ауксильиариев и отрядов по триста человек ... из Скутариес же и Гентилов»).

дейские кавалерийские школы, составлявшие почетный конвой Юлиана²³. Слова же *auxiliariis u trecentenis*, взятые вместе, противопоставлены не выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*, а содержанию второй части приказа Констанция, требующей, чтобы *только* Лупицин отправился на восток вместе с отобранными контингентами²⁴.

Отстаивая свою позицию, авторы комментариев утверждают, что в данном случае предлог *super* стоит рассматривать как синоним *de* (из)²⁵, как это было почти повсеместно в эпоху поздней античности²⁶. Если же мы примем версию Ч. Форнары²⁷, полагающего, что Аммиан, умышленно архаизируя свой текст, часто использует речевые обороты, присущие классическим латинским авторам (Ливию, Саллюстию, Тациту), то можно допустить, что *super* в сочетании с аблативом имеет у него классическое значение «сверх, кроме, помимо».

Нам представляется несомненным, что слова *auxiliariis* и *trecenteniis* вполне определенно противопоставлены по смыслу. Таким образом, Аммиан разделяет солдат, которые в его глазах были варварами, служившими в ауксилиях, и тех, кого историк считал римлянами, служившими в легионах²⁸. Упомянув другие нумеры (*numeri alii*), Аммиан имеет в виду подразделения, солдаты которых были неварварами. Теоретически к ним можно было бы отнести легионы и римские отряды всадников. В действительности конницу мы должны исключить из этого списка: численность эскадронов, которые могли входить в состав армии Юлиана, варьировалась от 300 до 500 бойцов²⁹, поэтому вряд ли из них можно было выделить по 300 человек для отправки на другой фронт. Это наглядно демонстрирует, что *нумеры*, упоминаемые Аммианом, были исключительно пехотными подразделениями, т. е. легионами.

Таким образом мы получаем еще одно вполне обоснованное доказательство того, что в момент получения третьего приказа Констанция у Юлиана уже не было *Корнутов* и *Бракхиатов*, а оставалось 4 вышеупомянутых ауксии и 3 легиона, всего 7 подразделений линейной пехоты. С *Корнутами* и *Бракхиатами* их будет 9. Не хватает одного, которое, очевидно, и было отправлено на восток в соответствии со вторым приказом Констанция. Зосим говорит о «нескольких подразделениях» (ἑτέρα τάγματα στρατιωτικά), отосланных тогда Юлианом. Допустимо предположить, что среди них были одна целая воинская часть и несколько отрядов по 300 человек, как это случилось позднее.

Наконец, последнее. Как указывалось выше, Зосим утверждает, что в третий раз Юлиан приготовил к отправке 4 эскадрона (τέσσαρες ἵλας), которые, как по-

²³ *Scholae palatinae* – элитные подразделения позднеримской армии, на которые была возложена функция охраны особы императора (Southern, Dixon 1996, 35).

²⁴ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocus proficisci Lupicinus conventus est solus» («Помимо ауксилиариев, а также отрядов по триста человек, было приказано, чтобы только Лупицин получил приказ спешно выступить в путь»).

²⁵ «Из ауксилиариев и отрядов по триста...; из Гентилов же и Скутариев...».

²⁶ De Jonge 1972, 40.

²⁷ Fornara 1992, 438.

²⁸ Подобное противопоставление характерно не только для Аммиана, но и для других позднеантичных авторов. Оно, например, отчетливо прослеживается у Зосима, который, говоря о подразделениях римской армии, отмечает, что существовали *τάγματα ρωμαίων* – отряды римлян, т. е., очевидно, легионов и *τάγματα βαρβάρων* – отряды варваров, т. е. ауксильев (Zos. IV. 7. 1).

²⁹ Банников 2011, 142–145.

лагает Ф. Пашу³⁰, мы не можем отождествить с *Кельтами*, *Петулантами*, *Эрулами* и *Батавами*, т.к., в соответствии с данными *Notitia dignitatum*, из этих четырех отрядов гипотетически кавалерийскими могли быть только *Батавы*³¹. Но даже версия с *Батавами* не выдерживает критики, поскольку анализ текста Аммиана показывает, что это был отряд пехоты³².

На наш взгляд, подобная терминологическая ошибка не носит фатального характера, ставящего под сомнение достоверность информации первоисточника Зосима, ведь даже Аммиан Марцеллин, будучи профессиональным военным, допускает однажды ошибку, называя легионом кавалерийское подразделение (Amm. XXX. 1. 7).

ЛИТЕРАТУРА

- Банников А. В. 2011: Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.
- Alföldi A. 1959: Cornuti: A Teutonic Contingent in the Service of Constantine the Great and its Decisive Role in the Battle at the Milvian Bridge // *Dumbarton Oaks Papers*. 13, 169–183.
- Altheim F. 1938: Runen als Schildzeichen // *Klio*. 31, 51–59.
- Boeft J. den, Drijvers J. W. (eds.) 1987: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus*. T. XX. Groningen.
- Bohec Y. le 2006: *L'armée Romaine sous le Bas-Empire*. Paris.
- Fornara C. W. 1992: Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // *HZAG*. 41 (4), 420–438.
- Jonge P. de (ed.) 1972: *Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus XVI. 2. Hälfte* Groningen.
- Hoffmann D. 1970: *Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum*. 2 Bd. Düsseldorf.
- Liebeschuetz J. H. W. G. 2003: Pagan historiography and the decline of the Empire // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D.* / Gabriele Marasco (ed.). Leiden, 177–218.
- Paschoud F. 1979: Notes // *Zosime. Histoire nouvelle*. T. II / (ed.) par F. Paschoud. Paris, 59–240.
- Richardot Ph. 1995: Hiérarchie militaire et organisation légionnaire chez Végèce // *La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994)* / Yann Le Bohec (ed.). Paris, 405–426.
- Southern P., Dixon K. R. 1996: *The Late Roman Army*. London.
- Speidel M. P. 2004: The Four Earliest Auxilia Palatina // *Revue des Études Militaires Anciennes*. 1, 133–146.
- Zuckerman C. 1993: Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des auxilia tétrarques // *L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle* / F. Vallet, M. Kazanski (ed.), 17–20.

³⁰ Paschoud 1979, 84–85.

³¹ *Batavi seniores (vexillatio palatina in Gallia)*: ND. Oc. VI. 5 = 47 = VII. 167; *iuniores* (id.): ND. Oc. VI. 9 = 51 = VII. 169.

³² Это можно наглядно продемонстрировать всего лишь на одном примере: в битве при Аргенторате вся римская кавалерия была сосредоточена на правом фланге. Когда она бросилась бежать, натиск германцев встретила пехота, среди подразделений которой Аммиан называет Корнутов и Бракхиагов, Региев и Батавов (Amm. XVI. 12. 44–45).

PREHISTORY OF MILITARY REVOLT IN AD 360: HOW MANY TIMES DID
JULIAN SEND TROOPS TO HELP CONSTANTIUS?

A. V. Bannikov, G. A. Shmidt

Events prior to Gaul soldiers' riot in the December of AD 360, the riot itself that resulted in proclaiming Julian as emperor have been discussed for a long time. The extant evidence is far from heterogeneous, but careful analysis of the sources revealed that the information describing the historical event is quite authentic and makes it possible to fully reconstruct the riot.

Key words: Julian, Ammianus Marcellinus, Zosimus, Constantius, Constantinus, auxiliary infantry, legions

Древний Восток

© 2013

А. А. Горохов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩИННО-ЧАСТНОГО ХОЗЯЙСТВА У ДРЕВНИХ ЕВРЕЕВ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДАВИДА И СОЛОМОНА (X В. ДО Н.Э.)

В статье рассматриваются основные тенденции развития общинно-частного (негосударственного) хозяйства в древнем Израиле во время правления Давида и Соломона (X в. до н.э.). Проанализирована отечественная и зарубежная историография социоэкономической жизни древних евреев. Показано, что благодаря увеличению земельного фонда, приросту населения и начавшейся урбанизации древнеизраильская экономика переживает в эту эпоху подъем.

Ключевые слова: общинно-частное хозяйство, урбанизация, социальная стратификация, Давид, Соломон

Рассмотрение и анализ экономической жизни является важным фактором в изучении ранней государственности в древнем Израиле — одной из периферийных цивилизаций древнего Ближнего Востока. Необходимо отметить, что экономические отношения в древнем Израиле остаются до сих пор малоисследованными историками древнего Ближнего Востока. Особенно справедливо отнести это ко времени ранней монархии (1010–931 гг. до н.э.), то есть к периоду правления Давида (1010–970 гг. до н.э.) и его сына Соломона (970–931 гг. до н.э.). Поэтому специальных монографических трудов на данную тему не имеется.

Первым из отечественных исследователей хозяйственную жизнь древних евреев проанализировал А. И. Тюменев¹. Охватывая весь рассматриваемый нами период от союза еврейских племен до смерти Соломона, ученый считал, что все указанное время древнеизраильская экономика носила натуральный характер обмена продукцией. Работы И. Д. Амусина² посвящены проблеме производственных отношений в древнем Израиле. Наиболее ценным выводом, который он сделал, является то, что в их основе в древнеизраильском обществе первой половины I тыс. лежал труд не рабов, а класса свободных производителей — крестьян. И. Ш. Шифман исследовал

Горохов Анатолий Алексеевич — преподаватель кафедры библеистики Тобольской Духовной семинарии. E-mail: warlaam_gorochow@mail.ru

¹ Тюменев 2003.

² Амусин 1955; 1993.

различные стороны социально-экономического развития Палестины первой половины I тыс., например, земельные отношения, юридическое положение рабов, царские повинности³. Анализ социально-экономической структуры древнеизраильского общества в контексте рассмотрения древних ближневосточных обществ был изучен В.В. Струве⁴ и И.М. Дьяконовым⁵, Ю.Б. Циркиным⁶. Работы М.Л. Гельцера⁷ посвящены исследованию таких древних ближневосточных обществ, особенно близких к древнему Израилю территориально, как Угарит. В зарубежной историографии проблемы социально-экономического развития древнеизраильского общества в X в. до н.э. рассматривались в трудах А. Мазара⁸, Й. Шило⁹, Л. Стэйджера¹⁰, Г. Леманна¹¹, У. Девера¹², А. Фауста¹³, Х. Каца, М. Чейни¹⁴, Р. Лаури¹⁵.

Необходимо подчеркнуть, что в X в. до н.э. у древних израильтян значительно увеличился земельный фонд. Это можно сказать не только о землях для выращивания растительных и плодовых культур, но и об увеличении пастбищ. Он вырос благодаря завоеваниям Давида, когда были ликвидированы хананские анклавов внутри израильской территории, а также ликвидирована зависимость древнееврейского населения от филистимлян и равнинная территория стала достоянием Израиля.

Важнейшим фактором социально-экономического развития стал прирост населения. Конечно, говорить об абсолютной точности предлагаемых исследователями цифр не приходится. Имеющиеся в библейских книгах цифры, указывающие на количество мужского населения, по мнению большинства ученых, сильно преувеличены и поэтому необъективны. В настоящее время исследователи склонны более основывать свои расчеты на раскопках древнеизраильских поселений. Так, по мнению американского исследователя Л. Стэйджера, «в период с железного века I до железного века II население центрального нагорья в Палестине увеличилось от 40 000 до 80 000 человек. Иерусалим имел около 1000 жителей»¹⁶. Израильским исследователем А. Мазаром подчеркивалось, что «население Иудеи в X в. до н. э. было примерно 20 000 человек, но если предположительно подсчитать, сколько людей могло проживать на территориях Северного Израиля и прибавить их к жителям Иудеи, то получится приблизительно 50 000 или даже 70 000 человек»¹⁷.

Самым распространенным типом жилища древнееврейской большой семьи в X в. до н.э. был дом прямоугольной формы, с четырьмя комнатами, имевший пло-

³ Шифман 1964; 1965; 1967.

⁴ Струве 1965.

⁵ Дьяконов 1964; 1968; 1973.

⁶ Циркин 2004.

⁷ Гельцер 1960; 1963.

⁸ Мазар 1996.

⁹ Shiloh 1980.

¹⁰ Stager 1985.

¹¹ Lehmann 2004.

¹² Dever 2001.

¹³ Faust 1999; 2003; 2005.

¹⁴ Chaney 1986.

¹⁵ Lowery 1991.

¹⁶ Stager 1985, 25.

¹⁷ Finkelstein, Mazar 2007, 134.

скую крышу. Данная форма дома была широко распространена в филистимских городах еще с XI в. до н.э.; это позволяет сделать вывод, что евреи начали широко ее использовать после знакомства с филистимской культурой. Четырехкомнатный дом включал два яруса, три продольных и одну широкую поперечную комнату, находившуюся сзади. На верхний ярус, на котором жили люди, вела каменная или деревянная лестница. Первый этаж мог использоваться в качестве кладовых, домашних мастерских и хлева. Средние размеры дома «не превышали 100 м²»¹⁸. По мнению израильского археолога И. Шило, «в доме проживало 6–10 человек»¹⁹.

Другим важным фактором социально-экономического развития в X в. до н.э. становится урбанизация. Каким образом осуществлялся древними евреями переход к городскому образу жизни? Во-первых, большое количество городов Ханаана было захвачено Давидом и стало составной частью его государства. Во-вторых, в первую половину правления Давида полугородские центры, сложившиеся в XI в. до н.э. постепенно трансформируются в города. Крупные города были как на севере, так и на юге страны. Например, на севере в X–IX вв. до н.э. г. Хацор включал в себя территорию 15 акров (60702,846336 м²) и насчитывал 1500 человек, г. Мегиддо был 13, 5 акров (54632,5617024 м²) и там жило 1300 человек, г. Танах — 16 акров (64749,7027584 м²), при 1600 жителей, г. Бет-Шеан — 10 акров (40468,564224 м²) и 1000 человек, г. Гезер — 33 акра (133546,261392 м²) и 3300 жителей, в г. Дане территория была 50 акров (202342,82112 м²), и там жило 5000 человек; на юге же Лахиш — насчитывал 18 акров (72843,4156032 м²) и 1800 жителей, а Вирсавия — 2,5 акра (10117,141056 м²) и 250 жителей²⁰. Сюда же следует отнести г. Хирбет Кейафу — «иудейское поселение раннего городского типа, относимое к железному веку ПА (1025–915 гг. до н.э.)»²¹.

В этот период в древнем Израиле окончательно меняется характер производственных отношений, поскольку все более развивается социальная стратификация и затем появляется раннеклассовое общество, для которого характерно перераспределение средств производства. При его формировании появляется слой правящей элиты и, следовательно, государственный сектор. Поэтому экономика древнего Израиля в период правления Давида и Соломона уже включала в себя не только общинно-частное, но также царское и жреческое хозяйства.

Каковы были экономические взаимоотношения между государственным социально-политическим сектором и остававшимися родоплеменными общественными структурами? Среди исследователей долгое время преобладали две разные точки зрения. В отечественной историографии часть исследователей придерживалась мнения, что в древней Западной Азии царь являлся верховным собственником всей земли в стране. Между тем И. М. Дьяконов указывал, что в Израиле «царь не являлся собственником всей земли государства, ни верховным, ни непосредственным. Все функции, осуществлявшиеся древним ближневосточным царем в отношении территории своего царства в целом, сводятся к осуществлению им государственной власти как суверена данной территории»²². В качестве при-

¹⁸ Faust 1999, 240.

¹⁹ Shiloh 1980, 30.

²⁰ Dever 2001, 191.

²¹ Garfinkel, Ganor 2010, 67–78.

²² Дьяконов 1967, 22–23.

мера исследователь приводил сюжет из «Третьей книги Царств» (21: 1–16), где рассказывается о том, что царь Ахав (IX в. до н.э.) вынужден был прибегнуть к ложному обвинению своего поданного Навуфея в политическом преступлении с тем, чтобы конфисковать его землю в порядке прерогативы государства как суверена²³. Ю. Б. Циркин также указывает на то, что «характернейшей чертой семитской Передней Азии доэллинистической эпохи является дуализм: в экономической, в социальной и в политической сфере сосуществовали царский и общинный секторы»²⁴.

Аналогично прослеживается ситуация с данной проблемой и в зарубежной науке. Так, М. Чейни полагал, что в древнем Израиле «царская власть простиралась на всю землю. Поэтому маленькие единицы производства (общинный сектор) постепенно упразднялись усиливавшейся специализацией царской административно-командной экономики»²⁵. Р. Лаури же считал, что «в период монархии законно существовали разные типы землевладения»²⁶.

Некоторые исследователи, например В. В. Струве, считали «древнееврейское общество было рабовладельческим наряду с другими классовыми обществами древнего Ближнего Востока»²⁷. Действительно, рабство существовало в древне-израильском обществе и в общинно-частном и государственном хозяйствах, и на землях жрецов. По библейским книгам, входящим в «Пятикнижие», евреи могли быть обращены в рабство за преступление, например, воровство, когда вор не мог возместить ущерба, потерпевшей стороне (Исх. 22: 3). Другой причиной рабства являлась продажа себя самого или одного из членов семьи по причине обнищания (Лев. 25: 39). Более поздние по времени библейские книги, отражая социальные отношения уже в развитом государстве Израиле IX–VIII вв. до н.э., указывают на долговое рабство, когда заимодавец мог вынудить к этому своего должника (4 Цар. 4: 1; Ам. 8: 5–6). Если говорить о категориях рабов в древнем Израиле, то условно их можно разделить на временных и вечных. Евреи в основном были временными рабами, вечным рабство было, преимущественно, для иноземцев. Основными источниками приобретения таких рабов были плен, покупка и естественное воспроизводство. Срок службы раба еврея, как правило, ограничивался шестью годами; на седьмой год его полагалось отпустить на свободу без выкупа (Исх. 21: 2).

Вместе с тем необходимо заметить, что рабство в X в. до н.э. в древнем Израиле носило патриархальный характер. В связи с этим И. М. Дьяконов подчеркивал: «В частном хозяйстве рабы и их хозяева, как правило, выполняли различные операции одного и того же производственного процесса: хозяин пахал, раб-мальчик погонял волов; на жатву выходили всем домом, включая рабов и рабынь»²⁸. Данное суждение прекрасно иллюстрирует сюжет из «Второй книги Царств»: «И призвал царь Сиву, слугу Саула, и сказал ему: все, что принадлежало Саулу и всему дому его, я отдаю сыну господина твоего. Итак, обрабатывай для него землю ты и

²³ Дьяконов 1967, 22.

²⁴ Циркин 2004, 299.

²⁵ Chaney 1986, 54.

²⁶ Lowery 1991, 55–56.

²⁷ Струве 1965, 101.

²⁸ Дьяконов 1973, 26.

сыновья твои и рабы твои, и доставляй плоды ее, чтобы у сына господина твоего был хлеб для пропитания; У Сивы было пятнадцать сыновей и двадцать рабов» (2 Цар. 9: 9–10).

Рабы могли стать приемными детьми и даже наследниками своих господ. Так, в «Первой книге Паралипоменон» (2: 34) пишется о том, что у израильтянина Шешана не было сыновей, а только дочери, чтобы его род не прервался, он отдал свою дочь рабу египтянину по имени Иарха. О наличии домашних рабов упоминает и более ранний по времени написания библейский источник — «Третья книга Царств», там говорится об убежавших в г. Геф рабах Семеня, сына Геры, вениамитянина из Бахурима (3 Цар. 2: 39).

Как правило, «рабы использовались в хозяйствах лиц, принадлежащих к зажиточной верхушке общества. В описании жатвы, дошедшей до нас в книге «Руфь», жнецы названы двумя терминами: qōšēgīm «жнецы» (2:6) по профессиональному признаку и nē‘āgīm «отроки» по их социальному положению. Один из nē‘āgīm считался старшим и наблюдал за выполнением работ (2: 5). В соответствующих отрывках из Септуагинты слово na‘ar переведено *tó paidárion* (мн. *tá paidária*) — термином, который, наряду с другими, пользовался для обозначения рабов сравнительно юного возраста. Сказанное позволяет утверждать, что те жнецы, о которых в данном случае идет речь, были рабами владельца поля»²⁹. Таким образом, хотя рабство присутствовало в экономической жизни древнего Израиля в период правления Давида и Соломона, но оно не оказывало существенного влияния на производственные отношения. Поэтому И. Д. Амусин считал, что в основе производственных отношений в древнем Израиле лежал труд не рабов, а «свободных производителей материальных благ», которых он обозначал библейским термином ‘am-hā’ārās — «народ земли»³⁰. Каждый израильтянин являлся «свободным полноправным гражданином, обозначаемым термином ‘ezrahī. Формальным признаком являлась запись в родословных таблицах-регистрах, в так называемой «книге родства» (1 Пар. 9: 1). Основным критерием полноправности было право землевладения, которое, в свою очередь, было обусловлено обладанием гражданскими правами»³¹.

Далее следует сказать, что общинно-частное хозяйство функционировало в виде территориальной общины. Библейские источники ничего не говорят о сельской территориальной общине, но дают определенный материал по общинам в городах. Например, в книге «Руфь» упоминаются старейшины Вифлеема и народное собрание при городских воротах (4: 2, 11).

Каким образом городская община взаимодействовала с царской властью, раскрывают библейские материалы, описывающие более позднюю эпоху разделенных царств Израиля и Иудеи (IX–VII вв. до н.э.). Так, царица Иезавель, задумав интригу против Навуфея, была вынуждена обратиться к мужам города его, старейшинам и знатым (3 Цар. 21:11), то есть представителям общины г. Изрееля с просьбой об осуждении данного гражданина. Воцарившийся в результате военного переворота царь Израиля Ииуй также обращается к старейшинам Самарии при решении вопроса о казни, проживавших там сыновей Ахава (4 Цар. 10: 1). Соглас-

²⁹ Шифман 1964, 71.

³⁰ Амусин 1955, 19.

³¹ Амусин 1993, 88–89.

но этому, «для характеристики взаимоотношений царя с городом существенно то, что городские органы самоуправления не назначались царем; они формировались на месте явно в соответствии с издревле сложившимися традициями»³². Тем не менее, в период монархии высший городской магистрат — *šar hā'ir* — был назначаем царем. Такой вывод можно сделать на основании того, что в библейских повествованиях *šar hā'ir* перечисляется среди прочих чиновников иудейского царя Иосии (2 Пар. 34: 8) и вообще упоминается рядом с фигурой царя Ахава (3 Цар. 22: 26) и Езекии (2 Пар. 29: 20).

Далее следует отметить, что «общинники — могли быть обязаны уплачивать государству натуральные налоги, и несомненно, что они также должны были выходить на трудовую и воинскую повинность»³³. Например, в городе-государстве Угарит (XIV–XIII вв. до н.э.) сельская территориальная община несла «коллективную ответственность за выполнение повинностей и уплату налогов»³⁴. Теперь нужно остановиться подробнее на рассмотрении ситуации с налогами и повинностями в древнеизраильском обществе.

В период правления Давида военное ополчение продолжало формироваться на родоплеменной основе. В связи с этим израильский исследователь Х. Тадмор считает, что «воинская часть *'e'ler* — тысяча — идентична с родовой единицей, кланом или родом»³⁵. Вряд ли можно согласиться с тем, что воинские части полностью численно соответствовали имевшимся родам, но несомненно, что они преимущественно комплектовались из членов определенного рода или даже племени. В качестве примера можно привести совет Ахитофела Авессалому о преследовании Давида: «сказал Ахитофел Авессалому: выберу я двенадцать тысяч человек и встану и пойду в погоню за Давидом в эту ночь» (2 Цар. 17:1). Вероятно, по мысли Ахитофела, война против Давида должна стать делом племен всего Израиля, каждое из них должно было предоставить по тысяче воинов.

С другой стороны, племена также облагались натуральными налогами — *minḥa*. Это видно из беседы представителей колена Иуды с представителями прочих колен Израиля после подавления восстания Авессалома: «И отвечали все мужи Иудины Израильтянам, разве от податей освободил он нас» (2 Цар. 19: 42), что передает только греческая версия текста — Септуагинта.

Трудовую повинность — *mas* — при Давиде несли покоренные народы. Подчиняя их себе, он, как правило, не трогал местные органы управления. Например, у аммонитян продолжала сохраняться не только система территориальных общин, но и государственная, царская власть одного из сыновей Нааса — Сови. Население же было обложено не только натуральным налогом, но трудовой повинностью: «приставлен (древнеевр. глагол — *šim*) к пилам, железным топорам, молотилкам и печам для обжига посуды» (2 Цар. 12: 31). Вероятно, территориальная община продолжала существовать у покоренного населения Ханаана: иевуссеев, хивеев и других народностей, даже после включения территорий Ханаана Давидом в его государство, о чем можно судить на основании эпизода о покупке Дави-

³² Шифман 1989, 81.

³³ Дьяконов 1968, 17–18.

³⁴ Гельцер 1963, 41.

³⁵ Tadmor 1982, 246.

дом земли у Орны иевусея (2 Цар. 24: 18–25). Кроме того, теперь община несла ответственность за выполнение царских повинностей.

Ситуация начинает радикально меняться при Соломоне, захотевшем преобразовать социально-экономическую структуру древнеизраильского общества в пользу государственных органов и для этого разделившего страну на двенадцать территориальных округов не всегда совпадавших с прежними границами еврейских племен (3 Цар. 4: 7–19). Например, земли племен Ефрема-Манассии, игравших большую роль среди северных еврейских племен, были разделены на два округа, в особые округа была выделена Соронская долина, а также присоединенные города Ханаана: Танаах, Мегиддо, Бет-Шеан. Среди старых племенных территорий свою идентичность сохранили лишь племена Неффалима, Асира, Иссахара и Вениамина.

Поэтому в период правления Соломона ответственность за исполнение натуральной, трудовой и воинской повинностей переходила от родовой общины к территориальной. Каждый из территориальных округов снабжал царский двор продовольствием на один месяц, что свидетельствует о распределении данного экономического обязательства между всеми территориальными общинами, входящими в округ. Сведения об исполнении трудовой повинности при Соломоне содержатся в библейском рассказе о подготовке к строительству храма в Иерусалиме: «Обложил царь Соломон повинностью весь Израиль; повинность же состояла в тридцати тысячах человек. И посылал их на Ливан, по десяти тысяч на месяц, попеременно; месяц они были на Ливане, а два месяца в доме своем» (3 Цар. 5:13–14). Об участии членов территориальных общин в осуществлении воинской повинности в эпоху Соломона в библейских источниках ничего не сказано. Однако в «Книге пророка Амоса» (VIII в. до н.э.) приводится следующее высказывание: «Город, выступавший тысячею, останется только с сотнею, и выступавший сотнею, останется с десятком» (Ам. 5:3), что, по мысли И. Ш. Шифмана, указывает на то, что «города поставляли воинов в общенародное ополчение»³⁶.

Вместе с тем, по мнению И. М. Дьяконова, «собственность на общинную землю осуществлялась в это время не территориальной общиной, а ее составной частью домашней общиной»³⁷. Подобная ситуация прослеживается и в древнеизраильском обществе X в. до н.э.

Здесь самой важной единицей общинно-частного экономического сектора в это время, как и прежде, в XI в. до н.э., являлась расширенная или патриархальная семья *bêt 'āb*. Однако среди патриархальных семей в период правления Давида и Соломона продолжается процесс социального расслоения, по мере производства избыточной продукции той или иной семьей. На примере частного хозяйства одного из обеспеченных граждан г. Галаада, находившегося в Заиорданье, Верзеллия, о котором упоминает библейский текст «Второй книги Царств», мы можем узнать какие виды избыточного продукта имелись у богатых слоев общества в X в. до н.э. Там упоминаются пшеница, ячмень, мука, пшено, бобы, чечевица, мед, масло оливковое, сыр, баранина (2 Цар. 17: 28, 29). Однако многие частные хозяйства свободных производителей оставались на уровне простого воспроизводства, и вся их надежда в случае неурожая или каких-либо других неблагоприятных эко-

³⁶ Шифман 1989, 81.

³⁷ Дьяконов 1968, 7–8

логических условий возлагалась, как и прежде, на родовую общину, к которой они принадлежали. Наличие мер социальной взаимопомощи отражено в Библии в установлении относительно оставления части урожая для «пришельцев, сирот и вдов», то есть самых незащищенных классов общества, сюда же можно отнести и бедноту из слоя свободных производителей (Втор. 24: 19–21).

Вместе с тем в древнеизраильском обществе X–IX вв. до н.э. постепенно менялось отношение к собственности. Наряду с частной собственностью (на землю), ограниченной пределами родовой общины, появляется земельная собственность, являющаяся предметом купли-продажи. В «Третьей книге Царств» имеется рассказ о покупке горы, на которой впоследствии был построен г. Самария, израильским царем Амврием (IX в. до н. э.) у некоего Семира (Шемера), имевшего еврейское имя и, несомненно, являвшегося израильтянином (3 Цар. 16:24). Примечательно, что сам факт покупки-продажи земли библейским автором не осуждается. Откуда была взята земля, не бывшая родовой собственностью? Представляется весьма вероятным, что данная земля первоначально принадлежала жителям Ханаана и стала собственностью израильтян уже в период монархии, когда приобретенные земли уже не становились собственностью рода, а в первую очередь входили в государственный земельный фонд, принадлежащий царю, во вторую же очередь могли стать отчуждаемой частной собственностью и богатых знатных граждан.

Вместе с земледелием в городском секторе существовало и ремесло. В основном профессиональные ремесленники были на царской службе, а в общинно-частном секторе могли быть мастера, жившие при общине, либо сами ведущие хозяйство. Также в частных хозяйствах определенные ремесленные навыки использовались самими крестьянами и горожанами, то есть существовало домашнее ремесло.

Важную роль в общинно-частном секторе экономики играли кузнецы, так как крестьянам и занимавшимся сельским хозяйством горожанам необходимо было изготовление и починка сельскохозяйственных орудий. Наряду с этим в хозяйственной жизни необходимы были кожевники, изготавливавшие одежду, обувь и пояса. Большое значение в частном хозяйстве имели плотники, которые делали крышу, двери, окна и лестницу, изготавливали мебель: кушетки, ложа, стулья, столы и скамеечки для ног, сельскохозяйственные орудия: плуг, упряжь для скота, приспособления для молотилки и поливочные устройства. Женщины традиционно занимались прядением и ткачеством. В качестве примера нужно привести поучение о добродетельной жене, которая «добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено» (Прит. 31:13–19).

Большое значение в X в. до н.э. в социально-экономической жизни древнего Израиля приобретает торговля. Значительная ее часть, конечно, относилась к государственному сектору, но существовала торговля и в общинно-частном секторе хозяйственной жизни. В древнеизраильском государстве «коммерческая деятельность осуществлялась при городских воротах и на улицах. Однако в период монархии не существовало особо выделенных мест для продажи товаров»³⁸. Исследователь Г. Леманн указывал на тот, факт, что «первоначально были рынки, на

³⁸ Katz 2004, 272.

которых происходил обмен продукцией в маленьких политических и церемониальных центрах»³⁹.

По-видимому, в городах во время уже ранней монархии Давида и Соломона среди знати платой за определенный товар стало серебро. А. Мазар отмечает: «Расчеты производились серебряными слитками неправильной формы»⁴⁰. В библейских текстах говорится о существовании уже в эпоху Давида царского сикля (2 Цар. 14: 26), священного (храмового) сикля (Лев. 27: 25) и можно найти некоторые указания на цены. Например, участок земли и два вола в Иерусалиме стоили 50 серебряных сиклей (2 Цар. 24:24), а цена раба была 20 серебряных сиклей (Быт. 37:28).

Таким образом, в X в. до н. э. в древнеизраильском общинно-частном хозяйстве происходит дальнейший распад родоплеменных отношений, социально-экономические функции осуществляемые родом постепенно переходят к территориальной общине, например, ответственность за исполнение царских податей и повинностей. Однако родовая община, как правило, продолжает осуществлять правовую власть на владение земельной собственностью. Основой производственных отношений продолжает оставаться труд *'am-hā'ārās* — свободных производителей материальных благ. Для этого времени, с одной стороны, характерно выделение богатых землевладельцев и скотоводов, имеющих большое количество избыточной продукции, с другой — многие хозяйства находятся на уровне простого воспроизводства, что указывает на раннеклассовый характер древнеизраильского общества.

Важными факторами его экономического роста и развития становятся увеличение земельного фонда, прирост населения и урбанизация. В городах начинают развиваться ремесло и торговля, но пока в силу своей неразвитости они вынуждены сочетаться с земледелием или скотоводством. В период правления Давида и особенно Соломона мы видим постепенное подчинение общинно-частного хозяйства задачам государственного развития, что указывает на увеличение доли царского хозяйства в экономике страны по мере движения древнего Израиля от ранней государственности к статусу развитого сверхцентрализованного древневосточного государства.

ЛИТЕРАТУРА

Амусин И.Д. 1955: «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии) // ВДИ. 2, 14–36.

Амусин И.Д. 1993: Негражданское население в иудейском обществе в первой половине I тыс. до н.э. // Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тыс. до н.э.) по библейским источникам / И.П. Вейнберг (ред.). М., 88–127.

Гельцер М.Л. 1960: Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите // ВДИ. 2, 86–90.

Гельцер М.Л. 1963: Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите // ВДИ. 1, 3–56.

Дьяконов И.М. 1964: К проблеме общины на древнем Востоке // ВДИ. 4, 74–80.

³⁹ Lehmann 2004, 174.

⁴⁰ Мазар 1996, 196.

- Дьяконов И. М.* 1967: Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 4, 22–23.
- Дьяконов И. М.* 1968: Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 3, 3–27.
- Дьяконов И. М.* 1973: Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 4, 3–29.
- Мазар А.* 1996: Археология библейской земли: Т.1–2. Иерусалим.
- Струве В. В.* 1965: Некоторые аспекты социального развития древнего Востока // ВД. 5, 100–108.
- Тюменев А. И.* 2003: Евреи в древности и в средние века. М.
- Циркин Ю. Б.* 2004: Финикийский мир и арамейские государства Сирии // Государство на Древнем Востоке / Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина (ред.). М., 256–299.
- Шифман И. Ш.* 1964: Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции // ВДИ. 3, 54–80.
- Шифман И. Ш.* 1965: Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н.э. // ВДИ. 4, 26–41.
- Шифман И. Ш.* 1967: К характеристике царских повинностей в Палестине в первой половине I тыс. до н.э. по данным библейской традиции // ВДИ. 1, 38–48.
- Шифман И. Ш.* 1989: Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III — первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке / М. А. Дандамаев (ред.). М., 53–85.
- Chaney M. L.* 1986: Systemic Study of the Israelite Monarchy // *Semeia* 37, 53–76.
- Dever W. G.* 2001: Archaeology, the Israelite Monarchy, and the Solomonic Temple // *The Blackwell companion to the Hebrew Bible* / *Leo G. Perdue* (ed.). Oxford, 127–147.
- Faust A.* 1999: Differences in Family Structure Between Cities and Villages in Iron Age II // *Tel Aviv*. 26, 233–252.
- Faust A.* 2003: Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite // *Near Eastern Archaeology*. 4, 147–161.
- Faust A.* 2005: The Israelite Village: Cultural Conservatism and Technological Innovation // *Tel Aviv*. 32, 204–219.
- Finkelstein I., Mazar A.* 2007: The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel. Leiden.
- Garfinkel Y., Ganor S.* 2010: Khirbet Qeiyafa in Survey and in Excavations: A Response to Y. Dagan // *Tel Aviv*. 37, 67–78.
- Katz H.* 2004: Commercial Activity in the Kingdoms of Judah and Israel // *Tel Aviv*. 31, 268–277.
- Lehmann G.* 2004: Reconstructing the social Landscape of early Israel: Rural Marriage Alliances in the Central Hill Country // *Tel Aviv*. 31, 141–193.
- Lowery R. H.* 1991: The Reforming Kings: Cults and Society in First Temple Judah. Sheffield.
- Shiloh Y.* 1980: The Population of Iron Age Palestine in the Light of a Sample Analysis of Urban Plans, Areas and Population Density // *BASOR*. 239, 25–35.
- Stager L. E.* 1985: The Archaeology of the Family in Ancient Israel // *BASOR*. 260, 1–35.
- Tadmor H.* 1982: Traditional Institutions and the Monarchy: Social and Political Tensions in the Time of David and Solomon // *Studies in the Period of David and Solomon and other Essays* / T. Ishida (ed.). Indiana, 239–257.

PRINCIPAL TENDENCIES OF ANCIENT JEW PRIVATE COMMUNE ECONOMY
DURING THE REIGN OF DAVID AND SOLOMON (THE 10th CENTURY BC)*A. A. Gorokhov*

The paper considers principal tendencies of private commune (state-independent) economy in ancient Israel during the reign of David and Solomon (the 10th century BC), gives the analysis of home and foreign historiography of social and economic life of ancient Jews. It shows that economic expansion in ancient Israel is due to the land stock increase, population growth, and the start of urbanization.

Key words: private commune economy, urbanization, social stratification, David, Solomon

© 2013

В. А. Дмитриев

РОГА АМОНА, КУЛЬТ БЫКА И ФАРР КЕЯНИДОВ
(ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ЦАРСКИХ КОРОНАХ САСАНИДОВ)

Статья посвящена выявлению культурно-исторических и политико-идеологических истоков традиции использования в сасанидском Иране рогов барана в качестве сакрального атрибута царской власти. Впервые рога барана в этом качестве появляются в Иране после походов Александра Македонского, принесшего с собой на Восток синкретический греко-египетский культ «овноголового» Зевса-Амона. Затем рога (но не барана, а быка) как элемент головного убора царей встречаются в Иране в период правления Селевкидов и Аршакидов. В сасанидском Иране традиция использования рогов барана как атрибута царской власти, восходящая к Александру Македонскому, возрождается, но наполняется новым религиозно-идеологическим содержанием.

Ключевые слова: сасанидский Иран, фарр Кеянидов, культ животных, рога барана, рога быка, религиозный символизм, царская иконография, Шапур II

В одной из наших предыдущих статей, посвященной проблеме применения зооатрибутов (в частности, рогов барана и крыльев сокола либо их имитаций) при оформлении головных уборов сасанидских царей, была предпринята попытка проследить собственно иранские корни указанного феномена¹. В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть вопрос об истоках традиции использования в сасанидском Иране рогов барана в качестве атрибута, свидетельствовавшего о божественном происхождении как самих Сасанидов, так и их власти, на более широком культурно-историческом фоне².

Дмитриев Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета. E-mail: dva_psk@mail.ru

¹ Дмитриев 2012.

² Мы не ставим своей целью глубокое рассмотрение содержания указанного атрибута с религиозно-мифологической точки зрения, т.е. того, какой сакральный смысл вкладывался в него носи-

Рис. 1. Гранитная статуя Амона в облике барана³.

Общеизвестно, что в религиозных системах очень многих древних цивилизаций боги сочетали в своем внешнем облике антропо- и зооморфные черты, в чем, в свою очередь, можно видеть сохранение пережитков первобытного тотемизма⁴. На Древнем Востоке эта особенность нашла свое наиболее яркое воплощение в древнеегипетской мифологии, в которой фактически каждый персонаж или ассоциировался с каким-либо животным, или полностью воплощался в нем; безусловно, это отражалось в образе того или иного божества, существовавшем в религиозных представлениях древних египтян⁵. При этом одним из наиболее распространенных зооморфных элементов на изображениях древнеегипетских божеств являлись рога⁶. Особо в данном отношении следует выделить Амона — верховного бога египетского пантеона начиная с эпохи правления фараонов XVIII династии, к началу XVI в. до н.э. изгнавших из Египта гиксосов и основавших могущественное Новое царство. Еще со времен Среднего царства Амон часто изображался как человек с бараньей головой либо же вообще в виде круторогого

телями того или иного мировоззрения: это тема для отдельного исследования. Наша задача состоит лишь в том, чтобы проследить применительно к Ирану эллинистической, парфянской и сасанидской эпох (вторая половина IV в. до н.э. — первая половина VII в. н.э.) эволюцию традиции использования рогов в качестве элемента царских головных уборов (короны, диадемы, шлема и т.п.), символизирующего божественность царя и его власти. Иными словами, в данном контексте атрибут в виде рогов рассматривается нами скорее как феномен из области политической идеологии, нежели религиозной сферы.

³ The British Museum, http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/aes/g/granite_statue_of_amun_in_the.aspx.

⁴ См.: Токарев 1992.

⁵ Литература, посвященная религии древних египтян, огромна. Из работ на русском языке лучшим обобщающим трудом по древнеегипетской религии до сих пор остается книга выдающегося советского египтолога, академика М. А. Коростовцева «Религия Древнего Египта» (Коростовцев 1976).

⁶ Справедливости ради необходимо отметить, что рога как атрибут божественности их обладателя, помимо Египта, были известны и народам древней Передней Азии. Так, уже в XXIII в. до н.э. рога украшали изображение аккадского царя Нарам-Суэна на одном из рельефных изображений этого правителя (Ллойд 1984, 157). Однако, как станет видно из последующего изложения, сасанидская практика использования рогов в качестве царских регалий генетически была связана именно с цивилизацией Древнего Египта, а не с культурами переднеазиатского круга.

барана⁷ (рис. 1–2), чему, судя по всему, способствовало постепенное распространение культа Амона по территории Египта и прилегающих областей и связанная с этим обратная тенденция, заключающаяся в инфильтрации в практику поклонения Амону локальных (в том числе зооморфных) религиозных традиций и представлений. При этом одним из важнейших факторов, повлиявших на упрочение представлений об Амоне как «овноголовом» боге, стало включение в сферу египетского влияния оазиса Сива, расположенного в Ливийской пустыне к западу от долины Нила. Здесь, в Сиве, как и вообще на территории, занятой ливийскими племенами, почитание барана было распространено еще до возникновения египетской цивилизации⁸, в связи с чем синтез местных религиозных представлений с египетским культом Амона был вполне естественен и даже по-своему гармоничен.

Рис. 2. Увенчанная изображением головы барана эгида-оплечье на рельефе эпохи правления фараона Рамсеса III (ок. 1185 — ок. 1153 гг. до н.э.)⁹.

Позднее в Сиве возник храм оракула Амона¹⁰ — один из важнейших центров поклонения этому божеству, получивший широкую известность не только в Египте, но и за его пределами (ср.: Strabo. I. 3. 4), что, в свою очередь, во многом было связано с установлением тесных контактов между Египтом и Элладой в период Великой греческой колонизации. При этом для эллинов было традиционным уподобление своих богов богам иноземных народов, в особенности египтян¹¹, а потому образы двух наиболее почитаемых греками и египтянами небожителей — соответственно, Зевса и Амона — в греческой мифологии постепенно начинают

⁷ Коростовцев 1976, 21–22; Pietschmann 1894, 1855; Werness 2006, 342.

⁸ Павлова 1997, 30.

⁹ Wainwright 1951, 133.

¹⁰ Вероятно, это произошло к началу или в период правления XVI Саисской династии (VII – VI вв. до н.э.), поскольку во времена Геродота, описывающего поклонение жителей Египта и прилегающих областей Амону (Herod. II. 42), этот культ уже был окружен многочисленными мифами и легендами. Подробнее о Сиванском оракуле Амона см.: Smith 1857, 457–458; Pietschmann 1894.

¹¹ В этой связи показательно мнение Геродота, полагавшего, что «почти все имена эллинских богов происходят из Египта» (Herod. II. 50).

сливаться¹², уже в классическую эпоху превратившись в двуединое божество — Зевса-Амона¹³. При этом для античных изображений Зевса-Амона в определенной степени были характерны те же черты, что отличали египетско-ливийскую иконографию Амона, в том числе — наличие на голове бараньих рогов¹⁴ (рис. 3–4).

Таким образом, к началу эпохи македонских завоеваний в греческом мире сложился развитый синкретический греко-египетский культ Зевса-Амона, одним из основных центров почитания которого был древний храм Амона в Сиве. Поэтому неслучайно, что в ходе своего египетского похода Александр Македонский стремился посетить сиванскую святыню. Желание Александра станет еще более понятным, если учесть, что он целенаправленно внедрял в сознание современ-

Рис. 3. Аверс древнегреческой серебряной монеты с изображением Зевса-Амона (V в. до н.э.)¹⁵.

¹² О формах и характере синтеза образов двух богов и проникновении культа Амона в греческую религию см.: Остроумов 1896, 14–16; Павлова 1997; Cook 1903; Wainwright 1930; Classen 1959.

¹³ Одним из наиболее ярких примеров синкретизации культов Амона и Зевса в Древней Греции являются строки из четвертой «Пифийской оды» Пиндара (ок. 522 — ок. 445 гг. до н.э.) (Pind. Pyth. IV. 13–16):

Слушайте меня, сыны богов и сильных духом мужей!
Будет день,
И от этой земли, бичуемой морем,
Дочь Эпафа
Возьмет на рассаду для почвы Зевса Аммона
Корень городов,
Сладкий смертным.
(Пер. М. А. Гаспарова)

При этом, однако, как справедливо замечает О.И. Павлова, при сопоставлении с Зевсом (в Риме — Юпитером) Амон «то понимался как божество ему тождественное, то как одно из проявлений его, то как нечто особое», что могло зависеть «от степени приверженности того или иного автора собственной религиозной традиции, глубины его веры, от доброжелательного или, напротив, презрительного отношения к культуре “варваров”, или язычников» (Павлова 1997, 29).

¹⁴ Werness 2006, 342. Заслуживающее внимания в контексте рассматриваемой нами темы объяснение «овноголовости» Амона содержится в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. Ссылаясь на сложившуюся к его времени традицию, Диодор пишет, что «голова Аммона была похожа на голову барана, поскольку в качестве эмблемы он носил шлем такой формы (курсив наш. — В.Д.) во время своих походов» (Diod. III. 73. 1). Хотя из сообщения Диодора не совсем понятно, идет ли речь о самом шлеме или всего лишь о его изображении, однако, очевидно, что в античных религиозно-мифологических представлениях шлем в форме головы барана уже к началу нашей эры вполне однозначно воспринимался как атрибут высшего божества.

¹⁵ The British Museum, http://www.britishmuseum.org/collectionimages/AN00343/AN00343913_001_1.jpg.

Рис. 4. Аверс древнегреческой серебряной монеты с изображением Зевса-Амона (V–IV вв. до н.э.)¹⁶.

ников идею о своем божественном происхождении, о том, что его отцом был сам Зевс (Strabo. XVII. 1. 43; Iust. XI. 11. 3; Plut. Alex. 3; Arrian. Anab. III. 3. 2; IV. 9. 9; Oros. III. 16. 12–13), и возлагал на визит к оракулу, в ходе которого должны были подтвердиться амбиции греко-македонского правителя на причастность к небожителям, большие надежды. Судя по всему, ожидания Александра оправдались: устами местных жрецов царь был «официально» объявлен сыном великого Зевса-Амона (см. напр.: Diod. XVII. 51. 1–4; Iust. XI. 11. 7–11; Plut. Alex. 17 и др.).

Мы не знаем точно, использовал ли Александр Македонский при жизни рога барана в качестве сакрального элемента своего головного убора (например, царской короны или боевого шлема); вполне возможно, что нет¹⁷. Однако в данной ситуации это не столь важно. Заслуживает внимания другое: уже в раннеэллинистический период образ Александра в идеологии и культуре тесно переплелся с образом его небесного «родителя» — Зевса (Амона), и на многих монетах, по крайней мере, одного из диадохов, правившего во Фракии и западной части Малой Азии — Лисимаха (324–281), — изображение Александра Великого украшено бараньими рогами, атрибутом Зевса-Амона (рис. 6)¹⁸.

¹⁶ The British Museum, http://www.britishmuseum.org/collectionimages/AN01168/AN01168488_001_1.jpg.

¹⁷ См.: Anderson 1927, 104, п. 22. Исходя из изображений на монетах, выпущенных в период правления Александра Македонского, царь предпочитал другой атрибут, указывающий на его происхождение от Зевса — одеяние в виде львиной шкуры с пастью и клыками, играющими роль головного убора (рис. 5). В данном случае Александр, безусловно, подражал Гераклу, являвшемуся, согласно религиозно-мифологическим представлениям эллинов, сыном Зевса (подробнее см.: Olbrycht 2011; здесь же приведена основная библиография по данному вопросу).

¹⁸ То же время есть данные, говорящие об использовании Александром Македонским рогов как символа божественности своей особы: так, Афиней со ссылкой на Эфиппа из Олинфа пишет, что иногда Александр, «как Аммон, облачался в порфиру и сандалии, а на лоб надевал рога, как у этого бога» (Athen. XII. 537e). См. также: Остроумов 1896, 22.

¹⁸ К сожалению, новейшее монографическое исследование А.А. Трофимовой (Трофимова 2012), подготовленное ею на основе недавно защищенной диссертации (Трофимова 2009) и посвященное портретной иконографии Александра Великого в эллинистическую эпоху, в котором в том числе рассмотрен и интересующий нас материал, на момент написания данной статьи мне было недоступно.

Рис. 5. Изображение Александра Македонского на выпущенной в годы его правления тетрадрахме¹⁹.

Рис. 6. Изображения Александра Македонского на аверсах тетрадрахмы (слева)²⁰ и статера (справа)²¹ Лисимаха.

В чуть более позднее время рога начинают использоваться в качестве элемента царского портрета на монетах, изображающих уже не Александра, а одного из его преемников — Селевка I Никатора (312–281)²² (рис. 7). И хотя на голове (точнее — на шлеме) основателя династии Селевкидов красуются рога не барана, а

¹⁹ CoinProject.com — the Free Collaborative, Non-commercial Numismatic Research Website, http://www.coinproject.com/coin_detail.php?coin=285626.

²⁰ Classical Numismatic Group, Inc, <http://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=19298>.

²¹ CoinProject.com — the Free Collaborative, Non-commercial Numismatic Research Website, http://www.coinproject.com/search_emperor.php?emp=Lysimachos®ion=THRACIAN-KINGS-AND-DYNASTS&type=1.

²² Р. Флейшер высказал предположение, что все портреты Селевка Никатора (в том числе и на монетах) были выполнены уже после его смерти (см.: Fleischer 1991, 5–9).

быка²³, тем не менее, аналогия восприятия напрашивается сама собой, поскольку других исторических личностей, кроме Александра Великого, чьи изображения украшались бы рогами, античный мир до того времени не знал. Так, Селевкиды прямо указали своим подданным и всем современникам на то, что именно они, потомки легендарного Селевка Никатора, обладают сакральной природой и являются непосредственными и полноправными преемниками Александра Македонского — первого в греческой истории царя Азии.

Рис. 7. Изображения Селевка I Никатора на аверсах тетрадрахмы (слева)²⁴ и серебряной драхмы (справа)²⁵.

Действительно, наделение представителей царствующей в Иране династии божественными чертами (в том числе и во внешнем облике) впервые наблюдается

²³ Попытка рационального объяснения происхождения данной традиции содержится в «Римской истории» Аппиана, который пишет: «...Рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он [Селевк. — В.Д.] один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога» (App. Syr. 57). См. также: Журавлева 2007, 261; ср.: Stähelin 1921, 1209. Проблема, однако, заключается в том, что рога быка на выпущенных Селевком монетах зачастую украшают не только портрет Селевка, но и голову коня (Букефала?); иначе говоря, при Селевке Никаторе культ быка и связанная с ним атрибутика играли относительно самостоятельную роль в том смысле, что они не были привязаны исключительно к личности либо образу царя, а скорее играли роль общего символа сакральности его личности и власти.

Детальное рассмотрение вопросов, связанных с генезисом культа быка и его проявлениями в различных культурах, в том числе эллинистической (греко-восточной) и иранской, выходит за рамки настоящей статьи, однако следует отметить необычайную распространенность и даже в какой-то мере универсальность данного явления. Как совершенно справедливо отмечал М. П. Грязнов, «нет надобности говорить о том, насколько распространены и развиты были культы быка и связанные с ними обряды у разных народов в древности. Исследование их во всем их разнообразии могло бы составить многотомный труд многих авторов» (Грязнов 1977, 80). В связи с этим точно определить истоки появления бычьих рогов на изображениях Селевка Никатора, по нашему мнению, практически невозможно, а все многочисленные предположения на сей счет будут являться не более чем догадками.

²⁴ Forum Ancient Coin, <http://www.forumancientcoins.com/catalog/roman-and-greek-coins.asp?zpg=23581>

²⁵ Classical Numismatic Group, Inc., <http://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=109621>

в период правления династии Селевкидов²⁶, что было проявлением общей закономерности, в целом свойственной эллинистической парадигме презентации (и репрезентации) царской власти²⁷. Неслучайно, что употребление эпитета «Теос» (Θεός, «Бог») в отношении правителя (при его жизни, что принципиально важно) фиксируется в источниках, начиная именно с эллинистической эпохи. Так, например, в Селевкидском царстве его носили Антиох II (261–246), Антиох IV (175–164), Деметрий II (145–141, 129–126), в птолемеевском Египте — Птолемей XIII (51–47), в Греко-Бактрии — Эвтидем I (235–200) и Антимах I (190–180), в Коммагене — Антиох I (70–38) и многие другие монархи. Теофорным по своему характеру был еще целый ряд эпитетов, часто встречающихся в титулатуре эллинистических правителей²⁸: «Сотер» (Σωτήρ, «Спаситель»), «Эпифан» (Ἐπιφανής, «Явленный»), «Эвергет» (Εὐεργέτης, «Благодетель»), «Никатор» (Νικátor, «Победитель») и т.д.

После завоевания в середине III в. до н.э. Ирана парфянами традиция использования рогов в качестве элемента головного убора царя, судя по всему, на какое-то время прерывается, однако затем, спустя чуть менее двух столетий, т.е. к концу эпохи старших Аршакидов, на монетных портретах царей Парфии рога вновь появляются, и так же, как в селевкидский период, это были рога быка.

Как было отмечено выше, данный атрибут вообще трудно интерпретировать сколько-нибудь однозначно, и это тем более касается изображений на парфянских монетах²⁹. С одной стороны, появление бычьих рогов на головных уборах (тиарах) аршакидских царей может вытекать из эллинистической (а именно — селевкидской) политической идеологии и иконографии; возможно, таким образом Аршакиды декларировали, что они ничем не уступают своим предшественникам — Селевкидам и потомки Аршака, так же, как и потомки Селевка, претендуют на причастность к небожителям или, по крайней мере, подобие им. В пользу этой версии может говорить тот факт, что в качестве украшения царской короны-тиары на монетах Аршакидов, как и на монетах Селевкидов, изображены, как было сказано выше, именно рога быка, а не какой-то иной сакральный атрибут, что было бы более логично, если бы парфяне хотели дистанцироваться (хотя бы на уровне наглядной пропаганды в виде монетных изображений) от своих эллинистических предшественников.

Однако более обоснованной представляется другая трактовка появления рогов быка как элемента царского головного убора на парфянских монетах. Скорее

²⁶ Фрай 2002, 274. Р. Фрай отмечает также, что при Ахеменидах, т.е. в доэллинистическую эпоху, царская особа в Иране еще не имела сакрального характера (Фрай 2002, 135–137; см. также: Daryaei 2008, 62).

²⁷ Бикерман 1985, 239–240; Фрай 2002, 211–212.

²⁸ Это особенно характерно для монархий Селевкидов и Птолемеев, т.е. эллинистических государств, возникших на территории древнейших восточных цивилизаций с развитыми и устоявшимися традициями обожествления царя и царской власти.

²⁹ Трудность интерпретации нумизматического материала парфянской эпохи с точки зрения его использования для реконструкции аршакидской концепции царской власти очень точно охарактеризована В.Г. Лукониным, который в частности писал: «Мы можем предположить за этим с равной степенью вероятности и эллинистическую систему взглядов на происхождение власти царя, заимствованную кочевниками-даками у селевкидских государей или у греко-бактрийских монархов, или иранскую концепцию власти «царя царей», принятую знатным иранским родом Парфиены, считавшим себя потомками Ахеменидов» (Луконин 1987, 109).

всего, этот феномен следует рассматривать как результат не эллинистических, а собственно иранских влияний, особенно если учесть конкретно-исторические условия, в которых произошло возрождение практики использования рогов как со-

Рис. 8. Изображение Синатрука на аверсе серебряной драхмы³⁰.

ставной части царской тиары у парфян. Судя по всему, впервые данный элемент появляется на монетах, чеканившихся в период правления царя Синатрука³¹ (рис. 8), который оказался на аршакидском троне при не совсем ординарных обстоятельствах.

Биография и правление Синатрука очень плохо освещены в источниках, а потому полны неясностей. Если верить античной исторической традиции (Lucian. Macrob. 15), Синатрук стал царем, будучи уже глубоким стариком (ему шел восьмидесятый год). Он вступил (вероятно, по приглашению парфянской знати) на престол ок. 77 г. до н.э. и правил в течение семи лет (Lucian. Macrob. 15), т.е. приблизительно до 70 г. до н.э.³² До своего воцарения Синатрук проживал среди сакараваков — иранского кочевого народа, входившего в сакское объединение племен, которое, как известно, в середине — второй половине II в. до н.э. вторглось на территорию Восточного Ирана, поставив Парфию в крайне сложную как внутри-, так и внешнеполитическую ситуацию; как следует из слов того же Лукиана, сакараваки оказали Синатруку помощь во время его прихода к власти (Lucian. Macrob. 15). При этом известно, что для религиозных верований среднеазиатских кочевников-саков (как и в целом для народов сако-массагетского круга) было свойственно, в том числе, почитание быка как священного животного³³. Судя по всему, вместе с сакараваками, сопровождавшими Синатрука, элементы культа быка и проникли в

³⁰ По: Olbrycht 1997.

³¹ Olbrycht 1997.

³² Политический смысл воцарения Синатрука состоял, по-видимому, в том, что ему фактически была отведена роль третейского судьи, некой внешней и беспристрастной силы в ситуации обострения борьбы внутри парфянской элиты (см.: Дибвойз 2008, 66). Согласно «Кембриджской истории Ирана», в свое время Синатрук был смещен с престола и изгнан из Парфии, и в 77 г., таким образом, произошло не вступление, а возвращение Синатрука на царский трон (Yarshater 1983, 44). Вполне вероятно, что Синатрук действительно был Аршакидом и приходился сыном царю Митридату I (Olbrycht 2010, 175). Относительно недавно еще одну концепцию истории и хронологии правления Синатрука выдвинул Г. Ф. Ассар (См.: Assar 2006; Assar 2009).

³³ Olbrycht 1997, 47–48.

парфянскую среду, что проявилось в использовании бычьих рогов для украшения царского головного убора³⁴.

В дальнейшем рога быка как принадлежность царской тиары встречаются на монетных изображениях Фраата III, Вологеза I (51–78), Пакора II (78–110), Вологеза II (105–147), Хосрова I (109–129), Вологеза III (147–191), Волгеза V (191–208)³⁵ (рис. 9), т.е. на протяжении практически всей позднепарфянской истории вплоть до последних лет существования Аршакидской державы, что указывает на относительную прочность и устойчивость данной традиции. Возможно, это говорит о попытке младших Аршакидов, власть которых постепенно приходила в упадок, сохранить, а может быть, и развить практику деификации царя и почитания его культа³⁶.

Ситуация в Иране серьезно изменилась в начале III в. н.э., когда на смену Аршакидам пришли Сасаниды — династия выходцев из Парса. Одним из основных и наиболее заметных направлений внутренней политики, проводимой персидскими царями, стало искоренение всего, что было связано с их предшественниками — парфянскими Аршакидами³⁷. Важную роль при этом играла зороастрийская религиозная система, превратившаяся при Сасанидах в тесно связанную с тронном и отличающуюся крайней религиозной нетерпимостью развитую церковную организацию, одной из основных задач которой было освящение проводимой сасанидскими царями политики и борьба с иноверцами (христианами, иудеями,

³⁴ «Среднеазиатская» версия появления рогов быка на изображениях Синатрука косвенно подкрепляется еще и тем, что на некоторых монетных изображениях этого царя можно увидеть также и рога оленя, культ которого был распространен именно среди иранских кочевых племен Средней Азии (Olbrycht 2010, 176). В то же время мысль о том, что за атрибутом в виде рогов быка на аршакидских тиарах может стоять культ Веретрагны (Olbrycht 1997, 47), является, по нашему мнению, спорной, поскольку это божество (образ которого действительно ассоциировался в том числе с быком) было почитаемо в иранском мире (включая, естественно, Парфянское царство) и до Синатрука, однако в официальной царской иконографии аршакидской эпохи (отраженной прежде всего на монетах) каких-либо проявлений особого статуса культа Веретрагны при этом не наблюдалось.

³⁵ См.: Olbrycht 1997.

³⁶ В связи с этим необходимо отметить, что степень сакрализации царя и его власти в аршакидском Иране была все же меньшей, чем, например, в Сасанидской державе: «Характерно, что не существует ни одного рельефа парфянского времени со сценой божественной инвеституры царя царей богом — наиболее распространенным сюжетом рельефов сасанидского времени... Это различие в официальных актах, записанных языком изображений, показывает различие в существе парфянского и сасанидского государств» (Луконин 1987, 141).

³⁷ Вопрос о динамике антипарфянской реакции в сасанидском Иране остается открытым. Существует основанное на ряде источников предположение, что первоначально Сасаниды не пытались бороться с парфянским наследием и вполне лояльно относились к представителям парфянской верхушки, включая родственников Аршакидов, и лишь в конце сасанидской эпохи (VI — начало VII вв.) владычество парфян стало трактоваться как «результат коварных замыслов Александра и гибель иранской государственности» (Yarshater 1983, 474) и «время разлада и хаоса» (Никоноров 2005, 147, прим. 23). В то же время некоторые авторитетные источники (Табари. I. 823) указывают на то, что уже во внутренней политике первых Сасанидов — Арташире I и Шапура I — имели место ярко выраженные антипарфянские тенденции.

Представляется, что более правомерно вести речь о существовании в сасанидском Иране двух тенденций в оценке связанного с парфянами прошлого (аналогично оценке роли Александра Македонского в иранской истории), одна из которых воспринимала Аршакидов негативно и связывала с ними упадок в разных сферах, а другая, напротив, позиционировала их как правителей, много сделавших для процветания Ирана. Вероятно, этим и была обусловлена противоречивость оценки аршакидской эпохи в персидских источниках.

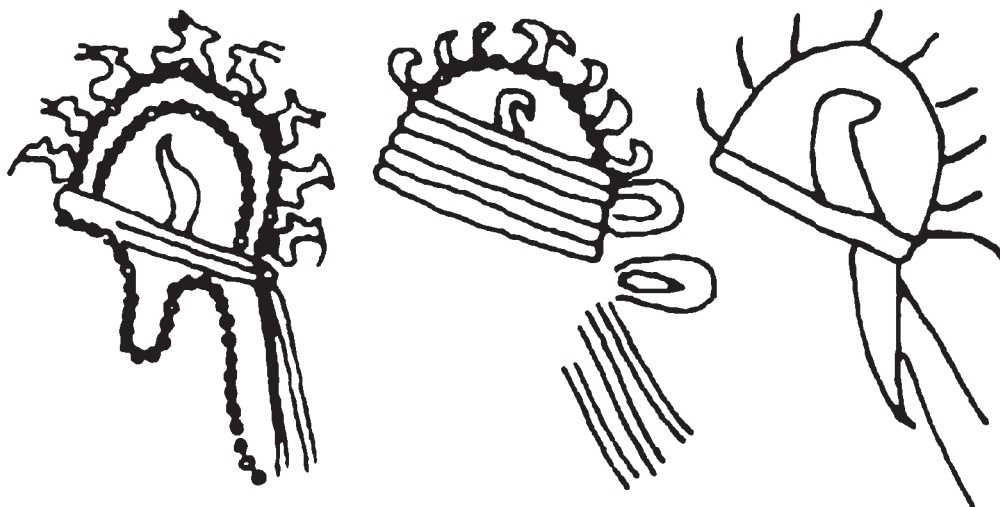

Рис. 9. Царские короны-тиары Фраата III (слева), Вологеза I (в центре) и Хосрова I (справа) по изображениям на парфянских монетах³⁸.

буддистами, язычниками и т.д.). Впрочем, эти мероприятия главным образом касались духовной, идеологической, политической жизни и в гораздо меньшей степени затрагивали процессы и явления, происходившие в других, жизненно наиболее важных для общества и государства в целом, сферах (в экономике, социальной жизни, военном деле и др.³⁹). Тем не менее, в отдельных областях изменения были весьма значительными, и одним из их главных лейтмотивов являлась борьба с сохранившимися в Иране следами пребывания у власти парфян, весьма лояльно относившихся к эллинизму и подчас покровительствовавших ему⁴⁰, особенно в ранний период⁴¹. В связи с этим борьба Сасанидов с «тяжелым наследием» Аршакидов была тесно переплетена со стремлением новой династии к ликвидации последствий эллинизации Ирана в предшествующие столетия.

Рассмотрение вопроса о причинах и характере антиэллинистической реакции, имевшей место в период правления Сасанидов, не входит в число наших задач, однако заметим, что, несмотря на общепринятое (разделяемое и нами) мнение о сасанидской эпохе как периоде антиэллинистической реакции, не менее общепринятым является и представление о том, что целый ряд античных традиций

³⁸ По: Olbrycht 1997.

³⁹ Достаточно сказать, что при Сасанидах многие знатные парфянские роды (Сурены, Михраны, Карены и др.) сохранили свое весьма привилегированное положение, достигнутое ими еще в аршакидскую эпоху (см. напр.: Yarshater 1983, 120; Frye 1984, 316). Сохранение преемственности между аршакидской и сасанидской эпохами в социально-политической и культурной сферах отмечал В. Г. Луконин (Луконин 1987), в области военного дела — В. П. Никоноров (Никоноров 2005).

⁴⁰ См.: Фрай 2002, 259–261. Даже младшие Аршакиды, на время которых, как было отмечено выше, приходится начало антиэллинистической реакции, как правило, включали в свои титулы эпитет «Филэллин» (Φιλέλλην, «Любящий Элладу»).

⁴¹ Луконин 1987, 97.

все же нашел в духовной культуре сасанидского Ирана свое отражение и даже определенное продолжение⁴². Представляется, что не стала в этом ряду исключением и атрибутика власти Сасанидов, в том числе и в интересующем нас аспекте. Зачастую в своем стремлении к возрождению «иранства» и очищению Ирана от чужеродных (прежде всего — парфянских и эллинских) традиций и явлений Сасаниды неосознанно⁴³, как это часто бывает в истории, заимствовали у духовного и идеологического противника некоторые из его же ценностей и достижений. Стремясь преодолеть политическую «рыхлость» Ирана и усилить его централизацию, укрепить позиции царской власти, сильно пошатнувшиеся при последних Аршакидах, консолидировать население страны с помощью новой идеологии, Сасаниды пошли по пути возрождения (зачастую, правда, лишь декларируемого, поскольку в реальности многое в значительной степени оставалось по-старому) ряда допарфянских традиций, полагая, очевидно, что до воцарения парфян Иран не был «испорчен» чужеродными влияниями. А это автоматически означало обращение к культурно-историческому опыту предшествующей, т.е. эллинистической эпохи⁴⁴, когда Иран находился под властью Александра Великого и его преемников — Селевкидов.

При этом следует иметь в виду ряд важных моментов. Прежде всего речь идет об отмеченных выше противоречивости и избирательности «антипарфянства» Сасанидов, в силу которых многие из парфянских традиций *de facto* продолжали существовать и в сасанидскую эпоху. По этой причине использование рогов как элемента царской короны в определенной мере можно рассматривать как проявление парфяно-персидского континуитета в сфере государственной идеологии и презентации царя и его власти.

В то же время очевидно, что в данном отношении Сасаниды должны были чем-то отличаться от своих предшественников — как на уровне официальной царской иконографии и ее визуализации, так и в реальности, т.е. во внешнем облике шаханшаха, ибо они не могли допустить, чтобы их образ ассоциировался со свергнутыми Аршакидами. Исходя из общей направленности сасанидской политико-идеологической доктрины, состоявшей в декларировании возвращения к исконным иранским традициям, попраным парфянами, не подлежит сомнению тот факт, что указанные отличительные черты Сасаниды должны были искать в допарфянской эпохе. Вместе с тем необходимо учитывать, что со времени перехода власти от Селевкидов к Аршакидам (ок. 250 г. до н.э.) до воцарения Сасанидов (ок. 224 г. н.э.) минуло около 500 лет, и в исторической памяти жителей Ирана многие частные детали, связанные с эллинистической атрибутикой царской власти, безусловно, не сохранились. В данном случае мы имеем в виду, что к III в. н.э. никто в Персии уже не мог определенно сказать, рога какого именно животного — барана, быка или кого-то еще — использовались в качестве украшения короны

⁴² См. напр.: Кинжалов, Луконин 1960, 11; Луконин 1987, 100–103; Тураев 2002, 743; Фрай 2002, 296, 316–317; Martinez-Sève 2003.

⁴³ Как отмечает американский исследователь Т. Дарьяи, основатель династии Сасанидов Арташир I, вероятно, и сам не догадывался о том, что, провозглашая себя «происходящим от богов», он следует в том числе эллинистической (селевкидской) традиции (см.: Daryae 2008, 68).

⁴⁴ См. также: Фрай 2002, 296, 316; Daryae 2008; Daryae 2009, 119; Daryae 2010, 241.

иранских правителей допарфянского (т.е. эллинистического) периода, однако сам факт такого использования был здесь, несомненно, известен.

В контексте вышеизложенного представляется, что традиция использования рогов в качестве царских регалий, сложившаяся в эллинистический период, в сасанидском Иране ассоциировалась с личностью, оставившей в истории Древнего Востока неизгладимый и, возможно, самый заметный след, а именно — Александром Македонским, с которым, судя по всему, Сасаниды и их современники и потомки вообще связывали все, что произошло в Иране между Ахеменидами и Аршакидами⁴⁵, и которого включали в число великих иранских царей древности. А, в свою очередь, мифологизированный образ Александра в силу рассмотренных несколькими страницами выше обстоятельств прочно увязывался с рогами барана, хотя вряд ли кто-то из жителей сасанидского Ирана мог соотносить эти зооморфные регалии с античным культом Зевса-Амона и тем более знать об их египетском происхождении⁴⁶.

К этому необходимо добавить, что, хотя в зороастрийском миропонимании оба животных — и баран, и бык⁴⁷ — считались священными и с ними обоими был связан образ Веретрагны⁴⁸ — одного из наиболее почитаемых богов зороастрийского пантеона, с которым, в свою очередь, как и с бараном, в значитель-

⁴⁵ Это подтверждается тем, что в «Шахнаме» сразу за Искандером (Александром Македонским) следуют Ашканиды (Аршакиды).

⁴⁶ По-видимому, все это и стало почвой для возникновения известной восточной легенды об Искандере Зуль-карнаине — Александре Двурогом, нашедшей наиболее известное отражение в Коране (Коран. 18. 83–102) (см.: Nöldeke 1890). Подробнее о происхождении образа Зуль-карнаина см.: Остроумов 1896; Anderson 1927. Представления самих иранцев о том, почему Искандер (т.е. Александр Великий) получил прозвище «Двурогий», хорошо представлены в поэме Низами «Искандер-наме» (Низами 1986, 492–497).

В официальной сасанидской историографии, легшей в основу «Шахнаме», Александр Македонский выступает как сын Дары (последнего Ахеменида Дария III) и великий иранский правитель, совершивший много славных деяний, смерть которого оплакивает весь Иран (Фирдоуси 1984, 5–90). В то же время в зороастрийской религиозной традиции сасанидской эпохи Александр Великий рассматривается как порождение Ахримана и величайший злодей в истории Ирана, уничтоживший зороастрийские святыни. В религиозном среднеперсидском сочинении «Арда Вираз намаг» («Книга о праведном Виразе») об Александре говорится: «...Проклятый лживый Злой Дух, чтобы заставить людей усомниться в вере, ввел в заблуждение проклятого Александра Румийского, обитавшего в Египте, и послал его в Эраншахр с тяжкой жестокостью и насилием... Он убил правителя Эрана, разорил и разрушил его двор и власть. Этот злой, несчастный, отступивший от веры, нечестивый, злобный Александр Румийский, обитавший в Египте, отобрал и сжег священное писание, а именно всю Авесту и Зенд... Он убил многих жрецов и судей, хербедов и мобедов, приверженцев веры, умелых и умных людей Эраншахра» (Чунакова 1987, 96).

Как известно, в основе большинства (если не всех) позднеантичных и средневековых легенд и сказаний, посвященных Александру Македонскому, лежит так называемый «Роман об Александре», сюжет которого сложился в первые века н.э. Подробнее см.: Бертельс 1948, 9–14).

⁴⁷ В одном из Яштов Авесты (Варахран-Яшт) (Яшт. XIV. 61) содержится настоящий панегирик быку:

Сила быку, слава быку!
Слово быку, победа быку!
Пища быку, убор быку!
Работа быку,
Бык пищу даёт нам...

(Пер. И. М. Стеблин-Каменского)

⁴⁸ Так, согласно Авесте, бык (Яшт. XIV. 7) и баран (Яшт. XIV. 23) являлись одними из десяти воплощений Веретрагны, в которых он являлся Заратуштре.

ной степени ассоциировался, а подчас и отождествлялся царский фарр, или фарр Кеянидов⁴⁹, тем не менее, согласно сасанидской официальной историографии, элементы которой нашли отражение в «Книге деяний Арташира, сына Папака» и «Шахнаме», именно в облике *барана* фарр сопровождал основателя Сасанидской державы Арташиру Папакану в его победе над последним Аршакидом⁵⁰, что само по себе ставило культ этого животного на гораздо более высокий уровень по сравнению со всеми возможными конкурентами⁵¹.

Результатом сочетания всех этих факторов стало то, что царский головной убор Сасанидов, как до этого Селевкидов и Аршакидов, по-прежнему украшали рога, но это были рога не быка, а барана.

Таким образом, в зороастрийскую религиозную символику, политическую идеологию и царскую иконографию сасанидского Ирана весьма гармонично вписался целый ряд древних традиций, связанных с обожествлением правителя и использованием рогов в качестве сакрального элемента, символизировавшего и подчеркивавшего божественную природу царя и его власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертельс Е. Э.* 1948: Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.
Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.
Грязнов М. П. 1977: Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 80–88.
Дибвойз Н. К. 2008: Политическая история Парфии. СПб.
Дмитриев В. А. 2008: Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 3, 12–23.
Дмитриев В. А. 2012: Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов // ПИФК. 1 (35), 144–152.
Журавлева Н. В. 2007: Селевк Никатор. Создание династии // ПИФК. 17, 255–269.
Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. 1960: Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л.
Коростовцев М. А. 1976: Религия древнего Египта. СПб. М.
Луконин В. Г. 1969: Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.

⁴⁹ См.: Дмитриев 2012, 147.

⁵⁰ Чунакова 1987; Фирдоуси 1984, 102–104.

⁵¹ По мнению В. Г. Лукониной, закрепление в официальном сасанидском искусстве, в том числе и царской иконографии традиции изображения фарра в облике барана или с использованием его атрибута в виде рогов происходит в IV в., в период правления шаханшаха Шапура II (309–379) (Луконин 1969, 97), что хорошо согласуется с уникальной информацией Аммиана Марцеллина о том, что голова Шапура во время осады римской крепости Амиды в 359 г. (участником ее был сам Аммиан, который, таким образом, в данной ситуации является очевидцем) была покрыта богато украшенной диадемой (шлемом?) в форме бараньей головы (Amm. Marc. XIX. 1. 3). К этому следует добавить, что первая редакция основного из известных нам среднеперсидских источников, повествующих о фарре в образе барана, сопровождавшем Арташира I — «Книги деяний Арташира, сына Папака», — была создана именно при Шапуре II (Чунакова 1980, 203). Судя по всему, именно на эпоху царствования Шапура II приходится начало деятельности по сбору и кодификации сюжетов иранского национального эпоса, известного нам, главным образом, по более поздней переработке под названием «Шахнаме», сделанной Абулькасимом Фирдоуси на рубеже X — XI вв. (см.: Пьянков 1994; Дмитриев 2008; Ryankov 1994).

- Луконин В.Г. 1987: Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.
- Низами Гянджеви 1986: Собр. соч.: в 5-т. Искендер-наме. М.
- Никоноров В.П. 2005: К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 83–85.
- Остроумов Н.П. 1896: Искандар Зуль-карнайн. (Александр Македонский) // Среднеазиатский Вестник. Сентябрь, 3–23.
- Павлова О.И. 1997: Зевс и Амон в античной традиции // Восток. 6, 26–32.
- Пьянков И.В. 1994: Древнейшие эпические циклы «Шах-наме» // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. 2, 19–20.
- Ставиский Б.Я., Яценко С.А. 2002: Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М.
- Токарев С.А. 1992: Тотемические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 522–523.
- Трофимова А.А. 2009: Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма: автореф. дисс. ...канд. искусств. СПб.
- Трофимова А.А. 2012: Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма. СПб.
- Тураев Б.А. 2002: История Древнего Востока. Минск.
- Фирдоуси 1984: Шахнаме. Т. 5. М.
- Фрай Р.Н. 2002: Наследие Ирана. М.
- Чунакова О.М. 1980: Отголоски «Деяний Ардашира Папакана» в древнеармянской литературе // Историко-филологический журнал. 4 (91), 196–207.
- Чунакова О.М. (ред.) 1987: Книга деяний Ардашира сына Папака. М.
- Anderson A. R. 1927: Alexander's Horns // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 58, 100–122.
- Assar G. F. 2006: A Revised Parthian Chronology of the Period 91–55 BC // Parthica. Incontri di Culture nel Mondo Antico. 8, 55–104.
- Assar G. F. 2009: Some Remarks on the Chronology and Coinage of the Parthian “Dark Age” // Electrum. 15, 195–234.
- Classen C. J. 1959: The Libyan God Ammon in Greece before 331 BC // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 8. 3, 349–355.
- Cook A. B. 1903: Zeus, Jupiter and the Oak // CR. 17. 8, 403–421.
- Daryaei T. 2008: Kingship in Early Sasanian Iran // The Sasanian Era. The Idea of Iran. Vol. 3. London; New York, 60–70.
- Daryaei T. 2009: Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. London; New York.
- Daryaei T. 2010: Ardaxšīr and the Sasanian's Rise to Power // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 1, 237–256.
- Fleischer R. 1991: Studien zur Seleukidischen Kunst. Bd. 1. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein.
- Frye R. 1984: The History of Ancient Iran. München.
- Martinez-Sève L. 2003: Hellenism // Encyclopaedia Iranica. Vol. 12 / E. Yarshater (ed.). Costa Mesa, 156–164.
- Nöldeke Th. 1890: Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 38. Abh. 5. Wien.

- Olbrycht M.J.* 1997: Parthian King's Tiara — Numismatic Evidence and Some Aspects of Arsacid Political Ideology // *NZN*. 2, 27–65.
- Olbrycht M.J.* 2010: Iran Starożytny // *Historia Iranu*. Wrocław, 25–286.
- Olbrycht M.J.* 2011: On Coin Portraits of Alexander the Great and His Iranian Regalia. Some Remarks Occasioned by the Book by F. Smith: L'immagine di Alessandro il Grande sulle monete del regno (336–323) // *NZN*. 6, 13–27.
- Pietschmann R.* 1894: Ammon (1) // *RE*. 1, 1853–1858.
- Pietschmann R.* 1894: Ammoneion // *RE*. 1, 1858–1860.
- Pyankov I. V.* 1994: On the problem of the origin of the ancient epic cycles in the Shahname // *Firdowsi's Shahname: 1000 years after*. Dushanbe, 163–168.
- Smith W.* (ed.) 1857: Dictionary of Greek and Roman Geography. Vol. 2. London.
- Stähelin* 1921: Seleukos (2) // *RE*. II. 4A, 1208–1234.
- Wainwright G.A.* 1930: The Relationship of Amūn to Zeus and his Connexion with Meteorites // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 16. 1/2, 35–38.
- Wainwright G.A.* 1951: The Egyptian Origin of a Ram-Headed Breastplate from Lagos // *Man*. 51, 133–135.
- Werness H. B.* 2006: The Continuum Encyclopedia of Animal Symbolism in Art. New York; London.
- Yarshater E.* (ed.) 1983: The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods. Cambridge; New York.

HORNS OF AMON, THE CULT OF THE BULL, AND KEYANID FARR (SASSANID ROYAL CROWNS ISSUE)

V.A. Dmitriyev

The paper reveals cultural, historical, political, and ideological background of traditional use of ram horns in Sassanid Iran as a sacral attribute of royal power. Ram horns as sacral royal regalia first appeared in Iran after the campaign of Alexander the Great who brought to the Orient syncretic Greek-Egyptian cult of the ram-headed Zeus-Amon. Later bull horns (and not those of a ram) as an element of royal headdress could be seen in Iran during the Seleucid and Arsacid reign. In Sassanid Iran the tradition to use ram horns as an attribute of royal power, which goes back to Alexander of Macedon, is reborn with a new religious and ideological content.

Key words: Sassanid Iran, Keyanid Farr, animal cult, ram horns, bull horns, religious symbolism, royal iconography, Shapour II

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 2013

Г. И. Старикова

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МАГНИТОГОРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье представлены археологические материалы, находящиеся на хранении в Магнитогорском историко-краеведческом музее. Артефакты относятся к каменному, бронзовому и раннежелезному векам, а также средневековью.

Ключевые слова: археология, музейные фонды, археологический памятник

Магнитогорский краеведческий музей был основан в годы Великой Отечественной войны 31 августа 1944 г. Первоначально музей размещался в бывшем госпитале № 1725 (здании школы № 31).

19 мая 1946 г. открывается экспозиция краеведческого музея, которая состояла из двух разделов: «Великая Отечественная война», «Истории горы Магнитной». Среди экспонатов преобладали таблицы, рисунки, фотографии, фотокопии документов. Предметов было немного: формирование фондов только начиналось (в настоящее время более 100 тыс. экз.). Первоочередной задачей первых научных сотрудников было комплектование музейных фондов по истории родного края.

Одна из самых первых и значительных коллекций краеведческого музея — археологическая — сформировалась в результате участия сотрудников музея (Д. В. Петкова, А. Е. Сметанникова, М. Р. Уфимцева, Ю. Ф. Рыжова и др.) в археологических экспедициях под руководством К. В. Сальникова, О. Н. Бадера, Г. Н. Матюшина в окрестностях Магнитогорска.

В конце XIX — начале XX в. в районе станицы Магнитной был сделан ряд случайных археологических находок, привлечших внимание археологов. Так, в 1886 г. у пос. Черниговский Магнитной станицы был раскопан курган с богатым женским захоронением савроматской культуры; на горе Магнитной были найдены два каменных блюда (описаны Б. Граковым)¹. Интересные сведения мы находим в «Трудах Оренбургской Ученой Архивной комиссии» за 1900 год. В этом году Комиссия разослала священникам и учителям Оренбургской губернии вопросные листы о наличии древних курганов. В результате И. С. Шукшинцевым была со-

Старикова Галина Ильинична — заведующая отделом археологии и религии Магнитогорского историко-краеведческого музея. E-mail: galina-museum@ya.ru

¹ Граков 1947, 108-109.

ставлена таблица «Сведения о курганах Оренбургской губернии»². В этой таблице сообщается о следующих памятниках в районе станицы Магнитной:

1. Верхнекизильский поселок (в урочище рек Урал и Кизил) — 50 курганов, часть которых была раскопана в 1892 г. Найдены угли, кости человека, керамика.
2. Кваркенский поселок (дачи) — 9 курганов, из которых один раскопан. Найдены угли.
3. Магнитный поселок — 26 курганов, из них один раскопан в 1896 г. Найдены обломки дерева, глиняные черепки, кости, уголь.
4. Боборыкинский поселок — 4 кургана, в 1899 г. два раскопано. Найдены череп человека, нагайка, каменный уголь. Большинство из курганов было разграблено. Местные жители рассказывали легенды о кочующем народе («остяках»), которые якобы и оставили данные памятники.

В 1929 г. начинается строительство металлургического комбината и города. Казалось бы, не до археологии было в это суровое время. Однако не всегда справедлив упрек большевикам в пренебрежении прошлым. В 1933 г. на месте строительства провел археологическую разведку отряд А.И. Тереножкина³. Экспедиция обнаружила 8 курганных групп, 5 одиночных курганов и 63 каменных площадки. При производстве земляных работ на строительстве металлургического комбината часто находили предметы старины, древние могилы, кости животных. В 1936 г. вышел приказ начальника комбината А. П. Завенягина, в котором говорилось: «Учитывая громадное значение находок в деле освещения прошлого района Магнитогорска в части геологической и материальной культуры прошлого приказываю: всем начальникам участков и прорабам при нахождении каких-либо ископаемых животных и археологических остатков. Немедленно сообщать о таковом директору музея комбината т. Петрожицкому П. В. и в геологический отдел комбината». Однако в результате строительства ММК и города многие археологические памятники были уничтожены. Небольшую часть удалось раскопать в 40-е годы К. В. Сальникову.

Константин Владимирович Сальников в 1948–1953 гг. исследовал памятники бронзового и раннежелезного веков, это и поселения (Мало-Кизильское селище, пос. Агаповка), и могильники (Мало-Кизильские I и II, Агаповка II, Первомайский и др.). При раскопках были обнаружены орудия труда, сосуды, украшения, оружие и другие предметы, раскрывающие культуру, быт и верования древних народов Южного Урала. Большинство материалов раскопок, в том числе не только предметы, но и отчеты, чертежи, полевые описи, были переданы в Магнитогорский краеведческий музей. Результаты этих работ он обобщил в монографии «Очерки древней истории Южного Урала», а также в ряде статей.

В 60–70 годы другой известный археолог — Отто Николаевич Бадер — исследовал памятники каменного века (пещеры Смеловские, Каповую и другие). Археологические экспедиции Геральда Николаевича Матюшина обнаружили стоянки эпохи мезолита, неолита и энеолита на оз. Карабалыкты, Банное.

² Шукшинцев 1900, 116–117.

³ Граков 1935, 119.

В 70-е гг. археологические раскопки и разведки в Верхнеуральском и Агаповском районах проводил Ю. Ф. Рыжов, директор Магнитогорского краеведческого музея в 1974–1979 гг.

В 80-е и 90-е гг. XX в. археологические фонды пополнялись как за счет разведок сотрудников музея, так и благодаря случайным находкам.

В настоящее время археологические фонды насчитывает около 10 тыс. экспонатов; кроме того, часть коллекции (это прежде всего материалы со стоянок каменного века) находится в стадии обработки.

В коллекции представлены материалы каменного, бронзового, раннежелезного веков, а также средневековья. Большинство археологических материалов происходят из памятников, раскопанных недалеко от Магнитогорска (не более 40 км) как на территории Челябинской области, так и Башкортостана. Среди предметов — орудия труда, быта, украшения, оружие, культовые предметы, остеологические материалы. К археологической коллекции также относятся фотографии, чертежи, полевые дневники, описи и другая документация. К сожалению, коллекции некоторых памятников не полные, и часть находок хранится в разных музеях и учреждениях страны.

Предлагаем познакомиться более подробно с археологической коллекцией Магнитогорского краеведческого музея. Несмотря на то, что многие артефакты были опубликованы, новые веяния и подходы современной археологии, требуют и нового взгляда на подлинники. К нам часто обращаются археологи из разных городов, однако не всегда у них бывает возможность познакомиться с коллекцией подробно.

Главная цель данной работы — сделать коллекцию более доступной как археологам, историкам, так и всем любителям старины.

I. Коллекция каменного века

Активное изучение памятников каменного века в районе г. Магнитогорска проводилось в 50–70-е годы XX века. Несмотря на то, что научные сотрудники музея участвовали во многих археологических раскопках, только незначительные коллекции эпохи камня К. В. Сальникова, Г. Н. Матюшина хранятся в Магнитогорском краеведческом музее (Смеловская II пещера; ст. Мысовая; Банное 6А). Более полные коллекции — из раскопок под рук. Ю. Ф. Рыжова 1969–1975 годов.

Стоянка Карабалыкты IX

Расположена на берегу оз. Карабалыкты в Абзелиловском районе. Исследовалась в 1962, 1965 и 1969 гг. Южно-Уральской археологической экспедицией под руководством Г. Н. Матюшиным. В 1969 г. Магнитогорский отряд возглавлял Ю. Ф. Рыжов⁴. Памятник однослойный. Были обнаружены остатки жилищ, наковален, мастерских. Ю. Ф. Рыжов передал в фонды музея 3092 предмета (из более 20 тыс. найденных на раскопках 1969 г.), остальные были вывезены Г. Н. Матюшиным в Москву.

⁴ Матюшин, Морозов, Рыжов, Туркина 1970, 150.

В коллекции представлены изделия из камня, отходы каменной индустрии и керамика. Для изготовления орудий из камня использовались кремнь, яшма и другие породы.

Наибольшее количество предметов — это отщепы и чешуйки (до 67%).

Нуклеусы изготовлены из яшмовидного кремня черного, зеленого и сургучного цвета и представлены в различных вариантах изготовления, одно и двуплощадочные, конические, приматические. Размеры от 2 до 10 см.

Орудия из камня: ножи, остря, скребки, наконечники стрел и копий, грузила, отжимники, отбойники и др.

Керамика (470 фрагментов) в основном мелкая со стертым или неясным орнаментом, тем не менее, Ю. Ф. Рыжову удалось из обломков выделить 29 сосудов, у одного сосуда выявить профиль. В примесях содержится мелкий песок, тальк, слюда, шамот. Форма сосудов круглодонная с зауженным (большинство) или открытым устьем. Большинство сосудов имеет гребенчатый орнамент, но также встречается прочерченный и накольчатый орнамент. Орнаментальные композиции разнообразны: вертикальные или горизонтальные зигзаги, ромбы, сетки, треугольники и др. Иногда орнамент присутствует и на внутренней стороне сосуда.

Г. Н. Матюшин относит памятник к суртандинской культуре эпохи энеолита.

Стоянка Большой Богудак IV

Расположена на мысу западного берега оз. Большой Богудак в Верхнеуральском районе Челябинской области. Была обнаружена в 1970 г., а в 1971 г. раскопана Ю. Ф. Рыжовым⁵. Вскрыта площадь 82 кв. м. Содержит разновременные материалы (мезолит, неолит, бронзовый и раннежелезный века), однако преобладают находки эпохи неолита. В фондах Магнитогорского музея хранится 2687 предметов. Более 90% материала каменный инвентарь. Это изделия из пластин (трапеции, вкладыши, остря, скребки, резцы), из отщепов (ножи, скребки, скобели), ядрища. Встречаются также нуклеусы и другие крупные изделия, связанные с производством орудий. Фрагменты керамики неолитического времени незначительны, орнаментированы мелким гребенчатым штампом в виде наклонных рядов. В основном же фрагменты керамики относятся к эпохе бронзы и железа.

При раскопках памятника были обнаружены обожженные и раздробленные останки нескольких человек (хранятся в фондах музея). В 2003 г. коллекция была повторно проанализирована челябинским археологом, доктором исторических наук В. С. Мосиным, который датирует памятник поздним неолитом⁶.

Стоянка Урал II

Расположена в 1,5 км к СВ от пос. Янгельский на левом берегу р. Урал. Исследовалась Ю. Ф. Рыжовым в 1971 г.⁷ Культурный слой отсутствует. Коллекция стоянки представлена подъемным материалом — 857 шт. Эпоха неолита, бронзы.

⁵ Рыжов 1971, 151.

⁶ Мосин 2006, 53-60.

⁷ Рыжов 1972, 202.

Каменный инвентарь представлен орудиями и отходами производства. Самая многочисленная группа — отщепы. Кроме того, имеются нуклеусы, наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины и др. Фрагменты керамики относятся к бронзовому и раннежелезному веку. В коллекции находятся 3 металлических предмета: наконечник стрелы, шило и кусок проволоки.

В 1968–1975 гг. Ю. Ф. Рыжов проводил многочисленные разведки в Верхнеуральском и Агаповском районах Челябинской области, в Абзелиловском районе Башкирской АССР. Подъемный материал также хранится в нашем музее (список памятников см. в приложении).

II. Эпоха бронзы. Раннежелезный век и средневековье

Коллекции памятников этих эпох малочисленны, т.к. речь идет в основном о погребениях с малым количеством инвентаря, кроме того, не всегда найденные материалы полностью передавались в Магнитогорский музей. Памятники представлены по хронологии археологических раскопок.

В 1948 г. археологической экспедицией Магнитогорского краеведческого музея под руководством К. В. Сальникова на территории поселка Агаповского известкового карьера был открыт могильник из 12 курганов и 13 каменных овальных площадок и селище эпохи бронзы. В 1948 г. К. В. Сальников вскрыл 6 курганов позднесарматской культуры и одну площадку золотоордынского времени. В 1952–1953 гг. юго-восточную часть памятника, получившую название «Агаповка II», исследовала А. И. Россадович. Почти все найденные вещи хранятся в фондах нашего музея.

Могильник в пойме Агаповского известкового карьера. 1948 г.

Из 6 раскопанных курганов только 1, 4 и 6 имели погребальный инвентарь.

Курган № 1

На дне могильной ямы был обнаружен костяк, лежащий на спине с деформированным черепом (хранится в фондах) головой к с-з. Из инвентаря — фибула, бронзовая рукоятка ножа (утеряна).

Фибула. Металл. Длина — 7 см. Игла, дужка и иглодержатель составляют единое целое. Дужка дуговидной формы, иглодержатель широкий (2х1,8 см). Корпус фибулы слегка расширяется вверх, переходя в проволоку (сечение круглое) и сделав короткий спиральный поворот, переходит в иглу.

Курган № 4

В коллекции: усечено-коническое глиняное пряслице и раздавленный на мелкие кусочки сосуд (форму установить невозможно, орнамент отсутствует).

Курган № 6

Коллекция состоит из фибулы, фрагментов уздечки и удила (рис. 1), остатков железного меча, халцедонового круглого навершия с медной бляхой (К. В. Сальников предполагал, что оно относилось к мечу), металлической втулки, вставленной в дерево.

Рис. 1. Остатки уздечки и удил. Могильник в пойме Агаповского известкового карьера. Курган №6

Фибула. Металл. В целом одного типа с фибулой из кургана № 1, однако она меньше (5,5 см в длину), в месте соединения душки и иглодержателя имеется петелька.

Остатки уздечки и удила. Это кольца и бляхи (из бронзы и серебра), прикрепленные к коже. Доктор исторических наук С. Г. Боталов, изучавший эту коллекцию в 2000-е годы, сделал такое описание: «Это трензельная уздечка, украшенная сферическими бляшками и листовидными подвесками, имеющими ребро жесткости и два крепежных шпенька в основании; удила состоят из двух бронзовых уздовых колец, скрепленных между собой, вероятно, ремнем».

К. В. Сальников относил все эти погребения к позднесарматской или аланской культуре II–IV вв. н.э.¹

Могильник Агаповка II

В 1952 г. Амалия Иосифовна Россадович раскопала 4 кургана. В фондах музея находится полная коллекция этого памятника.

Курган № 1

Содержал 6 погребений. В 1, 2, 5 и 6 могиле из инвентаря обнаружены лишь сосуды (8 штук). Вся керамика имеет андроновско-алакульскую форму: сосуды горшечной и горшечно-баночной формы с уступчиком на плечиках и чашки алакульского типа, орнамент нанесен оттисками или протаскиванием мелко-гребенчатого штампа, состоит из меандровых элементов и зигзагов.

Курган № 2

Из 5 раскопанных могил в 1952 г. — две не содержали инвентаря, в двух были погребения времен гражданской войны (материал был передан в институт антропологии), **могила № 5** была вскрыта частично и здесь нашли бронзовый нож и 2 сосуда андроновского типа.

Бронзовый нож срубного типа. Обоюдоострый с выступом, отделяющим клинок от плоского черенка. Длина 11,2 см.

В 1953 г. было вскрыто 3 могилы — одна содержала впускное парное погребение XIX века (найден крест и кожаная пуговица); в другой не было инвентаря; и только в могиле № 8 был найден сосуд с грубой обработкой поверхности, с небрежно выполненным орнаментом в виде крупных треугольников, заштрихованных насечками.

Курган № 3 имел 2 могилы, были найдены лишь фрагменты сосудов алакульского типа.

Курган № 4

Содержал 6 могил — 2 были раскопаны в 1952 г., а 4 — в 1953 г.

В могиле № 2 находились 23 мелкие бронзовые бусинки из узкой лентообразной витой пластины и 3 сосуда: один типично алакульской формы с уступчиком, другой остросреберный срубного типа, третий баночный с резным зигзаговым орнаментом алакульского типа (по определению К. В. Сальникова).

В могилах № 3 и 4 (раскопки 1953 г.) сосуды — широкие чашки срубного типа.

¹ Сальников 1950а, 117–121.

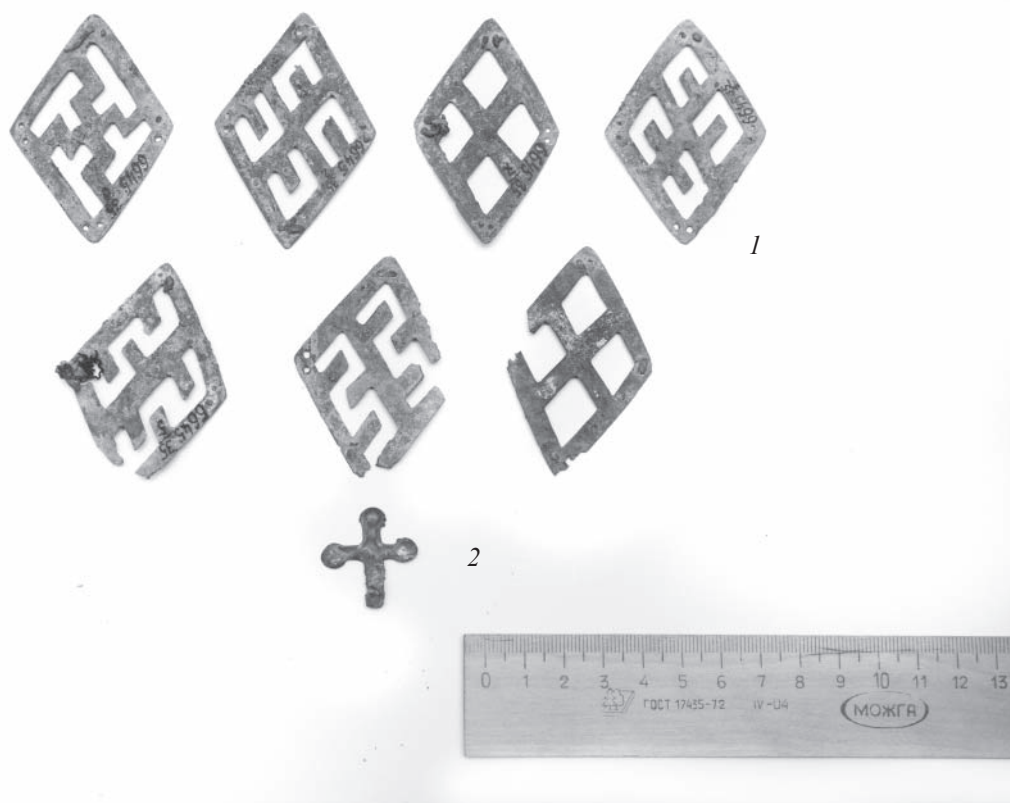

Рис. 2. Бронзовые ромбовидные и крестовидная бляхи. Могильник Агаповка II, курган №4, мог. №6

Из материалов *могилы №5* (раскопки 1953 г.) в фондах музея находятся только два сосуда, где находятся серебряные браслеты неизвестно.

Могила №6 (раскопки 1953 г.) содержала наиболее интересный материал, позволяющий реконструировать как погребальный обряд, так и одежду погребенной женщины. Это было парное захоронение с большим количеством инвентаря. В основном это украшения из бронзы (бусины, браслеты, бляхи).

Бронзовые ромбовидные бляхи — 7 штук. Размер каждой 6х4 см. Бляхи ажурные с прорезными узорами. В углах по два отверстия с сохранившимися кожаными нитями. Две бляхи имеют рисунок большого креста с широкой перекладиной. Остальные бляхи с меандровым рисунком. Бляхи нашли в районе черепа женщины и, видимо, они были пришиты к шапочке (рис. 2, 1).

Бронзовые браслеты в золотой фольге были найдены у лицевой части скелета. Размеры: диаметр 6,5 см, ширина 0,5 см. Браслет представляет собой стержень круглого сечения с заходящими друг за другом концами, бронзовый браслет перетянут тонкой золотой пластиной, деформирован — слегка уплощен.

Крестовидная бляха найдена под нижней челюстью костяка (рис. 2, 2). Представляет 4х-конечный крест, на верхнем конце утолщение, в котором находится

отверстие, три других конца оканчиваются полусферами с резным орнаментом. Размер 2,5х2,5 см.

К. В. Сальников в монографии «Очерки древней истории Южного Урала» относит могильник к андроновской культуре со значительными элементами срубной культуры².

Первомайский могильник

Находился на левом берегу р. Урал на территории г. Магнитогорска (район современного моста «Казачья переправа»). Состоял из 7 курганов. В 1948 г. один курган был раскопан К. В. Сальниковым. Было обнаружено два погребения (взрослого и ребенка). Из вещей найдено два сосуда (по одному в захоронении) и несколько пастовых бусин. Сосуд №1 (из погребения взрослого) не орнаментирован. Сосуд №2 (из детского погребения) имеет баночную форму, орнаментирован заштрихованными треугольниками. К. В. Сальников интерпретирует памятник как срубно-андроновский³.

I Мало-Кизильский могильник

Могильник находится в 15 км от г. Магнитогорска, на левом берегу р. Малый Кизил в пос. Супряк Агаповского района Челябинской области. Был обнаружен в 1948 г. археологической экспедицией Магнитогорского краеведческого музея под руководством К. В. Сальникова. Исследовался в 1948 и 1949 гг. Состоял из 9 курганов и одной каменной площадки. Материалы большей частью были переданы в музей.

Курган №1

Содержал 7 погребений. Помимо 5 погребений бронзового века (срубно-хвалынская культура с незначительным андроновским влиянием)⁴, два впускных погребения более поздней эпохи (№3 и 5). Погребение №4 не содержало инвентаря.

Могила №1. Обнаружены сосуд баночной формы, орнаментированный по краю и у дна рядами вмятин концов пальцев со следами ногтей; 11 белых пастовых бусин и фрагменты 2-х бронзовых желобчатых браслетов (найжены на запястьях рук).

Могила №2. Около костяка ребенка находился сосуд баночной формы, орнаментированный городками, треугольниками и рядом вертикальных насечек.

Могила №3. Найжены разрозненные кости человека, смешанные с инвентарем: это костяная ложечка из лопатки; бомбовидный сосуд сарматского типа; трехгранный бронзовый наконечник стрелы; точильный брусок в виде овально-удлиненной плитки.

Могила №5 была найдена под №3 и не была потревожена грабителями. Найденные здесь 2 бронзового наконечника стрел отсутствуют в музейной коллекции. Захоронения в могилах №3 и №5 К. В. Сальников относил к прохоровскому периоду сарматской культуры.

² Сальников 1967, 262-267.

³ Сальников 1967, 25.

⁴ Сальников 1967, 258-260.

Рис. 3. Клад из насыпи. II Мало-Кизильский могильник

Могила №6 содержало детское захоронение и сосуд баночной формы.

Могила №7. Под грудью и животом скелета находились 2 сосуда и бабка лошади.

Курган №2

Из 4-х погребений в двух инвентарь отсутствовал, в погребении №1 нашли фрагменты сосуда, а в №2 — два сосуда.

Курган №3

Раскопано 5 погребений, во всех, кроме №2, найдены сосуды.

В 1949 г. К. В. Сальников исследовал богатое женское захоронение раннесарматского времени — **курган №11**⁵. Здесь были найдены многочисленные украшения (золотые височные кольца, части ожерелья, серебряные браслеты), зеркало, остатки железного ножа и галька — ложило, под насыпью кургана обнаружены фрагменты сосуда. Однако некоторые предметы (золотые височные кольца, части ожерелья) отсутствуют в коллекции музея, место их хранения нам неизвестно. Интересны *серебряные перевитые браслеты (2 шт.)* с гладкими круглыми концами, которые заходят друг за друга. Найдены у кистей рук. Размеры — 6,3х5,5 см.

Зеркало с плоской расширяющейся к концу ручкой. Обратная сторона украшена в центре шишечкой, рельефным круглым валиком вокруг нее и 5 концентрическими кругами. Найдено у правого плеча. Было намеренно разбито в древности. Размеры: длина 23,3 см, диаметр диска 14,8 см (рис. 4).

Рис. 4. Зеркало. I Мало-Кизильский могильник, курган №11

⁵ Сальников 1950, 115-11.

II Мало-Кизильский могильник

Находится в 1,5 км к западу от пос. Супряк, на левом берегу р. Малый Кизил. Открыт в 1948 г. К. В. Сальниковым, раскапывался в 1949–1951 гг. Состоял из 10 курганов. В Магнитогорском музее хранятся материалы раскопок 1949 и 1951 гг.

В 1949 г. К. В. Сальников раскопал два кургана⁶.

Курган №1

Содержал 2 погребения эпохи ранней бронзы (древняя культура) и клад железных изделий в насыпи (поздние кочевники). В погребение №1 из вещей были бронзовое шило и бронзовый нож-кинжал (местонахождение неизвестно), в погребение №2 инвентарь отсутствовал.

Клад из насыпи представляет собой два полных набора удил и межзубья от трех удил. Полные удила состоят из сгибающихся межзубий, сделанных из квадратных в сечении стержней, концы которых согнуты в большие кольца и двух псалий разных типов. Одна пара псалий имеет эсвидную форму грубых очертаний, форма второй пары пропеллеровидная с расплюснутыми лопастями на концах. Части неполных удил — это не сгибающиеся межзубья с загнутыми на концах кольцами. К. В. Сальников датирует клад IX–X вв. н.э.

Курган №2

Две могилы древней культуры без инвентаря.

Курган №3.

В центре находилась одна могильная яма с диагональным погребением (сусловская культура). Все материалы хранятся в фондах музея. Это короткий железный меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем, точильный брусок и три раздавленных сосуда: два кувшина с высоким горлом и маленький круглодонный сосудик.

В 1951 г. археологические раскопки на II Мало-Кизильском могильнике проводились Магнитогорским отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции под рук. Валентины Ивановны Фоминой (на средства магнитогорского музея и Уральского госуниверситета). Было раскопано два кургана — № 1 и 9 (нужно отметить, что В. И. Фомина вернулась к нумерации курганов разведки 1948 г.)⁷. Находки хранятся в нашем музее.

Курган №1.

Обнаружено 5 погребений, одно из них впускное в насыпи.

Могила №1, 2, 3 найдено по два сосуда. *Могила №4* не содержала вещей.

Впускное погребение. Около черепа ребенка найден неорнаментированный плоскодонный сосуд баночной формы.

Кроме того, в насыпи при снятии бровки нашли орнаментированный фрагмент керамики с медной проволокой.

В. И. Фомина интерпретирует курган №1 как срубно-андроновский.

Курган №9

Содержал одно захоронение. У левого плеча найдены остатки колчана со стрелами — 33 железных 3-хлопастных черешковых наконечника, в некоторых сохранились остатки древка. Кроме того, найдены двусторонний железный кинжал, два гвоздя с широкими шляпками и плоскодонный сосуд кувшинообразной

⁶ Сальников 1949, 19-24.

⁷ Фомина 1951, 10-21.

формы с сильно отогнутыми наружу краями и овальной ручкой сбоку. По мнению В. И. Фоминой курган №9 относится к сарматской или сусловской культуре.

Мало-Кизильское селище

Было открыто в 1948 г. разведкой К. В. Сальникова на левом берегу р. Малый Кизил. Поселение было обнаружено на месте находки Верхне-Кизильского клада (найден в 1924 г., хранится в Свердловском краеведческом музее). Основные раскопки проводились в 1949 и 1950 гг. В 1975 г. поселение осмотрели Ю. Ф. Рыжов и А. Д. Пряхин. Памятник и сегодня вызывает живой интерес археологов. Обнаружены жилые постройки, очаги и 4 костяка людей. Современные археологи (А. Д. Пряхин, А. В. Епимахов и др.) предполагают, что речь идет о разгромленном и сожженном поселке (Сальников считал, что это ритуальные погребения в жилищах).

Мало-Кизильское селище является самым восточным поселением абашевской культуры⁸. В фондах Магнитогорского краеведческого музея хранится большая часть коллекции этого памятника, она насчитывает 45 предметов — это изделия из металла, украшения, керамика, поделки из кости и бересты, а также каменные изделия.

Металлические изделия

Изготовлены из мышьяковой меди.

Это орудия труда (вислообушный топор (рис. 5), шило, двулезвийный нож с округлыми концами, тесло), поделки неизвестного назначения, а также украшения (браслеты, бляшки-розетки, височные спиральные серебряные колечки, пронизки с ребристыми концами, желобчатые браслеты, бусины).

Керамика

В основном это фрагменты, но найден один целый сосуд. В составе глины использовался тальк. Горшки с низким широким горлом, со слабо оттянутым наружу краем, округлым туловом. Преобладает орнамент из поясков прямых и волнистых желобков, дополненных насечками, и оттиски крупнозубой гребенки, образующие прямые и зигзагообразные пояски. Орнамент типично абашевский.

Поделки из кости и бересты

Незначительное количество. Это костяное пряслице, изделие из бересты (во фрагментах) с рядами отверстий.

Изделия из камня — кремневые наконечники стрел листовидной формы, зернотерки, песты, мотыга.

Поселение у горы Мохнатой

Находится в 5 км от Магнитогорска на левом берегу р. Урал, у подножья горы Мохнатой. Было обнаружено в 1950 г. в результате археологической разведки К. В. Сальникова⁹. В 70-е гг. XX века памятник обследовал Ю. Ф. Рыжов. Коллекция состоит из керамики, в основном позднеандроновского типа; а также поделок из камня: несколько пестов, колотушка, отбойник, три каменных шара, 15 грубо обработанных дисков, обломок плиты для дробления и др.

⁸ Сальников 1954, 67-81.

⁹ Сальников 1950, 17-18.

Рис. 5. Бронзовый топор. Мало-Кизильское селище

Коллекция сосудов из с. Бирюковка

В 1950 г. Уйский отряд Южно-Уральской археологической экспедиции обнаружил у села Бирюковка Уйского района Челябинской области на левом берегу р. Уй могильник и поселение бронзового века. Были произведены сборы с поверхности, в обрывах реки, а также несколько сосудов выкуплены у колхозников. В магнитогорский музей была передана коллекция из 58 предметов, из них 9 целых сосуда, остальные фрагменты керамики. Сосуды андроновского типа.

Случайные находки**Каменный жертвенник**

Был найден в 1971 г. на поле близ села Наваринка Агаповского района школьниками и передан в краеведческий музей г. Магнитогорска. Имеет форму овального блюда, на поддоне концентрические круги. Относится к савроматской культуре VII–VIII вв. до н. э.

Находки у с. Наваринка

В начале 80-х годов XX века в музей поступили предметы, найденные школьниками у с. Наваринка Агаповского района: котел, зеркало, пряслице. Скорее всего, они происходят из одного комплекса. Были исследованы и описаны С. Г. Боталовым, который относит их к гунно-сарматскому периоду II–III вв. н.э.¹⁰

- Невысокий (высота 18 см, диаметр горла 11 см) бронзовый котел яйцевидной формы с основанием в виде пяточки, арочными ручками, веревочным швом по тулову, имеет округлый розетковидный налп (тамга?) и небольшие налпы вдоль шва и под горлом (рис. 6);

Рис. 6. Бронзовый котел. Наваринка

¹⁰ Боталов 2006, 371-373.

- Зеркало (диаметр 8,5 см) из белого оловянистого сплава, на обороте ушко и орнаментация — имитация китайского восьмиарочного типа зеркал. Восемь округлых арочек отходит от центра и разделены восьмью ромбовидными зубчиками. Вторая зона разделена на четыре части округлыми розетками, одна из которых сильно повреждена. Между ними ряды тамгообразных изображений. Внешняя третья зона украшена орнаментом в виде косых зубцов (рис. 7).

Рис. 7. Зеркало. Наваринка

Рис. 8. Бронзовый кинжал. Случайная находка

Бронзовый кинжал

В начале 90-х гг. XX в. в музей был передан бронзовый кинжал (рис. 8), найденный на левом берегу р. Урал в районе Магнитогорска. В 2002 г. А.Д. Таиров изучил его, отнес к «киммерийским» кинжалам и датировал второй половиной IX–VIII вв. до н.э.¹¹ Кинжал имеет овальное в плане, массивное грибовидное навершие, округлую в разрезе рукоять и перекрестие в виде прямых пластинчатых

¹¹ Таиров 2002, 194-199.

выступов, на одном из которых в центре проделано сквозное отверстие. У лавролистного клинка — ступенчатое сечение с полой выемкой в центре, окончание его ромбическое в сечении. Длина кинжала — 31,8 см, клинка — 20,8 см.

Сосуды у горы Крутой

Были найдены в 1985 г. в 15 км от оз. Банное в районе хребта Крыхтытау Салаватовской крехты на южном склоне горы Крутой (название условно) жителями г. Магнитогорска А. Ш. Минигалеевым и Е. А. Криставчуком. В небольшой нише скалы стояли два сосуда — один под другим, оба кверху дном. Других находок обнаружено не было (выемку проводил сотрудник музея).

Сосуд №1 меньший по размерам (высота — 12 см, диаметр горла — 16 см) стоял под сосудом №2. Это небольшой, круглодонный и тонкостенный сосуд. Он имеет невысокую шейку, отогнутую наружу и резко переходящую в шаровидное тулово. По горлу идет ряд ямочных вдавлений, ниже — на грани перехода от шейки к плечикам — два ряда наклонных насечек.

Орнаментирован и венчик — крестообразный прочерченный узор. В примесях много талька, встречается и крупный песок.

Сосуд №2 имеет более крупные размеры (высота — 15,5 см, диаметр горла — 20 см), кроме того, у него более прямая шейка и более острое дно. Орнамент однотипен. На грани перехода от шейки к плечикам идет ряд ямок, а по плечу ряд наклонных насечек. Ниже расположен ряд равнобедренных треугольников, острие которых направлено вниз; треугольники заштрихованы резными линиями (исключение составляет один треугольник заполненный рядами наклонных насечек). Венчик орнаментирован косыми насечками. В примесях много песка, талька.

Сосуды могут быть отнесены к сарматской культуре V–IV вв. до н.э.

Пос. Агаповка

В 1948 г. экспедицией К. В. Сальникова на территории пос. Агаповка было обнаружено селище бронзового века, планомерные раскопки не проводились. В 1985 г. местный краевед Ю. Ф. Козлов нашел на своем огороде (ул. Советская, 22) древние артефакты, скорее всего, связанные с этим поселением. Частично находки были переданы в музей (405 шт.). В основном это керамика, но кроме того, 3 костяных наконечника стрелы, каменная створка литейной формы и два обломка литейных форм, обломок бронзового браслета, изделие из кости и череп ребенка.

Из случайных находок можно отметить также топор — булаву (изготовлен из метасоматического талька, эпоха бронзы) (рис. 9), найденную на территории с/х Красная Башкирия Абзелиловского района Башкортостана; а также кольчугу с мисюркой, найденную при рытье котлована под доменный цех ММК в 1931 г. (точная датировка не установлена).

Основная часть археологической коллекции Магнитогорского историко-краеведческого музея формировалась в результате раскопок 40–70-х годов XX века. За последующие десятилетия на Южном Урале археологи провели огромную работу: были исследованы сотни памятников, найдены тысячи артефактов, предложены новые интерпретации и т.д. Не думаю, однако, что это умаляет значение нашей коллекции для историков, археологов, краеведов.

Рис. 9. Каменный топор – булава. Случайная находка

**Археологические памятники, материалы которых хранятся в фондах
Магнитогорского историко-краеведческого музея**

№№	Название памятника	Экспедиция, автор	Годы раскопок	Музейный шифр
1.	Могильник у Агаповского известкового карьера	К. В. Сальников	1948	1535
2.	Могильник у Первомайского поселка	К. В. Сальников	1948	1538
3.	Агаповское селище	К. В. Сальников	1948	1536
4.	Усть-Кизильское селище (малое)	К. В. Сальников	1948	1539
5.	Старый русский хутор	К. В. Сальников	1948	1541
6.	I Мало-Кизильский могильник	К. В. Сальников	1948, 1949	1537
7.	II Мало-Кизильский могильник	К. В. Сальников В. И. Фомина	1949 1951	1611. 1612 6643
8.	Мало-Кизильское селище	К. В. Сальников Ю. Ф. Рыжов	1948, 1949, 1950 1972	1813, 1610 МК-72
9.	Могильник Агаповка II	А. И. Россадович	1952, 1953	6645
10.	Амангендельское селище	В. И. Фомина	1951	Неск. фрагментов керамики
11.	Ишкуловское селище	В. И. Фомина	1951	Неск. фрагментов керамики
12.	Сеткуловское селище	В. И. Фомина	1951	Неск. фрагментов керамики
13.	Селище у г. Мохнатой	К. В. Сальников	1950	1815
14.	Могильник у с. Бирюковка	К. В. Сальников	1950	6644
15.	Селище «Мысок»	К. В. Сальников Ю. Ф. Рыжов	1948 1972	1540 С. М.
16.	Стоянка «Мысовая»	Г. Н. Матюшин	1967	М — 2, 67
17.	Сборы на оз. Банное	Г. Н. Матюшин	60е годы	203
18.	Стоянка Карабалыкты IX	Ю. Ф. Рыжов	1969	К-9
19.	Стоянка Карабалыкты II, V	Ю. Ф. Рыжов	1969	К-2, 5, 5а, 5б

№№	Название памятника	Экспедиция, автор	Годы раскопок	Музейный шифр
20.	Стоянка Банное 6	Ю. Ф. Рыжов	1969	Б-6
21.	Стоянка Большой Богудак 4	Ю. Ф. Рыжов	1970	ББ-4
22.	Стоянки Большой Богудак 1, 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 13	Ю. Ф. Рыжов	1970	БИ-1, 2, 3 БШ-1, 2 ББ-9, 10, 11, 13
23.	Стоянка «Мыс II — 1» на оз. Большой Богудак	Ю. Ф. Рыжов	1970	БИ-1
24.	Стоянка Лагерная	Ю. Ф. Рыжов	1970	БЛ
25.	Стоянка Лагерная А	Ю. Ф. Рыжов	1970	БЛа
26.	Стоянка Черников брод	Ю. Ф. Рыжов	1970	ЧБ
27.	Стоянка Чернотроп	Ю. Ф. Рыжов	1970	Ч 1
28.	Стоянка Улянды	Ю. Ф. Рыжов	1970	У, УШ, УШа, УИ
29.	Стоянка «Урал II»	Ю. Ф. Рыжов	1971	У — 2
30.	Стоянка Наваринка	Ю. Ф. Рыжов	1971	Н
31.	Стоянка Большой Богудак 12	Ю. Ф. Рыжов	1973	ББ-12
32.	Стоянка Янгелька 2,3,4	Ю. Ф. Рыжов	1975	Я, Я-2, 2а, 3, 4
33.	Смеловские пещеры I, II	К. В. Сальников О. Н. Бадер		СП-1, СП-2
34.	Стоянка «Искра»	Ю. Ф. Рыжов	1975	И-1
35.	Разведка на р. Малый Кизил	Г. И. Перегрюмова	1989	С, С-1
36.	Пос. Атамановка	Г. И. Перегрюмова	1989	Ат
37.	Пос. Ильяска I	Г. И. Перегрюмова	1990	3322

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов С. Г. 2006: Коллекции гунно-сарматского периода II–IV вв. // Археология Южного Урала. Степь. / Н. О. Иванова (ред.). Челябинск, 371–374.
- Граков Б. Н. 1935: Работа в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. Т. II, 53–60
- Граков Б. Н. 1947: Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 3, 100–122.
- Матюшин Г. Н., Морозов Ю. А., Рыжов Ю. Ф., Туркина Л. Г. 1970: Исследования в горах Южного Урала // АО 1969 года / Б. А. Рыбаков (ред.). М., 149–150.
- Мосин В. С. 2006: Каменный век // Археология Южного Урала. Степь / Н. О. Иванова (ред.). Челябинск, 16–85.
- Рыжов Ю. Ф. 1971: Разведка у восточных предгорий Урала // АО 1970 года / Б. А. Рыбаков (ред.). М., 150–151.
- Рыжов Ю. Ф. 1972: Работы в районе г. Магнитогорска // АО 1971 года / Б. А. Рыбаков (ред.). М., 201–202.
- Сальников К. В. 1949: Отчет об археологических исследованиях Магнитогорского краеведческого музея.
- Сальников К. В. 1950а: Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции, произведенных по открытым листам №29 и 30.
- Сальников К. В. 1950б: Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. XXXIV, 115–122.
- Сальников К. В. 1954: Абашевская культура на Южном Урале // СА. XXI, 52–94.
- Сальников К. В. 1967: Очерки древней истории Южного Урала. М.

Таиров А. Д. 2002: «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья. // Нижневолжский археологический вестник. 5, 194–199.

Фомина В. И. 1951: Отчет о полевых археологических исследованиях Магнитогорского музея, произведенных в 1951 г. по открытым листам №91 и 94, выданным институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР.

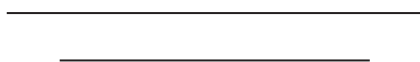
Шукишинцев И. С. 1900: Сведения о курганах Оренбургской губернии // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. VI, 74–138.

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF MAGNITOGORSK LOCAL HISTORY MUSEUM

G. I. Starikova

The paper presents archaeological materials that are kept in Magnitogorsk local history museum. Artifacts date from Stone Age, Bronze Age, early Iron Age and the Middle Ages.

Key words: archaeology, museum holdings, archaeological artifacts

Историография и методология истории

© 2013

В. А. Лопатин

ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА: КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВВ.)

Статья посвящена проблеме осмысления культурно-исторического значения памятников покровского типа, которые исследовались на севере Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий последние сто лет. К концу XX в. в вопросах конкретизации содержания указанной культурной группы сложились существенные разногласия. Альтернативой культурной целостности покровских древностей (Н. М. Малов, О. В. Кузьмина) выступает концепция, согласно которой в культуриногенезе начала эпохи поздней бронзы на основе абашевской культуры формируется более поздняя лесостепная срубная культура, а памятники покровского типа представляют собой переходный пласт поздних абашевских комплексов (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин). На современном этапе рассматривается сложная схема поликомпонентности культурно-генетических процессов (Н. М. Малов, В. А. Лопатин, Р. А. Мимоход), в ходе которых срубная мегаобщность является результатом взаимодействия и сращивания многих культурных групп (абашевская, посткатакомбные, воронежская, вольско-либиценская, синташтинская, покровская).

Ключевые слова: бронзовый век, Волго-Донское междуречье, Нижнее Поволжье, абашевская культура, памятники покровского типа, срубная культура, культуриногенез

Результатом исследований П. С. Рыкова в 20-х гг. XX в. в Нижнем Поволжье стала региональная схема развития культур эпохи бронзы, концептуально обоснованная с учетом известной периодизации В. А. Городцова¹ и его комментариев хвалынских памятников². К хвалынским древностям В. А. Городцов относил в основном памятники типа Сосновой Мазы³. Но, учитывая принципиальные отличия поволжских материалов от изюмско-бахмутских, П. С. Рыков назвал волжскую культуру хвалынской, конкретизируя ее своеобразие. В духе того времени он маркировал группы памятников со сходными признаками как последовательные

Лопатин Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент ИИиМО Саратовского государственного университета. E-mail: srubnik@yandex.ru

¹ Городцов 1905.

² Городцов 1915.

³ Городцов 1927, 621–622.

или синхронные стадии (ABCDE), которые имели не только культурное, но и социально-экономическое содержание. «Покровская» тема уже тогда наметилась в схеме П. С. Рыкова, поскольку его стадия «С» отражала специфику комплексов с «вазообразной» керамикой⁴, а в развитии хвалынской культуры автор видел два направления: будущий абашевско-покровский вектор (стадии С–D) и параллельную срубную линию (стадии В–Е), куда он включал и сосновомазинский клад⁵. Материалы Покровского могильника, ключевые для этой модели, тогда получили лишь частичное освещение за рубежом. После многих лет забвения в конце XX столетия к схеме П. С. Рыкова не раз обращались в связи с изучением абашевских и покровских древностей, и отмечалось, что многие ее позиции оказались верными⁶. Уже тогда он представлял развитие бронзового века Нижнего Поволжья как сложный процесс с участием различных культурных групп и внешними воздействиями.

В послевоенный период оформилась новая концепция О. А. Кривцовой-Граковой⁷. Материалы с колоколовидной керамикой, которые маркировали рыковскую стадию «С», здесь составили ранний пласт срубной культуры. За ними следовала срубная классика, которая сменялась срубно-хвалынскими комплексами с валиковой керамикой, одновременными сосновомазинскому кладу. Поскольку погребения Покровского могильника демонстрировали известный синкретизм (срубный обряд и абашоидная керамика), то декларация раннего «покровского» этапа потребовала уточнения преемственности между срубной и абашевской культурами. Тезис о срубно-абашевском взаимодействии разросся в самостоятельную тему исследований, поскольку источниковая база постоянно умножалась. Тогда материалы покровского типа оценивались как следствие влияния более ранней срубной культуры на формирование «абашево», но допускалось также их последующее сосуществование и активное взаимодействие, следствием которого было появление смешанных комплексов⁸. Активные исследования абашевских памятников на Среднем Дону и в Приуралье к концу 60-х годов изменили понимание этих процессов. Покровские памятники рассматривались уже как результат проникновения абашевцев из Подонья на Волгу⁹.

Одновременно развивалась концепция абашевской культуры. Первые памятники, среди которых наиболее заметны Тюнинские курганы, были исследованы на Среднем Дону близ г. Задонска¹⁰ еще до раскопок В. Ф. Смолина 1925 г. у с. Абашево в Среднем Поволжье. Но этим материалам тогда не придали значения, и культура была выделена позже по материалам чувашских памятников¹¹. Борьба приоритетов нарастала по мере открытия и систематизации новых абашевских комплексов в Подонье, Поволжье, Приуралье, рассматривались вопросы генезиса этих локализаций. Донские памятники называли переходным субстратом между

⁴ Рыков 1927.

⁵ Рыков 1923, 19; 1927, 77–100.

⁶ Сагайдак 1989, 38.

⁷ Кривцова-Гракова 1955.

⁸ Равдоникас 1947, 386; Мерперт 1954, 143–150; Сеницын 1956, 84; 1959, 193; Смирнов 1959, 315; Смирнов 1961, 22–26.

⁹ Либеров 1964, 148–150; Сальников 1967, 132–135.

¹⁰ Пряхин 1981, 22–23.

¹¹ Смолин 1928.

среднеднепровской культурой и поволжским «абашево»¹². Влиянием Поднепроя К. В. Сальников объяснял отличие донских материалов от средневожских и южноуральских¹³. А. Х. Халиков считал Окско-Донское междуречье общим формирующим регионом абашевской культуры и упоминал здесь также Тюнинский могильник и Частые курганы близ Воронежа¹⁴. Покровские памятники он оценивал как раннесрубные с абашевскими чертами и делал вывод о синхронном развитии обеих культурных групп, указывая на близость керамики и металлических вещей¹⁵. На чтениях 1984 года, посвященных 100-летию П. С. Рыкова, он представил обширный регион с покровскими памятниками, показал их локальное своеобразие и выделил особый «покровский этап», с которого начиналась эпоха поздней бронзы. Истоки «покровска» автор видел в абашевских древностях, а признаки его влияния отметил в материалах поздняяковской, чирковско-сейминской и приказанской культур, что свидетельствовало о контактах с населением лесной зоны¹⁶. В русле концепции начало становления срубной культуры открывал покровский этап, причем на широкой территории от Среднего Дона до Южного Приуралья. Таким образом, пространственная совокупность памятников покровского типа приобретала очертания некой культурной целостности с ощущением ее центричности на севере Нижнего Поволжья.

В начале 60-х годов П. Д. Либеров предположил, что донской ареал сформировался в ходе миграции абашевских племен с территории Среднего Поволжья не ранее последней четверти II тыс. до н.э.¹⁷ Материалы абашевских памятников Дона были обобщены А. Д. Пряхиным¹⁸, и с открытием здесь целого ряда абашевских поселений и курганов с воинско-колесничными захоронениями¹⁹ воронежская концепция в целом оформилась. Среднедонская абашевская культура с указанием отличий от средневожского и приуральского вариантов была выделена в докторской диссертации А. Д. Пряхина, затем эти локализации потребовали обоснования обширной абашевской культурно-исторической общности²⁰.

Одновременно менялась схема преемственности абашевской и срубной культур. Полтавкинская основа (по О. А. Кривцовой-Граковой) не объясняла наличие абашевских признаков в керамике «раннесрубных» комплексов покровского этапа. Поэтому «полтавка» была синхронизирована с «абашево» и был получен вывод о более ранней его позиции относительно срубной культуры²¹. Смешанные комплексы, где срубная левобочная адорация сочеталась с абашоидной керамикой, А. Д. Пряхин комментировал как признаки абашевско-срубного симбиоза на позднем этапе²². Таким образом, констатировались генетические связи абашевской и срубной культур, а в ареал донского «абашево» включался нижевожский

¹² Ефименко, Третьяков 1961, 87–89.

¹³ Сальников 1967, 130–131.

¹⁴ Халиков 1961, 224–226.

¹⁵ Халиков и др. 1966, 29–31.

¹⁶ Халиков 1989, 78.

¹⁷ Либеров 1964, 111–156.

¹⁸ Пряхин 1971.

¹⁹ Пряхин 1970, 52–53; 1972, 233–234; 1976б; Синюк, Килейников 1976, 160–161.

²⁰ Пряхин 1976а, 50–52; 1980, 7–32; 1981, 21–55.

²¹ Черных 1970, 98; Пряхин 1977, 102–110.

²² Пряхин 1977, 119–121.

регион со смешанными комплексами покровского типа²³. Новая совокупность памятников расширенного ареала названа «доно-волжской абашевской культурой».

К концу 70-х годов в обсуждении проблем срубно-абашевского взаимодействия отправными комплексами традиционно оставались материалы Покровского могильника. Е. К. Максимов, проверяя данные П. С. Рыкова о двух синхронных группах эпохи поздней бронзы, отметил андроновские элементы в срубной линии В–Е, а в срубно-абашевской группе С–Д — абашевско-сейминские черты²⁴. В. И. Сагайдак настаивал на их разнотипности, комплексы группы В–Е относил к срубной, а смешанные материалы группы С–Д — к абашевской культуре²⁵. Но, исходя из интерпретации последних, сомневался в правомерности выделения на их основе раннего «покровского» этапа срубной культуры²⁶. Различны были мнения и по вопросам датировки Покровского могильника. В целом она синхронизировалась с заметными реперами — Сеймой, Турбино и Бородинским кладом, которые привязывались к авторитетным шкалам Аньяна, Балкан и Кавказа, откуда привлекались впечатляющие аналогии. Основанием для синхронизаций были престижные предметы оружия, инсигний, украшений и конской упряжи из абашевских и покровских захоронений, сквозными реперами в системе культурных течений эпохи бронзы Восточной Европы, Средиземноморья и степной Евразии.

На хронологию Бородинского клада сложились три точки зрения. Сторонники «длинной» хронологии относили комплекс к XVI–XV вв. до н.э.²⁷ Согласно «среднему» варианту, предметы из Бородино и Сеймы датировались XV–XIV вв. до н.э.²⁸ В «короткой» хронологии известны две позиции: XIII в. до н.э.²⁹ и XIV–XII вв. до н.э.³⁰ Хронология Сеймы и Турбино опиралась на даты Бородинского клада, но с некоторыми уточнениями: XVI–XV³¹; XV³²; XV–XIII вв. до н.э.³³ По аньянским аналогиям ножам с прорезными рукоятями Е. Н. Черных датировал Сейму и Турбино XIV–XII вв. до н.э., и точно так же Покровский могильник, где известны копыя сейминского типа³⁴.

Покровские материалы считались основой первого этапа срубной культуры, и дата могильника открывала ее *terminus post quem*. Но примечательно, что некоторые даты «покровска» на тот момент не укладывались в реперные шкалы Бородино, Сеймы и Турбино, особенно интервалы, предлагавшиеся М. Гимбутас (XVIII–XII вв. до н.э.) и Н. Я. Мерпертом (XVII–XIV вв. до н.э.)³⁵. Между тем интуитивное ощущение архаичности некоторых категорий покровского инвентаря позже подтвердилось радиоуглеродной хронологией. Проблема «покровска» требовала конкретизации самобытности этого культурного явления в аспекте погребения

²³ Пряхин 1971; 1976; 1977.

²⁴ Максимов 1978, 57–58.

²⁵ Сагайдак 1979, 57–70.

²⁶ Сагайдак 1989, 39.

²⁷ Hachmann 1957; Мерперт 1962, 119–121; Кузьмина 1964, 136–137; Тереножкин 1965, 64.

²⁸ Gimbutas 1957; Бочкарев 1968.

²⁹ Сафронов 1968.

³⁰ Кривцова-Гракова 1949.

³¹ Бадер 1964.

³² Мерперт 1962, 20.

³³ Gimbutas 1966.

³⁴ Черных 1970, 99–104.

³⁵ Буров 1974, 45.

бальной обрядности, уточнения степени сходства и различий покровской и абашевской керамики, определения причин транскультурности ведущих категорий инвентаря.

Впервые глубокий анализ покровского погребального обряда провел Н. М. Малов³⁶. Затем им были рассмотрены покровские и абашевские украшения, а также инсигнии власти и стрелковое оружие³⁷. В результате систематизированы типы могильников, группы могильных ям, ведущие группы предметов вооружения, орудий, украшений и фурнитуры. Достоинство анализа — соотнесение предметов сквозного инвентаря с центрами производства как подход к проблеме контактности покровских племен в ходе культуругенеза. Немаловажен авторский вывод об участии кавказских и катакомбных традиций в культурных процессах Волго-Уралья. Отмечены различия в похоронной ритуалистике «абашево» и «покровска», но очевидна близость покровского обряда срубному³⁸. Это был заметный шаг по пути осмысления культурной целостности памятников покровского типа, за которым последовало обоснование концепции покровской культуры³⁹.

Концепт новой культуры складывался на фоне развития идей В. С. Бочкарева о волго-уральском и карпато-дунайском очагах культуругенеза⁴⁰, где «покровский тип» представлен одним из компонентов культурного блока вместе с «синташтой», «петровкой», «потапово». Их появление обусловлено бурным развитием металлургии и обработки бронзы, обособлением специализированных ремесел, ориентированных на военную сферу, активизацией политогенеза и углублением социогенеза в комплексных евразийских обществах. Моторика указанных признаков составляла суть взрыва культуругенеза в Волго-Уралье, следствием которого было образование двух крупнейших мегаобщностей эпохи поздней бронзы — срубной и алакульской. Истоки формирования синташтинско-петровско-покровского военизированного блока автор выводит из абашевских (средневожжской и приуральской) культур при участии степных групп катакомбного круга и под активизирующим влиянием сейминско-турбинского фактора⁴¹.

К началу 90-х годов Н. М. Маловым разработан новый концептуальный подход к оценке культурногенетических процессов поздней бронзы Нижнего Поволжья. Вместо категории «срубная культурно-историческая общность» он предложил принять новую модель «срубная культурно-историческая область», в рамках которой должны были выделяться более дробные таксономические ранги, причем как срубные, так и другие «культурные группы»⁴². Диахрония эпохи поздней бронзы вписывалась, таким образом, в процесс естественного развития срубной культурно-исторической области. Ее начало закладывалось покровской культурой, на позднем этапе которой зарождались черты будущей срубной культуры, затем следовал ее классический период, на излете которого формировались признаки «хвалынской культуры валиковой керамики», представлявшей в Нижнем Поволжье финал всей эпохи бронзы. Сопоставление показателей «покровска», срубных

³⁶ Малов 1989, 82–101.

³⁷ Малов 1991б; 1992б.

³⁸ Малов 1992б, 96.

³⁹ Малов 1991а, 50–53.

⁴⁰ Бочкарев 1991, 24–27; 1995, 18–29.

⁴¹ Бочкарев 1995.

⁴² Малов 1994, 8.

и хвалынских древностей в обряде, керамике, инвентаре, в данных стратиграфии и планиграфии указывало на отсутствие «резкой прерывности» при смене культурных ритмов. В пределах культурно-исторической области это демонстрировало внутреннюю последовательность культуругенеза с плавными переходами из предыдущего культурного фона в последующий⁴³. Эта весьма плодотворно обоснованная концепция в известной мере отдавала дань памяти научного подвига П. С. Рыкова, снимала многие терминологические несоответствия, накопившиеся в историографии, обозначала возможность идентификации археологических данных с историческими реалиями эпохи поздней бронзы. Зарождение праиранского мира более явственно просматривалось в недрах срубной культурно-исторической области, а не в абстрактных просторах степной и лесостепной Евразии.

Концепция доно-волжской абашевской культуры изначально была и остается активной альтернативой идее культурной самостоятельности «покровска» и соответствующей модели срубного генезиса. Она предполагает становление лесостепных срубных памятников на основе последовательного развития абашевской культуры в Подонье и северной части Нижнего Поволжья, включая левобережье. Активизация данной позиции, как соответствующая реакция, последовала в связи с попытками новой интерпретации известных памятников от Урала до Поднепровья в духе покровской идеи⁴⁴, угрожающими устойчивости привычных научных конструкций. Предлагалось расширить покровский ареал «от Южного Приуралья до Среднего Дона включительно», а его буферную периферию доводить до Нижнего Подонья и Северского Донца⁴⁵. Открытая идентификация доно-волжского «абашево» в качестве покровской культуры еще не звучала, но совмещение ареалов означало закадровый пересмотр ее позиций, поскольку извлекало на поверхность вопросы, касающиеся происхождения и культурного содержания донских памятников.

В ходе дискуссии о сущности основных объектов оппоненты вновь и вновь приводили в порядок критерии оценок их ведущих признаков. Основная цель сторонников «покровска» — показать своеобразие, которое разводит обе культуры за линию типологической идентичности⁴⁶. О. В. Кузьмина представила свою версию специфики «покровска» и его отличий от «абашево» по погребальной обрядности, керамике, вооружению, орудиям труда, украшениям⁴⁷. Генетические связи культур очевидны, но «покровск» является не поздней фазой «абашево», а самостоятельным явлением, которое, по образному выражению автора, «стоит на плечах абашевской культуры»⁴⁸, представляя следующую фазу эпохи бронзы с иным содержанием.

Оппоненты «покровска» указывают на слишком широкий диапазон интерпретаций (раннесрубный этап, вариант срубной культуры, культурный тип, переходный тип, культура). Отсутствие полной публикации материалов эпонимного Покровского могильника, несогласованность в оценке критериев представляют

⁴³ Малов 1994, 9.

⁴⁴ Литвиненко 1991; 1993; 1994, 51–56; Шарафутдинова 1994, 44–50.

⁴⁵ Шарафутдинова 1995, 94.

⁴⁶ Малов 1991а; 1992а; 2003; 2007; Кузьмина 1995.

⁴⁷ Кузьмина 1995, 27–51.

⁴⁸ Кузьмина 1995, 50.

проблему как незавершенный исследовательский процесс, что исключает пересмотр прежних научных построений⁴⁹.

Вместе с тем уже нельзя было игнорировать различия ведущих черт «покровска» и «абашево», требовалось обосновать причины его трансформации в срубную культуру. Эволюция гончарных традиций рассмотрена в работе В. И. Беседина, где отмечена существенная роль абашевского компонента в ходе формирования срубного комплекса. Взаимосвязь керамики абашевской культуры, покровских и срубных памятников обоснована по критериям развития технологии, формообразования и орнаментации посуды, которое иллюстрирует сложные трансформации абашевских памятников в абашево-срубные (покровские), а затем в срубные лесостепные⁵⁰. Ю. П. Матвеев объясняет проявления нестандартов в абашевском погребальном обряде (левобочная адорация и северные ориентировки) как следствие перемещения абашевцев с коренных верхнедонских территорий в позднекатакомбный ареал и их активной контактности с местным населением, особенно с посткатакомбными бабинскими племенами⁵¹.

К концу XX столетия проблема осмысления памятников покровского типа в Воронеже приобретает характер особо значимого научного направления. Историография этого вопроса тщательно изучается и комментируется, а в сюжетной полемике подходы специалистов Воронежского университета всегда декларируются как «особенно перспективные»⁵². В аналитических разработках новых комплексов наблюдается тенденция к усложнению собственной диахронии «абашево». Так, по материалам Подклетненского могильника выделены три хронологических горизонта абашевской культуры. Самый поздний, характерный впускными погребениями с северо-восточной ориентировкой, что соответствует покровским показателям, следует рассматривать как позднеабашевскую и одновременно как раннесрубную группу памятников⁵³.

Результаты статистического сравнения ритуальных реберчатых сосудов, предпринятого воронежскими авторами, трактованы как показатель близости среднедонских и заволжских памятников и глубокой восточной экспансии абашевских племен⁵⁴. Это был контраргумент анализу О. В. Кузьминой, в котором различия абашевских и покровских ритуальных сосудов показаны в общих пропорциях, в расположении максимального расширения реберчатого тулова, в форме днища, в характере орнаментации⁵⁵.

Псалии из покровских комплексов Нижнего Поволжья, по мнению А. Д. Пряхина и В. И. Беседина, впитали староюрьевские традиции, но изготовлены с типичными для восточного ареала упрощениями. Это касается принципов крепления нащечных и храповых ремней. В отличие от классических абашевских псалиев, у покровских нет бокового выреза, он заменен сквозным отверстием в

⁴⁹ Молодин, Пряхин 1998, 6.

⁵⁰ Беседин 1994, 36–39.

⁵¹ Матвеев 1998, 8–21.

⁵² Припадчев 2003, 53.

⁵³ Пряхин, Беседин 1996, 34–51.

⁵⁴ Пряхин, Беседин 1998а, 60–71.

⁵⁵ Кузьмина 1995, 32–35.

щитке или лункой с костяным штифтом. Заметно упрощен орнамент степных пса-лиев, тогда как донские варианты пышно украшены «микенскими» мотивами⁵⁶.

Квинтэссенция результатов воронежских наблюдений представлена в коллективной монографии от 2001 г. В ней констатируется, что погребальный обряд, керамический комплекс, вещевой инвентарь подтверждают идею о трансформации доно-волжской абашевской культуры в лесостепную донскую срубную культуру; срубно-абашевские (покровские) комплексы отражают ситуацию перехода, культурной изменчивости; развитие идеи самостоятельной покровской культуры не имеет перспективы⁵⁷.

К началу нового тысячелетия заметным событием в развитии нашей проблематики стала серия разработок В. В. Отрощенко⁵⁸. Его идея о двух линиях становления срубной культурно-исторической общности по принципу природно-ландшафтного соответствия разграничивает две срубные локализации на огромном пространстве от Южного Урала и Устюрта до Приазовья и Днепра. Особая роль отводится восточному культурному генератору, где возникновение «синташты» связывается с абашевским (средневожским) и катакомбным импульсами. После этого ненадолго возвышается «Страна Городов», совместимая с ареалом распространения синташтинских памятников, а затем наблюдается западная миграция синташтинцев и баланбашевцев, которые переустроили Волго-Донской регион, где возникает доно-волжская абашевская культура. Формирование «предсрубного горизонта» на юге Восточной Европы (бабинская и доно-волжская абашевская культуры), в Поволжье и Приуралье (Потаповка, Новый Кумак) объясняется им как результат распада южноуральского очага культуригенеза и определяющего влияния синташтинской колесничной традиции — наиболее яркого проявления возросшей «пассионарности» степных евразийцев бронзового века⁵⁹. С памятниками переходного (предсрубного) времени ассоциируются «культуры горизонта боевых колесниц», которые вытеснили или ассимилировали остаточный «позднекатакомбный массив» Восточной Европы. В представленной схеме не учтены посткатакомбные криволукские комплексы, а памятники покровского типа разнесены в доно-волжское «абашево» и в ранний этап покровско-мосоловской срубной культуры. Таким образом, генезис покровско-мосоловской срубной культуры является по сути модернизацией эволюционной схемы А. Д. Пряхина с прямой преемственностью абашевской и срубной культур.

Отличительные особенности покровских материалов указывались для Поволжья в исследованиях Н. М. Малова и О. В. Кузьминой, но они не учитывают всего обширного массива Среднего Дона, не выделены покровские элементы в Синташте, Потаповке и ранней Петровке. Все еще не получили должного освещения материалы эпонимного памятника — Покровского могильника, хотя первые шаги в этом направлении предпринимались в начале 90-х годов с изданием в Саратове свода по срубному ареалу степного Волго-Уралья, а позже — в работах Н. М. Малова⁶⁰. Думается, что решение «покровского вопроса» содержится в анализе всего

⁵⁶ Пряхин, Беседин 1997, 79–81; 1998б, 60–71.

⁵⁷ Пряхин и др. 2001.

⁵⁸ Отрощенко 1994, 150–153; 2001; 2003, 68–96.

⁵⁹ Отрощенко 2003, 75–76.

⁶⁰ Качалова 1993; Малов 2003, 157–219.

объема данных, полученных на широкой территории от Дона до Урала, результат которого доказательно отчленил «покровск» от позднего доно-волжского «абашево» и продемонстрирует его культурную целостность.

Позиции противников «покровской культуры» прямо зависимы от упрощенного восприятия концепции культуругенеза. Версия эволюции, или трансформации, абашевского массива в срубную культуру при известном вмешательстве извне того или иного культуртрегера порождает упрощенные модели производных культурных образований. Покровско-мосоловская (лесостепная) и бережновско-маевская (степная) срубные культуры, сведенные в рамки единой общности, соответствуют простому алгоритму, в котором отсутствует очень важный переходный этап, соответствующий начальной фазе срубного культуругенеза.

Становление срубной культуры представляется гораздо более дискретным и многообразным явлением. Определяющую роль в этих процессах играли яркие покровские комплексы, но прочие компоненты взаимодействия часто завуалированы условностями сложно диагностируемой обрядности. К примеру, анализ материалов Смеловского могильника и полученные результаты⁶¹ позволяют наметить пути устранения этих сложностей, уже теперь выявить некоторые культурные группы, втянутые в симбиоз с «покровском», обозначить параллельные варианты взаимодействий. В подобных направлениях анализа памятников бабинского, криволукского, вольского, лбищенского, воронежского типов, как представляется, содержится принцип моделирования многокомпонентного культуругенеза.

Отчасти концепт бережновско-маевской культурной группы восходит к идее «бережновского горизонта» Н. К. Качаловой⁶². В историографии конца XX в. укоренилось мнение о том, что эта категория вводилась ею в научный оборот как начальный этап срубной культуры, предшествующий памятникам покровского типа. Это одно из следствий многих противоречий, возникших в ходе незавершенных диспутов 70–80-х гг. прошлого столетия по проблемам генезиса срубной культуры, периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы. Причина заключается в несогласованных попытках многих исследователей установить культурно-хронологические соотношения в курганной стратиграфии погребений с абашевскими, покровскими и срубными признаками. Н. К. Качалова довольно однозначно определяла набор признаков бережновского обряда; унифицирующими элементами здесь были восточная ориентировка и левобочная адорация скелетов, поэтому в выборку «бережновки» могли войти безынвентарные комплексы или погребения со специфическими показателями обряда, стратиграфически более ранние, чем покровские, которые теперь идентифицируются как комплексы посткатакомбного типа.

С другой стороны, позднепокровские захоронения с северной ориентировкой могли оказаться в подкурганных ситуациях как более ранними, так и одновременными раннесрубным, составляя с ними планиграфически единые комплексы. В контексте анализа особенностей обрядовых групп на стадии становления данные соотношения вполне закономерны. Но исследователи, автоматически относившие раннесрубные комплексы к бережновскому горизонту, усматривали здесь конкретные примеры синхронизации «бережновки» с «покровском» и даже ее несколько

⁶¹ Лопатин 2010.

⁶² Качалова 1978а, 69–79; 1978б, 58–60.

более ранней позиции⁶³. В работе Е. П. Мыськова особенно отчетливо обозначен дискурс на некую доработку идеи Н. К. Качаловой, где автор адресует ей мысль о синхронизации памятников покровского типа с раннесрубным бережновским горизонтом, ссылаясь на ее тезис об одновременности лесостепного и степного вариантов срубной культуры и предполагая при этом некий синкретизм срубников лесостепной зоны (высокое содержание покровских элементов)⁶⁴. Покровские памятники лесостепи воспринимались как раннесрубные и синхронизировались с «бережновкой»⁶⁵. Между тем, в ходе изучения материалов и стратиграфии Покровского могильника Н. К. Качалова делала вывод об особом характере эталонных комплексов, а срубные захоронения этого памятника с ними не синхронизировала и считала более поздними, чем погребения бережновского горизонта⁶⁶. Своей основной задачей она считала решение проблемы периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья, которое представила в специальной работе, где вопрос «покровска» не рассматривала⁶⁷.

Весьма важен вывод Е. П. Мыськова о связи бережновских комплексов с традициями эпохи средней бронзы, которая проявлялась в погребальной обрядности — формах и размерах могил, ориентировке, положении рук при левобочной скорченности⁶⁸. Автор верно уловил передачу этих реминисценций через посткатакомбную бабинскую культуру. Теперь можно говорить о целом блоке культурных групп посткатакомбного типа, участвовавших в процессах волго-уральского культурогенеза. Но начало этих процессов — явление намного более раннее, чем производное образование, которое в трудах Н. К. Качаловой получило название «бережновского культурно-хронологического горизонта», а позже расширено В. В. Отрощенко в бережновско-маевскую форму.

Существование и взаимодействие памятников покровского типа с развитой срубной культурой объективно было невозможно, поскольку она была результатом предыдущего этапа с активным взаимодействием «покровска» и посткатакомбных групп, проникших в Волго-Уралье в конце эпохи средней бронзы. Материалы местных курганов демонстрируют не только преемственность, но и синхронизацию покровского и посткатакомбного типов, взаимодействие которых приводит к возникновению степных вариантов будущего срубного мира. Покровский шлейф недолго присутствует в материалах самых ранних срубных комплексов и вскоре окончательно нивелируется.

Векторы культурогенеза с участием покровских групп были ограничены во времени (приблизительно XVIII–XVII вв. до н.э.), а в пространстве чрезвычайно разнообразны. В степной аридной зоне Нижнего Поволжья и Приуралья они вступали в симбиоз с постлолиновскими и криволукскими культурными группами. На западе, в нижневолжском правобережье, на эти процессы влияли также бабинские традиции, а в Южном Приуралье они испытывали позднесинташтинские воздействия. На границе степи и лесостепи покровские племена контактировали

⁶³ Васильев и др. 1985, 71; Пятых 1984, 151–152; Мыськов 1991, 150–161.

⁶⁴ Мыськов 1991, 162.

⁶⁵ Васильев и др. 1985, 73.

⁶⁶ Качалова 1978б, 69–79; Малов 1986, 29.

⁶⁷ Качалова 1985, 28–59.

⁶⁸ Мыськов 1991, 156.

с носителями потаповских, лбищенских, воронежских и бабинских лесостепных традиций. Сложным остается вопрос об участии в указанных процессах донского позднеабашевского населения, решить который возможно только после конструктивного разграничения проблем Доно-Волжской абашевской культуры и памятников покровского типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О. Н.* 1964: Древнейшие металлурги Приуралья. М.
- Беседин В. И.* 1994: Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.
- Бочкарев В. С.* 1968: Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1, 124–128.
- Бочкарев В. С.* 1991: Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Бочкарев В. С.* 1995: Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Бочкарев В. С.* 2001: Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции. Самара.
- Буров Г. М.* 1974: Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск.
- Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* 1985: Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Городцов В. А.* 1905: Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII археологического съезда. Т. 1. М.
- Городцов В. А.* 1915: Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского русского исторического музея за 1914 год. М.
- Городцов В. А.* 1927: Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 7. М.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* 1961: Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. 97, 43–110.
- Качалова Н. К.* 1985: Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Качалова Н. К.* 1978а: Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 3, 69–79.
- Качалова Н. К.* 1978б: Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Кривцова-Гракова О. А.* 1949: Бессарабский клад. М.
- Кривцова-Гракова О. А.* 1955: Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46, 162.
- Кузьмина Е. Е.* 1964: Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. М.
- Кузьмина О. В.* 1995: Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб.
- Либеров П. Д.* 1964: Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.

- Литвиненко Р. А.* 1991: Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Материалы II Рыковских чтений. Саратов.
- Литвиненко Р. А.* 1993: Критерии выделения памятников покровского типа в бассейне Северского Донца // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов. СПб.
- Литвиненко Р. А.* 1994: Керамический комплекс погребений покровского горизонта донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.
- Лопатин В. А.* 2010: Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов.
- Максимов Е. К.* 1978: К вопросу о датировке Покровских курганов // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды КГПИ. Т. 221. Куйбышев.
- Малов Н. М.* 1986: Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Малов Н. М.* 1989: Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1, 82–101.
- Малов Н. М.* 1991a: О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Малов Н. М.* 1991b: Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2, 18–22.
- Малов Н. М.* 1992a: Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тез. докл. науч. конф. Липецк.
- Малов Н. М.* 1992b: Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3, 22–54.
- Малов Н. М.* 1994: Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.
- Малов Н. М.* 2003: Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 2001 году. Вып. 5, 157–219.
- Малов Н. М.* 2007: Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5, 34–92.
- Матвеев Ю. П.* 1998: Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж. Вып. 11, 8–21.
- Мерперт Н. Я.* 1954: Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 42, 39–156.
- Мерперт Н. Я.* 1962: Срубная культура Южной Чувашии // МИА. 111, 7–21.
- Молодин В. И., Пряхин А. Д.* 1998: Евразийская лесостепь в эпоху средней — поздней бронзы (некоторые проблемы) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж. Вып. 11, 3–7.
- Мыськов Е. П.* 1991: К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. 4, 145–163.
- Отрощенко В. В.* 1994: О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Отрощенко В. В.* 2001: Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.

- Отрощенко В. В.* 2003: К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 17, Воронеж.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. 1–10 / Н. К. Качаловой (ред.). Саратов.
- Припадчев А. А.* 2003: Памятники покровского типа и их осмысление (к историографии вопроса) // Археология Восточно-Европейской степи. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Вып. 17, 51–57.
- Пряхин А. Д.* 1970: Новые сведения об абашевской культуре // АО, 62–64.
- Пряхин А. Д.* 1971: Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А. Д.* 1972: Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 3, 233–243.
- Пряхин А. Д.* 1976а: Абашевская общность по данным исследования поселений // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит, бронзовый век). Куйбышев.
- Пряхин А. Д.* 1976б: Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А. Д.* 1977: Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А. Д.* 1980: Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А. Д.* 1981: Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И.* 1996: К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5, 75–86.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И.* 1997: Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И.* 1998а: Острореберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Вып. 11, 60–71.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И.* 1998б: Конская узда периода средней бронзы в восточно-европейской степи и лесостепи // РА. 3, 22–35.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., Захарова Е. Ю., Саврасов А. С., Сафонов И. Е., Свистова Е. Б.* 2001: Доно-волжская абашевская культура. Воронеж.
- Пятых Г. Г.* 1984: О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 2, 146–154.
- Равдоникас В. И.* 1947: История первобытного общества. Т. 2. Л.
- Рыков П. С.* 1923: Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 году // Труды общества ИСТАРХЭТ. Вып. 34, 18–24.
- Рыков П. С.* 1927: К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. ИНВИК. Т. 2, 77–100.
- Рыков П. С.* 1936: Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов.
- Сагайдак В. И.* 1979: О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Труды КГПИ. Т. 230, 57–70.
- Сагайдак В. И.* 1989: Хвалынская культура в исследованиях П. С. Рыкова // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1, 33–41.
- Сальников К. В.* 1967: Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Сафронов В. А.* 1968: Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1, 34–42.
- Синицын И. В.* 1956: Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции // КСИИМК. Вып. 63, 83–88.

- Синицын И. В.* 1959: Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 60, 39–205.
- Синюк А. Т., Килейников В. В.* 1976: Курган у села Введенки на Дону // СА. 1, 159–169.
- Смирнов А. П.* 1961: К вопросу о формировании абашевской культуры // МИА. 97, 22–26.
- Смирнов К. Ф.* 1959: Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 60, 206–322.
- Смолин В. Ф.* 1928: Абашевский могильник в Чувашской республике (очерк археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары.
- Тереножкин А. И.* 1965: Основы хронологии предскифского периода // СА. 1, 62–72.
- Халиков А. Х.* 1961: Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. 97, 219–228.
- Халиков А. Х.* 1989: Поволжье в покровское время // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1. 66–82.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимов М. М.* 1966: Пепкинский курган // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.
- Черных Е. Н.* 1966: История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е. Н.* 1970: Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Шарафутдинова Э. С.* 1994: Характер памятников покровского типа в Нижнем Подонье // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.
- Шарафутдинова Э. С.* 1995: Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов. Вып. 4, 93–116.
- Gimbutas M.* 1957: Borodino, Seima and their Contemporaries // Proceedings of the Prehistorik Societi for 1956. Vol. XXII, 143–172.
- Gimbutas M.* 1966: Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Cambridge.
- Hachmann R.* 1957: Die fruhe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel-und sudeuropaischen Beziehungen. Hamburg.

POKROVSK-TYPE MONUMENTS: HISTORIOGRAPHY KEY ISSUES (SECOND HALF OF THE 20th — EARLY 21st CENTURIES)

V. A. Lopatin

The paper presents an attempt to find the purport of cultural and historical value of Pokrovsk-type monuments which have been the subject of investigation in the north of Volga-Don and Volga-Ural interflaves throughout the last hundred years. The late 20th century saw substantial disagreement on the specific properties of the mentioned cultural group. The alternative to the cultural integrity of Pokrovsk antiquities (N. M. Malov, O. V. Kuzmin) is the concept according to which Abashevo-culture-based genesis of the Late Bronze era resulted in forest-steppe Timber-grave culture, and Pokrovsk-type monuments present a transition type of later Abashevo complexes (A. D. Pryakhin, V. I. Besedin). Present-day theory deals with a complex scheme of multi-componential cultural genesis processes (N. M. Malov, V. A. Lopatin, R. A. Mimokhod) whose outcome is the Timber-grave community based on the interaction and fusion of many cultural groups (Abashevo, post-catacomb, Voronezh, Volsk-Lubishchensk, Sintashtinsk, Pokrovsk).

Key words: Bronze Age, the Volga-Don Interfluve, the lower Volga area, Abashevo culture, Pokrovsk-type monuments, Timber-grave culture, cultural genesis

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Статья посвящена выявлению роли ряда междисциплинарных подходов в исследовании идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты. В качестве таковых были обозначены следующие признаки: мифологическое сознание, «имперская идея» (в ее позднеримском варианте), — которые в совокупности составляли основу менталитета позднеримских интеллектуалов-аристократов, — а также ряд взаимосвязанных компонентов, являвшихся системой средств трансляции ментальных основ писателей латинского Запада, — риторическое образование, лексика, поэтическая традиция.

Ключевые слова: микроисторический подход, метод интерпретации, интеллектуальная история, позднеантичная интеллектуальная элита

Актуальность исследования переходных периодов истории¹ значительно возрастает на фоне разворачивающегося в последние десятилетия нового цикла неоднозначных по характеру глобальных сдвигов мирового развития в целом и ситуации в российской действительности в частности, связанной с глубокой трансформацией государственности, социальной структуры, религиозной и политической культуры. В связи с серьезной переоценкой мировосприятия, изменением ментальных установок, «размыванием» структуры основных социальных групп и их динамикой, на первый план выходит проблема самоидентификации человека, его самоопределения в обществе, отождествления с тем или иным социальным слоем. В этой связи подобного рода процессы позднеантичного времени особенно показательны.

Относительно недавно (до 70-х гг. XX в.) период поздней античности однозначно воспринимался историками как время кризиса и упадка Римской империи (прежде всего, после публикации работы британского историка Э. Гиббона (*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vols. I–VI. London, 1776–1789), но с выходом в свет сочинения Питера Брауна «Мир Поздней Античности: от Марка Аврелия до Мухаммеда (150–750)» (*The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150–750)*. London, 1971) в науке получило развитие новое направление, так называемая «постгиббоновская концепция» («Late Antiquity», «Postclassical World»), в соответствии с которой позднеантичное обще-

Литовченко Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

¹ Проблема переходных, кризисных этапов исторического развития в целом и античной цивилизации в частности является на данный момент весьма перспективной. Существует ряд авторов, работающих в русле концепции «Поздней Античности», P. Brown, G. Bowersock, Av. Cameron, J. M. Wallace-Hedrick. Однако в трудах подобного рода исследуются в основном трансформации социально-экономической жизни общества, политических институтов, и лишь изредка авторы обращаются к изменениям в ментальной сфере (A. Alföldi, P. Garnsey, Н. Н. Болгов, М. М. Казаков, В. И. Уколова, П. П. Шкаренков).

ство было не только кризисом и упадком, но и закономерным этапом развития античной цивилизации.

Согласно исследованиям современных историков (Cameron Av. "The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600" (1993); Brown P. "Late Antiquity" (1998); Brown P. "The World of Late Antiquity. AD 150–750" (1989); Уоллес-Хедрилл Дж.-М. «Варварский Запад. Раннее Средневековье 400–1000» (рус. пер. 2002); Болгов Н. Н. «Поздняя античность: история и культура» (2009); Уколова В. И. «Античное наследие и культура раннего средневековья» (1989)), своеобразие этой эпохи заключается в культурном континуитете между позднеантичной и раннесредневековой Европой, при этом двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность, т.е. переходность при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры.

Специальных исследований, направленных на изучение идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты в отечественной науке нет, однако есть работы, освещающие некоторые аспекты данного вопроса: процесс христианизации Римской империи в течение IV в. с различных сторон, в том числе и смену морально-нравственных устоев, исследовал М. М. Казаков²; анализ трудов Авзония и других галло-римских авторов с культурологической точки зрения принадлежит Н. В. Бойко³.

Среди работ, концептуально наиболее близких нашему исследованию, в которых рассматривается проблема перехода от античности к средневековью и ее значение для судеб европейской культуры, необходимо отметить серию работ В. И. Уколовой⁴, П. П. Шкаренкова⁵. Однако имеется стадильный и качественный водораздел между рассматриваемыми нами персоналиями и первыми деятелями раннесредневековой культуры, изучаемыми названными авторами. Их отличает, по нашему мнению, помимо более ранней хронологии, в первую очередь разное отношение к античной культуре, определяемое двумя факторами: 1) наличием остатков политической власти Позднего Рима в ряде провинций (до 80-х гг. V в.) и муниципиях (до VI в.); 2) временем бытования позднеримского этноса с латинским языком в качестве живого языка (до VI в.)

Таким образом, в поставленном нами ракурсе данная проблема еще не являлась предметом специального исследования. Более того, изучение трудов позднеантичных авторов IV–V вв. чаще всего находится в поле зрения филологов или же историков-медиевистов, но не антиковедов. Как правило, акцент в подобных исследованиях делается на определение специфических черт средневековой христианской традиции.

Изучая общество как живой, сложный организм, необходимо начинать с анализа глубин правового и повседневного мироощущения народов, их самосознания. При этом целесообразно исходить из локальных исследований духовно-практической деятельности в ее повседневности, верифицируя свои построения на основании детального изучения конкретного материала локальных источников.

² Казаков 1995; 1996; 2002; 2005.

³ Бойко 2006.

⁴ Уколова 1983; 1989; 1992.

⁵ Шкаренков 2004б.

Обращение к изучению материала, отражающего повседневную жизнь, дает возможность проследить сотни отдельных судеб, тем самым проливая свет на многие основополагающие для переходных периодов античности явления, и социально-экономического, и социально-психологического характера⁶.

В качестве одной из методологических основ в данной ситуации целесообразно применять *микроисторический подход*. Микроисторики стремятся сосредоточить внимание на конкретных, легче обозримых аспектах прошлого, раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия. Полнота подобных микроданных позволяет конкретно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой⁷.

Именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях социально-политической нестабильности, кризиса, что, безусловно, актуально для реконструкции образа жизни людей поздней античности.

Микроисторики, изучающие античную эпоху, работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют прежде всего «эго-документы» – биографии, мемуары, дневники и письма, которые позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах⁸.

В качестве одного из ключевых методов исследования микроисторики используют *герменевтический метод*, или *метод интерпретации*⁹ [], первоначально активно применяемый в психологии, а впоследствии и в *исторической психологии*¹⁰. Сущность данного метода в приемах толкования текстов, основой которых является включение текстовой информации в более широкий контекст знаний с интерпретацией, т. е. «переводом» с добавлением дополнительных значений, зафиксированных в тексте (поиски скрытого смысла). Сам текст представляется как проблема, где есть нечто известное и нечто неизвестное, требующее своего истолкования. Разумеется, этот поиск осуществим только при наличии у субъекта более или менее осознанной схемы, модели реальности (универсального интерпретатора), который и служит для перевода. Проникновение в глубинный, внутренний смысл, вскрытие подсознательного становится основной целью герменевтики – «понимать автора лучше, чем он понимает сам себя» (Ф. Шлейермахер, «Psychologie», 1864). Чрезвычайно важным для герменевтики является вопрос соотношения понимания и интерпретации текста. Ряд авторов, в частности Е. Д. Хирш («Значимость интерпретации», 1967), различают понятия «интерпретация» и «понимание». С точки зрения Хирша, искусство интерпретации и искусство понимания суть различные процессы, так как правильное понимание возможно только одно, а интерпретаций – множество, ибо последнее основано на терминологии интерпретатора, а понимание – на терминологии текста¹¹. В

⁶ О переходном периоде как феномене см. Мильская 2003.

⁷ Бессмертный 1995, 11–12.

⁸ Пушкарева 2003.

⁹ Dilthey 1928

¹⁰ См. Тарнас 1995; Боброва 1997; Шкуратов 1997.

¹¹ Поле значений термина «понимание» очень широко. Согласно В. К. Нишанову (Нишанов 1990), в него входят: 1) декодирование, 2) перевод «внешнего» языка во «внутренний» язык иссле-

русле микроистории с помощью герменевтического метода нами осуществляется попытка «понимания и интерпретации» текстов позднеантичных литераторов с целью выявления в них основных идентификационных признаков интеллектуальной элиты Позднего Рима.

Еще одной методологической основой работы является *«интеллектуальная история»*, активно разрабатываемая в ИВИ РАН (Центр интеллектуальной истории под рук. Л. Репиной, представленный альманахом «Диалог со временем»; Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ)).

«Интеллектуальная история» распространяет свое познавательное поле на весь комплекс идей, проявляющихся в разные периоды и в разных человеческих общностях. В центре внимания этого направления оказывается соотношение индивидуального и коллективного исторического сознания и их роли в формировании персональной и групповой идентичности.

Считаем целесообразным упомянуть о трехуровневой структуре исследования в рамках «интеллектуальной истории», предложенной французским историком Ж. Ле Гоффом, которая включает в себя следующие уровни: 1) история интеллектуальной жизни, являющейся изучением социальных навыков мышления; 2) история ментальностей, т.е. коллективных «автоматизмов» в сознании; 3) история ценностных ориентаций (этика человеческих желаний и стремлений). Таким образом, «интеллектуальные историки» пытаются преодолеть оппозицию между «внешней» и «внутренней» историей идей и текстов, между их содержанием и контекстом.

Проблемами, связанными с определением «элиты», ролью выдающихся личностей в общественной истории, вопросами харизматического лидера, культа личности, социальной иерархией, генеалогией знатных родов (династий) и знаменитостей, а также историческим духовным наследием выдающихся деятелей в области политики, науки и культуры занимается *историческая элитология*¹² (Ю. С. Довженко, Э. Д. Фролов и др.). Большой вклад в разрешение этих вопросов вносит также и упомянутый нами выше Центр интеллектуальной истории ИВИ РАН.

Употребляя понятие «интеллектуалы» необходимо отметить, что речь здесь может идти лишь об объективно постигаемой социальной категории, социальной группе. Это особый микросоциум, который можно выделить в любом социальном образовании, причем не столько по локально-территориальным или коммуникативным, сколько по качественным признакам.

Содержание интеллектуальной жизни не остается неизменным с течением времени, да и само представление об интеллектуале, т.е. о носителе высших в глазах общества умственных способностей, связанное с характерным для каждого социума мировосприятием, способом мышления и специфической шкалой

дователя, 3) интерпретация, 4) понимание как оценка, 5) постижение уникального, 6) понимание как результат объяснения, 7) понимание как синтез целостности. Можно сказать, что понимание применяется тогда, когда требуется познать уникальный, целостный, неприродный объект (который несет «отпечаток разумности») путем перевода его признаков в термины «внутреннего» языка исследователя и получить в ходе этого перевода его оценку и «переживание понимания» как результат процесса.

¹² Карабушенко 1999, 17.

оценки интеллектуальных качеств, весьма различается как у разных народов, так и в рамках одной этнокультурной традиции в разные хронологические периоды¹³.

В античности подлинным интеллектуалом считался, как правило, тот, для кого умственный труд и интеллектуальное творчество были не профессией или источником существования, как для античной интеллигенции, а скорее своего рода образом жизни, экзистенциальной тягой к поиску вечных истин.

Существование интеллектуальной элиты на протяжении длительного периода времени немыслимо без существования в обществе интеллектуальной традиции, а значит, без преемственности в сфере высокого образования, вне которого интеллектуал античного типа практически не мог сформироваться. «Цели образования тесно связаны с целями жизни данного общества», поэтому «понять систему образования данного общества – значит, понять строй его жизни»¹⁴.

Интеллектуальная жизнь античного общества протекала не только в форме накопления и передачи знаний, то есть в форме поддержания интеллектуальной традиции, но и в форме интенсивного интеллектуального творчества. Античный тип интеллекта – это не только образование, эрудиция и начитанность, но и способность к творчеству, способность использовать свои знания для выработки оригинального и нового в сфере умственной деятельности, а также – осознанный момент индивидуального авторства¹⁵.

Здесь, однако, необходимо пояснить, что такой тип интеллекта в период поздней античности характерен для представителей «новой интеллектуальной элиты» – христианских апологетов¹⁶. Для тех христиан, в сознании которых продолжали жить традиционные античные установки, главными качествами являлись как раз образование, эрудиция и начитанность.

Мы также выделяем особый тип интеллектуалов – духовно-творческую элиту, к которой относятся поэты, писатели, скульпторы, т.е. те, чье мировосприятие протекало с преобладанием эмоционально-чувственного момента, а мироосмысление – по преимуществу, в рамках мифо-поэтического мышления. В «элиту образования и таланта» (в отличие от «статусной элиты») в принципе могут входить представители самых различных социальных групп. Но, если принимать во внимание значительную стоимость хорошего образования в Древнем Риме, то необходимо констатировать, что обычно, в том числе и во времена Поздней империи, слой интеллектуалов («элита знаний») состоял из представителей «статусной элиты»¹⁷.

В позднеантичную эпоху выразителем римского гражданского идеала, классических традиций и ценностей по сути являлась провинциальная элита (в частности, галло-римляне).

Здесь следует остановиться еще и на разъяснении того значения, которое имела в позднеантичное время интеллектуальная элита провинций. Рядом с почти неограниченной императорской властью трудно было сохранять независимость и

¹³ Довженко 1995б.

¹⁴ Карабущенко 1999, 41.

¹⁵ Довженко 1995б.

¹⁶ Довженко 1995а.

¹⁷ Согласно типологии американского социолога Д. Белла, различают «элиту крови», «элиту богатства» и «элиту знаний», в данном случае «элита крови» и «элита богатства» объединены в общую группу «статусная элита».

творческую свободу. Кроме того, в результате масштабных завоеваний, которые вел Рим на протяжении всей своей истории, сама империя постепенно меняется. Она все менее и менее «римская», то есть отмеченная Римом и Италией, и все больше всеобщая. В Риме доминирует «имперская» аристократия, вышедшая из провинций, и от этого даже сам Город утрачивает часть своего исторического превосходства¹⁸.

Провинциальная элита, заменившая старую римскую аристократию, стремилась сохранить вечный идеал, который для нее был неотделим от Рима. Во времена Домициана и Траяна «выскочки» Плиний Младший и Тацит, оба выходцы из цизальпинской Галлии (первый происходил именно оттуда, относительно второго это только предположение), были более ревностными сторонниками традиции, чем последние представители семей, знаменитых со времен Ганнибала. Без сомнения, их чувство родилось из восхищения римским прошлым, из традиций их родных небольших провинциальных городков, которые часто восхищались идеальным соседом – Римом, и оно подпитывалось образованием, полученным у риторов и философов. Старинные нравственные ценности внушались им со школьной скамьи.

В эту эпоху функционировали несколько «настоящих провинциальных университетов», например в Отене (Аугустодун), в Бордо (Бурдигала), в Трире (Тревиум); туда стекались преподаватели, которые были выходцами из всех регионов империи¹⁹.

Таким образом, интеллектуальная история и историческая элитология помогают нам определить качества, присущие интеллектуалам позднеантичной эпохи. Этим людей отличали высокое социальное положение и имущественный статус, в большинстве своем они принадлежали к политической верхушке общества, и самая главная характеристика – высокий образовательный уровень, предопределявший занятия литературой как основное увлечение на протяжении всей их жизни.

Определить основные идентификационные признаки позднеантичной интеллектуальной элиты возможно посредством анализа менталитета обозначенной социальной группы. Менталитет как главный предмет исследования «новой исторической науки» выступает в качестве «интегральной характеристики людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и специфику реагирования на него»²⁰. Большинство современных философских и психологических словарей содержат определение менталитета как сформированной системы элементов духовной жизни и мировосприятия, которая предопределяет соответствующие стереотипы поведения, деятельности, образа жизни разнообразных социальных общностей, а также включает совокупность ценностных, символических, сознательных и подсознательных ощущений, представлений, настроений, взглядов²¹.

С. В. Лурье отмечает, что «речь идет о присутствующем в сознании человека стержне, который может при разных внешних условиях выступать в разных обликах, но который является единым для всего этноса (или социального слоя)»²².

¹⁸ Анун, Шейд 2004, 27. Подробнее об этом: Woolf 1998.

¹⁹ Об этом см.: Naarhoff 1958.

²⁰ Лурье 1998.

²¹ Кондрашов 2008, 383–384.

²² Лурье 1998.

В нашем исследовании мы прежде всего будем анализировать менталитет представителей слоя аристократов-интеллектуалов, т.е. тех, кто имел возможность оставить нам письменное наследие²³. Объединяла этих людей не только (и не столько) принадлежность к римскому нобилитету, сколько система риторического воспитания и образования, «*παιδεία*» римского образца, культивировавшая как когнитивный компонент сознания, так и целую систему общественных и культурных ценностей, типичных для классической античности. Практически все позднеантичные литераторы получили риторическое образование и, как следствие, тягу к художественному (в частности литературному) самовыражению. При этом все они разговаривали на одном языке, на латыни, изучали и преподавали одну и ту же мораль и одну и ту же эстетику. В связи с этим необходимо отметить что одним из важных факторов формирования менталитета является язык. Язык и мир – центральные понятия англо-американского «лингвистического поворота» в истории, объявленного в 1980-х и инициированного австро-английским философом Л. Витгенштейном еще в первой половине XX в.; они предстают как «зеркальная» пара: язык отражает мир, т.к. логическая структура языка идентична онтологической структуре мира²⁴. Рассматривая язык как «средство создания мысли», русский филолог А. А. Потебня еще раньше (в XIX в.) сумел доказать, что язык каждого народа создает «разные системы средств мышления», мировосприятия, влияет на формирование его символизма, ценностей²⁵, что, несомненно, можно проследить и на примере галло-римской интеллектуальной элиты.

Сложность определения общих контуров менталитета позднеантичной элиты заключается в том, что в IV-V вв. на самом деле немногие являлись убежденными язычниками либо твердыми христианами. Элементы противоборствующих религий (язычества и христианства) редко проявлялись у одного и того же автора в чистом виде, как правило, они существовали в сложном переплетении, совершенно индивидуальном для каждого писателя. Именно поэтому нетрудно обнаружить классические (нехристианские) элементы (мифологические сюжеты и имена, неоплатонические мотивы, составляющие «имперской идеи», риторические приемы) в письменном наследии (соответственно и в сознании) не только «формальных христиан», каковыми являлись Авзоний и Сидоний, но и убежденных ортодоксов, таких как Павлин Ноланский, св. Августин, Иероним и др.

Слой образованной элиты был совсем немногочисленным и достаточно замкнутым в силу того, что умственным трудом и интеллектуальным творчеством могли заниматься люди, имеющие солидное состояние. Несомненно, каждый представитель данного слоя обладал рядом признаков, позволявших им идентифицировать себя как истинных римлян, а также представителей особого микросоциума – образованной знати, узкого круга ценителей прошлого.

Восприятие мира в период поздней античности опиралось на традиционные классические установки – мифологическое сознание, «приправленное» элементами неоплатонизма, а также имперскую идею (в ее позднеримском варианте),

²³ Из позднеантичных авторов это, в первую очередь, писатели латинского Запада, такие, как Авзоний, Павлин Ноланский, Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий (по большей части галло-римляне) и др.

²⁴ Витгенштейн 1994.

²⁵ Потебня 1892.

которые в совокупности составляли основу менталитета позднеримских интеллектуалов-аристократов.

Как уже отмечалось выше, одним из основных средств трансляции мировосприятия является язык, выступающий в форме письменной литературной традиции, когда речь идет об исследовании особенностей той или иной цивилизации прошлого. Исходя из этого постулата, обозначим ряд взаимосвязанных компонентов, составлявших систему средств трансляции ментальных основ элиты латинского Запада, – риторическое образование, лексика (отражавшая тенденции поздней латыни), поэтическая традиция.

Мифологическое сознание римлян отличалось не столько консервацией реликтов первобытного сознания, сколько культивированием «новых» мифов, рожденных в условиях цивилизации. Мифы эти касались в значительной степени общественно-политической сферы²⁶. Собственно римские мифологические предания, которые не являются простым переложением греческих мифов, обычно оказываются созданием римских писателей и поэтов или любителей древности (Фабий Пиктор, Катон Старший, «старшие» анналисты; поэты – родоначальник римского эпоса Квинт Энний и др.)

Результатом коллективного творчества авторов, выполнявших заказ правящих родов, стал «римский миф» – представление о Риме как об избранном богами городе, самом справедливом и богобоязненном, уготованном для великой миссии. Мифообразующими стали переломные моменты римской истории: возникновение Вечного города, свержение монархии и становление республики. Римская историческая мифология не была романтической фантазией. Реалии и вымысел здесь переплетены необыкновенно тесно. Легендарная традиция о предыстории и начальном этапе римской истории – предания об Энее, греко-латинских контактах на рубеже II-I тыс. до н.э., сведения о первых римских царях и т.д. – часто отражала реальность²⁷.

Мифологическому сознанию²⁸ свойственен обязательный поиск человеком лично ответственного за что-либо происходящее, равно как и преувеличение роли участия в событиях, имеющих характер системной динамики, какой-либо лич-

²⁶ Колобов, Гущин, Братухин 1999, 29.

²⁷ Маяк 1983, 31–45.

²⁸ Мифологическое сознание позднеантичного человека по сравнению с классической эпохой имело свою специфику, испытывая серьезное влияние идей неоплатонизма. Неоплатоники пытались восстановить ощущение единства человека и космоса, их учение было своеобразным сплавом мистики и логики. В основе его лежала триада: Единое (совершенный абсолют) и истекавшие из него Ум и Душа. Материя – аморфная субстанция, которая гасит импульсы духовности, исходящие через Ум и Душу от Единого. Душа, присутствующая в человеке, должна взойти к Единому через состояние экстаза и воссоединиться с ним (подготовкой для этого служит аскетическая жизнь) (Paul. Epist. ad Auson. 40–50; 60–80). Принцип абсолютной нематериальности души утвердил древнегреческий философ Плотин (III в. н.э.), основатель римской школы неоплатонизма. Учение Плотина оказало влияние на Августина (IV-V вв.), творчество которого ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению. Августин придал трактовке души особый характер: считая душу орудием, которое правит телом, он утверждал, что ее основу образует воля, а не разум. Собственно неоплатонические идеи, переплавленные Августином, стали значительным пластом мировоззрения таких позднеримских интеллектуалов, как Марциан Капелла и Макробий, однако эти идеи как непосредственно, так и через посредство христианства оказали определенное влияние и на других позднеантичных авторов – Павлина Ноланского, Драконция и др. (Auson. Orat. 35–40).

ности (чаще всего божества). Постоянной областью реализации мифологического сознания является повседневность и в этом смысле для нас особенно полезно наследие позднеантичной эпистолографии, литературного жанра, наиболее приближенного к повседневной жизни.

Действительность в интерпретации Авзония, Сидония и других позднеантичных авторов получает «некий эталонный, вневременной характер»²⁹, их лексический арсенал включает множество образцов из мифологии и истории, великие примеры прошлого заслоняют настоящее, предоставляют богатый материал для сравнения и подражания. Так, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (Sid. Epist I. 5, 3). Поздравляя женившегося друга Гесперия, желает, чтобы супруга помогала ему в литературных занятиях, «как Марция помогала Гортензию, Пудентилла – Апулею, Рустициана – Симмаху»; рассуждая о дружбе, вспоминает Тезея и Протея, «таким-то образом наш Дедал строит здание своей дружбы, сопутствуя товарищам в счастии, как Тезей, и оставляя их в несчастьи, как Протей» (Id. III. 13, 2); а за изменения, происходящие в жизни любого человека, ответственна, разумеется, Фата (Id. II. 1, 1).

Интерпретируя мифы, ведущие государственные деятели стали претендовать на божественное происхождение (первым в этом смысле был Сципион Африканский), на особое покровительство божества (Сулла и Цезарь – на покровительство Венеры, Антоний – Геркулеса и Диониса), на уготованное их душам бессмертие и особое место в звёздных сферах или полях блаженных. В провинциях распространялся культ полководцев. Так был подготовлен императорский культ, начавшийся с обожествления Цезаря и Августа, а затем его преемников. Императоры отождествляли себя с богами, их жёны – с богинями. С сер. III в. н.э., когда распространяются солярные культы в Риме, императоры стали отождествлять себя с этими богами.

Без сомнения, основные циклы римской общественно-политической мифологии послужили базой и во многом «строительным материалом» для развития «имперской идеи», являвшейся едва ли не самым важным компонентом римской идентичности, в позднеримское время вознесенной на небывалую высоту. Как верно заметил П. Курсель, после катастрофы под Адрианополем внезапное осознание смертельной опасности, нависшей над империей, придало новые силы патриотическим настроениям, вновь заставило зазвучать концепцию *Aeternitas Romae*³⁰, изложение которой мы находим во многих дошедших до нас произведениях этого периода.

«Имперская идея», на наш взгляд, включает несколько основополагающих компонентов:

1. Рим – столица Мира, «genetrix hominum» (мать людей) (Симмах), ибо он объединил под своей властью людей всего мира.
2. Рим – культурный центр Ойкумены в противовес варварскому миру.
3. Провиденциальная миссия Рима – нести мир и справедливость народам, покоренным империей.
4. Эсхатологическая идея – «*Aeternitas Romae*» как начало и конец истории.
5. Обоснование легитимности власти Рима при помощи ссылок на древность.

²⁹ Шкаренков 2004а, 22.

³⁰ Courcelle 1964, 134–161.

6. Основа легитимности единовластия императора - старая, языческая идея божественного правителя, сакрального властелина. «*Lex animata in terris*».

В той или иной мере эти идеи отражены в творчестве уже упомянутых нами авторов (Paneg. lat. II, 13; IX, 19; XII, 47, 3; Aur. Vict., Caes. 28, 2; 41, 17; Auson. Cons. Orat.; De omen.; De urb.; Orat. Laud. ad Caes. Grat.; Rut. Nam. De reb. suo; Amm. Marc. XIV; XVI, 10; Sid. Epist. II.; IV). Разная степень выраженности имперских устремлений позднеантичных интеллектуалов зависит в первую очередь от степени их религиозной убежденности (у «твердых» христиан, таких как Павлин, слабее, однако и они не лишены чувства восхищения «столицей мира» и гордости от принадлежности к Империи (Paul. Epist. ad Auson. 250; Prud. Cl. Lib. Peristeph.))

Идеалы прошлого, равно как и классические нравственные ценности, внушались в процессе обучения в латинских риторических школах (с I в. до н.э.), программа которых основывалась на изучении литературных произведений классиков античной литературы, где в качестве сюжетной основы часто использовались героические деяния предков и высоконравственные поступки деятелей прошлых эпох.

Сфера образования выступает основным средством трансляции идеологии любого общества в самые различные периоды исторического развития. Позднеантичная система риторического образования не являлась исключением в этом смысле и способствовала формированию единого для всех представителей интеллектуальной элиты «кодекса» не только литературного творчества, но и поведения в целом.

Несмотря на все свои мировоззренческие недостатки, риторика сыграла значительную роль в развитии культуры, особенно литературы, риторическая образованность пережила критиковавшую ее классическую философию и утвердилась на ее обломках. Эдвин Хэтч говорит о таком феномене, как «литература *viva voce*³¹», принципы которой как раз и были обусловлены системой риторического образования.

Стимулом к поддержанию и сохранению античного наследия в целом и латинского языка как фундаментальной основы римской культуры, безусловно, являлось варварское окружение. У населения бывших римских провинций, воспитанного в духе лучших риторических традиций, возникало естественное желание противопоставить варварским обычаям утонченную культуру и римские ценности хотя бы на страницах литературных произведений. «К V веку светские риторические каноны были скорее поддержкой, чем угрозой для многих христиан-интеллектуалов, живших на последних римских территориях, завоеванных вандалами и другими варварами³²».

Латинский язык являлся элементом государственной и духовной идентичности и преемственности. Значение латыни в позднеантичную эпоху очень велико, поскольку греческий язык (исключая восточную часть империи) переживает упадок, появляется необходимость сделать для Запада доступной греческую мысль на латыни, что обогащает философскую литературу на языке римлян. В конце IV в. даже греки, жившие на Западе (Аммиан Марцеллин, Клавдиан), пишут на латыни: вот доказательство высокого престижа этого языка. Римская сенатская

³¹ Hatch 1957, 87.

³² Amsler 1989, 130.

аристократия, совершенно лишенная политического влияния, отдает свои силы делу сохранения латинской литературы.

Что касается обиходной речи, то она отличалась от литературной, все чаще принимая в себя элементы «народной», «мужицкой» латыни³³. Это заставляет последних носителей литературного языка больше ценить его именно постольку, поскольку он отличен от разговорного: «Так как ныне порушены все ступени, отделявшие некогда высоту от низкости, то единственным знаком благородства скоро останется владение словесностью», – пишет Сидоний.

Вульгаризмы проникают прежде всего через проповедь, которая, если хочет дойти до сердца простолюдина, должна приспособиться к его языку. Например, у Августина «*melius in barbarismo nostro vos intellegitis, quam in nostra disertitudine vos deserti eritis*» («лучше, чтобы вы поняли нас с нашим варваризмом, чем украсить нашу речь и украсть у вас истину») (Aug. Ps. 36. 3, 6). Но доступная наглядность и риторическая стилизация вовсе не исключают друг друга. У того же Августина встречаются и анафоры и параллелизмы (Ibid. 301. 7, 6).

Утрачивая позиции как язык изящной словесности, латынь ищет источники обновления, обращаясь иногда к прежним этапам своего развития, иногда к изощренной риторизации.

К элементам, которые можно воспринимать как угодно, но только не как простонародные, относятся многочисленные неологизмы. Они возникают, в первую очередь, в связи с распространением богословских споров, которые невозможно было вести, не прибегая к отвлеченным понятиям³⁴.

Подобные тенденции в поздней латыни свидетельствуют не о культурном спаде (в элитарной среде, культура, наоборот, приобретает скорее утонченный, рафинированный характер), а, вернее, о качественно новом уровне. ««Новый» латинский язык – скорее некий культурный сдвиг, нежели упадок культуры или образованности как таковой»³⁵. Действительно, произведения Сидония, Авита Вьеннского и др. свидетельствуют о необыкновенной образованности и изысканности интеллектуального сообщества тогдашней Европы, что позволяет говорить об их самоценности как в пределах эпохи, так и в более широком контексте. Сидоний в «Похвале Консентию» перечисляет многочисленные размеры, которые и он, и его друзья используют при написании стихов (гексаметры, пентаметры, трёхмерные трохеи, дактиль, спондей, одиннадцатисложник (Фалеков размер)) (Sid. Carm. Laud. Cons.).

Писатели стремятся к тому, чтобы язык и стиль их как можно менее походил на обыденный: выискивают редкие слова у самых разных древних авторов, строят необычные образы и прихотливо-симметричные фразы, сочиняют неологизмы по самым малоупотребительным правилам латинского словообразования³⁶.

Изысканный стиль и техническая изощренность, представлявшие собой цель, а не средства, проявлялись буквально в каждой строчке. Так, от имени Рима Сидоний изрекает:

Vae mihi! Qualis eram, cum per mea jussa juberent

³³ См.: Haverling 1995, 337–353.

³⁴ Альбрехт 2005, 1425.

³⁵ Шкаренков 2000, 101.

³⁶ Об особенностях поэтического стиля в поздней античности см.: Roberts 1989.

Sulla, Asiagenes, Curius, Paulus, Pompeius
Tigrano, Antiocho, Pytro, Persae, Mithridati
Patria regna, fugam, victigal, vincla, venenum!
(Горе мне, каким я был, когда моими приказами
Сулла, Сципион Азиатик, Курий, Павел, Помпей повелевали
Тиграну, Антиоху, Пирру, Персу, Митридату
Отцовские царства, изгнание, налог, оковы, яд!).

Во второй строке одни подлежащие, в третьей – дополнения, зависимые от дополнений четвертой строки, которые все, в свой черед, зависят от общего сказуемого *juberent*. И при всем том, стихотворение определенно не лишено смысла³⁷.

В позднелатинском языке подчинительные конструкции (классический признак) уступают место конструкциям с более простым синтаксисом, где связь между предложениями и его частями поддерживалась чередой частиц (*enim* – ибо; *nam* – ведь)³⁸. Резко растет число абстрактных существительных. Пришли иные эстетические установки – «новая чувственность». Слова как бы стремятся создать вокруг себя некое барочное изобилие. Главная эстетическая задача – отгородиться от реального мира³⁹.

Такие тенденции были не новы в латинской литературе (достаточно вспомнить Апулея), но прежде это было лишь одним из направлений в ней, теперь же они становятся единственной формой заботы о художественности. Это относится главным образом к прозе; в стихе маньеристическое новотворчество умерялось вольным и невольным копированием классических поэтов, прямым или опосредованным цитированием последних (Sid. Epist. IV. 14. 1 = Tacit. Hist. V. 26 и Virgil. Aen. II. 89; Sid. Epist. IX. 9, 16 = Pliny, XXXIV. 7 и Juvenal. Sat. X. 249; Sid. Epist. I. 9, 8 = Plaut. Miles Glor. и Terent. Eunuch. et cet.), на чьих текстах авторы учились различать метрические долготы и краткости, уже исчезнувшие в живом языке⁴⁰ (Aus. Profes. 21,8; 17; Ad Auson. Nepos suo 45 - 60).

Литература кон. IV – нач. VI в., хотя в ней и насчитывалось достаточно известных имен, по существу дала немного значительных художественных произведений. Наибольшее развитие в этот период получают так называемые «малые формы» литературы. В жанровом и содержательном отношении латинские произведения IV-VI вв. – это стихотворения, басни, гимны, эпиграммы, панегирики, поучения, проповеди; письма, комедии, брeвиарии, комментарии.

Наличие такого рода литературы свидетельствовало о том, что развитие художественных жанров шло на убыль, а подлинное поэтическое вдохновение и талант заменялись главным образом искусной версификацией. В это время особой популярностью пользовались поэты, умевшие быстро и находчиво составить экспромт (Sid. Epist. II. V, 17), легко импровизировать или написать пышный панегирик. Двор государя способствовал развитию панегириков сначала в прозе, а затем и в эпической форме⁴¹. В парадных церемониях произнесение пылких панегириков в честь нового правителя было неотъемлемой частью.

³⁷ Карсавин 2003, 76.

³⁸ См.: Kroon 1995.

³⁹ Шкаренков 2000, 98–99.

⁴⁰ Аверинцев, Гаспаров, Самарин 1984, 447.

⁴¹ Альбрехт 2005, 1419.

Таким образом, на основе отобранного нами методологического комплекса, «вооружившего» нас соответствующим инструментарием для анализа и интерпретации ряда репрезентативных позднеантичных текстов, нам удалось определить основные идентификационные признаки позднеантичной интеллектуальной элиты. В качестве таковых были обозначены мифологическое сознание (включающее элементы неоплатонизма), «имперская идея» (в ее позднеримском варианте), которые в совокупности составляли основу менталитета позднеримских интеллектуалов-аристократов.

Кроме того, в качестве идентификационных признаков, весьма значимых для позднеантичной интеллектуальной элиты, выступал ряд взаимосвязанных компонентов, составлявших систему средств трансляции ментальных основ писателей латинского Запада, – риторическое образование, лексика (отражавшая тенденции поздней латыни), поэтическая традиция.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Самарин Р. М.* 1984: От античности к Средневековью (V–VI вв.). Т. 2. М.
- Альбрехт М. фон.* 2005: История римской литературы. Т. 3. М.
- Анун Р., Шейд Дж.* 2004: Цивилизация Древнего Рима. М.
- Бессмертный Ю. Л.* 1995: Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории*, 5–19.
- Боброва Е. Ю.* 1997: Основы исторической психологии. СПб.
- Бойко Н. В.* 2006: Галло-римская аристократия IV века: социокультурный и личностный модусы. Ярославль.
- Витгенштейн Л.* 1994: Философские работы. Ч. I. М.
- Довженко Ю. С.* 1995а: История античного христианства как история сменяющихся типов господствующих элит. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centant.ru/centrum/publik/confcent/index.htm>
- Довженко Ю. С.* 1995б: К уточнению смыслового поля понятия «интеллектуальная элита античного мира». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centant.ru/centrum/publik/confcent/index.htm>
- Казаков М. М.* 1995: Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы // *ВДИ*. 4, 43–56.
- Казаков М. М.* 1996: Античное христианство и античная культурная традиция. Смоленск.
- Казаков М. М.* 2002: Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск.
- Казаков М. М.* 2005: Религия и личность в позднеантичном обществе // *Свеча* — 2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Т. 12 / Е. И. Аринин (ред.). Владимир; М., 84–86.
- Карабущенко П. Л.* 1999: Антропологическая элитология. М.; Астрахань.
- Карсавин Л. П.* 2003: История европейской культуры. Т. I: Римская империя, христианство и варвары. СПб.
- Колобов А. В., Гуцин В. Р., Братухин А. Ю.* 1999: Античная мифология в историческом контексте. М.
- Кондрашов В. А.* 2008: Новейший философский словарь. Ростов-на-Дону.
- Лурье С. В.* 1998: Историческая этнология. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psychology.org/hist-ethnology/>

- Маяк И. Л. 1983: Рим первых царей: генезис римского полиса. М.
- Мильская Л. Т. 2003: Понятие переходного периода в исторической науке. Концепция А. И. Неусыхина // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / В. Л. Мальков (отв. ред.). М., 69–79.
- Нишанов В. К. 1990: Феномен понимания: когнитивный анализ. Фрунзе.
- Потебня А. А. 1892: Мысль и язык. Харьков.
- Пушкарева Н. Л. 2003: История повседневности и частной жизни глазами историка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://el-history.ru/node/1>
- Тарнас Р. 1995: История западного мышления. М.
- Уколова В. И. 1989: Античное наследие и культура раннего средневековья. М.
- Уколова В. И. 1992а: Поздний Рим: пять портретов. М.
- Уколова В. И. 1992б: «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1, 104–118.
- Шкаренков П. П. 2000: «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2, 95–109.
- Шкаренков П. П. 2004а: Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2 (11), 5–35.
- Шкаренков П. П. 2004б: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.
- Шкуратов В. 1997: Историческая психология. М.
- Amsler M. 1989: Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam; Philadelphia.
- Courcelle P. 1964: Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris.
- Haarhoff T. 1958: Schools of Gaul: A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire. Johannesburg.
- Hatch E. 1957: The Influence of Greek Ideas on Christianity. New York.
- Haverling G. 1995: On the “illogical” Vos in Late Latin Epistolography // Latin vulgaire – latin Tardif 4. Actes du 4e colloque international sur le latin vulgaire et Tardif / L. Callebaut (ed.). Hildesheim, 337–353.
- Kroon C. H. M. 1995: Discourse Particles in Latin. A study of nam, enim, autem, vero and at. Amsterdam.
- Roberts M. 1989: The Jeweled Style. Poetry and Poetics in Late Antiquity. New York.
- Woolf G. 1998: The origins of Provincial Civilization in Gaul. Cambridge.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO IDENTIFYING PROPERTIES OF LATE LATIN INTELLECTUAL ELITE

Ye. V. Litovchenko

The paper deals with the role of a number of interdisciplinary approaches to the study of late Latin intellectual elite properties. The latter comprise mythological consciousness, imperial idea (in its Late Roman sense), which, taken together, lie at the basis of Late Latin aristocratic mentality. There is also a number of interconnected components that built up a system of means for translating mental principles of Latin West writers, namely, rhetorical education, vocabulary, and poetic tradition.

Key words: micro-historical approach, interpretation method, history of intellectuals, late antique intellectual elite

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

© 2013

Р. В. Фурцев

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МИЛАНОМ И ИМПЕРИЕЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МАКСИМИЛИАНА I ГАБСБУРГА

В статье рассматривается комплекс проблем в политических взаимоотношениях между Миланом и Священной Римской империей во второй половине XV в. Автор раскрывает основные цели и задачи сторон и показывает способы их достижения. Особое внимание уделено истории вопроса и анализу политико-правового положения Милана и внешнеполитических факторов.

Ключевые слова: Средние века, политика, империя, Милан, Сфорца, Максимилиан I

История рубежа XV–XVI вв. имеет для историка важное самостоятельное значение. Это период, когда в Европе начали формироваться национальные государства, которым предстояло сыграть ведущую роль в истории на протяжении всех последующих столетий. Взаимоотношения между этими государствами с самого начала складывались не гладко, обоюдные претензии — территориальные, экономические, династические — нередко заканчивались военными конфликтами, принимавшими затяжной характер. В этих войнах определялась расстановка сил на континенте, и хотя состав противоборствующих коалиций был непостоянен, тем не менее перманентные столкновения обозначили основные узлы противоречий в международной политике, многие из которых просуществовали до XIX в. Благодаря новой династии Сфорца политический вес Милана значительно возрос, но ее приход к власти на фоне хаоса 1447–1450 гг. не был безупречен с юридической точки зрения, что повлекло за собой шлейф нерешенных проблем. Ключевым являлся вопрос взаимоотношений со Священной Римской империей, леном которой он формально оставался.

После десятилетий конфронтации при Фридрихе III в отношениях между империей и Миланом, как казалось на первый взгляд, внезапно наметился поворот в лучшую сторону, когда в 1493 г. началось единоличное правление короля Максимилиана I в империи. В то время как правитель Милана Лодовико Сфорца по про-

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: marinaio0707@mail.ru

звизу Моро, брат убитого в 1476 г. герцога Галеаццо Мария, обеспечил себе полную власть над своим племянником, юным герцогом Джангалеаццо, напряжение между двумя государями спало, соответственно, улеглись и споры о юрисдикции в Милане. В истории эпоха правления Лодовико по праву считается апогеем политического и культурного развития Милана. На фоне почти 50-летнего периода нестабильности и временного характера двусторонних отношений становятся понятными бурная радость Моро по поводу предоставления ему Максимилианом I герцогской инвеституры в апреле 1494 г., его гордость, дорогостоящие посольства во все итальянские государства с приглашениями на инаугурацию, блистательные хвалебные речи и весь тот роскошный церемониал¹, который в Германии в подобных обстоятельствах был бы просто немыслим. Невольно спрашиваешь себя, а не потерял ли своей актуальности правовой вопрос и не определял ли теперь сущий прагматизм отношения между империей и Миланом.

В самом деле, Лодовико выплатил Максимилиану I в течение семи лет примерно 1 млн. гульденов без всяких условий и возражений², король же, в свою очередь, без лишних оговорок и финансовых требований пожаловал тому давно желанную инвеституру, обойдя тем самым юного герцога Джангалеаццо³ и проигнорировав протесты со стороны курфюрстов. За довольно короткий срок миланский правитель своей ловкой дипломатией и интригами смог достичь для себя блестящих политических результатов. Во-первых, ему удалось сосватать Максимилиану I свою племянницу, и таким образом он стал родственником главы империи. Во-вторых, Моро смог склонить французского короля Карла VIII к походу на Неаполь, одновременно убедив Габсбурга соблюдать при этом нейтралитет, хотя данная военная кампания полностью противоречила имперским интересам. В-третьих, Сфорца отговорил Максимилиана I от его планов войны с турками. И, наконец, он также поучаствовал в заключении судьбоносного испано-габсбургского брачного союза. Его придворные Эразмо Браша и Лодовико Бруно стали ближайшими советниками германского монарха. Лишенная принципов и традиций политика в тогдашней Европе, казалось, стала бизнесом и определялась сиюминутными капризами, личной благосклонностью и корыстными интересами, чем и пользовались сполна все действующие лица европейской политической сцены.

Однако видимость радикальной перемены была обманчива, ведь в действительности изменились лишь методы. Максимилиан I и Лодовико просто предпочли скрыть в игре взаимных уступок существующие противоречия вместо того, чтобы пребывать в состоянии постоянной вражды подобно Фридриху III и Франческо Сфорце. Цели и задачи у обеих сторон оставались прежними, а многие проблемы в их взаимоотношениях так и не были разрешены.

В своих мемуарах Филипп де Коммин, который лично знал миланского герцога и не раз вел с ним переговоры, охарактеризовал его политическую позицию следующим образом: «Герцог Лодовико — очень умный человек, но крайне труслив и очень податлив, если он испытывает страх, и вероломен, если он видит свою выгоду в измене»⁴. Но если апостериори проанализировать основные тенденции

¹ Gollwitzer 1981, №270-275.

² Wiesflecker 1975, 22.

³ Muller 1718, 277.

⁴ Ernst 1952, 292.

в действиях Моро, то скорее можно прийти к выводу, что боязнь и осторожность были всего лишь сопутствующими явлениями агрессивной политики. Устранение вдовы Галеаццо Мария и собственных братьев от опеки над юным герцогом Джангалеаццо, полное подчинение его своей воле, настойчивое продвижение своего брата Асканио в кардиналы и инициированное последним с подачи Лодовико избрание папой Александра VI Борджа — все эти мероприятия позволяют увидеть прежде всего агрессивные черты в политике третьего представителя династии Сфорца на миланском престоле. Кроме того, во все более враждебной политике в отношении Арагонской династии в Неаполе, в стремлении всеми путями устранить всякое влияние и главным образом наследственные притязания неаполитанских монархов на севере Италии также весьма четко проявляется решительная воля Лодовико к самоутверждению.

Причем самый важный политический шаг Моро, ставший для него в итоге роковым, — подстрекательство Франции к совершению неаполитанского похода — не мог диктоваться одним лишь страхом. Во всяком случае, сам миланский герцог в письме к своему брату Асканио объяснял свой поступок иначе, утверждая, что «нападением французов на Неаполь он хотел не уничтожить арагонцев, а только немного их потревожить»⁵. Поистине иллюзорные надежды лежали в основе его уверенности, что Карл VIII после завоевания старых имперских городов Пизы, Флоренции и Сиены якобы непременно передаст их Милану⁶.

Несмотря на внешние различия в подходах по сравнению с тактикой своих предшественников, политика Лодовико в отношении империи также была преисполнена желания окончательно и в полном объеме реализовать существовавшие еще со времен Висконти целевые установки миланских правителей. Соответственно он пытался добиться обеспечения прав династии Сфорца и ее ревалвации в европейской иерархии посредством брачной связи с габсбургским домом. В этом смысле Моро долгие годы, идя на значительные финансовые жертвы, упорно продвигал идею бракосочетания своей племянницы Бьянки Марии с Максимилианом I. Когда же в 1498 г. скончалась его супруга Изабелла д'Эсте, Лодовико раскрыл свой последний план, обратившись с просьбой к главе империи, чтобы тот выдал за него свою дочь Маргариту и одновременно предоставил ему как будущему зятю титул эрцгерцога либо короля Ломбардии⁷. Следовательно, и для Моро герцогство не являлось последней целью: он желал независимости от империи и нового статуса для своей династии в Италии. Но, в отличие от Франческо и Галеаццо Мария, Лодовико был готов заплатить за это немалые деньги. Кроме того, параллельно с завоеванием французами Неаполя он хотел добиться главенствующего положения на Апеннинском полуострове и исключения конкурентов. Таким образом, Моро намеревался совместить две противоречащие друг другу тенденции в политике династии Сфорца: с одной стороны, сохранить преемственность имперской власти в Италии, а с другой — покорить государства полуострова руками французов и использовать попеременно обе державы, империю и Францию, для достижения собственных династических целей. Находившийся под двойной угрозой из-за притязаний империи и преимущественных прав на престол своего племянника

⁵ Delaborde 1888, 175.

⁶ Ernst 1952, 306.

⁷ Wiesflecker 1975, 359.

Джангалеаццо, Лодовико тем не менее достиг большего, нежели его отец и старший брат. При нем Милан стал самым сильным государством в Италии, и, если судить по результатам, то время его правления представляет собой высшую точку развития власти Сфорца.

Однако Моро так и не удалось исполнить две свои заветные мечты: он не смог превратить Миланское герцогство в Ломбардское королевство и не был принят в семью Габсбургов. К тому же Франция даже не признавала его герцогский титул. Когда Максимилиан I отказался давать ему в жены свою дочь, а во Франции после смерти Карла VIII в 1498 г. на престол вступил представитель Орлеанского дома Людовик XII, считавший себя законным наследником Висконти, то сразу обнаружилось, что двойственная политика Лодовико ради обеспечения династических прав Сфорца потерпела крах. Теперь, осознавая свое бедственное положение, невзирая на тесные связи с Габсбургом, он предложил Людовику XII уплату ежегодной дани и передачу Милана после его смерти Франции в обмен на право пожизненного распоряжения Миланским герцогством⁸, таким образом грубо нарушив суверенные права империи.

В сущности, в 1498 г. опять повторилась тревожная ситуация 1447 г., только на сей раз положение династии Сфорца выглядело настолько небезопасным и безрадостным, как никогда прежде. Ее выживание снова зависело от военного решения проблемы. В то же время эти события подвели черту и под политической концепцией Лодовико. Он явно переоценивал свои возможности и так и не осознал основополагающие условия существования Миланского государства. Его попытка усидеть на двух стульях в отношениях с двумя европейскими державами привела в конечном счете к тому, что его покинули и империя, и Франция. Своей близорукой политикой Моро сам вырыл себе могилу и в итоге обрушил на Милан катастрофу, положившую конец внешнеполитической самостоятельности города и его внутренним свободам. Поэтому можно хоть тысячу раз указывать на то, что в мире новых национальных держав для независимости Милана больше не было места, но при этом нельзя и отрицать, что Лодовико активным вовлечением француз в итальянские дела преднамеренно поставил на карту эту свободу.

Максимилиан I в политической хитрости и ясности своих конечных целей в миланском вопросе ничем не уступал Лодовико Сфорце. Он стремился воспользоваться щекотливым положением правителя Милана и извлечь из этого личную выгоду — в идеале унаследовать владения Сфорца, чтобы затем присоединить их к родовым землям Габсбургов. Несмотря на дружеские отношения между Максимилианом I и Моро, в конфронтации империи с династией Сфорца по сути ничего не изменилось. Только форма, в которой разыгрывалась эта холодная война, стала более совершенной и изощренной. Питая самые радужные надежды, Максимилиан I еще в последние дни жизни Фридриха III выдал Лодовико герцогскую инвеституру⁹, а полгода спустя без всяких требований об уплате дани подтвердил пожалование в торжественной церемонии. Как он сам заявил в ленной грамоте, его «отец хоть и был прав, что отказывал династии Сфорца в инвеституре из-за военной узурпации лена, но ввиду побед Лодовико и той мудрости, с которой тот управлял своими подданными на пользу и украшение империи, наконец, по

⁸ Wiesflecker 1975, 360.

⁹ Wiesflecker 1975, 365.

причине его неоднократных и настойчивых просьб он, Максимилиан I, жалуется инвеституру»¹⁰. Даже если по сравнению со временами Фридриха III эта бесплатная, фактически подаренная инвеститура на первый взгляд может показаться отказом от прав и притязаний империи, то на самом деле это было совсем не так. Ведь в конце концов Максимилиан I за семь лет своих политических контактов с Моро получил от него субсидий на сумму, в двадцать раз превышавшую размер дани, которую требовал Фридрих III за один год. Он решил использовать существующие политические реалии для собственной выгоды и сделать из них неисчерпаемый источник финансов. Такой прагматизм Максимилиана I в отношении Милана сопровождался династической политикой, которая показывает, что Габсбурги и тогда отнюдь не отказывались от своих старинных претензий на миланское наследство, только теперь они преследовали свои цели в иной форме. И в конечном счете гибкая политика Максимилиана I оказалась более эффективной, нежели категорическая позиция Фридриха III с безапелляционными требованиями. Хотя у Максимилиана I в браке с Бьянкой Марией Сфорца не было детей, все же этот союз принес монарху не только почти полмиллиона гульденов приданого, но и «дал Габсбургам право на приобретение Милана»¹¹, на котором так упорно настаивал десятилетия спустя Карл V. Династические намерения и цели главы империи наглядно проявляются в его брачной политике. Он сам согласился на брак с дочерью Галеаццо Мария, связывая с этим, очевидно, надежды на миланское наследство, но вместе с тем решительно отказался отдавать свою собственную дочь замуж за Моро, лишая того всякой перспективы на наследство Габсбургов или хотя бы на столь желанный титул эрцгерцога.

Итак, отношения между главой империи и миланским правителем характеризовались следующими фактами: Габсбург официально признал статус Лодовико, но лишь ради финансового обеспечения своей политики; он выдал Сфорце инвеституру, однако в момент критической опасности 1499 г. не защитил своего вассала; монарх хоть и породнился с семейством Сфорца, но категорически отвергал идею признания Моро в качестве своего возможного преемника. Следовательно, связь Максимилиана I с миланской династией так и осталась союзом по расчету, который, несмотря на изменившиеся методы, никогда не означал отречения от всех требований Фридриха III, но в то же время позволял извлечь максимальную выгоду с учетом сложившихся на тот момент политических условий.

Свержение герцога Лодовико в результате заальпийского похода Людовика XII в 1499 г. и его нахождение во французском плену для Милана практически значило конец правления семейства Сфорца, даже если возведение на миланский престол сыновей Моро, Максимилиано и Франческо, соответственно в 1512 и 1521 гг., возможно, еще пробуждало кое-какие надежды на полноценное возвращение династии. Что касается империи, то для нее с падением Лодовико проблема Милана, длившаяся с 1447 г., отнюдь не была закрыта. Ведь не Габсбурги же захватили город в 1499 г., а французский король, выдававший себя за единственного законного наследника Висконти. Причудливым образом именно Максимилиану I и его внуку Карлу V пришлось поначалу предпринять активные усилия по возвращению детей Моро в Милан ради сохранения ленного суверенитета империи

¹⁰ Chmel 1845, 443.

¹¹ Wiesflecker 1975, 372.

в Ломбардии. Причем основа взаимоотношений двух сторон кардинально поменялась. Прежде, до 1499 г., империя представляла интерес для де-факто самостоятельных миланских правителей только ради легитимации их весьма спорного статуса как наследников Висконти и их полноправного вхождения в семью европейских монархов. Теперь же, после низвержения Лодовико, последние Сфорца стали просто марионетками в чужих руках и должны были служить ширмой истинным властителям, облегчая им военно-политическое господство в Ломбардии и создавая видимость старой итальянской традиции.

В калейдоскопе событий последующих лет французские короли сражались за господство в Милане, ссылаясь на имя Висконти и тем самым ставя во главу угла принцип права наследования, в то время как германские монархи выступали в защиту династии Сфорца и отстаивали систему вассально-ленных отношений. Ведь надежды Габсбургского дома на полновластное управление Миланом могли основываться только на давних имперских притязаниях на сюзеренные права в Ломбардии. Династическая политика Максимилиана I в качестве супруга Бьянки Марии, напротив, после 1499 г. не была ярко выражена. Поскольку он не имел в распоряжении ни средств, ни войск, чтобы успешно противостоять французам, его роль в 1500–1503 гг. сводилась главным образом к пассивному наблюдению за событиями на полуострове. Однако если вспомнить, что ему, несмотря на все перипетии и превратности судьбы, удалось сохранить на пользу своей династии фикцию прав Сфорца, то можно считать несомненной заслугой именно Максимилиана I тот факт, что позднее, при Карле V, Габсбурги, помимо их сеньориальной власти, смогли также и династически вступить в права наследства Сфорца.

В 1504 г., умело воспользовавшись трудностями французов в Северной Италии по причине их противоречий со швейцарцами, Максимилиан I все-таки заставил Людовика XII признать де-юре ленный суверенитет империи в Милане. Согласно заключенному в Хагенау договору, король Франции получил из рук Габсбурга миланскую инвеституру в обмен на сумму в 120 тыс. гульденов¹². Но даже при таком явном отрицании прав своих подопечных, Максимилиано и Франческо Сфорца, глава империи никогда не забывал о собственных интересах и конечных целях своей миланской политики. Дело в том, что соглашение, подписанное в Хагенау, содержало также пункты о браке дочери Людовика XII Клаудии и внука Максимилиана I Карла и последующей передаче обоим монаршим наследникам Милана в качестве имперского лена, что фактически означало бы переход герцогства под власть Габсбургов. Однако, как многие и предполагали, французский король, получив инвеституру, отказался выполнять брачные статьи договора.

Но как только вследствие агрессивных действий папы Юлия II, а также из-за решимости кардинала Маттеуса Шинера упрочить влияние швейцарцев на северо-западе Италии власть французов в Ломбардии зашаталась, Максимилиан I снова не заставил себя ждать и активно включился в закулисные игры. Он предложил кардиналу 300 тыс. гульденов — гигантскую сумму с учетом его бедственного финансового положения, чтобы с помощью швейцарцев добиться возвращения сыновей Сфорцы в Милан¹³. В свою очередь, Шинер, известный своей фанатичной антифранцузской политикой, связывал с идеей реституции власти

¹² Muller 1709, 431.

¹³ Buchi 1920, 90.

Сфорцы перспективы укрепления военно-политических позиций швейцарцев к югу от Альп, обеспечения беспрепятственной торговли конфедерации с главным ломбардским городом, территориальных приобретений в Лугано, Беллинцоне и долине Адидже и миланских пенсий для кантонов. А лично для себя кардинал надеялся получить графство Виджевано¹⁴. В одной из депеш послу Габсбурга при французском дворе он заявлял, что «швейцарцы должны основывать весь свой интерес на единстве и тесной связи с герцогом Массимилиано Сфорцей, потому что любой их разлад в отношениях с герцогом играет на руку Франции и служит лишь целям обновления французского господства в Милане»¹⁵. В декабре 1512 г. последовало официальное введение Массимилиано во владение Миланом в качестве герцога, и миланский вопрос снова оказался в центре внимания имперской политики. Максимилиан I поддерживал тесные контакты с Маттеусом Шинером и даже назначил его в 1516 г. генеральным наместником императора в Италии¹⁶, четко дав при этом понять, что за всеми действиями кардинала стояла империя.

Ситуация в очередной раз кардинально изменилась, когда после битвы при Мариньяно 1515 г. Милан вновь попал в руки французов, Массимилиано Сфорца был взят в плен, а новый король Франциск I провозгласил себя преемником Висконти. Хотя французский монарх не стремился получить герцогскую инвеституру, дабы не быть формальным вассалом империи, но Габсбург все же попытался спасти то, что еще было возможно. В проекте договора с Франциском I он пообещал создать на территории имперской Италии два королевства: одно — Итальянское для своего внука Карла, а другое — Ломбардское для французского короля, но оба — под ленным суверенитетом империи¹⁷. Обязать французского короля в рамках договора признать ленное верховенство кайзера в который уже раз представлялось Максимилиану I единственно возможной мерой ради сохранения Милана в собственности империи до тех пор, пока Габсбурги сами не смогут собрать необходимого количества войск, чтобы силовыми методами утвердить свое господство в Северной Италии. Но Франциск I не ответил ничего конкретного на эту инициативу. А планы кардинала Шинера по использованию в интересах империи второго сына Моро, Франческо, нарушила смерть Максимилиана I в январе 1519 г., и данный проект был отложен до лучших времен.

Подводя итог, стоит отметить, что, хотя Максимилиан I и не отвоевал Милан у династии Сфорца, он приложил все усилия, чтобы этот лен не был потерян для империи. Именно эпоха Максимилиана I и герцога Лодовико — период тесного соприкосновения, даже кажущийся гармонии интересов обоих правителей вокруг Милана — наглядно демонстрирует, что миланский вопрос был неотделим от общетальянской проблематики, а его решение зависело от многих факторов европейской и внутригерманской политики. Габсбурги только поневоле терпели представителей семейства Сфорца в качестве господ Милана, пока у них самих не будет достаточно сил и средств, дабы реализовать свои притязания. Сфорца, со своей стороны, изначально стремились избавиться от верховной власти империи и достичь самостоятельности не только Милана, но и определенной части Ита-

¹⁴ Buchi 1920, 289.

¹⁵ Buchi 1920, 308.

¹⁶ Buchi 1920, 527.

¹⁷ Lanz 1853, 12.

лии — интерес, который был несовместим с политическими реалиями как внутри Италии, так и за ее пределами. Если Франческо, Галеаццо Мария и Лодовико собственными силами, пусть и различными путями, добились герцогского достоинства и авторитета на европейской арене, то сыновья Моро исполняли роль пешек в чужой игре в условиях, когда был еще неясен исход противостояния между Габсбургами и Валуа.

ЛИТЕРАТУРА

- Buchi A.* 1920: Korrespondenzen und Akten zur Geschichte des Kardinals Matthaus Schiner. Munchen.
- Chmel J.* (Hg.) 1845: Urkunden, Briefe und Aktenstucke zur Geschichte Maximilians I. und seiner Zeit. Stuttgart.
- Delaborde H.* 1888: Expedition de Charles VIII en Italie. Paris.
- Ernst F.* (Hg.) 1952: Philipp de Commynes. Memoiren. Hamburg.
- Gollwitzer H.* (Bearb.) 1979: Deutsche Reichstagsakten unter Maximilian I. Bd.5. Göttingen.
- Lanz K.* 1853: Aktenstücke und Briefe zur Geschichte Kaiser Karls V. Nürnberg.
- Müller J.* 1709: Des Heiligen Römischen Reichs deutscher Nation Reichstagsstaat. Berlin.
- Müller J.* 1718: Reichstagstheatrum unter Kaiser Maximilian I. Leipzig.
- Wiesflecker H.* 1975: Kaiser Maximilian I. Reichsreform und Kaiserpolitik (1493–1500). Bd. 2. München.

DEVELOPMENT OF POLITICAL RELATIONS BETWEEN MILAN AND THE EMPIRE DURING THE REIGN OF MAXIMILIAN I HABSBURG

R. V. Furtsev

The paper deals with a number of issues concerning political relations between Milan and Holy Roman Empire in the second half of the 15th century. The author reveals their goals and objectives and ways of achieving them. Particular emphasis has been placed on the history of the problem and the analysis of the political and legal status of Milan and foreign-policy factors.

Key words: Middle ages, policy, empire, Milan, Sforza, Maximilian I

РЕМЕСЛО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*

Своеобразие продукции золотоордынского ремесла позволяет отличать ее от изделий производственных центров других средневековых государств. Среди всех видов ремесел в первую очередь следует отметить гончарство: неполированная красноглиняная гончарная керамика является определяющим материалом для золотоордынских памятников, в Золотой Орде в значительных количествах производилась кашинная и красноглиняная поливная керамика. В Золотой Орде существовали развитые стеклоделие, косторезное дело, обработка поделочных и драгоценных камней. Хорошо были поставлены цветная металлургия, кузнечное и железоделательное производства; появление производства чугуна в Европе связано именно с золотоордынским ремеслом. Городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано. Целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений.

Ключевые слова: Золотая Орда, ремесло, торговля

Вопросу о степени развития ремесленных производств Улуса Джучи пока не было посвящено специальных археологических работ. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать технологии, ассортимент продукции и развитие отдельных ремесел.

Некоторые историки высказывали мнение о недостаточной развитости золотоордынского ремесла¹. Однако даже для XV века, когда основные городские центры Улуса Джучи уже пришли в упадок или прекратили свое существование, мы имеем следующее сообщение Иосафата Барбаро о золотоордынской армии: «В их войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла»². Подробно охарактеризовать ремесло Золотой Орды позволяют данные археологии.

Несмотря на синкретизм материальной культуры (имеющей отдельные параллели практически на всех соседних территориях) и ремесленных традиций в государстве Джучидов³, своеобразие продукции золотоордынского ремесла таково, что позволяет отличать ее от изделий производственных центров других средневековых государств. Ремесленники в городах Улуса Джучи жили по кварталам, было развитым и усадебное ремесло.

Недашковский Леонард Федорович — доцент кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

*Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках экспедиционного проекта РГНФ («Комплексное исследование Багаевского селища»), проект № 12-01-18005е.

¹ Сафаргалиев 1960, 76–78.

² Барбаро, Контарини 1971, 147.

³ Разнородные составляющие золотоордынской культуры достаточно быстро были сплавлены в единую материальную культуру Золотой Орды.

Мы не планируем дать развернутый анализ материальной культуры городов Нижнего Поволжья. Уже написано множество работ по отдельным нижеволжским городам и по отдельным видам золотоордынского ремесла, опубликовано множество специальных исследований. Постараемся ниже лишь кратко охарактеризовать основные виды ремесленных производств и их продукцию.

Среди всех видов ремесел, развитых в Золотой Орде, в первую очередь следует отметить гончарство. Неполивная красноглиняная гончарная керамика является определяющим материалом для памятников золотоордынского круга. «Для неполивной керамики характерна большая стандартизация, четкость форм и простота орнаментации, сводящейся главным образом к линейно-волнистому орнаменту»⁴. Широко применялись керамические изделия самых различных форм и размеров (рис. 1, 2, 1): котлы, горшки, кувшины (рис. 1, 1), миски, чаши, тарелки, тазы, фляги (рис. 1, 5), «ямы» («тагора»), амфоры, хумы, хумчи (рис. 1, 4), сфероконусы (рис. 2, 1), копилки, туваки (сунаки) (рис. 1, 1, 3), крышки (рис. 1, 2), светильники, подсвечники, приспособления для установки и переноса ламп, дигири, свистульки, погремушки и другие игрушки, черепица, водопроводные трубы (кубуры), сосуды в виде усеченного конуса, рыболовные грузила, напрядла, шары, «сосуды с сеткой», «пробки», «диски с отверстиями», гончарные круги, кувшины-«непроливайки»⁵. Они не имели, как правило, художественного оформления и сложной орнаментации, но отличались высокими техническими характеристиками. Использовалась также штампованная сероглиняная керамика (рис. 1, 6), оттискивавшаяся по частям в сегментовидных керамических формах (кальпах), известных в материалах Царевского и Селитренного городищ.

И. В. Волковым была предпринята попытка выделить характерные особенности керамики, производившейся в различных золотоордынских регионах: Азаке, Поволжье, Маджаре, Хорезме, Восточном (Каффе, Судаке, Солхате) и Юго-Западном Крыме⁶. В любом случае, стандартность неполивной золотоордынской керамики не позволяет на данном этапе выделять в ней продукцию отдельных центров Нижнего Поволжья.

Горны различных типов, служившие для обжига неполивной керамики известны на Водянском, Селитренном, Царевском⁷, Болгарском, Наровчатском и Увекском городищах, а также на других поселениях Поволжья (Большой Шихан, Зубовка, Красный Яр, Лапас, Русский Урмат, Сухореченское, Татарская Башмаковка, Шареный Бугор и т.д.) и периферийных регионов Улуса Джучи. На Селитренном городище комплекс керамических горнов и вспомогательных сооружений «представлял собой большую ремесленную мастерскую типа «кархана», занимавшую целый квартал»⁸. Золотоордынское время в целом характеризуется «стремительным прогрессом в освоении высокотехнологичных гончарных горнов»⁹. Имеются и многочисленные находки предметов, связанных с керамическим производством, — печной припас (разнообразные формы, в том числе сепай) и ложила.

⁴ Федоров-Давыдов 1981, 235.

⁵ Федоров-Давыдов 2001, 7–199.

⁶ Волков 1992, 4–14, 20–21.

⁷ Федоров-Давыдов 2001, 6–7.

⁸ Федоров-Давыдов 1981, 232.

⁹ Пиотровский 2005, 137.

Рис. 1. Неполивная керамика: кувшины (1), туваки (1, 3), крышки сосудов (2), хумча с ручками (4), красноглиняная (5) и сероглиняная штампованная (6) фляги, светильник кустарной работы (7).

1 — Хмелевское I селище, раскоп I-1999, яма 1. (Саратовский областной музей краеведения); 2–6 — Увекское городище (Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань, № 5365–38, ст. №/№ 12770–12770а, 12770е, ОАШ-78, № 5365–50, ст. № 12774, № 5365–55, ОАШ; Саратовский областной музей краеведения, №/№ АО 235, СМК 57925/А-2974); 7 — Константиновское селище, раскоп I-2006, культурный слой (Саратовский областной музей краеведения). [4 — высота 66 см, 6 — высота 33 см]

Рис. 2. Неполивной сфероконус (1), красноглиняный поливной кувшинчик (2) и кашинный сосуд для розовой воды (гулабдан) (3) с Увекского городища.

1, 3 — Саратовский областной музей краеведения, №/№ СМК 54802/А-2664, АО 1544;
2 — Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань, № 5365–44, ст. № 12771, ОАИИ-69. [3 — высота 12 см]

В Золотой Орде в значительных количествах производилась парадная кашинная (с основой белого или розоватого цвета) и красноглиняная поливная керамика (рис. 2, 2–3). Номенклатура кашинных изделий представлена чашами, блюдами, альбарелло, сосудами (рис. 2, 3) для розовой воды (гулабданами), бутылками, кувшинчиками, приборами для каламов и чернильницами. Производились красноглиняные поливные чаши, альбарелло, сосуды для розовой воды (гулабданы), туваки, светильники, кувшинчики (рис. 2, 2) и игрушки. «Сравнительная бедность форм поливной керамики сочетается с невероятной пестротой и многообразием ее орнаментации. ... Поливная керамика предстает перед нами как море красок, ярких, разнообразных, и обилие узоров и композиций»¹⁰.

Горны для обжига поливной керамики (как сосудов, так и архитектурного декора) известны в Нижнем Поволжье на Селитренном, Царевском и Увекском городищах.

Помимо прочих изделий, керамисты изготавливали кирпичи, а также поливные мозаики и майолики на кашинной и красноглиняной основе, плитки резной терракоты, оконные решетки-рамы, резные и штампованные ганчевые пластины — детали декоративного убранства зданий.

В Золотой Орде существовало развитое стеклоделие. Широко бытовали одноцветные и полихромные бусы (рис. 3), подвески, перстни, браслеты, вставки перстней, сосуды (стаканы, флаконы, кувшины, чаши, лампы и туваки), а также оконные диски. Самыми массовыми находками являются стеклянные украшения, в первую очередь бусы. По химическому составу наибольшее число стеклянных изделий представлено классом натриевых щелочных стекол: из исследованных нами материалов Укека и его окружи к нему относится 77% предметов¹¹. Стеклоделательные мастерские в Поволжье известны на Болгарском и Селитренном городищах, фритта (полуфабрикат для выделки стеклянных изделий) была найдена на Царевском городище¹². В мастерской Селитренного городища производились украшения — бусы, подвески, перстни и браслеты — о чем наряду с химическим составом изделий свидетельствуют находки шлаков, оплавленного стекла, бракованных бус и стержней для нанесения глазков на бусы.

Хорошо было поставлено кузнечное и железоделательное производство. Появление производства чугуна в Европе связано именно с золотоордынским ремеслом. Сооружения, связанные с обработкой железа, обнаружены не только в городах (Болгарское¹³, Царевское и Водянское городища), но и на сельских поселениях золотоордынского времени; известна даже находка комплекса кузнечного инструментария в насыпи одного из курганов (Маяевка VI, курган 4). Кузнецы Улуса Джучи использовали железные наковальни, молоты, молотки, кузнечные клещи, щипцы, ножницы для резки металла, пробойники (бородки), напильники, гвоздильни и зубила. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте¹⁴ понятия кузница («chura»), кузнец («temirzi»), ювелир («altunči»), мехи («cuḡuc»), уголь («somuḡ»), молот («čacuč»), наковальня («ors»), клещи («cheschač»), напильник («egau»), нож («bičac») и пружина («masa»). В Золотой Орде был известен

¹⁰ Федоров-Давыдов 1994, 137.

¹¹ Валиулина, Недашковский 2005, 263, 265.

¹² Пиотровский 2005, 239.

¹³ Раскопаны горны различных типов.

¹⁴ Kuun 1981, 96–97; Drimba 2000, 90.

1

2

Рис. 3. Стекланные, кашинные и сердоликовые бусы с Увекского городища.

1 — Государственный исторический музей, № 34162, оп. 952, № 22; 2 — Саратовский областной музей краеведения, № СМК 42003 (АО 207)).

целый ряд кузнечных технологий: изделия изготавливались не только из кричного железа, но и из сырцово́й и цельной стали, из пакетного металла, применялись также техники кузнечной сварки, вварки стальной пластины в основу лезвия, торцовой, боковой и V-образной наварки стальной пластины на лезвие, цементации, закалки и пайки медью.

Ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким: чересла, лемехи, сошники, полицы, мотыги, кетмени, оковки лопат, кайла, серпы, косы, топоры, тесла, долота, ножи, ножницы, сверла, резцы, пробойники, шилья, иглы, пинцеты, кочедыки, чапельники («сковородники»), приспособления для клеймения скота, рыболовные крючки, удила, стремяна, подковы, кольца от сбруи, обкладки седел, ледоходные шипы, кресала, кольчуги, пластинчатые доспехи, шлемы, наконечники стрел, копий и дротиков, втоки, сабли, булавы, кистени, кинжалы, крючки от колчанов, пряжки, сюльгамы, накладки, нашивки, бляхи, обоймы, наконечники

ремней, дужки ведер, подсвечники, светцы, коробочки, цепи, проволока, клинья, гвозди, скобы, пробой, защелки, ручки, дверные накладки, замки и ключи. Из чугуна отливались котлы, чаши, втулки для осей повозок.

Высокоразвитой была и цветная металлургия: найдены многочисленные литейные формы (рис. 4, 1–2), тигли, льячки, ювелирные наковаленки и молоточки, зубила, слесарные ножницы, матрицы, отходы производства, бракованные изделия. Отходы бронзолитейного производства обнаружены не только в городах (Царевское и Водянское городища), но и на сельских поселениях Золотой Орды. Использовались техники литья, чеканки, тиснения, гравировки, спайки.

Рис. 4. Каменные литейные формы (1–2) и бронзовые зеркала (3–4).

1–3 — Увекское городище, сборы Ф. В. Духовникова 1893 г. (Государственный исторический музей, № 34162, оп. 952, №/№ 10–12, 35–38, 40); 4 — Царевское городище, сборы 1899 г. (фотоархив ИИМК, № П 26524). [4 — диаметр 14,3 см]

Продукция цветной металлообработки представлена большим количеством различных типов изделий: пряжками, накладками, нашивками, поясными кольцами, наконечниками и распределителями ремней, бляхами, обоймами, подвесками, медальонами, бубенчиками, колокольчиками (с Царевского городища известен и большой бронзовый колокол (рис. 5, 2)), пуговицами, застежками, навершиями шапочек, бусинами, цепочками, височными кольцами, серьгами, колтами, перстнями, копоушками, пинцетами, кольцами для натягивания лука, браслетами, шпильками, сюльгами, зеркалами (рис. 4, 3–4, 6), «ильтаханами», навершиями булавы, котлами, тазами, ковшом (рис. 5, 1), чашами, кувшинами, крышками, флаконами, ступками, пестиками, ложечками, светильниками, лампами, пеналами, чернильницами, каламами (палочками для письма), застежками от конских пут, колесиками от блоков, напярсами, наперстками, иглами, чашечками весов, гириками, грузиками-пломбами, перекрестьями сабель, муфтами и обкладками рукоятей ножей, рукоятями кресал, обкладками оселков, дверными ручками, оковками, проволокой, декоративными гвоздиками, замками и ключами.

Химический состав отдельных категорий предметов различается, иногда он помогает установить различные места производства даже морфологически близких изделий. Интересным представляется сопоставление количества исследованных золотоордынских изделий по типам сплавов, выделенным А. А. Коноваловым, с материалами Новгорода XIII–XIV вв.: в нижеволжских материалах намного меньше изделий из свинцово-оловянистых бронз (6,7%) и намного больше из оловянистых (46,9%; преобладание этой группы объясняется тем, что к ней принадлежит большинство исследованных бронзовых зеркал, совершенно нехарактерных для Древней Руси); несколько меньше в золотоордынской выборке латунных предметов (2,4%), больше изделий из многокомпонентных сплавов (меди, олова, цинка и свинца — 17,7%) и «чистого» свинца (5,3%). В материалах Пскова XIII–XIV вв., по сравнению с нижеволжскими, гораздо меньше изделий из «чистой» меди, а гораздо больше (даже по сравнению с новгородскими материалами) предметов из латуни и многокомпонентных сплавов. Эти данные позволяют допустить возможность ввоза латуни на территорию Золотой Орды, как и на Русь, из Западной Европы через Прибалтику¹⁵.

На Царевском городище, помимо бронзолитейной, была исследована и ювелирная мастерская, со временем перешедшая из одной усадьбы в другую и представленная горном, тиглями, льячками, пунсонами, наковаленкой, миниатюрными ложечками, многочисленными каплями золота, обрезками золотых листов и золотой проволоки, образцами готовой продукции (золотые накладка и наконечник ремня); мастерские ювелиров изучены также в Старом Орхее и Чебоксарах. Золотых дел мастер Шахидулла упоминается в тексте надгробия 1317 г., обнаруженного на Болгарском городище. Широко применялись в ювелирном деле техники зерни, скани и филиграни.

Из серебра и золота золотоордынскими ювелирами изготавливались чаши, кубки, ковши (в том числе поясные), блюда, подносы, шаровидные сосуды, ложки, детали поясных наборов, навершия шапочек, амулеты, филактерии, пайцзы, пуговицы, бусины, височные кольца, серьги, перстни, браслеты, шпильки, заколки, цепочки, расчески и их футляры, пластины, гвоздики, фольга, проволока, ме-

¹⁵ Недашковский 2002, 335–347; 2010, 147–151; Nedashkovsky 2004, 49–54.

даРис. 5. Бронзовые сосуд с арабской надписью (1) и колокол (2), деревянный кобыз (3).
1 — Увекское городище (Саратовский областной музей краеведения, № СМК 50587, СУАК 2785); 2 — Царевское городище, из бывшего собрания Строганова (фотоархив ИИМК, № Q 668,9); 3 — Усть-Курдюм, курган 8, раскопки И. В. Сеницына 1963 г. (Саратовский областной музей краеведения, № СМК 57951/А-3000, АО 2576/4). [2 — высота 20,2 см, 3 — длина 97 см]

льоны, подвески и бляхи. Знаменитая «шапка Мономаха» — московский великокняжеский, а позднее царский парадный головной убор — является произведением торевтов европейской части Улуса Джучи¹⁶ конца XIII — начала XIV в. (крест и меховая оторочка на изделии появились позднее).

Тесно связанным с ювелирным делом было камнерезное ремесло. В золотоордынских городах Поволжья, в частности на Болгарском и Селитренном городищах (там найдено сырье, заготовки и бракованные изделия), осуществлялась обработка поделочных и драгоценных камней¹⁷. Ассортимент изделий из цветных камней включает в себя бусы (рис. 3), подвески, перстни, вставки перстней, пряжки, накладки, бляшки, вазы и шахматные фигурки. В больших количествах производились каменные жернова, точильные камни, оселки, рыболовные грузила, напрасла и ядра. Камнерезы изготавливали также надгробия и резные архитектурные детали.

На высоком уровне находилось и косторезное дело, располагавшее рядом технологий, в числе которых были обработка изделий на токарном станке, распилка, резание, нанесение циркульной орнаментации, гравировка и полировка. Косторезные мастерские известны на Царевском, Селитренном и Болгарском городищах (там зафиксировано и окрашивание изделий косторезами), причем на последнем из них изготавливались костяные орнаментированные обкладки колчанов, продававшиеся городскими ремесленниками кочевникам. В двух усадьбах Царевского городища были отмечены заготовки из кости и рога, обрезки кости и рога, полуфабрикаты; изготавливались там рукояти ножей, навершия и накладки. На Болгарском городище также были найдены отходы производства, заготовки, браки, многочисленная продукция косторезов и их орудия труда (резцы, сверла, специализированные ножи и др.).

Из кости изготавливались пряжки, накладки, нашивки, бляхи, пуговицы, бусины, перстни, амулеты, «писала», шахматы, шашки, альчики для игры в бабки, игральные кубики, проколки, кочедыки, гребни, копоушки, ложечки, весы, игольники, рукояти плетей, шильев, рукояти, муфты и затыльники ножей, обкладки седел, застежки конских пут, кольца для натягивания тетивы лука, «свистящие» насадки на черешки железных наконечников стрел, костяные наконечники стрел для охоты, детали луков и орнаментированные декоративные обкладки колчанов, которые часто раскрашивались разными цветами.

Было развито кожевенное дело. Согласно археологическим данным, из кожи изготавливали сумки, кошель, мешочки, футляры, амулеты, налучья, колчаны, ремни, шаровары, сапоги и другую обувь, головные уборы, чехлы для зеркал, игольники, ею обтягивались седла. На Болгарском городище было найдено более полутора тысяч фрагментов изделий (в том числе обуви с асимметричными подошвами, изготовленными отдельно на правую и левую ноги) и обрезков кожи, а в жилище начала XIV в. найдено сырье (куски кожи размером 40х30 см) и инструменты (ножи для раскроя, медная игла, железное шило и обломки точильного камня); зафиксированы фрагменты сапог и полусапожек, мягкой обуви типа туфель и сандалий¹⁸.

¹⁶ Крамаровский 2001.

¹⁷ Полубояринова 1991.

¹⁸ Хлебникова 1988, 244–253.

Рис. 6. Бронзовые зеркала с Увекского городища, находки 1994 г. (Саратовский областной музей краеведения).

Плано Карпини подробно описывает кожаные панцири и конские доспехи монголов, а также металлические доспехи, скреплявшиеся кожаными ремнями и ремешками; рассказывает Карпини и о лисьих шубах, изнутри подбитых ватой¹⁹. Гильом Рубрук также упоминает кожаные панцири, сапоги, полусапожки, сообщает о кожаных шароварах, меховых штанах, шапках и зимней меховой верхней одежде, представленной двумя видами, нижней, мехом внутрь, и верхней, мехом наружу; существовала, согласно Рубруку, и домашняя меховая одежда²⁰. Женщины у монголов изготавливали одежду (в том числе зимнюю, сшивая шкуры нитками из жил), башмаки, сапоги и все изделия из кожи²¹. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте понятия скорняк («ygina tonči»), игла («ygina»), ножницы («bičchi»), наперсток («оумас») и нить («ур»), текстуально взаимосвязанные друг с другом²²; в тексте источника подряд упоминаются²³ сапожник («eticči»), сапожная колодка («kalip»), шило («bix»), нож сапожника («bičac eticči»), подошва («taban»), союзка (верх туфли) («suruc»), сафьян («sastian»), овчина («choy suruchi»), сапог («etic»), башмак («basmac») и носок сапога («etic baxi»).

Из ткани шились одежда и головные уборы, изготавливались пояса, кошельки, чехлы для зеркал — остатки всех этих изделий (в том числе головных уборов из парчи и шелка) присутствуют в материалах раскопок золотоордынских памятников. К сожалению, археологический материал пока не позволяет различать ткани, изготовленные в Золотой Орде, и привозные, так же как и отличать нити собственного производства от импортных.

Хлопчатобумажные, шелковые и парчовые материи поступали из Китая, Средней Азии и Ирана, о чем сообщает Г. Рубрук: «Из Катайи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом»²⁴. П. Карпини упоминает одежды и изделия из букарана (вероятно, хлопчатобумажная ткань), пурпура и балдакина (последние две материи являлись, несомненно, дорогими, причем говорится и о кусках пурпура; балдакин — название парчовой ткани, привозившейся, по сообщению Карпини, из Багдада), бокки, покрытые этими материями, а также шелка, бархат, парчовые пояса²⁵. О покрытии бокки шелком рассказывает и Гильом Рубрук, сообщающий также об одежде из аксамита (парчовая ткань), подбитых шелком, хлопчатобумажных тканях (включая бумазею), букаране, пурпуре и насике (одно из названий парчи, выделявавшейся в Багдаде)²⁶. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте названия шерсти («yung»), льна («usculi»), шелка («урас»), шелка-сырца («last»), тафты («čix»), нака («нас»), насика («nasič»), бархата («catifa»), скарлата («yscarlat»), русского полотна («russi chetan»), тканей из Шампани («yionban chetan»), Германии («alamani chetanj»), Орлеана («orlens chetan»), Новары («sasda chesi»), Кремоны («dras. ches»), Ломбардии («lonbardi chetanj»), Асти («astexan chetanj»), Остунни

¹⁹ Шастина 1957, 50–51, 80.

²⁰ Шастина 1957, 98–99, 122, 186, 242.

²¹ Шастина 1957, 37, 101.

²² Kuun 1981, 97; Drimba 2000, 90.

²³ Kuun 1981, 99; Drimba 2000, 91–92.

²⁴ Шастина 1957, 98.

²⁵ Шастина 1957, 27, 33, 49, 74, 76–77, 80, 197.

²⁶ Магидович 1955, 59, 95, 254, 278; Шастина 1957, 88, 100, 148, 154–156, 180, 237, 239.

(«ostume chetanj»), Бургундии («bergonia katanj»), Бергамо («bgamasce ketanj») и Фабриано («aracli»)²⁷; содержит Codex Cumanicus и понятия портной («derxi»), портняжные ножницы («bizchi», «chopti»)²⁸. Русское полотно, европейские сукна (в том числе ипрские, шампанские, шалонские, флорентийские, генуэзские, пармские, реймские, пьачентинские, из Витри-ле-Франсуа, Дуэ, Провена, Милана и из Поперинга, с меховой опушкой), полотно из Шампани, генуэзские холст и саржа, хлопок (включая пряжу), насик, мосульские ткани (шитые золотом), аксамиты, флорентийская парчовая ткань, камка (в том числе куфтерь), бархаты, тафта, камокат, сендал, атласы, шелк (включая китайский, мазендеранский, в том числе из Горгана, мервский, «ургенчский», «хорезмский», из Грузии, Карабаха, Шеки, Шемахи, Лахиджана), букаран, скамандри, пестрядь, кармазин, зурь, камлот, велюр, килик, киндяк, бязь, бомбасин, бумазья, восточные ковры и шелковые коврики продавались, судя по итальянским документам, в Северном Причерноморье в конце XIII — середине XV в.²⁹; фландрские и итальянские ткани купцы привозили и в Нижнее Поволжье³⁰. Тосканский аноним начала XIV в. рекомендует купцам везти в Каффу «льняные ткани всех цветов, холст всех видов, кипрский камлот всех цветов, но, в особенности, темно-зеленый, темно-синий, желтый и голубой, сирийский хлопок всех видов, хлопок в клоках и пряженный всех видов... толстые шерстяные сукна Лангедока и Тури, Тулузы и Перпиньяна, сукна Шалона всех цветов»; из Таны же на Запад тот же источник советует вывозить «шелк-сырец всех сортов, шелковые и шитые золотом материи всякого качества»³¹. Льняные ткани, толстое и тонкое сукно можно было везти через Тану, по словам Тосканского анонима, прямо в Ургенч, а то и до Китая³². По Франческо Бальдуччи Пеголотти, отправляясь из Венеции и Генуи в Китай, следует везти с собой льняные ткани и ехать в Ургенч, где продать их за серебро и ехать дальше³³. Согласно Пеголотти, из Венеции в Тану привозились толстые, серые и тонкие сукна, холсты, тонкие полотна³⁴; продавались в Танае шелка, хлопок, лен, полотно, холсты³⁵. Лен и льняное полотно привозились из Руси через территорию Золотой Орды в Индию и Иран, а из Средней Азии на Русь через Орду поступала хлопчатобумажная ткань зендень. Ибн Баттута упоминает шатры из полотна и разноцветного шелка, а также полотняную ограду вокруг них, приготовленные эмиром и кади Азака для встречи эмира Хорезма Кутлуг-Тимура, который, прибыв, ступал по разостланным кускам шелковой материи; арабский путешественник сообщает также о парчовых накидках на лошадях, везших арбы знатных монголов, одетых, как и сопровождающие их лица, в шелка, усыпанные драгоценными камнями и шитые золотом³⁶. В числе трофеев, захваченных русскими воинами на Куликовом поле, летописи называют одежду («порты»), а пространная редакция «Задон-

²⁷ Куин 1981, 106–108; Drimba 2000, 95–97.

²⁸ Куин 1981, 98; Drimba 2000, 91.

²⁹ Волков 2008, 447; Еманов 1995, 34, 47–53, 75–79, 84, 92–97, 105; Карпов 1990, 116, 119–125, 158, 161, 163–164; Пиотровский 2005, 95.

³⁰ Еманов 1995, 49; Федоров-Давыдов 2001, 205.

³¹ Еманов 1995, 149.

³² Еманов 1995, 149–150.

³³ Pegolotti 1936, 22–23.

³⁴ Pegolotti 1936, 150.

³⁵ Pegolotti 1936, 24.

³⁶ Тизенгаузен 1884, 285, 292.

щины» — камки, насик («носечи», «насычеве»), «узорочье»³⁷. Руи Гонзалес де Клавихо сообщает об отправке гилинского шелка в Каффу³⁸. Ширазский купец Шамс ад-Дин Мухаммед в 1438 г. приобрел в Сарае шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно³⁹. Иосафат Барбаро сообщает о золотоордынских суконщиках («*artesiani de drapi*»), он упоминает шелка, scarlatовое (ярко-красное) сукно и тряпочные изображения божеств⁴⁰. Амброджо Контарини повествует о кусках атласа, шелковых изделиях и боккасилах, привозившихся из Дербента в Нижнее Поволжье, а также о перепродаже ордынскими купцами шелковых изделий из Йезда и боккасинов в русские земли⁴¹. Парчовые и шелковые одеяния носились знатью⁴², бедным же населением использовались полотняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани⁴³. Сукно применяли для покрытия повозок (упоминается, в частности, синее сукно)⁴⁴ и при изготовлении онгонов⁴⁵. В итальянских источниках упоминается краситель тканей кермес из Руси («*scetexhe gosesco*»), поступавший через Северное Причерноморье, где продавались также квасцы, применявшиеся для окраски тканей и дубления кож⁴⁶.

Таким образом, письменные источники называют только сукна золотоордынского производства и хорезмские шелка, остальные упоминаемые на территории Улуса Джучи материи имеют различное иностранное происхождение. Следует, однако, отметить, что привозились в Золотую Орду именно ткани и сырье для их изготовления (шелк-сырец, лен, хлопок в виде пряжи и клоков), а не готовые одеяния, о чем убедительно свидетельствуют письменные источники и археологические находки одежды только собственного покроя.

Проанализируем названия упоминаемых на территории Золотой Орды импортных тканей. Наиболее дорогими были парчовые (парча, аксамит, балдакин, насик, нак) и шелковые (шелк, атлас, бархат, тафта, камка, куфтерь, сендал, камокат) ткани. Привозились также шерстяные (различные сукна, камлот, пурпур, зуфь, килик, велюр, саржа), хлопчатобумажные (хлопок, бумазея, киндяк, бязь, бомбасин, зендень, скамандри, букаран?) и льняные (полотно и холст) материи. Для трех видов тканей затруднительно определить материал, из которого они изготовлены: это разноцветная ткань пестрядь, кармазин (камка или сукно красного цвета) и боккасины (тонкие льняные или хлопчатобумажные ткани). Значительный интерес представляет происхождение названных тканей. Из европейских стран поступали в первую очередь сукна: французские (из Бургундии, Шампани, Лангедока, включая Тулузу, из Тури, Перпиньяна, Орлеана, Витри-ле-Франсуа, Реймса, Провена, а также элитные из Шалона), итальянские (флорентийские, генуэзские, венецианские, пармские, пьячентинские, из Новары, Асти, Остун, Фабриано, Ломбардии, в том числе из Милана, Кремоны и Бергамо) и фландрские

³⁷ Кучкин 1998, 10, 40, 81, 103, 118, 131.

³⁸ Клавихо 1990, 80.

³⁹ Заходер 1955, 14–19.

⁴⁰ Барбаро, Контарини 1971, 140–141, 157, 173, 181–182.

⁴¹ Барбаро, Контарини 1971, 217, 220, 261.

⁴² Магидович 1955, 90; Шастина 1957, 100.

⁴³ Шастина 1957, 99.

⁴⁴ Барбаро, Контарини 1971, 144; Тизенгаузен 1884, 288.

⁴⁵ Магидович 1955, 90.

⁴⁶ Еманов 1995, 33; Карпов 1990, 134–137.

(из Ипра, Поперинга, элитные из Дуэ), вероятно, к сукнам следует отнести и упоминающиеся ткани из Германии. Из различных регионов Европы доставлялись также аксамиты, велюр, саржа, полотно (из Шампани, Венеции и Руси), холст (из Венеции и Генуи), а с XV в. — итальянские шелка, камки, парча, камокат, куфтер и бархаты. Ряд тканей, преимущественно парчовых и шелковых, привозился с Ближнего Востока: балдакин, насик, нак, мосульская парча, бархаты, камка, камлот, зуфь, килик, хлопок, букаран, бомбасин, кармазин, боккасины, скамандри. Из Ирана и Средней Азии привозились преимущественно хлопчатобумажные (хлопок, бумазея, бязь, зендень) и шелковые (шелк, в том числе мазендеранский, включая шелк из Горгана, мервский, из Шеки, Шемахи, Карабаха, Лахиджана, Грузии, Гиляна и Йезда, атласы, камка, тафта, сендал) ткани, а также парча и боккасины. Из Индии доставлялись хлопчатобумажные ткани (букаран, киндяк, бомбасин) и «пестрядь», из Китая могли поступать парча, нак, шелк, камка, пурпур и бумазея. Итак, наибольшее количество упоминаемых названий тканей (42) указывает на их европейское (в том числе древнерусское) происхождение, меньше названий иранских и среднеазиатских (20) материй, еще меньше ближневосточных (15), а также китайских и индийских тканей (10 наименований); вероятно, это отражает ассортимент привозных тканей на золотоордынских рынках, данные материи использовались местными портными для пошива одежды в соответствии с предпочтениями населения Улуса Джучи.

Применялся также войлок⁴⁷, которым обтягивали и оформляли повозки-арбы, сундуки, из войлока изготавливали одеяла, плащи, чепраки, «шапки против дождя», башмаки и изображения божеств (онгоны). По словам П. Карпини, у монгольских повозок «стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока»⁴⁸. Вот как описывает повозку монголов Г. Рубрук: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся сверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей»⁴⁹. Судя по следующему сообщению Рубрука, войлок использовался и при изготовлении сундуков: «Они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного края до другого, устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями»⁵⁰. В гробах кочевников фиксируется иногда присутствие остатков во-

⁴⁷ Барбаро, Контарини 1971, 144, 213, 222; Магидович 1955, 90; Тизенгаузен 1884, 281, 286; Шастина 1957, 27–29, 32–33, 51, 91–92, 94, 99, 101, 122, 130, 166, 177.

⁴⁸ Шастина 1957, 27.

⁴⁹ Шастина 1957, 91.

⁵⁰ Шастина 1957, 91–92.

йлочных подстилок под погребенными. Производством войлока и покрытием им повозок у монголов занимались женщины⁵¹.

Стоит выделить и деревообрабатывающее ремесло. Из-за плохой сохранности дерева на золотоордынских памятниках до археологов дошли лишь некоторые виды продукции резчиков по дереву, использовавших в своей работе токарные станки: седла, колчаны, луки, древки стрел, ножны, рукояти плетей, ножей и шильев, основы шапочек-бокк, игольники, амулеты, коробочки, чаши, блюда, миски и тарелочки, кобызы (струнные музыкальные инструменты) (рис. 5, 3), гребни и ложки. Деревянная посуда иногда расписывалась цветными красками.

Огромное развитие получило в Золотой Орде строительное дело. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте понятия плотник («cherchi»), топор («balta»), колун («buran»), пила («bičchi»), отвес («ихун ир»), долото («uturgu»), молоток («čachuč»), циркуль («pargal»), рубанок («uscu»), киянка («tocmac») и токарный резец («schinia»), текстуально взаимосвязанные друг с другом⁵². Постройки Нижнего Поволжья представлены мечетями, мавзолеями, банями, дворцами, домами, как правило снабженными горизонтальными дымоходами-канами, лежанками-суфами и умывальниками-тошнау, производственными и хозяйственными сооружениями. Наряду с деревянными жилищами, иногда представлявшими собой полуземлянки или землянки, имелись здания из камня, сырцового или обожженного кирпича. Были в городах и ограждения вокруг усадеб (иногда достаточно внушительные стены). Города благоустраивались площадями, водоемами, колодцами, арыками, дренажными сооружениями, керамическими трубопроводами, даже фонтанами и общественными туалетами.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов⁵³), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано.

В огромных количествах поступала из городов в сельскую местность и обычная золотоордынская неполивная гончарная керамика. Тем не менее, керамики на периферии было недостаточно, в деревнях ее вынуждены были даже в домашних условиях изготавливать кустари, что было зафиксировано нами при раскопках Константиновского селища в Саратовском Поволжье (рис. 1, 7).

Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла, так как из всех селищ округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья кузнечный горн отмечен только в урочище Мартышкино в округе Увекского городища, а остатки неопределенного сооружения, связанного с обработкой железа, — на селище Широкий Буерак в том же регионе.

⁵¹ Шастина 1957, 101.

⁵² Куун 1981, 99–100; Drimba 2000, 92.

⁵³ Примитивные формы обработки цветных металлов, несомненно, существовали и в малых городах, и на селе; это можно подтвердить находками всплесков и обрезков металла на селищах Багаевское, Колотов Буерак, Советское и Хмелевское I в округе Увекского городища, а также на Водянском городище, где зафиксированы и литейные формы (это единственный случай их находки за пределами крупнейших городищ).

Кочевники, судя по письменным и археологическим данным, занимались даже кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) вообще не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия.

С Болгарского городища известны находки трех матриц⁵⁴ для изготовления ручек (в виде протома дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов, характерных для раннеджучидской торевтики и составлявших один из атрибутов монгольской всаднической культуры⁵⁵; там же известна заготовка костяной орнаментированной обкладки колчана⁵⁶, аналогичной изделиям, бытовавшим у кочевников золотоордынской эпохи, что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы⁵⁷. Стекланные украшения и высококачественные бронзовые зеркала (которые можно было изготовить лишь в жестких каменных формах, известных на сегодняшний день только с Болгарского, Увекского и Селитренного городищ)⁵⁸ также изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись оттуда в степи. Примечательно, что на Увекском городище найдена форма для отливки зеркал (рис. 4, 1), относящихся к типу, не встреченному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников⁵⁹; данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал заметно отличающиеся от предпочтений горожан⁶⁰.

Приведенные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о высокой степени развитости золотоордынского ремесла, включавшего в себя следующие отрасли: гончарство, черную и цветную металлургию и металлообработку, ювелирное дело, стеклоделие, ткачество, косторезное, камнерезное, кожевенное и строительное дело, обработку дерева, производство войлока.

ЛИТЕРАТУРА

Барбаро И., Контарини А. 1971: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л.

Валиулина С. И., Недашковский Л. Ф. 2005: Стекланные изделия Укека и его округи // НАВ. 7, 257–280.

⁵⁴ Руденко 2006, 48–49, 89–90, 99, 113, рис.2, илл.5.

⁵⁵ Крамаровский 2001.

⁵⁶ Полякова 1992, 243–244.

⁵⁷ Закирова 1988, 227, 229, 239, 243, рис.99,14–16; Малиновская 1974, 155–156, 169, 171, табл. IX,30, X,32–35; Федоров-Давыдов 1976, 187; 1994, 179.

⁵⁸ Недашковский 2001, 355, 364, рис. 5, 1–2; Полякова 1996, 160, 162, рис. 56, 5, 58, 9; Fyodorov-Davydov 1984, 178, fig. 107, 2; Nedashkovsky 2004, 48, 228–229, fig. 62, 1–2, 63.

⁵⁹ Недашковский 2001, 355; Nedashkovsky 2004, 48.

⁶⁰ Недашковский 2000, 65–66, табл.3; 2001, 355; Nedashkovsky 2004, 35, 48, tab.3.

- Волков И. В.* 1992: Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Волков И. В.* 2008: Ранние монеты чеканки Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. 23, 425–477.
- Еманов А. Г.* 1995: Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень.
- Закирова И. А.* 1988: Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Г. А. Федоров-Давыдов (ред.). М., 220–243.
- Заходер Б. Н.* 1955: Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института востоковедения. XIV, 14–19.
- Карпов С. П.* 1990: Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.
- Клавихо Р. Г.* 1990: Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.
- Крамаровский М. Г.* 2001: Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Кучкин В. А.* (ред.) 1998: Памятники Куликовского цикла. СПб.
- Магидович И. П.* (ред.) 1955: Книга Марко Поло. М.
- Малиновская Н. В.* 1974: Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов (ред.). М., 132–175.
- Недашковский Л. Ф.* 2000: Золотоордынский город Укек и его округа. М.
- Недашковский Л. Ф.* 2001: Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / В. И. Завьялов (ред.). Ижевск, 349–364.
- Недашковский Л. Ф.* 2002: Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // НАВ. 5, 335–347.
- Недашковский Л. Ф.* 2010: Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований. 1, 147–151.
- Пиотровский М. Б.* (ред.) 2005: Золотая Орда. История и культура. СПб.
- Полубояринова М. Д.* 1991: Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Полякова Г. Ф.* 1992: Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. 1, 243–244.
- Полякова Г. Ф.* 1996: Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Г. А. Федоров-Давыдов (ред.). Казань, 154–268.
- Руденко К. А.* 2006: Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 3–4 (18–19), 28–137.
- Сафаргалиев М. Г.* 1960: Распад Золотой Орды. Саранск.
- Тизенгаузен В. Г.* 1884: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I: Извлечения из сочинений арабских.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1976: Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1981: Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / С. А. Плетнева (ред.). М., 229–236.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1994: Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 2001: Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.

Хлебникова Т. А. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Г. А. Федоров-Давыдов (ред.). М., 244–253.

Шастина Н. П. (ред.) 1957: *Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.* М.

Drimba V. 2000: *Codex Comanicus: Édition diplomatique a vec fac-similés.* Bucarest.

Fyodorov-Davydov G. A. 1984: *The Culture of the Golden Horde Cities.* Translated from the Russian by H. Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford.

Kuun G. (ed.) 1981: *Codex Cumanicus / With the Prolegomena to the Codex Cumanicus* by Louis Ligeti. Budapest.

Nedashkovsky L. F. 2004: *Ukek: The Golden Horde city and its periphery* / BAR International Series. 1222. Oxford.

Pegolotti F. B. 1936: *La pratica della mercatura* / Edited by A. Evans. Cambridge, Massachusetts.

THE GOLDEN HORDE CRAFT

L. F. Nedashkovsky

The Golden Horde craft peculiarities make it possible to tell its products from those of production centers of other medieval states. Primarily, it is worth noting ceramic production. Non-glazed red clay ceramics is a key material for Golden Horde monuments. The Golden Horde is also noted for abundant production of kashin and red-clay glazed ceramics. It could also boast well developed glass production, bone carving, the handling of semi-precious stones and gems, non-ferrous and ferrous metallurgy, and blacksmith's work. It is thanks to the Golden Horde that iron-making appeared in Europe. Town centers took to the countryside high-technology craft products such as glazed and non-glazed pottery, glassware, iron and ironware, non-ferrous products. Nothing is known about the crafts of the kind in small towns and settlements. There was no place for such crafts as pottery, glassware, iron-making, etc. in a nomadic environment. Consequently, all the products of the kind found in nomad burials are brought from towns and settlements. Nomads exchanged stock-breeding products for a variety of craft-ware especially made with regard to artistic taste and traditions of nomads.

Key words: the Golden Horde, craft, trade

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2013

Д.-К. Беланджер

АНТИАМЕРИКАНИЗМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. В КАНАДЕ: ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС

В статье предпринимается попытка продемонстрировать взаимосвязь между антиамериканизмом и антифеминизмом в Канаде в конце XIX — начале XX вв. Автор приходит к выводу, что обе эти теории отрицали нечто большее, чем просто идейно-политические воззрения определенных групп в обществе, и зачастую являлись выражением более широких консервативных идей.

Ключевые слова: Канада, США, антиамериканизм, антифеминизм, канадский национализм

В конце XIX — начале XX в. канадское противостояние Соединённым Штатам Америки было выражено в двух основных формах: в форме англоканадского империализма и франкоканадского национализма. Эти две системы национального самоопределения канадцев были в корне отличны друг от друга. Ярчайшим образом эти различия проявились при обсуждении вопроса национального самоопределения — вопроса, который вот уже несколько столетий является краеугольным камнем внутренней политики Канады. Но даже несмотря на, казалось бы, непримиримый антагонизм этих двух систем, англоканадский империализм и франкоканадский национализм выступали единым фронтом в борьбе с гегемонией США на североамериканском континенте. Канадский антиамериканизм включал в себя намного больше, чем просто критику американской политики или стиля жизни обычных американцев. Антимодернистский по своей сути, канадский антиамериканизм критиковал американское общество и его фундаментальные основы: республиканизм, эгалитаризм, индивидуализм, антирелигиозность, массовую культуру, материализм и широкомасштабную индустриализацию. В глазах антиамериканистов Америка была страной, отрёкшейся от порядка, традиций и консервативных идеалов. Антиамериканская риторика в Канаде в конце XIX — начале XX в. выполняла две основные задачи: с одной стороны она позволяла кон-

Дамьен-Клод Беланджер — PhD, адъюнкт-профессор, руководитель отделения аспирантуры и докторантуры департамента истории университета Оттавы. E-mail: dcbelanger@uottawa.ca

сервативным мыслителям Канады критиковать дух модернизма, с другой стороны эта риторика позволяла раскрыть антимодернистскую суть канадского общества¹.

Трансформация гендерных отношений и гендерного вопроса неразрывно связана с идеей модернизма. Этот феномен, губительный для традиционного понятия женственности и мужественности, навсегда изменил роль женщины и мужчины в обществе. Индустриализация и урбанизация изменили не только вид североамериканских городов, но и жизнь мужчин и женщин на континенте. Благодаря индустриальной революции широкие массы женского населения получили доступ к оплачиваемому труду, а урбанизация навсегда изменила институт семьи в классическом его понимании. Апогей этих коренных изменений пришёлся на начало XX в., когда дарованное женщинам право голоса стало неотъемлемой частью жизни канадок и американок.

Такая коренная трансформация гендерных ролей и гендерных отношений в обществе не могла пройти бесследно и была быстро взята на вооружение канадскими мыслителями и интеллектуалами как повод для критики американского общества. Критикуя американских женщин и институт семьи в Америке того периода, канадский антиамериканизм объединял как англо-, так и франкоканадцев. Хотя следует отметить, что эта риторика была особенно характерна для консервативных мыслителей Квебека. Эта особенность политического дискурса французской Канады объяснялась тем, что изначально политическая сфера жизни общества и политические институты не играли какой бы то ни было роли в интеллектуальной жизни франкоговорящих канадцев. Политическая система в Квебеке воспринималась как данность и практически не обсуждалась в трудах франкоканадских интеллектуалов, тогда как социальная и культурная сферы жизни общества привлекали к себе максимум их внимания. Именно благодаря этой особенности франкоканадский национализм, как идейно-политическое течение, стало наиболее активным в критике гендерных отношений и института семьи в Америке.

Основанная на вопросе гендерных отношений, антиамериканская риторика выражалась в различных формах и стремилась проникнуть во все сферы жизни общества. При изучении федеральных выборов 1891 года канадский историк Patricia K. Wood определила, что антиамериканистская риторика того времени возвышала англоканадских мужчин среднего класса. Именно англоканадцы среднего класса воспринимались как главная сила в борьбе против аморального и губительного влияния Соединённых Штатов. Научные выводы этого исследования были отражены в статье *Defining 'Canadian': Anti-Americanism and Identity in Sir John A. Macdonald's Nationalism*². Агитационные слоганы и материалы консерваторов во время этих выборов изображали Канаду как слабую молодую девушку, которую необходимо защитить от дядюшки Сэма. Предвыборные плакаты и листовки призывали англоканадских мужчин проголосовать за Консервативную партию и тем самым спасти Мисс Канада.

¹ Автор данной статьи выражает благодарность О. А. Дроздовой за перевод, советы и комментарии. Данная научная публикация была спонсирована Le Fonds québécois de recherche sur la société et la culture.

² Wood 2001, 49-69.

Данная статья является частью более широкого исследования, которое основывается на более чем пятистах текстах, написанных канадскими интеллектуалами в период между 1891 и 1945 гг. В этом научном исследовании мы попытаемся продемонстрировать взаимосвязь между антиамериканизмом и антифеминизмом в Канаде. Обе эти теории отрицали нечто большее, чем просто идейно-политические воззрения определённых групп общества. Эти теории зачастую являлись выражением намного более широких консервативных идей. Максимум внимания канадских консерваторов того времени был сосредоточен на растущем равенстве полов в Соединённых Штатах Америки. Эту тенденцию они воспринимали как неуважение или даже оскорбление традиционного понятия взаимоотношения полов. По мнению канадских консервативных мыслителей, американские женщины стали воспринимать брак и материнство как навязываемое им зло, которое стесняло их личную свободу. Получив доступ к публичным сферам жизни общества, американки требовали права голоса и пытались добиться равенства с мужчинами. Такое поведение делало женщин развязанными и распутными, провоцировало промискуитет и дестабилизировало институт семьи как фундамент общества. Вывод был очевиден: модернизм был неизбежно губителен для традиционных гендерных отношений и превращал женщин в мужчин.

Andrew Macphail (1864–1938), видный деятель канадского империалистического течения, утверждал, что «американская женщина» наделена худшими из возможных женских пороков: она непокорна, тщеславна, ленива и, что хуже всего, бесплодна. Её бунтарство было лишь отражением общего состояния американского общества:

The United States began with an act of lawlessness and their conduct ever since has been marked by that spirit. Now this spirit of lawlessness has seized upon the women. It would be too large a matter to demonstrate how it has broken up the family life and disorganized the social relation, how it has instigated rebellion against the marriage tie and defeated the intent of all created beings that they should be fruitful and multiply.

Государственную основу Соединённых Штатов составил акт беззакония, и дух беззакония с тех пор определил поведение этой страны. Теперь же этот дух беззакония захватил и женщин. Считаю абсолютно ненужным объяснять прописные истины, лишней раз демонстрируя, как этот дух беззакония разбил семейную жизнь и дезорганизовал социальные отношения; спровоцировал восстание женщин против уз брака; уничтожив базовое чувство всех живых существ к размножению³.

Негативное восприятие гендерных отношений в Соединённых Штатах было характерно для франкоканадской публицистики обозначенного нами периода. Консерваторы Квебека отмечали особую роль женщин в *la survivance*⁴, и равенство полов, торжествовавшее в те годы в США казалось им не чем иным, как прямой

³ Macphail 1909, 29.

⁴ *La survivance* — от франц. сохранение культуры, продолжение рода, сохранение жизни, живучесть (прим. переводчика).

угрозой нации. Этот вопрос нашёл свое отражение не только в публицистике, но и в классической литературе французской Канады. В своём романе-бестселлере *La campagne canadienne* (1925) Jesuit Adélard Dugré (1881–1970) противопоставил гендерные отношения в Соединённых Штатах и Канаде, тем самым агитируя своих читателей против эмиграции и смешанных браков. Главный герой его романа, франко-американский физик Франсуа Барре, совершая поездку в аграрные местности Квебека, встречается с крестьянами и простыми людьми. Наблюдая жизнь в этих отдалённых участках страны, Барре приходит к осознанию жуткой правды: его семья, появившаяся из смешанного брака, дегенеративна и деградирована:

Devant ces hommes si simplement maîtres chez eux, qui avaient une idée si nette et si ferme de ce que doit être la famille, le docteur américain se sentait humilié de l'anarchie qui régnait à son foyer. Vraiment sa femme y prenait trop de place. Qu'elle eut une voix prépondérante quand il s'agissait des choses de son ressort, passe. Qu'elle s'occupât seule de meubler la maison, choisir ou de renvoyer les servants, qu'elle allât même jusqu'à déterminer l'emploi des soirées libres, le but et l'itinéraire de leurs voyages, passé encore; mais qu'elle se changeât d'orienter la carrière de son mari, de choisir sa clientèle et de lui indiquer son gagne-pain, c'était trop fort. En cela c'est lui, François, qui devait être juge suprême et maître souverain. Il était temps que Fanny l'apprît et l'acceptât. Il y a des cas majeurs où la femme doit obéir et se taire, si elle ne peut pas approuver et se réjouir.

Перед этими простыми людьми, у которых была столь твердая и столь чистая идея того, чем должна быть семья, американский доктор чувствовал себя униженным анархией, которая овладела его домашним очагом. Действительно, его жена занимала там слишком много места. Она должна была бы иметь право голоса только в тех вопросах, в которых она компетентна. Ей следовало бы заниматься себя только вопросами мебелировки дома, выбора слуг, выбора занятий в свободное время и на отдыхе. Но никогда не должна она вмешиваться в вопросы карьеры своего мужа, или как зарабатывать ему хлеб насущный. Это уж слишком. В этом именно он, Франсуа, должен был быть высшим судьей и суверенным господином. Было самое время, чтобы Фанни его поняла и с ним согласилась. Существуют случаи, когда женщина должна повиноваться и молчать, если она не может одобрить и радоваться⁵.

В романе Дюгре сын Франсуа Борре вышел из-под его контроля и не желал подчиняться своему отцу. Его жена была непокорна, требовательна, нерелигиозна и вульгарна. Семейство Борре было типичным образом американской семьи того времени.

Франкоканадские романисты зачастую изображали американских женщин как своенравных обольстительниц, питавших слабость к *l'amour libre*⁶. Ярким примером этого литературного течения является роман франкоканадского литератора Ringuet⁷ "*30 arpents*", в котором автор повествует о сладострастных и

⁵ Dugré 1925, 202.

⁶ *L'amour libre* — от франц. свободная любовь (прим. переводчика).

⁷ Ringuet — литературный псевдоним романиста Dr. Philippe Panneton (1985-1960).

аморальных женщинах Америки. Физическая красота и привлекательность этих женщин не являлись достоинством, а были лишь маскировкой их душевных мук и страданий. Одна из писательниц Квебека Ernestine Pineault-Léveillé (?–1980) в своём эссе заметила, что американские женщины вели пустую и бессмысленную жизнь:

L'Américaine humiliée, ravalée par la divorce, la pratique anti-conceptionnelle et le 'birth-control,' n'a pas d'enfants. Elle élève des toutous et leur lègue en mourant, fortune, palais et cimetière.

Рядовая американка — явление крайне печальное. Она унижена и опошлена разводом, контрацепцией; у неё нет детей. Она развлекает себя разведением собачек, и после её смерти именно им будет завещано её состояние⁸.

Фигура Ernestine Pineault-Léveillé как свидетеля времени крайне примечательна. Рождённая в городке Saint-Denis-sur-Richelieu в провинции Квебек, Pineault-Léveillé была одной из первых в Канаде женщин-психиатров, специализировавшихся на детской психологии. Ernestine Pineault-Léveillé была активным членом националистских кругов Квебека и находилась в тесных дружественных отношениях с аббатом Lionel Groulx⁹. Lionel Groulx, лидирующая фигура националистских кругов Квебека в межвоенные годы, был профессором и научным руководителем Ernestine Pineault-Léveillé в университете Монреаля. Lionel Groulx оказал огромное влияние на юного психолога и во многом определил её политические и культурные взгляды. По прошествии лет Ernestine Pineault-Léveillé написала несколько детских книг, в которых она знакомила юных читателей с основными идеями франкоканадского национализма¹⁰.

Моральный упадок американских женщин повлёк за собой моральный упадок американских семей. Канадские консерваторы верили, что семья — главная ячейка общества — находилась в Соединённых Штатах под угрозой. Новое понимания гендерного равенства, ролей обоих полов в обществе и супружеских отношений разрушало американскую семью. Даже само американское общество, как утверждали канадские консерваторы, дойдёт до крайней стадии кипения и наконец взорвётся после того, как исчезнет институт семьи. Такое хаотичное положение вещей в американском обществе было вызвано различными причинами. Аббат Georges-Marie Bildeau (1895–1966), видный деятель канадской образовательной системы, преподававший в единственном в Квебеке классическом колледже для взрослых Séminaire des vocations tardives de Saint-Victor-de-Beauce, утверждал, что основы американской семьи были подрублены ужасающей практикой контрацепции. Контроль рождаемости шокировал *les nationalists* и обычно приписывался упадку религиозности в Соединённых Штатах. В своей монографии 1926 года *“Pour rester au pays. Étude sur l'émigration des Canadiens français*

⁸ Pineault-Léveillé 1936, 145.

⁹ Для более подробной информации о Lionel Groulx см.: Gaboury 1970; Boily 2003; Bock 2004.

¹⁰ Ernestine Pineault-Léveillé публиковала данные работы под псевдонимом Joyberte Soulanges. Soulanges 1921; Soulanges 1922.

aux États-Unis. Causes. Remèdes” аббат Bildeau резко осуждал франкоканадскую эмиграцию в Соединённые Штаты:

...le malthusianisme, pour ne pas dire l’onanisme, ce qui en pratique est la même chose, est la plaie des mariages, non seulement entre protestants et incroyants, mais aussi entre chrétiens.

...отсутствие энтузиазма в браке — если не сказать полное безразличие к браку, что в сущности одно и то же — настоящий бич брачных уз; явление, характерное не только для протестантов и неверующих, но также для христиан¹¹.

Римско-католические клирики Квебека часто использовали пример, как им казалось, плачевного состояния американской семьи как аргумент против эмиграции франкоканадцев в Соединённые Штаты Америки.

Рассуждая об упадочном состоянии американской семьи, многие квебекские *les nationalists* утверждали, что именно атеизм, столь широко распространённый в США, являлся основной причиной социальных проблем. Философ Hermas Bastien (1897–1977) рассуждал в одном из своих многочисленных эссе:

Ce qui frappe d’admiration, c’est le progrès matériel de notre voisin. Ce qui épouvante, c’est le néo-paganisme de la grande masse des Américains. Idée religieuse, doctrine spiritualiste, solidité de la famille, ces bases de nations chrétiennes sont en Amérique sapées par le divorce stérilisateur, le pragmatisme utilitaire, le panthéisme mystique.

Материальное положение, достигнутое нашим соседом, заслуживает восхищения. Тогда как неоязычество основной массы американцев приводит в ужас. Идея религиозности и набожности, прочность и надёжность семьи — основные христианских ценности — в Америке были подорваны бездетными браками, разводами, утилитарным прагматизмом, мистическим пантеизмом¹².

При изучении отрывка из исторического источника того времени следует обратить особое внимание на то, что канадские консерваторы осуждали не только аморальное поведение американских женщин, но также и высокий уровень разводов. Развод всегда воспринимался католической церковью и в определённой степени различными протестантскими церквями как явление крайне греховное. Более того, благодаря различным законодательным актам и положениям, развод в Квебеке был практически невозможен вплоть до 60-х гг. XX в. Такое негативное отношение к разводу закрепощало брак не только в законодательных актах, но и в сознании простых канадцев, которые воспринимали лояльное отношение к расторжению брака как последнюю стадию упадка общества. Так, журналист и набожный англиканец John Castell Hopkins (1864–1923) в одном из своих эссе

¹¹ Bildeau 1926, 46.

¹² Bastien 1933, 35.

сожалел о «ненадежности брачных уз в великой республике»¹³. Его статья, опубликованная в одном из наиболее читаемых американских журналах того времени, обличала развод как самый страшный из пороков, поразивший американское общество конца XIX века:

Between 1867 and 1886, two hundred thousand divorces were granted in the United States, as compared with one hundred and sixteen given in Canada. The trouble, of course, is caused largely by a difference in the law of the various States, which permit the anomalous and disgraceful condition of a man or a woman to be married in one state and single in another.

За двадцать лет, в период между 1867 и 1886 гг., американское правительство разрешило двести тысяч разводов, по сравнению со ста шестнадцатью разводами, разрешёнными в Канаде за тот же самый период времени. При таком плачевном положении дел корень кроется в разности законов различных американских штатов. Такой законодательный хаос на пространстве одной страны позволяет мужчине и женщине состоять в браке в одном штате и быть совершенно свободными от каких-либо брачных уз в другом штате¹⁴.

Для Хопкинса рассуждение об упадочном состоянии Соединённых Штатов Америки было возможностью не только осудить такое порочное явление, как развод, но и встретиться лицом к лицу с историческим прошлым его собственной семьи. Хопкинс родился в Дерсвилле, штат Айова (Dyersville, Iowa) от английских родителей, которые вскоре после появления Джона иммигрировали в Канаду. В последующих трудах Дж. Хопкинс нередко осуждал конституционную децентрализацию Соединённых Штатов и идеализировал канадское общество.

Основное внимание канадских интеллектуалов конца XIX — начала XX в. было приковано к гендерным отношениям и состоянию семьи как ячейки общества. Такая сосредоточенность повлекла за собой неизбежное проникновение гендерного вопроса в другие области интеллектуального дискурса того периода, в том числе и в обсуждение американского стиля жизни. Статистические данные бесчисленных разводов в Америке служили для интеллектуального сообщества Канады наилучшим доказательством упадочного состояния американское общества того периода. Причиной такой аморальности канадские консерваторы считали модернизм и его пагубное влияние на брак и гендерные отношения. По их мнению, залог спасения Канады от морального падения заключался в отказе от модернизма и неуклонном следовании консервативным идеалам.

Империалист и франкоканадские националисты были в равной степени поглощены размышлениями о Соединённых Штатах Америки, хотя тон и подчеркнутость их критики были отличны друг от друга. В англоговорящей Канаде, где политические институты и имперское прошлое воспринимались как фундамент национального самоопределения, мыслители и интеллектуалы предпочитали обсуждать политическую среду жизни американского общества и высказываться на

¹³ Hopkins 1893, 330.

¹⁴ Hopkins 1893, 330.

предмет дипломатии Соединённых Штатов. Вопросы же, связанные с гендерными отношениями и ролью семьи в американском обществе, интересовали англоканадскую интеллигенцию в значительно меньшей степени, чем франкоканадских интеллектуалов. Максимум внимания квебекских националистов был посвящён роли женщины в обществе или, в случае американского общества, её отрицательного влияния на институт семьи. Эволюция антиамериканских настроений лишь усилила этот тренд и ещё больше отдала англоканадцев от франкоговорящих канадцев. Антимериканская риторика в англоговорящей Канаде значительно ослабела после Первой мировой войны, тогда как в Квебеке подобная критика США лишь усилилась. Пик критики американского общества со стороны франкоканадских националистов приходится на межвоенные годы, которые в определённой степени можно считать периодом сексуальной революции в Америке.

ЛИТЕРАТУРА

- Bastien H.* 1933: *La critique américaine. Témoignage. Études et profile littéraires.* Montréal.
- Bock M.* 2004: *Quand la nation débordait les frontières: les minorités françaises dans la pensée de Lionel Groulx.* Montréal.
- Boily F.* 2003: *Le pensée nationaliste de Lionel Groulx.* Québec.
- Bilbeau G.M.* 1926: *Pour rester au pays. Étude sur l'émigration des Canadiens français aux États-Unis. Causes. Remèdes.* Quebec.
- Dugré A.* 1925: *La campagne canadienne. Croquis et leçons.* Montréal.
- Gaboury J-P.* 1970: *Le nationalisme de Lionel Groulx. Aspects idéologiques.* Ottawa.
- Hopkins J.C.* 1893: *Canadian Hostility to Annexation // Forum.* XVI, 325–340.
- Macphail A.* 1909: *New Lamps for Old // University Magazine.* VIII, 26–40.
- Pineault-Léveillé E.* 1936: *Notre américanisation par la femme // Revue dominicaine.* XLII, 139–148.
- Soulanges J.* 1922: *Comment ils ont grandi.* Montréal.
- Soulanges J.* 1921: *Dollard. L'épopée de 1660 racontée aux enfants.* Montréal.
- Wood P.K.* 2001: *Defining 'Canadian': Anti-Americanism and Identity in Sir John A. Macdonald's Nationalism // Journal of Canadian Studies.* 36, 49–69.

ANTI-AMERICANISM IN THE CANADA OF THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES: GENDER DISCOURSE

D. C. Bélanger

This is an attempt to show the links between anti-Americanism and anti-feminism in the Canada of the late 19th — early 20th centuries. The author comes to the conclusion that both these theories disclaimed more than mere ideological and political views of certain social groups, and more often than not they expressed wide-spread conservative ideas.

Key words: Canada, the USA, anti-Americanism, anti-feminism, Canadian nationalism

KEEPING THE FAITH: UKRAINIAN IMMIGRANTS AND THE FORMATION OF THE UKRAINIAN GREEK ORTHODOX CHURCH OF CANADA

The article is an attempt to analyze the religious vacuum that appeared in Ukrainian community of Canada at the end of the 19th century. The author of the article concludes that religious vacuum activated the search for spiritual and cultural guidance in the milieu of Ukrainian immigrants and allowed the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada to emerge.

Key words: Ukraine, Canada, Russia, Catholic Church, Orthodox Church

In the late 19th century, Canada was faced with the challenge of developing its prairies, territories famous for their harsh climate. This goal was inextricably linked to a further challenge: immigration. Canada needed to attract new immigrants who, despite the climate, would be drawn to the rich farming lands of the West. The issue of developing Canada's western territories was thus tied to the larger problem of Canadian immigration policy. Up until the late 19th century, Canada welcomed immigrants mainly from the British Isles and the United States. Some of these immigrants settled in Canada's largest cities, Toronto and Montreal, and by so doing contributed to the larger process of urbanization. Canada also welcomed a certain number of immigrants from continental Europe, usually from Germany, though non-British ethnic groups, especially those from Southern, Central and Eastern Europe, were generally viewed as exceedingly foreign and, to a certain extent, as a threat to Canada. Among the first officials to reconsider this state of affairs was Sir Clifford Sifton, Minister of the Interior in Prime Minister Wilfrid Laurier's cabinet. Sifton sought to populate Western Canada with farmers in order to spur economic growth, solve the "railway problem," and help pay off the national debt. He believed that Eastern and Central European agriculturists and peasants made desirable settlers, and he actively sought to recruit them as immigrants. The majority of these immigrants came from Ukrainian Galicia and Bukovina. Driven by political, social and cultural oppression, difficult economic circumstances, as well as attracted by the "free land," economic opportunities, and political and social freedom in Canada, Ukrainian farmers and farm labourers began a mass immigration to the country. However, after arriving to Canada, the peasants found themselves in a spiritual vacuum, as no clergymen and priests had followed them. From this time on the process of Ukrainian assimilation in Canada was marked by a search for spiritual guidance and by attempts to establish religious institutions in their new homeland¹.

This paper rests on a corpus of various newspaper articles, memoirs, diaries and notes from the funds of Olha Voycenko. These documents, which belonged to prominent Ukrainian Canadians and people affiliated with the Ukrainian community in Canada,

Дроздова Оксана Анатольевна — преподаватель истории в Центре дополнительного образования при Университете Оттавы. E-mail: oxanadrozдова@gmail.com

¹ The author would like to express her thanks to Mark Stolarik and Myron Mamrick for the information and advice provided.

where under restricted access until January 2009. In studying these previously unknown sources, this essay focuses on the process of emergence of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada and the role this institution played in the Ukrainian community in Canada. In so doing, this essay argues that prominent Ukrainian Canadians established a Ukrainian religious institution not only to provide spiritual guidance to their fellow countrymen, but also to preserve Ukrainian culture. The Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada helped to preserve national identity, traditions, culture and language, while helping the Ukrainians to become an integral segment of Canadian society.

In 1896, Sir Clifford Sifton launched a large-scale government-directed immigration campaign with the goal of settling the Prairie West². The massive wave of Ukrainian immigration that followed continued until the outbreak of the First World War³. The first wave of immigrants came from ethnographically Ukrainian territories that were under the rule of Austria-Hungary or Russia⁴. The overwhelming majority were from Galicia and Bukovina. As a result of the Canadian policy of classifying immigrants according to the country or region of origin, many Ukrainian immigrants were designated as Galician or Bukovinians, while others were mistakenly identified as Austrians, Hungarians or Russians. Furthermore, some were even registered as Poles because Galicia had formerly been ruled by Poland⁵. However, as subjects of Austria-Hungary, they had been officially known as Ruthenians and this designation came into use in Canada in 1905⁶.

In Galicia, the only church for the Ukrainian people was the Greek Catholic Church. Although it did exist and provided spiritual services, the Ukrainian people did not enjoy comparable political freedoms. They were submerged and subjugated by the Austro-Hungarian and Polish administrations. The existence of the Ukrainians as a separate ethnic group was denied, the teaching of the Ukrainian language and the development of Ukrainian culture were also not permitted and political organizations were suppressed⁷. In Bukovina, conditions were similar except that the region was dominated by a very aggressive minority of Romanians. The Ukrainian Greek Orthodox Church, which served most of the Ukrainians in Bukovina, was denied the use of the Ukrainian language and the operation of schools. Ukrainian political and cultural organizations were also suppressed. This experience forced many Ukrainians in Galicia and Bukovina to seek an escape by supporting the Russophile movement, despite the fact that the tsarist regime denied Ukrainian identity⁸. The

² Dafoe 1931, 26-27.

³ See, in chronological order: Yuzyk 1953; Yuzyk 1967; Darcovich and Yuzyk 1980; Hryniuk and Luciuk 1991; Isajiw 1992; Hryniuk and Luciuk 1993; Luciuk 2000; Kukushkin 2007.

⁴ For geographical information see Simpson 1941.

⁵ Yuzyk 1981, 12.

⁶ For the note on translation, terminology, and dates see Kukushkin 2007.

⁷ Trosky 1968.

⁸ Paul Yuzuk in Yuzuk 1981 argues this as an aggressive politic of russophilia and russofication carried by the Russian Empire and its tsarist regime. The term russophilia with respect to Ukraine can be defined as a linguistic, literary and socio-political movement in the Western Ukrainian territories of Galicia, Transcarpathia, and Bukovyna in the 18th — 20th centuries. Proponents of this movement believed in linguistic, cultural, and social union with the Russian people and later in a state union with Russia. The term russofication is an adoption of the Russian language or some other Russian attributes (whether voluntarily or not) by non-Russian communities. In a historical sense, the term refers to both official and unofficial policies of Imperial Russia and the Soviet Union with respect to their national constituents and to national minorities in Russia, aimed at Russian domination.

Ukrainians were referred to as Russians, making “Rusin” or “Ruthenian” synonymous with “Russky” (Russian)⁹.

Among the large number of Ukrainians who arrived in Canada in the first years of immigration, there were no permanent clergymen¹⁰. Uncomfortable and confused in the spiritual vacuum of their adopted homeland, the pioneers wrote letters to their bishops in the Old Country pleading for priests and guidance¹¹. The spiritual life of the burgeoning Ukrainian community in Canada soon entered a critical stage. In some districts settlers gathered in private homes to hold mass as best they could. Closely attached to their ancestral forms of worship, they resisted “foreign” churches and only resorted to Roman Catholic, Protestant and Russian Orthodox clergymen in times of dire need: funerals, marriages and christenings¹². The absence of Ukrainian clergymen naturally provided an opportunity for various denominations to do missionary work among the pioneers, which served to further confuse many unschooled farmers and labourers¹³. The situation, however, did have a positive aspect. Approached increasingly by missionaries of other faiths, the simple peasant was able for the first time to choose a religion, thereby developing and reinforcing a sense of self-worth and independence. In the “perceived” democratic atmosphere of Canada, as compared to the situation on the “Old Country”, self-assertiveness was encouraged and first manifested itself among Ukrainian immigrants in the area of religious expression.

It was natural that the Ukrainian settlers attempted to translate their community life to the Canadian Prairie and it was equally inevitable that the church would be one of the most prominent social institutions. In Galicia and Bukovina the church was situated in the middle of the village and was the embodiment of the deeply conservative nature of the Ukrainian peasantry. It cemented all the important bonds of human relations and marked each stage of life. Despite lacking a connection to a formal ecclesiastical structure, Ukrainian immigrants brought religion to their everyday habits and speech. Even traditional greetings among the settlers had religious overtones. To greet a person one could say, “Слава Ісусу Христу!” (“Praise be to Jesus Christ!”), and receive, “Слава на віки!” (Glory forever!), as a response. During Christmas the common greetings were, “Христос народився!” (“Christ is born!”), and “Славимо Його” (“Let us glorify Him!”). Easter was one of the main holidays for the believers, and people greeted each other with special greetings, such as, “Христос воскрес!” (Christ is Risen!), and “Воістину воскрес” (“Indeed, He has Risen!”)¹⁴.

For much of the twentieth century Ukrainians in Canada belonged to churches that

⁹ This is another reason why it was difficult to keep the record of national groups arriving to Canada. Some Ukrainians called themselves Ruthenians or Rusin; others were assigned to this category by mistake.

¹⁰ This can be explained by the fact that only farmers and peasants were attracted to Canada by the official immigration campaign of Clifford Sifton. Clergymen and priests did not benefit from immigration because only peasants were given financing and free homesteads in Canada.

¹¹ Hawryluk 1978. The text consists of articles written by Fred T. Hawryluk, a former school inspector in Saskatchewan, and is published in the bimonthly newspaper *The Herald* which was, and remains, the official newspaper of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada. These articles appeared in the 1958 and 1959. In his works, Hawryluk offers a condensed and comprehensive outline of the emergence of the Ukrainian Greek Orthodox Church among the Ukrainian people in Canada. On page five of this text, Hawryluk notes how settlers were more accustomed to refer to Ukraine as an “Old Country”.

¹² Library and Archives Canada. MG30 D212. Vol. 1. File 1. Wasil Kudryk's Manuscripts, 1907.

¹³ On the level of literacy among Ukrainian immigrants in Canada, see Kukushkin 2003, 12.

¹⁴ LAC. MG30 D212. Vol. 4. File 19. Metropolitan Ilarion Ohienko's Notes, 1922.

were banned in their homeland. This fact, coupled with the historical and politicized role of Greek Catholicism and Ukrainian Greek Orthodoxy, shaped Ukrainian religious life in Canada. Ukrainian Canadians were very conscious of their past history of oppression and resented their subjection and inferior status. This paper argues that Ukrainian settlers felt that they were defending imperilled religious traditions, and their faiths became central components of their identity. Yet in Canada settlers at first found themselves without any familiar religious institutions. Neither Greek Catholic nor Orthodox priests wished to exchange their relative comfort and privilege at home for hardship and uncertainty overseas. Conditions in Canada helped create a religious vacuum and encouraged proselytizing by alien faiths. The largely French-speaking Roman Catholic Church tried to attract Ukrainians settlers and defeat the Anglo-Protestant churches by attracting the most believers. On the other hand, the Russian Orthodox mission was very strong in the United States and tried to extend its influence onto the Canadians territories.

Since almost no one from the clergy and the rising Ukrainian intelligentsia had accompanied the settlers to Canada, they arrived virtually without any leadership¹⁵. However, an intellectual class started to emerge shortly after the arrival of the pioneers. The majority of the Ukrainian intellectual elite received a high school education in the homeland, and a university or college education in Canada. These people kept memories of the “Old Country” while maintaining a strong attachment to their adopted homeland. This emergent intelligentsia that consisted almost exclusively of teachers played a prominent role in the formation and upbringing of the Ukrainian community in the three Prairie Provinces. Young Ukrainian Canadian intellectuals became a core element in the formation of the Ukrainian Greek Orthodox Church that not only became a religious stronghold, but also a guardian of Ukrainian language and culture.

The first attempt to obtain religious guidance was made by settlers at the beginning of the twentieth century, when they wrote a letter to Metropolitan Andrew Sheptynsky in which they requested a priest. In his pastoral letter, the Metropolitan promised to supply the Greek Catholics with priests. The Greek Orthodox Church in Bukovina did not respond to believers because North America was under the jurisdiction of the Russian Orthodox Church in the United States and to have supplied priests would have been contrary to Orthodox policy¹⁶. However, even though the Ukrainian Greek Catholic believers were promised priests, they found themselves in a very unfavourable position. Back in the “Old Country” the Ukrainian Greek Catholic Church was subordinated to the Roman Catholic Church and the Pope. Under the conditions of the Union, the Ukrainian Greek Catholic priests were allowed to marry. Parishioners were thus very accustomed to being served by noncelibate priests, and they perceived this as indispensable feature of their church. Ukrainian settlers brought this understanding of the nature of their church with them to Canada.

While the hierarchy of the Roman Catholic Church in the Austro-Hungarian Empire tolerated this major difference between rites, the situation in Canada was different. With no state-supported religion, it was the responsibility of each congregation to build its own church and for members to contribute towards the upkeep of a priest¹⁷. The

¹⁵ Yuzyk 1981, 56.

¹⁶ Trosky 1968, 3.

¹⁷ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 17. Wasil Kudryk's personal papers.

fact that parishioners had a say in the administration of church property made them eligible to decide matters of policy and even to approve or disapprove the actions of their priests. Married priests in the hierarchy of the Ukrainian Greek Catholics were a direct threat to the interests of the Roman Catholic bishops in Canada and the United States, who enforced a policy of strict clerical celibacy. Minding this fact, the Sacred Congregation for the Propagation of the Faith of the Oriental Rites in Rome issued a decree forbidding married priests to serve in America. As only 3 percent of the Ukrainian priests in Galicia at the time were celibate, the restriction made it extremely difficult for the Greek Catholic Church to provide priests for the growing Ukrainian population in North America¹⁸.

The inability of the Greek Catholic Church in Galicia to provide Ukrainian settlers with the familiar figure of the married priest, helped strengthen the autonomous current among the rapidly growing Ukrainian population of the West. All the attempts of Rome to send celibate priests to serve in the Ukrainian population of the Prairies were viewed as attempts to "Latinize" the Greek Catholic Church, which Galicians equated with historical attempts at Polish domination. What were viewed as insulting actions by the Roman Catholic bishops finally resulted in the increased flow of Greek Catholics into the Russian Orthodox fold. Orthodox Bukovinians, while they had been neglected by the Orthodox Church in Bukovina, also began to follow the same pattern. There were several reasons why Greek Catholic Galicians and Orthodox Bukovenians began to shift their allegiance to the Russian church. First of all, the Russian Orthodox Church had a jurisdictional monopoly over orthodoxy in North America, which meant that Slavs would always dominate the hierarchy. Secondly, the Russian church used the Old Church Slavonic language and the same type of mass that the settlers had known in Galicia and Bukovina, which made the transition for them relatively easy. Equally important for the Ukrainian pioneers was the fact that the Russian Church did not require its parishes to incorporate under a common charter, and this freedom appealed to the increasing sense of self-reliance among the settlers. Furthermore, since the Holy Synod of St. Petersburg subsidized the Church in North America, parishioners were very glad to receive a financial help in building churches and supporting their religious needs¹⁹.

However, this successful attempt in attracting pioneers into the Russian Orthodox Church were undermined by the activity of a particular Orthodox sect that was trying to take advantage of the religious vacuum among the Ukrainians. This sect was known as the "All-Russian Patriarchal Orthodox Church", or more popularly as "Seraphimian Church," after the name of its founder and leader, bishop Seraphim. Shortly after arriving in Winnipeg in 1903, bishop Seraphim realized that his authority was not questioned by illiterate pioneers, and he quickly ordained fifty priests and a number of deacons. Because these "priests" had no competition from other denominations, the new church spread out quickly and within two year served about 55,000 to 60,000 communicants. However, the bogus nature of the church and its leader quickly revealed itself. Built

¹⁸ Yuzyk 1981, 41.

¹⁹ Yuzyk 1981, 47. By explaining this, Paul Yuzyk also argues that propaganda of that time encouraged Greek Catholics to leave the "forced Union" and revert to the "original Orthodoxy". This also matches with the information recorded in Fred Hawryluk's memoirs, in which he states that some literate people argued that all Ukrainians had been Orthodox at one time; the Orthodox Church was the church of their ancestors, and that the union was forced upon them by the Poles. Hawryluk 1978, 16.

of boards, boxes and cardboard, and decorated with primitive icons and crosses, the churches were a ridiculous and embarrassing sight instead of a symbol of pride. Seeing this, some priests advised Seraphim to take a trip to St. Petersburg and seek the support of the Holy Synod.

Shortly after the departure of their leader, three clergymen, Cyril Genik, John Bodrug and John Negrych, took advantage of the situation and founded the Independent Greek Church. In order to finance the new institution, they made a secret arrangement with the Presbyterian Church of Canada to adopt certain Protestant teachings. The new Church received the name of Independent Greek Church in English, and Ruthenian Orthodox Independent Church in the Ukrainian language. It is worth mentioning that under Protestant influence, the Church was to be Orthodox in form and Presbyterian in spirit²⁰. It did not take too long for this hidden Protestant nature to reveal itself, as the clergymen were instructed to adopt Presbyterian practices. The mass abandonment of the church by the parishioners was a symbol of the protest against the "Anglicization" of their religion.

The case of the Independent Greek Church shows the vital importance of religion to the Ukrainian pioneers. It was obvious that the settlers were in desperate need of a church that they could call their own; a church that would be governed by Ukrainians and corresponded not only with the interests of the Ukrainian community, but also with the realities of their everyday life in Canada.

These realities opened the way for the formation of a new Ukrainian Canadian intelligentsia. These people still kept memories of the "Old Country" and were carriers of the Ukrainian language, culture and traditions. On the other hand, they moved to Canada early enough to realize strong social and political ties with their adopted homeland. This intelligentsia consisted almost exclusively of teachers in the public schools helped to provide bilingual education, since a measure of bilingual education was tolerated in Manitoba between 1897 and 1916²¹. Once this measure was abolished, Ukrainian teachers became more heavily involved in community organizing. They became the mainstay of the Ukrainian literature, culture, language and traditions. Their work went far beyond the classroom, establishing libraries and building community halls. For unschooled farmers and labourers these teachers became guides in the unfamiliar world of Canadian laws, and mediators between the community and the government.

In order to carry out their work more effectively, Ukrainian teachers soon organized themselves and began to meet regularly. Their first convention was called in July 1907 in Winnipeg and brought into existence "The Ukrainian Teachers' Association of Canada"²². It is important to mention some of them, who later would become leaders of the Ukrainian Orthodox Church of Canada. Among the initiators and the most active members were Jaroslaw W. Arsenych, Taras D. Ferley, O. M. Hyhavy, Wasil Kudryk, Orest Zerebko, Fedor T. Hawryluk, Wasil Chumer, D. Yakimischak and Theodore Safanik²³. Three years after the establishment of the association, the teachers' union began

²⁰ Hawryluk 1978, 16.

²¹ Bilingual education system here means an education in English as a first language and Ukrainian as a second language.

²² Yuzyk 1981, 58. The author states that by the time the Association was created, there were approximately 250 teachers.

²³ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's booklet with notes.

to publish a newspaper entitled *Ukrainskyi Holos* (Ukrainian Voice). On 16 March 1910 the first issue of the newspaper appeared with a masthead proclaiming "In education and union lies our strength". Pages of this newspaper became a battleground for the young Ukrainian intelligentsia in the formation of their national church. In one of the issues editor Wasyl Kudryk condemned the activity of French Canadian bishops among Ukrainian settlers as an attempt to bring Greek Catholics under the complete control of Rome²⁴. He also discussed the Orthodox origins of the Uniate Church, and the necessity of returning to its Orthodox roots:

...the Union was forced on us by Poles. It is the Orthodox faith that we got from our forefathers. It is the very centre of our Ukrainian culture, language and traditions. It is vitally important to recognize and realize this²⁵.

This situation got even worse in September of 1912 with the nomination of Nicetas Budka as the first Greek Catholic bishop for Canada. Bishop Budka did not really understand the need of the Ukrainian community for an independent national church. By contrast, he implemented a policy of "Latinization" of the Greek Catholic church, which caused hostility and suspicion towards him and Catholicism. Fred Hawryluk states in his memoirs:

The demand for Episcopal incorporation alarmed our people and our community was strongly opposed to any transfer but there did not seem to be any alternative at that time... Bishop Budka's demands included not only that church property should be registered in his name but also that all national institutions be placed under his control. He threatened with anathema or excommunication all who would resist these requirements. This unyielding attitude of the bishop forced our people to search for some solution for their problems which would be beyond his control. The one possible answer was the Ukrainian Orthodox Church but the road to its establishment was also beset by thorns²⁶.

The alienation of church lands by the bishop was one of the main concerns of the Ukrainian community in Canada. Fred Hawryluk continues:

...the appointment of Bishop Mykyta Budka with the title of Patrae. This was in keeping with the ancient tradition in the bestowal of church titles but, in this case, it was especially significant. Though the bishop was to be active in Canada, his appointment was for ancient Patrae. Even his title indicated that he was not given a free hand for he was not a Canadian bishop but a bishop of Patrae. Before his appointment, Roman Catholic bishops had decreed in advance the subjection of the Greek Catholic community with the so-called Episcopal incorporation. He was directed under its provisions to force Greek Catholics to assign church property to the bishop's corporation which, in plain terms, all comes to assignment to Rome²⁷.

Gradually *Ukrainian Holos* developed a more pro-Orthodox orientation as an increasing number of viewpoints on the religious question were expressed by various segments of the community. However, it is important to mention that by shifting its preferences towards Orthodoxy, the Ukrainian intelligentsia did not intend to accept Russian Orthodoxy. Wasil Kudryk states in his memoirs:

²⁴ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's booklet with notes.

²⁵ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's booklet with notes. Wasil Kudryk used the example of the Union of Brest to prove Orthodox origin of the Uniate Church.

²⁶ Hawryluk 1978, 17-18.

²⁷ Hawryluk 1978, 17-18.

Catholicism is as alien to us as is Muscovite Orthodoxy...when we have in mind "Orthodoxy" then it is such an Orthodoxy which should be our own national one, and not Muscovite or any other kind...In Catholicism, as in Russian Orthodoxy, Ukrainian patriotism is not compatible. The one and the other desire to make of a Ukrainian a servile slave, not a patriot; not even a man, but only a blind tool of their own interests²⁸.

Clearly, the movement towards the creation of an autonomous Ukrainian Orthodox church was gaining momentum. The abolition of the bilingual school system accelerated the process, as the Ukrainian teachers and intellectuals devoted their efforts to establishing *bursa* (residential schools) like the ones they had known in the "Old Country". The St. Petro Mohyla Bursa was one of the most prominent. Named after the seventeenth century Orthodox leader and educator, this bursa was officially opened in the fall of 1916 in Saskatoon, Saskatchewan. The student body was quite diverse and included, under the rectorship of Wasyl Swystun, twenty-three Greek Catholics, six Protestants, four Orthodox and two Roman Catholics. This situation disturbed Bishop Budka, as he disapproved of the interdenominational character of the Mohyla Bursa and argued that it would only lead to religious indifference followed by the wholesale rejection of religion²⁹. This only aggravated relations between the bishop and the intelligentsia and spurred an even more violent struggle between them on the pages of the newspapers³⁰.

This struggle continued for several years and by the end of 1917 members of the intelligentsia recognized the necessity of establishing a Ukrainian National Church. This church did not come into existence as an institute *per se*, but was an important step that marked the beginning of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada. It is important to mention the Ukrainian Greek Orthodox Brotherhood as an intermediate institution on the way to the creation of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada. The brotherhood came into existence after a secret meeting on 18-19 July 1918 in Saskatoon and its main goal was to conduct all the church activities until the legal election of a bishop, in conformity with the Eastern Orthodox Church. The presidium of the brotherhood consisted of Wasyl Hawrysh, Michael Stechishin and Peter Shwydky for Saskatchewan; Tymko Goshko, Peter Svarich and Andrew Shandro for Alberta; and Alexander Sylych, J. W. Arsenych and W. Minaychuk for Manitoba³¹.

Now that the decision to establish the Ukrainian Orthodox Church had been made, the immediate problem was to obtain a bishop and priests. This issue took several years to be solved. At first, the Church's Brotherhood tried to have Archbishop Alexander of the Russian Orthodox Mission take the Church under his temporary care as Bishop, but he declined this offer. The brotherhood continued the search and eventually found Metropolitan Germanos (Shehadi), who was the Metropolitan of the Antiochian Orthodox Christian Archdiocese of North America. He led the Church for the next 5 years (1919–1924). Following Metropolitan Germanos' leadership, Archbishop John (Ioan) (Theodorovych) became the Church's Primate.

The nomination of bishops and the formation of the church's hierarchy were only some of the questions that remained to be resolved. But the main problem was solved;

²⁸ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's Manuscripts and Notes.

²⁹ Yuzyk 1981, 68.

³⁰ Bishop Budka was advocating through *Kanadyiskyi Rusyn*. The intelligentsia spoke through *Ukrainian Voice*.

³¹ LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's Manuscripts and Notes.

the Ukrainian community in Canada was granted its own nation-based church that represented the interests of the Ukrainian people in Canada and was the stronghold of Ukrainian language, culture and traditions. This can be illustrated by the speech that Wasil Kudryk gave to the students of the Institute of St. Peter Mohyla, Saskatoon, on March 18 19149. The speech was entitled *Basis of Ukrainian Ideology* and consisted of several parts; one of them was devoted to the Ukrainian and Canadians identity:

Українство и Канадійство — се дні цілком окремі справи: Українство, се світ культури, а Канадійство світ політичний. Українець, се член Українського Народу, як великої культурної родини, а Канадїец, се член політичного загалу. Україство, се культурна якість самага чоловіка, а Канадійство, се лише політична, чи державна приналежність.

Ukrainian identity and Canadian identity coexist but in separate terms. Ukrainian identity is a matter of culture. And Canadian identity is a political matter. The Ukrainian is a member of the Ukrainian nation, as a great cultural motherland, and Canadian is a member of a political community. Ukrainian identity is an essence of the cultural identity of the person, whereas Canadian identity is a matter of political and state belonging³².

The speech noted that, even though Ukrainian settlers had left their homeland, they managed to keep their national identity, traditions, culture and language. On the other hand, it showed how a community of Ukrainian peasants and labourers grew into a socially conscious segment of Canadian society. Nowadays, it is almost impossible to imagine Canada without this major ethnic group, as they shaped the outlook of the Canadian West.

The Ukrainian community in Canada faced a lot of difficulty on its way towards the formation of a nation-based church. It was courted by Catholics and Protestants; its strength was challenged by Russian missionaries in North America. However, in the light of the growing national consciousness combined with the democratic ideals of their adopted homeland, it was almost inevitable that an independent national Orthodox Church would arise among Ukrainians in Canada. The creation of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada was vitally important as it moulded the community of settlers, previously identified as Galicians, Ruthenians, Bukovenians, Austrians, Russians and, occasionally, as Poles into self-respecting and progressively minded Ukrainians.

BIBLIOGRAPHY

Dafoe J. W. 1931: *Cliford Sifton in Relations to His Times*. Toronto.

Darcovich W. and Yuzyk P. 1980: *A statistical compendium on the Ukrainians in Canada, 1891–1976*. Ottawa.

Hawryluk F. T. 1978: *Early History of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada: from 1898 to 1918*.

Hryniuk S. M. and Luciuk L. 1991: *Canada's Ukrainians: negotiating and identity*. Toronto.

Hryniuk S. M. and Luciuk L. 1993: *Multiculturalism and Ukrainian Canadians: Identity, Homeland Ties, and the Community's Future*. Toronto.

Isajiw W. W. 1992: *The Refugee Experience: Ukrainian Displaced Persons after World War II*. Edmonton.

Luciuk L. Y. 2000: *Searching for Place: Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory*. Toronto.

³² LAC. MG30 D212. Vol. 1. File 7. Wasil Kudryk's Manuscripts and Notes.

Kukushkin V. 2003: Ukrainian Immigration from the Russian Empire to Canada: A Reappraisal // JUS. 28, 1–32.

Kukushkin V. 2007: From peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal.

Simpson G. W. 1941: Ukraine: An Atlas of Its History and Geography. Toronto.

Trosky O. S. 1968: The Ukrainian Greek Orthodox Church in Canada. Winnipeg.

Yuzuk P. 1953: The Ukrainians in Manitoba: A Social History. Toronto.

Yuzuk P. 1967: Ukrainian Canadians: Their Place and Role in Canadian Life. Toronto.

Yuzuk P. 1981: The Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada, 1918–1951.

СОХРАНЯЯ ВЕРУ: УКРАИНСКИЕ ИММИГРАНТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ГРЕКО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАНАДЫ

О. А. Дроздова

В статье предпринимается попытка проанализировать религиозный вакуум в украинской диаспоре Канады конца XIX в. Автор приходит к выводу, что отсутствие религиозного института активизировало духовную и культурную жизнь в среде украинских иммигрантов, что в свою очередь привело к формированию Украинской греко-православной церкви Канады.

Ключевые слова: Украина, Канада, Россия, католическая церковь, православная церковь

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2013

А. А. Нисковский, М. И. Козлова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОМИ КРАЯ): КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

В статье проводится анализ проблематики социалистической индустриализации в рамках регионального дискурса. Выделены общие и частные черты социально-экономических и социально-политических процессов 1920–1940-х гг. на территории Республики Коми как регионального субъекта по отношению к СССР. Делается вывод о наличии конфликта интересов федеральной и местной властей по вопросам модернизации региона.

Ключевые слова: локальная история, индустриализация, социально-экономические и социально-политические процессы, конфликт интересов, ГУЛАГ

Социокультурные трансформации в XX в. способствовали возникновению кризисных ситуаций. Одним из переломных моментов отечественной истории можно считать период 1920–1940-х гг., когда появилась необходимость воссоздавать разрушенное войнами народное хозяйство и выстраивать отношения с Западом. При этом одним из главных пунктов экономической программы советских чиновников оказалось создание и развитие промышленности в регионах, что в дальнейшем послужило импульсом к комплексным переменам в экономике СССР.

С точки зрения отечественной историографии, Коми край был одним из периферийных регионов, на которые оказал влияние общесоюзный процесс индустриализации (см. примечание 1). В послереволюционный период в этом регионе промышленность не развивалась, что привело к дефициту промышленного пролетариата, являвшегося главной социальной опорой большевиков и сильному влиянию крестьянской партии эсеров. Очевидно, что пришедшее в область с советской властью местное партийное руководство в лице коммунистической партии считало своими основными задачами развитие края как в политическом, так и в социально-экономическом аспектах с учетом интересов Коми региона.

Нисковский Антон Анатольевич — младший научный сотрудник Коми НЦ УрО РАН сектора Отечественной истории ИЯЛИ. E-mail: vanryu@yandex.ru

Козлова Мария Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета. E-mail: drowing-psyche@yandex.ru

В 1920-е гг. наметился переход к новому этапу формирования общественной поддержки большевиков в Коми крае. Регион, менее пострадавший от войн и экономической разрухи, стал выгодным местом для заселения специалистов из других областей для освоения новых, экономически перспективных территорий и развития народного хозяйства страны. В это время активно велись геологоразведочные работы, в регионе планировалось также создать полный цикл обработки лесной продукции: лесозаготовка, деревообработка, лесохимия.

Первым опытом построения стратегической программы промышленного развития этого региона стали решения 1-го (январь 1922 г.) и 2-го (1922 г.) Коми областных съездов Советов. Они определили основные задачи и направления работы на будущее: лесозаготовки как финансовая база для развития новых отраслей — лесопереработки, освоения геологических богатств края. В то же время планировалось сохранить традиционные местные отрасли — замшевое производство, металлургию и другие.

На 6-м областном съезде Советов (20–27 марта 1927 г.) руководство области вынесло решение, по которому предполагалось максимальное выделение средств из областного бюджета на промышленность (прежде всего лесодобывающую и лесоперерабатывающую), получение дотационных средств из госбюджета для усиления ее планового развития, начало всестороннего изучения состояния существующих промышленных предприятий и их перспектив (Кажим, Ньючим, Серегово). Помимо этого были приняты резолюции по новым отраслям и предприятиям: «...ускорить проектирование и экономическое обоснование постройки механизированного завода по разработке точильного камня; ...изучить вопрос о возможности строительства лесохимического завода; ...разрешить проблему строительства Вымского комбината (районной ГЭС, целлюлозного завода, лесозавода, бумажного и других)»¹. От Областного исполнительного комитета требовалось добиться включения этих объектов в 15-летний генеральный план капитального строительства, разрабатываемый ВСНХ и Госпланом РСФСР и СССР. В то же время под давлением партийных органов оговаривалась необходимость выделения средств на изыскания нефти в Ухтинском нефтеносном районе и включения их в общий план геологоразведочных работ по СССР на 1927–1928 гг.

В декабре 1928 г. генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. В. Сталин одобрил проект первого пятилетнего плана развития Коми края. План предусматривал возрастание удельного веса промышленной продукции в общем объеме производства с 39 до 62 %. В первую очередь должно было начаться комплексное изучение и разработка месторождений угля и нефти в Печорском регионе, а также ускоренное автодорожное строительство и прокладка железной дороги², что противоречило интенциям местных чиновников. ЦК ВКП (б) главной промышленной составляющей Коми края считал добывающую промышленность, а местная власть опиралась на развитие лесной индустрии.

Осуществление программы индустриализации без экстремальных мер было невозможно. Промышленный потенциал области был незначительным. В 1928 г. в Коми крае было всего шесть фабрично-заводских предприятий, в том числе одно

¹ 6-й областной съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области 1927, 193–194.

² История Коми АССР 1981, 223.

деревообрабатывающее — небольшой лесопильный завод в Усть-Сысольске, пущенный в 1926 г. Общее число промышленных рабочих немногим превышало 500 человек. Транспортная система не была развита. Трудовые ресурсы области не обеспечивали выполнение намеченных планов. По переписи населения 1926 г., на территории республики проживало 225 000 человек, из них городского населения только 10 000 человек³. Поэтому, несмотря на категорические протесты областных съездов Советов и Коми облизполкома, 14 января 1929 г. СНК РСФСР принял постановление о включении области в состав Северного края. Все указания ЦК партии, ВЦИК и правительства с этого времени носили обязательный характер и не подлежали несанкционированному обсуждению, что объяснялось изменением внутривластной обстановки в стране. Этим объясняется то, что председатель Коми облизполкома В.П. Юркин, выступая на 7-м областном съезде Советов, состоявшемся в марте 1929 г., назвал решение о включении области в состав Северного края правильным и единственно верным. Но им были озвучены и причины для сохранения самостоятельности Коми края: обширность области, оторванность от центра в Архангельске, развитие в будущем угольно-нефтяной промышленности (что, несомненно, было направлено в адрес верховной власти страны), которое могло стать в будущем основой для полной экономической самостоятельности; национальный фактор⁴.

В 1929 г. в область намечалось вложить 36 000 000 рублей, а ведущей отраслью считалась лесная промышленность во главе с целлюлозно-бумажным комбинатом. Однако в официальном сообщении говорилось: «... пущен Усть-Усинский консервный завод и Сереговский курорт ... Начато строительство Усть-Сысольского терпентинного завода ... продолжается строительство ... Визингской гидроэлектростанции. Развернуты широкие геологические изыскания ... начата опытная разработка нефти, радия и угля»⁵. Нам кажется, что данный факт отражает политическую конъюнктуру того периода, достаточно типичен и обнаруживает доминирование интересов центральной власти над планами регионов. В то же время претворение в жизнь интенций советских чиновников сопровождалось известными поправками локального уровня, как то: выбор места возведения того или иного объекта, использование части ресурсов и продукции новых отраслей промышленности для местных нужд и т.д.

В 1930-е–1950-е гг. в Коми АССР располагались крупные лагеря НКВД, которые руками заключенных осуществляли промышленное освоение природных богатств республики и всего Европейского Севера страны. Использовались они практически во всех видах производства, но прежде всего в горнодобывающей промышленности и дорожном строительстве, требовавших массового привлечения рабочей силы. В одном из самых крупных лагерей ГУЛАГа в Коми — Ухто-Печорском исправительно-трудовом лагере — за годы его существования (1932–1938) находилось общей сложностью 179900 человек, и это не считая другие ИТЛ⁶. Другими трудовыми кадрами индустриализации, ставшими важным

³ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Р-140. Оп. 1. Д. 1623. Л. 2.

⁴ ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 2306. Л. 2, 15.

⁵ ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 2306. Л. 34–35.

⁶ Погачев, <http://www.finnougr.ru/life/index.php?ID=1684>

компонентом формирования этнодемографической структуры населения региона, так же как и заключенные ИТЛ, являлись высланные крестьяне. В Коми области к 1931 г. численность спецпереселенцев — бывших «кулаков» — составила 40325 человек⁷. Они трудились в основном в лесной отрасли народного хозяйства. Впоследствии И. Г. Коюшев вспоминал, что поставленная правительством задача создания социальной базы советской власти из рабочих, занятых на новых строительных работах, в принципе не могла быть решена, так как «...к нам привезли тысячи раскулаченных отовсюду, мы для них построили поселки и передали Комилесу, как постоянный кадр. Но эти вновь испеченные «рабочие» люто ненавидят нас и не могут быть опорой партии и советам... Для освоения Печоры завозятся тысячи заключенных, тоже «рабочие», ... их тоже нельзя считать нашей социальной опорой»⁸.

На 9-м областном съезде Советов (1–6 февраля 1931 г.), в год 10-летия создания Коми автономии, президиум ВЦИК принял специальное юбилейное постановление по докладу ОИК об итогах советского, хозяйственного и культурного строительства за 10 лет ее существования. Главными достижениями были названы выполнение основной хозяйственно-политической задачи — развитие лесной промышленности и усиление лесозаготовок, рост лесозаготовок в 6 раз с 726 000 кубических метров в 1913 г. до 4 442 000 в 1930–1931 гг., а также изучение природных богатств, позволившее поставить практически вопрос о широкой эксплуатации угольных и нефтяных месторождений. В качестве главных недочетов назывались недостаточная механизация лесозаготовок, медленная подготовка кадров квалифицированных рабочих из коренного населения. Если исходить из сложившихся в тот период тенденций промышленного развития региона, определявшихся как центральной, так и локальной властями, основными направлениями экономической модернизации области выступали лесное хозяйство (главная отрасль области по версии местных управленцев), каменноугольная и нефтяная индустрии⁹.

27 марта 1932 г. вышло постановление Совета Труда и Обороне «О развитии каменноугольной промышленности в районе бассейна р. Печоры», в котором говорилось следующее: «Признать, что произведенные геолого-разведочные работы по углю в Печорском бассейне определяют наличие значительных запасов каменноугольных месторождений промышленного значения... Считать, что развитие каменноугольной промышленности Печорского бассейна должно проводиться в комплексе с развитием производительных сил Печорского района, в котором транспортное строительство (водное и железнодорожное) является решающим звеном»¹⁰. А 13 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б) принимает постановление «Об организации Ухто-Печорского треста», который, по сути, стал официальным юридическим лицом Ухтпечлага. На него была возложена реализация программы по развитию северных районов Коми АССР¹¹. Показательно, что в результате этих

⁷ Игнатова, http://pokayanie-komi.narod.ru/ignatova_osuschestvlenie

⁸ ГУ РК «НА РК». П-392. Оп. 2. Д. 63. Л. 51.

⁹ ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 2306. Л. 126–128.

¹⁰ ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 1571. Л. 402–404.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 3. Д. 906. Л. 40–44.

мер правительство республики было фактически устранено от активного участия в управлении огромной части собственной территории.

Коми область постепенно выходила на уровень передовых промышленных районов СССР. В 1931–1934 гг. в строительство области было вложено 135 000 000 руб. Валовая продукция народного хозяйства выросла с 78 000 000 до 105 000 000 руб., в том числе валовый объем промышленности вырос с 47 000 000 до 66 000 000 руб.¹². Данное положение объясняется тем, что ввиду происходивших в стране модернизационных процессов и под воздействием центральной власти с начала 1930-х гг. руководство Коми АО стало уделять внимание не только лесозаготовке, но и развитию других отраслей (добыча и переработка угля, нефти, железных руд, торфа, сланцев и прочее), расширению геолого-разведывательных работ. Это нашло отражение в выступлениях делегатов и решениях 10-го областного съезда Советов, проходившего 23–30 декабря 1934 г.¹³

В начале 1934 г. на 17-м съезде ВКП (б) председателем Госплана, заместителем председателя СНК и СТО В.В. Куйбышевым был поднят вопрос региональной политики индустриализации, в которой «...одной из крупнейших проблем Северного края... является развитие угольных и нефтяных месторождений бассейна р. Печоры, что позволит обеспечить высококалорийным топливом Северный флот, промышленность Мурманского округа и Северного края»¹⁴. Кроме того, в июне 1935 г. у деревни Крутой, которая располагалась близ поселка Чибью, забил «мощный газовый фонтан», ознаменовавший собой открытие первого в стране крупного месторождения газа¹⁵, что в дальнейшем послужило отправной точкой развития этого вида промышленности в Коми крае.

5 декабря 1936 г. 8-й Всесоюзный Чрезвычайный съезд советов утвердил Конституцию СССР, которая, в свою очередь, определила новый статус Коми региона как автономной советской социалистической республики. Это событие стало естественным итогом 15-летнего экономического и культурного развития Коми края.

Форсированное развитие промышленности и сельского хозяйства стали результатами советского строительства в регионе. Однако в дальнейшем индустриальном развитии края, особенно северных его территорий, встала большая проблема — добыча леса, угля, нефти и газа постепенно налаживалась и увеличивалась, а транспортировка осуществлялась в небольших количествах, поскольку транспортная система фактически отсутствовала. В связи с этим в 1937 г. была выдвинута идея создания пенитенциарной системы железнодорожной магистрали, призванной решить вопросы ротации грузов в другие регионы. Создание железнодорожного полотна способствовало не только промышленному развитию, но и сыграло градообразующую роль для северных городов края, таких как Печора, Сосногорск, а также стимулировало развитие всех остальных городов и поселений в Коми АССР.

¹² ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 2465. Л. 6–6об.

¹³ ГУ РК «НА РК». Р-3. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

¹⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 1934, 209.

¹⁵ История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926–1941 1970, 380.

9 мая 1940 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии добычи воркуто-печорских углей»¹⁶. С открытием движения по Северо-Печорской магистрали отпадала необходимость ввозить донецкий уголь, бакинскую нефть и нефтепродукты в северные и северо-западные промышленные центры и порты Балтийского, Баренцева и Белого морей. Позднее, в связи с немецкой оккупацией Донбасса в 1941–1943 гг., дававшего 55 % добычи угля в СССР, надобность в полезных ископаемых края увеличивалась.

В годы Великой Отечественной войны уголь был стратегически важным для страны ресурсом, особенно для осажденного Ленинграда, где удельный вес печорских углей составлял от 60 до 70 %. То же самое касалось нефти. Поэтому в военный период 1941–1945 гг. первоочередными стройками в Коми крае являлись именно Северо-Печорская магистраль (в качестве связующего звена), Ухтинское нефтяное, а также Воркутинское угольное месторождения. К концу Великой Отечественной войны Печорский бассейн давал стране 3 300 000 тонн угля (2,3 % общесоюзной добычи) и был третьим по значимости угольным бассейном на европейской части Советского Союза после Донбасса и Подмосковского бассейна¹⁷.

Таким образом, нами был выявлен конфликт интересов верховной власти СССР и местных чиновников Коми края в вопросах развития промышленности региона: центральная власть ориентировалась на развитие тяжелой и добывающей промышленности, местная власть стремилась развивать лесную, местную промышленность. В результате синтеза интересов были осуществлены планы обеих сторон, а процесс индустриализации Коми края имел ряд особенностей: распределение отраслей промышленности, темпы развития, приток населения, лагерный метод освоения и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Игнатова Н. М. 2009: Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pokayanie-komi.narod.ru/ignatova_osuschestvlenie

История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926–1941. 1970: Сборник документов. Архангельск.

Савельева Э. А. (ред.) 1981: История Коми АССР. Сыктывкар.

Рогачев М. Б. 2009: ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.finnougr.ru/life/index.php?ID=1684>

Угольная промышленность СССР. 1917–1967. 1969: Сборник документов. М.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 1934: Стенографический отчет. М.

¹⁶ ГУ РК «НА РК». П-1. Оп. 2. Д. 844. Л. 20–23.

¹⁷ Угольная промышленность СССР. 1917–1967 1969, 43.

REGIONAL ASPECTS OF SOVIET INDUSTRIALIZATION: CONFLICT
OF INTERESTS (BASED ON KOMI REGION)

A. A. Niskovsky, M. I. Kozlova

The article presents the analysis of socialist industrialization issues through the context of regional discourse with the focus on general and specific properties of socially political and socially economic processes during 1920-s — 1940-s on the territory of Komi Republic, regional subject of the USSR. It was inferred that here was a conflict of interests federal and local authorities concerning region modernization.

Key words: local history, industrialization, socially economic and socially political processes, conflict of interests, GULAG

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2013

Т. Е. Абрамзон

«БИЛЕТЦЫ» И ГАДАТЕЛЬНЫЕ ДВУСТИШИЯ А. П. СУМАРОКОВА: ПАРАДИГМА ЛЮБОВНОГО ЧУВСТВА

Статья посвящена любопытному литературному и культурному феномену — гадательным двустишиям А. П. Сумарокова. Выпущенные в свет отдельной книгой любовные куплеты для галантного развлечения императорского двора Екатерины II имеют несколько особенностей, важных для понимания специфики творчества поэта и всей культуры XVIII в. В качестве материала для книги самый классический из российских авторов использует стихи из собственных трагедий, написанных ранее, что позволяет говорить о проблеме барочного отношения к слову. Отвечая потребностям куртуазной культуры двора, «Любовная гадательная книжка» Сумарокова отражает основные оттенки любовного чувства, рассмотрению которых и уделено основное внимание.

Ключевые слова: Сумароков, «билетцы», «Любовная гадательная книжка» Сумарокова, картина мира, концепция любви, поэтические формулы

А. П. Сумароков известен своей творческой универсальностью, стремлением дать образцы всех словесных жанров. Он и его современники, они же и соперники по перу, вполне осознавали, что творят российскую словесность «с нуля». Осознавали, что создают литературу с жанрами-фаворитами, такими как ода, трагедия и эпopeя, без последней литература и вовсе не могла получить статус национальной, и жанрами, вроде бы необязательными, сиюминутно востребованными, но без которых словесность вряд ли могла бы быть названа изящной.

Сумарокову удалось многое, поэтому вопросами универсализма, поэтики его трагедий и комедий, лирических открытий ученые занимаются всерьез и с удовольствием, свидетельством чему является объем библиографического указателя его творчества¹. Однако в его наследии есть литературные опыты, которые не удостоились внимания филологов ни века минувшего, ни века нынешнего: это — «билетцы» с двустишиями шутивно-любовного характера (1768?) и «Любовная гадательная книжка» (1774).

В характеристиках сумароковского творчества «билетцам» отводится несколько слов: Н. Булич, например, отнес их к «мелким стихотворениям» с пояс-

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ate71@mail.ru

¹ Мстиславская 2002, 204-280.

нением — «”билетцы” или двустишия, пригодныя для конфет»². Использовались ли сумароковские двустишия в качестве альковных предсказаниях, спрятанных в сладком угощении, для приятного времяпровождения? Возможно³. Россия, перенявшая западные светские практики, позаимствовала и светскую игру, любовную лотерею, совмещавшую сладость ухаживания и изящное дополнение ко вкусу — словесную «приправу». В одном из сумароковских билетов в качестве утешения предлагается сладкое угощение:

82 Ты мне жалок мой дружок,
Возми сахарцу кусочик⁴.

«Билетцы», всего сто шестнадцать двустиший, содержали различные варианты амурных предсказаний: от любви «доколь продлится жизнь» до «горю любя да только не тебя». Двустишия зачитывались вслух:

57 Мне завиден тот билет,
Что в твоих руках, мой свет⁵.

Толкование процитированного двустишия зависело от предыдущего, вынуждено непосредственно в момент развлечения, что подчеркивает игровой, несерьезный характер гадания. В одном из двустиший (№ 65) Сумароков оставляет место для имени, которое по своему усмотрению мог вставить играющий: «Может лишь... в том упражняться». Разносортные по метрическому рисунку, содержанию и пафосу куплеты в целом представляют любовь в ее сниженном, смеховом варианте:

73 Лутче лбом удариться об стену;
Нежели, видеть мне твою отмену.
74 Толь чувствительна моему сердцу оплеуха
Что по се время не соберу своего духа.
78 Мне кажется, твоя рожа
На любовника не схожа⁶.

Ироничные, фамильярные обращения, откровенная грубость лексики и положений, представленных двустишиями, позволяют говорить о «билетцах» как об ироничном продукте куртуазной культуры:

66 Прости, прости мой петушок,
Не иметь тебе уж сей кусок.
72 Излечить меня не могут, Ипократы, Эскулапы
С тех пор, как попался я в твои драгия лапы.
79 Возможножь, чтоб любила я тебя,
Тебе в картах краля милея меня!

На какую именно публику были рассчитаны «билетцы» с *кралями* и *петушками*, *эскулапами* и *драгими лапами*, сказать сложно. И все же стихотворные «билетцы» представляют любопытное явление светской культуры второй половины

² Булич 1854, 124.

³ Известно, что в «казарменных» тетрадах юного Г.Р. Державина есть целый ряд, подобных сумароковским двустишиям, билетов, «литературной приправы к конфетам», например: «Одна рука в меду, а в патоке другая. / Счастлива будет жизнь в весь век тебе такая» (Грот 1997, 178).

⁴ Сумароков 1787/IX, 180-199.

⁵ Сумароков 1787/ IX, 180-199.

⁶ Сумароков 1787/ IX, 180-199.

XVIII века, тем более что словесно-игровой эксперимент Сумарокова имел продолжение.

В 1774 году вышла в свет «Любовная гадательная книжка» Сумарокова. Брошюра в двадцать четыре страницы была напечатана «на кошт Кабинета Ея Императорского Величества» Екатерины II в типографии Академии Наук Санкт-Петербурга обычным для того времени тиражом 1200 экземпляров. Это количество явно не удовлетворило читательский спрос, и на свет явились переиздания сумароковской книги.

В «Известии» к книге Сумароков разъяснял ее назначение, устройство и способ использования: «Из шести моих трагедий: из хорева, из синава и трувора, из семиры, из ярополка и димизы, из вышеслава и из димитрия самозванца выбраны некоторыя любовныя стихи, для загадывания в любви ко препровождению времени, и разделены главами. А употребление онаго загадывания учреждено так: одну костку надобно бросить; так она покажет одну из шести глав: по том бросить обе костки: и что ляжет, против того числа, заглавное число стихи те укажет, которыя загадыванию отвечают. На пример: когда покажет брошенная костка число 6. так приищи шестую главу: а когда обе костки 5 и 6 покажут; так число из главных чисел покажет те стихи, которыя отвечают: и будет сей ответ:

Не вижу при тебе душе малейшей смуты:

Тобою полны все и тропки и минуты»⁷.

Об этой любопытной, явно популярной в свое время «книжке», как и о сумароковских «билетцах», критики и литературоведы предпочитают либо помянуть словом снисходительным, либо не говорить вовсе⁸. Приведем мнение С. Н. Глинки, решившего на склоне лет в 1841 году «перечитать прежних наших писателей» и начавшего с А. П. Сумарокова, в сочинения которого не заглядывал около двадцати лет. Глинка обратился к новиковскому «Полному собранию всех сочинений» А. П. Сумарокова, проштудировал его от первого тома до последнего и последовательно изложил свои соображения по поводу сочинений своего старшего современника в книге под названием «Очерки жизни и избранныя сочинения Александра Петровича Сумарокова» (1841). Комментируя состав четвертого тома новиковского издания, Глинка высказал свое возмущение размещением в нем «Любовной гадательной книжки»: «Странное дело! Вслед за «Пустынником», торопливое усердие издателя сочинений Сумарокова в десяти частях, поместило: *любовную гадательную книжку* (курсив С. Глинки. — Т. А.). Сумароков для рассеяния скуки выписывал из трагедий свои нежныя двустушия, но он и не думал, что эту невинную забаву поместят нераздельно с его драматическими произведениями»⁹.

Строго следуя жанровому принципу при составлении сумароковского собрания сочинений, Н. И. Новиков нашел для «гадательной книжки», произведения необычного жанра и единичного среди сумароковских сочинений, место подходящее. Поскольку материалом книги были цитаты из сумароковских трагедий, то расположение выглядит вполне уместным: после самих трагедий размещены стихи из них. Недоумение же Глинки и его упрек издателю показательны: чувства

⁷ Сумароков 1774, 3.

⁸ Хмыров 1905, 31; Лонгинов 1871a, 1637–1717; 1871b, 1956–1960; Пыпин 1899/ III, 463.

⁹ Глинка 1841, XXXII–XXXIII.

писателя оскорблены тем, что драматические произведения, принесшие славу Сумарокову и составляющие ценность русской литературы, оказались в одном томе с безделкой, которая и рядом не может находиться с «высокими» трагедиями «северного Расина».

Однако «Любовная гадательная книжка» заслуживает внимания по многим причинам. Обратимся лишь к одной из ее сторон — парадигме любовного чувства, представленной в «книжке». Гадательная книжка — «высокий» вариант любовных *билетцев*, «высокость» которого во многом обеспечена целомудрием положений и общим для всех предсказаний александрийским стихом сумароковских трагедий (шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы).

Сумароков создает книжку из нюансов любовного переживания, найденных и сформулированных им вариантов и перипетий куртуазных отношений. Он «разбирает» на двустушия тексты своих трагедий и «собирает» новый текст — с иной функцией и с иной структурой. Совершая этот инженерный акт, Сумароков не волнуется о разрушении прежних смыслов, смыслов высокой трагедии: слова и рифмы оказываются строительным материалом многоразового использования, что свидетельствует об особом отношении к слову, о понимании слова как конвенционального знака.

В новой комбинации сумароковские двустушия образуют «грамматику любви», в которой представлены разнообразные версии любовного чувства, подчиняющиеся особой логике чувства и правилам куртуазных отношений. Варианты любовного чувства отдаются в распоряжение случая, то есть брошенных на удачу «косток». И по замыслу автора предполагалось, что игральные «кости» бросают не единожды. Получается, что ответ на вопрос гадающего о любви — всего лишь один вариант из потенциального множества. Галантная игра в любовь включает 126-ть возможных предсказаний, однако многообразие подчиняется закономерностям любви, знатоком которых мыслил себя Сумароков. Начнем с главного.

Основной вопрос гадания «любит или не любит» чаще всего решается в пользу «любит» (*любовь взаимная vs любовь безответная*). Двустуший о безответной любви, повергающей героя в невероятные мучения, немного: «Несносно, коль любить; и ах! не быть любиму» (II, 5)¹⁰. Большая часть предсказаний описывают чувства взаимные, однако сулящие отнюдь не меньше терзаний, чем любовь безответная:

Равно несносное страдание терплю:

Я мил тебе; но ах! не меньше я люблю (III, 19).

Любовный жар приносит любовникам¹¹ скорбь и мучение (III, 11; III, 12; V, 7), плачь и тоску (III, 14; IV, 10), «я» и «ты» пребывают в бедствиях и напастях (III, 15; III, 16), в стенанье и грусти (IV, 5; IV, 6; V, 1). Наихудшее любовное положение, выделяющееся среди описаний сердечных мук, когда взаимность чувств не имеет возможности воплотиться в сладостях любви:

Стократно зляй всево, в любви взаимной тлеть,

И в сладостях ея надежды не иметь (II, 6).

¹⁰ Здесь и далее цитаты из «Любовной гадательной книжки» Сумарокова приводятся без указания страниц по след. изд.: (Сумароков 1774). В скобках после стихов римская цифра означает номер главы, арабская — номер двустушия.

¹¹ Здесь и далее слово «любовники» употребляется в значении XVIII века, т.е. «влюбленные».

Любовь счастливая, взаимная (III, 17; IV, 12), с радостями встреч также присутствует в парадигме чувств, однако таких двустий на порядок меньше (V, 15; V, 16). Сумароков отдает явное предпочтение сердечным горестям, нежели любовным радостям и утехам (*любовь-мучение vs любовь-веселие*).

Любовная страсть предстает стихийной силой, с которой герои борются (*преодоление любви и подчинение судьбе vs преодоление судьбы и подчинение любви*). Причины этой борьбы остаются за пределами внимания автора, в кадре двух стихов — желание «я» справиться с чувством. Однако, как бы герой ни «вооружался», любовь побеждает (I, 3): «И, истребляя страсть, я страсть мою питаю» (II, 9); «Но силы нет сея преодолети страсти» (V, 12). Противоборство чувства и разума подчинено особой любовной логике: чем упорнее сопротивляюсь чувству, тем сильнее люблю. По большей части борьба героя со страстью заканчивается победой чувства (V, 11; V, 19; V, 21). Второй вариант, когда герой «противляется отраве нежных дум» (II, 18), у него хватает сил «противиться любви легко» (II, 20), в количественном отношении уступает первому.

В свою очередь любовь подвластна судьбе, року, поэтому некоторые двустия велят влюбленным покориться более могущественной силе: если судьба «претит <...> любить», то необходимо избавиться от любовных мыслей (I, 5). Рок властвует над чувствами влюбленных, по его воле случается или не случается взаимная любовь (I, 11). Герои упрекают любовь в том, что без согласия с судьбой она «вселилась» в их сердца и стала любовью несчастною (II, 2). Двустий может предвещать отречение от любви, когда «я» решает покориться «злой части и судьбине» (V, 14), либо схватку с предначертанной участью, когда любовники дерзко заявляют, что ничто и «никакой судьбою» не разлучит их друг с другом и их любовь будет длиться вечно (VI, 11; VI, 16).

Прежде чем перейти к рассмотрению специфики времени «нежных» стихов (*любовь «навсегда» vs любовь «никогда»*), необходимо отметить, что двустия эти — материал игры, случая. Если говорить о гадательной практике, то время начинается в момент гадания: время гадания, то есть момент непосредственного чтения двустия, становится точкой отсчета. Это не просто будущее или прошлое героев, это будущее или прошлое гадающего относительно момента гадания.

В самих же гадательных двустиях действует время особое, точнее вневременье. В тексте нет каких-либо привязок к определенной исторической эпохе (кроме речевых и стилевых). Любовные перипетии и контрверзы, надежды оправданные и напрасные, муки сладостные и невыносимые происходят во времени условном, выключенном из истории. Здесь свои начала и финалы, точки отсчета и протяженность времени. Это время условное, замкнутое в переживании любви, время на двоих и для двоих.

О событиях в прошлом герои говорят немного: если оно и предстает в стихах, то как свершившийся факт, актуальный для настоящего момента. Если любовь и достоинства возлюбленной «зажгли» всю кровь любовника (I, 1), то прошлое является настоящим, он любит и сейчас. Событие в прошлом проецируется на экран настоящего времени, оно законсервировано, и проекция на момент гадания делает его настоящим. Любовь, которая «вселилась в сердца» (II, 2), там и остается. Чем больше герой «побеждал» страстные мысли, тем больше «возбуждал»

страсть сердца (V, 11), что означает, что любовь длится и по сей день. Или если уж героиня «рожденна» лютой львицею (I, 18), то есть не отвечала на чувства героя, значит, и в данную минуту он не добился взаимности.

Редкость для гадательной книжки, чтобы в двух стихах была рассказана «история любви», *что было и что стало*, где прошлое и настоящее любовных взаимоотношений не совпадают:

Ты долго был любим, а я была твоею:

Теперь уже не то намеренье имею. (IV, 15)

По решению героини взаимная любовь прервана: длившаяся «долго» любовь «теперь» героине не нужна. «Теперь» подчеркивает изменившиеся обстоятельства, сравнивает настоящее с предшествующим моментом и ситуацией:

Ты быв любовницей мне стала дикий зверь;

Терзай неверная, терзай меня *теперь* (V, 2).

Противен я тебе: любил тебя напрасно:

Что я обманут был, *теперь* то вижу ясно (VI, 5).

Настоящее и будущее — вот что актуально для влюбленных, ориентированных на то, что есть, что будет и чем сердце успокоится, но не на том, что было. Большинство предсказаний говорят о текущем моменте, о чувствах, испытываемых любовниками сейчас: желаю любви и стыжусь ее (I, 13), не плачь и не сетуй на несчастную любовь (I, 17), любви не имею (I, 21), я тебя люблю (II, 3, 11), любовь терзает (III, 2), весь ум наполнен ею (IV, 11), тобой живу, дышу, тобою украшаюсь (VI, 9), тобой блаженствую, тобою утешаюсь (VI, 9). Эти примеры можно умножить, потому что любовная книга настроена на переживание вечного чувства в его сиюминутном трепете.

Для любовного гадания, вообще для любовного континуума, актуальным является и время будущее. Время гадательных двустихий направлено из настоящего в будущее. Один из видов любовной риторики, обещания вечной любви, разнообразно представлены в сумароковской книге. Герои клянутся любить друг друга, помнить, принадлежать друг другу, либо не любить никогда. В этой абсолютной любви полумеры и получувства невозможны, поэтому любовное чувство живет между «всегда» и «никогда»: «всегда» глаза любовницы давали надежду на любовь (I, 2). Если уж рвет герой любовные узы, то «навсегда» (IV, 16). Героиня уверена, что другой возлюбленной, подобной ей, герой «никогда» не сыщет (II, 17). Героиня обещает никогда не забывать возлюбленного — «чтоб я когда забыла» (III, 6). Ничто и «никогда» не сможет заставить героя изменить своим обещаниям (VI, 4). И еще один любопытный пример:

Моя сплетенна часть с твоею навсегда:

Не буду без тебя спокоен никогда (II, 15).

Употребленные в одном двустихии да еще и в сильной рифменной позиции утвердительное «навсегда» и отрицательное «никогда» вписывают абсолютную любовь в абсолютное время — время, которое длится вечно, и время, которое не наступит вообще.

Вариантом любовного «всегда» являются «навек», «вовек» и «вечно». Судьба разделяет влюбленных «навек» (I, 7), они не увидят друг друга «во веки» (I, 4), героиня теряет своего возлюбленного «на век» (II, 13), радостная жизнь и покой скрываются «навек» (III, 18; VI, 3). Однако у любви вечной, в которой влю-

бленные клянутся друг другу, есть вполне земное ограничение — смерть. Смерть часто упоминается в двестишьях, она, как и кровь, входит в любовную парадигму, представленную в книге. Любовь и смерть образуют неразрывное, почти фатальное единство; первое влечет за собой второе (IV, 21): любовь-«напасть» «ко гробу приведет» (III, 16); «заплачь, когда умру, я смерти не боюсь» (V, 4).

Вечность длится до смерти героя, обещающего вплоть до последнего вздоха любить «дражайшую» и помнить ее прелести:

<...> доколе не увяну,
Тебя, дражайшая, любить не престану (II, 16).
Когда безчувствен я и бездыханен буду,
Тогда любезнейша, тогда тебя забуду (IV, 1).
Доколь я жив, тебя, драгая, не забуду,
И вечно вспоминать твои приятства буду (IV, 19).

Обещание любви до смерти — апогей любовного чувства и его выражения, формула любовной риторики. О преодолении любовью земных пределов, границы между жизнью и смертью речь не идет. Любовь небесную, за гранью человеческой жизни откроют (или сотворят) романтики, наполнив «вечно» и «на веки» подлинным значением. Для Сумарокова же, с его рациональным пониманием мира, любовь, если и вырывается из-под власти рассудка, то ее финал подчиняется видимой объективности.

Итак, в «Любовной гадательной книжке» Сумароков не открывает новых любовных положений или нюансов любовного чувства, — все они взяты им из уже напечатанных и поставленных на сцене трагедий. Он не выходит за рамки классицистического представления о любви, порождающей конфликт между страстью и рассудком, — именно об этой борьбе говорят многие двестишья. Автор не предлагает уникальных решений любовного конфликта, оставляя любовникам традиционные варианты: подчиниться страсти или совладать с нею. И все же гадательная книжка Сумарокова — вещь незаурядная. Она являет собой итог развития галантной культуры, квинтэссенцию представления о любви на 1774 год. Освобожденные от трагедийного контекста нюансы любовного переживания сложены пусть пока не в «науку о любви», но в любопытную «грамматику любви», включающую разнообразные способы чувствовать, переживать, страдать, думать о любви. Переход «нежных двестишьях» из области литературной, сценической обеспечил им более широкую сферу социокультурного бытования. Автор же добровольно выбрал свою «смерть», отказавшись от права наставлять российских любовников на путь истинный, отдав предсказания на откуп игралным «косткам», случаю, диктующему свою волю влюбленным.

ЛИТЕРАТУРА

- Булич Н. 1854: Сумароков и современная ему критика. СПб.
Глинка С. Н. 1841: Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова. СПб.
Грот Я. К. 1997: Жизнь Державина. М.
Лонгинов М. Н. 1871а: Последние годы жизни А. П. Сумарокова (1766–1777) // Русский архив. 10, 1637–1717.

Лонгинов М. Н. 18716: Последние годы жизни А. П. Сумарокова (1766–1777) // Русский архив. 11, 1956–1960.

Мстиславская Е. П. (сост.) 2002: Библиографический указатель // Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество. М.

Пытин А. Н. 1899: История русской литературы: в 4 т. Т. III. СПб.

Сумароков А. П. 1774: Любовная гадательная книжка. СПб.

Сумароков А. П. 1781: Полное собрание всех сочинений: в 10 ч. Ч. 9. СПб.

Хмыров М. Д. 1905: Очерк жизни и литературной деятельности Сумарокова // Александр Петрович Сумароков. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М.

A. P. SUMAROKOV'S 'CARDS' AND FORTUNE-TELLING DISTICH: PARADIGM OF LOVE

T. Ye. Abramzon

The paper deals with a curious literary and cultural phenomenon, namely, that of A. P. Sumarokov's fortune-telling distich. A book of love couplets that was published for genteel pastime of Catherine I court has a number of peculiarities important for the understanding of the poet's creative work and the culture of the 18th century. Sumarokov, a classic of Russian literature, uses verses from his earlier tragedies for the book, which raises the issue of baroque treatment of word. Sumarokov's "Love Fortune-Telling Book", complying with the requirements of courtly culture, reflects principal nuances of the feeling of love, which is the primary concern of the study.

Key words: Sumarokov, 'cards', "Love Fortune-Telling Book" by Sumarokov, world image, concept of love, poetic formulae

© 2013

Н. А. Тимофеев

ПРОБЛЕМА БЕЗДЕЙСТВИЯ И АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА 1886–1887 ГОДОВ

В статье анализируются рассказы А. П. Чехова 1886–1887 гг. с точки зрения проблемы активности и бездействия героев. На примере таких произведений, как «На пути», «Верочка», «Рассказ госпожи NN» показано, что на данном этапе творческого пути Чехов не видел в жизни натур с сильным характером, и поэтому он создавал образы безынициативных или метущихся людей, не сумевших добиться счастья. Предметом изображения становились их страдания и запоздалое прозрение. Однако Чехов стремился уже в эти

Тимофеев Никита Анатольевич — аспирант кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: ntimof88@mail.ru

годы проникнуть глубже в причины несчастья своих героев и вскрыть как нравственные, так и социальные предпосылки жизненных неудач своих современников.

Ключевые слова: русская литература, А.П. Чехов, проза, социально-нравственная проблематика, активный герой, образ героя

В прижизненной критике многие авторы упрекали Чехова за отсутствие некоей главной идеи, сильных характеров и общий, как им представлялось, пессимистический тон. За Чеховым, вопреки его желанию, стала закрепляться репутация «певца сумеречных настроений»¹ писателя, настроенного скептически, склонного смотреть на свою эпоху как на время замирания или даже заката. Немногие чувствовали и понимали, что именно глубоко реалистический подход Чехова к изображению действительности был причиной того, что автор, не видя в жизни людей, которые бы соответствовали его представлению о деятельных людях большой идеи и сильного характера, не мог изобразить вполне активного героя в своих произведениях.

Наблюдая и анализируя весь творческий путь Чехова, мы можем сказать, что уже с раннего творчества в рассказах Чехова появлялись как образы оригинальных, с сильным характером людей, которые, однако, по разным причинам не смогли достичь успеха или найти ясную цель в жизни, так и образы людей незаурядных, умных, тонких, которые, увы, зашли в тупик в своих поисках.

Чехов писал А.С. Суворину 12 декабря 1894 года: «Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать теперь русский человек?» Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство»².

Следовательно, именно потому, что Чехов не видел среди своих современников по-настоящему сильных натур, которые способны не на словах, а на деле изменить жизнь, сделать ее более радостной и справедливой, писатель, в сущности, редко изображал личности недюжинные, чья деятельность поистине созидательна, в то время как многим «хотелось решительных действий, героизма, «неслыханных мятежей» и перемен»³. Как справедливо заметил В.В. Ермилов, Чехов «не мог создать образ социально-активного, способного к упорной борьбе, цельного человека»⁴, отчего его произведениям присущи «настроения неуверенности, тоски, даже и тогда, когда в этих произведениях звучала мелодия завтрашнего счастья»⁵.

Вот почему, анализируя взгляд Чехова на людей, многие из современников, оценивавших творчество писателя, твердили о его пессимизме, безыдейности, аполитичности и т.п. (А.М. Скабичевский, Н.К. Михайловский и другие). Впоследствии же большинство исследователей творчества писателя, напротив, приходили к мысли о, так сказать, «историческом оптимизме» Чехова, о поисках автором таких героев, которые могли бы выражать активную жизненную позицию и прогрессивные взгляды, чья активность была бы заметна если не в поступках, то по крайней мере в образе мыслей. Эту тенденцию улавливали и писали о ней

¹ Бунин, 1967, 222.

² Чехов, 1974–1983/V, 345. (В дальнейшем письма обозначаются П., сочинения — С.)

³ Кушнер 2002, 195.

⁴ Ермилов 1949, 295.

⁵ Ермилов 1949, 294.

Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Бялый, В.В. Ермилов, Г.П. Бердников, А.М. Турков, В.М. Родионова, З.С. Паперный и другие. Общий взгляд литературоведов выражают слова З.С. Паперного: «Его [Чехова] герои выходят на широкую дорогу. После тягостных раздумий, после мучительных, съедающих душу бессонниц — решение принято»⁶.

Чехова не столько интересовала сама активная жизненная позиция, сколько тяжелый психологический путь человека к ней, его перерождение, эволюция. Показать ее в рамках рассказа — жанра, которому в конце «века романов» было еще трудно соперничать с ними, который еще не вполне отстоял свое право на полную независимость и самостоятельность, — это было нелегко.

Среди ранних произведений Чехова рассказ «На пути» (1886) выделяется как рассказ, знаменующий собой переход к реалистическому изображению действительности и тенденцию к сложной психологической характеристике персонажей. Главный герой произведения — Григорий Петрович Лихарев, человек, много повидавший в жизни и прошедший через множество падений, ошибок, но не останавливающийся в поисках и не теряющий надежды на лучшую жизнь.

Рассказ начинается с подробного описания комнаты в трактире, где останавливаются проезжающие. Эта комната примечательна теми картинами, которые висят на стенах: это изображение Георгия Победоносца, старца Серафима Саровского и шаха Наср-Эддина, а также пошлой безвкусной картинки лубочного характера. Образы этих картин будет чрезвычайно важно учесть при анализе рассказа.

При встрече с дворянкой Иловойской Лихарев пускается в страстную исповедь, рассказывая о своей жизни, о том, что он часто бросался из крайности в крайность, от почти полного атеизма — к вере и т.п. Он говорит о себе: «...увлекался я идеями, людьми, событиями, местами... увлекался без перерыва! Пять лет тому назад я служил отрицанию собственности; последней моей верой было непротивление злу»⁷. Когда Лихарев признается, что одно время страстно веровал в Бога, так что даже «в монастырь просился, и мальчишек нанимал, чтоб они... мучили за Христа»⁸, то он невольно напоминает некоторых героев Н.С. Лескова — людей, порою странных, но исполненных искреннего порыва к истине и добру, например таких, как Овцебык из одноименного рассказа.

Возвращаясь к образам картин в комнате трактира, мы можем увидеть в них отчасти тот же тематический разброс, что и в исканиях и увлечениях Лихарева. Вот перед нами святые — смиренный старец Серафим Саровский и отважный Георгий Победоносец, искони близкие православному русскому человеку, а вот — человек совершенно далекий от русской культуры, иноверец, шах Наср-Эддин, знакомый и понятный далеко не всем русским людям, а вот безвкусный лубок с изображением пошлой девицы «с необыкновенно тупым и равнодушным лицом»⁹. Так и Лихарев: он то ударяется в истовую веру (старец Серафим, Георгий Победоносец), то отдаляется от нее и готов мчаться куда-то в Америку, в чужие края, увлекаясь странными, чуждыми идеями (шах Наср-Эддин), то просто опускается на дно жизни (пошлый лубок).

⁶ Паперный 1954, 181.

⁷ Чехов 1974–1983/ V, 470.

⁸ Чехов 1974–1983/ V, 469.

⁹ Чехов 1974–1983, 462.

Важно рассмотреть и параллелизм образов Лихарев — Георгий Победоносец. Имя Лихарева созвучно с именем святого (Григорий — Георгий). Кроме того, Георгий Победоносец известен чудом о змие: победой над змием, который может олицетворять вообще злое начало или же язычество. Каковы бы ни были искания Лихарева, ясно одно: он всегда стремился нести людям добро, помогать им, поэтому отчасти его стремления перекликаются с деяниями великого святого. (Желание равняться именно на Георгия Победоносца в его борьбе со злом проявляется и в образе героя из произведения уже литературы XX века — повести Б.Л. Васильева «Не стреляйте белых лебедей» (1973). Васильев дает образ простого мужика Егора Полушкина, в котором есть некоторые черты юродивости и жертвенности, роднящие его и с Лихаревым.)

Также следует сказать, что имя Наср-Эддина невольно вызывает ассоциации с легендарным литературным персонажем — турецким Ходжой Насреддином, который был известен как своим острым умом, находчивостью, так и лукавством, хитростью. Некоторые эти черты, если внимательно посмотреть, присущи и Лихареву.

Важна и религиозная символика рассказа. Действие происходит в Рождество: Иловайская едет отметить праздник к отцу и брату, слышен торжественный звон из церковной колокольни, прямо в трактир приходят дети-христославы, поющие праздничные песни и т.д. Как ни странно, но именно Лихарев — человек далеко не идеальный, «пропащий, заброшенный»¹⁰, допустивший много ошибок, грехов, — именно он чем-то пленяет молодую двадцатилетнюю девушку — Иловайскую, и она после беседы с ним как бы *перерождается*, ее взгляд на русского человека меняется, она до глубины души потрясена встречей с Лихаревым, хотя и стремится всячески сдерживать свое волнение. Не зря и Лихарев видит в их случайной встрече волю судьбы: «...ну, за каким лешим судьба загнала нас в этот поганый трактир? Что она хотела этим выразить?»¹¹.

Итак, перед нами один из первых чеховских героев, в которых кипит энергия, которые готовы действовать, но сами не могут найти одного-единственного верного пути, в истинности которого они могли бы не сомневаться. Лихарев — тип человека недюжинного, способного, страстного, однако постоянно сбивающегося с пути из-за отсутствия ясной, «стержневой», «общей идеи», которая вела бы его по жизни. Вот почему рассказ называется «На пути»: герой по-прежнему движется куда-то вперед, но при этом не разбирая цели, поэтому его активность оборачивается неудачами и разочарованиями.

В чем кроется эта «сбивчивость» Лихарева — в чертах ли его собственного характера, или же в нем ярко проявились какие-то особенности вообще русского человека? В рассказе Чехова вряд ли удастся найти однозначный ответ на данный вопрос, однако фигура Лихарева несомненно привлекательна, и при всех недостатках этого героя автор, вероятно, сочувствует ему.

Среди произведений Чехова середины 1880-х годов встречаются рассказы, написанные в манере монотонного повествования с подробным описанием бытовых деталей. К таким произведениям можно отнести «Мертвое тело» (1885), «Почту» (1886), «Холодную кровь» (1886) и другие. В первом подробно описывается ночь,

¹⁰ Чехов, 1974–1983/V, 476.

¹¹ Чехов, 1974–1983/V, 466.

когда два крестьянина вынуждены стеречь мертвое тело, во втором повествуется о скучной поездке на почтовой тройке, в третьем — о длинном и ничем не примечательном путешествии старика и его сына с целью продать быков.

Эти рассказы лишены ярких, запоминающихся, «острохарактерных» персонажей, наоборот, героями их становились самые простые люди, не отличающиеся ни незаурядными талантами, ни возвышенным образом мыслей, ни даже сколько-нибудь широким кругозором. События этих рассказов подчеркнута случайны, малоинтересны, мало замечательны. Общее настроение мрачное, даже угрюмое...

В чем же специфика этих рассказов, в чем их ценность? Думается, именно в том, что посредством эстетики, кратко охарактеризованной нами выше, и соответствующего отбора материала Чехов стремился показать, что большая часть русского народа живет в таких условиях, которые способны погасить в человеке любые возвышенные устремления, в условиях, которые отупляют ум, огрубляют сердце, заставляют думать лишь о сиюминутном. Спустя десятилетие Чехов выразил эту же мысль, вложив в уста художника — героя рассказа «Дом с мезонином» — такие слова: «Весь ужас их [крестьян] положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подоби; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые завалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить»¹². Именно эти тревожные черты русской жизни особенно остро проявились, когда Чехов совершил путешествие на остров Сахалин, где тяжелые условия жизни людей были доведены до высшей степени.

Разумеется, при таких обстоятельствах и в такой среде редко может появиться человек, готовый бросить этому вызов, готовый подняться над толпой, увлечься большими идеями и устремиться к отдаленным целям. Таким образом, в указанной серии рассказов Чехов коснулся серьезной проблемы, размышления над которой постепенно привели его к мыслям о том, что одно из важных достоинств человека — эта внутренняя энергия («желать»), которая не позволит ему сдаться и отказаться от стремления к идеалам.

Другой тип рассказов середины 1880-х годов — это рассказы, где Чехов касается проблемы активности человека в стремлении обрести настоящую любовь. Сюда можно отнести произведения «Верочка» (1887) и «Рассказ госпожи NN» (1887).

В рассказе «Верочка» сюжет построен на том, что молодая одинокая девушка-дворянка объясняется в любви приехавшему из города статистику Огневу. Однако Огнев, незадолго до взволнованного признания Верочки говоривший именно о том, что до сих пор не встретил свою любовь и что с ним не приключалось никаких романтических историй, при искренних словах девушки теряется, не знает, что ему делать, говорит сухие, книжные фразы: «...должен сказать, что... счастье основано на равновесии, то есть когда обе стороны... одинаково любят...»¹³. Обидев Верочку своим неловким отказом, Огнев, опомнившись и поняв, что Верочка — прекрасная девушка и что таких, как она, он никогда не встречал и вряд ли встретит, пытается объяснить себе, в чем же причина его неуверенности, отсут-

¹² Чехов, 1974–1983/IX, 184.

¹³ Чехов 1974–1983/VI, 79.

ствия готовности пойти навстречу любви. И он приходит к мысли, что причина всего в том, что он рано отказался от поисков счастья («Старость в 30 лет!»)¹⁴, а также «в бессилии души, неспособности воспринимать глубоко красоту, ранней старости, приобретенной путем воспитания, беспорядочной борьбы из-за куска хлеба, номерной бессемейной жизни»¹⁵.

То есть Чехов для объяснения человеческого несчастья и пассивности пытается найти не только психологические причины, но и причины социальные, что роднит рассказ «Верочка» с упомянутой выше серией произведений о беспросветно-однообразной жизни, куда входят «Холодная кровь» и др.

Другое произведение на ту же тему, на которую написана «Верочка», — «Рассказ госпожи NN». Здесь повествуется о более трагическом положении, нежели в первом рассказе. В «Верочке» мы видим только неудавшуюся любовь молодых людей, но их дальнейшая судьба читателю неизвестна, а в «Рассказе госпожи NN» перед нами разворачивается целая жизнь, которая прошла без счастья для двух людей — исправляющего должность судебного следователя Петра Сергеича и дворянки — госпожи NN, от лица которой ведется повествование. Упустившие в молодости возможность обрести счастье и семью, эти люди медленно стареют, лишь предаваясь приятным воспоминаниям. Каждый из них виноват по-своему: Петр Сергеевич в том, что не проявил достаточно активности в борьбе за свою любовь, а госпожа NN — в том, что вела себя слишком высокомерно и по молодости ценила больше не любовь, а дающие ей чувство покоя и комфорта знатность и богатство: «...главное, что я знатна и богата, — знатна и богата — как это хорошо, боже мой!...»¹⁶.

Уже в старости, пытаясь найти причины их неудавшейся жизни, госпожа NN обвиняет и себя, и Петра Сергеича в безынициативности: «В городе мы сильнее чувствовали стену, которая была между нами: я знатна и богата, а он беден, он не дворянин даже, сын дьякона, он исправляющий должность судебного следователя и только; оба мы — я по молодости лет, а он бог знает почему — считали эту стену очень высокой и толстой... Нет такой стены, которой нельзя было бы пробить, но герои современного романа, насколько я их знаю, слишком робки, вялы, ленивы и мнительны, и слишком скоро мирятся с мыслью о том, что они неудачники, что личная жизнь обманула их; вместо того чтобы бороться, они лишь критикуют...»¹⁷. Чехов снова заостряет здесь внимание на социальных причинах, но они все же преодолимы: все зависит от активности человека, его решимости и готовности бороться за свое счастье. Однако автор указывает и на другие причины: психологические особенности его современников: «робки, вялы, ленивы и мнительны»¹⁸. Опять же — что это: следствие особенностей эпохи («герои *современного романа*» — курсив наш — *Н.Т.*)? Ответ не может быть дан однозначно. (Интересно, что Михаил Павлович Чехов, тоже писатель, хотя и не столь талантливый и знаменитый, как его брат, обращался к этой же теме в рассказе «Осень» (1902), где изобразил стареющую женщину, которая поняла, что в молодости по своей вине упустила большую любовь.)

¹⁴ Чехов 1974–1983/VI, 79.

¹⁵ Чехов 1974–1983/VI, 80.

¹⁶ Чехов 1974–1983/VI, 451–452.

¹⁷ Чехов 1974–1983/VI, 452.

¹⁸ Чехов 1974–1983/VI, 452.

Коснувшись в небольшом «Рассказе госпожи NN» проблемы социальных и психологических препятствий на пути к счастью и любви, Чехов вернется к этому вопросу на новом этапе творческого пути («О любви» (1899), Дама с собачкой» (1900) и др.) и попытается проникнуть еще глубже в подоплеку этой проблемы, постепенно приходя к выводу о том, что сам человек ответствен за свое счастье, что люди должны найти в себе силы преодолеть предрассудки и социальные препятствия, ставя свою любовь выше этого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунин И. А. 1967: Собр.соч.: в 9-ти т. М.
Ермилов В. В. 1949: Чехов. М.
Кушнер А. С. 2002: Почему они не любили Чехова? // Звезда. 11, 190–196.
Паперный З. С. 1954: Чехов. Очерк творчества. М.
Чехов А. П. 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. М.

INACTIVITY AND ACTIVITY IN A. P. CHEKHOV'S PROSE OF 1886–1887

N. A. Timofeyev

The paper presents the analysis of A. P. Chekhov's stories written in 1886–1887 from the viewpoint of activity and inactivity of characters. His stories "On the Way", "Verochka", "Mrs. NN's Narration" illustrate the fact that at that time Chekhov did not see people who could display the strength of character, which is why he created images of inert or restless people unable to achieve happiness. He depicted their suffering and belated enlightenment. But by then Chekhov tried to seek causes of his characters unhappiness and bring to light both moral and social prerequisites for his contemporaries' failures and misfortunes.

Key words: Russian literature, A. P. Chekhov, prose, range of social and moral problems, active character, image

© 2013

Н. В. Абрамзон

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. И. УСПЕНСКОГО

В статье рассматривается цикл очерков Г. И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» с позиции аксиологической методологии. Особое внимание уделено системе семейных ценностей. На примере анализа взаимоотношений героев Успенского раскрываются возможности использования аксиологического подхода в литературоведении.

Ключевые слова: русская литература, Г. И. Успенский, семья, аксиология

Абрамзон Наталья Васильевна — старший преподаватель кафедры сервиса и туризма Магнитогорского государственного университета. E-mail: natashka_cher@mail.ru

Примечательно, что название цикла — «Нравы Растеряевой улицы» — как бы откликается на представления об аксиологических ориентирах. С одной стороны, «нравы» — это обобщенное наименование совокупности «норм», без которых немыслима жизнь любого человека. Они могут вырабатываться или складываться стихийно. С другой стороны, человек сознательно или инстинктивно ориентируется на личные или общие «ценности». Нормы и ценности по аксиологической логике должны находиться во взаимосвязи, регулировать друг друга. Нормы ведут к достижению ценностей, а характер последних влияет на выработку первых.

Однако даже в таком бессердечном хищнике, как Прохор, неистребимы общечеловеческие инстинкты. И среди них — стремление «свить свое гнездо». А такое стремление остается неполноценным, если сводится только к «хозяйству» (к жилищу, обстановке и другим атрибутам). Тяга к ценностям семейной жизни неистребима, и среди этих ценностей — душевное общение, дети как продолжение рода. Невозможно довольствоваться только пустыми нормами (то есть обиходом «хозяйства»).

Бедя Прохора в том, что перед ним разворачивается череда неполноценных семей, нет позитивных примеров. А чаще всего встречаются на его пути как бы «обломки» разрушенных семей. Вот примерно как он реагирует на такие примеры: «Стали поэтому гнездиться в голову Прохора Порфирыча *мысли о женитьбе и, следовательно, отчасти и о любви*. Но эту последнюю вещь он тотчас же подвергнул собственной критике и *убедился в полной ее невыгоде*, тем более что он в совершенстве *знал женский пол нашей улицы*. *Понадеяться на этот пол было весьма опасно*»¹. То есть семьи, как правило (по наблюдениям Прохора), разрушались по вине женщин. Обратим внимание на разные варианты подобных семейных «крушений».

Один из первых таких случаев показан на примере Кривоногова, ремесленника, которого Прохор взял себе в помощь, когда сам «встал на ноги»: «...он был тамбовец и на счастье Порфирыча обладал таким множеством собственных бед, что вовсе не требовал за собою ни строгого присмотра, ни понуканья, ни ругательств. Он был почти вдвое старше Порфирыча, *испытал наслаждение быть полным хозяином, имел благородную жену, которая и помутила всю его жизнь*, доведя наконец до того, что он, Кривоногов, бежал из родного города куда глаза глядят <...> Ко всем этим несчастьям присоединилось еще одно, едва ли не самое страшное, именно непомерная сердечная доброта, покорливость и ежеминутное сознание своей ничтожности. Такие беды сделали из него горчайшего пьяницу»². Жена здесь названа «благородной» только по социальным меркам. Ведет же она себя далеко не благородно: изменяла мужу на каждом шагу, попыталась сдать его в солдаты, чтобы получить полную «свободу». Ее даже тяготила его безответность и душевная доброта. В результате происходит полная утрата семейных и других ценностей (например, репутации мужа как хорошего мастера, благополучного хозяина). В этом варианте, в отличие от других, более типичных, семейное крушение приводит к пьянству, а не наоборот. Еще один нетипичный признак в том, что здесь парадоксальным образом *несчастье* ставится в зависимость от *доброты*.

¹ Успенский 1955, 162.

² Успенский 1955, 42.

Сходный вариант представлен в другом примере, который связан с очередным знакомцем Прохора, лавочником Лубковым. О нем сказано: «К довершению своей добродушно-бестолковой жизни он <...> женился на молоденькой девушке, имея на плечах пятьдесят лет, и благодаря этому пассажиру имел возможность хоть раз в жизни чему-нибудь удивиться и вытаращить глаза. У него родился сын. Событие было до того неожиданно, что Лубков решился оставить на некоторое время свое любимое местопребывание, крыльцо, и направился к жене.

— Наталья Тимофеевна, — сказал он ей, почесывая голову, — это... что же такое будет?

— Убирайся ты отсюда... знаешь куда? много ты тут понимаешь!»³. Как видим, здесь перед нами вновь слабовольный муж, безответностью которого пользуется зловредная жена. Если в прежнем случае Кривоногов был хорошим ремесленником (отчего он и был полезен Прохору в качестве исполнителя заказов), то Лубков является лавочником и вполне может обеспечивать семью материально. Но одного материального благополучия оказывается мало для семейного согласия. Нужны еще и *общие* дети. А доброта и безответность одного в сочетании с агрессивностью другого только стимулирует семейный разлад: «Неподвижная спина Лубкова, подставленная под ругательские речи жены, ленивое почесыванье за ухом или в голове, среди самых патетических мест ее, смертельно раздражали разгневанную супругу.

— Демон! — вскрикивала она в ужасе.

Муж встряхивал головой, и сдвинутый на сторону картуз снова сидел на прежнем месте. Другого ответа не было»⁴.

Интересен еще один вариант, связанный с судьбой известного нам «медика» Хрипушина. Здесь всё, как в двух предыдущих случаях: безответный муж и агрессивная жена. Однако есть и важное добавление — во взаимоотношения супругов привносятся и разрушают их искаженные религиозные ценности. Об этом сказано так: «Жил он в глухой улице, и не один, как были все уверены, а с *раскольницей-женой*, от которой ему не было житья ни днем ни ночью. Можно не ошибаясь сказать, что буйная супруга Хрипушина, *выгонявшая своего мужа из дому единственно ради его рыжих волос*, и была причиной того, что Хрипушин из боязни, чтобы не умереть с голоду, выдумал свою медицину и всю свою изумительную эрудицию. В доме супруги он делался агнцем, терял всю свою солидность и думал только о том, как бы защитить свою голову от ударов супруги, грозивших обрушиться на него каждую минуту»⁵. Таким образом в неполноценном союзе оказываются муж с его мнимой «юродивостью» и жена с ее изуверским старообрядческим суеверием.

Новый вариант неблагополучной семьи связан с характеристикой Балканихи. В нем тирания жены доведена до крайности, хотя муж был вовсе не бессловесным существом. Но ее репутация — о которой мы уже говорили — имела отношение и к семейной «тактике»: «... обратила на себя внимание растеряевцев, как женщина умная; этому главным образом способствовали непостижимые, но самые существенные *средства, которые употребляла она для укрощения мужа. Холостяком*

³ Успенский 1955, 55.

⁴ Успенский 1955, 56.

⁵ Успенский 1955, 91.

он слыл за вертопраха и сорвиголову; женившись — присмирел, оглупел, словом — сделался тряпкой. Средства, употребляемые Балканихой для его усмирения, мало того что были непостижимы, можно сказать наверное, не имели в себе ничего зверского, что почти невозможно в наших нравах. Пелагея Петровна не крикнула, не топнула, не плюнула супругу в лохань ни разу; в серьезном выражении ее почти мужского лица, в ее строгих, но всегда спокойных глазах <...> было что-то такое, что заставляло мужа ее осматриваться, самому придумывать себе вину и просить извинения. Вследствие такого постоянного замирательного положения муж Балканихи начал питать к ней какую-то тайную ненависть, утешая себя возможностью когда-нибудь отплатить ей теми же мучениями, какие испытывал теперь сам. Но Балканиха не изменялась, и неотомщенный муж смирялся все более и более⁶. В итоге Балканиха довела мужа до такого состояния, что он умирает от удара (она застала его с банкой варенья, которое он ел без спросу). Здесь женская тирания обходится без ругани, без демонстративных оскорбляющих измен. Она сихологична и оттого еще более разрушительна. Важно также, что и в этом варианте семья неполноценна потому, что супругов не связывают родные дети. (Как уже сказано, у них был лишь приемный сын, Кузьма, который также плохо кончил.)

Теперь понятно, почему все эти примеры семей, разрушающихся в основном по вине женщин, настораживали Прохора Порфирыча в его инстинктивном стремлении к семейным ценностям. Однако другие варианты демонстрируют иную логику взаимоотношений. Успенский не обходит вниманием такие случаи, когда вина за утрату семейных ценностей и разрушение семейных норм в большей мере лежит на мужчинах. Один из самых ярких примеров — семейство Калачовых. Новые признаки начинают сказываться с первых упоминаний о них: «... генерал Калачов считался извергом и зверем во всей Растеряевой улице <...> все, от чиновника и семинариста до мастерового, или боялись, или презирали его, но ругали положительно все. Растеряевой улице было известно, что он скоро в гроб вгонит жену, измучил детей и проч.»⁷.

Здесь интересно, что невольно сложившаяся репутация персонажа («изверг и зверь») начинает включать в себя и репутацию семейного тирана, а затем это пагубно влияет и на нормы семейной жизни. В психологию персонажа, главы семейства, в этом случае привносится и влияние дополнительной ценности — бесконтрольной власти над домашними. По своей прихоти он готов покуситься на что-то дорогое для супруги. Например, он решает срубить дерево в саду, зная, что жене оно чем-то дорого:

« — Пойми же ты хоть раз в жизни, что я ничего не хочу!.. Необходимо срубить... Она задушила у нас две вишни... »

Грозное молчание. Жена вся дрожит от новой прихоти мужа, потому что вербочка — ее любимое деревцо <...>

— Итак, мой друг, я... принужден...

— Всех руби! — завизжала и закашлялась жена. — Всех режь!⁸ Власть, личные прихоти ведут к рассогласованности интересов, разрушают семейное благо-

⁶ Успенский 1955, 146-147.

⁷ Успенский 1955, 66.

⁸ Успенский 1955, 68.

получие. Это сопровождается нарастающим взаимонепониманием, от которого страдают оба — муж и жена.

Случай настолько психологически сложен, что Успенский берется «от автора» пояснять нюансы взаимоотношений в этой семье: «Господи!.. за что же! за что же это?.. Отчего?» — спрашивал наконец он вслух... И все-таки он не знал этого «отчего». Надо всем домом, надо всей семьей генерала *царило какое-то «недоразумение», вследствие которого всякое искреннее и, главное, действительно благое намерение его, будучи приведено в исполнение, приносило существеннейший вред.* В те роковые минуты, когда он допытывался, отчего он безвинно стал врагом своей семьи, он припоминал множество подобных нынешней сцен и ужасался... *Горе его в том, что, зная «свою правду», он не знал правды растеряевской...* Когда он перед венцом говорил будущей жене: «Ты должна быть откровенна и не утаивать от меня ничего, иначе я прогоню тебя или уйду сам», — он не знал, что на такую, в устах жениха необычайную фразу последует следующий комментарий, переданный задушевной приятельнице: «Признайся, говорит, зарычал на меня ровно зверь... прогоню, говорит...». *Он не знал, что слова его, всегда требовавшие смысла от растеряевской бессмыслицы, еще более бессмыслили ее*⁹.

Важный новый нюанс в этом семейном варианте в том, что здесь семья — полноценная, с двумя детьми, дочерью и сыном. Однако репутация генерала как семейного деспота распространяется и на детей. Это автор ставит частично в вину матери: «Страх, который почувствовала жена генерала перед громким голосом и густыми бровями мужа, она как-то бестолково передала детям. Если, например, случалось, сидела она с ребенком и вертела перед ним блюдечком, то при звуках мужниных шагов считала какою-то обязанностью украдкой бросать блюдце и вертеть ложкой. «Ты что-то бросила?» — говорил муж. «Господи! вовсе я ничего не бросала». — «Я видел, что ты бросила что-то! Зачем же ты утаиваешь? Отчего ты не хочешь сказать мне?» — «Господи, да вовсе я ничего не бросала!» — «Я сам видел». Муж, рассерженный ложью, сердито хлопал дверью».

Таким образом, взаимонепонимание приводит к взаимному недоверию. А ведь доверие друг к другу особенно важно как норма для достижения и сохранения семейного согласия и благополучия. Постепенно и неизбежно под влиянием матери (которое всегда сильнее) начинает искажаться отношение детей к отцу: «Дети, уstraшенные ужасом сцен, происходивших при появлении родителя, *привыкли видеть в нем лютого зверя и врага матери. От «папеньки» старались прятаться, потихоньку думать, потихоньку делать и проч.* Так и пошло дело. Страх въедался в детей, рос, рос»¹⁰. И вновь Успенский «от себя» вынужден пояснять, что взаимоотношения детей и родителей напрямую зависят от «нравов» (норм) окружающей среды: «... бестолковщина растеряевских нравов, намеревавшихся идти по прадедовским следам не думавши, запуталась в постоянных понуканиях жить сколько-нибудь рассуждая. Растеряева улица, для того чтобы существовать так, как существует она теперь, требовала полной неподвижности во всем: на то она и «Растеряева» улица... Поставленная годами в трудные и горькие обстоя-

⁹ Успенский 1955, 69.

¹⁰ Успенский 1955, 70.

тельства, сама она позабыла, что такое счастье. Честному, разумному счастьем здесь места не было»¹¹.

Таким образом, пример этой семьи особенно ярко и широко демонстрирует логику общепринятой истины: семья — ячейка общества. Но не только это связано с примером Калачовых. Редкий характер носят случаи, когда Успенский обращает внимание на ценности, которые несет в себе окружающая природа. Вот один из таких случаев: « — И когда это только весна придет!..

А тут, глядь-поглядь, и весна: вдоль всей улицы с шумом несутся потоки, унося с собою, в какую-то неизвестную сторону, все, что только накопилось, все, что было выкинуто на улицу зимою. Но эта картина топи и разрушения не производит, однако, того мертвящего впечатления, какое бывает осенью. *Теплые, блестящие, греющие лучи солнца, воздух, окрашенный золотом этих небесных лучей, зовут-жить*»¹². И особенно примечательно, что Успенский на примере семейных неурядиц Калачовых показывает, как искажающее они действуют на душу, приглушают возможности воспринимать ценности естественной природы. Так, о дочери генерала сказано: «Яркое вечернее небо так приветно сияло перед ней, и чем больше прелести прибавлялось в нем, тем тупее, злее делалось лицо девушки, потому что *бестолково возмущенная душа ее упорно отталкивала эту, посылаемую небом, ласку*»¹³.

Еще один выразительный вариант неблагополучной семьи связан с мещанином Дрыкиным. В этом случае смешаны признаки ряда предыдущих примеров. Во-первых, вначале персонаж как бы повторяет путь Прохора Порфирыча, но только в более успешном варианте: «...он сразу делается обладателем огромного каменного дома, получая от растеряевцев наименование «темного» богача — то есть человека, который разбогател не то «убийством», не то «грабежом», не то отыскал клад. Как бы то ни было, но, разбогатевав, Дрыкин начал строить дом. Он строил его на широкую ногу, со всеми удобствами; ворочал большими капиталами»¹⁴.

Затем Дрыкин в чем-то идет по пути Кривоногова и Лубкова: «...женится на молоденькой. Растеряевское предание говорит, что тотчас после свадьбы молодая супруга Дрыкина, по имени «Ненила», отдала приказание мужу, чтобы немедленно были приглашены все полковые музыканты и все господа военные из благородных, какие только есть в городе налицо» (там же). Однако в отличие от тех безвольных и добрых мужей, Дрыкин по характеру оказался ближе генералу Калачову: «В ответ на это муж, не говоря ни слова, отправил ее доить корову, сделав такое жестокое рукопашное внушение, что *Ненила сразу как бы оглупела, затихла и вообще до того «испугалась», что Дрыкину впоследствии не было решительно никакой надобности в рукопашных внушениях*: достаточно было только взглянуть, сдвинув брови, чтобы то или другое желание его исполнялось беспрекословно»¹⁵.

Однако в этом, новом варианте Успенский предлагает нашему вниманию резкий поворот обстоятельств: «В эту пору жизни мещанина Дрыкина никакая победа над ним не была возможна. Если бы дела продлились в таком порядке, то

¹¹ Успенский 1955, 70.

¹² Успенский 1955, 83.

¹³ Успенский 1955, 70.

¹⁴ Успенский 1955, 154.

¹⁵ Успенский 1955, 155.

Ненила не успела бы ни разу вздохнуть свободно во всю жизнь». Всё изменилось, когда главу семьи настигла внезапная слепота: « — Ослеп! как есть ослеп!

— Слава тебе, господи! — с истинным благоговением заговорила она. — Слава тебе, царю небесному! Ослепи ты его, ирода, навеки нерушимо...

— Жен-на! Побойся бога! — стонал муж.

Но жена, вместо сожаления, захохотала и весело стала дразнить его <...> С тех пор в доме Дрыкина пошло все вверх дном. Ненила, которой в эту пору было только двадцать шесть лет, тотчас же изгнала жильцов; вместе с ними *выгна-ла вон из комнат своих ребят, которых она терпеть не могла за их безобразные рожи, — и запировала*. Начала она переменять платья по пяти раз в день; явились у ней толпы приятельниц и винцо в полуштофе; целые дни шло щелканье орехов, и частенько подгулявшие бабы визгливо орали песни. Дрыкин стонал, лежа в своем подвале»¹⁶.

Как видим, ни материальное благополучие, ни твердость мужского характера (которой не хватало Кривоногову и Лубкову), ни наличие детей (как у Калачова), — всё это не обеспечивает жизнеспособности семьи, надежного достижения и сохранения семейных ценностей. Мужской деспотизм легко сменяется женским, и в результате всё идет прахом. И опять в этом можно угадывать влияние общих, «растеряевских» закономерностей.

В наиболее развернутом и психологически сложном виде развернута в «Нравах...» целая история семьи *Претерпеевых* (неслучайна эта говорящая фамилия). Соответственно она сложна и в аксиологическом отношении. В чем-то эта семья так же важна автору, как и судьба центрального героя, Прохора Порфирыча. Не случайно истории семейства уделено в цикле Успенского целых пять глав. Кроме того, в обоих случаях — для Прохора и для Претерпеевых — автор дает нам предысторию.

Начиналось всё так: «Лет двадцать тому назад семейство Претерпеевых представляло картину совершенно другого рода <...> Артамон Ильич, длинный сухопарый чиновник, подновивший женитьбою свою тридцативосьмилетнюю физиономию, отличался высокою кротостью и вполне подчинялся жене. Авдотья Карповна была маленькая черноволосая свежая женщина, насквозь пропитанная хозяйственностью: ни одной щепки, нужной в хозяйстве, она не пропускала без внимания и делала все это без крику, без брани, с лицом, постоянно веселым»¹⁷.

Таким образом, исходные обстоятельства были для Претерпеевых вполне благоприятны. То есть достигнуты такие семейные ценности, как благополучие, самостоятельность хозяйства, душевный баланс во взаимоотношениях супругов — никто никого не гнетет, живут в ладу друг с другом. Но появляются уже первые тревожные признаки: «Артамон Ильич благоговел перед женой и *тосковал, не имея возможности хоть чем-нибудь содействовать успеху собственного благосостояния*. Счастье самое полное царило в жилище Претерпеевых. Авдотья Карповна старалась, из угождения к мужу, возвести хозяйство до высшей степени совершенства. Артамон Ильич, *не зная, чем угодить жене, безмолвствовал*, не пил ни капли водки, не спал после обеда и не носил халатов. Любовь его к Авдотье Карповне, согревшей его сердце, долго стывшее в холостой жизни, была

¹⁶ Успенский 1955, 155-156.

¹⁷ Успенский 1955, 95.

беспредельна. Артамон Ильич, впрочем, *не мог с достаточною эспрессиею выразить эту любовь*: лицо его оставалось по-прежнему спокойным, даже *несколько холодным*, и *о признательности своей он не говорил жене ни единого слова*; тем не менее супруги боготворили друг друга»¹⁸.

Как видим, в этой семье не было трудовой солидарности супругов, равного участия обоих в создании и поддержании семейного благополучия. Вклад мужа — «не пил ни капли водки, не спал после обеда и не носил халатов» — оказывается недостаточным. Он сам это чувствует, и в результате у него возникает своеобразный «комплекс неполноценности». Реакция Артамона Ильича влияет на стиль взаимоотношений: с его стороны появляется отстраненность и почти холодность, со стороны супруги растет желание угодить. В супружестве важную роль играет взаимное доверие, равноправие и полная душевная открытость взаимоотношений. Это та необходимая *норма*, которая должна обеспечивать удержание *ценности* семейного благополучия. В случае Претерпеевых супруг первым нарушает эту норму. Ему достаточно было бы выражать свою благодарность и любовь к жене, не скрывать своих чувств. Но он ведет себя иначе, и в этом также угадывается искажающее влияние «растеряевской» среды. Артамон Ильич занимает позицию отстраненной холодности, потому что страдает его *амбиция* (жена делает для семьи больше, чем он).

В этой семье не хватало только детей, и они появились: «Шли годы. У Претерпеевых явились дети, из которых остались живы только четыре дочери. Но и увеличение семейства не было еще в силах поколебать совершенно правдивое боготворение, питаемое супругами друг к другу. Явились новые расходы <...> Все шло как нельзя лучше. Авдотья Карповна одна справлялась с нуждами семейства; Артамону Ильичу оставалось по-прежнему быть покойным и благоговеть. Он так и делал <...> Сама же Авдотья Карповна, по мере того как подрастали дочери, отказывала себе во всем». На первый взгляд, теперь уже в полноценной семье (с детьми) остается главное — любовь и материальное благополучие. Но душевное согласие как *норма* взаимоотношений продолжает нарушаться все больше и больше.

Забота о детях, общий вклад в их воспитание — могли бы послужить стимулом к восстановлению и поддержанию душевного согласия. Но происходит обратное — на фоне взаимной угодливости супругов ширится рассогласованность их интересов: «Авдотья Карповна объявила мужу, что *желает отдать старшую дочь Олимпиаду в пансион*. Артамон Ильич давно уже догадывался об этом желании супруги и, по правде сказать, *боялся его*. Разные *одинокие размышления* привели его к убеждению, что *«образованность» не принесет его дочерям ничего, кроме погибели*. Он обдумал это во всех подробностях, и поэтому что ж мудреного, что, когда жена обратилась к нему за советом, *сердце его екнуло. Где возьмет он силы победить этот умоляющий взгляд супруги? Разве хватит у него духа разбить так давно лелеянную ею мечту?»*¹⁹.

Обратим внимание на противостояние в этой рассогласованности супружеских интересов двух ценностей — образованности и человеческого счастья. Оказывается, у мужа и жены — разные представления о том и другом. Для него эти

¹⁸ Успенский 1955, 96.

¹⁹ Успенский 1955, 96-97.

ценности несовместимы, для нее же они взаимообусловлены. Беда в том, что доступная в этой среде «образованность» имеет неполноценный характер. Она связана с поверхностным обучением и служит достижению другой хорошо знакомой нам ценности — репутации. Нормы сохранения этой ценности — особая манера одеваться, посещение театра, общение с «культурной» публикой. В недоверчивом отношении к такой «образованности» супруг оказывается более прав. Но его ошибка в том, что он продолжает держать свои чувства при себе. В результате душевная рассогласованность интересов между мужем и женой растет, и теперь уже это ведет к серьезным последствиям для всей семьи. Вместо того, чтобы объяснить и прийти к единому согласованному решению, супруги угождают друг друга, понимают это сами и начинают всерьез страдать. Они не привыкли открыто делиться друг с другом своими предчувствиями и соображениями, и приходится почти всё «угадывать» и «предугадывать».

Вот как об этом сказано у Успенского: «В первый раз Артамон Ильич *допустил в своих отношениях с Авдотьей Карповной неправду*, и душа его была возмущена. Непокойна была душа и у Авдотьи Карповны; она подглядела бледность на лице мужа в то время, когда дело шло о пансионе, и со страхом подумала: «Неспроста это!» *Почудилось ей, что Артамону Ильичу вовсе не хотелось учить дочь*. «А если он не хотел этого, — думала Авдотья Карповна, — *стало быть, имел основательные резоны*. Артамон Ильич не такой человек, чтобы сдуру что сделать...» Когда эти соображения залетели в голову Авдотьи Карповны, она в первый раз *почувствовала перед мужем какую-то провинность* и трепетала каждую минуту, *боясь увидеть доказательства собственного промаха*»²⁰.

В прежних вариантах семейных взаимоотношений (Кривоноговы, Лубковы, Хрипушины, семейный опыт Балканихи) была полная душевная рассогласованность, но ведь не наблюдалось и признаков любви, желания угодить друг другу. На примере Претерпеевых Успенский показывает, что даже и любовь — не главное для достижения и сохранения семейных ценностей. Не является главным и общая забота о детях. Оказывается, чуть ли не главное в семье — *правда и согласие*, взаимная открытость и доверие. Растущая неестественность во взаимоотношениях между супругами в семье Претерпеевых приводит постепенно к душевному и семейному кризису, а затем и к развалу семьи. Даже взаимная забота о детях здесь перестает играть благотворную роль, а наоборот — способствует развитию кризиса.

Вот как это развивалось: «...в жизни супругов не было уже чего-то. *Не было правды*. Авдотья Карповна, чувствовавшая свой промах перед мужем, понимавшая, что у Артамона Ильича на душе не сладко, *приписывала его муку себе, всеми мерами старалась сделать ему удобное* и делала все поэтому *против собственной своей воли, которую она ставила ни во что* и не верила ей. Таким образом, *благодаря дочери супруги незаметно разъединились* <...> В каждом последующем их действии присутствие «конфуза» делало несообразности, каких они никогда и ожидать не могли <...> Наивные супруги *начали конфузиться друг друга и хотели взаимным угождением прикрыть свою наготу*, словно листком. Благодаря этой добродушной стыдливости все требования «образованности», проявлявшиеся в

²⁰ Успенский 1955, 97-98.

Олимпиаде, удовлетворялись вполне. Этому, кроме того, много способствовала *безграничная любовь к дочери*, которую они не решались огорчить»²¹. Получается, что желание угодить друг другу при отсутствии взаимной душевной открытости в итоге переносится на детей, и происходит это в таком же неестественном, искаженном виде, как было и между самими супругами. Детям (старшей дочери) начинают *потакать* любой ценой, с ущемлением собственных интересов.

В конечном счете ущемляются интересы всей семьи, в том числе материальные: «Балы эти и другие прихоти Олимпиады Артамоновны повели за собой невероятные для супругов расходы. Явилась надобность в платьях, лентах. Целые дни в доме Претерпеевых шла кройка материй и шитье нарядов <...> Все это *вконец* измучило обоих супругов. Артамон Ильич *потерял всякое соображение*, Авдотья Карповна — *всякую расторопность*; она как-то осовела и целые дни еле передвигала ноги, будто только что вышла из жаркой бани»²².

Мы видим, как семейная тематика почти неизбежно приводит к постановке проблемы «отцов и детей», к воспроизведению конфликта поколений. После удачного опыта И. С. Тургенева в романе «Отцы и дети» Г. И. Успенский явно продолжает и развивает эту традицию, но на новом материале. Конфликт поколений в развитии кризиса семьи Претерпеевых естественным образом обостряется. Аксиологические ориентации дочерей далеко разошлись с интересами и возможностями родителей. Потакая детям, родители ничему важному, нужному для жизни их не научили. Со стороны дочерей требовательность становится *нормой* в их отношении к родителям: «Протесты, таким образом, повалились на стариков градом со всех сторон... Года через два-три они уже сводились, к счастью, на одно только требование «жениха». В недовольных физиономиях дочерей родители явственно читали это требование»²³.

Интересно, что одним из стимулов этого конфликта «отцов и детей» оказывается именно семейная ценность (требование «жениха»). Дочери убеждаются в беспомощности родителей обеспечить им достижение этой ценности, и конфликт переносится уже во взаимоотношения между самими детьми. Разлад ширится и явно ведет к семейному крушению: «К довершению картины общего расстройства в семействе Артамон Ильич заметил вражду между самими сестрами: они поминутно ссорились между собою за ленту, за булавку и причину непосещения их молодыми людьми приписывали Олимпиаде в той же мере, как и отцу. «На тебя никто не угодит! — говорили они ей... — Графа тебе, что ли, нужно? Бешеная!» Артамон Ильич видел, как с каждым днем под влиянием тоски и злобы увядали свежесть и красота его дочерей. Видел, как Олимпиада Артамоновна, сама постигнувшая свои ошибки, смотрела на него как на дурака, не умевшего остановить ее вовремя; видел <...> чуял злобу и негодование, царившее над всем его домом; понял, что все пропало, все лезло врознь, и желание их с женой сделать жизнь детей лучше не удалось, и вот он сразу запил, а через год-другой сделался просто-таки «горьким пьяницей»»²⁴.

²¹ Успенский 1955, 99.

²² Успенский 1955, 99.

²³ Успенский 1955, 101.

²⁴ Успенский 1955, 104.

Таким образом, пьянство оказывается почти неизбежным жизненным итогом для большинства персонажей «Нравов Растеряевой улицы». От него не гарантируют ни материальный достаток, ни тесные семейные взаимоотношения. Для одних пьянство служит причиной развала семьи, для других наоборот — семейный кризис ведет к пьянству как закономерному итогу.

Наиболее развёрнуто показана в «Нравах...» история семейства Претерпеевых. На их примере мы видели, что для достижения и сохранения семейных ценностей недостаточно материального благополучия, взаимной любви и заботы о детях. Их семейный кризис был обусловлен дефицитом правды и согласия, взаимной открытости и доверия во взаимоотношениях супругов. Тем самым Успенский выводит повествование на уровень глубокого и тонкого психологизма. Некоторые аксиологические «уроки жизни», выработанные персонажами очерков, на наш взгляд, выходят за рамки среды и эпохи и не теряют своей актуальности до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бялый Г.А. 1990: «Во имя самой строгой правды». О реализме Г. Успенского // Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л., 491–536.

Выжлецов Г.П. 1996: Аксиология культуры. СПб.

Соколов Н.И. (вступ. сл., прим.) 1961: Г.И. Успенский в русской критике. М.; Л.

Успенский Г.И. 1955: Полное собр. соч.: в 9-ти т. Т.2. М.

FAMILY VALUES IN G. I. USPENSKY'S WORKS

N. V. Abramzon

The paper deals with a series of G. I. Uspensky's essays "Morals of Rasteryayeva Street" within the framework of axiological methodology with particular emphasis on the system of family values. The pattern of his characters' interrelations reveals possibilities for axiological approach in literary criticism.

Key words: Russian literature, G. I. Uspensky, family, axiology

ТРАДИЦИИ И СВОЕОБРАЗИЕ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА СВИТИНА

В статье изучается поэзия А. П. Свитина, фиксируется совмещение аналитической стороны видения мира с лирическим осмыслением Бытия. Традиции творчества поэта обнаруживаются в сопоставлении с европейским стихотворчеством (Э. Каммингс, Г. Аполлинер), своеобразие же этой поэзии связано с идеями масочности и карнавальности Бытия.

Ключевые слова: А. П. Свитин, поэзия, Э. Каммингс, Г. Аполлинер, Красноярск, графическое и вербальное

Александр Парфенович Свитин — поэт, кандидат химических наук, доктор философских наук, физик и художник. Эти сведения позволяют понимать произведение автора с точки зрения соединения научных и поэтических аспектов, разумного и чувственного, точного и необъяснимого, материального, построенного на физических действиях, и духовного — внутренних исканий человеком истинности жизни. В книге «В объятьях смысла: вербальные и графические тексты»¹ поэт совмещает аналитическую сторону видения мира с лирическим осмыслением Бытия. Книга отличается своим новаторским подходом к представлению поэтического искусства вместе с графическими рисунками-текстами. А. П. Свитин своим творчеством продолжает и развивает традиции литературы XX века, в частности свойственные поэзии Эдварда Каммингса² и Гийома Аполлинера³. И Э. Каммингс, и Г. Аполлинер уделяли большое внимание визуальной подаче стихотворения, от которой во многом зависит впечатление читателя. Главной задачей экспериментов Э. Каммингса с графической формой было желание заставить читателя не только читать, но и «видеть» стихотворение. У А. Свитина это также проявлено, каждое его стихотворение обладает индивидуальной графической формой.

Если Э. Каммингс в большей степени тяготел к асимметрии, что вносило неустойчивость, трагичность, то у А. Свитина, наоборот, все строки нанизываются на центральную ось, что скорее говорит о спокойствии, гармоничности, проявленных на визуальном уровне еще до прочтения.

Графическая форма стихотворений А. Свитина еще до прочтения собственно произведения способна указать на особенности его характера, настроения. Использование нестандартных форм-оболочек для стихотворений, например, уменьшение к концу стихотворения слогов, чередующихся через строчку, придает стихотворению характер волнообразного движения, плавности:

Копцева Наталья Петровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: smomg@yandex.ru

Смолина Майя Гавриловна — кандидат философских наук, доцент кафедры искусствоведения Гуманитарного института Сибирского Федерального университета. E-mail: smomg@yandex.ru

¹ Свитин 2008.

² Каммингс 2004.

³ Аполлинер 2008.

от ваших глаз
так-ой! наркоз:
взглянул,
завис,
и
передоз.

А. Свитин в стихотворении «лик» использует лаконичность языка графической формы, что во многом характерно для стихов Э. Каммингса. Привлекая единую морфемную основу для создания своего стихотворения, А. Свитин демонстрирует, что эта основа способна содержать в себе многообразие мира, раскрывающееся с различных точек зрения в своей многоаспектности:

лик

смысл небес
не осмыслит бес,
ибо смысл лица –
не бес-смыслица.

В стихотворении «истинное» слово «вот» становится само по себе графическим элементом:

истинное

истинно счастлив лишь тот,
кто счастлив лишь истиной!
в-о-о-о-т!

К традициям Э. Каммингса в творчестве А. Свитина можно отнести отсутствие заглавных букв в предложениях, что придает характер текучести, плавности, неостанавливаемости потока мыслей; широкое использование многоточий, что дает понимание обрывистости фразы, тем самым автор предлагает читателю продолжить мысль, стать соучастником стихосложения, со-творцом произведения. Даже само имя *свитин а.п.* написано без заглавных букв, как и *э.э каммингс*, что является еще одним примером, указывающим на творческую родственность авторов. Как и Э. Каммингс, А. Свитин в своих стихах экспериментирует с формой, синтаксисом и правописанием. Схожесть творчества этих поэтов можно проследить и в отсутствии в ряде стихотворений рифмы, четкого построения строф, предложений, что также напоминает поток сознания человека, его многоаспектное видение мира, лишенное строгой структурной формы и логики.

В поисках способов воплощения темы Э. Каммингс уделял много внимания синтаксическим деформациям, прибегал к использованию жаргона и броской рекламной лексики, перемежал традиционные строфические формы верлибром. А. Свитин также применяет транслитерацию («ин вино вэритас», «лайф», «сэ ля ви»). Он использует разговорный язык, выражения низкого стиля, просторечия («кайф», «примочки», «воще», «кретин», «черт возьми»), что сближает его с Э. Каммингсом в обращении к простоте языка для приближения к читателю,

общения на «одном» языке с ним. В некоторых стихах Э. Каммингс намеренно искажает правописание английских слов. Кроме того, он использует составные слова, например, «mud-luscious» («грязно-сладкий»). А. Свитин расчленяет слова на составные части, смещая смысловые акценты («бес-смыслица», «по-этический», «мосто-строение»). Слово у него обретает новое содержание. Это сродни поискам новых слов у Э. Каммингса и его юмору.

А. Свитин использует свободное построение предложения. В стихотворении «что естественно?» он строит предложение путем перестановки слов известной поговорки, которая становится чем-то новым. Э. Каммингс очень часто произвольно изменял принятый в английском языке порядок слов в предложении. Для английского языка свободное построение предложения неприемлемо, и в этом есть вызов условностям. У А. Свитина тот же прием обращен в сторону поиска другого содержания в ставших привычными фразах.

Большое значение у А. Свитина обретают звуковые повторы в стихотворении:

...паришь,
париж на вираже...

Или:

смысл небес
не осмыслит бес,
ибо смысл лица —
не бес-смыслица.

Среди схожих черт, присущих стихотворениям обоих авторов, можно выделить также нарушения грамматики; свободную расстановку знаков препинания; простоту и ясность поэтического языка: пробелов, отступов, отсутствие заглавной буквы, что позволяет выстроить творческий расширенный подход к формированию стиха. Каждое стихотворение А. Свитина из книги «В объятьях смысла: вербальные и графические тексты» обретают самоценность, располагаясь на отдельной странице; пространство, отдельное для каждого стихотворения, создает эффект ясности и четкости излагаемой мысли. Поэт строит произведения в центре страницы, оставляя преобладающее пространство пустым и чистым, читателю предлагается пространство пустоты для обдумывания прочитанного, чтобы ничего не мешало процессу мыслительной деятельности. Этот факт можно трактовать и как явление из чистого, первообразного пространства истины, явление философской мысли на белом листе.

Рассматривая стихотворения А. Свитина, нельзя не обратиться к творчеству французского поэта, предвестника сюрреализма — Гийома Аполлинера. Его поэзия интересна в начале XX века своим новым подходом к лирическому произведению, где совмещается визуальный рисунок в построении стихотворения — каллиграмма, музыкальное звучание слова и собственно поэзия. Такой подход в представлении стихотворения дает возможность рассматривать его произведения как синтез искусств. Данный факт можно трактовать как создание нового мира, который формирует содержание произведения, заразительный эффект визуализации нового мира в произведении не только слова, но и рисунка. Подобное можно обнаружить и у А. Свитина, в стихах которого присутствуют свободные постро-

ения слов, паузы, определенный образ в визуальном представлении поэзии. Но А. Свитин отделяет свои графические рисунки от самого текста, тем самым, с одной стороны, наделяя их самостоятельностью и независимостью от вербального текста, с другой стороны, их можно рассматривать как визуальное дополнение к стихотворениям, для более полноценного представления содержания поэзии автора.

Г. Аполлинер в своих произведениях нарушает традиционные, классические правила грамматики, делая свое искусство свободным, непредсказуемым, легким к восприятию, что можно увидеть и в стихотворениях А. Свитина, который так же пишет свободно и независимо от грамматической ограниченности языка (нет заглавных букв, обилие разной пунктуации, большие пробелы между строками). Часто встречающееся в стихотворениях А. Свитина дробление слов на слоги и даже отдельные слова («без-образ-нича-ет», «бес-смыслица», «плоть-оническая», «по-э-там») может свидетельствовать о внутренней наполненности слова, о разложении целого на отдельные единицы и наделении их своим осмыслением. Такое аналитическое видение мира, расчленение на отдельные частицы, в виде дробления слов в произведении, дает многоаспектное и новое видение окружающего мира и его сущностных явлений. В этом случае слово, расширяясь, теряет свое конкретное содержание, и может обращаться к разным своим интерпретациям.

Во многих произведениях Г. Аполлинера можно проследить достаточно легкое, жизнерадостное отношение к жизни, ироническое начало в произведениях, что говорит о гармоничном пребывании человека в мире, в котором он сам создал его посредством искусства. Само ироническое начало не высмеивает пороки человечества, а лишь является способом отстранения от мирской грязи и жестокости. В произведениях же А. Свитина легкая ирония проходит в причудливом сочетании не сочетаемых слов, наличествует использование слов разговорного стиля, что создает эффект легкого отношения к пониманию мира, но это лишь мнимое чувство, так как стихотворения наполнены философскими понятиями (смысл, душа, счастье, человек и т.д.). Эффект недосказанности, нераскрытости образа предполагает мыслительную работу каждого человека и интерпретацию сущностей.

Сочетание в стихотворениях А. Свитина низкого и высокого, торжественного и обыденного, придающее характер контрастности, взаимооборачивания образов, так же сближает его творчество с поэзией Г. Аполлинера. А. Свитин использует принцип игры, которому следовал Г. Аполлинер, который проявляется в вариативности порядка слов, поиск новых возможностей слова. Для читателя это становится открытием чего-то неожиданного. Сочетание стихов и графики в книге А. Свитина сближает его не только с Э. Каммингсом, но и с Г. Аполлинером, стремящимся к синтезу искусств. А. Свитин часто строит предложения из одних и тех же слов, но в разном порядке, что дает перетекание одного значения в другое:

истинное
истинно счастлив лишь тот,
кто счастлив лишь истиной!
в-о-о-о-т!

Можно заключить, что для всех троих авторов характерна свобода творчества; отстраненность от ограничений; поток сознания, лишенный в некоторых случаях структуры. Использование визуального искусства в построении вербальных текстов демонстрирует построение нового, иного мира, основанного на свободном соединении чувственного и рационального, реального и ирреального, человеческого и божественного. Идет поиск ответов на вопросы об истинности, достижении гармонии в своем внутреннем мире. Таким образом, творчество А. Свитиной во многом продолжает традиции поэзии, восходящие к сюрреализму и дадаизму.

Но, исследуя творчество поэта А. Свитиной, исходя из традиций, использовавшихся в произведениях предшественников и основанных на них творческих исканиях, следует четко понимать, что вербальные и визуальные тексты данного поэта имеют новаторский, своеобразный характер, где текст дополняет рисунок, а графическое произведение создает атмосферу работы мысли, настраивает читателя на глубокое понимание произведений, которые с первого взгляда кажутся поверхностными и простыми в идейном содержании. Происходит анализ истинности человеческого бытия (его слов, действий), буквальное дробление сущности и рассмотрение ее с разных сторон. Для произведений А. Свитиной характерны абстрактные, общие понятия, поднимаемые в стихотворениях, нет определенности и конкретности в сюжете, характеристиках героя, все сведено к всеобщему. В стихотворениях исследуемого поэта осмысливается окружающий мир сквозь призму философского и аналитического подходов, понимание одного через другое, берутся вечные темы, такие как женщина, любовь, война, прогресс, «смысл небес», жизнь, — и рассматриваются в контексте проблематики современного мира. Так, например, А. Свитина обращается к потере человеком религиозности и одухотворенности; к проблеме технического прогресса, который отстранил человека от внутренней жизни; к материальности и предметности мира.

А. Свитину свойственно обращение к темам чистоты, невинности, детства; к теме возрождения — как в природном круговороте и цикличности, так и в плане возрождения государства и национального духа; к теме поэзии как таковой, созданию литературных произведений; к теме смерти, угасания жизни. Для творчества А. Свитиной характерно частое применение риторических вопросов, на которые автор не дает ответа, но в то же время задает их читателю, тем самым создавая диалоговую зону с ним. Большинству стихотворений свойственен лаконизм — как в использовании различных видов тропов, так и в отсутствии распространенных предложений — доминируют четкие короткие фразы, составляющие стихотворную форму. Часто применение игры слов в стихотворении, за счет омонимичного использования слов, например: «не сомкнув усталых век, человек который век ищет счастья», «про заек, про заик». А. Свитина часто использует прием оборачивания образов, например, в стихотворении «тяжелый рок»: музыка Баха, ассоциирующаяся первоначально с темой радости, бала, оборачивается в образ войны, где с этой музыкой человек идет на смерть.

В творчестве А. Свитиной можно выделить несколько основных идей, к которым происходит обращение автора. Это идея масочности мира, где человек стремится надеть чужую личину-образ, тем самым пряча свое истинное лицо в глубину, отходя от своей искренности и чистосердечности, полностью становясь этой маской, играя в жизни чужую роль («моя взрослеющая дочь»); идея конечности,

бренности мира, преходящести жизненных ценностей, которые будут неважны и не актуальны для человека, так как являются временными («калитка»); идея мимолетности посещения музой человека творящего, что говорит о недолговечности и эфемерности соединения человека с абсолютным началом посредством гения вдохновения, которое всегда непрочно и призрачно («визит»); стремление человека к противоположному себе, подчас неизведанному, но неизменно манящему, за счет своей контрастной взаимодополняемости вне человеческого начала («поиски нежного человека»).

ЛИТЕРАТУРА

Аполлинер Г. 2008: Стихотворения. М.

Каммингс Э. Э. 2004: Избранные стихотворения в переводах Владимира Бриташинского. М.

Свитин А. П. 2008: В объятиях смысла: вербальные и графические тексты. Красноярск.

TRADITION AND ORIGINALITY OF ALEXANDER SVITIN'S POETRY

N. P. Koptseva, M. G. Smolina

The paper covers A. P. Svitin's poetry, registers the overlapping of analytical worldview and lyrical perception of reality. Traditional for the poet features are revealed through their comparison with European poetic traditions (E. Cummings, G. Apollinaire). Poetic originality is connected with the ideas of life behind a mask and carnival atmosphere.

Key words: A. P. Svitin, poetry, E. Cummings, G. Apollinaire, Krasnoyarsk, graphic and verbal

© 2013

Е. Р. Иванова

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НОВЕЛЛЫ А. ФОН ДРОСТЕ-ХЮЛЬСХОФ «БУК ИУДЕЯ»

В статье анализируется произведение немецкой писательницы Анетты фон Дросте-Хюльсхоф (1797–1848) «Бук иудея» в контексте литературы бидермейера. Недостаточно изученное в российском литературоведении художественное наследие А. Дросте-Хюльсхоф по-разному оценивается учеными. Учитывая разные точки зрения на эстетическую направленность творчества писательницы, автор статьи предлагает свой взгляд на проблему. Основой авторской концепции стали письма и дневники А. Дросте-Хюльсхоф, а также художественный текст. Особое внимание при анализе новеллы «Бук иудея» уделено

Иванова Елена Радифовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы, теории и методики обучения литературе Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ. E-mail: iva17051@yandex.ru

образам и художественным приемам, которые позволяют говорить о бидермейерских истоках творчества Дросте.

Ключевые слова: А. фон Дросте-Хюльсхоф, письма, дневники, литература бидермейера

Жизнь и творчество А. фон Дросте-Хюльсхоф (1797–1848) связаны с атмосферой немецкой провинции, где она провела почти все свои годы. В родовом имении отца, а после его смерти — в поместье матери, расположенных в Вестфалии, писательница была почти изолирована от масштабных событий современности. Безусловно, пресса и корреспонденция доносили до нее необходимую информацию, но они не оказали влияния на мировоззрение Дросте, в котором первостепенное значение имели такие патриархальные ценности, как «семья», «дом», «родина», «религия». Круг ее общения был ограничен членами семьи, родственниками. Немаловажную роль в жизни Дросте-Хюльсхоф сыграла строгая опека матери — властной, набожной женщины.

Вместе с тем писательница вела активную переписку с деятелями немецкой культуры. Дружеские отношения у нее сложились с поэтами так называемой «швабской школы» — Л. Уландом, Г. Швабом, Ю. Кернером. В ее доме бывали Я. и В. Гримм.

Творчество А. фон Дросте-Хюльсхоф не исследовано в полном объеме современными российскими учеными¹, хотя в зарубежной науке наследие писательницы изучается на протяжении уже долгого времени. И все же нерешенным остается вопрос о соотношении ее творчества с одним из литературных направлений XIX в. Ряд литературоведов склонны рассматривать ее творчество в рамках позднего романтизма (Й. Шлаффер, Г. Петерли), другие связывают его с реалистическими тенденциями (К. Бетхер, А. С. Бакалов). Однако большинство ученых соотносят творчество А. фон Дросте-Хюльсхоф с литературой бидермейера (К. Давид, Г. Вейд, Х. Кальтхоф, Ф. Сенгле, Л. Н. Полубояринова и др.). В своем исследовании мы придерживаемся последней точки зрения.

Воспитанная в строгих рамках ортодоксальной католической веры, будучи наследницей традиций старинного дворянского рода, проведшая большую часть

¹ Помимо словарных статей в различных энциклопедиях, можно отметить статью Н. П. Верховского о Дросте-Хюльсхоф в академической пятитомной «Истории немецкой литературы», включенную в раздел о литературе второй половины XIX в., когда писательницы уже не было в живых (История немецкой литературы 1966: в 5 т. Т. 4. М.), довольно поверхностный материал К. Бетхера в переведенной с немецкого «Истории немецкой литературы» в 4 т. (Бетхер К. 1979: Немецкая литература между 1830 и 1895 годами // История немецкой литературы: в 4 т. Т. 2. М.). Среди других изданий, в которых поэтесса лишь упоминается в связи с переводом ее отдельных стихотворений, назовем «Предисловие» А. С. Дмитриева к антологии «Немецкая поэзия XIX в.» (Дмитриев А. С. 1984: Немецкая поэзия XIX века // Немецкая поэзия XIX века. М.), а также предисловие Г. И. Ратгауза «По следам Орфея» к сборнику произведений немецких и австрийских поэтов (Ратгауз Г. И. 1993: По следам Орфея // Германский Орфей. Поэты Германии и Австрии XVIII–XX в. М.), буквально несколько слов о писательнице содержится в «Истории всемирной литературы» (Тураев С. В. 1989: Литература 1830–1949 гг. Берне. Бюхнер. Гейне периода эмиграции. «Предмартовская» поэзия и публицистика // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 6. М.). Среди исследований последних лет следует назвать монографию А. С. Бакалова, в которой одна из глав посвящена анализу поэзии А. Дросте-Хюльсхоф (Бакалов А. С. 1999: Немецкая послеромантическая поэзия. Самара), а также раздел в учебнике (Березина А. Г. (ред.) 2005: История западноевропейской литературы. XIX век. Германия, Австрия, Швейцария. М.).

своей жизни в уединенном провинциальном поместье, она не была подвержена влиянию каких-либо современных ей литературных тенденций. «Дросте оказалась в обстановке взаимовлияний и взаимоотталкиваний едва ли не единственным автором, абсолютно непричастным к самой проблеме литературного “обмена опытом”. Ни она сама не ощутила воздействия литературной моды — крупные писатели современности были ей, попросту, незнакомы, — ни со стороны кого бы то ни было на протяжении полутора веков не нашлось охотников подражать ее манере письма»². Свои произведения А. Дросте писала так, как подсказывало ей собственное ощущение эпохи, в которой доминировали бидермейерские настроения. Следуя своему поэтическому чувству, она никому не подражала. В 1843 г., пытаясь определить свое место в немецкой литературе, осознать себя как поэта, А. фон Дросте-Хюльсхоф написала: «Неколебимее, чем когда бы то ни было, остается моя решимость никогда не работать на эффект, не следовать ни одной из излюбленных манер и никакому вождю, кроме вечно истинной природы, и полностью отвернуться от нашего напыщенного времени и обстоятельств»³.

Современники не оценили по достоинству талант поэтессы и писательницы А. фон Дросте-Хюльсхоф. Думается, что причиной этого была ее дистанцированность от актуальных проблем действительности, а также трепетное, основанное на вечных ценностях бытия отношение к «малому» миру, составляющему узкий круг ее жизни. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что творчество женщин-писательниц в Германии 20–40-х гг. XIX в. не воспринималось обществом всерьез. Идеи эмансипации, волновавшие романтиков, не получили поддержки в период Реставрации. Женщине отводилась роль хозяйки, матери, хранительницы домашнего очага. Выступления феминисток не имели значительного воздействия на общественное мнение. В литературной и культурной жизни Германии 20–40-х гг. XIX в. были известны имена И. Ган-Ган, Р.В. фон Энзе (1771–1833), Й.П. Лизер (1804–1870), Ф. Левальд (1811–1889) и других сторонниц активной общественной позиции женщин, однако А. фон Дросте-Хюльсхоф нельзя поставить рядом с ними. Ее взгляды на жизнь принципиально расходились с теми, которых придерживались эти дамы.

Слишком подверженная переменам настроения, восприимчивая к словам окружающих, ранимая, А. фон Дросте-Хюльсхоф оставалась для многих загадкой. О богатстве духовного мира Дросте свидетельствуют только ее произведения и письма. В одном из них, адресованном А.М. Шприкманну, другу отца и ее духовному наставнику, она писала: «... Мой злой демон (Plagedämon) носит романтическое и фатовское имя, его зовут «томление по дали» („Sehnsucht in die Ferne“), нет, нет, Шприкманн, это в самом деле не шутка. Вы знаете, что я вовсе не безрассудная женщина, моя причудливая, необычная беда не из книг и романов, как хотел бы думать каждый. Но никто, кроме Вас, не знает, что это не было принесено мне внешними обстоятельствами, это всегда лежало во мне ...»⁴. Думается, что «причудливая, необычная беда» („wunderliches, verrücktes Unglück“) писательницы, заключалась в трагическом ощущении краха тех нравственных ценностей, на которых основывался ее духовный мир. Стремление поэтессы по-

² Бакалов 1999, 69.

³ Droste-Hülshoff 1992, 56.

⁴ Droste-Hülshoff 1992, 75.

казать, объяснить свое поэтическое «я» лишь увеличивало пропасть между ней и окружающими. Известно, что В. Гримм, побывав в кругу семьи А. фон Дросте-Хюльсхоф, охарактеризовал ее как «назойливую и тщеславную» особу. В письме брату Я. Гримму он писал: «Жаль, что в ее сущности („in ihrem Wesen“) есть что-то суетливое и неприятное <...> она во что бы то ни стало хочет блистать и мечется от одного к другому»⁵. Сама А. Дросте остро ощущала свой разрыв с современным миром. «Я не могу и не хочу быть известной сейчас, — писала она, — но через сто лет я хотела бы, чтобы меня читали». Поэтесса была убеждена, что только с высоты XX столетия, когда будут расставлены все акценты в истории Германии 20–40-гг. XIX в., ее произведения будут поняты и оценены. Предсказания А. фон Дросте-Хюльсхоф сбылись лишь частично.

Поскольку творчество А. Дросте приходится на 20–40-гг. XIX в., то рассматривать его в контексте романтической литературы было бы анахронизмом. Безусловно, произведения романтиков были ей известны, и в поэзии, и прозе А. Дросте-Хюльсхоф обнаруживаются общие идейно-тематические черты, но они ассимилируются с художественным миром писательницы и становятся приметами ее авторского стиля. Не совсем убедительными кажутся также попытки соотнести творчество А. Дросте с реализмом. Детализация картины мира, ограниченность тематики материалом частной жизни, точное, почти фактографическое воспроизведение реалий провинциальной действительности еще не дают оснований причислить произведения А. Дросте к реалистической литературе, которая предполагает, напротив, выявление типологических черт объективного мира и настроена на его критическое изображение. Этого в творчестве писательницы нет. Совершенно далека А. Дросте-Хюльсхоф и от идей «тенденциозной» литературы. Все это дает основание рассматривать самобытное художественное наследие А. Дросте в контексте литературы «высокого» бидермейера, традиции которого проявляются и в поэзии, и в прозе писательницы.

В идейно-тематическом плане связь художественного мира писательницы с традициями бидермейера обнаруживается прежде всего в создании сугубо бидермейерского локуса — дома, семьи. Однако А. Дросте расширяет его рамки, вводя в обиход понятие «родного угла», «малой родины». Все ее творчество посвящено родной Вестфалии: это поэтические циклы «Степные картины» („Heidebilder“, 1841–1842), «Скала, лес и озеро» („Fels, Wald und See“, 1835–1842), новелла «Бук иудея. Картина нравов горной Вестфалии» („Die Judenbuche. Ein Sittengemälde aus dem gebirgichen Westfalen“, 1842), очерки «Картины Вестфалии» („Bilder aus Westfalen“, 1845) и другие произведения.

Временное пространство произведений А. Дросте разворачивается в промежуток «настоящее — прошлое — настоящее». Дальнейшее развитие действия невозможно предугадать, автор не дает читателю никакого направления или намека, как сложится в дальнейшем судьба ее героев, но очевидно, что преемственность поколений не будет прервана. В этом также видится бидермейерская черта. Литература и искусство бидермейера, помимо культа старого доброго времени, провозглашали ценность сиюминутного бытия. Неуверенность в завтрашнем дне и бессилие перед ходом истории стали причиной такого отношения к будущему.

⁵ Цит. по: Kalthoff-Ptičar 1988, 29.

Отмеченные особенности, позволяющие рассматривать прозу А. Дросте-Хюльсхоф как литературу «высокого» бидермейера, присущи главным образом ее раннему творчеству. Несколько особняком в наследии писательницы стоит новелла «Бук иудея» („Judebuch“, 1842) — самое известное и достаточно хорошо изученное произведение А. Дросте, работа над которым шла почти двадцать лет. Возможно, поэтому в новелле воплотились все основные особенности творчества писательницы.

Исследователи по-разному оценивают это произведение, акцентируя внимание на романтических, реалистических и даже натуралистических чертах новеллы. Нам кажется, что выделение одной из названных доминант приведет к одностороннему анализу произведения. «Бук иудея» — это своеобразный синтез названных тенденций, которые проявились в литературе бидермейера, стоящей на стыке этих важных литературных явлений эпохи.

Главным аргументом реалистической концепции является документальная основа произведения. Известно, что подобное происшествие было описано в архивных документах дяди А. Дросте А. фон Хакхаузена в 1818 г. Отмечается также сходство сюжета с историей алжирского раба, опубликованной в журнале «Волшебная лоза» („Wünschelrute“) за 1818 г. Однако, интерпретируя документальный материал, А. Дросте не представляет событие как нечто типичное, открывающее законы или нормы современного общества, как это было, например, у Ф. Стендаля. Напротив, смерть еврея-ростовщика Аарона представлена в новелле как событие исключительное, не позволяющее увидеть никакой закономерности. Подзаголовок произведения «Картина нравов из горной Вестфалии» („Ein Sittengemälde aus dem gebirgichten Westfalen“), как пишет Л. Н. Полубояринова, «свидетельствует об установке на невыдуманность этнографических деталей и характеров»⁶. Но и это еще не дает основание говорить о реалистичности новеллы. «Бук иудея» был задуман как часть художественного цикла, посвященного Вестфалии, поэтому в детализации ее быта и нравов проявляется присущее бидермейеру изображение мира. Благодаря этим подробностям картина жизни вестфальцев, представляющая здесь вариант бидермейерского топоса, не расширяется, а становится более глубокой. В начале новеллы А. Дросте очерчивает и характеризует место действия. «Край, к которому принадлежало это местечко, был одним из тех захолустьев без фабрик и ярмарок, без военных путей, где каждое чужое лицо вызывало сенсацию и путешествие на тридцать миль превращало всякого в Улисса его края — короче, место, каких в Германии много, со всеми его врожденными недостатками и добродетелями, оригинальностью и ограниченностью».

В дальнейшем действие не выходит за границы этого «местечка», однако за счет описания обычаев, природы, праздников, национальных костюмов, природы оно предстает перед читателем во всех подробностях. Исключение составляет лишь бегство Мергеля и его долгое пребывание в турецком плену, но об этом лишь упоминается как о свершившемся когда-то событии и не более.

Как и писатели-реалисты, А. Дросте важную роль придает среде, в которой воспитывался главный герой новеллы Фридрих Мергель. Писательница одной из первых в немецкой литературе ставит проблему влияния условий жизни на лич-

⁶ Полубояринова 2001, 79.

ность. Подробно, шаг за шагом, она показывает этапы формирования личности Фридриха от самого рождения до его смерти. А. Дросте подчеркивает все важные факторы, повлиявшие на характер Фридриха: необузданный гнев и пьянство его отца Германа Мергеля, своеобразие матери, не сумевшей воспитать сына в христианском благочестии, влияние дяди Симона Земмлера, промышлявшего браконьерством и кражей леса. Немалую роль играет и вся атмосфера деревушки Б., живущей среди глухих лесов по своим особым законам. В этом состоит значительный шаг, который делает писательница навстречу реалистическому освоению действительности.

Однако логика столь подробного описания среды обитания Фридриха Мергеля в финале новеллы нарушается. Став преступником, нарушившим множество религиозных заповедей и нравственных норм, он вдруг раскаивается и, мучимый угрызениями совести, кончает жизнь самоубийством. Думается, что душевный переворот героя связан с его возвращением в родные края. Мотив возвращения на родину становится одним из значительных в литературе бидермейера в целом. Для А. Дросте малая родина — святое место, где открываются лучшие стороны человеческой личности. Исчезновение Мергеля из деревни было связано с убийством еврея-ростовщика Аарона. В глазах его земляков Мергель — убийца, однако никаких явных улик, кроме домыслов и фатального стечения обстоятельств, нет. И читатель так до конца и не знает, действительно ли Мергель убил ростовщика. Но вот он возвращается в родные места, и вскоре его находят повесившимся на буке, под которым когда-то нашли несчастного Аарона. Соплеменники в память о нем вырезали на коре этого немого свидетеля убийства слова: «Когда ты приблизишься к этому месту, с тобой случится то же, что ты сделал со мной.» („Wenn du dich diesem Orte nahest, so wird es dir ergehen, wie du mir getan hast.“) Однако Фридрих не мог прочитать этой надписи, она была сделана на иврите. Следовательно, к этому буку его влекло не роковое предсказание, а совесть. Душа Мергеля возродилась, ни долгие странствия, ни тяжелые испытания не повлияли на нее так, как возвращение в родные края. Несмотря на трагичность финала, его исход решен в русле мировоззрения бидермейера: остались непререкаемыми ценностями дом, малая родина, нравственные и христианские законы.

Новелле присущи и романтические приемы. Например, образ бука, который обретает мистические черты. Он появляется на пути Фридриха всякий раз, когда в его жизни случаются важные события. На его фоне происходит важный разговор мальчика с дядей. «Неожиданно Симон спросил: «Ты пьешь бренди?» Ребенок не отвечал... «Молится ли мать по-прежнему так много?» — вновь заговорил Симон.

— Да, каждый вечер две молитвы.

— Да? И ты молишься с ней?

Мальчик смущенно засмеялся, бросая искоса хитрый взгляд.

— Мать читает одну молитву вечером перед едой, когда я еще не вернулся с коровой, и другую в постели, когда уже сплю.

— Так, так, парень!

Эти последние слова были сказаны на фоне бука, накрывшего вход в ущелье. Было совсем темно; четверть луны появилась на небе, но ее слабого мерцания хватало лишь для того, чтобы дать предметам, которых оно касалось сквозь ветви, необычное очертание. Фридрих шел за своим дядей; его дыхание было частым, и

если бы кто-то видел его лицо, то его поразило бы ужасное выражение, в котором ощущалось скорее фантастическое напряжение, нежели страх».

Именно бук становится свидетелем того, как Симон сбивает Фридриха с истинного пути, как совершались в лесу разбой и воровство, как был убит ростовщик Аарон. Однако мистический ореол вокруг этого дерева разрушается в финале новеллы, когда на одном из его сучьев повесился Фридрих Мергель. Не обладая никакими чудесными свойствами, бук становится своеобразным символом господства высоких моральных ценностей и веры.

К романтическим можно отнести еще несколько эпизодов новеллы: мотив двойничества в сцене возвращения Фридриха на родину, детективное начало, которое, как и у романтиков, не получает своего четкого логического и аргументированного развития, мотив судьбы, рока. Однако все они переосмысливаются писательницей в традициях постромантической эпохи, в традициях литературы «высокого» бидермейера.

В детальном изображении маленького мира деревушки Б., затерянной в лесах горной Вестфалии, обнаруживается множество черт, характерных для литературы бидермейера: бытописание, детализация, внимание к жизненным ценностям, аполитичность, дидактизм. Вместе с тем в новелле А. Дросте очевидно более их глубокое понимание и развитие. Бытописание приближается к исследованию жизненной среды героя, детали из простых реалий быта часто превращаются в значимые образы-символы. Более того, нормы бюргерской морали, которые всегда проповедовала литература бидермейера, А. Дросте-Хюльсхоф поднимает на иной уровень: истоки духовной жизни она видит в вере. Не случайно в новелле развиваются мотивы мук и всепрощения, христианской любви. Это проявляется и в библейском мотиве о камне в эпитафии к новелле, и в молитвах фрау Мергель, и в сцене, когда вернувшийся домой в ночь на Рождество Фридрих слышит пение рождественского псалма и т. д.

Значительно усложняется у А. Дросте изображение психологии героя, которая еще строится на фиксировании внешних проявлений его душевного состояния, но делается это гораздо тоньше. Интересен в этом плане стилистический анализ сцены размышлений Фридриха незадолго до самоубийства. «Ребенок видел, как он сидел на опушке Бредерского леса и резал по ложке. «Он резал, но разрезал ее пополам», — сказала маленькая девочка. Это было два дня назад. После обеда снова обнаружился его след: еще раз ребенок обнаружил его на другой стороне леса, в кустарнике, где он сидел, спрятав лицо в коленях и, казалось, спал».

О душевном состоянии героя свидетельствует замечание девочки: вырезая ложку, он так глубоко задумался, что не заметил, как разрезал ее пополам. В первоначальном варианте сцены этого нюанса в тексте не было.

В более позднем варианте уже появляется разрезанная пополам деревянная ложка, но это еще не окончательный текст.

Как видно, в новелле А. Дросте уточняет место действия, вместо ребенка (*das Kind*) появляется образ девочки (*die Mädchen*), что, возможно, придает повествованию некоторую «сказочность». Отметим, что в окончательном варианте Фридрих «резал по ложке» („an einem Löffel schnitzelte“), то есть он не был сосредоточен на процессе ее изготовления, как это отмечено в другом отрывке („einen Löffel schnitzelte“). Эта деталь подчеркивает, что задумчивость Мергеля была столь глу-

бокой, что он даже не замечал, что просто портит эту деревянную ложку. Сравнение приведенных отрывков свидетельствует о стремлении А. Дросте проникнуть во внутренний мир героя и показать его читателю. Для этого она использует детали внешней психологической характеристики, соотносимые с состоянием души героев, но еще не создает основательной картины психологии своего персонажа, хотя роль детали в ее произведении значительно усложняется.

В творчестве А. Дросте-Хюльсхоф воплотились все основные черты литературы бидермейера. Однако осмысленные писательницей, обогащенные образами родного края, наполненные глубокими и серьезными размышлениями о судьбе современников, об истоках нравственности и религиозности, эти черты обрели более значимый характер, что позволяет определить творчество писательницы как «высокий» бидермейер. Именно такой подход к изучению ее художественных произведений позволяет увидеть и объяснить их идейную направленность, а не рассматривать творчество писательницы как нечто промежуточное между романтизмом и реализмом. Не случайно исследовательница К. Кальхоф-Птикар назвала А. Дросте «фрау Бидермейер»⁷, подчеркнув тем самым доминанту ее художественного мира. Анализ произведений А. Дросте в контексте литературного бидермейера позволяет увидеть их идейно-художественное своеобразие, понять смысл нравственных установок писательницы, оценить ее открытия в области поэтизации «малой родины», которые будут продолжены писателями второй половины XIX в. (например, в «отечественном искусстве»), а также разрушить довольно распространенное мнение о том, что содержанием творчества А. Дросте-Хюльсхоф стали «пустота времени и сухость сердца»⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакалов А. С. 1999: Немецкая послеромантическая лирика. Самара.
Полубояринова Л. Н. 2001: Литература эпохи Реставрации (1815–1848 годы) // История зарубежной литературы XIX века / Е. М. Апенко (ред.). М., 64–154.
Böttcher K. 1975: Geschichte der deutschen Literatur von 1830 bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts: in 2 Bd. Berlin.
Droste-Hülshoff A. v. 1992: Sämtliche Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Tübingen.
Droste-Hülshoff A. v. 1998a Sämtliche Werke : in 2 Bd. Frankfurt-am-Mein.
Droste-Hülshoff A. v. 1998b: Der Distel mystische Rose. Gedichte und Briefe. Frankfurt-am-Mein.
Kalthoff-Ptičar C. 1988: Annette von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit. Frankfurt-am-Mein.

⁷ Kalthoff-Ptičar 1988, 56.

⁸ Böttcher 1975, 152.

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC PECULIARITY
OF A. VON DROSTE-HULSHOFF'S STORY "DIE JUDENBUCH"*Ye. R. Ivanova*

The article presents the analysis of "Die Judenbuche" by a German writer Anette von Droste-Hulshoff (1797–1848) in the context of *biedermeier* literature. The writer's artistic heritage that is little-studied by Russian literary criticism gets quite diverse appraisal in Russia. Given different viewpoints on esthetic orientation of the writer, the author of the article puts forward her own opinion of the issue, which is based on A. von Droste-Hulshoff's letters and diaries, and literature text. Particular emphasis has been placed on the characters and techniques employed by the writer in "Die Judenbuche" that make it possible to speak about *biedermeier* sources of von Droste's works.

Key words: A. von Droste-Hulshoff, letters, diaries

© 2013

Д. Н. Жаткин, Е. В. Комарова

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А.-Ч. СУИНБЁРНА РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА*

В статье рассматриваются особенности восприятия творчества А.-Ч. Суинбёрна русскими писателями и литературными критиками последней четверти XIX в., опирающимися на труды западноевропейских критиков и литературоведов. Первым русским писателем, обратившим внимание на поэзию Суинбёрна, был И. С. Тургенев, который сразу же дал неизвестному в России поэту самую высокую оценку. Н. Г. Чернышевский ставил творческий потенциал Суинбёрна гораздо выше дарования Виктора Гюго, которому английский автор подражал и перед которым он преклонялся. Н. В. Гербель называл Суинбёрна основателем «сатанической школы» и признавал неизменный рост популярности молодого поэта, указывая вместе с тем, что его творчество не соответствует эпохе. Русское восприятие Суинбёрна характеризовалось многогранностью, разносторонностью, учетом множественности влияний на поэта, попытками вписать его творчество в контекст литературного развития в России.

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. E-mail: ivb40@yandex.ru

Комарова Елена Васильевна — преподаватель кафедры иностранных языков Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. E-mail: kew84@mail.ru

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX — начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Ключевые слова: А.-Ч. Суинбёрн, русская литературная критика, поэзия, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация.

Первым русским писателем, обратившим внимание на творчество А.-Ч. Суинбёрна, был И. С. Тургенев, чье «литературно-космополитическое образование <...> предмет вечной зависти и стыда французских литераторов»¹, подчеркивалось в переданном И. Д. Гальпериным-Каминским рассказе Ги де Мопассана о тургеневских встречах с Г. Флобером: «Их разговор редко касался событий текущей жизни и не выходил за пределы литературы и событий из литературной жизни. Тургенев часто приносил с собой иностранные книги и бегло переводил поэмы Гете, Пушкина и Свинбёрна»². Роль И. С. Тургенева в деле сближения мировых литератур, отчетливо акцентированная в приведенной цитате, равно как и значение устного общения с И. С. Тургеневым западноевропейских писателей, неоднократно становились предметом рассмотрения в отечественном литературоведении, отмечавшем в числе прочего глубину и всесторонность языковых знаний русского писателя, «с одинаковой свободой говорившего и писавшего по-французски, по-немецки, по-английски, а также по-итальянски и по-испански; изучавшего польский язык и писавшего по-латыни»³.

Впервые И. С. Тургенев упоминает о Суинбёрне в письме, отправленном из Баден-Бадена А. А. Фету 16 (28) августа 1871 г., причем сразу же дает еще неизвестному в России поэту самую высокую оценку: «Когда я свижусь с Вами, мы побеседуем о новейшей английской поэзии, о которой у нас никто — или почти никто — не имеет понятия. Штука не симпатическая — но интересная — и есть очень, очень большой лирический талант: Свинберн (Swinburne)»⁴. Более подробная характеристика дана И. С. Тургеневым Суинбёрну в письме Я. П. Полонскому из Парижа от 17 (29) октября 1872 г.: «Новейшие английские поэты — все эти Россетти и т. п., ужасно изысканны; в одном Свинберне (Swinburne, Algernon) вспыхивают проблески несомненного таланта — он подражает Виктору Гюго — но в нем есть действительная страстность и порыв, а в Гюго часто все это сочинено. Достань себе его «Songs before Sunrise»; он иногда бывает темен — но все-таки, я полагаю, ты получишь удовольствие»⁵. Суинбёрн упомянут И. С. Тургеневым и в письме А. А. Фету из Буживаля, датированном 20 июля (1 августа) 1873 г.: «...мы живем ведь во времена эпигонов; а в этом есть по крайней мере сила — так же как в Свинбурне, самом замечательном современном английском поэте»⁶. Позитивные мнения И. С. Тургенева о Суинбёрне, а также утверждения о личном знакомстве двух литераторов, сведения о неоднократных рассуждениях русского писателя о творчестве английского современника при встречах с А. А. Фетом и Я. П. Полонским содержатся в воспоминаниях Я. П. Полонского «И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину»⁷, а также в «Мозаике» С. У<сова>, на-

¹ Алексеев 1989, 286.

² Гальперин-Каминский 1896, 89.

³ Алексеев 1989, 272.

⁴ Тургенев 1965а, 125.

⁵ Тургенев 1965б, 8.

⁶ Тургенев 1965б, 128.

⁷ См.: Полонский 1884, 158.

печатанной в 1912 г. на страницах «Исторического вестника»⁸, в авторитетных «Моих воспоминаниях» А. А. Фета⁹. Р. И. Сементковский в статье «Что нового в литературе?», увидевшей свет в 1898 г. в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу “Нива”», упоминает Суинбёрна как «поэта, которого Тургенев ставил очень высоко»¹⁰.

Дж. Мур в своих воспоминаниях об И. С. Тургеневе, подробно рассказав о встрече с русским писателем весной 1877 г. в Париже, сообщил, что «Тургенев говорил о Россетти и Суинбёрне. О первом он говорил как об «упадочном» поэте, протестовал против культивирования им старомодных оборотов речи и против поклонения идеалам красоты, почерпнутым из прошлого. “У Россетти, — говорил он, — я замечаю первые признаки «ложной изысканности» в английской словесности. Другое дело Суинбёрн. Несмотря на некоторое подражание Виктору Гюго, он — гений”¹¹. Обращает на себя внимание отчетливое противопоставление И. С. Тургеневым Суинбёрна и Д.-Г. Россетти (еще более суровый отзыв русского писателя о Д.-Г. Россетти можно встретить в записи С. М. Сухотина от 9 марта 1871 г. в его «Памятных тетрадах»: «Вчера приехал в Москву Иван Сергеевич Тургенев <...> Он живет теперь в Англии; говорил об упадке английского литературного вкуса, особенно их поэзии; англичане восхищаются теперь стихами современного поэта Россети, самого бездарного и ничтожного»¹²) и параллель между творчеством Суинбёрна и Виктора Гюго: Суинбёрн предстает, с одной стороны, подражателем, даже эпигоном Виктора Гюго, но с другой — как несомненный гений — превосходит Гюго искренностью чувств и переживаний.

В свете сказанного интересно и мнение Н. Г. Чернышевского, оценившего в письме к младшему сыну Михаилу, направленном из Виллюйска 25 апреля 1877 г., творческий потенциал Суинбёрна гораздо выше дарования Виктора Гюго, которому английский автор подражал и перед которым он преклонялся: «Драмы Виктора Гюго — нелепая дичь, как и его романы, и лирические его произведения. Нестерпим он мне. И я даже полагаю, что у него нет таланта, а есть только дикая заносчивость воображения. Горько и смешно было мне прочесть, что английский поэт Суинборн пишет стихотворные панегирики ему, своему будто бы, учителю. Суинборн в десять раз талантливее его. И такое заблуждение мысли, как фантазия уважать Виктора Гюго, не может не действовать очень вредно на прекрасный талант Суинборна»¹³.

Первые упоминания о Суинбёрне в русской печати относятся к 1875 г. В известной антологии «Английские поэты в биографиях и образцах», составленной Н. В. Гербелем и опубликованной в санкт-петербургской типографии А. М. Котомина, нет переводов произведений Суинбёрна на русский язык (их просто не существовало в то время!), однако имеется пространная информация о поэте во вводном очерке «Английская поэзия», подготовленном составителем антологии. Н. В. Гербель называет Суинбёрна основателем «сатанической школы», «пламен-

⁸ См.: У<сов> 1912, 1051.

⁹ См.: Фет 1889, 255.

¹⁰ Сементковский 1898, 548.

¹¹ Мооге 1888, 237.

¹² Сухотин 1894, 442.

¹³ Чернышевский 1950, 48-49.

ным певцом пантеизма, республиканизма и чувственности, исходящим в первых двух отношениях прямо от Шелли»¹⁴. Признавая неизменный рост популярности молодого поэта, Н. В. Гербель вместе с тем указывал, что его творчество не соответствует эпохе: «...направление и характер его поэзии еще не достаточно установились для того, чтобы он мог занять в литературе определенное место»¹⁵. Авторитетами для Суинбёрна были, по наблюдению русского критика, наряду с Шелли, также Чосер, Шекспир и Милтон, однако его судьба в молодости отчасти повторила творческую биографию другого великого поэта — Байрона, сильно затронувшего чопорность английского общества и ставшего объектом жестоких нападков со стороны тех, кто видел в его сочинениях тенденцию к разрушению многовековых традиций¹⁶.

В том же 1875 г. о творчестве Суинбёрна написал в «Вестнике Европы» Альбер-Адриен Реньяр, французский эмигрант, обосновавшийся в Англии после событий Парижской коммуны и, через посредство И. С. Тургенева¹⁷, ставший постоянным автором «Вестника Европы», регулярно печатавшим в декабре 1873 — сентябре 1883 г. политические «Корреспонденции из Лондона» и критические обзоры «Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии». А. Реньяр, по наблюдению Ф. Конта, «относился с особым уважением к Суинбёрну и чувствовал близость к этому поэту, восставшему против лицемерной морали»¹⁸. В письме I цикла «Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии» А. Реньяр отмечал, что Суинбёрн в будущем «обещает занять место между первоклассными современными поэтами страны», поскольку в его творчестве «из-под слов сквозит душа и сердце истинного поэта»¹⁹. В авторе трагедии «Аталанта в Калидоне» («Atalanta in Calydon») и поэтического цикла «Песни перед восходом солнца» («Songs before Sunrise») английский корреспондент «Вестника Европы» видел «громадный талант, более близкий к Байрону, чем к Теннисону, и, говоря еще точнее, принадлежащий к семье поэтов-романтиков французской школы»²⁰. Подробно анализируя трагедию Суинбёрна «Босуэлл» («Bothwell»), вторую часть драматической трилогии о Марии Стюарт, А. Реньяр соотносил ее с первой пьесой трилогии — «Шастеляр» («Chastelard»), также представлявшей знаменитую шотландскую королеву не как историческую, а как легендарную личность. Мария, выступавшая на сцену «вся окутанная мраком и украшенная звездами», предстает «настоящею дочерью Тюдоров и Гизов»²¹ с хитрой и страстной душой, живым, подвижным умом. В «Шастеляре», наряду с растянутостью и непропорциональностью изложения материала, не позволившими создать подлинно художественное произведение, А. Реньяр видел и «блестящие места», «цветы поэзии неоспоримого достоинства»²².

¹⁴ <Гербель > 1875, XXX.

¹⁵ <Гербель > 1875, XXX.

¹⁶ См. подробнее: Жаткин 2006, 9 — 13; Жаткин 2008, 137–144.

¹⁷ См.: Мостовская 1971, 228–230.

¹⁸ Конт 1971, 266.

¹⁹ Реньяр 1875, 367, 369.

²⁰ Реньяр 1875, 367.

²¹ Реньяр 1875, 367, 368.

²² Реньяр 1875, 370, 368.

В начале 1880-х гг. увидели свет несколько анонимных очерков о Суинбёрне и его творчестве, подготовленные на основе материалов из зарубежных изданий. Автор очерка «Альджернон Чарльз Суинбёрн» в №89 «Еженедельного Нового времени» за 1880 г. отмечал эволюцию восприятия поэта на родине: если его первые произведения считались «едва ли Реньяр А. не безнравственными»²³, то последующее творчество было встречено гораздо более благосклонно, причем сам Суинбёрн не сделал общественному мнению каких-либо значимых уступок, наоборот, сами нравы за эти годы «потеряли значительную долю своей пуританской нетерпимости»²⁴. Если другие «любимые современные поэты Англии» Вордсворт и Теннисон были «покорными и податливыми сынами своей чопорной родины <...> безмятежно пользовавшимися утвердившеюся за ними славой», то Суинбёрн, по наблюдению автора статьи, принадлежал к числу тех, кто «не уживался с домашними преданиями и уходил от домашнего очага искать приключений», являлся последователем Эпикура и Лукреция, воспевавшим «наслаждение жизнью с чисто языческой вольностью»²⁵. Характеризуя эпикуреизм Суинбёрна, автор «Еженедельного Нового времени» отмечал его удивительную особенность: проникнув «в самую сущность удовольствия жизнью»²⁶, английский поэт наполнил свое творчество нотами неизбывного пессимизма, глубокого отчаяния, наступивших вместе с исчезновением прежних нравов и вековых преданий, разоблачением действительности, наполненной человеческой суетностью, а также мрачным осознанием ничтожности бытия и того «вечного ослепления, в котором движется человечество»²⁷. В одном из своих лучших произведений — «Заброшенном саде» — Суинбёрн «воспевает светлых богов Греции и оплакивает вместе с тем то время, когда лучезарный античный мир застыл. Подобно волне в зимнюю стужу, от ледящего дыхания нового культа, вышедшего из опустелой могилы», при этом «боги Греции для него не погибли, он верит в их бессмертье, как во все прекрасное»²⁸. Признавая ограниченность известности Суинбёрна границами Англии, автор статьи особо указывал, что и на родине репутация поэта не бесспорна, поскольку своим творчеством он «поражает и, можно даже сказать, шокирует»²⁹ англичан.

В рецензии на трагедию Суинбёрна «Мария Стюарт» («Mary Stuart») в декабрьском номере «Заграничного вестника» за 1881 г. новое произведение английского писателя рассматривается как заключительная часть трилогии, также включающей в себя более ранние трагедии «Шастеляр» и «Босуэлл», посвященные шотландскому периоду жизни Марии Стюарт. Новая трагедия, изобразившая «бурную жизнь и трагическую кончину многогрешной и злополучной королевы», характеризуется, по мнению рецензента, традиционной для Суинбёрна «смелостью приемов, отступающих от плавной академической условности так называемых поэтов-лауреатов», однако при этом значительно слабее двух первых частей трилогии: «В ней с талантом Суинбёрна случилось нечто вроде той метаморфозы,

²³ Суинбёрн 1880, 699.

²⁴ Суинбёрн 1880, 700.

²⁵ Суинбёрн 1880, 700.

²⁶ Суинбёрн 1880, 700.

²⁷ Суинбёрн 1880, 701.

²⁸ Суинбёрн 1880, 702.

²⁹ Суинбёрн 1880, 699.

которая произошла с Мефистофелем на горе Брокене, где он “разом сделался стариком”. Можно подумать, что на самом поэте отразилась та усталость, и то тоскливое чувство, которые должна была переживать его героиня, испив жизненную чашу до дна и очутившись лицом к лицу с ее горьким осадком»³⁰. Причиной неудачи Суинбёрна рецензент считает саму личность Марии Стюарт, не способную вдохновить поэта, в котором «преобладает элемент мужественной энергии и отсутствует способность к нежному чувству и идеализации»³¹, та самая, что обеспечила успех драмы Ф.Шиллера, чья идеальная Мария Стюарт прочно вытеснила исторический образ с его мелкими страстями, самолюбием и вероломством.

К. К. Арсеньев в статье «Новые сборники русской поэзии», помещенной в №5 журнала «Вестник Европы» за 1884 г., воспринимает Суинбёрна как английского классика, подобного Теннисону³², чье творчество во многом осталось в прошлом, не вызвав появления подражателей: «Поэзия <...> везде переживает критическую эпоху. Место крупных дарований, сошедших или сходящих со сцены, остается, большею частью, не замещенным <...> В Англии ничего не слышно о преемниках Теннисона и Свинбёрна»³³.

В переводных историко-литературных исследованиях 1880–1890-х гг., среди которых преобладали труды немецкоязычных авторов, суждения о Суинбёрне весьма противоречивы, а в ряде случаев и исключительно негативны. Так, в переведенной с немецкого языка «Всеобщей истории литературы» А. Штерна отмечается, что Суинбёрн, известный своими трагедиями «Аталанта в Калидоне» и «Шастеляр», поддерживал «своего рода академически-серьезную поэзию, неприятно напоминающую итальянскую и немецкую поэзию XVIII века»³⁴. В книге Г. Брандеса «Новые веяния. Литературные портреты и критические очерки» указано на полное отсутствие представлений об английской поэзии (в т. ч. и поэзии Суинбёрна) у читателей Дании и Норвегии 1860-х гг.: «В шестидесятых годах в буржуазных кружках Дании и Норвегии <...> не имели ни малейшего понятия о том, как далеко шагнула английская поэзия от Шелли до Свинбёрна»³⁵.

Изданное в 1894 г. и ставшее популярным в России исследование Макса Нордау «Вырождение» («Entartung»), перевод которого был осуществлен под редакцией Р. И. Сементковского, содержит отдельную главу, посвященную прерафаэлитам — Д.-Г. Россетти, Суинбёрну, У. Моррису. М. Нордау видит в Суинбёрне «выродившегося субъекта высшего порядка», проводит его сравнение с Д.-Г. Россетти («...не так впечатлителен, но зато в умственном отношении гораздо выше Росетти»), после чего дает английскому поэту как человеку и творцу крайне жесткую характеристику: «Его мысли ложны и часто походят на бред, но иногда они ясны и связны. Он — мистик, но его мистицизм направлен не столько на религиозные сюжеты, сколько за преступность и порочность. Он первый представитель «диаволизма» в английской поэзии, и это объясняется тем, что он подчинился влиянию не только Росетти, но главным образом Бодлэра»³⁶. Прослеживая,

³⁰ [Рец.:] Mary Stuart, a Tragedy by A. C. Swinburne 1881, 241.

³¹ [Рец.:] Mary Stuart, a Tragedy by A. C. Swinburne 1881, 241.

³² См. подробнее: Жаткин, Чернин 2009, 134–141; Жаткин 2010, 77–82.

³³ Арсеньев 1884, 257.

³⁴ Штерн 1895, 490.

³⁵ Брандес 1889, 339.

³⁶ Нордау 1894, 95.

как Суинбёрн последовательно испытывал влияния Д.-Г. Россетти, Ш. Бодлера, Т. Готье и В. Гюго, М. Нордау признавал значительность этих влияний: «Как все психопаты, он очень легко подчиняется внушению, и потому он подражал сознательно или бессознательно всем сколько-нибудь выдающимся поэтам, которых он читал <...> Сперва он пишет стихотворения совершенно в духе Росети, ударяясь в средние века и прибегая к наивным выражениям, как истый прерафаэлит; затем он уже пишет в духе Бодлера, изображает из себя демона, произносит страшные проклятия»³⁷. Особо привлекало М. Нордау представление Суинбёрна о природе, которая становилась не отражением пестрой духовной жизни человека, как это было прежде, а «живым, мыслящим существом, следящим вместе с поэтом за перипетиями греховной драмы и выражающим вместе с ним удовольствие, восторг, печаль», после чего звучал вывод о том, что подобное понимание окружающего мира — «бред, соответствующий <...> галлюцинациям душевнобольных»³⁸.

В «Иллюстрированной всеобщей истории литературы» Иоганна Шера, перевод которой под редакцией П. И. Вейнберга пользовался в России конца XIX — начала XX в. определенной известностью, Суинбёрн представлен поэтом идеалистического направления, вступившим (в противоположность Р. Браунингу) на путь пессимизма. Если в его раннем творчестве (первой части «Поэм и баллад») проявлялись «чрезмерная туманность» и «пламенная, но скорее деланная, чем непосредственная чувственность», то во второй части «Поэм и баллад» благотворно сказалась «благородная умеренность преклонного возраста»³⁹. В трагедии «Атланта в Калидоне» И. Шерр видит и поэзию, и напыщенную риторику, и характерную книжность: «Пессимистическая основная мысль пьесы — с наибольшей энергией выраженная в действительно величественной песне хора «Кто дал человеку язык?» и т. д. — заключается в неисповедимости, произвольности и жестокости решений судьбы, решений, к таинственности которых, благодаря бесплодной нашей борьбе против них, присоединяется наше отчаяние»⁴⁰. Те же мысли И. Шерр находит в другой античной пьесе Суинбёрна «Эрехтей», отчасти предвосхитившей трагедию «Шастеляр», первую пьесу из трилогии о Марии Стюарт, в которой поэт осуществил переход «в область романтизма»: «...ему удалось создать драму жизненную, которая вместе с тем отличается сценичностью и главное достоинство которой заключается в том, что поэт уверенной рукой схватил и нарисовал здесь исторический характер шотландской королевы»⁴¹. В «Песне об Италии» («Song of Italy») Суинбёрна И. Шерр усматривает «ослепительно прекрасные частности»⁴², в его же «Эссе о Байроне» («Essay on Byron») — блеск ума, бичующего равнодушие лицемерных англичан к их великому соотечественнику.

В «Очерке истории литературы XIX столетия», написанном А. И. Кирпичниковым для четвертого тома «Всеобщей истории литературы», вышедшего в 1892 г., отмечены сильное влияние на Суинбёрна со стороны Вальтера Сэвиджа Лэндоу (эта мысль впоследствии повторена Н. Я. Дьяконовой в монографии

³⁷ Нордау 1894, 95-96.

³⁸ Нордау 1894, 98.

³⁹ Шерр 1898, 124.

⁴⁰ Шерр 1898, 124.

⁴¹ Шерр 1898, 124-125.

⁴² Шерр 1898, 125.

«Английский романтизм: проблемы эстетики»: «Почитателями и в известном смысле продолжателями Лэндора были Браунинг, который был с ним лично близок, и Суинбёрн»⁴³), неудобство драматических произведений английского поэта для сценического воплощения, «политический радикализм и несдержанность в выражениях»⁴⁴, приведшие к жесткой оценке Суинбёрна английской критикой. Появление в печати лирических произведений Суинбёрна, а также формирование кружка поклонников английского поэта из числа либеральной молодежи вынудили критику признать «значительный талант» Суинбёрна, хотя и «ложно направленный»⁴⁵. Популярность английского поэта, его вера в себя, по наблюдению А. И. Кирпичникова, существенно возросли после опубликования на рубеже 1860–1870-х гг. восторженных стихотворений к Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини, Виктору Гюго, по поводу провозглашения Французской республики. В очерке А. И. Кирпичникова также были особо отмечены литературно-критические работы Суинбёрна, его «обширная подготовка, тонкий вкус и оригинальный ум»⁴⁶.

Как видим, в оценках творчества Суинбёрна русская литературная критика на протяжении длительного времени опиралась на труды западноевропейских критиков и литературоведов, что отразилось как в анонимных компилятивных статьях в периодических изданиях, так и в первых основательных, хотя и не бесспорных, исследованиях творческой судьбы английского поэта, предпринятых русской критикой. Вместе с тем восприятие Суинбёрна было многогранным, разносторонним, характеризовалось учетом многочисленных влияний на поэта, в т. ч. античной драматургии, творчества драматургов елизаветинской эпохи (в особенности, Шекспира), поэзии английского романтизма (Дж.-Г. Байрон, П.-Б. Шелли, С. Лэндор и др.), эстетики прерафаэлитов, французской литературы — от В. Гюго до Т. Готье и Ш. Бодлера и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М. П. 1938: Тургенев и испанские писатели // Литературный критик. 11, 136–144.
- Алексеев М. П. 1989: Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 268–307.
- Арсеньев К. К. 1884: Новые сборники русской поэзии // Вестник Европы. 5, 257–273.
- Брандес Г. 1889: Новые веяния. Литературные портреты и критические очерки. СПб.
- Гальперин-Каминский И. 1896: Письма И. С. Тургенева к его французским друзьям // Русская мысль. 7, 87–89.
- Гербель Н. В. 1875: Английская поэзия // Английские поэты в биографиях и образцах / Н. В. Гербель (сост.). СПб., VII–XXXII.
- Дьяконова Н. Я. 1978: Английский романтизм: проблемы эстетики. М.
- Жаткин Д. Н. 2006: «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. 1, 9–13.
- Жаткин Д. Н. 2008: Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840–1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 3, 137–144.

⁴³ Дьяконова 1978, 199.

⁴⁴ Кирпичников 1892, 942.

⁴⁵ Кирпичников 1892, 942.

⁴⁶ Кирпичников 1892, 942.

- Жаткин Д. Н., Чернин В. К.* 2009: Монодрама Альфреда Теннисона «Мод» в переводческом осмыслении А. М. Федорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 6 (2), 134–141.
- Жаткин Д. Н., Чернин В. К.* 2010: Теннисоновские мотивы в поэтическом творчестве О. Н. Чюминой // Вестник Ставропольского государственного университета. 4, 77–82.
- Кирпичников А. И.* 1892: Очерк истории литературы XIX столетия // Всеобщая история литературы: в 4 т. Т. 4. СПб., 555–1048.
- Конт Ф.* 1973: Альбер-Адриен Реньяр — корреспондент «Вестника Европы» // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 258–268.
- Мостовская Н. Н.* 1971: Тургенев и «Вестник Европы» // Ученые записки Курского педагогического института. Т. 74. Орел, 222–235.
- Нордау М.* 1894: Вырождение (Entartung). СПб.
- Полонский Я. П.* 1884: И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину // Нива. 7, 158.
- Реньяр А.* 1875: Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии. Письмо I // Вестник Европы. 1, 336–370.
- Сементковский Р. И.* 1898: Что нового в литературе? // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 2, 547–562.
- Суинберн А. Ч.* 1880: Ежедневное Новое время. 89, 699–703.
- Сухотин С. М.* 1894: Из памятных тетрадей // Русский архив. VII, 433–447.
- Тургенев И. С.* 1965а: Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л. У<сов> С. 1912: Мозаика // Исторический вестник. 12, 1051–1052.
- Фет А. А.* 1890: Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 2. М.
- Шерр И.* 1898: Иллюстрированная всеобщая история литературы: в 2 т. Т. 2. М.
- Штерн А.* 1895: Всеобщая история литературы. СПб.
- Чернышевский Н. Г.* 1950: Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. М.
- [Рец.:] Mary Stuart, a Tragedy by A. C. Swinburne 1881 // Заграничный вестник. 12, 241–244.
- Moore G.* 1888: Tourgueneff // Fortnightly Review. XLIX, 236–238.

RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE LAST QUARTER OF THE 19th CENTURY ON A.CH. SWINBURNE WORKS

D. N. Zhatkin, E. V. Komarova

The paper considers peculiar perception of A. Ch. Swinburne works by Russian writers and literary critics of the last quarter of the XIX century who were under the influence of West European critics. I. S. Turgenev, the first Russian writer to turn attention to A. Ch. Swinburne's works, rated the poet unknown in Russia very highly. N. G. Chernyshevsky rated A. Ch. Swinburne's creative potential much higher than that of Victor Hugo whom the English writer imitated and admired. N. V. Gerbel called A. Ch. Swinburne the founder of the "satanic school" and recognized steady growth of the young poet's popularity. Russian perception of Swinburne was many-sided with regard for the amount of influence the poet was exposed to. It was also characterized by an attempt to fit Swinburne's works into the context of Russian literature development.

Key words: A. Ch. Swinburne, Russian literary criticism, poetry, artistic translation, tradition, intercultural communication

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (К. Д. БАЛЬМОНТ, М. А. ВОЛОШИН,
С. С. РОЗАНОВ, В. К. МЮЛЛЕР)*

В статье рассматривается внимание к «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло со стороны К. Д. Бальмонта, который, не ограничившись переводом (1899) и написанием пояснительной статьи к произведению («Несколько слов о типе Фауста»), стал на многие годы поклонником Марло, подтверждением чему являются благожелательные упоминания об английском драматурге в сборнике статей «Горные вершины» (1904), в эпистолярной, а также создании К. Д. Бальмонтом в 1916 г. сонета «Марло». В эпоху революции и гражданской войны в России произошел всплеск интереса к елизаветинскому театру, сопровождавшийся появлением не только отдельных примечательных высказываний (М. А. Волошин), но и целого ряда исследований (С. С. Розанов, Б. П. Сильверсван, С. К. Боянус, А. А. Смирнов, В. К. Мюллер), характеризующих те или иные аспекты жизни и творчества Кристофера Марло применительно к тенденциям развития английского театрального искусства.

Ключевые слова: К. Д. Бальмонт, Кристофер Марло, драма, русско-английские историко-культурные и литературные связи, литературная критика, традиция

Публикация «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло в переводе К. Д. Бальмонта (первое издание этого перевода увидело свет в VII и VIII томах журнала «Жизнь» за 1899 г.¹, второе — в 1912 г. в книгоиздательстве К. Ф. Некрасова²) предварялась двумя статьями, одна из которых — «Предисловие к английскому изданию»³ — принадлежала английскому психологу и писателю Хэвлоку Эллису, другая — «Несколько слов о типе Фауста»⁴ — русскому поэту и переводчику К. Д. Бальмонту. В статье Х. Эллиса были сформулированы текстологические принципы, использовавшиеся английскими публикаторами «Трагической истории доктора Фауста», обоснована значимость издания 1604 г. в сравнении с другими, позднейшими изданиями, содержащими прибавления, написанные «хорошим, искусным подражателем марловского стиля»⁵, отмечено,

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. E-mail: ivb40@yandex.ru

Рябова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: sva00@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX — начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

¹ См.: Марло 1899.

² См.: Марло 1912.

³ Эллис 1912, 3–4.

⁴ Бальмонт 1912, 5–18.

⁵ Эллис 1912, 3–4.

что произведение Марло, разделенное только на сцены, «это не столько правильная драма, сколько драматическая поэма»⁶.

К. Д. Бальмонт, обратившись к осмыслению типа Фауста, дошедшего до последующих поколений благодаря старинной немецкой народной легенде, признавал, что это «тип средневековья», когда мир представлялся «замкнутым, строго ограниченным», подобным «тяжелому, мрачному замку, в котором непременно были и высокие пиршественные залы, и сырые подземные темницы»⁷. Для истории доктора Фауста была крайне важна средневековая символика неизбежности, в которой был угадан «трагический характер соприкосновения человеческой души со злом, неизлечимый характер душевной заразы, заключающийся уже в самом факте встречи между человеком и Дьяволом»⁸. По мнению К. Д. Бальмонта, тип Фауста, подобно типам Дон Жуана и Прометея, сложился «под черной звездой», определяемой понятием *демонизма* и неизбежно подводящей всех его представителей к роковому концу вследствие «стремления выйти за пределы своего собственного «я», жгучего желания *преступить возможность*»⁹. Желая «порвать установленный узор бытия», изменить соотношение между миром и человеком, соединить воедино «совершенство с несовершенным, истину и разум»¹⁰, Фауст обрекает себя на гибель.

Признавая высокие достоинства предложенной И.-В. Гете наиболее известной трактовки народной легенды, позволяющие считать гетевского «Фауста» «одним из самых блестящих созданий человеческого ума»¹¹, К. Д. Бальмонт, однако, видел у И.-В. Гете «огромный хаотический сбор фактов и сцен, не облеченных органической стройностью и лишенных творческой гармонии»¹², вследствие чего и концентрировал свое переводческое внимание на «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло, отмечая, что последний «уловил все основные моменты народного предания, удержал его мрачный характер и в то же время сумел придать своему произведению тот резко индивидуальный отпечаток, каким отмечены и другие его драмы»¹³. Характерные для марловских сцен «трогательная наивность, определительность и известная старомодная тяжеловесность» и составляют, на взгляд К. Д. Бальмонта, ту первооснову, которая позволяет глубоко погрузиться в ту давнюю историческую эпоху, «когда козней Дьявола боялись ежеминутно, когда можно было побывать в Аду и возвратиться на землю с закопченным лицом, как это случилось с Данте, и когда небо было так низко от земли, что высокие горы, для того, чтобы пройти сквозь него, если не порывали, то отгибали его голубой покров»¹⁴. И даже некоторая содержательная ограниченность трагедии Марло в сравнении с «мозаичной поэмой» И.-В. Гете представлялась К. Д. Бальмонту скорее достоинством, нежели недостатком, ибо свидетельствовала не об «ограниченности бедности», а о «стройной замкнутости художественной цельности»¹⁵. В отличие от

⁶ Эллис 1912, 4.

⁷ Бальмонт 1912, 6.

⁸ Бальмонт 1912, 6.

⁹ Бальмонт 1912, 12.

¹⁰ Бальмонт 1912, 13.

¹¹ Бальмонт 1912, 15.

¹² Бальмонт 1912, 16.

¹³ Бальмонт 1912, 16.

¹⁴ Бальмонт 1912, 16–17.

¹⁵ Бальмонт 1912, 17.

И.-В. Гете, представившего «искусственно соединенные разнородные черты долгой и богатой жизни, полной холодных наблюдений ума», Марло, по свидетельству русского поэта-переводчика, передал «отдельный, ярко выраженный психологический момент, полный неукротимого кипения»¹⁶, тем самым пробудив у читателя глубокие чувства.

Г. В. Мурзо в 2008 г. в результате краеведческих разысканий в Государственном архиве Ярославской области впервые ввела в научный оборот письмо К. Д. Бальмонта издателю его перевода «Трагической истории доктора Фауста» К. Ф. Некрасову (ГАЯО, ф. 952, оп. 1, ед. хр. 24), содержащее не только финансовые договоренности, достигнутые в канун выхода книги, но и интересные суждения о Марло как «изумительном поэте» и «замечательной личности»: «Касательно же Марло (которого, кстати, я взялся бы еще охотнее воссоздать целиком на русском языке, ибо он не только изумительный поэт <...> но и замечательная личность), я нахожу, что вполне справедливо мне получить по 100 руб. за действие <...> но, так как я переводил его не для Вас в частности и драма уже была напечатана, я согласен на <...> 2000 экземпляров <...> с уплатой мне 300 рублей»¹⁷. Годы спустя, характеризуя в «Слове о Бальмонте» (1936), написанном по случаю пятидесятилетия творческой деятельности поэта, его переводческое мастерство, М. И. Цветаева не преминула упомянуть и о его обращении к пьесам Кристофера Марло: «Бальмонтом, со вступительными очерками и примечаниями, переведено <...> Уайльд, Кристоф Марло, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Шарль-Ван-Лерберг, Гауптман, Зудерман ...»¹⁸.

Отметим, что имя Кристофера Марло появлялось в творчестве К. Д. Бальмонта и в 1904 г. в сборнике литературно-критических статей «Горные вершины», где было названо в очерке «Чувство личности в поэзии» в числе других имен представителей елизаветинской драматургии, воспринимавшейся в качестве вершины «общего поэтического подъема»: «Кристофер Марло, Шекспир, Бен Джонсон, Вебстер, Миддлтон, Бомонт, Флетчер, Джон Форд, Массинджер, Деккер выразили все основные черты Английского Гения, и, если возникали великие английские поэты и после них, такого общего поэтического подъема и такой неукротимой <...> свободы не было в поэтическом творчестве Англии больше никогда»¹⁹. В том же очерке Марло был охарактеризован как «предшественник и состязатель Шекспира»²⁰, «поэт, равный Шекспиру», создавший «первый тип Фауста, преобразив лубочную немецкую сказку в превосходную»²¹; К. Д. Бальмонтом было переведено и процитировано двустишие из второй сцены первого акта «Тамерлана Великого»: «В цепях железных тесно сжал я Судьбы, / И колесо верчу — своей рукой»²². Привлекли русского поэта-переводчика и слова честолюбивого Мортимера Младшего из «Эдуарда II» (акт V, сц. 7)²³, который, «замыслив чрезмерное, видит перед со-

¹⁶ Бальмонт 1912, 17–18.

¹⁷ Цит. по: Мурзо 2008, 149.

¹⁸ Цветаева 1994, 276. О переводческих принципах К. Д. Бальмонта см.: Жаткин, Чернин 2010а, 150–153; Жаткин, Чернин 2010б, 228–238.

¹⁹ Бальмонт 2010, 292.

²⁰ Бальмонт 2010, 303.

²¹ Бальмонт 2010, 293.

²² Бальмонт 2010, 294.

²³ О раннем переводе «Эдуарда II», предшествовавшем появлению фрагментарного перевода К. Д. Бальмонта, см.: Жаткин, Орлова 2010, 58–60.

бою казнь» и вступает в смелую полемику с неизбежным, враждебным роком: «О, низкая Судьба, теперь я вижу: / Есть точка в колесе твоём, такая, / Что, ежели к ней люди устремятся, / Они стремглав обрушиться должны. / Той точки я коснулся и, увидев, / Что более мне некуда всходить, / Зачем скорбеть я стал бы о паденьи? / Прощай, моя прекрасная царица; / Не плачь о Мортимере, этот мир / Он презрел, и, как путник, прочь уходит, / Чтобы открыть неведомые страны»²⁴.

Размышляя о любви, способной сделать самого ничтожного человека красноречивым, мастерски произносящим вечные слова, К. Д. Бальмонт приводил в пример сцену из «Трагической истории доктора Фауста» Марло, в которой главный герой, уже исчерпавший «все блага, которых он достиг ценою преступного договора с демоническими силами», обреченный на вечное осуждение, исполненный в душе смятения, ужаса, отчаяния, но при этом отказывающийся «в горьком сокрушении вызывать к Богу, извиваться, как червь, в покаянной тоске», вызывает магическим путем Елену Троянскую, целует ее и тем самым «уходит от раскаяния, от Бога, от вечности спасения, во имя вечности блаженного мига, чьей красоты не устранил самая вечность осуждения»²⁵. В очерке «Тип Дон Жуана в мировой литературе», также вошедшем в сборник статей «Горные вершины», К. Д. Бальмонт, проводя мысль о первой встрече как начале взаимной влюбленности, вспоминал известный стих Кристофера Марло: «В Дон Жуане всегда живет стих Марло, повторенный Шекспиром: “Кто полюбив — не сразу полюбил?”»²⁶.

Увлеченный творчеством Марло, К. Д. Бальмонт в 1916 г. создал сонет «Марло», впервые напечатанный годом позже в авторском сборнике «Сонеты Солнца, Меда и Луны: Песня миров», а затем неоднократно републиковавшийся в изданиях второй половины XX — начала XXI в., в том числе в бальмонтовском томе Большой серии «Библиотеки поэта»: «С блестящей мыслью вышел в путь он рано, / Учувя сочетание примет. / Преобразил в зарю седой рассвет / Повторной чарой зоркого шамана. / Величием в нем сердце было пьяно. / Он прочитал влияние планет / В судьбе людей. И пламенный поэт / Безбрежный путь увидел Тамерлана. / В нем бывший Фауст более велик, / Чем позднее его изображение. / Борец, что в самом миге низверженья / Хранит в ночи огнем зажженный лик. / И смерть его — пустынно-страстный крик / В безумный век безмерного хотенья»²⁷.

На публикацию «Трагической истории доктора Фауста» в переводе К. Д. Бальмонта откликнулся рецензией на страницах «Русской мысли» (1912, №2) искусствовед и литературный критик Б. А. Грифцов, отметивший, что издание марловской «Трагической истории доктора Фауста» будет интересно тем исследователям мировой литературы, кого интересуют вопросы «о происхождении форм трагедии Шекспира или о генезисе «Фауста» Гете», причем в данном случае будет важно не столько стремление признать «относительную ценность каждого литературного явления в каком-то прогрессирующем ряду», сколько желание увидеть «абсолютную ценность каждого явления»²⁸. В «Трагической истории доктора Фауста», как отмечал Б. А. Грифцов, «есть не только канва гетевской разнообразной и слож-

²⁴ Жаткин, Орлова 2010, 295.

²⁵ Жаткин, Орлова 2010, 296–297.

²⁶ Жаткин, Орлова 2010, 465.

²⁷ Бальмонт 1969, 419.

²⁸ Грифцов 1912, 427.

ной поэмы, но и первообраз ее частных (Вагнер, *слуга* Фауста, *Дух, имеющий форму* Елены Троянской, и т. д.)»²⁹. Сравнительная бедность и упрощенность марловских описаний воспринималась Б. А. Грифцовым как единственная возможность «выразить дух трагичности, утерянный среди необозримой сложности *мыслей* Гете», в связи с чем «Трагическая история доктора Фауста» и гетевский «Фауст» сопоставлялись как явления, имевшие самостоятельную художественную ценность и никоим образом не заслуживавшие поверхностных оценочных характеристик. В частности, критик видел достоинства трагедии Марло в органичности роли хора (крайне незначительной у Гете), в действенности буффонад (издевательство Фауста над папой в седьмой сцене, барышник, отрывающий ногу у Фауста, в одиннадцатой сцене), никоим образом не отвлекающих от основного развития сюжета (в отличие от эпизодических сцен у Гете), в выигрышности четырнадцатой (появление Елены под звуки музыки) и пятнадцатой (пророческая речь Старика) сцен, наконец, в стройности самого трагического действия, завершающегося «спокойно-безнадежными словами» о предначертанности судьбы³⁰. Указывая на интерес русского театра к гетевскому «Фаусту», Б. А. Грифцов выражал надежду, что «постановка поэмы Гете напомнит о возможности постановки действительной трагедии Марло»³¹.

В черновой редакции лекции М. А. Волошина «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову «Пиру»)», написанной в январе 1907 г., отмечались содомитские склонности многих великих людей, среди которых назывался и Марло³². К декабрю 1910 — январю 1911 г. относятся впервые опубликованные в 2008 г. по рукописи, хранящейся в Институте русской литературы РАН (ф. 562, оп. 1, ед. хр. 224), незавершенные наброски М. А. Волошина «<Современная скульптура>», в одной из которых — «Бурдель. Бюст Энгра», посвященной творчеству скульптора Эмиля Антуана Бурделя, последний сравнивался «с Фордом или Вебстером или Марлоу»³³ как «современниками Шекспира», прочно заслоненными фигурой великого соотечественника, ибо являлся «современником Родена», скрытым его величием. Другой набросок М. А. Волошина «Сервантес», представляющий собой план-конспект выступления поэта на вечере в III советском театре в Симферополе 3 апреля 1921 г., содержит краткую оценку Марло как человека с взрывным темпераментом, погибшего от удара кинжалом чуть выше правого глаза: «Люди нового времени, как бочки с порохом. Чрезмерная взрывчатость темперамента. Марлоу <...> Неверие, страсти <...> кинжал в глаз»³⁴. К этому же времени (ориентировочно к марту 1921 г.) относятся тезисы лекции М. А. Волошина «Смысл, цель и средства искусства», фрагмент которых приоткрывает отношение русского поэта к так называемому «шекспировскому вопросу»: «Шекспир (Вопрос о Бэконе. Невероятность гипотезы об авторстве актера Шекспира. Условия драматического труда Шекспировской эпохи. Вероятность коллективной работы Форда, Флетчера, Марлоу, Турнера, обработанной неизвестным гением)»³⁵.

²⁹ Грифцов 1912, 427.

³⁰ Грифцов 1912, 428.

³¹ Грифцов 1912, 428.

³² Волошин 2008, 836.

³³ Волошин 2008, 629.

³⁴ Волошин 2008, 675.

³⁵ Волошин 2008, 715.

С. С. Розанов в своей брошюре «Кристофер Марло» (1916), подготовленной на основе лекций, прочитанных в июле 1913 г. на Московских учительских курсах им. И. А. Копейкиной, признавал Шекспира и его ближайших предшественников и современников «настоящими исполинами», которые побуждали восторгаться «неисчерпаемым богатством своих замыслов, их величием, яркостью очерченных характеров, бездонной глубиной и ширью развернутых полотен жизни, остротой своей психологической зречести»³⁶, причем, будучи брошенными в «коловоращенье необоримых влечений», заплатив «щедрую дань стремительности и порывистости века», елизаветинцы становились «обреченными трагиками»³⁷, что наиболее отчетливо проявилось в судьбе Кристофера Марло — поэта своевольного и своенравного, к пылкой натуре которого в полной мере не применимы нормы «прописной» морали³⁸. Уже в первой трагедии Марло «Тамерлан Великий», по мнению С. С. Розанова, отчетливо проявилось «влечение к редкостным главам мировой истории, к большим ее масштабам, к людям-уникам», сохранившееся до самого конца краткой литературной карьеры «бурно-напряженного» поэта: «... он влекся к характерам, возвышающимся над уровнем человеческой середины, к людям львиной доли, к душам, которые снедает безудерж слепой страсти»³⁹. Не менее новаторской была и «Трагическая история доктора Фауста», концепция которой во многом отлична и от народной легенды, и от гетевского «Фауста», — здесь главный герой «порывается из темничных уз мертвой схоластики на приволье и простор живой науки, живого знания»⁴⁰, лелеет мечту о гармоничной жизни, не сознавая, что избранные им методы для достижения цели — «мятежное вымогательство <...> извечных тайн мира <...> взывания к адским силам <...> союз с Мефистофелем <...> вторжение в сферу запретного»⁴¹ — ведут к краху и гибели. И в более поздних произведениях — «Мальтийском еврее», «Эдуарде II» — Марло, на взгляд исследователя, мастерски «проявил свою психологическую прониновенность, свой дар преимущественного сосредоточения на внутреннем мире действующих лиц», заслужив полное право называться «реформатором английской сцены»⁴².

На фоне внимания к эпохе предшественников Шекспира, проявленного в театроведческих работах 1910-х — первой половины 1920-х гг., авторами которых были Б. П. Сильверсван⁴³, С. К. Боянус⁴⁴, ранний А. А. Смирнов⁴⁵, вызывает интерес фундаментальное исследование известного лексикографа, шекспироведа, переводчика В. К. Мюллера «Драма и театр эпохи Шекспира» (1925), многоаспектно затрагивавшее личность и творчество Кристофера Марло. Рассматривая борьбу двух школ в английском средневековом театре — народной и придворно-академической — исследователь связывал имена Шекспира и Марло с народным направ-

³⁶ Розанов 1916, 5.

³⁷ Розанов 1916, 6.

³⁸ Розанов 1916, 7.

³⁹ Розанов 1916, 10.

⁴⁰ Розанов 1916, 15.

⁴¹ Розанов 1916, 17.

⁴² Розанов 1916, 17.

⁴³ Сильверсван 1918, 1–46.

⁴⁴ Боянус 1920, 54–68.

⁴⁵ Смирнов 1923, 142–178.

лением, ибо их драматургия «выросла на народной почве, из глубоких народных корней, из реалистичного бытового элемента мистерий, из народного фарса»⁴⁶. В. К. Мюллер находил множество черт, отличавших произведения Шекспира, Марло, Бена Джонсона, Томаса Кида от классических пьес и сближавших их с мистериями, в частности, согласно требованиям классиков, убийства должны были происходить за сценой, а известия о них сообщаться вестниками, однако в пьесах названных елизаветинцев героям на сцене выкалывали глаза, их душили, вешали, один их персонажей откусывал себе язык, чтобы не отвечать на допросе, т. е. народная драма шла за мистерией, которая жестокостью изображения рассчитывала на назидательный эффект⁴⁷. Тем не менее, согласно В. К. Мюллеру, происходило и взаимодействие двух школ, проявившееся, в частности, в заимствовании английскими драматургами конца XVI в. из произведений Сенеки «его высокопарного стиля, его ужасов, его мелодрамы»⁴⁸, что наиболее отчетливо выразилось в трагедии Марло «Тамерлан Великий», «неистовые герои» которой не могли «ограничиться речью, напоминающей любого смертного»⁴⁹, а также в «Тите Андронике» Шекспира и «Испанской трагедии» Томаса Кида. По мнению ученого, елизаветинский театр, одним из ярких представителей которого был Кристофер Марло, достиг столь выдающегося успеха благодаря «общенародному характеру», который был утрачен в последующие годы, ставшие временем упадка, ориентации на придворные вкусы, «условное понятие о чести и условную мораль, — мораль фигового листка»⁵⁰.

В конце XIX — начале XX в. в силу усиления в обществе пессимистических настроений, сопровождавшихся поиском смысла существования и новых жизненных приоритетов, преобладающим стало внимание к «дьяволиаде» Кристофера Марло — его «Трагической истории доктора Фауста», что в 1899 г. привлекло внимание К. Д. Бальмонта, который, не ограничившись переводом и написанием вступительной статьи к нему «Несколько слов о типе Фауста», стал на многие годы поклонником Кристофера Марло, подтверждением чему являются благожелательные упоминания об английском поэте в сборнике статей «Горные вершины» (1904), в эпистолярной, а также создание К. Д. Бальмонтом в 1916 г. сонета «Марло». Символично, что в самые сложные, переломные годы, эпоху революций и гражданской войны (вторая половина 1910-х — первая половина 1920-х гг.) новый всплеск интереса к елизаветинскому театру привел к появлению целого ряда исследований (С. С. Розанов, Б. П. Сильверсван, С. К. Боянус, А. А. Смирнов), самым значительным из которых стала книга В. К. Мюллера «Драма и театр эпохи Шекспира» (1925), характеризующая отдельные аспекты жизни и творчества Кристофера Марло применительно к тенденциям развития английского театрального искусства.

⁴⁶ Смирнов 1923, 13.

⁴⁷ Смирнов 1923, 16.

⁴⁸ Смирнов 1923, 16.

⁴⁹ Смирнов 1923, 57.

⁵⁰ Смирнов 1923, 151.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальмонт К. Д.* 1912: Несколько слов о типе Фауста // Марло К. Трагическая история доктора Фауста / К. Д. Бальмонта (пер. с англ.). М., 5–18.
- Бальмонт К. Д.* 1969: Марло // Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вл. Орлова (вступ. ст., сост., подг. текста и прим.). Л.
- Бальмонт К. Д.* 2010: Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.
- Боянус С. К.* 1920: Внешний обиход придворного театра времен королевы Елизаветы // Ежегодник Петроградских государственных театров. Сезон 1918/1919 г. / А. С. Поляков (ред.). Пг., 54–68.
- Волошин М. А.* 2008: Собрание сочинений / В. П. Купченко, А. В. Лавров (ред.). Т. 6. Кн. 2. М.
- Грифцов Б. А.* 1912: [Рец.:] Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста / К. Д. Бальмонт (пер.). М., 1912 г. Стр. 152. Ц. 80 к. // Русская мысль. XII, 427–428.
- Жаткин Д. Н., Орлова Н. Ю.* 2010: Н. В. Гербель — переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. 3, 58–60.
- Жаткин Д. Н., Чернин В. К.* 2010а: Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К. Д. Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. 4, 150–153.
- Жаткин Д. Н., Чернин В. К.* 2010б: Стихотворения Альфреда Теннисона «Кракен» и «Слезы, бесполезные слезы...» в творческой интерпретации К. Д. Бальмонта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 1, 228–238.
- Марло К.* 1899: Трагическая история доктора Фауста // Жизнь. VII, 178–216; VIII, 11–42.
- Марло К.* 1912: Трагическая история доктора. М.
- Мурзо Г. В.* 2008: Под северным небом Ярославля: К. Д. Бальмонт // Ярославский педагогический вестник. 2, 146–160.
- Мюллер В. К.* 1925: Драма и театр эпохи Шекспира. Л.
- Розанов С. С.* 1916: Кристофер Марло. М.
- Сильверсван Б. П.* 1918: Театр и сцена эпохи Шекспира в их влияние на тогдашнюю драму // Сборник историко-театральной секции. 1, 1–46.
- Смирнов А. А.* 1923: Английский театр в эпоху Шекспира // Очерки по истории европейского театра: Античность, Средние века и Возрождение / А. А. Гвоздев, А. А. Смирнов (ред.). Пг., 142–178.
- Цветаева М. И.* 1994: Слово о Бальмонте // Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М., 271–280.
- Эллис Х.* 1912: Предисловие к английскому тексту // Марло К. Трагическая история доктора Фауста. М., 3–4.

UNDERSTANDING CHRISTOPHER MARLOWE'S CREATIVE WORK
IN RUSSIA IN LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES (K. D. BALMONT,
M. A. VOLOSHIN, S. S. ROZANOV, V. K. MULLER)

D. N. Zhatkin, A. A. Ryabova

The article deals with K. D. Balmont's interest in "The Tragical Story of Doctor Faustus" by Christopher Marlowe. The former translated the work (1899), wrote the pamphlet "A Few Words about Faustus", and became an admirer of Marlowe for many years, which is supported by his favorable comments about the English writer in his collection of articles "Mountain Peaks" (1904), in his letters, and the sonnet "Marlowe" (1916). The epoch of revolutions and civil war in Russia saw a new wave of interest in Elizabethan theatre that was followed by sweeping

statements (Voloshin) and a number of literary research (M.A. Voloshin, S.S. Rozanov, B.P. Silverswan, S.K. Boyanus, A.A. Smirnov, V.K. Muller), which characterized some aspects of Christopher Marlowe's life and creative work in the context of English theatre tendencies.

Key words: K.D. Balmont, Christopher Marlowe, drama, Russian-English cultural and literary connections, literary criticism, tradition

© 2013

Л. И. Щелокова

СЕМИОСФЕРА ОКОПА В РОМАНЕ В. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»

В статье анализируется этапное произведение В. Некрасова «В окопах Сталинграда», рассматривается пространство окопа, формирующее этические нормы людей. Смысловое множество данного понятия взаимодействует с миром и людьми (дом, инициация, Родина), выстраивая бинарную оппозицию мир/война не только в пространственно-временном плане, но и в духовно-психологическом.

Ключевые слова: русская литература XX века, Великая Отечественная война, В. Некрасов, «окопная правда».

В сложившейся традиции описания военных событий в русской классической литературе принято выделять особый *крупный план* (термин используют Ю. Лотман, Е. Эткинд) изображения воюющего человека. Исследователи обнаруживают его в произведениях XIX столетия при воспроизведении происходящего на войне (Л. Н. Толстой, В. М. Гаршин). Литература о Великой Отечественной войне, к сожалению, недостаточно осмыслена в русле преемственности аналогичного способа показа, придающего онтологическое значение деталям боевых будней, где виден подвиг преодоления, терпения, мужества и способность воюющего человека к рефлексии. «Поколение лейтенантов», пришедшее в литературу с духовным опытом *личной войны*, желало *осознать себя*, в том числе и погибших товарищей в недавней битве. Их рефлексия, искренность в передаче ощущения фронта утвердили видение войны, с преобладанием короткой временной и пространственной дистанции, через укрупненную деталь на переднем плане. Проследим, как в одном из первых подцензурных сочинений о Великой Отечественной войне формировалось направление *окопной правды*, утверждался приоритет пространства окопа.

Роман (сохраним авторское определение жанра) В. Некрасова «В окопах Сталинграда» вскоре после выхода (1946) начал прочно ассоциироваться с тер-

Щелокова Лариса Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей литературы и читательских практик Московского городского педагогического университета. E-mail: lariva2007@yandex.ru

мином «окопная правда», изначально с негативной оценкой, но в последующие

десятилетия обозначающим направление в литературе о Великой Отечественной войне. Уже первые читатели произведения В. Некрасова отметили в нем «истину действительности»¹. Прозаики конца 1950-х — начала 1960-х гг. продолжили овладевать батальной темой, трансформируя свое уникальное знание войны в *лирическую исповедь*², расширившую тематический диапазон. А. Г. Бочаров увидел их новаторство, в «обогащении нашего знания»³ о войне. Добавим, что оно происходило не за счет событийной информации. Достижением «лейтенантов» явилось смещение акцента на внутренний мир человека, его ценностный потенциал, что и составило суть углубленного психологизма. Скрупулезность взгляда на фронтовую реальность, обостренное восприятие окружающей яви войны, свойственное молодому воину, расширило знание о человеке воюющем, стоящим на пороге жизни и смерти. Сокращение пространственных и временных дистанций укрупняло осмысление аксиологического конфликта *человек и война*, формировало ценностную структуру.

Участники боев воссоздают войну через индивидуальные детали, личные переживания, концентрируясь на *внутреннем человеке*, его способности к духовному росту либо падению. В документальной точности изображения фронтовых будней мы видим — продолжение классической традиции, выразившейся в показе значительного исторического события с точки зрения «среднего героя» и его «малой истории» с обилием незначительных с точки зрения *большой войны* деталей, но для него существенный показатель духовного состояния человека. Подобный *рядовой / окопный взгляд* на сражение мирового масштаба реализовал В. Некрасов, поэтому можно говорить о расширении аксиологической *сферы окопа*.

Сталинградский окоп образует *ценностный топос*, понятие «окоп» имеет несколько смыслов. Военное толкование — это земляное укрепление для защиты от вражеских пуль и снарядов. С другой стороны, вся жизнь бойца на передовой линии проходит в окопе, заменяющем воину дом. В мифологическом понимании дом в земле — это исходная точка: все из земли рождается и в землю возвращается. В контексте военной темы окоп — это ещё и место инициации, где происходит посвящение в воины. Окоп — ближайший к противнику рубеж, принуждающий воюющего человека побеждать страх, боль, в конечном итоге, преодолев себя, совершить героический поступок.

Восприятие событий в *окопном ракурсе*, наблюдается уже с первых строк произведения, где без экспозиции констатируется факт: «Приказ об отступлении приходит неожиданно»⁴. С одной стороны, ощущение внезапности, а с другой — расчет на осведомленного собеседника, как будто бы рассказ продолжается между хорошими знакомыми, и нет необходимости повторять известные факты. В пространство окопа допущены *посвященные*, оно закрыто для *иных*, отгороженность от большого мира, откуда *приходит приказ*, придает ему сакральный статус. Отношение к приказу угадывается в сожалении о напрасно проведенных оборонительных работах. Связной штаба Лазаренко — вестник новости встре-

¹ Платонов 1947, 12.

² Понятие «исповедь поколения» широко применяют к лейтенантской прозе, в частности, Лейдерман 2006, 164.

³ Бочаров 1978, 16.

⁴ Некрасов 1991, 5.

чается настороженно, он, «придерживая рукой хлопающую по спине винтовку, <...> рысцой бежит через огороды, и по этой рыси я сразу понимаю, что не концертом пахнет...»⁵. Интуитивное видение в портрете Лазаренко выделяет винтовку, мешающую его *рыси*. В эпизоде — ключ к изображению Сталинградского сражения, акцент на войне и его внутреннем состоянии снижает пафос решающей битвы, ее ход дан вторым планом, *через судьбу и роль* человека в ней.

План отступления и неизбежного окружения обсуждается по нормам *окопной модели поведения* — капитан Максимов неожиданно спрашивает: «А вы женаты?»⁶. Личный вопрос возможен в доверительной атмосфере окопной этики. На фронте важна не только боевая биография бойца, но и его довоенная жизнь. Синтез мирного и боевого дает полное представление о *человеческом потенциале* воина и показывает человека в *Событии*, а не само *Событие*. В мгновения откровенности, почти исповеди, исчезает дистанция между начальником и подчиненными, открывая новый уровень общения и разрушая непреодолимую, как казалось раньше, границу между начальством и подчиненными. *Отход/отказ* от строгого служебного стиля приводит к неожиданному для подчиненных признанию: «Я вот тоже не женат и теперь жалею. Жена необходима. Как воздух, необходима. Именно теперь...»⁷. Признание в кругу близких объединяет людей, у подчиненных складывается «такое впечатление, что ему хочется что-то рассказать, но он или стесняется, или не решается»⁸. В то же время каждому из присутствующих хотелось бы сказать многое и о себе, эффект недосказанности усиливает беспокойство. Герой раскрывается через опосредованную реакцию на *Событие*, в череде мелких деталей. К примеру, командир Максимов: «С его приходом все умолкают. Чтобы не казаться праздными — инстинктивное желание в присутствии начальника штаба выглядеть занятым, — копошатся в планшетках, что-то ищут в карманах»⁹. Читатель узнает о Максимове только скудные данные: «...его прямые, точно на параде, шаги»; «подтянутый, сухой, как всегда застегнутый на все пуговицы...»; «слова у Максимова отточены. В каждом слове звучит каждая буква. Он был бы неплохим диктором»¹⁰. Всё говорит о неординарной натуре кадрового военного, любящего порядок и точность, — идеальные качества для профессионала. Но сквозь служебные черты постепенно проступают его переживания и волнения из-за неминуемой опасности окружения. В ходе обсуждения предстоящего похода печальная перспектива «колечка» обсуждается в демонстративно небрежном тоне, скрытое напряжение прорывается наружу:

«— Дело — дрянь, в общем... “Колечка” нам не миновать. — Он [Максимов — Л.Щ.] прямо в упор смотрит Ширяеву в глаза. — Береги патроны <...> особенно не стреляй. Так, для виду только. И в бой не вступай. Ищи нас. Ищи... Где-нибудь да мы будем <...> Но помни и ты, Керженцев <...> до восьмого ни с места. Понятно? Хоть бы земля под вами проваливалась»¹¹.

⁵ Некрасов 1991, 5.

⁶ Некрасов 1991, 10.

⁷ Некрасов 1991, 10.

⁸ Некрасов 1991, 10.

⁹ Некрасов 1991, 7.

¹⁰ Некрасов 1991, 7-8.

¹¹ Некрасов 1991, 9-10.

Переживаемый трагизм ситуации не обсуждается. Тревога ощущается в ритмическом синтаксисе (повторы, паузы, инверсии). Близкая опасность заставляет вспомнить о суевериях, командир Максимов неожиданно для подчиненных рассказывает свой сон: «У меня сегодня два передних зуба выпали <...> Бабы говорят, близкий кто-то умрет»¹². Вещий сон предсказывает будущее, высвобождает из подсознания загнанные страхи. На пороге смерти каждый участник разговора оценивает свой путь, прощается с жизнью, таким образом, воссоздается внутренняя, а не внешняя история войны.

Можно говорить о доминанте *человеческого* в романе. Многие портретные характеристики порой соседствуют со служебными качествами. К примеру, командир взвода изображен как «молоденький, новоиспеченный, с чуть-чуть пробивающимися усиками»¹³. Среди определений персонажа — только *новоиспеченный* имеет служебную коннотацию, дополненное исполнительностью в сочетании с общечеловеческой оценкой «славный, старательный», но «только слишком старшины боится»¹⁴. «Мальчуган» завершает оценку воина, акцентируя внимание на возрасте — почти ребенке, человеке мирной жизни, попавшем на войну. Оппозиция *ребенок/война* ассоциативно напоминает о неотвратимой жертвенности войны.

И в образе политработника обнаружены не только служебно-идеологические качества. Сенечка Лозовой — лейтенант, которого, вопреки субординации, все называют просто «Сенечкой». Официальный тип взаимоотношений заменяет *окопный устав*. Свойства политработника оценены его товарищами из окопа: «— Работает как дьявол. Инициативы и фантазии в нем столько, что и не поймешь, где она у него, такого маленького и щупленького, помещается»¹⁵. Изобретательность Сенечки не знает границ: из «тряпок и немецкого обмундирования» он сделал чучело, похожее на Гитлера, установив на нейтральной земле, просил фашистов стрелять по нему: «навесил на него табличку “Стреляйте в меня!” и вместе с разведчиками как-то ночью поставил его <...> между нами и немцами. Те расстреляли, целый день из пулемета по своему фюреру стреляли, а ночью выкрали чучело»¹⁶. Всеобщая любовь бойцов к Сенечке подтвердилась в количестве подписей письма ему в Москву: «еле-еле на четырех страницах уместились: что-то около ста подписей вышло»¹⁷.

Порой создается впечатление свободной фиксации происходящего, превалирование непосредственной реакции. Сосредоточенность на ближнем круге обусловлена личной формой повествования, ее можно интерпретировать как *окопный угол зрения*. В связи с этим звучат смелые для 1940-х годов высказывания, определившие позицию рассказчика и его отношение к приезду проверяющего: «Опять тащись на передовую, показывай оборону, выслушивай замечания. Пропала ночь. И за все инженер отдувайся»¹⁸. В просторечных глаголах-знаках: «тащись» и «отдувайся» раскрывается отношение к неприятной будничной повинности, образуя

¹² Некрасов 1991, 10.

¹³ Некрасов 1991, 13.

¹⁴ Некрасов 1991, 13.

¹⁵ Некрасов 1991, 186.

¹⁶ Некрасов 1991, 186.

¹⁷ Некрасов 1991, 186.

¹⁸ Некрасов 1991, 5.

сферу *телесного* или *окопного* восприятия войны, в этом и состоит суть военных испытаний: *память тела*. Натуралистическая поэтика романа, думаем, рождена эмпирическим *опытом окопа* первых послевоенных лет.

«Командирский лаконизм»¹⁹ определил своеобразие языка романа. Полагаем, можно говорить и о специфическом *лаконичном психологизме* (или *психологическом лаконизме*). К примеру, назывные предложения чаще всего передают экстремальную ситуацию, одной — двумя чертами определяют эмоциональную константу персонажа. Накануне атаки волнение бойца передано лаконично, как будто бы в ремарках, где угадывается тревога перед вынужденным взрывом ТЭЦ: «За оврагом постреливают, а так, ничего. Опять курим. Выходим на двор, смотрим на звезды, ракеты, четырехтрубную громаду ТЭЦ. Возвращаемся. Садимся. Курим. Включаем мостик. Выключаем. Молчим. В пять снова звонок. Можно ложиться спать»²⁰. Впечатление *сиюминутности* создается благодаря механическим действиям, их автоматизм снижает внешнюю экспрессивность, поэтому внутреннее напряжение распознается читателем без дополнительных пояснений, образуя эффект *психологического лаконизма*. Он заметен в эпизоде атаки, с акцентировкой на отдельных, сменяющих друг друга «кадрах»: «Бегу прямо на бак с тремя дырками. Справа и слева кричат. Трещат автоматы. Бьют по колену засунутые в карман шинели магазины автомата. Кто-то с развевающимися ленточками бескозырки бежит впереди меня. Я никак не могу его догнать. Баки куда-то исчезают, и я вижу только ленточки. Они страшно длинные, вероятно до пояса.

Я тоже что-то кричу. Кажется, просто «а-а-а-а». Бежать почему-то легко и весело. И мелкая дрожь в животе — от автомата. Указательный палец до боли в суставах прижимает крючок»²¹. Внимание бойца, находящегося среди других, бегущих в атаку, фиксирует звуковые раздражители: крик, треск; визуальные: ленточки бескозырки удивляющей длины. Его самостоятельные действия в основном механические, ситуативная цель упрощена — добежать до бака. Автомат в руках воспринят тактильными ощущениями, отключающими сознание. Безотчетное, можно сказать, рефлекторное участие в атаке приобретает у В. Некрасова статус *окопного натурализма*. Окружающую реальность боец ощущает своим естеством. Нагляднее это иллюстрирует эпизод мощной воздушной атаки: «Сплошной грохот. Все дрожит мелкой противной дрожью. На секунду открываю глаза. Ничего не видно. Не то пыль, не то дым. Всё затянуто чем-то сплошным и мутным. Опять свистят бомбы, опять грохот. Я держусь за перила <...> Мысли нет. Мозг выключился. Остается только инстинкт — животное желание жизни и ожидание. Даже не ожидание, а какое-то — скорей бы, скорей, что угодно, только скорей»²². Первая фраза, определив общую ситуацию, объясняет эмоциональную и психологическую реакцию героя. Постепенно положение уточняется, короткие предложения, глаголы указывают на чувства-доминанты, близкие инстинктам (страх и загнанность). Обстановка *общего грохота* испытывается физически: *дрожь тела* и *сплошной грохот* парализуют зрение и слух. Плотное пространство придавливает человека к земле, интуитивно ищущего в ней защиту, но «нету земли, чтобы в нее

¹⁹ Кардин 1989, 124.

²⁰ Некрасов 1991, 70.

²¹ Некрасов 1991, 89-90.

²² Некрасов 1991, 60.

врыться»²³. В данном случае можно говорить и об охранной функции окопа — убежища в земле. Культ земли с ее высокой символикой духовной и физической пищи [Господь повелел от земли кормиться] дополнен значением нравственного *окормления*. Родство с классической традицией наблюдаем во фрагменте о случайно услышанной Юрием Керженцевым фразе из разговора двух бойцов. «Лучше нашей [земли — Л.Ш.] нигде не сыщешь <...> Как масло земля — жирная, настоящая. — Он даже причмокнул как-то по-особенному. — А хлеб взойдет — с головой закроет...»²⁴ Глубинный смысл этих слов трактуется как намеченный путь воинов к героизму, их личностный рост сопряжен со строгим исполнением своего дела. Можно говорить о *подвижничестве* в понимании С.Булгакова, предполагавшем видеть в нем «прежде всего исполнение своего долга пред Богом, божьей заповеди, к нему обращенной»²⁵. Исконная роль крестьянина возделывать землю прервана войной, его преобразование в воина пробуждает внутреннюю «теплоту патриотизма» какой понимал её ещё Л. Н. Толстой. Полагаем, что в этом заключена часть *эмпирики* войны. Она рельефно показана и в непосредственных связях с осязаемыми предметами, например, о карте военных действий сообщается: «Так и не воспользовались мы той новенькой, хрустящей, с большим, разлапистым, как спрут, пятном Харькова в левом углу...»²⁶ В числе главных достоинств карты — тактильные качества, ее профессиональная невостребованность компенсируется радостью соприкосновения.

Длительное пребывание в окопе наполняется житейскими подробностями. К примеру, в минуту затишья звучит рассказ Чумака о его пребывании в госпитале. «Я лежу на боку, слушаю эту вечную историю о покорённой госпитальной сестре ...» И не верится, что час или два назад, мы отбивали атаки, волокли раненых по неудобным, узким траншеям, что сидим на пяточке, отрезанные от всех»²⁷. Читатель не слышит собственно *истории Чумака*, но ее отражение в рефлексии главного героя Юрия Керженцева определяет ее ценность и значимость не в бытийном смысле (какая именно медсестра была покорена), а в онтологическом аспекте, где значительность заключена в ином: *вечная история* поддерживает силы воинов во вражеском окружении, в период их духовного и физического отлучения от родной сферы. Она связывает их с полюсом мира и жизни.

Бинарная оппозиция мир/война предстает в батальной литературе в неразрывном единстве. Бойцы с передовой, оказавшись в городе, живущем еще пока в условиях мира, восхищены приметами довоенной жизни. Ее детали, казалось бы, хаотично бросаются в глаза условному путешественнику. «Сталинград встречает вылезавшим из-за крыш солнцем и длинными прохладными тенями. Повозка весело грохочет по булыжной мостовой. Дребезжат навстречу обшарпанные трамваи. Вереницы тупорылых “студебеккеров”. На них длинные, похожие на гробы ящики, “катюшины” снаряды. В лысых, покрытых щелями скверах — задранные к небу, настороженные зенитки. На базаре горы помидоров и огурцов.

²³ Некрасов 1991, 60.

²⁴ Некрасов 1991, 76.

²⁵ Булгаков, <http://tainoe.o-nas.info/index.php/books/223-vehi/2089-vehi-bulgakov-geroizm-podvizhnichestvo>

²⁶ Некрасов 1991, 13.

²⁷ Некрасов 1991, 149-150.

Громадные бутылки с золотистым топленым молоком. Мелькают пиджаки, кепки, даже галстуки. Я давно не видел этого. Женщины по-прежнему красят губы»²⁸. Обратим внимание, что встречаются воинов сакральные символы — солнце, вслед за ним — повозка, традиционно означающие жизнь и движение. Далее картина уточняется в синтетической форме, где война и мир взаимодействуют: скверы (признак мирного времени) хранят *настороженные зенитки* (предмет войны). Далее — *мирная* жизнь без признаков войны передана в наличии еды и гражданской одежде людей. Сочетание черт войны и мира в подлинном портрете города уравнивает обе силы — жизни и смерти. Заявившая о себе военной техникой война, побеждена миром. Торжество жизни подтверждают: оперетта, где идут «Сильва», «Марица», «Роз-Мари», зоопарк, где «по-прежнему грустит слон, неистовствуют мартышки, толстый, ленивый удав дремлет в углу своей клетки, на старой соломе»²⁹. Дополняет впечатление о стабильном укладе мирной жизни трогательная просьба библиотекаря «не загигать страницы»³⁰ у книг. Однако в душе воина нет прежнего удовлетворения от мирных занятий, он озадачен, потому что война подвергла ревизии духовные ценности. «Мы идем об руку, иногда останавливаемся около каменного парапета, облокачиваемся на него и смотрим вдаль. И Люся что-то говорит, кажется о Блоке и Есенине, и спрашивает меня что-то, и я что-то отвечаю, и почему-то мне не по себе и не хочется говорить ни о Блоке, ни о Есенине»³¹. Девушка старается вовлечь героя в сферу мира, но ее усилий недостаточно. Он недоуменно рассуждает: «Всё это когда-то интересовало и волновало меня, а сейчас отошло далеко, далеко... Архитектура, живопись, литература... Я за время войны ни одной книжки не прочел. И не хочется. Не тянет»³². Охарактеризовать себя *довоенного* героем сложно, на вопрос девушки: «А какой вы до войны были, Юра?»³³, он задумывается: «Ну что ей ответить? Такой же, как и теперь, только немножко иной. Любил на луну смотреть, и шоколад любил, и в третьем ряду партера сидеть, и сирень»³⁴. Сознание героя высвечивает различные предметы и явления привычного существования, отношение к ним обозначило, по его мнению, внутреннюю границу между мирным и военным человеком. Присутствующая раздвоенность реальности для героя связана с его осмыслением своей *военной* и *мирной* сущности. Его рефлексия направлена на осмысление смены мировоззрения. Усердное постижение своего внутреннего мира видим в эпизоде о впечатлениях Юрия после чтения газет: «На земном шаре спокойно <...> В <...> столицу Либерии прибыли американские войска. На Мадагаскаре английские войска тоже куда-то движутся <...> В Большом театре идет “Дубровский”. В Малом — “Фронт” Корнейчука. У Немировича-Данченко — “Прекрасная Елена” <...> А здесь, на глубине четырнадцати метров, в полутора километрах от передовой, о которой говорит сейчас весь мир, я чувствую себя так уютно <...> по-тыловому <...> Я <...> размышляю о высоких материях, о том, что все в мире относительно, что сейчас для меня идеал — вот эта землянка и котелок с лапшой

²⁸ Некрасов 1991, 43.

²⁹ Некрасов 1991, 55.

³⁰ Некрасов 1991, 56.

³¹ Некрасов 1991, 50.

³² Некрасов 1991, 50.

³³ Некрасов 1991, 52.

³⁴ Некрасов 1991, 53.

<...> а до войны мне какие-то костюмы были нужны и галстуки в полоску <...> И неужели же после войны, после всех этих бомбёжек, мы опять ...»³⁵. Элемент публицистичности в перечислении «сюжетов мира», отражённых в печати, создаёт сложный стереоскопический эффект бинарной оппозиции *мир/война*. С одной стороны, происходит сознательное сближение героя с космосом, с другой — окоп заменил ему весь мир, но в то же время окоп — часть большого мира. Система нравственных координат окопа, с *котелком лапши*, возвращает к базовым моральным ценностям, проецируемым на весь мир, утверждая невозможность возвращения к уровню потребительского мещанства.

Не проходит бесследно война и для духовного мира Чумака. Меняется его мнение о людях, мире. Он рассказывает о своих прежних разногласиях с Терентьевым, с которым они серьезно подрались до войны. Но в бою тот спасает Чумаку жизнь: «...Фрицы мне всю спину разрывной изодрали. Шагах в пятнадцати от их окопов. Я думал, что совсем конец уже. Пузыри стал пускать <...> А утром в нашем окопе очнулся. Оказывается, этот самый Терентьев приволок»³⁶. Путь от вражеского окопа к своему — модель жизненного пути с испытанием на преданность. Балансирование между жизнью и смертью приводит Чумака к пересмотру взглядов: «Понимаешь, до войны для меня ребята были <...> ну, чтобы пить не скучно одному было. А сейчас ... Вот у меня разведчик один <...> так я за него, знаешь, зубами горло перегрызу»³⁷. Духовная эволюция героя сопряжена с опытом окопной жизни, в окопе кристаллизуется ценностная структура его мира.

Новаторство В. Некрасова выразилось не только в особом подходе к воссозданию военных событий, но и в откровенных, не характерных для 1940-х годов, мыслях о неудачах начала войны: «Не везет нашему полку. Каких-нибудь несчастных полтора месяца воюем, и вот уже ни людей, ни пушек, по два-три пулемета на батальон... И ведь совсем недавно в бой вступили — двадцатого мая, под Терновой, у Харькова <...> Необстрелянных, впервые попавших на фронт, нас перебрасывали с места на место <...> Это было в период весеннего харьковского наступления. Мы терялись, путались, путали других, никак не могли привыкнуть к бомбёжке»³⁸. В этом публицистическом признании реализован *окопный угол зрения* с отсутствием панорамного взгляда, без информации о происходящем на других участках фронта. Только *сведущим*, т.е. тем, кто знает обстановку, можно поведать о наболевшем на языке, близком к разговорному стилю: «Перекинули нас южнее, в район Булацеловки, около Купянска. Пролежали и там недельки две. Копали <...> минировали, строили дзоты. А потом немцы перешли в наступление. Пустили танков видимо-невидимо, забросали нас бомбами. Мы совсем растерялись, дрогнули, начали пятиться. Короче говоря, нас вывели из боя, сменили гвардейцами и отправили в Купянск. Там опять дзоты, опять эскарпы и контрэскарпы, до тех пор, пока не подперли немцы. Мы недолго обороняли город — два дня только. Пришел приказ: на левый берег отходить. Взорвали железнодорожный и наплавной мосты и окопались в камышах на том берегу»³⁹. Непринуждённость

³⁵ Некрасов 1991, 166-167.

³⁶ Некрасов 1991, 156.

³⁷ Некрасов 1991, 157.

³⁸ Некрасов 1991, 11.

³⁹ Некрасов 1991, 11-12.

речи, неполная синтаксическая конструкция, просторечия, преобладание глаголов, местоимений, повторы напоминают стилистику монолога, предназначенного *товарищам из окопа*. Перечисление обстоятельств перипетий полка исключает собственно бой, о нем говорится отстраненно. На первом месте — переживание ситуации изнутри, чувство личной нереализованности и ненужности в деле защиты родины: «И вдруг как снег на голову — приказ... На войне никогда ничего не знаешь, кроме того, что у тебя под носом творится. Не стреляет в тебя немец — и тебе кажется, что во всем мире тишь и гладь, начнет бомбить — и ты уже уверен, что весь фронт от Балтийского до Черного задвигался»⁴⁰.

Обстоятельный рассказ о неудачах на фронте *звучит* из *окопа* с его частной оценкой своей роли в большом событии, в то же время приходит осознание ошибок/грехов начальства и стремление не только оправдаться, но и разделить эти грехи. Принимая во внимание форму множественного числа, можем говорить о своеобразной *покаянной исповеди* поколения. Фраза «на войне никогда ничего не знаешь, кроме того, что у тебя под носом творится» — ключевая для избранной точки зрения, отбора фактов, авторской позиции, обозначает внутренний взор, позволяющий увидеть событие не в панорамном свете, а изнутри, познавая в то же время и себя в нем. К публицистической исповеди тяготеет и откровенное заявление гражданского служащего, строителя ТЭЦ, Георгия Акимовича: «-Куда нам с немцами воевать <...> Немцы от самого Берлина до Сталинграда на автомашинах доехали, а мы вот в пиджаках и спецовках в окопах лежим с трехлинейкой образца девяносто первого года <...> Геройство геройством, а танки танками...»⁴¹. Чистосердечное признание обусловлено, по нашему мнению, ролью *доверителя поколения*, которую играет писатель.

Автору удалось включить в будничные контекст войны сложные вопросы военной стратегии, он с горечью говорит о неизбежном отступлении. Нестерпимо тяжело оставлять привычное место обороны, где все было сделано собственными силами. Оборонительная линия, окоп заменивший жилище, наделяются живой душой: «Обороны на Осколе более не существует. Все, что вчера еще было живым, стреляющим, ошестинившимся пулеметами и винтовками, что на схеме обозначалось маленькими красными дужками, зигзагами <...> на что было потрачено тринадцать дней и ночей, вырытое, перекрытое в три или четыре наката, старательно замаскированное травой и ветками, — всё это уже никому не нужно <...> Всё это мы оставляем без единого выстрела...»⁴². Совмещение двух точек зрения: рядового солдата, находящегося в окопе, и высшего командования, воспринимающего окоп только на карте боевых действий, образует стереоскопический эффект.

Совмещение позиций мирного населения и военной целесообразности передано в сцене молчаливых проводов бойцов из населенного пункта: «У ворот стоят женщины — молчаливые, с вытянутыми вдоль тела тяжелыми, грубыми руками. У каждого дома стоят, смотрят, как мы проходим мимо. И дети смотрят. Никто не бежит за нами. Все стоят и смотрят.

Только одна бабушка в самом конце села подбегает <...> Лицо в морщинах <...> В руках горшочек с ряженкой. Кто-то из бойцов подставляет котелок.

⁴⁰ Некрасов 1991, 11-12.

⁴¹ Некрасов 1991, 73-74.

⁴² Некрасов 1991, 18-19.

“Спасибо, бабуся”. Бабуся быстро-быстро крестит его и так же быстро ковыляет назад не оборачиваясь»⁴³. Возникает ассоциация с ритуалом погребения умерших: обреченные, оставленные, покинутые жители, принимающие смиренно и безропотно свою участь, готовят себя к смерти. Молчание женщин в застывших скорбных позах приобретает значение церемониального поминовения усопших, в данном контексте угощение ряженкой можно истолковать как элемент обряда. Сцена проводов-похорон может быть интерпретирована и как благословение воинов на их ратный путь, который, вероятно, закончится гибелью. Другой смысловой уровень открывается при сопоставлении сцены со знаменитой пушкинской ремаркой: «Народ безмолвствует» из трагедии «Борис Годунов». Соотнесение этих сцен образует аксиологический диапазон для осмысления роли народной оценки происходящих событий.

В русской классической традиции много внимания уделялось героическим поступкам во имя защиты родной земли. Литература о Великой Отечественной войне, усваивая опыт предшественников, тем не менее, в значительной степени воплощала советское понимание героизма, т.е. осмысление подвига во имя всеобщего дела. В. Некрасов трактует героизм в неожиданном для литературы тех лет ракурсе: в преодолении неверия в свои возможности и в конечном итоге пробуждение героического сознания у человека. Убедительно демонстрирует этот важный этап становления личности подготовка Юрия к атаке: «В половине одиннадцатого прилетит “кукурузник”. В одиннадцать я должен начать атаку. В начале первого появится луна»⁴⁴. Напряжение нарастает. На вопрос о ресурсах, герой резко отвечает: «Я располагаю не ресурсами, а кучкой людей. В атаку пойдет четырнадцать человек»⁴⁵. Командира, проверяющего подготовку к атаке, дерзко выгоняют на батальонный командный пункт. В момент разговора со старшим по званию командиром герой вдруг осознает, что принимает решение лично повести людей в атаку, хотя договоренность была другая. «Эта фраза о сопке вырвалась у меня как-то сама по себе»⁴⁶. Юрий Керженцев, получивший неожиданный приказ: взять сопку, отдает себе отчет в том, что это утопический план, но не подчиниться нельзя. Внутренние терзания показаны лаконично, нет развёрнутого описания его душевных борений. Перед атакой он смотрит на звезды, небо напоминает о вечности и помогает забыть о злободневности и осознать себя уже в космическом масштабе. К началу атаки появляется высокий символ — Вифлеемская звезда, превращаясь для него в путеводную. «Ползу. Все выше и выше <...> Прямо передо мной звезда — большая, яркая, немигающая. Вифлеемская звезда. Я ползу прямо на неё»⁴⁷. А после удачного ночного боя видим уже иную космическую картину: «Вифлеемская звезда сейчас уже над самой головой. Зеленоватая, немигающая, как глаз кошачий. Привела и стала. Вот здесь — и никуда больше»⁴⁸. Возникает прямая ассоциация с Евангельской традицией, образ Юрия можно соотнести с образом Георгия Победоносца. Он так же одерживает благородную победу над захватчиком / змеем.

⁴³ Некрасов 1991, 23.

⁴⁴ Некрасов 1991, 131.

⁴⁵ Некрасов 1991, 133.

⁴⁶ Некрасов 1991, 136.

⁴⁷ Некрасов 1991, 140.

⁴⁸ Некрасов 1991, 143.

Изображение смерти в батальной теме претерпевало изменения, у В. Некрасова зафиксировано пограничное состояние между жизнью и смертью. Лаконизм укрупняет изображение, подчеркивая черты натурализма: «Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшней всего <...> Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть»⁴⁹. Обратим внимание на характерную для писателя *сценичность* описания. Грань жизни/смерти отмечена в дыме от окурка, символизирующем душу бойца. В сцене гибели пулеметчика Петрова внимание сфокусировано на глазах бойца, которые: «вдруг останавливаются, точно он увидел что-то необычайно интересное, и весь он медленно, как-то боком, садится на дно. Мы даже не слышали выстрела. Пуля попала прямо в лоб, между бровями. Его оттаскивают. Беспомощно подпрыгивают по земле ноги — тоненькие, в широких болтающихся сапогах. На пулемете уже другой. И шея у него толстая и красная»⁵⁰. Концентрация на изумленных глазах юного бойца усиливает трагизм, усугубляемый контрастом внешних черт другого пулеметчика, у которого «шея толстая и красная». Противопоставление двух пулеметчиков нельзя расценивать негативно по отношению к последнему, подобная смена/замена бойцов подчеркивает всеядность войны, неизмеримость ее жертв, для смерти жертва лишена индивидуальности.

Значительное место в романе уделено Дому. Сакральный образ возникает в воспоминаниях главного героя. Мысль, обращенная к Дому, укрепляет его связь с миром, помогает обрести себя. Лирические воспоминания Юрия Керженцева о довоенной жизни в родительском доме начинаются с топонимических деталей, обретающих онтологический характер: «Вспоминается наша улица — бульвар с могучими каштанами; деревья разрослись и образовали свод. Весной они покрываются белыми и розовыми цветами, точно свечками»⁵¹. Высокие кроны деревьев ассоциативно напоминают контур храма с куполом, под ним расположены цветы-свечки цвета *духовной радости* (семантика розового и белого). Тоска о Доме выражена в воспоминаниях детства с реконструкцией событий, например, сбор каштанов — «аккуратненькие, лакированные <...> особенно много их <...> было под большим диваном»⁵². Каштаны и диван образуют весьма значимую пару в системе духовных координат, их статус *древности*, в условном смысле *сакральности* подчеркнут символическим рядом: могучие/старые каштаны, ребенок — бабушка. «Хороший был диван — мягкий, просторный. Я на нем спал <...> После обеда на нём всегда отдыхала бабушка. Я укрывал её старым пальто, которое только для этого и служило, и давал в руки чьи-нибудь мемуары или “Анну Каренину”. Потом искал очки. Они оказывались в буфете, в ящике с ложками. Когда находил, бабушка уже спала. А старый кот Фракас с обожженными усами жмурился из-под облезлого воротника...»⁵³

Духовное пространство Дома, где бабушка с «Анной Карениной» — константы мирного времени, сформировали личность героя. Столь зримые черты облика

⁴⁹ Некрасов 1991, 76.

⁵⁰ Некрасов 1991, 95.

⁵¹ Некрасов 1991, 14.

⁵² Некрасов 1991, 14.

⁵³ Некрасов 1991, 14.

Дома и в то же время недостижимые, пугают, поэтому воспоминания прерываются восклицанием: «Бог ты мой, как всё это давно было!.. А может, никогда и не было, только кажется...»⁵⁴ Но поток мыслей о Доме не остановить, пространство достраивается: «Направо — большой гардероб. В нем мы прятались, когда в детстве играли в прятки <...> На гардеробе картонки со шляпами. На них много пыли, её сметают только перед Новым годом, Первым мая и мамиными именинами — двадцать четвёртого октября»⁵⁵.

Гардероб — часть духовной атмосферы Дома с его традиционными семейными праздниками — Новым годом, именинами матери. Ассоциативный ряд жизни семьи продолжает другой предмет интерьера: комод с овальным зеркалом и бесчисленными вазочками и флакончиками. Звучит ностальгическая нота: «И всё это сейчас там ... у них... Последнюю открытку от матери я получил через три дня после сообщения о падении Киева. Датирована она была ещё августом. Мать писала, что немцев отогнали, канонады почти не слышно, открылся цирк и музкомедия»⁵⁶. Ощущается непреодолимая преграда для реализации желания *попасть домой*. Весточка из дома — тонкая нить, призрачный мостик, связывающий героя с мирным Домом. Дорогую реликвию он хранит уже много месяцев. «Иногда я вынимаю из бокового кармана открытку и смотрю на тонкие неразборчивые буквы. Они расплылись от дождей и пота. В одном месте, в самом низу, нельзя уже разобрать слов. Но я <...> всю открытку знаю наизусть...»⁵⁷ Символично исчезновение букв, дорогие строки надежно хранит душа. Открытка в этот момент заменяет Дом, поэтому Юрий пристально её изучает: отдельной темой звучат воспоминания о марке на открытке с изображением станции метро «Маяковская». Она вызывает милые сердцу думы о матери, умиление ее заботой. «Вот и сейчас мать наклеила красивую марку, как в детстве <...> долго выбирала, пока остановилась на этой — зеленой и красивой. Стояла над столом и, сняв пенсне, рассматривала их близорукими, сощуренными глазами...»⁵⁸. Сценичность воссозданного памятью эпизода мысленно переносит героя домой, для него хотя бы ненадолго создается эффект присутствия. Он не в силах сохранить спокойствие и скрыть тревогу об оставшихся в оккупации дорогих людях. «Неужели я уже никогда её не увижу? Маленькую, подвижную, в золотом пенсне и с крохотной бородавкой на носу <...> Неужели никогда больше не будем сидеть за кипящим самоваром с помятым боком, пить чай с любимым маминым вареньем»⁵⁹. Высокий образ Матери в условиях военного времени — трагичный, связанный с семейными традициями, родным городом, дорогими и любимыми улицами, ассоциируется с образом Родины, поэтому Юрий совершает мысленное путешествие по городу детства. Топонимика Киева играет большую роль в повествовании, благодаря названиям улиц, районов выстраивается малая родина героя. «Как соскучился я по твоим широким улицам, по твоим каштанам, по желтому кирпичу твоих домов, темно-красным колоннам университета... как я люблю твои откосы

⁵⁴ Некрасов 1991, 14.

⁵⁵ Некрасов 1991, 14.

⁵⁶ Некрасов 1991, 15.

⁵⁷ Некрасов 1991, 15.

⁵⁸ Некрасов 1991, 15.

⁵⁹ Некрасов 1991, 15.

днепровские. Зимой мы катались там на лыжах, летом лежали на траве, считали звезды и прислушивались к ленивым гудкам ночных пароходов...»⁶⁰ Воображаемая прогулка героя направлена вниз, к большой реке, с берегов которой видны звезды, образуется онтологическая триада (земля/вода/звёзды): «Я и теперь иногда гуляю по Крещатику. Завернусь в плащ-палатку, закрою глаза и иду от Бес-сарабки к Днепру <...> Я сворачиваю на Николаевскую. Это самая эффектная из всех киевских улиц <...> А дальше Ольгинская, Институтская <...> Тихие, сонные Липки, прохладные даже в жаркие июльские полдни. Уютные особнячки с запыленными окнами... Столетние вязы дворцового сада... <...> И стоп! — обрыв. Дальше — Днепр, и синие дали, и громадное небо, и плоский, ошетилившийся трубами Подол, и стройный силуэт Андреевской церкви, нависшей над самой пропастью, шлепающие колесами пароходы, звонки дарницкого трамвая...»⁶¹ Воспоминания удаляют героя от передовой линии, образуют бинарную структуру повествования. В воспоминаниях о личном доме обретается духовное Отечество, его предметы наполнены онтологическим смыслом. Будет сбережён Дом — будет жить человек. Ностальгическое путешествие восполняет душевное опустошение воина, оторванного от дома, препятствуя сиротству. Усиливается звучание вечных символов, в онтологический контекст включена и Андреевская церковь. Она играет роль *духовного берега* в сохранении равновесия над пропастью.

Не только главный герой, но и другие персонажи обнаруживают тесную связь с *духовным Домом*, в расширительном его значении. Например, Фарбер, Карнаухов наделены поэтическим даром (пишут стихи). Но если Карнаухов еще обладает и необходимыми военными талантами: отвага, мужество, выносливость и т.д., то у Фарбера эти качества не заметны. Керженцев всегда с недоумением смотрел на него и не понимал, как такой неприспособленный к полевым условиям жизни человек, попал на фронт. Долгое время Фарбер остается загадкой для Керженцева. Однако ночной разговор многое открыл в его характере. Оказалось, Фарбер больше любит Пятую симфонию П. И. Чайковского. «И мы молчим <...> Я опять вспоминаю Киев, Царский сад, каштаны, липы, Люсю, красные, яркие цветы, дирижера с чем-то белым в петлице...»⁶² Взаимопонимание между героями достигнуто благодаря обретению единой духовной сферы.

Создание образа Фарбера принято относить к художественным открытиям писателя. Автор передаёт не только его исключительную честность и скромность, но и благородство. Обратим внимание на развитие его характера — типичного интеллигента, не способного разоблачить старшину, крадущего «продукты у бойцов»⁶³, потому что для Фарбера «это почти непреодолимое препятствие»⁶⁴, ему неловко за чужой грех. Но в сцене суда над Абросимовым — приверженцем бездумного командования, Фарбер неожиданно для всех проявляет решительность, отвергая нападки на своих друзей. В ответ на обвинение их в трусости, он вдруг внезапно для окружающих включается в разговор.

⁶⁰ Некрасов 1991, 16.

⁶¹ Некрасов 1991, 16-17.

⁶² Некрасов 1991, 184.

⁶³ Некрасов 1991, 182.

⁶⁴ Некрасов 1991, 182.

«Струсили, говорите вы? Ширяев струсил? Карнаухов струсил? Это вы о них говорите?

Фарбер задыхается, моргает близорукими глазами <...> щурится. Я все видал <...> Как Ширяев шёл... И Карнаухов, и ... все как шли... Я не умею говорить... Я их недавно знаю <...> Храбрость не в том, чтоб с голой грудью на пулемёт лезть. Абросимов... капитан Абросимов говорил, что приказано было атаковать баки. Не атаковать, а овладеть. Траншеи, придуманные Ширяевым, не трусость. Это приём. Правильный приём. Он сберёт бы людей. Сберёт, чтоб они могли воевать. Сейчас их нет <...> Вы сами трус! Вы не пошли в атаку <...> Я всё видел...»⁶⁵ Сильное волнение героя передаёт неровный синтаксис, горячее желание отстоять честь погибших товарищей помогло ему преодолеть застенчивость. Для такого скромного человека — это личное *восхождение* к подвигу. Неслучайно, Керженцев после данной сцены отмечает «какие-то новые, твёрдые нотки»⁶⁶ в его манере говорить.

Усиление аналитического начала в романе воплотилось в значительной степени за счёт тщательно воссозданного пространства окопа, включённого в аксиологическую систему координат, проецируемую на отношения людей с миром и друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

Лотман Ю. М. 1998: Об искусстве. СПб.

Лотман Ю. М. 2010: Семиосфера. СПб.

Некрасов В. П. 1991: В окопах Сталинграда. М.

Эткинд Е. Г. 1998: «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.

TRENCH SEMIOSPHERE IN V. NEKRASOV'S NOVEL "V OKOPAKH STALINGRADA" ("IN STALINGRAD TRENCHES")

L. I. Shchelokova

The paper analyzing a landmark novel "V Okopakh Stalingrada" ("In Stalingrad Trenches") considers trench space that shapes ethical norms. Semantic set of the notion correlates with the world and people (home, initiation, Motherland) thus forming a binary opposition peace::war both in spatio-temporal and psychospiritual aspects.

Key words: Russian literature of the 20th century, the Great Patriotic War, V. Nekrasov, 'trench truth'

⁶⁵ Некрасов 1991, 208.

⁶⁶ Некрасов 1991, 209.

ЛИНГВИСТИКА

© 2013

В. Н. Волкова

ЗОНА СИНКРЕТИЗМА ГИПЕРБОЛЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ

В статье анализируются возможности гипербол вступать в отношения синкретизма с другими стилистическими средствами. Данное исследование проводится на основе русскоязычных информационных текстов, описывающих природные катастрофы. В процессе анализа рассмотрена продуктивность взаимодействия гипербол с такими приемами, как эпитет, сравнение, метафора, перифраза, олицетворение, а также выявлены особенности их функционирования в медийном тексте.

Ключевые слова: гипербола, эпитет, сравнение, перифраза, метафора, олицетворение, троп, медийный текст

В современном русском языке большой интерес исследователей вызывает вопрос контекстуального взаимодействия изобразительных и выразительных средств языка/речи. Н. В. Молотаева, рассматривая контекстуальное взаимодействие тропов в художественном тексте, выделяет «тропеическое единство» — гипертроп, определяя его как «совокупность взаимосвязанных тропов (однотипных или разнотипных по составу), которые группируются вокруг одного или нескольких стержней (доминант)»¹.

В качестве главного подхода при анализе публицистических текстов нами был принят прагматический подход, при котором любой «текст рассматривается как сложный речевой акт, который осуществляется с определенными намерениями и целями и в котором используется комплекс языковых средств и приемов воздействия на адресата»². В зависимости от специфики того или иного функционального стиля, взаимодействующие тропы имеют различное назначение и выполняют разнообразные функции.

Среди главных особенностей публицистического стиля лингвисты называют следующие: стандартность, общезначимость, социальная и политическая направленность, подчиненность коммуникативно-прагматической установке автора, воздействие на адресата. А. П. Сковородников, анализируя фигуры речи в современной российской прессе, делает вывод о том, что в газетной публицистике «наметилась тенденция к максимальной экспрессивизации»³. Взаимодействующие

Волкова Виктория Николаевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: novika-73@mail.ru

¹ Молотаева 1988, 204.

² Бабенко 2003, 20.

³ Сковородников 2001, 74.

тропы, реализуя свои семантические значения на уровне текста различной протяженности, активно участвуют в создании его смыслового единства и повышения его экспрессивных функций. Большое значение в газетном тексте приобретает оценочность, которая может быть «положительная» или «отрицательная».

Систематизация тропеических фигур в контексте макросистемы изобразительных приемов языка доказывает то, что тропы могут вступать в отношения взаимодействия друг с другом в пределах определенного контекста. Взаимодействие — философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. В языкознании этот процесс именуется синкретизмом. Под синкретизмом понимаем «явление совмещения (синтез) дифференциальных, структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг другу в системе языка»⁴.

Гипербола является одним из основных стилистических приемов, который помогает создать не только художественный, но и нехудожественный текст. Традиции изучения гиперболы уходят корнями в античную поэтику и риторiku. На первый взгляд определение гиперболы кажется простым, однако на сегодняшний день существует множество точек зрения на природу гиперболы. Одни ученые считают ее тропом, другие причисляют ее к фигурам речи, третьи видят в ней стилистический прием.

Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые рассматривают гиперболу как разновидность тропа. Согласно длительной традиции в лингвистике, тропы — это обороты, основанные на использовании слова в фигуральном значении и использующиеся для увеличения изобразительности и выразительности сообщения. Подобная трактовка тропов является универсальной и конкретизируется наименованием отдельных тропов (метафора, сравнение, гипербола, литота, синекдоха, эпитет и др.), которые в совокупности образуют класс тропов.

Присутствие эмоционального аспекта в гиперболе отмечается в трудах как античных, так и современных исследователей. Например, А. А. Потебня делает следующее замечание: «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающим видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство не может увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновенным враньем»⁵. Думается, что стремление к преувеличению теснейшим образом связано со стремлением к экспрессивности и образности. Под влиянием эмоции часто используются высказывания, не соответствующие денотатам. Другими словами, человек преувеличивает то, что поддается преувеличению — количество, размеры, силу. Рациональное истолкование гиперболы без учета ее эмоциональной стороны разрушает ее действенность. Употребление гиперболы всегда диктуется стремлением эмоционально воздействовать, произвести впечатление на собеседника.

Взаимодействие гиперболы с другими тропами основывается на сопоставлении количественных отношений предметов, действий и признаков. Так, сравнение, метафора, олицетворение могут выполнять функции преувеличения. При

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь 1987, 446.

⁵ Потебня 1990, 253.

взаимодействии гипербола с тропами гиперболическая мера в качестве семантического компонента входит в состав значения слова и реализуется в форме метафоры, сравнения, перифразы и т.д. В русскоязычных информационных статьях с описанием природных катастроф гипербола довольно продуктивно вступают в отношения синкретизма с такими стилистическими приемами, как эпитет, сравнение, метафора, перифраза и олицетворение. О.Ильин отмечает, что в строгом смысле гипербола не стоит в общем ряду сравнений, эпитетов, метафор, она является скорее «принципом их работы, их внутренней организации, а сравнения, эпитеты и другие тропы являются исполнителями-винтиками гипербол»⁶.

В результате взаимодействия в медийном дискурсе возникают гиперболические эпитеты. В самом общем смысле эпитет является образным определением предмета или явления. Эпитет является традиционным стилистическим приемом, который образно определяет предмет. Свойство быть эпитетом возникает в слове только в сочетании с названием предмета или явления, которое он определяет. Узуальные гиперболические эпитеты выступают в роли выразителя степени преувеличенного признака. Они характеризуются наличием в смысловой структуре слова семы большой меры признака. В основе таких эпитетов лежит тот же процесс, что и в основе собственно гипербола — чрезмерное преувеличение степени какого-либо признака, присущего определяемому предмету или явлению. Рассмотрим взаимодействие гипербола с эпитетом.

В проанализированном материале наибольшую продуктивность демонстрируют языковые гиперболические эпитеты «гигантский», «колоссальный», «небывалый», «невероятный», «невиданный». Подобные эпитеты содержат семантику преувеличения и характеризуются нейтральной оценочностью. Однако при актуализации языковых единиц в медийном пространстве происходит сдвиг оценочных полюсов:

1. В основном это жители деревень, которые на прошлой неделе были смыты **гигантскими** оползнями, вызванными предыдущим тайфуном «Дуриан». Предполагается, что он унес жизни свыше 1000 человек, более половины которых до сих пор не найдены.⁷

2. Передвигавшиеся со скоростью до 800 км/ч **гигантские** волны привели к гибели 65 человек в Малайзии. Еще 90 человек стали жертвами цунами в Мьянме и двое — в Бангладеш. Распространяясь по Индийскому океану, волны нанесли серьезный ущерб расположенным на возвышающихся максимум на два метра над водой атоллах Мальдивам. По последним данным, число погибших составляет там 52 человека, 68 пропали без вести. На атоллах также объявлено чрезвычайное положение.⁸

3. Накануне вечером семь человек утонули в штате Бихар на севере Индии, когда перевернулась перевозившая их лодка. Этот густонаселенный регион больше всего пострадал от **невиданного** наводнения, в котором погибли более 200 человек, а миллионы вынуждены были спасаться на возвышенностях.⁹

⁶ Ильин 1968, 69.

⁷ <http://www.newsru.com/world/10dec2006/tayf.html>

⁸ <http://www.izvestia.ru/news/news91859>

⁹ <http://www.rian.ru/world/20070814/71423358.html>

4. **Невиданный** по силе ураган «Чарли», бушевавший в минувшие выходные во Флориде, еще долго будет вспоминаться американцам как страшный сон. Стихия унесла жизни десятков человек и нанесла ущерб более чем на 11 миллиардов долларов¹⁰.

5. На Румынию обрушилась другая беда — **небывалая жара**. Температура воздуха в стране достигает порой 40 градусов. Только за последние сутки в Румынии погибли 12 человек. Над многими уездами нависла угроза гибели урожая из-за длительной засухи. Также жара стала причиной снижения уровня воды в Дунае. Из-за этого по каналу реки ограничено движение крупнотоннажных барж и кораблей¹¹.

6. Западноукраинское Прикарпатье оказалось в эпицентре **небывалого** по силе наводнения. Сильней всего от стихийного бедствия пострадала Ивано-Франковская область. Здесь уже зарегистрировано 17 погибших, пятеро из них — дети. По предварительным прогнозам, погибших может быть на порядок больше¹².

7. Ранее сегодня президент Путин заявил, что России необходима действенная система предупреждения от стихийных бедствий. «Цунами в Юго-Восточной Азии причинило **колоссальный** гуманитарный, моральный и экономический ущерб, его последствия заставляют задуматься, как мы организуем работу по предотвращению катастроф такого рода в России», — сказал глава государства на совещании в МЧС.¹³

В приведенных высказываниях использование подобных гиперболических эпитетов реализует определенную прагматическую установку. Довольно отчетливо прослеживается желание автора донести мысль об исключительности природного явления, воздействуя на читателя эмоционально. В контексте доминируют цифры и факты о печальных последствиях разгула стихии, а также используется экспрессивная лексика с отрицательной оценкой в семантике. Аудитория не безразлична к статистическим данным, ее волнуют сведения различного характера, в том числе количественная информация о последствиях природных катаклизмов. Гиперболические эпитеты чаще всего используются для описания самого природного явления.

Процесс перифразирования основан на внутреннем свойстве языка, которое заключается в возможности выражения одной и той же мысли разными способами. Традиционно в стилистике термином «перифраза» именуют прием, функция которого выделять характерные черты предмета и способствовать его образному восприятию. Перифраза входит в систему приемов, употребляющихся при повторной номинации. Повторное наименование предмета происходит за счет извлечения из общего фона знаний одного или нескольких признаков, которое является актуальным в момент повествования. И. Б. Голуб указывает, что, «будучи порождены самим газетным языком, перифразы часто отличаются не только экспрессией новизны, но и яркой эмоциональной оценочностью»¹⁴. Рассмотрим несколько примеров:

¹⁰ <http://www.rg.ru/2004/08/17/uragan.html>

¹¹ <http://www.dni.ru/world/2007/6/22/110012.html>

¹² <http://www.rg.ru/2008/07/28/navodnenia-anons.html>

¹³ <http://www.izvestia.ru/news/news92718>

¹⁴ Голуб 2001, 37.

1. «В ночные часы наблюдалось фонтанирование лавы из кратера **исполина** на высоту

порядка полукилометра», — сказал собеседник агентства¹⁵.

2. На Камчатке самый большой в Евразии вулкан Ключевская сопка выбрасывает пепел из кратера на высоту один километр. Шлейф пепла растянулся на десятки километров. По юго-западному склону **гиганта** изливается поток раскаленной лавы¹⁶.

3. В поселке Ключи, находящемся в 32 км от **гиганта**, отмечено выпадение небольшого количества пепла от извержения. Там слышны взрывы со стороны вулкана. При этом визуальные наблюдения за исполином невозможны из-за плотной облачности. Прямой угрозы населению Ключей нет, отмечают специалисты¹⁷.

4. Последнее извержение Ключевского регистрировалось в 2007 году. До этого **гигант** извергался с января по май 2005 года. Во время последних извержений лава частично растопила ледники Эрмана и Черный. В окрестностях вулкана, том числе поселке Ключи, удаленном от **исполина** на 30 километров, прошли обильные пеплопады¹⁸.

Гиперболические перифразы «исполин» и «гигант» актуализируются в информационном тексте для обозначения такого природного явления, как вулкан. Основой для перифрастического наименования служит семантика большого размера природного объекта. Трансформация исходного содержания в подобных гиперболических перифразах осуществляется как в количественном, так и в качественном отношении. Перифраза добавляет новые штрихи гиперболам, обогащает информационный экотекст новыми подробностями и характеристиками. Подобные гиперболические перифразы в описаниях природных реалий позволяют удерживать внимание читателя на основной теме медийного повествования и обеспечивают последовательное изложение фактологической информации. Гиперболические перифразы дают возможность автору избежать тавтологии и помогают читателю адекватно воспринять описываемую информацию. Языковой материал демонстрирует способность подобных перифрастических гипербол придавать информационному тексту некоторую поэтичность и выразительность.

В медийных текстах с описанием природных катастроф гиперболы могут взаимодействовать с олицетворением при обозначении самого природного явления. Отметим, что современные исследователи определяют олицетворение как «частный случай метафоры, т. е. перенос свойств предметов или явлений одушевленного мира на предметы или явления мира неодушевленного»¹⁹. Свойственная первобытному мышлению персонификация сохраняется до сих пор в языковом сознании человека не как случайная модель, а как необходимое психологическое свойство личности, опирающееся на понимание общности и неразрывности живой и неживой материи. Олицетворение — древнейший художественный прием, тесно связанный с процессами формирования образного мышления человека и

¹⁵ <http://eco.rian.ru/natural/20081204/156425844.html>

¹⁶ <http://www.dni.ru/incidents/2010/8/28/198005.html>

¹⁷ <http://www.newsru.com/russia/20may2007/kl.html>

¹⁸ <http://www.newsru.com/russia/22nov2008/kl.html>

¹⁹ Бахмутова 1964, 69.

имеющий гносеологическую природу. Олицетворение своими корнями уходит в глубокую древность, когда одушевленный и неодушевленный мир отождествлялись в сознании человека. Приведем несколько примеров:

1. *Ширина пути торнадо составила около трех километров, а длина превысила 35 километров. Такой **монстр** стал смертельным для Гринсбурга, в котором проживали порядка 1,6 тысячи человек, а расстояние от края до края города — около полутора километров*²⁰.

2. «Эпическая снежная **буря-монстр**», «снежный апокалипсис» и другие не менее эмоциональные названия уже получил рекордный снегопад, обрушившийся на восточное побережье США и превративший американскую столицу в большой сугроб²¹.

3. *Нынешний сезон ураганов запомнится американцам надолго. Не успела страна прийти в себя после разрушительной «Катрины», как на горизонте появился еще более свирепый **монстр** — «Вильма»*²².

4. *В понедельник, когда ураган «Изабель», **монстр** 5-ой категории с порывами ветра со скоростью 155 миль/ч, находился к востоку от Багамских островов и направлялся прямо к Атлантическому побережью Соединенных Штатов, метеорологи Национального управления океанических и атмосферных исследований предсказали: ураган достигнет пределов Северной Каролины в четверг. «Мы назначили и время — 2 часа после полудня», — рассказывает метеоролог Стив Кул*²³.

Ядром олицетворяемого денотата является явление природы, которому приписываются признаки и характеристики жуткого существа. Номинативная лексема «монстр» является доминантной в гиперболических олицетворениях, описывающих движение воздушных масс. Актуализация подобных приемов обусловлена универсальными коммуникативно-прагматическими установками на понимание текста читателем, они являются наиболее эффективным средством выражения субъективной авторской оценки и повышения эмоционально-оценочного плана медийного повествования. Исследуемые приемы преднамеренно создаются автором, они изначально запрограммированы на адекватную интерпретацию читателем, так как являются одними из наиболее сильных изобразительных средств и выступают как важный компонент процесса понимания.

Сравнение является одним из самых древних и емких приемов художественной выразительности, дополняющее смысловую структуру слов образными ассоциациями. Сравнение — это определение одного предмета или явления при помощи сопоставления с другим. Сравнение лежит в основе большинства тропов. В основании гиперболических сравнений лежит не действительное сходство сопоставляемых предметов в их объективных признаках, а субъективизм авторского восприятия, наглядность сравнений уступает место их эмоциональности. Например:

1. *...По словам сотрудника бюро, рано утром раздался сильнейший удар «откуда-то снизу», потом двухэтажный дом несколько секунд раскачивался,*

²⁰ <http://www.rian.ru/incidents/20070507/65060916.html>

²¹ <http://www.rg.ru/2010/02/07/sugrob-site-anons.html>

²² <http://www.izvestia.ru/news/307428>

²³ http://www.newsru.com/world/19sep2003/fly_2.html

*словно попав в руки Циклопа, стены задрожали, некоторые предметы попадали на пол, но, Слава Богу, этим все и ограничилось*²⁴.

2. *...Примерно в 17.00 столица была завалена снегом, а хлопья равномерно продолжали падать, словно кто-то выбивал пух из бесконечной небесной наволочки*²⁵.

3. *«Солнце продолжает удивлять нас. Солнечный ветер может поливать Землю как из пожарного шланга даже тогда, когда на нем нет пятен, — говорит ведущий автор исследования Сара Гибсон (Sarah Gibson) из Национального центра изучения атмосферы*²⁶.

Особенностью гиперболического сравнения является то обстоятельство, что сравниваемый признак не достигает по мере и степени того признака, с которым сравнивается. В гиперболическом сравнении выражается обычная для сравнения образная функция и одновременно дополнительная функция преувеличения признака сравниваемого предмета. Наличие сравнений в составе гипербол в медийных текстах выявляет постоянное стремление журналистов соотнести друг с другом определенные явления, передать множественность и сложность связей человека и окружающей среды. Эффект воздействия выдвигается на первый план в рассмотренном языковом материале. Это означает, что в них отражено сравнение процессов, либо результатов процессов, отражающих изменения, которые происходят с субъектом сравнения. Яркие и неожиданные образы помогают пониманию и запоминанию, обладая сильным убеждающим началом.

Метафора представляет собой распространенное явление тропической системы, так как обладает неограниченными возможностями отождествления любых понятий, огромными экспрессивно-образительными возможностями. В публицистике гиперболическая метафора функционирует как средство переноса имеющегося у читателя эмоционального отношения к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова:

1. *Даже лидер США Барак Обама емко описал редкую для США непогоду «снежным армаггедоном» и пересел из своего президентского лимузина в бронированный внедорожник «Шевроле Субурбан» — только таким образом можно было выехать из Белого Дома*²⁷.

2. *Наводнение на северо-востоке Австралии началось еще в ноябре 2010 года, но резко усилилось в понедельник. Комиссар полиции Боб Аткинсон назвал случившееся «мгновенным цунами на суше»*²⁸.

3. *Ураган «Вилма» нанес ядерный удар*²⁹.

Оценочность метафорических гипербол в тексте предполагает отношение автора к объекту оценки на основании системы ценностей, сложившейся в социуме. В публицистическом тексте автор не может выразить своего субъективного мнения по поводу описываемой ситуации, поэтому он использует определенные

²⁴ <http://www.rian.ru/incidents/20020618/176029.html>

²⁵ <http://www.rg.ru/2005/02/15/snegopad.html>

²⁶ <http://rian.ru/science/20090918/185539192.html>

²⁷ <http://www.rg.ru/2010/02/07/sugrob-site-anons.html>

²⁸ <http://www.newsru.com/world/12jan2011/flood.html>

²⁹ <http://www.dni.ru/incidents/2005/10/25/71766.html>

метафорические структуры, знакомые всем носителям языка. Эти метафоры позволяют российским журналистам показать свое отношение к освещаемой информации. Метафорические гиперболические лексемы дают возможность под воздействием контекста эмоционально повлиять на читателя. Переносное значение, присущее метафорам в комбинации с приемом преувеличения помогают автору создать образность и эмоционально воздействовать на адресата. Зона синкретизма метафоры и гиперболы порождает более яркий, тонкий, острый и интенсивный смысл медийного текста, раскрывая реалию под иным углом зрения, создает многочисленные коннотации. Мы склонны полагать, что автор осознанно употребляет подобные метафорические гиперболы с целью вызвать у читателя определенные ощущения тревожности и страха. Исследуемые синкретические тропы, обладая емкостью семантики, свежестью формы, яркими коннотациями, реализуют в полной мере прагматические интенции автора.

Очевидным является тот факт, что совместное употребление тропеических средств усиливает выразительность создаваемого высказывания, повышая прагматический потенциал всей речи в целом. «Взаимодействуя, стилистические фигуры оттеняют, высвечивают друг друга и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным»³⁰. Аксиологическая функция также отчетливо выражена в медийных экотекстах, так как оценка является катализатором прагматической функции языка прессы — функции социального контроля, функции идеологического воздействия с целью формирования общественного мнения. Примечательно, что выразительность гипербол, будучи на редкость подвижным, зависимым от контекста, показателем этих тропов, предоставляет в распоряжение журналистов большие возможности. Прагматическая направленность взаимодействующих стилистических средств носит эмоциональный заряд со знаком «минус». Автор статьи может как бы повернуть гиперболу требуемой стороной и заставить «работать на материал» ее экспрессивно-оценочные качества. С.И. Сметанина справедливо отмечает, что современный «субъект-создатель медиа-текста предстает перед читателем как личность, самостоятельно осмысляющая и оценивающая реальную ситуацию, демонстрирующая свою мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскрепощенностью, стремлением отойти от клише газетно-публицистического стиля»³¹.

Таким образом, в гиперболах, вступающих во взаимодействие с другими тропеическими средствами в рамках информационного текста, функция воздействия выдвигается на первый план. Креативная роль тропов состоит в их способности обновления мысли, создания новой идеи. Персуазивность гипертропов в медийном дискурсе не оппозиционна информативности, она накладывается на информативность. Маркерами актуализации суггестивного воздействия синкретических тропов на читателя выступают экспрессивность, образность, эмоциональность, оценочность.

Как показал анализ, основанием синкретических гипербол служат те явления действительности, которые способны порождать образное представление, восприниматься чувственно, а называющие их слова содержат сему большой меры признака. Объединение гиперболического и тропеического образов в рамках одной

³⁰ Арнольд 1981, 63.

³¹ Сметанина 2002, 5.

номинативной единицы приводит к увеличению ее функциональной нагруженности, делает образ более живописным и одновременно более эмоциональным и психологически содержательным, создает энергию чувства. Прагматический потенциал гиперболы в новостном тексте усиливается, благодаря ее конвергенции с метафорой, эпитетом, олицетворением, перифразой, сравнением.

Медийные синкретические тропы, синтезирующие гиперболические образы, используются в целях образного отображения действительности, создания чувственных, зрительных представлений об описываемых явлениях и структурной организации медийного пространства.

Отметим, что вышеупомянутая образность медийного текста отличается от образности художественного текста, так как в публицистике она является инструментом убеждения и даже навязывания определенной точки зрения. Гиперболические гипертропы в рассмотренных экотекстах отличает модально-оценочная окраска, которая сводится в основном к негативному оцениванию факта и выражению тревоги.

Экспрессивные элементы в тексте всегда эффективны, поэтому проблемы механизмов их порождения и функционирования являются чрезвычайно актуальными. Применение таких риторических элементов в публицистике сближает ее художественной литературой, однако отличие медийного текста от литературного состоит в приоритетной роли коммуникативно-прагматической составляющей.

Очевидно, что своим естественным, органичным вхождением в газетный текст гиперболы обязаны определенным условиям, которые заключаются в самом тексте и благодаря которым используемые в нем образы чаще проясняют содержание, чем завуалируют его.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В.* 1981: Стилистика современного английского языка. Л.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* 2003: Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.
- Бахмутова Е. А.* 1964: Культура речи. Казань.
- Голуб И. Б.* 2001: Стилистика русского языка. М.
- Ильин О. И.* 1968: Гиперболы Маяковского // Проблемы развития советской литературы / В. М. Черников (ред). Саратов, 69-99.
- Лингвистический энциклопедический словарь. 1987. М.
- Молотаева Н. В.* 1988: Развернутые тропы в структуре художественного текста // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов краевой научно-практической конференции 1-3 февраля 1989 / А. П. Сковородников (ред.). Красноярск, 204.
- Потебня А. А.* 1990: Из записок по теории словесности (Теоретическая поэтика). М.
- Сковородников А. П.* 2001: Фигуры речи в современной российской прессе // Филологические науки. 3, 74-80.
- Сметанина С. И.* 2002: Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.

V.I. Volkova

The paper analyzes hyperbole ability to build syncretism relations with other stylistic means. The study is based on Russian information texts describing natural catastrophes. It covers productive interrelation of hyperbole with epithet, simile, metaphor, periphrasis, and personification. It also reveals their specific functions in mass media texts.

Key words: hyperbole, epithet, simile, periphrasis, metaphor, personification, trope, mass media text

© 2013

Л. Н. Третьякова

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА-СИМВОЛА «ШТЫК» В ВОЕННОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ

В статье рассматривается когнитивная структура концепта «русский штык» в русском языковом сознании. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики с использованием метода концептуального анализа.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, когнитивная модель

Статья посвящена материальному концепту-символу «русский штык» тематического поля «холодное оружие».

Данное исследование опирается на основную идею когнитивной лингвистики о том, что мышление человека оперирует определенными ментально-когнитивными структурами-концептами, а знания организованы с помощью когнитивных моделей типа фреймов.

Мы определяем концепт-символ «*русский штык*» как национальный концепт, который имеет сложную структуру и включает в себя следующие компоненты: понятийный, образный и ценностно-оценочный. Понятийный компонент формируется словарной информацией о данном материальном предмете и служит основой для образования концепта. Ю. С. Степанов предложил выделить сферу понятийного элемента и его «слои»: 1) основной актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных», пассивных признаков, которые являются уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно уже не осознаваемую, имеющую внешнюю словесную оболочку.

Рассмотрим понятийную характеристику концепта по толковым словарям русского языка.

В. И. Даль дает такое определение «штыку»:

Третьякова Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: ltretyakova@rambler.ru

«Штыкъ, нем. трёхгранный бодень, рогатина, посаженная на солдатское ружье. Трубка штыка с замком, который повертывается на мушку, прицел дула; от трубы идет кошено, которое переходит в наклонное к оси ружья трёхгранное копье»¹.

Ушаков определяет «штык» таким образом: «Штык — колющее оружие, прикрепляемое на конец ствола винтовки, ружья...//прил. Штыковой; штыковая рана. Штыковой бой»².

С. И. Ожегов приводит в словарной статье ФЕ «♦ как штык (разг.) — совершенно точно, безусловно»³.

В военном энциклопедическом словаре дается такое определение: «Штык — колющее и режущее холодное оружие, прикрепляемое на дульной части ствола винтовки (карабина, ружья, автомата) для рукопашного боя. Появился в сер. XVII в. и наз. байонетом (багинтом); представлял собой нож (укороч. копье), рукоятка которого вставлялась в ствол, не допуская стрельбы. В конце XVII в. стал употребляться штык с трубкой, надевавшийся на дульную часть ствола и позволявший производить зарядку и стрельбу с примкнутым штыком. Различают штыки граненые и клинковые, отъемные и неотъемные»⁴.

В образный компонент входят символические и метафорические характеристики военного концепта.

В русском языке материальный концепт-символ «русский штык» этноспецифичен и имеет богатую символику.

Рассмотрим символику штыка по IX главе «Пуля и штык» А. А. Керсновского: «Штык — выразитель удара. Штык — характеризует победу.

На огне зиждется материальное могущество армии. На штыке — моральное. Штык — ее престиж, более того — престиж государства. Величайшая Империя держалась два столетия на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык. В этих трех словах — ужас Фридриха II, войска которого после Кунерсдорфа отказывались принимать бой с Русской Армией. В них и растерянность Наполеона, услышавшего вечером эйлаусского побоища от лучшей своей дивизии — дивизии Сент-Илера — вместо традиционного «vive L'Empereur!» совершенно новое, никогда неслыханное «vive la paix!»⁵.

Итак, представим метафорические модели, классифицированные по области источника, согласно типологии А. А. Чудинова⁶:

1. Милитарная метафора:
Штык — престиж армии;
2. Политическая метафора:
Штык — престиж государства, Российской империи;
3. Антропоморфная метафора:
1) *Граненый русский штык — ужас Фридриха II, фрейм «Психология человека», слот «Негативная эмоция врага»;*

¹ Даль 1955–1956, 647.

² Ушаков 1940, 833.

³ Ожегов 1986, 782.

⁴ Военный энциклопедический словарь 1984, 823.

⁵ Керсновский 2009, 339–340.

⁶ Чудинов 2001.

- 2) *Граненый русский штык* — растерянность Наполеона. Модель: Штык — чувства человека, фрейм «Психология человека», слот «Негативная эмоция врага».

Наиболее значимым в структуре концепта «*русский штык*» является оценочный компонент, который ярко выделяется во фразеологическом поле концепта:

1. ◇ «**Пуля дура — штык молодец**».

Антропоморфная метафора, модель: «Штык — Человек», фрейм «Штык — хороший человек». Концепт приобретает положительный аксиоматический статус, выражает психологическое эмоциональное оценочное значение.

А. А. Керсновский подробно рассмотрел данную ФЕ с позиций оценки на фоне суворовской «Науки побеждать». Русский военный историк писал: «Суворовская «Наука побеждать» катехизис, подобно которому не имеет — и не будет никогда иметь — ни одна армия в мире — своей философской основе изумительно полно отражает дух православной русской культуры. Оттого-то она и сделалась «наукой побеждать», оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги»⁷.

Русский историк указывает на то, что «исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники» — они читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных очей. Неизречённая красота «науки побеждать», ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз скрытыми»⁸.

А. А. Керсновский указал, что нельзя вырывать данную крылатую фразу из контекста, что Суворов сказал иначе: «Стреляй редко, да метко; штыком коли крепко. Пуля обмишуются, штык не обмишуются: пуля — дура, штык — молодец».

Данная ФЕ активно используется в газетном дискурсе в обновленном варианте: «Пуля — дура, депутат — молодец» («КП»).

ФЕ образуют ближнюю периферию контекста.

1. ◇ **Встретить в штыки** — встретить агрессивно.

ФЕ имеет отрицательный аксиоматический статус: «Парня задержали, а глава МВД Казахстана заявил: похоже, всё дело в дедовщине. Новость эту погранцы сперва *восприняли в штыки*. Но потом появилась информация о выжившем парне...»⁹.

2. ◇ **как штык** — быстро.

ФЕ имеет положительный аксиологический статус.

3. ◇ **держаться на штыках** — силой войск. ФЕ имеет отрицательный аксиологический статус: «Известная аксиома: власть, которая *держится на штыках*, непрочна и рано или поздно рухнет»¹⁰. Поэты XX века активно использовали концепт «штык». Особенно много использовал данный концепт В. В. Маяковский: зоометафора: «жала штыков», мо-

⁷ Чудинов 2001, 345.

⁸ Чудинов 2001, 345.

⁹ Проскуряков 2012.

¹⁰ Кон 2010.

дель — «штык — насекомое, которое жалит», фрейм — «Состав царства животных», слот — «Ядовитое насекомое».

Маяковскому принадлежат крылатые слова: «Я хочу, чтоб к штыку прировняли перо».

Концепт становится символом революции и войны.

Пословицы о штыке, которые составляют периферию поля и имеют положительный аксиологический статус:

О надёжности русского штыка:

1. Пуля догоняет, а штык с ног сбивает (русская, карельская).
2. Пуля обманет, а штык не выдаст (русская).
3. Пуля остра, да штыку не сестра (русская).
4. Для штыка нет тупика (русская).
5. Русский штык сквозь землю пройдет (мордовская).
6. Штык не лошадь — есть не просит, но вперед далеко выносит (русская).
7. Когда русский за штык берется, так враг трясется (украинская).
8. **О прочности штыка:** Шелк не рвется, а штык не гнется (русская).
9. Пуля — дура, штык — молодец (А. Суворов).
10. Советский штык бить врагов не отвык (украинская).
11. Советский штычок да в фашистский бочок (украинская).
12. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится (А. Суворов).
13. Штык не дурак, его не терпит враг (русская).
14. Штык не велик, а посадишь трех на штык (русская).
15. Береги сухарь до привала, а штык до атаки (русская).
16. Где пулей не с руки — бери в штыки (русская).
17. Не мели языком, а коли штыком (русская).
18. Умом пореши, штыком подкрепи (русская).
19. Неловок штык, так вперед приклад (русская).
20. Люби пулю, а держись за штык (русская).
21. Стой дружно да отстаивай штыком (русская).
22. Работай смелее штыком — штык не обманет (русская).
23. По-суворовски штыком бейся яростно с врагом (русская). **О предназначении штыка в бою:**
24. Предписывай штыком, исполняй картечью (русская).
25. С русским штыком враг давно знаком (русская).
26. Штык в кармане не спрячешь (азербайджанская).
27. Исход атаки, участь боя решает штык героя (русская).
28. От пули увернулся, а со штыка не сорвался (русская).
29. Боец — штыком, а враг — кувырком (русская).
30. Враг перед русским штыком — что мышь перед орлом (русская).
31. Пулей за камнем не достанешь, а штыком из земли выковырнишь (русская).
32. На штык можно опереться, а сесть нельзя (русская). **О форме штыка:**
33. У штыка нос остёр (русская).
34. Слава русского штыка не померкнет века (русская).

Дальнюю периферию поля «*русский штык*» образуют военные топонимы и антропонимы: площадь Трёх штыков (г. Тула), улицы Штыковая (г. Тула); славянские топонимы (народная топонимика): Три штыка — монумент из 3-х высоких обелисков на площади Победы (Белоруссия, Витебск); Штык — монумент-obelisk возле места, где находился концлагерь «5-ый полк» (Витебск); русская военная фамилия Штыков ((например, представлена в военном энциклопедическом словаре (с. 823)). Фамилия Штыков образована от прозвища Штык. Оно восходит к нарицательному «*штык*» — рогатина, посаженная на солдатское ружьё. Скорее всего, прозвище Штык получил военный, либо человек с жёстким характером.

Также вполне вероятно, что прозвище Штык относилось и к так называемым «профессиональным» наименованиям, содержащим указание на профессиональную деятельность человека. Поэтому можно предположить, что основатель рода Штыковых был оружейных дел мастером.

Кроме того, существует гипотеза, что прозвище Штык — это сокращение от слова «штыкьюнкер» — чин артиллерии между сержантом и поручиком. В этом случае фамилия содержит указание на армейский чин предка. Штык со временем получил фамилию Штыков.

Существуют в русском языке и другие фамилии, образованные от слова «*штык*»: Штык, Штыка, Штыко, Штыкало, Штыковский, Штыкин, Штыкнов, Штыкан.

Таким образом, концепт «*штык*» как сегмент концепта «вооружение» имеет свои отличительные признаки: «семантическую плотность» (представленность в плане выражения целым рядом пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и символов (предметов материальной культуры), ориентированность на план выражения (наличие специфической языковой метафоры) и этноспецифичность. Русские штыки-памятники — символы российской военной славы, артефакты, связанные с памятью о войнах.

ЛИТЕРАТУРА

- Военный энциклопедический словарь 1984. М.
 Даль В. И. 1955–1956: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.
 Керсновский А. А. 2009: «Философия войны». М.
 Кон И. 2010: «Слепцы разбивают зеркало» // «Российская газета». 50103, 4.
 Ожегов С. И. 1986: Словарь русского языка. М.
 Ушаков Д. Н. 1940: Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.
 Чудинов А. П. 2001: Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург.

THE COGNITIVE STRUCTURE OF THE “BAYONIT” IN THE MILITARY CONCEPTOSPHERE

L. N. Tretyakova

The author within the limit of cognitive and cultural studies in linguistics investigates the concept “bayonet” in Russian conceptosphere, focusing upon its cognitive structure.

Key words: concept, conceptosphere, cognitive model

О ПЕРЕДАЧЕ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ АНТРОПОНИМОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ*

Статья посвящена актуальной проблеме новолатинской словесности — способам передачи на латинском языке антропонимов иноязычного происхождения. Рассматриваются исторические этапы обогащения латыни иноязычными именами собственными, формулируются принципы латинизации иноязычных антропонимов. В приложении автор предлагает таблицу латинских форм наиболее употребительных в русском этносоциуме личных имен.

Ключевые слова: «живая латынь», римское имя, антропоним, латинский ономастикон

В настоящее время в нашей стране наблюдается некоторый интерес к движению «живой латыни» (*Latinitas viva* или *lingua Latina viva*), цель которого состоит в поддержании многовековой традиции пользования латинским языком как средством международного общения¹. В Россию это движение было импортировано из Европы, где регулярно проводятся международные конгрессы и семинары «живой латыни», издаются латинские переводы произведений мировой художественной литературы и профильные учебные пособия, выходят периодические издания на латинском языке и транслируются радиовыпуски новостей². В последнее десятилетие также имеет место появление в сети Интернет специализированных сайтов и форумов, объединяющих приверженцев общения на латыни по всему миру. Все эти и подобные им инициативы призваны популяризировать латинский язык и латинское культурное наследие античности и Средневековья в современном обществе.

Становится очевидным, что исследованию подлежат как методические³, так и лингвистические аспекты «живой латыни»: повседневно-бытовая лексика, неологизмы и топонимы. На необходимость практического овладения этими лексическими пластами указывает А. И. Солопов. «...Нельзя не заметить, что для тех, кто изучил латинскую грамматику и хотел бы пользоваться латинским языком как средством общения, главными препятствиями к практическому овладению этим искусством являются, с одной стороны, подбор слов для выражения современных предметов (и, реже, понятий), отсутствовавших в древности, а с другой стороны, передача имен собственных, и прежде всего географических названий. Без хотя

Следников Алексей Геннадьевич — старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Академии МУБиНТ. E-mail: slednicovusger@inbox.ru.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

Автор приносит благодарность А. М. Белову, в переписке с которым возник замысел этой статьи.

¹ См., например: Подосинов, Щавелева 2009, 20, 22; Белов 2007, 32–33; Каган 2000, 10; Козаржевский 1981, 9; Дерюгин, Лукьянова 2003, 7; Гурычева 2008, 193; Иванова 2012, 7.

² См. подробнее: Боровский 1991, 70–76; Stroh 2001; Fritsch 1990, 65–73.

³ Важнейшим источником по методике обучения говорению на латинском языке является монография: Fritsch 1990. Среди других работ: Albert 1990, 47–55; Slednikov 2011, 87–94; Следников 2010, 314–324; Следников 2012, 198–204.

бы некоторых познаний в этих двух областях учащийся, как правило, не может составить даже простейшего текста, описывающего окружающую действительность – например, автобиографии или просто письма: в таком тексте он непременно встретится с необходимостью либо передавать такие современные реалии, как «телефон» или «поезд», либо такие географические названия, как «Москва» или «Сибирь»⁴. В числе зарубежных и отечественных исследований по классической филологии способы создания латинских неологизмов и современных топонимов рассмотрены в работах Ц. Эйхензеера, А.И. Солопова и Ю.Й. Маадла⁵. В одной из прежних своих работ мы также анализировали неологизмы как один из способов обогащения словарного состава «живой латыни»⁶. В настоящей статье речь пойдет о проблеме, не получившей пока должного освещения – путях передачи на латинском языке антропонимов, заимствованных из других языков.

Общеизвестно, что римские имена были трехсоставными: **praenomen** (личное имя), **nomen** (родовое имя), **cognomen** (первоначально прозвище; фамильное имя, принадлежащее отдельной ветви рода): *Marcus Tullius Cicero*. Иногда добавлялось **agnomen**, свидетельствовавшее о каком-либо славном деянии, совершенном человеком: *Cornelius Scipio Africanus* (Африканский, т.е. завоеватель Африки)⁷. В классическую эпоху⁸ у римских женщин не было **praenomen**, «их личным именем становилось **nomen** в форме женского рода. Например, дочь Марка Туллия Цицерона называлась *Tullia*. Если дочерей было две, то прибавлялись слова *major* (старшая) и *minor* (младшая): *Tullia Major*, *Tullia Minor*. Следующие за ними дочери назывались *tertia* (третья), *quarta* (четвертая) и т.д.»⁹. Всего насчитывалось около восемнадцати **praenomina** (личных имен)¹⁰, греческих же имен было намного больше.

С завершением античной эпохи и началом Средневековья происходит интенсивное заимствование личных имен иноязычного происхождения, что было связано с распространением в Европе христианства. Т.А. Буркова на основании

⁴ Солопов 2008, 407.

⁵ См.: Eichenseer 1996, 170–185; Солопов 2008, 407–656 (автор также упоминает здесь важный источник по проблеме латинских неологизмов: Eichenseer C. *Collectanea usui linguae Latinae dicata*. – Saraviponti: Societas Latina, 1999); Маадла 1984, 58–73.

⁶ См.: Следников 2011, 313–317.

⁷ Ср.: Дворецкий 2000, 845. В редких случаях, однако, римское имя могло быть раздутым до гигантских размеров. «Консула 169 г. звали: Кв. Помпей Сенецион Росций Мурена Секст Юлий Фронтин Силий Дециан Гай Юлий Еврит Геркуланий Луций Вибулий Пий Августин Альпин Беллий Соллерт Юлий Апп Дуценций Прокул Рутилиан Руфин Силий Валент Валерий Нигер Клавдий Фуск Сакса Урутиан Сосий Приск ...» (Гаспаров 2008, 25).

⁸ «В доклассическую эпоху некоторые женщины имели **praenomen**, что засвидетельствовано древнейшими именами: *Assa Larentia* (воспитавшая Ромула и Рема), *Gaia Caecilia* (жена Тарквиния Приска). Некоторые **praenomina** были индивидуальными прозвищами: *Rutila* (золотисто-рыжеватоая), *Severa* (жестокая), *Caesellia* (кудрявая). Часть **praenomina** были параллелью к мужским **praenomina**: *Aula*, *Gaia*, *Lucia*, *Publia*, *Numeria*» (Федорова 1969, 87).

⁹ Солопов, Антонец 2009, 367. Вместе с тем, для римских женских имен существовали и иные модели. «Die Tochter von Marcus Vipsanius Agrippa hieß Vispania Agrippina, und ihre drei Töchter hießen Agrippina, Livilla und Drusilla. Die erste erhielt den Namen ihrer Mutter, und die beiden anderen wurden nach ihrer berühmten Urgroßmutter Livia Drusilla benannt, die mit Augustus verheiratet war» (Janson 2006, 41).

¹⁰ Перечень личных имен римлян можно найти в большинстве учебников латинского языка и в больших латинских словарях. См., например: Дворецкий 2000, 845; Солопов, Антонец 2009, 367 и др.

работ В. Флейшера заключает, что, в частности, «наиболее ранние заимствования в немецком антропонимиконе – еврейские имена из Ветхого Завета: *Abraham, Adam, Daniel, David, Samuel*. Уже в VIII в. в немецком именнике встречаются еврейские онимы из Нового Завета: *Johannes, Lazarus*. В этот и более поздний период в немецкий антропонимикон проникают имена греческого происхождения: *Andreas, Petrus*. Христианство, утвердившееся в соседних странах – Италии и Франции – также оказывает воздействие на немецкий именник, куда проникают имена латинского происхождения теофорного содержания: *Dominicus, Benedictus, Constantinus*»¹¹.

Вместе с тем европейские авторы, пользовавшиеся латынью в Средние века как международным языком письменности¹², начали латинизировать свои варварские имена по образцу римских и греческих: *Hrabanus Maurus, Walahfridus Strabo, Hrosuitha Gandersheimensis, Hugo Primas Orleanensis*. Эта традиция еще более усилилась в эпоху Возрождения, поскольку гуманисты культивировали в своих произведениях классический (в идеале цicerоновский¹³) латинский язык: *Poggius (Poggio) Bracciolini, Carolus de Malatestis (Carlo di Malatesta), Erasmus Desiderius Roterodamensis*. Закрепившись впоследствии в Новое время (*Aegidius Forcellinus* (итал. *Egidio Forcellini*), *Carolus Cangius* (фран. *Charles du Cange*)), данная практика сохраняется до сих пор в среде филологов-классиков и приверженцев «живой латыни».

Можно сформулировать три основных принципа перевода современных личных имен (**praenomina**) и фамилий (**nomina**) на латинский язык:

1. «Формальная» морфологическая латинизация «варварских» личных имен и (или) фамилий, к основе которых присоединяются латинские флексии (*Mathurin-us Corder-ius* (фран. *Mathurin Cordier*), *Johannes Amos Comen-ius, Iacobus Borov-ius*¹⁴ *Petropolitanus, Moyses Kirpicznikov-ius Petropolitanus*).

2. Калькирование семантики «варварских» личных имен и (или) фамилий в латинском (*Alexander Suppopulinus Mosquensis, Alexius Scatebranus Rutenus, Alex-*

¹¹ Буркова 2006.

¹² В немецкоязычной специальной литературе язык, используемый во многих сферах жизни людей, в том числе для международного общения, но утративший при этом своих носителей, обозначается термином ‘Vatersprache’, ср.: Langosch 1975, 10.

¹³ Ср. о противоречивости «цицеронизма»: “...entwickelte sich ... das Lateinische in eine neue Richtung, nämlich zu einer Überbetonung des Formalen, d.h. des Stilistischen. Hier entstand nun eine völlige Hinwendung zu einem sprachlich übersteigerten, fast pathetischen Stil, in dem man sich bei der Imitation auf besonders gewaltig wirkende Stücke ciceronischer Reden konzentrierte. Cicero war ja bereits mit der Wiederentdeckung seiner Korrespondenz im 14. Jahrhundert durch Petrarca und Salutati und verstärkt mit der Wiederentdeckung des vollständigen Quintilianentexts durch Poggio Bracciolini ... zum stilistischen Muster geworden. Da es spätestens seit Valla fast unmöglich geworden war, sich stilistisch selbständig auszudrücken, weil über allem das Idealbild ‘Cicero’ schwebte, ging man mehr und mehr dazu über, sein Latein nach solchen Stilkriterien zu bilden. So begannen die kreativeren und selbständigeren Köpfe unter dieser Art von sprachlicher Übersteigerung und damit einhergehenden inhaltlichen Erstarrung allmählich fast schon zu leiden, und Polizian entgegnet einer Kritik, zu wenig Ciceronianer zu sein (“non exprimis”, inquit aliquis, “Ciceronem.”), lapidar folgendes: Non enim sum Cicero. Me tamen, ut opinor, exprimo (epist. VIII 18)” (Visser 1995, 76).

¹⁴ Ср.: «Сам Я.М. Боровский всегда передавал свою фамилию по-латыни как *Borovskij* и не склонял её, однако уже вскоре после его смерти Дирк Сакре ввёл форму *Borovius*, несомненно, более удачную» (Солопов 2008, 370).

ius Albanus Mosquensis, Maximus Vincinus Caecus) либо в греческом языках (*Pan-crati-us* (слав. *Всеволод*), *Georgius* (слав. *Юрий*), *Polyclitus* (слав. *Вячеслав*)).

3. Вариант, при котором современные «варварские» фамилии сохраняют свою изначальную форму и в таком случае *не склоняются* (*Caelestis Eichenseer Saravipontanus, Andreas Fritsch Berolinensis, Thomas Pekkanen Finnus, Petrus Golubev*).

Личные имена римлян, греков и иноземцев, употреблявшиеся в Античности, входят, как правило, в состав латинско- и греческо-иноязычных словарей либо становятся объектом лексикографического описания отдельных ономастиконов¹⁵. Иноязычные имена, возникшие и получившие распространение в послееантичные периоды, хотя и публикуются иногда в приложениях и дополнениях к словарям латинского языка (либо в основном их словнике)¹⁶, все же характеризуются весьма ограниченной доступностью. Кроме того, в указанных словарях помимо римских, греческих и еврейских имен представлены личные имена, главным образом, романо-германского происхождения, тогда как личные имена, традиционные для русского этносоциума, отражены в них достаточно скупо¹⁷.

Данные обстоятельства побудили нас составить список латинских форм тех личных имен, которые наиболее употребительны в русском этносоциуме (см. Приложение)¹⁸.

Известной моделью для образования русских патронимов (*отчеств* – *patria*) служит, в частности, материал римских инскрипций. «После *nomen* в надписях, как правило, сокращенно указывается *praenomen* отца, реже – деда и прадеда, с добавлением следующих букв: F, FIL *filius* сын... Имя знаменитого Суллы в надписи выглядит так: L.CORNELIO · L · F · SVLLAE · FELEICI · DICTATORI ·

¹⁵ Наиболее известны, например, античный «Ономастикон» Юлия Поллукса (II в. н.э.), а также «Ономастиконы», отдельными томами вошедшие в состав словаря Форчеллини (см. издание Коррадини-Перина: Aegidii Forcellini lexicon totius Latinitatis. Ed. F. Corradini, J. Perin. Vol. 1–6. Patavii, 1940 и издание Де-Вита: Aegidii Forcellini Totius Latinitatis lexicon, cura et studio Vincentii De-Vit. T. 1–10. Prati, 1858–1892). Отдельный «Ономастикон», входящий в состав незавершенного до сих пор словаря *Thesaurus linguae Latinae*, состоит на сегодняшний день из трех томов и доведен до буквы D. Ср.: Солопов 2008, 148–151.

¹⁶ См., например: Heinichen F.A. *Deutsch-Lateinisches Schulwörterbuch mit synonymischen und stilistischen, insbesondere antibarbarischen Bemerkungen*. Neubearbeitet von C. Wagener. VI., verbesserte Aufl. Leipzig: B.G. Teubner, 1909; Ainsworth's Latin Dictionary. Improved and enlarged by the late Dr. Thomas Morell; since carefully revised, and enriched ... by John Carey. Second edition, with further improvements. London, 1823. In 4o; The Classic Latin dictionary: Latin-English and English-Latin: Compiled from the best authorities of both languages with a glossary of geographical names. Chicago: Follett, 1946; Mir J.M., Calvano C. *Nuovo vocabolario della lingua latina*. Italiano-Latino; Latino-Italiano. Milano, 1986. Ср.: Солопов 2008, 218–219, 220–222, 227, 232.

¹⁷ Редким исключением из этого правила являются отечественные издания: Ивашковский 1849–1853; Подосинов 1998. Тем не менее, в них также отсутствуют многие популярные в России личные имена.

¹⁸ Источниками при составлении списка нам послужили прежде всего программы заседаний секции «Классическая филология, византийская и новогреческая филология» УМО по филологии университетов РФ, объединений региональных центров греко-латинской лингвокультурологии, проблемной комиссии по преподаванию латинского языка в медицинских вузах РФ (*Omnium Rutenorum disciplinarum Academicarum usu receptarum Rationum Docendi Collegii Grammaticorum Consilii utriusque linguae et linguae Graecae mediae infimaeque grammaticorum una cum Vtriusque linguae et humanitatis tradendae professorum omnium praefectarum sodalicii sociis et cum Collegio linguae Latinae in Academicis medicis tradendae conuentuum programmata*), проводящихся ежегодно при кафедре классической филологии филологического факультета МГУ, а также следующие словари: Pawlowski 1960; Frey 1870 (приложение «Alphabetisches Verzeichniss der Taufnamen»).

LEIBERTEINI [Dess. 871 (Romae)] L(ucio) Cornelio, L(ucii) f(ilio), Sullae Feleici, dictatori, leiberteini. «Луцию Корнелию, сыну Луция, Сулле Феликсу (Счастливого), диктатору – вольноотпущенники»¹⁹. Эта модель была использована в поздравительной надписи из сборника научных трудов, выпущенного в честь 80-летия Н. А. Федорова: NICOLAO FJODOROV A(LEXII) F(ILIO) OCTOGENARIO / DONVM NATALICIVM A DISCIPVLIS / VIRO INGENIOSO GRAMMATICO PERITISSIMO / MAGISTRO VENERABILI / GRATO ANIMO OBLATVM²⁰.

В заключение отметим, что в преподавании традиция перевода на латынь антропонимов иноязычного происхождения оказывает положительное эмоциональное воздействие на обучающихся. По словам А.В. Подосинова, «нравится ученикам латинизировать свои имена и фамилии на манер гуманистов Возрождения. Так, в «Школе ИКС» Красавин превратился в *Formosus*, Зарецкий – в *Transflumineus*, Волков – в *Lupinus* и т.д. Игра заходила так далеко, что даже на других предметах ученики стремились именовать себя в латинизированной форме, подписывая свои самостоятельные и контрольные работы. Главным редактором латинской стенной газеты был *Gregorius Marescalcus* (Гриша Маршалко), а оформителем – *Vladimirus Centiceps* (Володя Юзбашев, т.е. Сто-главый, от тюркского «юзбаши»)²¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛАТИНСКИЕ ФОРМЫ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЭТНОСОЦИУМЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Имена мужские		Имена женские	
Александр	Alexander, -i m	Александра	Alexandra, -ae f
Алексей	Alexius, -ii m	Алла	Alla, -ae f
Анатолий	Anatolius, -ii m	Анастасия	Anastasia, -ae f
Андрей	Andreas, -ae m	Анна	Anna, -ae f
Антоний	Antonius, -ii m	Валентина	Valentina, -ae f
Аркадий	Arcadius, -ii m	Варвара	Barbara, -ae f
Арсений	Arsenius, -ii m	Вера	Fides, -ei f
Артем	Artemius, -ii m	Виктория	Victoria, -ae f
Афанасий	Athanasius, -ii m	Галина	Galena, -ae f
Борис	Borissus, -i m	Дарья	Daria, -ae f
Вадим	Badimus, -i m	Евдокия	Eudoxia, -ae f
Валентин	Valentinus, -i m	Евгения	Eugenia, -ae f
Валерий	Valerius, -ii m	Екатерина	Catharina, -ae f
Василий	Basilus, -ii m	Елена	Helena, -ae f
Виктор	Victor, -oris m	Елизавета	Elisabet(h)a, -ae f
Виталий	Vitalius, -ii m	Зоя	Zoe, -es f; Vita, ae f
Владимир	Valdemarus, -i m	Ирина	Irena, -ae f

¹⁹ Федорова 1969, 83.

²⁰ Гринцер, Торшилов 2008, 9.

²¹ Подосинов 1996, 52.

Имена мужские		Имена женские	
Всеволод	Pancratius, -ii <i>m</i>	Ксения	Xenia, -ae <i>f</i>
Вячеслав	Polyclitus, -i <i>m</i> ; Wenceslaus, -i <i>m</i>	Лариса	Larissa, -ae <i>f</i>
Геннадий	Gennadius, -ii <i>m</i>	Лидия	Lydia, -ae <i>f</i>
Георгий	Georgius, -ii <i>m</i>	Любовь	Caritas, -atis <i>f</i>
Григорий	Gregorius, -ii <i>m</i>	Людмила	Ludimila, -ae <i>f</i>
Давид	David (нескл.)/-is <i>m</i>	Маргарита	Margarita, -ae <i>f</i>
Даниил	Daniel, -elis <i>m</i>	Марина	Marina, -ae <i>f</i>
Дмитрий	Demetrius, -ii <i>m</i>	Мария	Maria, -ae <i>f</i>
Денис	Dionysius, -ii <i>m</i>	Надежда	Spes, -ei <i>f</i>
Евгений	Eugenius, -ii <i>m</i>	Наталья	Natalia, -ae <i>f</i>
Ефим	Euphemius, -ii <i>m</i>	Нина	Nina, -ae <i>f</i>
Игорь	Inguarus, -i <i>m</i>	Оксана	Xenia, -ae <i>f</i>
Илья	Elias, -ae <i>m</i>	Ольга	Helga, -ae <i>f</i>
Иван	Io(h)annes, -is <i>m</i>	Светлана	Photine, -es <i>f</i>
Кирилл	Cyrrillus, -i <i>m</i>	София	Sophia, -ae <i>f</i>
Константин	Constantinus, -i <i>m</i>	Тамара	Thamar, -aris <i>f</i>
Лев	Leo, -onis <i>m</i>	Татьяна	Tatiana, -ae <i>f</i>
Леонид	Leonidas, -ae <i>m</i>	Христина	Christina, -ae <i>f</i>
Максим	Maximus, -i <i>m</i>	Юлия	Iulia, -ae <i>f</i>
Михаил	Michaël, -ēlis <i>m</i>		
Никита	Nicetas, -ae <i>m</i>		
Николай	Nicolaus, -i <i>m</i>		
Олег	Helgus, -i <i>m</i>		
Павел	Paulus, -i <i>m</i>		
Петр	Petrus, -i <i>m</i>		
Роман	Romanus, -i <i>m</i>		
Сергей	Sergius, -ii <i>m</i>		
Степан	Stephanus, -i <i>m</i>		
Тимофей	Timotheus, -i <i>m</i>		
Фёдор	Theodorus, -i <i>m</i>		
Филипп	Philippus, -i <i>m</i>		
Фома	Thomas, -ae <i>m</i>		
Юрий	Georgius, -ii <i>m</i>		
Яков	Iacobus, -i <i>m</i>		

ЛИТЕРАТУРА

Белов А. М. 2007: Ars grammatica. Книга о латинском языке. М.

Боровский Я. М. 1991: Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/borovski-91.htm>.

- Буркова Т. А.* 2006: Иноязычные личные онимы в немецком этносоциуме. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/9.pdf>.
- Гаспаров М. Л.* 2008: Записи и выписки. М.
- Гринцер Н. П., Торишилов Д. О.* 2008: *Discipuli Magistro*: к 80-летию Н. А. Федорова. М.
- Гурычева М. С.* 2008: Народная латынь. М.
- Дворецкий И. Х.* 2000: Латинско-русский словарь. М.
- Дерюгин А. А., Лукьянова Л. М.* 2003: Латинский язык. М.
- Иванова Г. Н.* 2012: Тайны медицинской латыни. Екатеринбург.
- Ивашковский С. М.* 1849–1853: Полный русско-латинский словарь. В четыре части. СПб.
- Каган Ю. М.* 2000: Латинский язык. М.
- Козаржевский А. Ч.* 1981: Учебник латинского языка. М.
- Маадла Ю. Й.* 1984: О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://miresperanto.narod.ru/esperantologio/bmaadla.htm>.
- Подосинов А. В.* 1996: Латинский язык в школе: история, задачи и методика преподавания. М.
- Подосинов А. В.* 1998: Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А. *Lingua Latina*. Латинско-русский словарь. М.
- Подосинов А. В., Щавелева Н. И.* 2009: *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру. Часть III. М.
- Следников А. Г.* 2010: Элементарный курс разговорной латыни для студентов российских вузов: проблемы и перспективы // Индоевропейское языкознание и классическая филология—XIV (чтения Тронского). 2, 314–324.
- Следников А. Г.* 2011: О неологизмах как способе обогащения словарного состава «живой латыни» // Слово и текст в культурном сознании эпохи. 8, 313–317.
- Следников А. Г.* 2012: Движение «живая латынь»: путь к формированию иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения мертвому языку? // Слово и текст в культурном сознании эпохи. 11, 198–204.
- Солопов А. И.* 2008: Начала латинской стилистики. М.
- Солопов А. И., Антонец Е. В.* 2009: Латинский язык. М.
- Федорова Е. В.* 1969: Латинская эпиграфика. М.
- Albert S.* 1990: *De lingua Latina vivo modo docenda* // *Vox Latina*. 26, 47–55.
- Eichenseer C.* 1996: *De usu linguae Latinae diligenter perquirendo convenienterque restaurando* // *Vox Latina*. 32, 510–542.
- Frey A.* 1870: *Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschen-Wörterbuch*. I. Deutsch-Russisches Wörterbuch. Leipzig.
- Fritsch A.* 1990: *Lateinsprechen im Unterricht*. Geschichte — Probleme — Möglichkeiten. Bamberg.
- Janson T.* 2006: *Latein*. Die Erfolgsgeschichte einer Sprache. Hamburg.
- Langosch K.* 1975: *Lateinisches Mittelalter*. Einleitung in Sprache und Literatur. Darmstadt.
- Pawłowski I.* 1960: *Russisch-deutsches Wörterbuch*. Leipzig.
- Slednikov A.* 2011: *De institutorio linguae Latinae vivae cursu ad usum scholarium Russorum* // *Vox Latina*. 47, 87–94.
- Stroh W.* 2001: *Lebendiges Latein*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://Irzmuenchen.de/~stroh/schriften/artikel/lat.html>.
- Visser E.* 1995: Das Lateinische als Schlüssel zum Verständnis der politischen und geistesgeschichtlichen Entwicklung Europas // *Impulse*. Beiträge zum altsprachlichen Unterricht. 11. Bad Kreuznach.

FOREIGN PROPER NAMES IN LATIN

A. G. Slednikov

The article deals with such an important issue of new Latin literature as ways of rendering foreign proper names in Latin. It covers historical stages of Latin enrichment by foreign proper names, formulates principles of their Latinization. The paper supplement provides a table of Latin forms of most frequently used proper names in Russian ethnosocium.

Key words: 'live' Latin, Roman name, proper name, Latin onomasicon

© 2013

И. Р. Абкадырова

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ МЕКСИКАНСКОГО
КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В статье представлен обзор теории национального коммуникативного стиля, а также приведены параметры его описания, в соответствии с которыми проанализированы средства моделирования мексиканского коммуникативного стиля на материале четырех романов мексиканских писателей.

Ключевые слова: лингвистика, коммуникативный стиль, художественный дискурс

Под влиянием местных культур и исторического прошлого в разных странах сложился свой уникальный характер коммуникации между индивидами. По этой причине современные лингвисты и культурологи большое внимание уделяют изучению вопросов коммуникативного стиля, которые исследуются в рамках межкультурной коммуникации (Л. В. Куликова, Т. В. Ларина, И. А. Стернин и др.).

Как правило, ученые сходятся во мнении, что неотъемлемыми компонентами коммуникативного стиля являются язык, знания, ценности и манеры поведения. Однако в целом вопрос о содержании данного понятия остается дискуссионным.

В рамках рассматриваемого понятия выделяют *глобальный коммуникативный стиль и национальный коммуникативный стиль*.

Т. А. Филоненко, анализируя современное состояние английского языка и его национальные варианты, приходит к выводу, что глобализационные процессы, приводящие к стиранию границ между культурами и обобщению ценностей и влиянию на национальную идентичность этносов, порождают глобальный язык межкультурного общения (*lingua franca*) и *глобальный коммуникативный стиль*, под которым понимается «совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и

Абкадырова Ирина Рустэмовна — аспирант, преподаватель кафедры романо-германской филологии факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: irina.abkadirova@gmail.com

нивелированном поведении представителей различных национальностей в процессе глобальной (интернациональной) коммуникации»¹.

Однако родная культура индивида также оказывает воздействие на его коммуникативное поведение, обуславливает использование тех или иных речевых стратегий и конвенций. По этой причине выделяется понятие *национального коммуникативного стиля*, под которым понимается «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка»².

Вопрос о структуре коммуникативного стиля остается дискуссионным. Так, А. А. Иванова выделяет в составе национального коммуникативного стиля три взаимосвязанных компонента: понятийную, ценностную и коммуникативно-прагматическую составляющую, причем именно последняя считается доминантной³.

В коммуникативный стиль часто также включают невербальную составляющую взаимодействия (Л. В. Куликова, Т. В. Ларина и др.). Например, Т. В. Ларина выделяет *национальный стиль невербальной коммуникации*, иными словами «совокупность исторически сложившихся и закреплённых традицией особенностей использования средств невербальной коммуникации — проксемических, кинесических, тактильных и др.»⁴.

Для коммуникативной этностилистики и теории межкультурной коммуникации принципиально важными представляются попытки описания национальных стилей коммуникации, так как они позволяют обобщить, систематизировать, описать, а также проследить логические связи в коммуникативном поведении представителей различных лингвокультур⁵. Среди основных параметров описания национального коммуникативного стиля исследователями, в частности Лариной, выделяются:

1. *Аксиологический* параметр, к которому относятся приоритетные ценности данной культуры, влияющие на процесс коммуникации и др.

2. *Социокультурную группу* параметров, включающую дистантность или контактность; ориентированность на статус или ориентированность на личность, симметричность или асимметричность отношений и др.

3. *Социолингвистические* параметры, к которым относятся субъектно-объектная ориентированность коммуникантов, степень допустимости прямого коммуникативного воздействия, степень формальности/неформальности в общении и др.

4. *Лингвистическая* группа, охватывающая отбор тех или иных языковых средств, синтаксические особенности высказываний, степени их ритуализованности, длину и количество реплик, употребляемых в различных ситуациях общения и др.

5. *Психолингвистические* параметры, включающие эмоциональную сдержанность или открытость, направленность и функциональную значимость эмоций, а также степень речевой экспрессивности.

¹ Филоненко 2010, 512.

² Куликова 2009, 182.

³ Иванова 2012, 7-8.

⁴ Ларина 2009, 34.

⁵ Солдатова 2009, 44.

6. *Паравербальные* параметры, к которым относят темп речи, громкость, тональность, допустимость, длину и роль пауз и молчания.

7. *Невербальные* характеристики, среди которых выделяется проксеимное, кинесическое и тактильное поведение⁶.

Выделенные параметры национальные коммуникативных стилей облегчают не только процедуру сопоставления коммуникативного поведения представителей различных лингвокультур, но и актуализация национальных коммуникативных стилей в художественном дискурсе. В последнем случае представляется возможным выделить два варианта. Писатель воспроизводит в художественном произведении национальный коммуникативный стиль, присущий его родной культуре. В данном случае он опирается на автостереотипы, т.е. комплекс устойчивых представлений и оценочных суждений о собственной (родной) лингвокультуре.

Однако в ряде случаев художественные тексты посвящены событиям, происходящим в нескольких странах, и автору приходится моделировать национальные коммуникативные стили других этнических общностей, основываясь на гетеростереотипах — совокупности мнений, оценок и др. относительно представителей других лингвокультур.

С этой точки зрения испанский язык в силу своего достаточно широкого распространения занимает особое положение. В каждой стране, где он обладает статусом государственного языка, выработан свой национальный коммуникативный стиль, закреплённый социальными конвенциями определённого этноса. И хотя коммуникативные стили испаноязычных стран обладают рядом общих черт, они не идентичны и насчитывают ряд расхождений.

В данной статье мы остановимся на описании мексиканского коммуникативного стиля в художественном дискурсе. В качестве материала нами были выбраны четыре романа современных мексиканских писателей: «Gringo viejo»⁷ и «Adán en Edén»⁸ К. Фуэнтеса, «Como agua para chocolate»⁹ Л. Эскивель и «Diablo Guardián»¹⁰ Х. Веласко. Несмотря на разноплановость сюжетов, местом действия во всех романах полностью или частично является Мексика.

Рассмотрим средства актуализации мексиканского коммуникативного стиля в соответствии с приведенными выше параметрами его описания.

1. В рамках **аксиологического** параметра необходимо остановиться на *уважении к статусу* и на *«сохранении лица собеседника»*, которые выступают одними из приоритетных ценностей мексиканской культуры и национального коммуникативного стиля. На языковом уровне данная особенность выражается, прежде всего, в широком использовании нормативных форм вежливости (в ряде случаев с целью сохранения дистанции), а также строгом соблюдении этикетных конвенций. Так, в романе «Adán en Edén» главный герой принимает у себя гостя и, как утверждает автор, по мексиканской традиции должен обнять его в знак дружбы:

⁶ Ларина 2009, 34-35.

⁷ Fuentes 1985, <http://www.iifl.unam.mx/html-docs/lit-mex/17-2/sheridan2.pdf>

⁸ Fuentes 2009.

⁹ Esquivel 1989, http://www.aldevara.es/download/ComoAguaParaChocolate_LauraEsquivel.pdf

¹⁰ Velasco 2012, http://miguelcreativo.weebly.com/uploads/3/5/5/3/355303/velasco_xavier_-_diablo_guardian.pdf

*Como el lector sabe (y si no sabe que aprenda), en México el abrazo entre hombres es un rito imprescindible de la amistad*¹¹.

У гостя из-за болезни очень плохо пахнет изо рта, и главный герой не хочет к нему приближаться, однако вынужден это сделать, потому что он не может нарушить этикет:

*...la cortesía me impone al abrazo*¹²...

2. **Асимметричность отношений** и ориентация на статус собеседника проявляется в широком употреблении местоименной формы *Usted* (Вы). Например, в романе Л. Эскивель главная героиня обращается к своей матери на *Usted* (даже во время ссоры):

*¡Usted es la culpable de la muerte de Roberto!*¹³

Примечательно, что мать всегда разговаривает со своими дочерьми на *tú*.

Что касается других случаев использования местоименной формы *tú*, то её употребление возможно и в деловом дискурсе, в случае если начальник, обращаясь к своему подчиненному, хочет подчеркнуть их социальное неравенство. Ср.:

Les hablo de tú.

Ellos me hablan de usted.

(Algún privilegio de la autoridad.)

Se ponen de pie cuando entro.

*Me quedo sentado cuando salen.*¹⁴

Интересно отметить, что писатели неоднократно описывают национальные обычаи и традиции. Так, в романе «Сомо agua para chocolate» завязка сюжета построена на старой мексиканской традиции, по которой младшая дочь в семье не имеет права выходить замуж и обязана посвятить свою жизнь уходу за родителями: мама Елена неоднократно напоминает об этом главной героине:

*Sabes muy bien que por ser la más chica de las mujeres a ti te corresponde cuidarme hasta el día de mi muerte*¹⁵.

Отметим, что согласно некоторым источникам данная традиция до сих пор соблюдается в определенных областях Мексики.

3. Мексиканский коммуникативный стиль относится к **высококонтекстуальным**, для него характерны иносказательность, игра слов, употребление многозначных фраз и косвенные речевые акты, поэтому для правильной интерпретации высказывания очень часто необходимо знание и понимание контекста.

Как следствие, для мексиканского коммуникативного стиля характерно деликатное отношение к собеседнику. Проанализированный фактологический материал подтверждает данное положение. В частности, герой романа «Сомо agua para chocolate» даже во время признания в любви обращается к своей возлюбленной на *Usted* и использует достаточно формальные фразы:

*Señorita Tita, quisiera aprovechar la oportunidad de poder hablarle a solas para decirle que estoy profundamente enamorado de Usted.*¹⁶

¹¹ Fuentes 2009, 95.

¹² Fuentes 2009, 95.

¹³ Esquivel 1989, 40.

¹⁴ Fuentes 2009, 27.

¹⁵ Esquivel 1989, 7.

¹⁶ Esquivel 1989, 11.

4. В произведениях мексиканских писателей достаточно широко представлены **лингвистические особенности** мексиканского коммуникативного стиля. И в речи героев, и в словах автора встречаются такие яркие маркеры национальной специфичности как **латиноамериканизмы** и **мексиканизмы**, т.е. слова или словосочетания, получившие распространение на территории Латинской Америки или Мексики. Рассмотрим несколько примеров употребления лексем данной группы в анализируемых романах:

*¿Te imaginas la que le habría tocado si **nomás** por morbozo le hacía perder la **chamba** a su papá?*¹⁷

*¿Por qué digo (Ele tiene razón) estas **babosadas**?*¹⁸

*Antes venían aquí solo los **amolados**.*¹⁹

В словаре Испанской королевской академии²⁰ лексемы *nomás* (*no más, solamente* — только), *chamba* (*empleo, trabajo* — место работы) и *babosada* (*cosa intrascendente, sin valor* — дрянь, безделушка) приводятся с указанием на употребление в ряде стран Латинской Америки (в т.ч. Мексике); лексема *amolados* (*Dicho de una persona: que ha sufrido una desgracia, una pérdida o un perjuicio graves. — o человеке: потерпевший, пострадавший*) сопровождается только пометкой *Mex.*, т.к. относится к чистым мексиканизмам.

В рамках данной группы можно также выделить подгруппу **мексиканизмов-индихенизмов**, которые могут обладать экспрессивными оттенками значения, что придает тексту наряду с национальной окраской дополнительную выразительность. В качестве примера можно привести лексему *escuincle*. Согласно словарю Испанской королевской академии указанный индихенизм, характеризуясь деспективным оттенком значения, принадлежит к разговорному стилю речи, что подтверждают и результаты проведенного нами исследования. В романе К. Фуэнтеса “*Adán en Edén*” лексему *escuincle* неоднократно употребляет главный герой, чтобы подчеркнуть свое недоверие по отношению к мальчику-предсказателю.²¹

В другом романе этого же писателя повстанцы, захватившие усадьбу семьи Миранда, насмехаются над учительницей, которая приехала обучать детей английскому языку, и употребляют этот же науатлизм:

*Dice que le va a enseñar el inglés a los **escuincles** Miranda, ¿oyeron eso?*²²

Следует отметить, что данная лексема, пришедшая в испанский язык из местного языка науатль (*om “itzcuintli”*), прошла как общеиспанскую фонетическую, так и грамматическую ассимиляцию: упрощение несвойственной для испанского языка группы согласных *tzc*, замена конечного гласного -i на -e, более характерную для испанского языка; употребление с артиклем и образование множественного числа по общеиспанской модели.

Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство латиноамериканизмов и мексиканизмов используется писателями без комментариев и пояснений.

Среди **морфологических средств** моделирования мексиканского коммуникативного стиля необходимо назвать употребление форм, содержащих сему умень-

¹⁷ Velasco 2012, 16.

¹⁸ Fuentes 2009, 70.

¹⁹ Fuentes 2009, 36.

²⁰ Diccionario de la Lengua Espanola, <http://lema.rae.es/drae/>

²¹ Fuentes 2009, 36.

²² Fuentes 1985, cap. 6, 10.

шительности, в частности, лексемы с диминутивными суффиксами, самыми частотными среди которых являются -ito (-ita), -illo (-illa). Рассмотрим конкретные примеры из произведений:

*El general la miró con los ojillos más angostos que nunca.*²³

Как правило, лексемы с указанными суффиксами выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию. Диминутивные суффиксы могут присоединяться не только с нарицательными существительными, но и к именами собственным, например:

— *Quédate la moneda, Pedrito, tú nos lo trajiste — sonrió el general y la pieza de plata hasta le quemó los dedos.*²⁴

Упомянутые выше суффиксы способны также присоединяться к наречиям, причастиям и другим частям речи и передавать определенную стилистическую окраску. Ср.:

— *No, Adán. Priscila no está aquí. Hace un mes no la veo. Chaucito, Adán.*²⁵

*Ese dinero sólo estaba solito cuando mi mamá se paraba en la escuela de mis hermanos.*²⁶

*Sí, pero ahorita no te lo puedo decir, tu tía se va a sentir mal si dejamos de hablar en inglés.*²⁷

Существует точка зрения, согласно которой широкое употребление диминутивных суффиксов в мексиканском коммуникативном стиле появилось под влиянием местного языка науатль.

5. Что касается **психологических характеристик**, то необходимо отметить эмоциональную сдержанность мексиканцев при формальном общении, в частности, недопустимость внешнего проявления отрицательных эмоций при свидетелях. Так, в романе “” Елена угрожает своей дочери:

— *No voy a permitir tus desmandadas — le dijo Mamá Elena —, ni voy a permitir que le arruines a tu hermana su boda, con tu actitud de víctima. Desde ahora te vas a encargar de los preparativos para el banquete y cuidadito que yo te vea una mala cara o una lágrima, ¿oíste?*²⁸

К. Фуэнтес говорит о ледяном спокойствии индейцев, упоминает об их умении «надеть на лицо маску» и приводит конкретные примеры того, как этому народу не позволяли выражать свои эмоции. Писатель подчеркивает скрытую эмоциональность своих героев, которая однажды может выплеснуться и привести к непоправимым последствиям. Так, например, в романе “Gringo viejo” индейский генерал Арройо, который в порыве ярости убил старого гринго, поплатился за это жизнью, потому что задел этим поступком честь своего командующего Панчо Вильи²⁹.

6. Среди **паравербальных и невербальных** средств актуализации мексиканского коммуникативного стиля, представленных в романах, стоит отметить частые указания на прерывание реплик собеседника в случае коммуникации индивидов с

²³ Fuentes 1985, cap. 9, 15.

²⁴ Fuentes 1985, cap. 4, 6.

²⁵ Fuentes 2009, 88.

²⁶ Velasco 2012, 27.

²⁷ Esquivel 1989, 84.

²⁸ Esquivel 1989, 13.

²⁹ Fuentes 1985, cap. 20, 37.

равным статусом. Так, в романе К. Фуэнтеса во время неформальной беседы двух политиков один из них регулярно прерывает реплики своего собеседника.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что писатели используют различные языковые средства для создания мексиканского колорита, по-разному реализуя возможности национального коммуникативного стиля, однако при этом можно выделить определенные тенденции, которые в той или иной мере проявляются у всех писателей мексиканского происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова А. А. 2012: Особенности реализации национального коммуникативного стиля в высказываниях о мечте (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.

Куликова Л. В. 2009: Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М.

Ларина Т. В. 2009: Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.

Солдатова О. С. 2009: Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. М.

Стернин И. А. 1996: Коммуникативное поведение и межнациональная коммуникация // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М.

Филоненко Т. А. 2010: Нивелирование международного общения на английском языке как результат глобализации // Известия Самарского научного центра РАН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_3_509_513.pdf

Diccionario de la Lengua Espanola. Real Academia Espanola. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lema.rae.es/drae/>

Esquivel L. 1989: Como agua para chocolate. Barcelona.

Fuentes C. 1985: Gringo viejo México: Fondo de Cultura. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=81597&p=43>

Fuentes C. 2009: Adán en Edén. Barcelona; Alfaguara.

Margair C. R. 1966: En torno a la Malinche // Cuadernos hispanoamericanos. 68, 539-557.

Velasco X. 2003: Diablo Guardián. — México: Alfaguara. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://miguelcreativo.weebly.com/uploads/3/5/5/3/355303/velasco_xavier-diablo_guardian.pdf

PECULIARITIES OF MODELING MEXICAN COMMUNICATION STYLE IN LITERARY DISCOURSE

I. R. Abkadyrova

The article focuses on the category of a national style of communication, its dimensions as well as the analysis of the Mexican style of communication in four Mexican novels.

Key words: linguistics, style of communication, literary discourse

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлен лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц испанского языка. Фразеологизмы в данном контексте рассматриваются как этноспецифический языковой знак, квант национального мировоззрения, в основе которого лежат метафоры, образы, архетипы национального сознания. Особое внимание уделяется экстралингвистическим факторам деривации ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, культура, картина мира, автохтонность

Проблема взаимодействия языка и культуры, отражения в языке национального мировоззрения издавна привлекает внимание отечественных и зарубежных философов, культурологов, социологов, лингвистов.

Различные аспекты данной проблемы рассматривались в трудах многих ученых еще с XIX в. (Я. Гримм, Р. Раск, В. Гумбольдт, А. А. Потебня и др.), и до сих пор подвергаются анализу в исследованиях, посвященных национально-культурному своеобразие языка и ментальности (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Верещагин, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова и др.), национальной языковой личности (Ю. Н. Караулов, В. В. Воробьев) и т. д. Современная лингвистика активно разрабатывает подход, при котором язык рассматривается не только как средство коммуникации и познания, но и как культурный код нации.

Несмотря на то, что существует немалое количество концепций в рамках лингвокультурологической парадигмы, большинство ученых сходятся во мнении, что язык является важнейшим способом формирования, хранения и передачи знаний человека о мире, основным инструментом познавательной деятельности.

Результаты познания окружающей действительности человек, по словам М. Хайдеггера, представляет в виде картины, изучает и «покоряет» ее¹. Неслучайно в настоящее время в обиход различных областей знания (философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии и других дисциплин) прочно вошло понятие картины мира как модели мира, как смыслового моделирования мира, как совокупности знаний общества о мире, и стало одним из ключевых в современной науке. Тем не менее, объем и границы данного понятия неоднозначно трактуются в рамках различных направлений. Зачастую понятие картины мира конкретизируется определениями «научная», «общенаучная», «частнонаучная», «религиозная», «историческая», «физическая», «биологическая», и т. д. Однако следует отметить, что свои знания о мире человек неизбежно фиксирует в языке.

Сулавко Анна Юрьевна — аспирант кафедры романо-германской филологии факультета филологии и журналистики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Email: asulavko@sfedu.ru

¹ Хайдеггер 1985, 50-51.

Совокупность знаний, полученных человеком в процессе познавательной деятельности и зафиксированных в языковой форме, в различных концепциях получила название «языкового промежуточного мира», «языковой репрезентации мира», или «языковой модели мира»². В рамках трактовки данного понятия язык воспринимается как «зеркало» национальной культуры³.

По словам О. А. Корнилова, мировоззрение народа наиболее полно отражается в его национальном языке⁴: каждый язык индивидуален, он, с одной стороны, фиксирует специфичную для данного языкового сообщества схему восприятия действительности, а с другой — включает ряд культурноспецифичных и этноспецифичных аспектов, влияющих на формирование национального менталитета. Различия в восприятии и членении реальности, особенности отражения явлений объективной действительности в различных языках появляются под воздействием различных факторов: культурно-исторических, социальных, этнопсихологических и т.д., что заставляет ученых говорить о существовании национально-специфичной *языковой картины мира*.

Национальные особенности языка и культуры проявляются на различных уровнях языковой системы, однако наиболее ярко они выражаются в лексике. В связи с этим существует множество исследований лексических систем различных языков на предмет выявления базовых концептов той или иной культуры, изучения специфических черт национального менталитета, специфики репрезентации национальной картины мира и т.д. Так, например, по мнению А. Вежбицкой, существуют слова с особыми культурно-специфичными значениями, которые отражают не только образ жизни, характерный для данного языкового коллектива, но и образ мышления⁵.

Особым сегментом лексической системы языка, который в образной форме кодирует и транслирует этноспецифические установки, стереотипы, этические и моральные нормы народа-носителя являются *фразеологические единицы*.

Трудно не согласиться с А. М. Бабкиным в том, что фразеологический фонд языка народа является живым и неиссякающим источником, который придает языку яркость черт национального характера и обеспечивает его обогащение новыми выразительными средствами и возможностями⁶.

Фразеологическая единица с точки зрения современной лингвистики является сложным языковым и культурным знаком, однако до сих пор не существует единого мнения о том, какой круг явлений следует включать в рассматриваемое понятие, а также нет единых формальных, семантических и коммуникативно-прагматических критериев выделения фразеологизма.

В рамках узкого подхода (Н. Н. Амосова, Ю. А. Гвоздарев, Х. Касарес и др.) к определению ФЕ данные единицы соотносят со *словом* или с *понятием*, а в качестве основных признаков фразеологизмов, как правило, выделяют семантическую слитность компонентов и *идиоматичность*. При широком подходе (А. В. Кунин, Н. М. Шанский, Г. Корпас Пастор и др.) к фразеологизмам относят единицы, со-

² Маслова 2001, 64.

³ Телия 1996, 9.

⁴ Корнилов 2003.

⁵ Вежбицкая 1996, 263.

⁶ Бабкин 1970, 258.

относимые с *предложением* или с *суждением*. При таком подходе ФЕ могут состоять, как минимум, из двух компонентов и не должны превосходить по объему сложное предложение⁷.

Многие ученые, придерживающиеся широкого понимания ФЕ, рассматривают фразеологию на основе *полевого* принципа. Такая организация ФЕ предполагает, что сочетания, находящиеся ближе к ядру поля, соответствуют слову или сочетанию слов и обладают большей степенью устойчивости и идиоматичности, на периферии же будут находиться фразеологизмы, соотносимые с предложением.

На наш взгляд, фразеологизмы обладают следующим специфическим комплексом свойств, отличающих данные единицы от слов и свободных словосочетаний: *идиоматичность*, *раздельнооформленность*, относительная *устойчивость* компонентного состава и *воспроизводимость*. Кроме того, фразеологизмам свойственна *лексикологическая маркированность*.

Фразеологический состав языка представляет собой достаточно подвижную, постоянно развивающуюся систему, которая не имеет четких границ: при изучении фразеологии в диахроническом аспекте можно наблюдать постоянную смену ее состава (что обусловлено, в первую очередь, процессами фразеологизации и дефразеологизации). Кроме того, сами ФЕ обладают различной степенью семантического преобразования. Именно поэтому, на наш взгляд, более продуктивным является подход к фразеологии как к системе с относительно устойчивым центром и периферией.

Так, учитывая цели и задачи исследования, к числу фразеологизмов мы относим устойчивые выражения любого структурно-семантического типа, включая пословицы, поговорки, различные виды речений (**uno para todos, todos para uno** — *один за всех и все за одного*; **el enemigo público número uno** (букв.: *враг общества номер один*) — *враг номер один*), составные термины (спорт. **cuarto de final** — *четвертьфинал*), речевые формулы (**de mil amores** (букв.: *с тысячью стремлений*) — *с величайшим удовольствием, охотно; от всего сердца*), и следую- ем, таким образом, позиции тех ученых, которые предлагают *широкое* понимание фразеологии на основе *полевого* принципа.

В рамках лингвокультурологического направления фразеологизм рассматривается как специфический языковой знак, в основе которого лежат метафоры, образы, архетипы национального сознания и эталоны национальной культуры.

Картина мира, отраженная фразеологическими средствами языка, рассматривается в современном языкознании как языковой феномен национально-культурного наследия, и называется *фразеологической картиной мира*. Фразеологические единицы служат не только средством освоения мира индивидом, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения и др. Во фразеологической картине мира наиболее ярко отражено национальное своеобразие языка, так как именно фразеологические единицы чаще всего содержат компоненты значения, содержащие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности. Не вызывает сомнений тот факт, что фразеологическая картина мира глубоко антропоцентрична, так как ее центром является человек, его воззрения на мир, именно он устанавливает критерии ценности реалий окружающей действительности.

⁷ Corpas Pastor 2003, 20.

Фразеологизмы, отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры того или иного этноса и представляют собой особые единицы языка, в которых запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, а также знания как о внешней действительности, так и о внутреннем мире человека.

В понимании Ковшовой М.Л., «фразеологизм есть культурнозначимая иллюстрация для той или иной ситуации в мире — иллюстрация общеизвестная, закреплённая во фразеологическом образе, или креативная, придуманная на случай»⁸. — комментарий?

Так, например, о ситуации или действии, время реализации которого неизвестно либо не наступит никогда, носители русского языка говорят «*когда рак на горе свистнет*». В сознании носителя испанского языка просто не может возникнуть подобный образ в силу того, что данный концепт не является продуктивным для носителя испанской или латиноамериканской ментальности. В подобном случае в Испании употребят выражение **cuando las ranas críen pelo** (букв.: *когда лягушки отрастят волосы*), а в Колумбии — **el día que vuelen los chanchos** (букв.: *в день, когда свиньи полетят*).

Следует также отметить, что омонимичные ФЕ в испанском языке могут нести различные коннотации в зависимости от ареала употребления. Так, в Испании ФЕ **pelar la pava** (букв.: *ошипывать индейку*) — (о влюблённых) *часами ворковать, как голубки* не совпадает по значению с мексиканским вариантом данного устойчивого выражения, обозначающего «*убивать время, лентяйничать, бить баклуши*».

В Испании и в Аргентине выражение **ser un pavo/paviso** (букв.: *быть индюком*) используется для обозначения *несообразительного, неинтересного и глупого человека*. В Чили, Перу и Эквадоре так называют *безбилетного пассажира*, который путешествует на самолёте или корабле, а на Кубе данное выражение имеет деспективный оттенок — так называют *лиц нетрадиционной ориентации*. Интересно отметить, что в Доминиканской Республике фразеологизм с тем же анималистическим компонентом **echar una pava/pavita** (букв.: *бросать индейку*) не относится к описанию человеческих качеств, и обозначает *короткий послеобеденный сон*.

В настоящем исследовании как базовое принимается положение о том, что большинство фразеологических единиц обладает национально-культурной спецификой. Фразеологические единицы, по нашему мнению, являются *квантом национального мировоззрения*, особым вербализованным знаком культуры, способным выражать ценностно-эмоциональное отношение этноса к отдельным фрагментам действительности.

Одним из ключевых свойств данных языковых единиц является их **автохтонность**, способность выражать культурно-исторический смысл⁹. Происхождение большинства ФЕ тесно связано с жизнью народа и его историей. Целесообразно выделить следующие основные *пути возникновения* фразеологизмов, обусловленные экстралингвистическими факторами:

1) *Национальный культурно-исторический опыт*, традиции народа, говорящего на данном языке. К примеру, фразеологизм **así se las ponían a Fernando sép-**

⁸ Ковшова 2009, 11.

⁹ Алефиренко 2008.

timo (букв.: так их клали для Фернандо VII) — достичь чего-то очень легко. Король Фернандо VII был большим любителем бильярда, но плохим игроком. Когда он играл, его подданные, чтобы доставить ему удовольствие, клали шары на стол так, что невозможно было не попасть в лузу¹⁰.

Интересно также происхождение ФЕ **la procesión va por dentro** (букв.: процессия идет внутрь) — сдерживаться, не показывать вида. В Испании во время Страстной недели (Semana Santa) на улицах можно увидеть множество красочных религиозных процессий. Однако в плохую, ненастную погоду шествия проводятся не под открытым небом, а в церквях и соборах, поэтому публика не может их увидеть.

2) *Фольклор и мифология*. Например, фразеологизм **abrir la caja de los truenos** (букв.: открыть коробку с громом) — открыть ящик Пандоры — вызывает ассоциации с двумя мифологическими образами — образом Зевса, повелителя стихий, который, разбушевавшись, начинает метать гром и молнии, а также образом Пандоры, открывшей ларец, в котором были заперты все человеческие несчастья.

Источником происхождения ФЕ **a Zaragoza, o al pozo** (букв.: в Сарагосу или в колодец) — хоть кол на голове теши, является басня о жителе Арагона (жители данного региона Испании известны своим упорством), который направлялся в Сарагосу. Почти дойдя до места назначения, он встретился со своим другом, который сказал ему, что пути господни неисповедимы. Араговец же ответил, что попадет в Сарагосу, хочет того Бог, или нет. Услышав это, Бог принял человеческий облик, спустился на землю, чтобы встретиться с путником и спросить, куда он направляется. Когда тот повторил свои слова, Бог разгневался, превратил упряма в лягушку и посадил в колодец у дороги. Через некоторое время Бог решил, что преподал хороший урок арагонцу, вернул ему человеческий облик и снова спросил, куда тот направляется. На этот раз ответ был следующим: «В Сарагосу, или в колодец». Испанцы используют этот фразеологизм, когда хотят подчеркнуть, что человек очень упрям и не хочет принимать чужого мнения¹¹.

3) *Библия* также является одним из важнейших источников ФЕ не только в испанском, но и в других европейских языках (**los últimos serán los primeros** — последние станут первыми). Среди подобных фразеологизмов немало интернациональных: **ninguno puede servir a dos señores** (букв.: никто не может служить двум хозяевам) — двум господам не служат (ср., англ. **no man can serve two masters**). Реалии Библии универсальны, однако разные народы используют в разных....

4) *Профессиональная деятельность людей*. Множество ФЕ пришло, например, в испанский язык из речи тореро и мира корриды: **el primer espada** (букв.: первая пика) — первая скрипка. Так, по словам М. Санчес-Пуиг, для испанцев коррида, существующая в Испании с конца XV века — это не просто массовое зрелище, а «символический ритуал, живая репрезентация борьбы человека с силами природы», «борьба разума и силы», «искушение судьбы», вызов смерти и воплощение «трагического восприятия жизни, столь присущего испанцам». Следует отметить, что фразеологизмы, связанные с тавромахией, часто используются в

¹⁰ Buitrago 2003, 80.

¹¹ Buitrago 2003, 44.

испанских СМИ во время предвыборных кампаний, когда борьба на политической арене максимально обостряется, уподобляясь корриде¹².

5) *Литературные произведения*. Этот источник дал жизнь значительному числу фразеологизмов. Например: **ande yo caliente y ríase la gente** (букв.: я буду ходить сердитый, и пусть все кругом хохочут) $\approx$ пусть говорят — фраза из стихотворения Л. Де Гонгора¹³; **el perro del hortelano** (букв.: собака садовника) — собака на сене — название известной пьесы Лопе де Вега.

6) *Национальные и культурные стереотипы*. Высокой частотностью обладают компаративные ФЕ, например, **beber / fumar / mentir como el cosaco** (букв.: пить / курить / врать, как казак) — в испанском сознании образ казака ассоциируется со всеми существующими пороками¹⁴, **engañar como a un chino** (букв.: обмануть, как китайца) — провести, как ребенка. Интересно отметить, что в различных лингвокультурах представление об одной и той же реалии может отличаться. Так, в Испании существует аттракцион под названием **montañas rusas** (букв.: русские горки), в России же его называют американскими горками.

7) *Телевидение и реклама*. В настоящее время состав фразеологической системы испанского языка активно пополняется за счет кинематографа, телевидения. Следует отметить, что фразы из рекламы очень часто закрепляются в разговорной речи в качестве устойчивых воспроизводимых единиц. Так, например, ФЕ **la prueba del algodón** (букв.: испытание ватой) — финальная проверка появилась сравнительно недавно. Это фраза из рекламы моющего средства *Tenn*, вышедшей в 1984 году: дворецкий проводит небольшим кусочком ваты по рабочей поверхности в кухне, и после уборки обычным средством вата оказывается грязной, а после *Tenn* — она еще белее, чем была раньше. Таким образом, разработчики рекламы доказывают, что уборка другими средствами не настолько результативна. Указанное выражение прочно вошло в испанский язык, и достаточно часто употребляется в спортивной, экономической и политической сферах.

Подводя итоги, следует отметить, что фразеологические единицы являются одним из наиболее сложных и наиболее интересных явлений в лексической системе языка. Фразеология каждого языка, являясь сегментом языковой картины мира, вносит существенный вклад в ее формирование и репрезентацию. Фразеологические единицы хранят в своей внутренней форме и передают сведения о нормах, ценностях, устоях общества, иначе говоря, служат отражением национально-культурного наследия определенного народа, говорящего на данном языке. Данные единицы обладают способностью сквозь призму восприятия человека отражать фрагменты языковой картины мира и помогают ему в полной мере выразить свое отношение к окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. 2008: Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород.

Бабкин А. М. 1970: Русская фразеология: ее развитие и источники. Л.

¹² Санчес Пуиг 2011.

¹³ Buitrago 2003, 64.

¹⁴ Buitrago 2003, 135.

- Вежбицкая А.* 1996: Язык. Культура. Познание. М.
- Ковишова М. Л.* 2009: Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Корнилов О. А.* 2003: Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.
- Маслова В. А.* 2001: Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.
- Санчес Пуиг М.* 2011: Испанская картина мира в призме боя быков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esp-centr.sfedu.ru/ru/2011-07-01-04-53-32/virtualconf/item/552-ispanskaya-kartina-mira-v-prizme-boya-bykov>.
- Телия В. Н.* 1996: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.
- Хайдеггер М.* 1993: Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. М.
- Buitrago A.* 2003: Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid.
- Corpas Pastor G.* 2003: Corrientes actuales de la investigación fraseológica en Europa, Universidad de Málaga. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.euskaltzaindia.net/dok/euskera/25886.pdf>

PHRASEOLOGICAL UNITS AS AN ETHNOSPECIFIC SLOT OF THE WORLD-IMAGE (BASED ON SPANISH)

A. Yu. Sulavko

The article deals with linguistic and cultural aspect of phraseological units in Spanish. They are analyzed as ethnically specific linguistic signs, a quantum of ethnic world-view based on metaphors, images, archetypes of ethnic mentality. Particular emphasis has been placed on extralinguistic factors of idiomatic derivation.

Key words: phraseological unit, culture, word-image, autochthony

© 2013

В. Е. Беляева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗНООБРАЗНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАКУН В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья раскрывает содержание понятий «лакуна» и «лакунарность», которые получают все более широкое распространение в филологии и лингвокультурологии. Основное внимание автор уделяет методам выявления лакун на материале селькупского языка.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, мотивированные лакуны, немотивированные лакуны

Беляева Валерия Евгеньевна — преподаватель Томского политехнического университета. E-mail: lerabel@mail.ru

Современный мир — поликультурный мир, в котором национально-культурная картина мира играет большую роль. Национальный язык — это органичная совокупность подсистем: литературной, диалектной и просторечия. Он изменяется вместе с обществом, в котором функционирует. Основной характеристикой сегодняшней политической реальности стала свобода слова. В российскую действительность прочно вошли такие явления, как ликвидация цензуры, политический плюрализм, расширение доступа людей к информации, независимость СМИ, разнообразие видео-, аудио- и печатной продукции, расширение прямого эфира, возвращение ранее запрещенных авторов. На уровне языка это привело к значительному расширению активного словарного запаса людей, совершенствованию навыков неподготовленной устной речи, ускоренному развитию устной формы существования языка при сокращении объема письменного межличностного общения.

Все эти изменения находят отражение в языке, который под влиянием изменений интенсивно развивается, номинируя новые реалии окружающего мира, предметы изменившегося быта. Появляется потребность в новых лексемах, которые объективируют новые концепты (мыслительные образы). Но часто бывает так, что однословное наименование у новых реалий отсутствует. Носители языка, желая назвать их, испытывают коммуникативный дискомфорт, пытаясь каждый по-своему заполнить обозначившуюся пустоту.

В языке часто наблюдается отсутствие не только однословных наименований, но и звуков, морфем, форм слова и т.д. По мнению И. А. Оссовета, «система литературного языка и народных говоров, вместе взятых, образует определенную матрицу, часть клеток этой матрицы не заполнена, в результате чего образуются «пустые клетки»; незаполненные клетки одной частной лексической системы во многих случаях не совпадают с незаполненными клетками другой лексической системы»¹. С. Г. Тер-Минасова замечает, указывая на соотношение языковой и национально-культурной картин мира: «Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все», иначе говоря, в данном случае говорят о некой «пустоте»². Данное явление получило название лакунарности.

В настоящее время существует комплекс методов выявления лакун, но нет единой методики в выявлении лакун. Цель данной статьи — анализ существующих в лингвистической литературе методов выявления лакун, для выявления лакун необходимо использовать комплекс методов. Разные авторы приводят разные методы и методики. В. В. Левицкий и И. А. Стернин описывают методику, основанную на номинативном тесте, в результате которого выявляются семантические компоненты, отсутствующие в том или ином языке³. В. К. Харченко указывает, что детские речевые ошибки — это не только черновики мысли, это ценнейшие недра, неистощенные ресурсы языка, огромный потенциал смыслов, форм, который на короткое время озвучивается для исследователя речью детей, что «изучение детских инноваций открывает большие возможности в плане сопоставления с другими формами, срезами, аспектами, ипостасями языка, в частности, с фак-

¹ Оссоветский 1988, 81.

² Стернин 1989, 4.

³ Степанов 2005, 20.

тами его исторического прошлого»⁴. Этот метод получил название метод анализа детского словоупотребления. Современные лингвисты очень часто используют контрастивный метод, историко-сопоставительный метод, синонимико-антонимический, стилистико-парадигматический метод и словообразовательно-парадигматический метод выявления лакун⁵. Рассмотрим некоторые из методов выявления лакун. Первый метод — контрастивный: сопоставление лексических единиц языка с их соответствиями в каком-либо другом языке.

Сопоставление способов номинирования концепта в диахронии относят к историко-сопоставительному методу.

Словообразовательно-парадигматический метод выявления лакун — выявление через комплексные единицы словообразования.

Синонимико-антонимический метод выявления лакун — метод, который основан на сопоставлении ядра и периферии языка. Лексико-семантическое поле имеет свое ядро и периферию.

Особенно популярным методом является ассоциативный метод — сопоставление ассоциаций к словам-эквивалентам в разных языках.

Часто для выявления лакун используют метод полей. В каждом лексико-семантическом поле конденсируются взаимно противопоставленные единицы какой-либо понятийной области, что позволяет выявить и значимые отсутствия номинантов — лакуны разных типов.

В настоящее время проблема выявления и описания лакун пока еще мало изучена. Исследователей, занимающихся лакунами очень мало: Ю.С. Степанов, В.Л. Муравьев, В.Г. Гак, В.И. Жельвис, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, О.А. Огурцова, З.Д. Попова, И.Ю. Марковина, Л.А. Леонова и др. Каждый из них по-своему описывает данное явление. Единой классификации лакун не существует, исследователь приводит свою классификацию. Первым классификацию лакун дал В.Л. Муравьев. Английские и русские лакуны систематизировал В.И. Жельвис. Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина рассматривают экстралингвистические лакуны. Отдельные лингвистические лакуны описаны И.А. Стерниным, а также Б. Харитоновой, Л.А. Леоновой, И.В. Томашевой, А.И. Беловым и др.

В настоящее время выделяют синхронические и диахронические, лингвистические (языковые, речевые) и экстралингвистические (текстовые и культурологические) лакуны. Лингвистические лакуны подразделяются на интерязыковые и интраязыковые, уникальные и частные, мотивированные и немотивированные, речевые, эмотивные, гипонимические и гиперонимические, взаимные, коннотативные, нулевые.

Межязыковые лакуны — это лакуны, обнаруженные при сравнении двух языков или в ходе сопоставления их с языком-эталоном. По мнению В.Г. Гака, межязыковые лакуны — это «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке»⁶. Внутряязыковые же лакуны, по мнению ученого, это отсутствие слов, которые как бы предусмотрены самой лексической

⁴ Быкова 1998, 5.

⁵ Быкова 1998, 133.

⁶ Гак 1977, 251.

системой языка. Хотя лексика языка представляет собой систему, система эта не жесткая, в ней постоянно обнаруживаются пропуски, незаполненные места.

«Межъязыковая лакуна представляет собой отсутствие единицы. Единица второго языка, на фоне которой обнаружена лакуна в исследуемом языке, является в этом случае безэквивалентной. Таким образом, понятия межъязыковой лакуны и безэквивалентной единицы соотносительны: первые выделяются на фоне последних и взаимно предполагают друг друга»⁷.

«Под межъязыковыми лакунами следует понимать, — пишет, исследуя материал норвежского и русского языков, А. И. Белов, — такие «пустоты», «несигнализируемые участки», которые возникают при взаимодействии реципиента и иноязычного текста (буквального перевода)». При восприятии текста «реципиент использует набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила другого языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку, и к другой, не его собственной культуре, и опознаются как непонятные и/или ошибочные». При наименовании предметов, явлений и действий, — отмечает А. И. Белов, — огромную роль играют различного рода ассоциации»⁸.

Как отмечает А. И. Белов, «поскольку лакуны являются отражением национально-специфического в языке, то правомерно выделить в межъязыковых лакунах следующие подгруппы: уникальные и частные лакуны. Под уникальными лакунами следует понимать такие языковые явления, которые воспринимаются как странные и непонятные для всех представителей этноса X, противопоставленного некоторому другому этносу»⁹. Он отмечает, что одно и то же явление может быть для одних языков понятийной лакуной, для других — языковой, для третьих — вообще не быть лакуной. Поэтому представляется целесообразным выделить из разряда понятийных (абсолютных) лакун уникальные, т.е. инвариантные для некоторого набора этносов.

Ю. С. Степанов выделяет абсолютные лакуны: «...только в этих сравнительно редких случаях они ощущаются в норме и осознаются при составлении переводных словарей как слова, не имеющие эквивалента в виде слова»¹⁰. В. Л. Муравьев считает: «Данный вид лакун, связанный с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие (реже суждение), лексически зафиксированное в другом языке, мы будем называть абсолютными»¹¹. В. Г. Гак, занимаясь сопоставительной типологией французского и русского языков, отмечает «Отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке. Классическим примером подобных лакун во французском языке по сравнению с русским является отсутствие слов, равнозначных русским сутки, кипятилок»¹².

Ю. С. Степанов отмечает, что «лакуны могут быть относительными, когда

⁷ Оссовецкий 1988, 46.

⁸ Белов 1978, 20.

⁹ Белов 1978, 21.

¹⁰ Степанов 2005, 98.

¹¹ Муравьев 1975, 7.

¹² Гак 1977, 261.

слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко»¹³. «При наличии в сопоставляемых языках словарных эквивалентов можно наблюдать несовпадение частоты их употребления и распространенности, а также несовпадения во фразовом окружении таких слов в исследуемых языках. В этом случае лакуна является относительной»¹⁴.

Известно, что лексически фиксированные понятия в двух языках по объему далеко не всегда совпадают: часто понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. являются родовыми относительно видовых понятий другого языка. Б. Харитонова видовыми концептуальными лакунами называет случаи, когда в языке сравнения существуют несколько взаимосвязанных слов, несущих видовые понятия, в то время как в исследуемом языке имеется только лексически оформленное родовое понятие (гипероним)¹⁵. И. А. Стернин называет такое соответствие неадекватным, т.к. оно не передает основных ядерных дифференциальных сем слова, имея при этом более обобщенное значение, т.е. являясь гиперонимом. Такие лакуны исследователь обозначает как денотативные гипонимические лакуны, которые представляют собой отсутствие гипонимов в русском языке.

Если в языке сравнения имеется гипероним, понятие которого в исследуемом языке лексически не оформлено, а существуют лишь лексически оформленные гипонимы, такую лакуну оба исследователя называют родовой концептуальной (гиперонимической) лакуной.

Для того чтобы удобно было выявлять лакуны, их объединяют в группы. Первую группу составляют мотивированные и немотивированные лакуны. Мотивированные основаны на выявлении причины их возникновения. Мотивированные лакуны отражают отсутствие в языке слова вследствие отсутствия предмета, явления, процесса в самой действительности народа, говорящего на данном языке, т.е. их отсутствие объясняется самой действительностью.

Немотивированные лакуны трактуются историческими, культурными традициями, социальными причинами. Немотивированные лакуны отражают отсутствие в языке слова при наличии соответствующего предмета, явления, процесса. Народ хотя и наблюдает тот или иной предмет, как бы не замечает его и не обсуждает, обходится без его наименования. В. Л. Муравьев пишет: «...стилистические лакуны выделяются на основании отсутствия в одном из языков слова (фразеологизма), имеющего ту же стилистическую окраску, что и слово с идентичным значением другого языка. Являясь книжными словами, они часто имеют определенную стилистическую отнесенность (профессионализмы, публицистический, официально-деловой стили речи и т.п.)»¹⁶.

Следующую группу образуют речевые лакуны (частичные, компенсированные, полные). К частичным лакунам относят количество сем, которые в процессе перевода оригинала утрачиваются и не компенсируются. Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина так описывают речевые лакуны: «Все, что в инокультурном тек-

¹³ Сорокин, Марковина 1983, 121.

¹⁴ Оссовецкий 1988, 38.

¹⁵ Харитонова 1987, 34.

¹⁶ Муравьев 1975, 18 — 19.

сте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст. Такие элементы мы называем лакунами»¹⁷.

К полным лакунам относят набор сем, входящих в состав оригинального текста и отсутствующих в тексте на языке перевода.

Компенсированные лакуны — это количество сем, при переводе части набора сем оригинала сопровождается появлением некоторого количества новых сем, не содержащихся в исходном тексте.

Следующая группа — этнографические лакуны. Этот тип лакун большинство исследователей считают разновидностью культурологических лакун, существование которых обусловлено отсутствием реалий, характерных для одной культуры, в другой культуре. Отметим некоторые этнографические лакуны на материале селькупского языка: *sokuj* — глухая одежда с капюшоном из оленьих шкур мехом наружу, *parka*- распашная шуба, сшитая из оленьих шкур мехом наружу, для названия избы на сезонном промысловом поселении использовался термин *koqe*. К числу этнографических относят также лакуны, обусловленные существованием запретов — табуированные лакуны.

Исследователь селькупской культовой лексики А. А. Ким относит их к арготайному языку, понять их значение можно путем: 1) искажения звучания слов; 2) использования общедоступных слов в другом (условном) значении; 3) словообразования; 4) заимствования целых слов или элементов из других языков¹⁸. Эти лакуны называют лакунами ограниченного употребления, т.е., лакуны, слова, которые селькупы боялись произносить вслух, из-за боязни самого предмета и поэтому называли их другими словами: медведица - *paja*. А само слово «*paja*» означает старуха. Также примером лакуны ограниченного употребления может служить лексема *saŋ*, что означает «жизненная сила, сила шаманская».

В культовой лексике селькупов к табуированным лакунам относят лексему «медведь»: *vas. qoŋq*; Лексема *qoŋ*, использовалась в абстрактном значении «мужская душа»¹⁹.

У селькупов существует поверье, что медведь услышит, если человек говорит о нем плохо и может за это наказать. Именно поэтому селькупы старались не использовать наименование медведя, по причине существования языкового табу. Для этого они использовали иносказательные обозначения, например: *il'ča* «дед, дедушка».

Таким образом, при сопоставлении лексики русского и селькупского языка можно обнаружить пробелы, которые называются лакунами и возникают в результате отсутствия эквивалента в виде слова слову другого языка. Их появление обусловлено социально-культурным развитием народа. Используя различные методы выявления лакун можно более полно охарактеризовать изменения в рамках одной культуры.

¹⁷ Сорокин, Марковина 1983, 37.

¹⁸ Ким 1997, 72.

¹⁹ Ким 1997, 134.

- Быкова Г. В.* 1998: Лакунарность в лексической системе русского языка. Благовещенск.
- Белов А. И.* 1978: О выделении некоторых групп лакун (на материале финского и русского языков) // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 19-21.
- Гак В. Г.* 1977: Сопоставительная лексикология. М.
- Ким А. А.* 1977: Очерки по селькупской лексике. Томск.
- Муравьев В. Л.* 1975: Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир.
- Оссовецкий И. А.* 1988: Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50-60-х гг. // Вопросы языка современной русской литературы. М.
- Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.* 1983: Опыт систематизации лингвистических и культурно-логических лакун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калининград.
- Степанов Ю. С.* 2005: Константы: Словарь русской культуры. М.
- Стернин И. А.* 1989: Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Halle.
- Тер-Минасова С. Г.* 2000: Язык и межкультурная коммуникация. М.
- Харитонова Б.* 1987: Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей «Человек», «Быт» и «Народное хозяйство» учебника «Русский язык» для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): дис... канд. филол. наук. Воронеж.

DIFFERENT METHODS FOR REVEALING LACUNAE IN THE SELKUP LANGUAGE

Ye. V. Belyaeva

The paper reveals the content of the notion *lacuna* that becomes widespread in philology and linguistic culture with particular emphasis on methods for revealing lacunae in the Selkup language.

Key words: lacuna, motivated lacunae, non-motivated lacunae

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2013

И. В. Антонов

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ЭТАПЕ РУССКО-БАШКИРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается вопрос о раннем этапе русско-башкирского взаимодействия (до XVI в.). Анализ данных археологии, этнографии, лингвистики и письменных исторических источников позволяет утверждать, что взаимодействие русских и башкир началось задолго до вхождения Башкирии в состав России и происходило в этнокультурном и военно-политическом аспектах.

Ключевые слова: русские, башкиры, археология, этнография, лингвистика, история

Традиционно считается, что русские появились на Южном Урале и в Приуралье «во второй половине XVI в., вскоре после присоединения основных земель Башкирии к Русскому государству»¹. Однако такое представление не соответствует данным современной науки, не говоря уже о том, что проблема русско-башкирского взаимодействия отнюдь не сводится к изучению русской миграции в Башкирию.

Р.Г. Кузеев в истории русско-башкирских отношений выделил пять этапов: 1) до XVI в.; 2) с середины XVI в. до 30-х гг. XVIII в.; 3) с 30-х гг. XVIII в. до 60-х гг. XIX в.; 4) с 60-х гг. XIX в. до Октябрьской революции; 5) советский период.

Характеризуя начальный этап контактов между русскими и башкирами, Р.Г. Кузеев подчеркивал: «Источников по этому периоду очень мало». Поэтому нам известно очень немного: «До середины XVI в. имели место, очевидно, первые непосредственные контакты западных башкир — соседей Казанского ханства — с русскими. Эти контакты не прошли бесследно: они способствовали формированию в сознании народа представлений о Руси как о сильном, могущественном государстве, способном взять башкир под покровительство и защиту. Именно это массовое сознание сыграло крупную роль в принятии башкирскими племенами решения о добровольном присоединении к Русскому государству»².

Антонов Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: igan73@yandex.ru

¹ Шитова, Ковязин 2002, 222.

² Кузеев 1982, 13-17.

Таким образом, первые непосредственные контакты между русскими и башкирами имели место до середины XVI в., как считал Р. Г. Кузеев, в эпоху Казанского ханства. Несмотря на то, что источников по этому периоду очень мало, мы располагаем данными различных дисциплин, свидетельствующих о том, что эти контакты начались задолго до образования Казанского ханства. В настоящей статье вопрос о раннем этапе русско-башкирского взаимодействия предлагается рассмотреть в археологическом, этнографическом, лингвистическом и историческом аспектах.

Археологический аспект. Возможно, самые ранние славянские поселенцы на Южном Урале появились уже в V–VII вв. В черте современного города Уфы и его окрестностях выявлена серия поселений романовского типа, содержащих керамику, характерную для именьковской культуры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, этническая принадлежность носителей которой определяется как праславянская³. Однако «именьковцы» не оставили сколько-нибудь заметных следов в этнической карте Приуралья⁴. Их проникновение в этот регион было незначительным, они «жили здесь недолго и, скорее всего, были вытеснены назад в Волго-Камье племенами турбаслинской культуры»⁵.

На территории Башкортостана известны находки русских предметов золотордынского времени: железный замок XIII–XIV вв. на Уфимском (Чертовом) городище, посуда XIV–XVI вв. на пяти поселениях на р. Ай (Усть-Айское, Метелинское II, Большеустьикинское, Юнусовское селища, Абдуллинское городище)⁶. Но, поскольку эти памятники являются недостаточно исследованными, говорить о проживании на них русского населения пока, видимо, преждевременно. На современном уровне наших знаний трудно оспорить тезис о том, что «проникновение русского населения в Башкирию до середины XVI в. было, скорее всего, эпизодическим явлением, не затрагивающим ее внутренние районы»⁷.

Этнографический аспект. Несмотря на значительные успехи, достигнутые к настоящему времени в этнографическом изучении русского населения Башкортостана, проблема русско-башкирского взаимодействия в сфере материальной и духовной культуры специально не рассматривалась. Тем не менее, удалось установить, что русское влияние на башкирский костюм наиболее ощутимо в северо-восточной части Башкортостана, т. е. в районе нижнего течения р. Ай — зоне сравнительно длительного взаимодействия⁸. Здесь данные этнографии смыкаются с данными археологии. В предварительном плане можно высказать гипотезу о том, что проникновение русского населения на территорию Башкортостана началось с XIV в., причем процесс происходил, по всей видимости, не с запада на восток, а с севера на юг. Дальнейшие исследования могут сделать эту гипотезу более обоснованной.

Лингвистический аспект. Хотя рассматриваемая область научного познания выходит за пределы нашей компетенции, мы можем доверять выводам специалистов, тем более полученным независимо друг от друга.

³ Иванов 1996, 76.

⁴ Иванов 1996, 77.

⁵ Иванов 2002, 143.

⁶ Макаров 2002, 12.

⁷ Кучумов 2002, 23.

⁸ Никонорова, Илларионова 2008, 43–44.

Э. Ф. Ишбердин констатирует, что башкирский язык с древнейших времен был в самом тесном взаимодействии с русским, а присоединение Башкирии к России в XVI в. лишь усилило эту взаимосвязь⁹. Исследователь предполагает, «что отдельные русизмы бытовали в башкирском языке еще задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству». Это объясняется тем, «что башкиры в средние века вели оживленную торговлю с русскими»¹⁰. Такая торговля могла иметь место, но только через посредство волжских булгар, т. е. без непосредственных контактов между русскими и башкирами.

Р. Х. Халикова русские заимствования в башкирском языке датирует VII–VIII вв. Эти заимствования исследователь связывает с появлением булгар, частично вошедших в состав башкирского народа и находившихся в тесных контактах с русскими. Кроме того, большую роль в заимствовании русских слов сыграли кыпчаки, также вошедшие в состав башкирского народа и принешие с собой некоторые древнерусские слова, отмеченные в словаре половецкого языка «Codex Cumanicus» (XIII в.)¹¹.

Ф. Г. Хисамитдинова наиболее ранние лингвокультурные контакты башкир и русских тоже относит ко времени до присоединения Башкортостана к России. Эти контакты она связывает с упоминаемым в русских летописях ханом Башкордом, который со своим войском участвовал почти во всех событиях русской жизни второй половины XII в.¹² Однако Башкорд, как известно, был половецким, но не башкирским ханом. По мнению Ф. Г. Хисамитдиновой, «многие тюркизмы русского и, наоборот, славянизмы в тюркских языках, в том числе и башкирского, восходят к более ранним эпохам, чем принято считать в башкирском языкознании»¹³. Это вполне справедливо, если иметь в виду активные русско-половецкие контакты домонгольского периода. После монгольского нашествия значительная часть половцев была выселена завоевателями на восток, за Волгу, чем и объясняется активная роль кыпчакского компонента в этногенезе башкир. Возможно, именно кыпчаки принесли славянские языковые заимствования в Башкирию.

Таким образом, лингвисты единодушно констатируют наличие ранних славянских заимствований в башкирском языке. Этот факт может иметь два объяснения. С одной стороны, эти заимствования могли быть результатом общения башкир (или даже предков башкир) с ранними славянскими поселенцами на Южном Урале. С другой стороны, эти заимствования могли попасть в башкирский язык посредством булгар и кыпчаков, находившихся в тесных этнокультурных контактах с древнерусской народностью.

Исторический аспект. Русские летописи до XV в. башкир не упоминают. Из народов Волго-Уральского региона в летописях наиболее часто упоминаются мордва и булгары. С Волжской Булгарией Северо-Восточная Русь имела, как известно, тесные не только военно-политические, но и торгово-экономические взаимоотношения. Башкирия, находившаяся к востоку от Булгарии, в сферу этих взаимоотношений не попала. «Наличие столь крупного торгового центра, как Волжская Булгария, которая являлась посредником в контактах между Европой и

⁹ Ишбердин 1986, 128.

¹⁰ Ишбердин 1986, 129.

¹¹ Халикова 1998, 167.

¹² Хисамитдинова 2007, 297.

¹³ Хисамитдинова 2007, 297.

Востоком, избавляло славян от постоянных целенаправленных поездок на Урал за товаром»¹⁴. Булгарские купцы, очевидно, не хотели пускать башкир на свои рынки, они сами могли ездить к ним за товаром, который потом продавали русским по более высоким ценам.

Отчасти образовавший пробел могут заполнить башкирские источники. В башкирской легенде «Усергены» рассказывается о борьбе этого племени с монголами. Это была ожесточенная война, в которой «произошло немало жестоких битв». Однако усергены, как говорится в легенде, не могли «бороться собственными силами с громадным войском монгольских нашествеников, потому и вынуждены были принять их власть». Монголы, видя, что усергены «храбрые воины, старались их самих мобилизовать в свою армию». Вместе с монгольским войском усергены направились «на север, овладели рязанским княжеством»¹⁵. В легенде «Муйтэн» и в шежере усергенских башкир рассказывается о том, как предводитель их племени — Муйтэн-бий — предпринял поездку к Чингис-хану, вручил ему подарки, был ласково принят и получил подтверждение звания бия¹⁶. Этот эпизод перекликается с известиями русских летописей о поездках князей в Орду для получения ярлыков. Впрочем, Муйтэн ездил, скорее всего, не к Чингис-хану. Для произведений устного народного творчества характерна подмена настоящего лица более известным историческим деятелем. Так, в кубаире «Муйтэн-бий» сказано: «Чингиз-хан завоевал Урал и Булгар»¹⁷, хотя в действительности это сделал Бату-хан. Очевидно, именно к нему и ездил Муйтэн. Надо обратить внимание на длительность его пребывания в стане монгольского хана. Находясь в отлучке, он и на охоте блистал, и «храбрость в битве проявлял»¹⁸. «Помогая, ждал звания бия»¹⁹. В кубаире о Муйтэне сказано, что он «с Сакмары и Саелмышы дошел до Дона»²⁰. Значит, Муйтэн-бий со своими воинами сопровождал Бату-хана в походе на Русь 1237–1238 годах. Как известно из русской летописи, Батый, взяв Козельск, пошел «в Поле», или «в землю Половецкую»²¹. Первый поход на Русь, таким образом, окончился как раз на Дону.

С учетом того факта, что башкиры обязаны были нести в пользу монголов воинскую повинность, их участие в монгольском нашествии на Русь представляется вполне вероятным. Хотя А. Ф. Рязанов писал, что башкиры вместе с монголами «делали походы в пределы России»²², об участии башкир в последующих ордынских походах на Русь сведений нет. Так или иначе, включение русских и башкирских земель в единый политический организм улуса Джучи могло способствовать их сближению. Русские и башкирские воины могли участвовать в ордынских военных походах, а русские князья могли встречаться с башкирскими биями в ставке ордынского хана.

Более активный период русско-башкирских контактов пришелся на эпоху Казанского ханства. Он связан с военно-политическим противостоянием Москвы и

¹⁴ Кучумов 2010, 29.

¹⁵ Надршина 1987, 120.

¹⁶ См.: Надршина 1987, 170–172; Кузеев 1960, 84–85; Хусаинов 1985, 13.

¹⁷ Зарипов 1999, 199.

¹⁸ Надршина 1987, 171.

¹⁹ Хусаинов 1985, 13.

²⁰ Зарипов 1999, 199.

²¹ Карский 1962, 522.

²² Рязанов 1928, 12.

Казани в Волго-Уральском регионе. В 1468 г. великий князь московский Иван III воевод своих «послалъ на Каму воевати мечь Казаньскихъ». «А воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вятке реце и поидоша из Вятки по Каме на низ да воевали и до Тамлугы и гости побии многих, а товару у них поимали много. Ходили до перевоза Татарьского да опять воротились вверхъ, воюючи Казанские же места, и в Белую Волошку ходили воевати. А в то время Казанские Татарове двесте человекъ воевати же пошли, и дошед до тое же Вълъшки на конех и пометав туто кони у Черемисы поидоша из Волжки в судех вверхъ по Каме. Рать князя великого пришед и ту Черемису повоевали, а люди иссекоша и кони и всякую животину, и тех Татаръ кони иссекоша, кои пошли вверхъ по Каме, и поидоша за теми Татары по Каме. И яко услышали, что уже близ их те Татарове, и ставше воеводы и избраша вси, которые же от своих людей, семь насадов, да отпустиша с ними воеводу Ивана Руна, и угониша Татаръ. И увидевше их Татарове выметашася на берег, Руно же повеле своим за ними же на брегъ выити, а Татарове забегше за речку и начаша с нею битися. Милостию же божиею начаша одолети христиане и приидоша на Татаръ за реку ту. И тако избиша их и воеводу их Тулазия изымаша княжа сына Тарханова, да другого Бердышиика, а прочих всех избиша. А Руси на том бою дву человекъ убили, а раненых бы с шестьдесят человекъ, но милостию божиею все живы. И поидоша оттоля на Великую Пермь да ко Устюгу, и тако приидоша к Москве все по здорову, а Татаръ привелоша полоненных к великому князю»²³. Это первое упоминание о русских на реке Белой, т. е. на территории современной Башкирии. Конечно, путь по Каме к тому времени давно уже был известен русским, но заходили ли они и раньше в реку Белую, мы не знаем. Надо отметить, что башкиры при описании этих событий не упоминаются, возможно, потому, что они не участвовали в военных действиях против русских. На реке Белой упоминаются черемисы, которые выступают союзниками казанских татар. И все-таки для башкир эти события не могли пройти бесследно. Он увидели растущую мощь Русского государства и убедились в возможности его победы над Казанским ханством.

Казанский хан Ибрагим предпринял ответные меры. В 1469 г. он собрался на войну против русских, как сообщил прибежавший из Казани пленник, «со всею землею своею, с Камьскоюи съ Сыплиньскою и с Костяцьскою и з Беловоложскою и Вотятъцкою и з Башкирьскою»²⁴. Это первое упоминание башкир, вернее Башкирии, в русских источниках. Интересно, что Башкирия стала известна на Руси тогда, когда русские годом раньше впервые побывали на ее территории. Правда, в источнике Башкирская земля упоминается отдельно от Беловоложской, где находились черемисы. Возможно, здесь отразилось «территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа — истяки, восточная — собственно башкиры». По мнению В.В. Трепавлова, «племена, кочевавшие попеременно с ногами (в будущей Ногайской даруге) обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии Ногайской Башкирии (в будущих Казанской и Сибирской даругах) — как истяки»²⁵.

²³ Тихомиров 1949, 280-281.

²⁴ Тихомиров 1949, 282.

²⁵ Трепавлов 1997, 11.

Таким образом, башкирам поневоле приходилось участвовать в военных действиях против Русского государства. Значит, ко времени завоевания Казанского ханства они были уже достаточно хорошо информированы о размерах Русского государства и его военной силе. Знали теперь о башкирах и на Руси. Замечание В. С. Юматова о том, что «Башкирия до покорения ее совсем не обращала внимания наших летописцев и была в стороне от обыкновенного театра деятельности русских»²⁶, верно если не в целом, то, по крайней мере, до третьей четверти XV столетия.

Польский ученый Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях», впервые напечатанном в Кракове в 1517 г., упоминает Башкирию в главе, названной «Об областях Скифии — Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Московии». Матвей Меховский пишет: «За Московией на северо-востоке, на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела»²⁷. Под князем Московским Иваном имеется в виду Иван III. Меховский отмечает, что жители этих стран не знают металлов, поэтому «в дань князю Московскому приносят не металлы, а шкуры лесных животных, которыми богаты»²⁸. Ивану III в 1487 г. удалось установить свой протекторат над Казанским ханством, после чего он принял титул «князя Булгарского»²⁹. Есть даже основания полагать, «что на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками»³⁰. Иван III, таким образом, в какой-то мере имел основания считать себе подвластными все народы, входящие в состав Казанского ханства, в том числе и часть башкир. Однако проникновение русских в Башкирию, как уже отмечалось, могло происходить не только с запада — со стороны Казанского ханства, но и с севера — со стороны Пермских земель. Из контекста сообщения Меховского следует, что башкиры платили дань непосредственно московскому князю и их покорение, таким образом, не было связано с установлением протектората над Казанским ханством. В любом случае это сообщение Меховского до сих пор остается загадочным.

Никоновская летопись сообщает об Иване Грозном под 1553 годом: «А самъ государь послалъ по всемъ улусомъ чернымъ людемъ ясачнымъ жаловалные [жалованные. — И.А.] грамоты опасные, чтобы шли къ государю, не бояся ничего; а хто лихо чинилъ, темъ Богъ мстилъ; а ихъ государь пожалуетъ, а они бы ясаки платили, якоже и прежнимъ Казаньскимъ царемъ»³¹. А в 1557 году, который считается датой добровольного вхождения Башкирии в состав России, поступило сообщение казанского воеводы князя Петра Ивановича Шуйского о том, что «Башкирцы пришли, добивъ челомъ, и ясакъ поплатили»³². Из контекста сообщения следует, что речь идет о достаточно хорошо известном народе, упоминание которого не потребовало уточнений о том, что это за народ и где он живет.

²⁶ Юматов 1989, 404.

²⁷ Матвей Меховский 1936, 117.

²⁸ Матвей Меховский 1936, 117.

²⁹ Алишев 1995, 42.

³⁰ Соловьев 1989, 69.

³¹ Платонов 1965, 221.

³² Платонов 1965, 282.

Необходимо отметить, что письменные источники, в отличие от данных археологии, этнографии и лингвистики, наиболее конкретны. Они приводят реальные, а не предполагаемые факты русско-башкирского взаимодействия и точно их датируют. Очевидно, таких фактов, связанных с совместным участием русских и башкир в различных военно-политических событиях эпохи Золотой Орды и Казанского ханства, было намного больше, поэтому не все они зафиксированы в источниках.

Таким образом, данные археологии, этнографии, лингвистики и исторических источников, несмотря на их немногочисленность и фрагментарность, свидетельствуют о том, что русско-башкирское взаимодействие действительно имело место на раннем этапе, т. е. до середины XVI в. Судить о масштабности этого взаимодействия по имеющимся данным достаточно сложно, необходимы дальнейшие исследования во всех перечисленных дисциплинах по рассматриваемой проблеме. Данные археологии, этнографии и лингвистики освещают русско-башкирское взаимодействие в этнокультурном, а письменные источники — в военно-политическом аспекте. Это были две стороны одного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Алишев С. Х.* 1995: Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань.
- Зарипов Н. Т.* (сост.) 1999: БНТ. Исторический эпос. Т. 10. Уфа.
- Иванов В.* 2002: Путь к «Каменному поясу» // Бельские просторы. 1, 139–145.
- Иванов В. А.* 1996: Разложение первобытнообщинного строя // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Х. Ф. Усманов (ред.). Уфа, 71–90.
- Ишбердин Э. Ф.* 1986: Историческое развитие лексики башкирского языка. М.
- Карский И. Ф.* (ред.) 1962: ПСРЛ. Суздальская летопись по Академическому списку. Т. 1. Вып. 3. М.
- Кузеев Р. Г.* (сост.) 1960: БШ. Уфа.
- Кузеев Р. Г.* 1982: Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству / Р. Г. Кузеев, В. П. Иванков, Х. Ф. Усманов (ред.). Уфа, 6–18.
- Кучумов И. В.* 2002: Факторы и характер заселения русскими территории Башкортостана // Историческая демография русских Башкортостана (Доклады научно-практической конференции 28–29 ноября 2002 года) / В. С. Горбунов, В. А. Иванов, М. В. Мурзабулатов (ред.). Уфа, 23–28.
- Кучумов И. В.* 2010: К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана). Уфа.
- Макаров Л. Д.* 2002: Славяне в Прикамье: этапы заселения // Историческая демография русских Башкортостана (Доклады научно-практической конференции 28–29 ноября 2002 года) / В. С. Горбунов, В. А. Иванов, М. В. Мурзабулатов (ред.). Уфа, 7–15.
- Матвей Меховский.* 1936: Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.
- Надришина Ф. А.* (сост.) 1987: БНТ. Предания и легенды. Т. 2. Уфа.
- Никонова Е. Е., Илларионова Е. Н.* 2008: Одежда русских Башкортостана в процессах межнационального взаимодействия // Славянский мир: история и современность: сборник материалов круглого стола / Г. Т. Обыденнова, В. А. Иванов, А. И. Кортунов (ред.). Уфа, 40–48.
- Платонов С. Ф.* (ред.) 1965: ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. М.

- Рязанов А. Ф.* 1928: Оренбургский край: исторический очерк. Оренбург.
- Соловьев С. М.* 1989: Сочинения. Кн. III. М.
- Тихомиров М. Н.* (ред.) 1949: ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV века. Т. 25. М.; Л.
- Трепавлов В. В.* 1997: Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. 2, 5–37.
- Халикова Р. Х.* 1998: Из истории русско-башкирских языковых контактов // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Сборник трудов республиканской научно-практической конференции / В. А. Пчелинцев и др. (ред.). Ч. II. Уфа, 167–170.
- Хисамитдинова Ф. Г.* 2007: Из истории башкирско-русского лингво-культурного взаимодействия // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.) / И. Г. Илишев и др. (ред.). Уфа, 297–300.
- Хусаинов Г. Б.* 1985: Шежере как историко-литературный памятник // БШ. (Филологические исследования и публикации) / З. Г. Ураксин, Г. Б. Хусаинов, З. Я. Шарипова (ред.). Уфа, 3–23.
- Шитова С., Ковязин С.* 2002: Русские // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки / Р. Г. Кузеев и др. (ред.). Уфа, 219–260.
- Юматов В. С.* 1989: Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Т. 1 / Рахимкулов М. Г. (сост.). Уфа, 402–405.

THE EARLY PERIOD OF RUSSIAN-BASHKIR INTERACTION

I. V. Antonov

The article raises an issue concerning the early period of Russian-Bashkir interaction (before the 16th century). The analysis of archeological, ethnographic, linguistic, and historical records data makes it possible to say that Russian and Bashkir ethno-cultural, military and political contacts started long before Bashkiria became a part of Russia.

Key words: Russians, Bashkir, archaeology, ethnography, linguistics, history

© 2013

В. В. Медведев

ЧУВАШИ ЮЖНОГО УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XXI в.)

В статье на основе архивных и статистических материалов рассматривается история заселения чувашей в современных границах Челябинской области со второй половины XIX в. до настоящего времени. Благодаря анализу источников и опубликованных данных проведены подсчеты численности чувашей, обозначены районы их наиболее компактного

Медведев Владислав Валентинович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: vlad.etno@mail.ru

расселения, установлены хронологические рамки переселений. Изучение топонимики области помогло выявить первые свидетельства о пребывании чувашей на Южном Урале.

Ключевые слова: чувашы, Оренбургская губерния, Челябинская область, численность, расселение, переписи

В Российской Федерации проживает большое число народов, имеющих тюркское происхождение: татары, башкиры, казахи, ногайцы, якуты, хакасы, карачаевцы и многие другие. Родственными этим народам являются и чувашы.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., чувашей насчитывается 1435872 чел. В городах проживает 704224 чел., в сельской местности 731648¹. Такие показатели значительно ниже итогов 2002 г., когда представители этноса составили 1637094 чел.²

Как и большинство других народов, чувашы расселены в различных административных единицах страны. Этнической территорией является Республика Чувашия, в которой автохтонное население составляет 814750 чел. Получается, что 621122 чел. рассредоточены в иных республиках и областях.

Наиболее весомые по численности этнотерриториальные группы сформировались в Татарстане (116252 чел.), Башкортостане (107450 чел.), Ульяновской (94970 чел.) и Самарской (84105 чел.) областях. В Урало-Поволжье чувашы расселены также в Оренбургской (12492 чел.), Саратовской (12261 чел.), Нижегородской (9762 чел.), Свердловской (8304 чел.), Пензенской (5614 чел.) областях, республике Марий Эл (6025 чел.) и Пермском крае (4715 чел.). В Сибири много чувашей встречается в Тюменской области (25690 чел.) и Красноярском крае (11036 чел.). В Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) чувашей насчитывается 13596 чел., в Иркутской области 4589 чел., а в Томской — 3997³.

Среди такого территориального многообразия расположена Челябинская область, общая численность населения которой составляет 3476217 чел. В этой цифре чувашы занимают далеко не первое место, поскольку, по материалам переписи 2010 г., в регионе их насчитывается всего 6819 чел.⁴

Подробное изучение статистических сведений поможет составить обзорную панораму процесса переселения чувашей на территорию современной Челябинской области и выделить основные центры формирования сельского и городского чувашского населения.

До 1738 г. практически все районы нынешней области располагались на землях Сибири и Уфимского уезда. В этом же году возникла Исетская провинция с центром в Челябинской крепости. В 1744 г. провинция вошла в Оренбургскую губернию, а в 1781 г. была упразднена и созданы Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий уезды. В 1865 г. в регионе соприкасались три губернии — Оренбургская, Уфимская и Пермская⁵.

К 1917 г. территория области входила в состав Оренбургской губернии, которая включала Верхнеуральский, Орский, Оренбургский, Челябинский и Троицкий

¹ <http://gks.ru>

² Магнитогорск в цифрах (1990, 1998–2004 гг.). Статистический сборник 2005, 97.

³ <http://gks.ru>

⁴ <http://chelstat.gks.ru>

⁵ Четин 1991, 3.

уезды. 3 сентября 1919 г. была учреждена Челябинская губерния, которую составили Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды⁶. В 1924 г. она упраздняется, возникают Верхнеуральский, Челябинский, Троицкий и Златоустовский округа Уральской области⁷. 17 января 1934 г., в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК о разделении Уральской области, была создана самостоятельная Челябинская область. До 1943 г. в состав вновь образованной территории входила и Курганская область⁸.

В XIX в. чуваши в Оренбургской губернии проживали в небольшом количестве. В 1866 г. они были записаны в Оренбургском (805 чел.), Орском (574 чел.) и Верхнеуральском (12 чел.) уездах. В Челябинском и Троицком уездах чувашей не встречалось⁹. По статистическим материалам 1870 г. известно, что в городах губернии (*Оренбург, Орск, Илецк, Верхнеуральск, Троицк, Челябинск*) чуваша были учтены в Орске (9 мужчин и 9 женщин) и Троицке (1 мужчина)¹⁰. По губернии чуваша были распределены следующим образом.

ЧУВАШИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1870 г.)¹¹

Территория	Мужчины	Женщины	Всего человек	% от общего количества жителей
Губерния	180	150	330	0,15
I Отдел	144	128	272	0,37
II Отдел	13	11	24	0,03
III Отдел	23	11	34	0,03

Разделение губернии на Отделы сохранялось долгое время. Так, к 1898 г. к станциям I Отдела относились: Павловская, Городищенская, Краснохолмская, Кардаиловская, Разсыпная, Нижнеозерская, Татищевская, Донецкая, Богуславская, Оренбургская, Сакмарская, Пречистинская, Каменноозерская, Гирьяльская, Воздвиженская, Ильинская, Новоорская и Буранная. II Отдел составляли Великопетровская, Варшавская, Наследницкая, Николаевская, Таналыцкая, Кизильская, Магнитная, Верхнеуральская, Березинская, Кваркенская, Степная, Уйская и Карагайская станицы. В III Отдел входили Челябинская, Травниковская, Кундравинская, Коельская, Еткульская, Долгодеревенская, Миасская, Усть-Уйская, Звериноголовская, Михайловская, Нижнеувельская, Ключевская и Кособродская станицы.

Значительная часть будущей Челябинской области располагалась в пределах II и III Отделов губернии. В таблице была приведена численность чувашей на этой территории, составлявшая лишь несколько десятков человек.

⁶ Бочкарев 2008/IV, 756.

⁷ Четин 1991, 3.

⁸ Бочкарев 2008/VII, 187.

⁹ Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. Т. XXVIII 1871, LXXXI.

¹⁰ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом 1877, 144.

¹¹ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом 1877, 126–127.

В «Ведомости о числе жителей в Оренбургской губернии по племенам за 1887 год» чувашаи встречаются в Оренбургском уезде (1148 мужчин и 982 женщины), Орске (150 и 95 чел.), Орском (532 и 537 чел.) и Верхнеуральском (11 и 13 чел.) уездах, Илецке (10 и 9 чел.)¹². «Ведомость о составе народонаселения в Оренбургской губернии за 1887 год» фиксирует чувашей в IV Стане Челябинского уезда (5 мужчин и 2 женщины)¹³. В 1888 г. они были расселены в Верхнеуральском, Оренбургском и Орском уездах губернии¹⁴.

Города	Мужчины	Женщины	Уезды	Мужчины	Женщины
Оренбург	0	0	Оренбургский	1142	984
Орск	150	95	Орский	529	534
Верхнеуральск	0	0	Верхнеуральский	11	13
Троицк	0	0	Троицкий	0	0
Челябинск	0	0	Челябинский	0	0

Горожан насчитывалось 150 мужчин и 95 женщин, сельского населения — 1682 мужчины, 1531 женщина.

По свидетельству Н. В. Никольского, в Оренбургской и Уфимской губерниях проживали чувашаи, причисленные к казачьему сословию. Наибольшее их число было после 1830 г.¹⁵ Социальное положение и быт казаков были иными и отличались от крестьянского¹⁶. «Журнал Оренбургского губернского статистического комитета» (1879 г.) содержит данные по этнической картине Оренбургского казачьего войска: славяне — 223812 чел. (88,33%), татары — 20794 чел. (8,22%), башкиры — 5093 чел. (2,01%), мордва — 2511 чел. (0,99%), казахи — 622 чел. (0,25%), чувашаи — 330 чел. (0,13%), калмыки — 163 чел. (0,06%), марийцы — 30 чел. (0,01%)¹⁷.

Любопытно, что данные по чувашам-казакам за 1879 г. совпадают со сведениями 1870 г., представленными выше. Например, в I Отделе было 272 чел. (144 мужчины и 128 женщин), во II Отделе — 13 мужчин, 11 женщин, в III Отделе — 23 и 11 чел. соответственно¹⁸. В 1882 г. чувашей-казаков насчитывалось 460 чел.¹⁹ К казачеству были причислены мордва (5018 чел.), калмыки (1204 чел.), марийцы (586 чел.), казахи (400 чел.) и другие народы²⁰.

Постепенный рост чувашей в этой категории происходил и за счет добровольного поступления крестьян на службу. Так, в прошении жителей Казанской губернии в лице Терентия Осипова сказано: «Причислить нас ниже поименованных с семьями из Государственных крестьян Казанской губернии Чистопольского уезда деревень: Новой Тоябы Терентия Осипова, Петра Астафьева, Филиппа

¹² ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 52 об.-53.

¹³ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 13 об.-14.

¹⁴ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом 1889, 30–31.

¹⁵ Никольский 2004, 55.

¹⁶ Иванов 2009, 102.

¹⁷ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 64а. Л. 56.

¹⁸ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 64а. Л. 56 об.

¹⁹ Федорова 1998, 14; 2001, 71.

²⁰ Моисеев 1999, 41.

Фадеева, Ивана Егорова и Семёна Егорова и Старой Эштебейкиной Алексея Федорова, Егора Семёнова и Андрея Егорова в Оренбургское Казачье Войско №7 Полка, первых пять в отряд Берлинский, а последних трёх Чесменской Станицы в отряд Кацбахский»²¹. К началу XX в. селения Новая Тояба и Старое Эштебенькино (Эштебейкино) принадлежали Седелькинской волости Чистопольского уезда. Первое являлось моноэтничным чувашским, а во втором совместно проживали чуваша, русские и татары²².

В 1897 г. была проведена первая Всероссийская перепись населения. В таблице «Распределение населения по родному языку» в Троицком уезде указаны чувашами 1 мужчина и 2 женщины. В Челябинском уезде записаны 39 мужчин и 11 женщин-чувашей. Все они проживали в сельской местности, в городах чуваша не зарегистрированы. Иная ситуация наблюдалась в Верхнеуральском уезде: всего 42 мужчины и 14 женщин. В сельской местности учтены 37 мужчин и 8 женщин, а в Верхнеуральске — 5 и 6 чел. соответственно.

Таблица «Распределение по родному языку, грамотности и возрастным группам» показала число грамотных чувашей. Таковых в Троицком уезде не проживало. В Челябинском уезде записаны 10 чувашей, умеющих писать и читать: в группах 10–19 лет (1 юноша), 20–29 лет (3 мужчины) и 30–39 лет (6 мужчин). В Верхнеуральском уезде грамотой владели по 2 мужчин в каждой категории в возрасте 10–19 и 20–29 лет, а также 1 мужчина в группе старше 60 лет. Аналогичный результат был в городе — 1 чел. (более 60 лет).

В следующей таблице — «Распределение населения по группам занятий и по народностям, на основании родного языка» — нашли отражение сведения по хозяйственной деятельности чувашей. В Троицком уезде был один самостоятельный хозяин, содержащий еще двоих членов семьи. Под родом деятельности отмечен №17 — земледелие. В Челябинском уезде занятия распределились таким образом, что чувашей, занимавшихся службой (прислуга и поденщики), насчитывалось 3 самостоятельных хозяина-мужчины и 1 женщина, члены их семей — 4 мужчины. Чувашей, являвшихся земледельцами, было 22 самостоятельных хозяина, семьи — 9 душ мужского и 9 женского пола. В Верхнеуральске записаны 3 самостоятельных хозяина-мужчины и 1 женщина, семьи — 2 мужчин и 5 женщин. Виды трудовой деятельности — прислуга и поденщики (6 чел.), обработка дерева (1 чел.) и металлов (1 чел.), изготовление одежды (1 чел.), торговля домашней утварью (2 чел.).

В Верхнеуральском уезде проживало 28 самостоятельных хозяев-мужчин, члены их семей — 17 чел. По типам занятий прописаны земледелие, лесоводство и лесные промыслы, добыча руды и обработка металлов, переработка животных продуктов, пошив одежды, строительство. Был отмечен извозный промысел, которым занимались 9 чел.

Таблица «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» отражает социальную принадлежность чувашей. В Троицком уезде указаны мещане. Челябинский уезд составили чуваша-мещане (1 мужчина и 2 женщины) и крестьяне (38 мужчин, 9 женщин). В Верхнеуральском уезде проживали мещане (8 мужчин и 7 женщин) и крестьяне (29 мужчин и 1 женщина). В городе — ме-

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Ед. хр. 2679. Л. 291–292 об.

²² Никольский 2008, 434.

щане (3 мужчины и 3 женщины). Кроме того, не известна сословная категория 2 мужчин и 3 женщин²³.

Проведённый подсчёт отражает число чувашей Троицкого, Челябинского, Верхнеуральского уездов в конце XIX в. Их количество было невелико и укладывается в цифру чуть более сотни человек. Такие результаты свидетельствуют об увеличении численности чувашей в границах будущей Челябинской области только в XX в.

В 1911 г. в Челябинском уезде насчитывалось 7 чувашей, исповедовавших православие. Они проживали в пределах одной волости, в одном сельском поселении с преобладающим русским населением²⁴. В отчетах, присланных в Казань «исправниками, училищными советами и частью волостными правлениями», сказано, что в Метелевской волости Челябинского уезда в населенном пункте Метелево наряду с татарами (347 мужчин, 312 женщин) проживают чуваша (4 мужчины и 3 женщины)²⁵.

По Верхнеуральскому уезду нам известна численность чувашей п. Великопетровского — 20 мужчин и 25 женщин, бывших православными, а также п. Толстишского, где проживали православные чуваша (10 мужчин, 14 женщин) и приверженцы древних форм религии (20 мужчин и 19 женщин). В уезде насчитывалось 69 чел. крещеных чувашей и 39 чел. — некрещеных²⁶.

О религиозной ситуации среди чувашей Оренбургской губернии записано: «Православную религию исповедуют, славяне, мордва, чуваша и нагайбаки, часто калмыки, но в иноплеменных группах православие далеко не утвердилось... Магометанской религии придерживаются татары, башкиры, киргизы и незначительной степени мордва, чуваша и калмыки»²⁷.

Н. В. Никольский, ссылаясь на итоги первой советской переписи 1920 г., указывает, что в Челябинской губернии были записаны 133 чуваша²⁸. Он также приводит сведения по переписи 1923 г., проходившей в городах.

ЧУВАШИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1923 г.)²⁹

Всего (чел.)	В том числе самодельных	Мужчин	В том числе самодельных	Женщин	В том числе самодельных ³⁰
82	36	46	29	36	7

По данным переписи 1926 г., в Челябинском округе проживало 54 чуваша, среди них — 33 мужчины и 21 женщина. Городское население составляло 32 чуваша (18 мужчин, 14 женщин), сельское — 22 (15 мужчин, 7 женщин). В Челябин-

²³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния 1904, 56–167.

²⁴ Никольский 2007, 233–234; 2008, 362–363.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 343. № 6352. Л. 52–68 об.

²⁶ Никольский 2008, 438–440, 552.

²⁷ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 64а. Л. 57–57 об.

²⁸ Никольский 1928, 24; 2004, 124.

²⁹ Никольский 1928, 22; 2004, 122.

³⁰ По определению исследователя, «самодельных, т.е. таких, которые могут себя содержать собственным трудом» (Никольский 1928, 20).

ске записан 21 чуваш (10 мужчин, 11 женщин), в других городах проживали 11 чел. (8 и 3 соответственно)³¹.

По списку населенных пунктов Челябинского округа Уральской области, составленному на основе «поселенного бланка 1925 г.», Всесоюзной переписи 1926 г. и «поселенного бланка 1927 г.», чуваша проживали в Заманиловском сельсовете Усть-Уйского района в д. Лесистое, где насчитывалось всего 23 двора. Поселение было заселено русскими (105 чел.) и чувашами (5 чел.). В Чистовском сельсовете Щучанского района известен топоним «Чуваши»³².

В Троицком округе также не имелось моноэтнических чувашских деревень. Они проживали в п. Богодако-Уйском Богодакского сельсовета Верхнеуральского района. В поселении насчитывалось 99 хозяйств и 408 жителей, среди которых 5 чел. — чуваша. Совместно с русскими жили они на х. Перепелкина (-н). Здесь стояли 10 дворов, в которых проживали 52 чел., из них 2 — чуваша³³.

Подробные материалы по числу чувашей имеются по переписи населения г. Магнитогорска и Магнитогорского района от 8 января 1931 г. Всего в городе учтено 192 чуваша, среди которых 51 чел. был неграмотен.

ЧУВАШИ МАГНИТОГОРСКА³⁴

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	0–3	1	0	Женщин	0–3	4	0
	4–7	1	0		4–7	2	0
	8–11	3	1		8–11	1	1
	12–14	2	0		12–14	3	2
	15–17	2	1		15–17	1	0
	18–49	155	36		18–49	11	6
	50–54	2	1		50–54	1	1
	55–59	2	1		55–59	0	0
	60 и более	1	1		60 и более	0	0
Итого		169	41	Итого		23	10

В Магнитогорском районе проживало 240 чувашей, безграмотных — 65.

ЧУВАШИ МАГНИТОГОРСКОГО РАЙОНА³⁵

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	0–3	3	0	Женщин	0–3	9	0
	4–7	3	0		4–7	8	0
	8–11	3	1		8–11	3	1
	12–14	2	0		12–14	5	2
	15–17	3	2		15–17	2	1

³¹ <http://demoskope.ru>

³² Плешков 1928б/XV, 3, 50–74.

³³ Плешков 1928а/XIII, 10.

³⁴ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 39.

³⁵ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 40.

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	18–49	170	39	Женщин	18–49	19	13
	50–54	3	1		50–54	1	1
	55–59	2	1		55–59	0	0
	60 и более	3	2		60 и более	1	1
	Итого	192	46		Итого	48	19

Чуваши также были зарегистрированы в сельской местности — из 48 чел. не умели писать и читать 14.

ЧУВАШИ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ³⁶

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	0–3	2	0	Женщин	0–3	5	0
	4–7	2	0		4–7	6	0
	8–11	0	0		8–11	2	0
	12–14	0	0		12–14	2	0
	15–17	1	1		15–17	1	1
	18–49	15	3		18–49	8	7
	50–54	1	0		50–54	0	0
	55–59	0	0		55–59	0	0
	60 и более	2	1		60 и более	1	1
	Итого	23	5		Итого	25	9

В составе сельских населенных пунктов чуваши записаны в Магнитном сельсовете в количестве 3 чел. В п. Уральском проживали 5 чувашей, среди которых 2 были неграмотными: мальчики (4–7 лет) — 1, мужчины (18–49 лет) — 1; девочки (4–7 лет) — 1, от 12 до 14 лет — 1, женщины (18–49 лет) — 1. Проживал чуваш и в Янгельском сельсовете (возраст 15–17 лет)³⁷. Более плотно они расселились в Черниговском сельсовете — 38 чел., из них 12 не владели грамотой.

ЧУВАШИ ЧЕРНИГОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА³⁸

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	0–3	2	0	Женщин	0–3	4	0
	4–7	1	0		4–7	5	0
	8–11	0	0		8–11	2	0
	12–14	1	1		12–14	1	0
	15–17	0	0		15–17	1	1

³⁶ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 41.

³⁷ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 45, 47, 50.

³⁸ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 48.

Возраст		Всего	В том числе неграмотных	Возраст		Всего	В том числе неграмотных
Мужчин	18–49	10	2	Женщин	18–49	7	6
	50–54	1	0		50–54	0	0
	55–59	0	0		55–59	0	0
	60 и более	2	1		60 и более	1	1
	Итого	17	4		Итого	21	8

По данным «Экономико-статистического справочника-паспорта г. Магнитогорска на 1930–1931–1932 года», в городе в 1932 г. [по 1930 и 1931 гг. сведения отсутствуют — *В.М.*] совместно было записано 2818 татар, башкир, чувашей³⁹. Присутствие во вновь образованном городе чувашей отражают и материалы учебного процесса. В одном из отчетов сказано: «Вопросы обслуживания нацмен на строительстве приобретают особое значение. 36 различных национальностей со всех окраин Советского Союза представлены малочисленными группами (от 2–3 десятков до 300 человек), лишь 2 национальности многочисленные (5000 татар и башкир и 4000 украинцев). Это обстоятельство затрудняет развертывание работы среди нацмен и в тоже время требует особо пристального внимания к обслуживанию этих национальностей»⁴⁰. В школьных учреждениях создавались группы для обучения детей различных народов. На 1 августа 1931 г. в школах занимались 450 украинцев, 110 башкир, 180 татар, 35 киргизов [казахов — *В.М.*], 25 мордовцев [мордвы — *В.М.*], 10 чувашей⁴¹. На родном языке проходило обучение украинцев, башкир, татар (до 1932–1933 года)⁴². Дети прочих народов занимались с ними и в смешанных классах на русском языке⁴³.

УЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ С ПОЛИЭТНИЧНЫМИ ГРУППАМИ (на 20 сентября 1931 г.)⁴⁴

Школы	Народы
Фабрично-заводская семилетка 13 участка	русские, татары, башкиры, казахи, мордва, чувашы, евреи, марийцы, украинцы
ФЗС соцгородка	русские, татары, башкиры, казахи, украинцы, евреи
ФЗС п. Магнитного	русские, татары
ФЗС Кирзовода	русские, татары, башкиры, казахи, чувашы, мордва, евреи, украинцы
ФЗС Ст.-Ай-Дарлы	русские, татары, башкиры, казахи, чувашы, мордва, евреи, украинцы
ФЗС Ново-Ай-Дарлы	русские, татары, марийцы, украинцы
ФЗС Ежовки	русские, татары, мордва, украинцы
Сосновская	русские, татары, мордва, марийцы, чувашы, евреи, украинцы
Средне-Уральская	русские, татары, мордва, марийцы, чувашы, евреи, украинцы

³⁹ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 3.

⁴⁰ Чекмазов 1978, 21.

⁴¹ Чекмазов 1978, 21–22.

⁴² Чекмазов 1978, 22–23.

⁴³ Чекмазов 1978, 22–23.

⁴⁴ Чекмазов 1978, 22.

В 1937 г. во время Всесоюзной переписи в Челябинской области были зафиксированы проживающие здесь народы [представленный перечень соответствует порядку и наименованиям в источнике — *В.М.*]: русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи, мордвы [мордва — *В.М.*], башкиры, татары, казахи, мишари, прочие. Последних насчитывалось 19185 чел.⁴⁵. Вполне можно предположить, что часть не учтенного в этническом отношении населения составили чувашы. Второй переписью 1939 г. были записаны уже 3280 чувашей⁴⁶.

Число переселенцев из Чувашии возрастало также за счет репрессированных и их семей. Например, Медведев Сергей Михайлович (1915 г.р., с. Канаш Канашского района) попал в список на раскулачивание в 1931 г. и направлен на поселение в Магнитогорск, был освобожден в 1948 г.⁴⁷ Иванов Николай Иванович (1906 г.р., д. Старок Цивильского района) работал в Магнитогорске техником треста «Магнитострой», приговорен к 8 годам заключения в 1943 г.⁴⁸

По материалам 1959 г., чувашей в области насчитывалось 10865 чел., при этом городское население составляло 9645 чел., а сельское — 1220⁴⁹. В списке народов г. Магнитогорска были отмечены русские, украинцы, казахи, башкиры, мордва, татары и прочие⁵⁰. Очевидно, чувашей-горожан здесь было немного.

В 1970 г. в Челябинской области было зарегистрировано 11990 чувашей: 5945 мужчин и 6045 женщин. В городах проживали 10116 чел. (5049 мужчин и 5067 женщин). Сельское население составляли 1874 чел. (896 и 978 чел. соответственно)⁵¹. Языковая картина, сложившаяся среди чувашей региона, отражена в таблице (в % соотношении).

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ ЧУВАШЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1970 г.)⁵²

Группы	Родной язык — чувашский	Родной язык — русский	Свободно владеют чувашским	Свободно владеют русским	Общее число
Всего	56	43,9	12,8	53,4	11990
Мужчины	54	45,7	13,8	52	5945
Женщины	57,8	42,1	11,9	54,8	6045
Город	55	44,9	13,7	52,6	10116
Мужчины	53,3	46,4	14,6	51,5	5049
Женщины	56,6	43,4	12,9	53,7	5067
Село	61,4	38,4	8,2	57,7	1874
Мужчины	58	41,7	9,8	54,8	896
Женщины	64,4	35,3	6,6	60,3	978

⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 года 2007, 103–104.

⁴⁶ <http://demoskope.ru>

⁴⁷ Васильев 2009, 260–261.

⁴⁸ Васильев 2011, 191.

⁴⁹ Иванов 2005, 323.

⁵⁰ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 307а. Л. 34.

⁵¹ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года) 1975, 13.

⁵² Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года) 1975, 16–21.

Представленные материалы говорят о значительном преобладании городского населения над сельским, но жители районов в большей степени признают родным чувашский язык, чем горожане. Кроме того, женщины показали более высокую статистику в отношении родного языка — 57,8%, 56,6% и 64,4%.

Расселение чувашей в пределах городских округов выглядело следующим образом⁵³.

Городские округа	Общее число чувашей (чел.)	%	Городские округа	Общее число чувашей (чел.)	%
Челябинский	3342	27,9	Кыштымский	53	0,4
Верхнеуфалейский	79	0,7	Магнитогорский	2970	24,8
Еманжелинский	110	0,9	Миасский	369	3,1
Златоустовский	607	5,1	Пластовский	34	0,3
Карабашский	50	0,4	Троицкий	112	0,9
Копейский	535	4,5	Южноуральский	59	0,4
Коркинский	413	3,4			

В качестве сравнительных материалов приведём статистические сведения по числу чувашей в ряде районов Челябинской области. Например, Агаповский — 154 чел. (1,3%), Аргаяшский — 35 (0,3%), Ашинский — 297 (2,5%), Брединский — 141 (1,2%), Варненский — 115 (1%), Верхнеуральский — 66 (0,6%), Еткульский — 32 (0,3%), Карталинский — 289 (2,4%), Каслинский — 46 (0,4%), Кизильский — 40 (0,3%), Катав-Ивановский — 333 (2,8%)⁵⁴.

Таким образом, чуваша-горожане значительно превышали количество чувашей, проживающих в сельских поселениях и районных центрах. Однако по сравнению с показателями предыдущей переписи численность сельчан возросла. Так, в 1959 г. в городах проживали 88,8% чувашей, в сельской местности — 11,2%. В 1970 г. 84,4% составляли горожане и 15,6% жители сёл и деревень⁵⁵.

По итогам Всесоюзной переписи, проведенной в 1979 г., общая численность чувашей достигла 12252 чел. (5837 мужчин и 6415 женщин). В городах проживали 10698 чувашей: мужчин — 5100, женщин — 5598. В сельских населенных пунктах — 1554 чел. (737 мужчин, 817 женщин). Работающее население составляло 8064 чел.⁵⁶

⁵³ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года) 1975, 22–26.

⁵⁴ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года) 1975, 23, 26.

⁵⁵ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года) 1975, 31.

⁵⁶ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года) 1980, 7.

РАСЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧУВАШЕЙ-ГОРОЖАН (1979 г.)⁵⁷

Городские округа	Общее число чувашей (чел.)	%	Городские округа	Общее число чувашей (чел.)	%
Челябинский	3955	32,3	Кыштымский	57	0,5
Верхнеуфалейский	93	0,8	Магнитогорский	2844	23,2
Еманжелинский	116	0,9	Миасский	468	3,8
Златоустовский	578	4,7	Пластовский	34	0,3
Карабашский	47	0,4	Троицкий	164	1,3
Карталинский	120	1	Чебаркульский	73	0,6
Копейский	525	4,3	Южноуральский	75	0,6
Коркинский	311	2,5			

В сельской местности встречались небольшие массивы чувашей. Общее количество и территория проживания представлены в таблице⁵⁸.

Районы	Общее число чувашей (чел.)	%	Районы	Общее число чувашей (чел.)	%
Агаповский	83	0,7	Кунашакский	30	0,2
Аргаяшский	24	0,2	Кусинский	54	0,4
Ашинский	335	2,7	Нагайбакский	35	0,3
Брединский	106	0,9	Нязепетровский	81	0,7
Варненский	88	0,7	Октябрьский	35	0,3
Верхнеуральский	62	0,5	Саткинский	555	4,5
Еткульский	38	0,3	Сосновский	405	3,3
Карталинский	116	0,9	Троицкий	67	0,5
Каслинский	67	0,5	Увельский	62	0,5
Катав-Ивановский	253	2,2	Уйский	24	0,2
Кизильский	48	0,4	Чебаркульский	72	0,6
Красноармейский	112	0,9	Чесменский	50	0,4

В 1979 г. городское население составило 87,3% от общей доли чувашей, в селах проживало 12,7%⁵⁹. В сравнении с прошлой переписью заметно изменилась численность сельских жителей.

Для чувашей области было характерно прежде всего расселение в городах, о чем свидетельствует В. П. Иванов. По материалам, приведенным автором, доля городских жителей в 1960–1980 гг. среди чувашей составляла 88,3%.

В следующую перепись населения (1989 г.) чувашами в области было записано 12659 чел. В городах проживали 11175 чел., в районных центрах и сельских поселениях — 1484 чуваша⁶⁰.

⁵⁷ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года) 1980, 9–11, 14.

⁵⁸ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года) 1980, 11–13, 15.

⁵⁹ Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года) 1980, 18.

⁶⁰ Иванов 2005, 262–263, 323.

РАССЕЛЕНИЕ ЧУВАШЕЙ ПО ПЕРЕПИСИ 1989 г.⁶¹

Города, р.п.	Всего (чел.)	Города, р.п.	Всего (чел.)
Челябинск	4129	Миасс	523
р.п. Новосинеглазовский	112	р.п. Ленинск	3
р.п. Федоровка	33	р.п. Тургояк	14
Аша	116	Пласт	40
Верхний Уфалей	54	Сатка	351
р.п. Нижний Уфалей	6	Троицк	141
р.п. Черемшанка	12	Усть-Катав	43
р.п. Зауральский	17	р.п. Вязовая	10
р.п. Красногорский	31	Чебаркуль	101
Златоуст	552	Южноуральск	69
Карабаш	33	р.п. Агаповка	11
Карталы	101	р.п. Аргаяш	19
Касли	39	Миньяр	176
р.п. Вишнегорск	7	Сим	49
Катав-Ивановск	91	р.п. Кропачево	20
Копейск	168	р.п. Бреды	17
р.п. Бажово	56	Верхнеуральск	13
р.п. Вахрушево	6	р.п. Межозерный	21
р.п. Горняк	30	Юрюзань	107
р.п. Железнодорожный	114	Куса	45
р.п. Потанино	30	р.п. Магнитка	9
р.п. Старокамьшинск	54	р.п. Южный	3
р.п. Октябрьский	42	Нязепетровск	39
Коркино	111	Бакал	100
р.п. Первомайский	37	р.п. Бердяуш	18
р.п. Роза	171	р.п. Межевой	22
Кыштым	48	р.п. Сулея	22
р.п. Новогорный	10	р.п. Полетаево	139
р.п. Тайгинка	1	р.п. Увельский	16
Магнитогорск	2746	р.п. Тимирязевский	12

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1989 г.)⁶²

Районы	Всего (чел.)	Районы	Всего (чел.)
Агаповский	96	Кунашакский	36
Аргаяшский	33	Кусинский	60
Ашинский	253	Нагайбакский	25
Брединский	100	Нязепетровский	69
Варненский	101	Октябрьский	23
Верхнеуральский	75	Саткинский	183
Еткульский	37	Сосновский	358
Карталинский	94	Троицкий	73

⁶¹ Иванов 1999, 185–187.⁶² Иванов 1999, 188.

Районы	Всего (чел.)	Районы	Всего (чел.)
Каслинский	23	Увельский	59
Катав-Ивановский	131	Уйский	35
Кизильский	76	Чебаркульский	65
Красноармейский	157	Чесменский	42

По итогам переписи 2002 г. в Челябинской области записано 9483 чуваша⁶³. Русским языком владели 9470 чел.⁶⁴. По данным Магнитогорского отдела государственной статистики чувашей в период проведения переписи в городе насчитывалось 1873 чел.⁶⁵.

Как было указано выше, в 2010 г. число чувашей составило 6819 чел. Из них русским языком владеют 6805 чел. (99,8% от общего количества представителей этноса). В городах русский язык используют 5823 чуваша, а в сельских районах — 982 чел. На родном языке общаются 2179 чел., только на чувашском разговаривают 9 чел. (0,06% от общего числа населения)⁶⁶.

ЧУВАШИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (2010 г.)

Городское и сельское население (чел.)			Город			Село		
всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
6819	2963	3856	5835	2579	3256	984	384	600

Для создания всесторонней панорамы этнокультурного облика чувашей стоит изучить современную ситуацию в регионе (народы более 1 тысячи чел.).

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (2010 г.)⁶⁷

Народы	Всего	Город	Село
азербайджанцы	7213	5193	2020
армяне	9311	7385	1926
башкиры	162513	89079	73434
белорусы	13035	10122	2913
грузины	1417	1192	225
евреи	3358	3303	55
казахи	35297	11620	23677
киргизы	1410	1194	216
марийцы	2826	2299	527
молдаване	1618	1317	301
мордва	12147	8628	3519
нагайбаки	7679	1353	6326
немцы	18687	14669	4018

⁶³ Челябинский рабочий 16.04.2002.

⁶⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство 2004, 95.

⁶⁵ Магнитогорск в цифрах (1990, 1998–2004 гг.). Статистический сборник 2005, 77.

⁶⁶ <http://chelstat.gks.ru>

⁶⁷ <http://chelstat.gks.ru>

Народы	Всего	Город	Село
поляки	1185	1025	160
русские	2829899	2383386	446513
таджики	7375	6533	842
татары	180913	142197	38716
удмурты	2421	1825	596
узбеки	6446	5455	991
украинцы	50081	39958	10123
цыгане	4266	3660	606
чуваши	6819	5835	984

На территории Челябинской области бытуют топонимы, свидетельствующие о пребывании здесь чувашей в более раннее время. Распространенными среди них являются топонимы Златоуста, связанные с его историей и природно-географическими названиями. Например, р. Чувашка — левый приток Ая, протекающая в черте города, Чувашская гора — вершина в центральной части Чернореченского хребта. В XIX в. Чувашской горой называли весь хребет. «Между городом Златоустом и р. Кусой расположен ряд параллельных хребтов: Селитур, Барсучий, Липовый, Губейский, Мышляй, Низянский и Чувашский»⁶⁸. Известна Чувашская степь — долина р. Черной (левый приток р. Куса).

Топонимы связаны с именем заводчика Л. И. Лугинина. «В 1768 году Мосолов [владелец завода — В.М.] продал Златоустовский завод Тульскому купцу Лариону Ивановичу Лугинину»⁶⁹. Новый хозяин активно привлекал работников из коми, татар и чувашей для строительства плотины, изготовления кирпича, а также возведения здания Нижнего завода. Рабочие селились вблизи, что послужило появлению названий р. Чувашка, п. Татарка и др.⁷⁰ Чуваши работали на заготовке леса и добыче руды. В конце XVIII в. в п. Казаны Златоустовского завода чуваш-лесорубы выступили против небольшой оплаты за свой труд и покинули завод⁷¹. Впрочем, по поводу проживания здесь чувашей М. В. Лоссиевским в 80-е годы XIX в. было отмечено, что «... в Златоустовском уезде чуваш не существует совершенно»⁷².

В Златоустовском уезде Уфимской губернии во второй половине XIX в. были записаны русские, татары, башкиры, тептяри, мещеряки, мордва⁷³. «Среди населения Златоустовского уезда встречается несколько народностей, но из них преобладающее значение имеют русские, затем башкиры, мещеряки и татары, соединенные с ними в одну группу и лишь незначительное количество находится в уезде мордвы и киргиз [казахов — В.М.]»⁷⁴.

В 1897 г. здесь насчитывалось 11 чувашей (10 проживали в уезде (6 мужчин и 4 женщины) и 1 мужчина в Златоусте). Чуваши указаны православными, среди

⁶⁸ ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 4.

⁶⁹ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1.

⁷⁰ <http://zlatoust.org>

⁷¹ <http://mediazavod.ru>

⁷² Лоссиевский 1881, 195.

⁷³ Населённые пункты Башкортостана 2002, 98, 272–288; ЦИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Ед. хр. 867; Ф. И-132. Оп. 1. Ед. хр. 714; Ф. И-148. Оп. 1. Ед. хр. 3.

⁷⁴ ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 27.

сельчан грамотой владел 1 мужчина. Все причислены к крестьянам, занимались земледелием, торговлей, строительными и ремонтными работами⁷⁵.

Из названий следует упомянуть и п. Чувашский пруд Укского поселения Ашинского района. Чувашским словом можно считать с. Канашево Красноармейского района. Село возникло в XVIII в. и относилось к Миасской крепости. Впервые упоминается в документах V [1795 г. — В.М.] ревизии⁷⁶.

Таким образом, чувашы Челябинской области являются переселенцами позднего времени: только во второй четверти XX в. формируются основные районы расселения представителей этого народа. Более ранние свидетельства указывают на их незначительную долю среди прочего населения (от нескольких единиц, десятков до сотни и более), что подтверждают дореволюционные издания и архивные материалы.

Одновременно с этим изыскания краеведов и топонимия свидетельствуют о появлении чувашей в пределах области ранее. Предположим, что это были небольшие группы мигрантов, не образовавшие кусты компактного расселения, как в Башкирии, и постепенно растворившиеся среди соседних народов. Характерной чертой чувашей региона является преобладание городского населения над сельским, а также отсутствие моноэтнических поселений, что затрудняет сохранение родного языка, этнокультурных особенностей и традиций в условиях иноэтнического окружения.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Г. А. 2009: Книга памяти жертв политических репрессий в городе Магнитогорске и прилегающих сельских районах: Агаповский, Брединский, Варненский, Верхнеуральский, Кизильский, Карталинский, Нагайбакский, Чесменский в 1929–1953 гг. Магнитогорск.

Васильев Г. А. 2011: Это не должно повториться! Книга памяти-2 жертв политических репрессий в городе Магнитогорске и прилегающих сельских районах: Агаповский, Брединский, Варненский, Верхнеуральский, Кизильский, Карталинский, Нагайбакский, Чесменский. 1929–1953 гг. Магнитогорск.

Всероссийская перепись населения 2002: Таблица №34с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года 2007: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.

Иванов В. П. 1999: Чувашская диаспора: расселение и численность. Этногеографический справочник. Чебоксары.

Иванов В. П. 2005: Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары.

Иванов В. П. (ред.) 2009: Чуваши: история и культура. Т. I. Чебоксары.

Магнитогорск в цифрах (1990, 1998–2004 гг.) 2005: Статистический сборник. Магнитогорск.

Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии 1877: Издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом. Оренбург.

Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии 1889: Издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом. Оренбург.

⁷⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния 1904, 2–3, 40–41, 52–54, 142–143, 178–179.

⁷⁶ <http://kraeved74.ru>

- Моисеев А. П.* (ред.) 1999: На Урале-реке. Челябинск.
- Лоссиевский М. В.* 1881: Заметка к той же статье г. Меньшова // Записки Оренбургского отдела Императорского РГО. 4, 195–196.
- Населённые пункты Башкортостана 2002: Уфимская губерния Ч. I. 1877. Уфа.
- Национальный состав населения Челябинской области 1975: (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года). Челябинск.
- Национальный состав населения Челябинской области 1980: (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). Челябинск.
- Национальный состав и владение языками, гражданство 2004: (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). Т. IV. Кн. 1. М.
- Никольский Н. В.* 1928: Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары.
- Никольский Н. В.* 2004: Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Т. I. Чебоксары.
- Никольский Н. В.* 2007: Собрание сочинений. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Т. II. Чебоксары.
- Никольский Н. В.* 2008: Собрание сочинений. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Т. III. Чебоксары.
- Оренбургская губерния* 1871: Список населенных мест по сведениям 1866 года. Т. XXVIII. СПб.
- Плешков А. М.* 1928а: Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск.
- Плешков А. М.* 1928б: Список населенных пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ. Свердловск.
- Тройницкий Н. А.* (ред.) 1904а: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния.
- Тройницкий Н. А.* (ред.) 1904б: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния.
- Федорова А. В.* 1998: Развитие этнокультуры чувашской диаспоры на Южном Урале // Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Оренбург.
- Федорова А. В.* 2001: Народы Южного Урала: этнический взгляд на историю. Оренбург.
- Чекмазов Н. В.* 1978: Записка “К истории народного образования в Магнитогорске (1929–1938 гг.)”. Магнитогорск (рукопись хранится в МГА).

THE CHUVASH OF THE SOUTH URALS

V. V. Medvedev

The paper based on archive and statistics materials deals with the history of Chuvash settlement on the territory of contemporary Chelyabinsk oblast from the second half of the 19th century to the present day. Sources and published data analysis made it possible to tally up Chuvash population, and to determine resettlement chronology. Toponym study helped to obtain primary evidence of Chuvash presence in South Urals.

Key words: Chuvash, Orenburg gubernia, Chelyabinsk oblast, quantity, settlement, census

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Казачество: проблемы исторической памяти
и культурной идентичности»
(Магнитогорск, 18–19 апреля 2013 г.)*

© 2013

А. В. Мещеряков

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЧИНОВНИКОВ ВОЙСКОВОГО
ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ВОЙСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

В статье воссоздан социокультурный облик чиновника Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в. по шести основным характеристикам: семейное положение, возраст, вероисповедание, образованность, происхождение и прохождение военной службы. Исследование основано на послужных списках служащих в Войсковом хозяйственном правлении, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, социокультурный облик, Войсковое хозяйственное правление, казацкие чиновники

Чиновничество в России всегда занимало особое положение, но в огромной их массе в дореволюционной России выделялись казачьи чиновники. Это было связано с тем, что при назначении на какую-либо должность в войско, независимо от того военная она или гражданская, чиновник переводился из любого министерства в Военное¹. Это накладывало на него определенные обязательства. Во-первых, ношение военной формы, во-вторых, гражданские чиновники военного ведомства для внешнего выражения единения между всеми чинами армии должны были взаимно приветствовать друг друга и с прочими чинами армии согласно военному уставу². В-третьих, казачьи чиновники, как и офицеры Оренбургского

Мещеряков Александр Валерьевич — аспирант кафедры Российской истории Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: mescher90@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ««Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281a2

¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 331. Л. 298.

² Сборник правительственных распоряжения по казачьим войскам за 1910 г., 40.

казачьего войска (далее ОКВ), получали потомственный земельный надел вместо пенсии³.

Все эти обстоятельства создают совершенно особый вид чиновников, которые служили по военному ведомству, но занимались гражданскими делами. Именно такие чиновники трудились в Войсковом хозяйственном правлении (далее ВХП) ОКВ – главном хозяйственном органе в системе управления войска⁴.

Целью данной статьи является определение социокультурного облика чиновников ВХП ОКВ второй половины XIX в. Основным источником для исследования стали послужные списки чиновников ВХП ОКВ, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 330).

Сосредоточимся на социокультурных характеристиках, выявленных С. В. Любичанковским, которые, по его мнению, позволяют выявить влияние региональных чиновников на эффективность местного управления в пореформенной России⁵. Это семейное положение, возраст, вероисповедание, образованность. К ним мы еще добавим такие характеристики, как происхождение и прохождение военной службы. Происхождение позволит нам выявить, откуда были родом чиновники и какой процент из них был из Оренбургского казачьего войска, а также насколько сословное происхождение могло повлиять на продвижение по службе. Вторая характеристика влияет на психологию чиновника, который прошел войну, что не может не отразиться на взаимоотношениях с коллегами⁶.

Для удобства мы разделим весь чиновничий корпус ВХП на три группы. Первая группа (7 человек) – руководящий состав. В нее входят главный член ВХП, советники, войсковой лесничий, начальник межевого отделения, помощник начальника межевого отделения (должность появляется в 1886 г.)⁷, войсковой архитектор, войсковой казначей (к 1885 г. должность ликвидирована)⁸. То есть это те люди, которые обладали правом и возможностью принимать серьезные управленческие решения. Вторая группа (15 человек) – «исполнители». К ним относятся чиновники особых поручений, архивариус, экзекутор, секретарь (к 1885 г. должность ликвидирована), делопроизводители, бухгалтера⁹. Третья группа (12 человек) – служащие «специальных отделений». К ним относятся чиновники Межевого (старшие землемеры) и Лесного отделений (лесной ревизор и лесничие)¹⁰. Мы выделяем их в отдельную группу в связи с тем, что для работы им нужно было специальное образование, а по специфике своей работы они отличались от остальных чиновников ВХП, так как они, наряду с начальниками своих отделений, большую часть рабочего времени проводили в выездах¹¹.

Начнем анализ с изучения семейного положения (Таблица 1).

³ Сборник правительственных распоряжения по казачьим войскам за 1898 г., 55.

⁴ Мордухай-Болтовский 1912, 610, ст.215.

⁵ Любичанковский 2010/12, 303-306.

⁶ Караяни 2002, 38 -50.

⁷ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 331. Л. 3.

⁸ Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К.З. 1885, 206.

⁹ Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К.З. 1893, 229–233.

¹⁰ Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К.З. 1893, 229–233.

¹¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 209 (а). Л.15-16.

Таблица 1. Семейное положение чиновников ВХП к 1880 г.¹²

Группы	Женатые		Холостые	
	количество	%	количество	%
Руководящий состав	7	100	0	0
«Исполнители»	12	80	3	20
Служащие «специальных отделений»	10	83,3	2	16,7
Всего	29	85,3	5	14,7

Как видно из таблицы, среди руководителей ВХП к 1880 г. 100% чиновников были женаты. К 1895 г. картина практически не изменилась, и всего один чиновник был холост¹³. Среди групп «исполнителей» и служащих «специальных отделений» процент женатых практически одинаковый. Он несколько ниже, чем у руководителей, но тем не менее достаточно высок. Стоит отметить, что среди делопроизводителей и старших землемеров количество женатых также достигает 100%.

Картина семейного положения чиновников была бы неполной без отображения количества детей в их семьях. Так, у первой группы 1-го, 2-х и 3-х детей имеют по 14,3%, 7 детей — 14,3%. Не имеют детей 42%. Во второй группе картина совершенно иная. 1-го ребенка имеют 20%, 2-х детей — 6,7%, 4 и более — 46,7%. Не имеют детей 26,7% чиновников. В третьей группе 1-го ребенка имеет 16,7% семей, 2-х и 3-х детей по 8,3%, 4-х и более детей 33,3%. Не имеют 33,3%¹⁴. Таким образом, складывается ситуация, когда все руководители ВХП женаты, но почти у половины из них нет детей. Самые же большие семьи у чиновников-«исполнителей». Стоит отметить, что у большинства чиновников дети, которые уже достигли возраста обучения, в основном учились либо в кадетских корпусах, либо уже служили офицерами в ОКВ¹⁵.

Такое положение с количеством детей напрямую связано с происхождением чиновников. Поэтому следующая характеристика, которую мы рассмотрим, будет происхождение.

Таблица 2. Сословное происхождение чиновников ВХП ОКВ к 1880 г.¹⁶

Группы	Из дворян		Из казачьих детей		Из Обер-офицерских детей		Из солдатских детей		Иное	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Руководящий состав	6	85,7	—	—	—	—	1	14,7	—	—
«Исполнители»	3	20	9	60	1	6,7	—	—	2	13,4

¹² РГВИА Ф. 330. Оп.55. Д. 1670. Л. 1об.-2; Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74, Д. 99. Л. 1 об.-40.

¹³ РГВИА Ф. 330. Оп. 57. Д. 1252. Л.1-54.

¹⁴ РГВИА Ф.330. Оп.55. Д.1670. Л.1об.-2; Оп.56. Д.60. Л.1-74; Оп.57. Д.100. Л.3-74; Оп.57. Д.99. Л.1об.-40.

¹⁵ РГВИА Ф.330. Оп.55. Д.1670. Л.1об.-2; Оп.56. Д.60. Л.1-74; Оп.57. Д.100. Л.3-74; Оп.57. Д.99. Л.1об.-40.

¹⁶ РГВИА Ф.330. Оп.55. Д.1670. Л.1об.-2; Оп.56. Д.60. Л.1-74; Оп.57. Д.100. Л.3-74; Оп.57. Д.99. Л.1об.-40.

Группы	Из дворян		Из казачьих детей		Из Обер-офицерских детей		Из солдатских детей		Иное	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Служащие «специальных отделений»	3	25	1	8,3	3	25	3	25	2	16,7
Всего	12	35,3	10	29,4	4	11,8	4	11,8	4	11,8

Как видно из таблицы, в первой группе подавляющее большинство занимали дворяне. Однако уже к 1895 г. обстановка кардинально меняется. Так, дворян в руководящем составе остается 33,3%, выходцы из казачьих и обер-офицерских семей также составляют по 33,3%. Пропорционально меняется и положение с количеством детей: так, 1-го и 3-х детей имеют по 16,7%, 4-х и более — 33,3% и не имеют — 16,7%¹⁷.

Во второй группе основное количество составляют казачьи дети. Наиболее же равное представительство разных сословий имеет третья группа. Представителями Оренбургского казачьего войска и Оренбургской губернии было 79,4% чиновников. Причем руководящие посты были заполнены оренбуржцами на 85,7%, а исполнительные должности на 100%. Наибольшее же представительство не принадлежащих к Оренбургскому войску и губернии было в «специальных отделениях» — около 50%¹⁸. Это, с одной стороны, говорит о невозможности перекрыть собственными силами потребности войска в квалифицированных кадрах, а, с другой — подтверждает мысль, которую отмечал в своей работе В. С. Кобзов, о том, что после проведенных реформ 60-70-х гг. гражданская часть Оренбургского войска перешла в ведение общегубернских органов, потеряв свою изолированность, а обособленным оставалось только военное управление¹⁹.

Таким образом, социальное происхождение для второй половины XIX в. еще имело большое значение, это доказывается тем, что все руководящие посты занимали дворяне, однако уже к концу века сословное происхождение теряет свою значимость. Яркий пример — судьба Р. П. Исаенко, который происходил из обер-офицерской семьи ОКВ и начинал службу обыкновенным землемером, дослужившись до должности советника ВХП (вторая по значимости после главного члена)²⁰.

Занятие должности напрямую начинает зависеть от образования. Поэтому обратимся к анализу этого показателя.

Таблица 3. Уровень образованности чиновников ВХП к 1880 г.²¹

Группы	Высшее		Среднее		Домашнее	
	количество	%	количество	%	количество	%
Руководящий состав	1	14,3	4	57,1	2	28,6
«Исполнители»	1	6,7	7	46,7	7	46,7

¹⁷ РГВИА Ф. 330. Оп. 57. Д. 1252. Л. 1-54.

¹⁸ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

¹⁹ Абрамовский, Кобзов 1999, 153

²⁰ РГВИА Ф. 330. Оп. 57. Д. 100. Л. 3-8; Оп. 57. Д. 1252. Л. 11об.-12.

²¹ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

Группы	Высшее		Среднее		Домашнее	
	количество	%	количество	%	количество	%
Служащие «специальных отделений»	4	33,3	3	25	5	41,7
Всего	6	17,6	14	41,2	14	41,2

Для руководящего состава процент чиновников с высшим образованием был критически низким. Так, даже старший член ВХП ОКВ статский советник Шишелов имел домашнее образование. Только войсковой лесничий имел высшее образование, окончив Императорский Московский университет. Из управляющих ВХП военное образование получили 57,1%, подавляющее большинство обучалось в кадетских корпусах. А те, кто получал домашнее образование, затем поступали в Оренбургские казачьи полки и служили в них. Полностью гражданское образование получило всего два чиновника²².

К концу века обстановка меняется и процент чиновников, окончивших высшие учебные заведения повышается до 50. Чиновники со средним образованием составляли 33,3%, без специального образования — 16,7%, то есть всего один человек²³.

В группе «исполнителей» было примерно равное количество чиновников, получивших среднее образование и домашнее воспитание. В основном это был Неплюевский кадетский корпус. Те же, кто получал домашнее воспитание, на 100% начинали службу писарями в Оренбургских казачьих полках. Из всех служащих 80% чиновников имели военное образование или начали службу в Оренбургских полках²⁴.

Наиболее квалифицированными кадрами являлись чиновники третьей группы. Это было связано со спецификой их работы, для которой требовалось специальное образование. Именно поэтому у 33,3% было высшее образование и у 25% среднее образование. Причем у всех было специальное образование лесных и межевых институтов или гимназий. Те же, кто не имел образования в учебных заведениях (41,7 %), получили навыки в армии. Так, большинство землемеров научились межевому делу в тот момент, когда были призваны в армию и стали военными топографами (в основном по происхождению это солдатские дети). Другой способ, преимущественно для казачьих детей, — начать службу в Оренбургских казачьих полках с прикомандированием в чертежную при Генеральном штабе. По окончании службы в армии все они находили свое место в межевом отделении ВХП²⁵.

Таким образом, чиновничий корпус на 58,8% получил образование в учебных заведениях. Из них высшее образование получили 17,6% чиновников. 41,2% воспитывались в домашних условиях, но все они получили навыки работы в ходе практической деятельности во время службы в армии в своих полках.

Обратимся к возрастной характеристике чиновников ВХП. Они представлены в таблице 4, чиновники распределены по пятилетним возрастным группам²⁶.

²² РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

²³ РГВИА Ф. 330. Оп. 57. Д. 1252. Л. 1-54.

²⁴ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Ф. 330. Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

²⁵ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Ф. 330. Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

²⁶ Любичанковский 2005, 141.

Таблица 4. Возрастная характеристика служащих ВХП к 1880 г.²⁷

Группы	31–35 лет		36–40 лет		41–45 лет		46–50 лет		51–55 лет		56–60 лет		61–65 лет	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Руководящий состав	—	—	1	14,3	2	28,6	—	—	1	14,3	3	42,8	—	—
«Исполнители»	4	26,7	5	33,3	3	20	—	—	1	6,7	—	—	1	6,7
Служащие «специальных отделений»	1	8,3	6	50	2	16,7	2	16,7	1	8,3	—	—	—	—
Всего	5	15,1	12	36,4	7	21,2	2	6,1	3	9,1	3	9,1	1	3

Самой «возрастной» группой являлись «управленцы»: их средний возраст составлял 56–60 лет. К концу века эта группа помолодела, и 50% чиновников исполнилось 51–56 лет. Средний возраст группы «исполнителей» и служащих «специальных отделений» составляет 36–40 лет. Это самый работоспособный возраст, когда сочетается опыт и жизненные силы. Таким образом, в ВХП подобрался хороший возрастной состав, где руководящий состав был еще не стар, находился в интеллектуальном расцвете, а подчиненные были достаточно молодыми, но уже обладали опытом.

Так как национальность чиновников нигде не фиксировалась, мы рассмотрим вероисповедание служащих ВХП. Проанализировав послужные списки, мы можем отметить, что абсолютное большинство чиновников были православные (более 90%), остальные либо католиками, либо лютеранами. Также в ВХП служил чиновник, принадлежащий к секте приемлющих священство²⁸. Чиновников мусульман, входящих в штат ВХП, обнаружено не было, однако были лесничие и объездчики магометанского вероисповедания (их нанимали на службу по свободному найму, не регулируя штатом)²⁹.

Для составления полной картины социокультурного облика чиновников ВХП требуется рассмотреть такую характеристику, как военная служба. Так, более 85% чиновников начинали службу в войсках: писарями, топографами, чертежниками. Некоторые проходили службу офицерами в действующих полках и командовали вверенными им подразделениями. А некоторые до начала чиновничьей службы, предполагаю, даже принимали участие в военных походах. Так, главный член ВХП полковник А. М. Сильнов (занимал должность с 1866 по 1879 гг.) в 1847 г. участвовал в сооружении 3-х укреплений в киргизской степи. В 1853 г. проявил храбрость при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть, ворвавшись в первых рядах с сотней казаков, что позволило овладеть ею. За это был пожалован чином войскового старшины и годовым окладом жалования.³⁰ Другой главный член ВХП, полковник Н. Г. Лобов, принимал участие в войне против бухарцев в 1866 г., проявив себя при штурме Самаркандских высот, в занятии с боем Самаркандских садов, отражении нападения на лагерь при крепости Каты-Курган, в бою на За-

²⁷ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

²⁸ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-74; Оп. 57. Д. 100. Л. 3-74; Оп. 57. Д. 99. Л. 1об.-40.

²⁹ РГВИА Ф. 330. Оп. 58. Д. 433. Л. 536-551.

³⁰ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 1-8об.

рудалакских высотах и при вторичном взятии Самарканда.³¹ В этой же войне отличился чиновник особых поручений есаул Н. К. Бухарин, который принял участие в штурме г. Ташкента и за героические поступки был награжден несколькими орденами³². Еще один чиновник особых поручений, сотник Бухарин, в составе войск туркестанского отряда принял участие в походе против Хивы 1873 г.³³ Все они, кроме полковника А. М. Сильнова, были артиллеристами и по окончании войн постепенно перешли на службу в управление войском.

Более того, большинство чиновников ВХП были офицерами ОКВ. В то же время была распространена практика, если офицер на гражданской службе достигал потолка в военных чинах, то его переводили, согласно Табели о рангах, в гражданские чины, и он продолжал службу, повышая свой класс, но уже в статских чинах. Ярким примером может послужить советник ВХП Р. П. Исаенко, который, имея домашнее образование, дослужился до есаула, что соответствовало VIII классу Табели о рангах. В 1887 г. его переводят в надворные советники, так как он служит по гражданской части в ОКВ. Впоследствии он дослужился до статского советника, что соответствует V классу³⁴.

Служба в войсках и участие в войнах повлияла на формирование особых отношений внутри коллектива, добавляя к корпоративной этике чиновничества³⁵, еще и боевое братство.

Делая общий вывод, следует выделить негативные моменты в динамике социокультурного облика казачьих чиновников ВХП. Во-первых, отсутствие в штате представителей мусульманства, несмотря на то, что в ОКВ представители этой веры находились на втором месте после православных и составляли 7%.³⁶ Во-вторых, военное образование у большинства чиновников ВХП являлось одновременно недостатком, так как им приходилось сталкиваться с гражданским управлением на территории, где занимались мирным хозяйством. В-третьих, большие семьи влекли за собой необходимость повышения материального уровня. Если сравнивать уровень материального положения служащих ВХП с чиновниками Губернского правления, то у первых он был выше, однако около 50% чиновников ВХП находились на грани уровня бедности³⁷, это в основном представители группы «исполнителей», имеющие самые большие семьи.

Тем не менее, следует отметить, что казачий чиновник — это особый вид чиновника. В большинстве своем православный, имеющий семью и детей, вышедший из среды казачества, более того, начинающий службу в Оренбургском казачьем полку и дослужившийся до офицера, неплохо образованный, работоспособный — все эти качества помогали служить чиновникам в управлении ОКВ так же хорошо, как и воевать на полях сражений.

³¹ РГВИА Ф. 330. Оп. 57. Д. 1252. Л. 1-8об.

³² РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 40-46.

³³ РГВИА Ф. 330. Оп. 56. Д. 60. Л. 61-64.

³⁴ Табель о рангах, <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/tabel.htm>

³⁵ Любичанковский 2007, 437-438.

³⁶ Семенов 2008.

³⁷ Мещеряков 2013, 20-24.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. 1999: Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск.

Караяни А. Г. 2002: Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. / Е. С. Сеньевская (ред.). М., 38–50.

Любичанковский С. В. 2005: Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург.

Любичанковский С. В. 2007: Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург.

Любичанковский С. В. 2010: Личность и система: проблема влияния социокультурных и личностных характеристик региональных чиновников на эффективность местного управления в пореформенной России (обзор прошедшей дискуссии) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12. 2, 303–306.

Мещеряков А. В. 2013: Материальное положение служащих Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска в сравнении с чиновниками Оренбургского губернского правления. // Аспирант, или молодое поколение ученых о... / А. Г. Иванова (предс.), С. В. Любичанковский (отв. секр.). Вып. VIII. Оренбург, 20–24.

Мордухай-Болтовский И. Д. (ред.) 1912: Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. «Свод губернских учреждений». СПб.

Сборник правительственных распоряжения по казачьим войскам за 1898 г. Т. 34. 1899. СПб.

Сборник правительственных распоряжения по казачьим войскам за 1910 г. Т. 46. 1911. СПб.

Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К. 3. 1885. СПб.

Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К. 3. 1893. СПб.

Семенов В. Г. 2008: Иностранцы и иноверцы в Оренбургском казачьем войске // Станица Славянская. 2–3.

Табель о рангах. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/tabel.htm>

SOCIO-CULTURAL MAKE-UP OF AN ORENBURG COSSACK TROOPS ECONOMIC GOVERNMENT SERVICEMEN IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

The paper presents six main characteristics of socio-cultural make-up of an Orenburg Cossack troops economic government servicemen in the second half of the 19th century. These comprise marital status, age, confession of faith, education, social origin, and military service. The study is based on the records of Orenburg Cossack troops economic government servicemen, which are kept in Russian military historical archives.

Key words: Orenburg Cossack troops, socio-cultural make-up, military economic government, Cossack servicemen

© 2013

Е. В. Годовова

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КАЗАЧЕСТВА*

В статье дается характеристика основных методологических подходов к изучению повседневности. Особое внимание автор уделяет их использованию при исследовании повседневной жизни казачества. На основе проведенного анализа можно констатировать, что более полное представление о политической, экономической, социокультурной жизни этого сословия позволит получить применение микро- и макроистории, гендерной и устной истории, исторической антропологии и биографического подхода.

Ключевые слова: повседневность, казачество, методологические подходы в изучении повседневности

В настоящее время при изучении казачества вместе с традиционными методологическими основами всю большую роль приобретают новые парадигмальные подходы, которые позволяют выявить социальные особенности повседневной жизни казачьих регионов.

Исследуя казачество, следует исходить из того факта, что оно является сложной этносоциальной системой, формировавшейся в течение нескольких веков и вобравшей в себя многообразные этнические, социально-экономические, культурно-исторические, политические элементы¹.

Казачество, являясь военным сословием, традиционно изучалось через призму довольно однобокого военно-исторического подхода, при котором под историей казачества (особенно в дореволюционной историографии) понималось перечисление его боевых заслуг². Можно сказать, что история казачества была институционализирована и практически обезличена. Внимание историков привлекали лишь крупные фигуры, например атаманы Ермак, Дутов и другие. При этом повседневная жизнь гражданского населения долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Однако именно исследование политической, экономической, социокультурной жизни казаков, эмоциональное восприятие ими тех или иных событий дает полное представление об этом сословии.

Что же следует понимать под изучением повседневности?

Повседневность является продуктом длительного исторического развития. «Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению»³.

Годовова Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; докторант Самарского государственного университета. E-mail: godovova@mail.ru

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край — трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект №12-31-01281/a2

¹ Николаенко 2008.

² Цыбульников 2010, 149.

³ Ионин 1996, 108–109.

Анализ повседневной жизни есть попытка вникнуть в человеческий опыт, потому вопрос о содержании понятия «повседневность» предполагает вопрос о том, какой человеческий опыт следует рассматривать при этом, а какой нет⁴.

Термин «повседневность» в широкий научный оборот сферы исторического знания был введен Ф. Броделем. В работе «Структуры повседневности: возможное и невозможное» он писал о том, как можно познать повседневность: «Материальная жизнь — это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи — пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов — словом, все, что служит человеку, — вот единственный способ ощутить его повседневное существование»⁵.

Характеризуя повседневность, Ф. Бродель подчеркивал следующее: «Исходным моментом для меня была — повседневность — та сторона жизни, в которую мы оказались вовлечены, даже не отдавая себе в том отчета, — привычка, или даже рутина, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем на половину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимы действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка. Повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить — и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам»⁶.

Базовой концепцией в парадигме повседневности является социальная феноменология А. Шюца. Реальность, по А. Шюцу, это «переживаемый в естественной установке бодрствующим взрослым человеком мир повседневной жизни»⁷. Переживание и интерпретация этого мира по сути одно и то же. Основа любой интерпретации — запас прежних переживаний мира, данный человеку в форме «наличного знания». Интерсубъективность (важнейший параметр мира повседневной жизни) реализуется посредством социальных действий, которые рассматриваются А. Шюцем как коммуникация⁸.

А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особые формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности⁹. Следовательно, соглашаясь с Н. Н. Козловой, можно сказать, что повседневность является продуктом социального конструирования¹⁰. И встает вопрос о «началах и концах» (ибо повседневность текуча и изменчива, как сама жизнь): с какого момента конкретная по-

⁴ Пушкарева 2010.

⁵ Бродель 1986, 41.

⁶ Бродель 1993, 13.

⁷ Шюц 2004, 402.

⁸ Шюц 2004, 428.

⁹ Ионин 1996, 124.

¹⁰ Козлова 1992, 14.

вседневность достигает в своем становлении стадии осуществления и с какого момента она трансформируется.

Н. Л. Пушкарёва к категории повседневности относит событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей¹¹.

Итак, повседневность — это пространство, на котором протекает человеческая жизнь, обогащенная опытом предков, где события частного бытия соприкасаются с историческим процессом, взаимопроникают и отражаются в восприятии их самим человеком¹².

Какие же подходы в изучении повседневности, и прежде всего казачьего социума, просто необходимы исследователю?

Во-первых, сочетание микро- и макроисторического подходов.

Исследуя общество как некую совокупность структур, история оставляла слишком мало места свободе людей как ее действующих лиц.

Микроистория — направление, сторонники которого, опираясь на биографические и автобиографические материалы, исследуют историю через всестороннее воссоздание жизни одного из представителей или группы людей того или иного социального слоя. Например, формулярные списки казаков являются источником для изучения повседневности казачества с точки зрения микроисторического подхода.

«История снизу» вносит в описание исторического процесса, понимаемого как единство и взаимодействие объективных моментов, важных политических событий, экономической жизни и духовных течений, новый аспект — его субъективную сторону. Эта «микроистория» демонстрирует отражение жизни всего общества в повседневной жизни и менталитете простых людей, ради которых, как неизменно провозглашают власть имущие, совершаются все действия общества и государства¹³.

По мнению Н. Л. Пушкаревой, значимость микроисторического подхода определялась, во-первых, тем, что он позволяет принять во внимание множество частных судеб¹⁴, в первую очередь судеб рядовых казаков и казачек.

Во-вторых, специфика микроистории определяется новым пониманием места автобиографии и биографии в исторических исследованиях, признания за ними более существенной роли в формировании картины исторического процесса. В этом история повседневности сближается с «историей частной жизни» и «устной историей»¹⁵.

В-третьих, именно микроисторики поставили задачу исследовать не столько обычный опыт, сколько опыт экстремального выживания в условиях войн, революций, террора или голода, именно микроисторики поставили анализ переход-

¹¹ Пушкарева 2010.

¹² Тимофеева 2010.

¹³ Репина 1990.

¹⁴ Пушкарева 2010.

¹⁵ Пушкарева 2010.

ных эпох в центр истории повседневности¹⁶. А кто как не казаки, представители служилого сословия, ощущали на себе все переломные моменты в судьбе России.

Однако история в целом охватывает события и процессы, которые разыгрываются над уровнем микроизмерений [макроистория — *Е.Г.*]. Поэтому исторические исследования на высших уровнях обобщения столь же существенны, как и изучение деталей. Но они страдают неполнотой, и, если историк хочет восполнить пробелы «собственными представлениями и догадками», он должен исследовать также и мир мелких событий¹⁷.

Микроисторический анализ позволяет через малое и частное прийти к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, через рассказ о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни общества, которые во время обобщения или количественной формализации были бы искажены. Поэтому микроисторическое наблюдение может изменять традиционный взгляд на историческое целое. А исторические реконструкции интерпретации, осуществленные благодаря концентрации на ограниченном поле наблюдения, дают качественное расширение возможностей исторического познания¹⁸.

Очевидно, что методологическая природа макро- и микроисторического подхода различны. Так, макроистория опирается на общие понятия о социальной структуре общества. Микроисторический инструментариум оперирует менее масштабными категориями, но и он не свободен от выхода на общие понятия («класс», «общество», «сословие» и т.д.), поэтому вряд ли может обойтись без «большой истории»¹⁹. Следовательно, микро- и макроистория дополняют друг друга.

Изучение повседневности казачества невозможно и без историко-антропологического подхода.

Историческая антропология — по определению французского историка Жака Ле Гоффа «общая глобальная концепция» — призвана была объединить в рамках одной дисциплины изучение менталитета, материальной жизни и повседневности²⁰.

Для исторической антропологии характерно фокусирование внимания историка на конкретных антропологических объектах изучения. Ими могут выступать «малые сообщества»: небольшие социумы, выделяемые по разным критериям (например, казачья семья, станица), но, главное, позволяющие в своих рамках всестороннее показать роль человека, постижение им повседневных забот, тревог, надежд. Нужно попытаться увидеть мир людей «изнутри», понять смысл, которыми они его наполняли²¹. В результате, с одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека-в-истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе.

Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории и объединяет изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Антропологически ориентирован-

¹⁶ Пушкарева 2010.

¹⁷ Медик 1994, 200.

¹⁸ Бочарова 2011.

¹⁹ Польская 2010.

²⁰ Орлов 2012, 39.

²¹ Кром 2003, 8.

ная история изучает «телесность» и сознание людей во всех его «формах», их поведение и связи (со средой, друг с другом и социумом в целом) в конкретном времени и пространстве. При таком подходе тематическое поле исторической антропологии составляют история ментальностей, история повседневности, новая политическая история, новая социальная история, новая биография, гендерные исследования, новая интеллектуальная история, новая культурная история. Все эти модификации антропологически ориентированных исследований так или иначе пересекаются с микроисторией как особой исследовательской практикой.

На открытость исторической антропологии указывал А. Я. Гуревич, подчеркивая, что «она выражает сущность новой парадигмы, новой ориентации всего гуманитарного исследования»²². Историческая антропология стала важнейшим гуманитарным поворотом в научном познании, в результате которого наука обратилась к человеку, через деятельность которого осуществляется исторический процесс²³.

Антропологизация исторических исследований, стремление поставить человека и его опыт в центр исторической работы, переход на микроуровень нашли отражение и в расширении «территории истории» за счет включения в нее таких сфер, которые связаны с деятельностью женщин. Доминировавшие до недавнего времени истории событийная, политическая, экономическая, избиравшие в качестве своих исследовательских объектов «видимые», «неподвижные» пласты истории, абсолютно игнорировали ту часть жизни общества, которую принято называть «приватной» и где традиционно доминировали женщины²⁴.

Итак, говоря об исследовании повседневности казачества, следует отдельно остановиться на гендерном подходе. Считается, что «изучать условия, которые формируют и поддерживают социальное поведение, означает изучать то, как культура выстраивает гендер». Гендер не просто биологическое различие мужчин и женщин, это часть социальных отношений, один из важных элементов общественного устройства²⁵.

Гендерный подход в исторических исследованиях исходит из целостности социальной истории, он не ограничивается изучением только «истории женщин» или только «истории мужчин», а в качестве главного своего предмета выделяет историю гендерных отношений. Гендерные историки анализируют иерархию полов, их функционирование и воспроизводство в контексте социально-исторического развития²⁶.

Главное в гендерной истории — это анализ причин и последствий гендерной дифференциации в обществе, т.е. анализ возникновения властной системы доминирования и дискриминации по признаку пола, социальных различий мужчин и женщин и оценка обществом этих различий²⁷.

Гендерный аспект «повседневного поведения» ставит аналитика перед вопросом: возможно ли найти отличия в особенностях запоминания (импринтинга) мужчинами и женщинами тех событий, свидетелями которых они стали, и того образа

²² Гуревич 2000, 137.

²³ Орлов 2012, 41.

²⁴ Шутова 2002, 108.

²⁵ Тартаковская 2009, 10.

²⁶ Ахмедшина, Шнырова, Школьников 2006.

²⁷ Ахмедшина, Шнырова, Школьников 2006.

жизни, который ведут они и вели их родители и более далекие предки, о своеобразии фиксации отложившегося в памяти (меморизации), поскольку запомнившееся влияет в дальнейшем на обыденные поступки, о содержании «женской» и «мужской» повседневности в разные эпохи и источниках изучения этих категорий обновленной социальной историей, равно как социальной и культурной антропологией²⁸.

Таким образом, предметом гендерной истории выступают, во-первых, история складывания и функционирования системы отношений и взаимодействий, стратифицирующих общество по признаку пол, и, во-вторых, история представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка²⁹.

Применение гендерного подхода к изучению повседневности казачества необходимо при исследовании таких сфер жизнедеятельности, как «семья», «труд в домашнем хозяйстве», «работа в общественном производстве», «религия», «образование», «культура» и др. Тем более что в экстремальных условиях приграничной жизни выковался не только характер воина-казака, но и совершенно особый тип женщины. Казачки собирали урожай, пекли хлеб, делали заготовки на зиму, обшивали всю семью, растили детей, ткали, вязали, могли и хворобы лечить, и хату подправить. Казачка была не только неутомимой труженицей, но и организатором. Номинально руководил большим семейным коллективом старик-дед, но далеко не все казаки доживали до седины. Дед мог быть уже и недееспособным, инвалидом, и работу по хозяйству организовывали бабки, матери, жены казаков. Распределяли обязанности между домашними, если нужно, нанимали работников и руководили ими. Казачки умели и торговать, чтобы часть продукции обратить в деньги и приобрести необходимое. Подобной инициативы и самостоятельности русские крестьянки не знали. У них-то всегда муж был рядом. По сравнению с крестьянками женщины-казачки имели большую свободу и большие права. Это объясняется тем, что во время войн, да и в мирное время женщины, дети и старики составляли основные рабочие руки.

В отсутствие мужа казачка заботилась о благополучии семьи, занималась хозяйством, поддерживала дом. На женские плечи ложилась и забота о детях. Если отец в большей степени осуществлял нравственно-религиозное воспитание, то мать следила за тем, чтобы дети были здоровы, обуты, одеты, накормлены³⁰.

С самого начала своего развития гендерная история шла рука об руку с таким направлением, как устная история. По определению российского историка С.О. Шмидта, устной историей является «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»³¹.

В отличие от традиционной политической, экономической, социальной или военной истории, часто работающей с «неустными» источниками, устная история пытается «дать слово» игнорируемому (так называемому «неисторическим») слоям общества. Например, один из исследователей Оренбургского казачьего войска

²⁸ Пушкарева 2011, 539.

²⁹ Пушкарева 2005, 37.

³⁰ Годовава 2012, 120.

³¹ Шмидт 1991, 262.

Бухарин в 1888 году записал воспоминания казачки Березовского поселка Таналыкской станицы Орского уезда Акулины Григорьевны Степановой, попавшей в 1835 г. в плен к киргизам.

К устному источнику можно отнести и рукопись казака Н. В. Агапова³². Как отмечает Т. И. Рожкова, «записки Николая Васильевича Агапова — замечательное явление «наивной письменности» как по времени написания, так и по личности автора, потомственного оренбургского казака... Записки Н. В. Агапова содержат в себе темы, способствующие поддержанию идентичности оренбургского казачества, ценностные установки казачьего мира второй половины XIX века»³³. В целом рукопись Н. В. Агапова представляется ценным источником по изучению повседневной жизни оренбургского казачества середины XIX века и его второй половины.

Таким образом, устная история больше отражает микроисторию, индивидуальные воспоминания, историю, создаваемую «снизу» (*history from below*), ежедневную жизнь и т.д.

Изучение повседневности с позиции микроистории невозможно без применения биографического метода. Речь идет о концентрации внимания на частном и уникальном в конкретных человеческих судьбах. В фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, отношения с родными и близкими как в семье, так и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня³⁴.

Среди биографических подходов наиболее применимо в изучении повседневности казачества является просопография. Это направление нацелено на изучение статуса, социальной, политической и культурной жизни и судеб определенных страт посредством некой коллективной биографии или совокупности биографий отдельных представителей³⁵. То есть индивидуальные биографии, например, казачьих атаманов, призваны иллюстрировать модели поведения, присущие социальным группам, в данном случае — казачеству.

Итак, говоря о новых подходах к изучению повседневности казачества, нельзя не отметить тесное переплетение микро- и макроистории, гендерной истории, устной истории, исторической антропологии и биографического подхода. Эту междисциплинарность следует понимать не как объединение наук о человеке под эгидой истории или вокруг определенной методологии и не как результат некой искусственно созданной междисциплинарной ситуации, а как процесс междисциплинарного взаимодействия, который позволяет историкам обогащать свою интеллектуальную культуру, расширять горизонты мысли, воображения, любопытства, и в конечном счете совершенствовать профессиональное мышление³⁶.

³² Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 368.

³³ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 317, 319.

³⁴ Репина 2001.

³⁵ Орлов 2012, 100.

³⁶ Чеканцева 2005.

- Ахмедшина Ф., Шнырова О., Школьников И.* 2006: От «истории женщин» к «гендерной истории». Новая концепция гендерной истории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.undp.uz.ru>.
- Бочарова З. С.* 2011: Микроистория. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129521>.
- Бродель Ф.* 1986: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.
- Бродель Ф.* 1993: Динамика капитализма. Смоленск.
- Годовова Е. В.* 2012: «Им досталась воля да казачья доля»: образ казачки XIX века // Вестник Самарского государственного университета. №8/2 (99), 118–122.
- Гуревич А. Я.* 2000: Подводя итоги // Одиссей. М., 128–137.
- Ионин Л. Г.* 1996: Социология культуры. М.
- Козлова Н. Н.* 1992: Социология повседневности: переоценка // Общественные науки и современность. 3, 48–56.
- Крам М. М. (ред.)* 2003: Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности. СПб, 3–9.
- Медик Х.* 1994: Микроистория // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 4, 192–197.
- Николаенко И. Н.* 2008: Исторический аспект формирования казачества как этносоциальной системы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pglu.ru>.
- Орлов Б. Д.* 2012: «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.
- Польская С. А.* 2010: Микроистория в зеркале исследований современной французской медиевистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/node/239>.
- Пушкарева Н. Л.* 2005: Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических исследованиях // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. Тверь, 19–43.
- Пушкарева Н. Л.* 2010: «История повседневности» как направление исторических исследований. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.perspektivy.info>.
- Пушкарева Н. Л.* 2011: Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект. М., 538–539.
- Репина Л. П.* 1990: Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/odiss/21.php.
- Репина Л. П.* 2001: Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ist-bessmertie.narod.ru>.
- Тартаковская И. (ред.)* 2009: Гендер для чайников. М.
- Тимофеева Т. Ю.* 2010: Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве: научный доклад. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://omega.hist.msu.ru>.
- Филиппова И. А., Годовова Е. В., Моисеева С. А.* 2013: Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста. Оренбург.
- Цыбулькинова А. А.* 2010: «Новые амазонки» из казачьих женок (особенности участия кубанских казачек в военных действиях XVIII–XIX вв.) // Социальная история. Ежегодник. 2009. СПб., 147–161.

Чеканцева З. А. 2005: Европейская история XIX в. в свете исторической антропологии // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М.

Шмидт С. О. 1991: Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского, 262.

Шутова О. М. 2002: Тенденции антропологизации в современной историографии: история повседневности, устная и гендерная истории // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск, 106–121.

Шюц А. 2004: Мир, светящийся смыслом. М.

ANOTHER WAY OF COSSACK DAILY ROUTINE STUDY

Ye. V. Godovova

The paper characterizes principal lines of methodological approach to the study of everyday life with an emphasis on Cossack daily routine. The analysis makes it possible to infer that a more comprehensive notion of political, economic, and socio-cultural life of the Cossacks permits such approaches as micro- and macro-historic, gender and verbal history, historical anthropology, and life history

Key words: daily routine, the Cossacks, methodology of daily routine study

© 2013

Н. А. Власкина

РАННЕВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ: К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ*

Проанализированы материалы по ранневесенней обрядности, зафиксированные в разное время на территории проживания донских казаков. Исследование показало, что дни почитания святых Евдокии, Сорока мучеников, Алексея Божьего человека являются важными компонентами структуры донского календаря, призванными маркировать начало весны, оживление природы. Совпадая в целом с общеславянским символическим осмыслением ранневесеннего цикла, рассмотренный праздничный комплекс обладает на территории бывшей ОВД и своей спецификой. Делается вывод об обусловленности варьирования представлений и ритуальных практик, приуроченных к ранневесенним праздникам, ландшафтными и погодными особенностями микрорегионов, типами хозяйствования

Власкина Нина Алексеевна — старший научный сотрудник лаборатории филологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук. E-mail: nvlaskina@gmail.com

* Работа выполнена в рамках проекта «Народная традиция донского казачества в меняющемся мире: опыт этнолингвистического словаря» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

и разнообразием сочетаний этноконфессиональных групп на каждой из историко-культурных территорий в пределах Области войска Донского.

Ключевые слова: календарная обрядность, ранневесенние праздники, донские казаки, региональный вариант

Народный календарь, основной функцией которого выступает структурирование годового времени¹, традиционно исследуется по периодам, соответствующим природным циклам и видам хозяйственных работ. Стремление уйти от условного и схематичного членения года на четыре равных отрезка времени, которое «не отвечает полностью характерному для народного календаря отражению постепенного перехода от одного состояния природы к другому, завершаемого резкими изменениями в ней»², обуславливает выделение в структуре года весенне-летнего и осенне-зимнего циклов. Границами первого из названных периодов в славянском календаре считаются начало февраля³, или проводы зимы (Масленица)⁴, и троико-ивановско-петровские праздники конца июня — начала июля. Данный цикл, в свою очередь, может условно делиться на два (ранневесенний и поздневесенний с границей, проходящей по пасхально-юрьевско-марковским праздникам)⁵ или на три периода (начало — преимущественно Масленица и мартовские праздники, середина — пасхальные праздники и дни святых Георгия, Марка и Еремии, завершение — Троица, купальские и петровские праздники)⁶.

При том и другом способе деления в группе ранневесенних оказываются праздники донского календаря, маркирующие начало весны: дни почитания святых Евдокии (1/14 марта), Сорока мучеников (9/22 марта) и Алексея, человека Божьего (17/30 марта). Их рассмотрению и посвящена данная статья⁷.

Перечисленные даты до сих пор не становились предметом специального исследования ученых, занимающихся описанием и изучением традиционной культуры донского казачества. В дореволюционных публикациях внимание уделялось в основном праздникам, предполагавшим общественные складчины, совместные трапезы, развернутые комплексы обрядовых действий: святочному циклу, Масленице, Красной Горке, Троице⁸. На задаче характеристики основных вех календарного года ученые концентрировались и в дальнейшем — в советский⁹ и постсоветский периоды¹⁰. Малые же праздники, с которыми в основном связан блок

¹ Толстая 1997, 70.

² Чичеров 1957, 15.

³ Агапкина 2002, 26.

⁴ Соколова 1979, 6.

⁵ Агапкина 2002, 26.

⁶ Агапкина 1995, 348.

⁷ Исследование построено на анализе текстов из архива полевых материалов диалектологических экспедиций Ростовского государственного университета (далее — ПМДЭ РГУ), полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук (далее — ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН), полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного научного центра Российской академии наук (далее — ПМДЭЭ ЮНЦ РАН), с 2011 г. — Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН).

⁸ Крылов, 1876; Масленица 1876; Пономарев 1876; Харузин 1885, 377–383 и др.

⁹ Новак, Фрадкина 1979, 27–33 и др.

¹⁰ Проценко 1995; Гнутова, Проценко 2004; Рыблова 2009 и др.

нарративов о прогностических практиках, реже — обрядовых действиях, оставались за рамками рассмотрения.

Общая семантика ранневесенних праздников у донских казаков, как и у других славян, связана с мотивами «начало», «пробуждение», «открытие», «изменение»¹¹. Каждая из трех рассматриваемых дат в сознании носителей традиции может ассоциироваться с началом весны — и **Евдокия**: «*Ну эта каг бы придвесник висны уже Йивдо́ки*»¹²; «*Йивдакия есть. Йивдакия вёсны снаряжать. Па Йивдакии вёсну узнають. Вот ана и называица: Йивдакия вёсну снаряжать. А па Йивдакии старьи люди раззнавали, какая будить вясна, какая будить лета*»¹³; «*Ну, Евдошка — эта знайти, зима канчаица. Ничёго ни знаю. Знаю, шо есть, гаварять, пришла Явдошка, зиме пишык, фсё. Вот эта я знаю*»¹⁴; и **Сорок мучеников**: «*Сораки — эта сорок мучиникаф. Вот на них начинал таить сних*»¹⁵; «*Ну Сораки — эта к висне суда. Сорок птичкав, гаварять, прилитають, уже вясну чують, и сорок птичкаф прилятаить. Вот на Сораки, на эти Сораки и эти пякли*»¹⁶; и **Алексей**: «*Есть Алёшка. Аликсей Божый чилавек з гор патоки. Эта ш вясна. Вот эта з гор патоки — эта патякло, эта сних патаял. Таить сних и з гор патякло. И вот эта Аликсей з гор патоки*»¹⁷; «*А трицатава Аликсей Божый щилавек, эта уже висна*»¹⁸.

Наряду с этим в нарративе одного информанта все три праздника могут именоваться *вешними* и маркировать начало нового сезона, выстраиваясь в последовательный ряд, характеризующий постепенное потепление, и структурируя период от начала марта до Благовещения (25 марта / 7 апреля)¹⁹: «*<Свекровь> фсигда мне гаварила, што эта вешнии празники, эта проста ана гаварила: ну как, праз-*

¹¹ Агапкина 2002, 134. В данной работе мы оставляем за рамками рассмотрения Средокрестье — подвижный праздник, знаменующий середину Великого поста. На Дону, как и на некоторых других территориях, он маркируется прежде всего выпечкой обрядового печенья — крестиков — и факультативно символически связывается с пробуждением природы. Только упоминается и завершающее перечень мартовских дат Благовещение — двенадесятый праздник, характеризующийся развернутым комплексом связанных с ним примет, предписаний, запретов, обеспеченный богатым репертуаром текстов разной жанровой принадлежности, заслуживающих самостоятельного анализа.

¹² ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Ростовская область (далее — РО), Морозовский р-н, х. Парамонов, информант Безмолитвенная Е. Я., 1940 г. р., собиратель Деревянкина И.

¹³ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Волгоградская область (далее — ВО), Даниловский р-н, ст. Березовская, информант Чумакова А. Я., 1914 г. р., собиратели Архипенко Н. А., Власкина Н. А.

¹⁴ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. РО, Дубовский р-н, ст. Андреевская, информант Овсиенко Г. И., 1936 г. р., собиратель Власкина Т. Ю.

¹⁵ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Безмолитвенная Е. Я.

¹⁶ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. ВО, Михайловский р-н, ст. Арчединская, информант Черкасова А. П., 1932 г. р., собиратель Власкина Н. А.

¹⁷ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Чумакова А. Я.

¹⁸ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. РО, Дубовский р-н, ст. Андреевская, информант Плетнева Е. Г., 1916 г. р., собиратель Власкина Т. Ю.

¹⁹ Отметим, что данная последовательность символически нагруженных мартовских дат не является универсальной. В других русских локальных традициях культурной семантикой оказываются наделены Евдокин день, Герасим Грачевник и Сороки — в Муромском крае и Гороховецком районе Владимирской области (Добровольская, Киселева 2004, 47–48; Добровольская 2008, 64–67); только Сорок мучеников в Нижегородском Поволжье и на Кубани (Бондарь 2003, 94; Корепова 2009, 258–269). Все три праздника почитаются в Тамбовской области (Махрачева, 2008, 36–46), однако наиболее близкое к нашим материалам восприятие анализируемых календарных дат — как временного отрезка с единой семантикой — находим в сведениях из Харьковской губернии: «На Евдокию, на сорок святых и на теплого Алексея, пришедши из церкви, отбирают для посева пшеницы лучшее

навать ана их никагда ни празнавала, а таг гаварила: эта вешнии празники. Ивдошка, ани как. Палуцаюца цириз ниделю и адин день, па-моиму, ана гаварила. Как ани. Ивдошка — ана жсы первава па эта, да, па-стараму ана жсы первава, а этат, патом Сораки, Сораки — какова жсы ани, дваццать фтарова, па-новаму? Дваццать фтарова. А, эта па дням. Если вот, например, Ивдошка припала ф чит-верх, значит, Сораки припадуть, значица, ф суботу, если вот Алёшка, трицатава же, он тожы, цириз два дня ат Соракаф»²⁰; «На Пасту раицицитаны. Вот первый празник паста у нас называлась Йивдакия. На этат день суслики вылазюють. Патом идёт Сораки, патом идёт трицатава Аликсей, дальшы идёт Благовещинье, патом Вёрбня и Страшная, эта суббота»²¹; «Евдакия в марти, Евдакия — эта суслики вылазюють ис сваих нор, первый висений празник... Трицатава марта — Аликсей. Если уш сорок птиц прилитяць и пагода ни станить тёплай, то да Алёшы. На Аликсея далжно патипления быть. А на Алёшу нет патипления, тада на Благовещинью, сидьмова апреля, разгавляюца»²²; «Сораки эта бывают висною. Кагда Евдокия, патом Сораки, сорок марозав, висной, пирит Пасхай. А патом тёплый Аликсей, эта фсё висну прицсказывали»²³.

Охарактеризованная последовательность праздников обыгрывается в ряде фольклорных текстов разной жанровой принадлежности и сюжетного состава. Среди них поверья, в которых разрабатывается символика числа 40: «Грядь, Сораки ниццё ни зделали, гаваряць, а Алёша адин ниццё ни зделайць, а он с Алёшы, гаваряць, как пайдёт таить снех ы пайдёт, гаваряць. Вот тебе и Аликсей, гаваряць, он адин, а пашло снех таяць нащал»²⁴; «И од бываить, Аликсей прайдёт, Сораки, а снех ни таить. А мы фсида, помню, нашы радитили: “Ну, сорок муцникав ни пабядили, а Аликсей адин ни пабядить”. Фсида так, ага, гаварили. Гаварим: “Снех ни патаял”. Ани: “Ну, сорок муцникав ни пабядили — Аликсей”»²⁵.

В соседнем с Чернышковским Морозовском районе Ростовской области зафиксированы и развернутые мемораты, в которых не только обыгрывается числовой компонент хрононима, но и возникает мотив наказания инородцев за непочитание праздника, незнание соотносимых с ним примет: «Раньшы у нас тут калмыки приижжали вот с кибитками, таварам таргавали, ну и на Йивдошку если ни таить, капели нету, значить, позняя эта висна будить. Вот тебе Сораки. А каждый празник чериз восимь дней. Вот и пришла Йивдошка — нету капели, ни напилась курачка вады. Значить, висна позняя будить. Пришли Сораки — Сораки, значить, тожы ни начал таить снех. Эта вот када калмыки к нам приижжали,

зерно» (Иванов 1907, 82). Подобное сходство может объясняться как близостью ландшафтов и климата двух территорий, так и участием харьковских малороссов в заселении земель Войска Донского.

²⁰ ПМДЭЭ ЮФУ — ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2011. ВО, пос. Чернышковский (районный центр), информант Захарова М. М., 1948 г. р., собиратель Власкина Н. А.

²¹ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. РО, Морозовский р-н, х. Донской, информант Чиков М. Ф., 1928 г. р., собиратели Шестак С. А., Власкина Н. А.

²² ПМДЭ РГУ 1998. РО, Обливский р-н, х. Глухмановский, информант Плешакова С. Ф., собиратель Флягина М. В.

²³ ПМДЭ РГУ 2003. РО, Тарасовский р-н, ст. Митякинская, информант Орехова В. И., 1921 г. р., собиратель Власкина Н. А.

²⁴ ПМДЭЭ ЮФУ — ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2011. ВО, Чернышковский р-н, х. Тормосин, информант Горячева М. Н., 1934 г. р., собиратель Власкина Н. А.

²⁵ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2011. ВО, Чернышковский р-н, х. Попов, информант Крапивина С. Ф., 1929 г. р., собиратель Власкина Н. А.

ани каг бы становились над речкай и таргавали таварами. А Алёша Тёплый пришёл, и как паплыло фсё буруном, и кибитку панисло на речки. Раньшы-та речка у нас глубокая, хорошая была. А он бигить следам, за этай кибиткай, да: “Ой, Алёшка свитой, што и ты наделал? Сорак мучиникаф маю кибитку ни взяли, сорак, а ты, Алёшка тёплый, адин унёс мой кибитка! Аддай мой кибитка!”»²⁶; «(Соб.: Про Алексея не говорили, что он Алексей Тёплый?) Биз уговору, фсигда, в Аликсея снех таить. Эта раньшы цыгани и на балкам начивали, ну им гаварять: “Ну вы жы, вас Аликсей паттопить”. — “У, Сораки ни паттапила, а Аликсей — циво он сам зделать?” Ну ана к абеду распалила, как патикли балки фсе. (Соб.: И затопило?) Да. А зарас никаких ни балак нету, ни снргоф нету, зима какая, и цыганиф нету. И цыганиф асидлали»²⁷.

Поскольку не существует единого срока весеннего потепления и начала нового вегетационного периода, возникает возможность приурочения одних и тех же погодных примет и ритуальных действий, сакрализующих изменения в природе, к разным датам. Данная тенденция реализуется в нескольких формах.

Полевые материалы свидетельствуют о параллельной закреплённости примет одного и того же типа за разными праздниками. Символическая связь между хронимидами может осознаваться и вербализоваться одним информантом или носителями общей локальной традиции: «Если с утра сонцы ярка светить на эти вот бальшыи фсе празники: на Благовещины, на Ёвдоки, на Алёшу, на Сораки, вот тут фсе приметы бывають. Если сонцы с утра светить яркае, будить зажо́х уражая да палавины. Если с абедта там стали тучи уже, хмара, значить, тока да палавины будить ажох, там первыи месяцы, патом будить уже дажди. Прахладная пагода. Если туманы, например, на Ёвдошку с утра туман, уражай будить хорошый. Если иний на Сораки, вот на диревьях вот иний такой, в измараси фсё, тожы гаварять, што уражай хорошый будить»²⁸; «(Соб.: А Евдошки — что такое?) 1. Эта читорнацытата марта, на этакт день. Ну как придвижения висны. Ну эта вот как если курачка напилась в этакт день, значит ранняя висна. Ана оттипель, то замóраски, и начинать с крыши капать. 2. И на Стретинье. 1. На Ивдошку. Стретиньи читорнацытатава, питорнацытатава фивралья. 2. Ну на Стретинье и примичають»²⁹; «Есть такой празник — Евдошки, есть. На ниво примета — там пагоду узнають. Нападобие как на Стретинье. Так ы на Ёвдошку. На Стретинье. Если курица вады напилась нат парогам, значить, будить висна ранняя, если ни напилась, значить, ни будить. Так ы на Ёвдошку»³⁰. Географическое положение территории проживания донских казаков обуславливает более ранние, чем в других регионах, оттепели, что имеет следствием включение Сретения в цикл дат, ассоциируемых с началом весны. Наряду с параллельным функционированием календарной привязки приметы об оттепели к Сретенью и Евдокиинному дню в представлениях одного информанта, широко распространены

²⁶ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Безмолитвенная Е. Я.

²⁷ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Чиков М. Ф.

²⁸ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. РО, Морозовский р-н, х. Грузинов, информант Сухова К. И., 1941 г. р., собиратель Кабакова М.

²⁹ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. РО, Морозовский р-н, х. Николаев, информанты Гречкина А. Е., 1937 г. р., Шульгина М. Д., 1936 г. р., собиратель Шестак С. А.

³⁰ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. РО, Дубовский р-н, х. Кудинов, информант Таёкин П. П., 1939 г. р., собиратель Власкина Н. А.

тексты, в которых прогноз осуществляется только в первый (Азовский, Дубовский, Зимовниковский, Константиновский, Советский районы Ростовской области, Даниловский, Иловлинский, Михайловский, Суворикинский, Фроловский, Чернышковский районы Волгоградской области) или второй (Боковский, Морозовский районы Ростовской области) из названных праздников.

В Дубовском районе Ростовской области, комплексы обрядности в котором относятся к среднедонскому типу, зафиксирована обрядовая трапеза на Евдокию и Алексея Теплого, а также ритуальное подбрасывание, качание именинников, провоцирующее приближение весны: *«Ну и Аликсею эту и уши дирут. Кто Аликсей. Или качают, дапустим. У мене есть там сын Аликсей — миня качают. А тебе первый долгам, если ты Аликсей, значица, тебе абизатильна будут качать <...>»* (Соб.: Это на каждого именины так или на Алексея?) *На Аликсея тока. Ну мы на работу бываит идём жсы, биз выхадных мы жсы работали, ни дивятае, никакое мая ни гуляим. У нас рабочий день жсы. Приходиш — а Аликсей там. Сёдня Тёплый Аликсей. Давай кацать иво. Иди пакунай»*³¹; *«Евдошка, есть такой празник. Ну проста чилавека звать Дуня, Йивдакия. Вот и называют тибя Евдошка. Ана чытырнацатава марта бываит. Аликсей тёплый. (Соб.: Это на именины собираются?) Не. Эта так. Как празник вроди. (Соб.: А стол не накрывают?) Ну если миня звать Йивдошка, я накрою стол там, пазаву сваих каво-та. (Соб.: То есть именины, получается?) Да так, Йивдошка, да и фсё. Ни иминины, а так. Как иё звать. Или пайдём-от на работу, а ана Йивдошка, начинаим качать иё. Ана пакунаит бутылку, угацать. (Соб.: Больше ни к каким другим именам такого внимания не было?) Аликсей ишо. Трицатава марта бываит Аликсей»*³²; *«О-о, то гулянье. Тёплый Алёшка, да. Эта дела сурьёзнае. Ну выпивали. Дорвуца, где Алёшу этава, и начинают: “Давай нам тупло, Алёша, давай нам тупло”. Ну туда-суда, бутылку за бутылкай и выпили и фсё. И гуляли. (Соб.: Собираются у того, кто Алексей?) Эта уже так от, как сабрались там мужыки и стаять. Ну Алёша, Алёшу качать, а я щас, гаварить, пайду принясу. А тут фтарой патходит, тут третий, и вот садяца, вот табе и Алёша»*³³. Аналогии обычая качать Евдокию находим в полесских материалах³⁴.

Наряду с мотивами, характерными для всего мартовского календаря, каждый из анализируемых праздников обеспечен самостоятельным комплексом примет и обрядовых действий.

В день памяти св. преподобномученицы **Евдокии** наблюдают за ветром: в Азовском районе Ростовской области считают, что какой ветер будет дуть на Евдошку (*верховка, низовка, горовой* или *полудёнка*), такой будет и всю весну. Примета о метели в этот день связана с персонификацией праздника: *«Гаварять: о-о, эта Евдошка, то снех пайдёт, типерь ана жсы щистотка там, митёт фсё с небушка»*³⁵. Мотив пробуждения природы актуализируется в достаточно позднем по возникновению предписании сажать комнатные цветы на Евдокию: *«Йивда-*

³¹ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. Информант Таёкин П. П.

³² ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. РО, Дубовский р-н, х. Кудинов, информант Куропятникова В. А., 1940 г. р., собиратель Власкина Т. Ю.

³³ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. РО, Дубовский р-н, х. Кудинов, информант Кариньков И. П., 1927 г. р., собиратель Власкина Н. А.

³⁴ Толстая, 2005, 96.

³⁵ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. Информант Плетнева Е. Г.

кия — эта содють, Йивдакия — цвяты содють вясною. На Йивдакию, скажуть. Эта тожы праздник, но он проста такой. На Йивдакию, скажуть, давайти цвятки сажать. Ф комнати, я имею в виду»³⁶; «А на эат, на Йивдошку, эта цвяты сажают ф комнати, ну и начинаица висна, эта уже висенний вроди праздник, и так ана называица: Йивдошка. Бываить: снех начинать таить, раньшы ж были снига-та балышы, начинаит снех таить»³⁷. Однако как таковые действия с растениями, приуроченные к этому дню, являются традиционными для белорусского (начинают высаживать капустную рассаду³⁸), черногорского (украшают ветками двери и окна), македонского календарей (ветки прикрепляют к изголовью постелей³⁹).

Начало весны маркирует и активизация животных: на Среднем Дону системно фиксируется примета о появлении сусликов в Евдокиин день: «Вот первый праздник паста у нас называлась Йивдакия. На эат день суслики вылазиють»⁴⁰; «Евдакия в марті, Евдакия — эта суслики вылазиють ис сваих нор, первый висений праздник»⁴¹; «Йивдакия — праздник эта тожы. Бывала, приду, суслики у нас раньшы гаварили. Суслики на ниво вылазиють. Сняшкі — знаши, уж бугарки, снех патаить. Я, бывала, приду к папи с мамай, а у ниво, у папи мама была старушка, баба Дуня звать, а я приду: “Ну, с празникам вас!” А ана: “Ага, мой праздник да сусліный”. Суслики вылазять на эат день. А бывала и правда. Вот снех ляжыть, кургашык щуть голый, он вылизить и сидить суслик на нём. На Йивдакию. Да, фсё, он уже да этава ляжал, большы йисть иму нечива, он вылазить. Йивдакия, да, щитырнацтава марта, ана фсида тожы ф щисле»⁴².

День **Сорока севасти́йских мучеников** практически повсеместно сохранился в памяти информантов как время выпекания обрядового печенья — жаворонков (*жа́воро́нки*, *жаворо́ночки*, *гу́льки*, *пику́льки*, *пляту́шки*). Оно готовится чаще из пресного теста (поскольку праздник приходится на период Великого поста), варьируется по форме: выпекается в виде жгута, завязанного узлом (Азовский район); крестика из двух полосок теста, которому придают форму птички, заворачивая концы горизонтальной полоски поверх вертикальной (Дубовский, Котельниковский, Михайловский, Морозовский районы), раскатанного кружка теста, надрезая который, вылепливали головку, крылышки и хвостик (Иловлинский, Котельниковский, Константиновский, Кумылженский, Даниловский районы), птички, вылепленной из цельного куска теста (Чернышковский район), с крылышками — кусочками теста, которые с боков прикрепляются к основной фигурке (Котельниковский, Тарасовский районы). Дальнейшие манипуляции с обрядовой выпечкой зависели от символического значения, приписываемого празднику.

В районах Волгоградской области он устойчиво связан с мотивами начала весны, прилета птиц. Сам праздник может получать название *сорок птиц* (Да-

³⁶ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. ВО, Кумылженский р-н, ст. Скуришенская, информант Мухова П. Н., 1920 г. р., собиратели Архипенко Н. А., Власкина Н. А.

³⁷ ПМДЭЭ ЮФУ — ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2011. ВО, Чернышковский р-н, х. Волоцкий, информант Морозова М. В., 1932 г. р., собиратель Тупогузова М. Э.

³⁸ Кабакова 1999, 173.

³⁹ Кабакова 1999, 172.

⁴⁰ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Чиков М. Ф.

⁴¹ ПМДЭ РГУ 1998. Информант Плешакова С. Ф.

⁴² ПМДЭЭ ЮФУ — ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2011. Информант Крапивина С. Ф.

ниловский район); *сорок птиц прилетит* (Фроловский, Кумылженский районы, единично — Обливский район Ростовской области). «Ну эта прилетают сорок птиц. На Сораки прилетают сорок птиц с тёплых краёв. Ани и улетают на зиму. А потом возвращаются. И вот Сораки. Сорок птиц»⁴³; «(Соб.: Почему сорок птиц?) Кто иво знает, говорят, шо сорок птиц прилетит, тада уже вроде как вясна начинаица. Вот чё. Тада уи вроде как вясна начинаица. Сорок птиц када прилетит. Вот такии, дочка, дяла. Сораки, сорок птиц, эта ани када, 22 марта»⁴⁴; «Эта кагда птицы прилетали, мама фсигда пикла, я ни пикла, а мама фсигда пикла на Сораки. Сорок штук. Паэтому и называются Сороки. Раздавали и ели их. Птицы прилетели, жаворонки, но жаворонков не видали, а скварцы прилетали»⁴⁵; «Сораки, да. Эта самое эта Сораки — эта сорок птичик прилетают»⁴⁶.

На этой же территории зафиксировано несколько вариантов закличек, обращенных к жаворонкам⁴⁷, мотивы которых характерны для южнорусского и среднерусского ареалов⁴⁸: «Мы с ними лазили па сараям, бярем и шумим: “Жаваронушки, маи матушки, / Прилетити к нам, / Принасити нам / Красну вёснушку, / Нам зима надаела, / Весь хлеп паела, / Канани папрями, / Грябни паламали”. Эта так мы пригаваривали этим жаваронкам»⁴⁹; «Жаваронак-жаваронак, прилети, / Вёсну красну приноси. / Зима надаела, / Весь хлеп паела»⁵⁰; «“Жавароначка, прилетити к нам, / Принасити нам вясну теплую, / Вясну теплую, лета красная, / Зима надаела, весь хлеп паела”. А потом съядали их. А то чё и»⁵¹; «“Жаваронки-кулики, / Принасити нам муки. / Зима надаела, / Весь хлеп паела”, — и вот кидати эту жаваронку иё, на катух. Жаваронки-кулики, принасити нам муки. Эта вот мы делали»⁵².

Птичья символика, актуализированная в названии праздника и обрядовой поэзии, получает реализацию и на акциональном уровне: в названных районах жа-

⁴³ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН. Информант Чумакова А. Я.

⁴⁴ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. ВО, Даниловский р-н, х. Горин, информант Горина К. Ф., 1929 г. р., собиратели Власкина Н. А., Карпун М. А.

⁴⁵ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2008. ВО, Урюпинский р-н, х. Бубновский, информант Михюлкина Г. Л., 1944 г. р., собиратель Власкина Н. А.

⁴⁶ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Мухова П. Н.

⁴⁷ На сегодняшний день в архиве автора статьи имеется единичная фиксация свидетельства о выпекании жаворонков и исполнении заклички в день св. Евдокии (Урюпинский район Волгоградской области): «Жаваранки мама пикла на Йивдокию. Напичёт мама жаваранак, вот как птйшышки с теста. Значить, тут галовушка, вот так вот теста зделать крест-накрест, и так раздавить, раздавить теста, и нажом вот так вот, как пёрышки. Так носик жы зделать, и хвостик таг жы, и вот даёть ана нам па этой жаваранки: “Идети, дети, кидайти жаваранки”. Ну мы вверх их паткидываем и ловим жы назат: “Жаваранка, жаваранка, / Лити в неба, зави висну с сабой. / Нам зима надаела, фсё сена паела”. Значить: “Висна красна, — кличим мы, — / На чём пришла? / На сошачки, на бароначки, / На кнутику, на хамутику”. Раньшы ш на лашыдях да на быках сеили, и пахали, и баранили. И вот так нас, значить, мама с этими жаваранками пасылала, шоп мы кидали эти жаваранки и зиму праважали, а вёсну звали к себе» (ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2008. Информант Михюлкина Г. Л.).

⁴⁸ Агапкина, 2000, 311.

⁴⁹ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Чумакова А. Я.

⁵⁰ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. ВО, Даниловский р-н, х. Заполянский, информант Попова Т. М., ок. 1940 г. р., собиратель Власкина Н. А.

⁵¹ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. ВО, Даниловский р-н, ст. Сергиевская, информант Кузнецова Ф. А., 1915 г. р., собиратель Косырева Е. А.

⁵² ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Горина К. Ф.

воронков кидают с крыши, кладут на крышу, чтобы птички съели. Эти действия Т.А. Агапкина⁵³ относит к типу ритуального кормления птиц-душ, А.Б. Страхов — к типу ритуального обмена с птицами — душами предков, возвращающимися из вырия⁵⁴. Съедание жаворонков может иметь продуцирующее значение (с ними поют заклички в местах содержания скотины) или прогностическое (в один из жаворонков запекают монетку, нашедший его считается счастливым). Последнее действие имеет более широкое распространение и фиксируется также в Чертковском районе Ростовской области, в нескольких районах по Среднему Дону.

В районах, территории которых ранее составляли 1-й Донской округ Области войска Донского, характеризующихся более высокой сохранностью комплекса традиционной культуры, в действиях с жаворонками мотив ритуального кормления сочетается с заботой о предстоящем урожае, причем связь эта наблюдается тем регулярнее, чем раньше время записи текста: *«А раньшы пирид, ф поли выижжяють сеить, и вод бирут эту жаваранку и закапывают в землю. Аставляют, да, и закапывают в землю. Ну как уражай. Хлеп шоп рос, был, урадила»*⁵⁵; *«У поли первый рас выхадил, выижжаим жа, с ыконами, Богу памолимси. И жаваранацкаф пикли. Кладуть ету жаваранацку у поли пирид работай, штоп лучшы работать было»*⁵⁶; *«Батюшку брали, малебин служыли и начинали пасеф. (Соб.: А брали с собой жаворонков?) Брали, брали. Ис теста. Птицы кидали, птицу кармили ими»*⁵⁷; *«Эта бабушка пикёт жаваранки. Хлеба напикёт, хорошый был хлеп. И жаваранкау пикуть, хто две-три. И тут жы и хахольщики зделая, и вроди и крылушки с теста, приижжаим, нацинаим пахатъ перваю бóразду. Становить дедушка жаваранку, прайдём жы, и вот на пахату становять, а дальше иде ана дивацца — птички съидають»*⁵⁸.

Тексты о действиях этого типа эпизодически встречаются и в других районах: *«Есть празник Саракамучиники. Сорак свитых, сорак мучиникаф. Сораки. Пикуть жаваранки. Мисили теста, зделали жаваранак. Ложат у хлеп. Хлеп пикуть, и жаваронак этат пикли. Крылышки и такжсы приделали. Ложут у зирно. Кагда у поле выижжяють, бирут вот этат жаваронак. Его и там разлажывали, штоп птички кливали, на палям разнасили, штоб был уражай»*⁵⁹; *«Есть такой празник висною, как тока выийжжяють у поли баранить, бабы делают жаваранка эта называют, с теста. Калачикам зделают, крылушки. Када выийдуть у поли, атец бирёт йиё, кладёт, складывать у карман, а сам мишок — раньшы сеялак ни було, рукою рассивали. Ишо ни баранили, а уже рассивались. Мишок вешаить, сколько сможыть он удиржать, идёт атец и сеить <...> Он <отец> посеить, жаваранак где-та пасодить на пайки, начинать*

⁵³ Агапкина 2000, 249.

⁵⁴ Страхов 1991, 105.

⁵⁵ ПМДЭЭ ЮНЦ РАН 2009. Информант Куропятникова В. А.

⁵⁶ ПМДЭ РГУ 1999. РО, Константиновский р-н, х. Крюков, информант Виноградова З.В., 1923 г. р., собиратель Смородина Н.

⁵⁷ ПМДЭ РГУ 2001. РО, Усть-Донецкий р-н, ст. Раздорская, информант Каганова Е. Ф., 1910 г. р., собиратель Карпенко О.

⁵⁸ ПМ Б.Н. Проценко 1985. РО, Усть-Донецкий р-н, ст. Мелиховская, информант Яковлева Е. А., 1912 г. р.

⁵⁹ ПМДЭ РГУ 2003. РО, Тарасовский р-н, ст. Митякинская, информант Щурова В. Г., 1937 г. р.

валачить. Барана-валок, а в ниво диривянныи палки. Патом эти палки часта ламаюца. Зделали жылезныи. Валок был диривянный, а стянутый валок жылезам. Давалачиваить да этава жаваранка: “Папа! Папа! Што эта такое?” — “А эта, сыночик, жаваранка”. Ну, такой радый: “А чё он делает?” — “Да, бири — еш, ламай и еш”. Жаваранак тока на баранавани»⁶⁰. Редкие фиксации данной обрядовой практики позволяют предположить, что использование жаворонков в начале сельскохозяйственных работ было распространено на достаточно обширной территории, но с началом коллективизации утратилось и к настоящему времени вымылось из памяти информантов.

На юге региона — в Азовском районе Ростовской области — системно фиксируется поминальная прагматика праздника: жаворонки предписывается раздавать в память о сорока мучениках: «Ну, как щитають, паминають тех сорок мученикав детей. Щитають, што дети, я ни магу утвирждать, патаму шта я сама этава ни читала, сорок детей где-та были разорваны зверьми в лису, и вот их фсе паминают. Сорок мученикав их назвали. И вот эта пикут, пикли раньшы»⁶¹; «Сорок свитых. У мене внук радился на сорок свитых. Пикли сорок, мене гаварить: “Мария, пики сорок”. Я вот пикла жавараначки и любому нисла. А сница мене сон. Сидить и плачить ангил. А чё ты плачии? А мене ни асталась жавараначка. Ана гаварить, с тех пор начила печь сорок. Хочь малинькии. Ана мене паучала, мама рана умирла. А тибе гаварю, хочь малинькии, бываить такой празничик, сафпадають выхадныи. Напику, каму атнисём, аны мне приносят. Их нада разнасить, ну ни фсе, но саседям, каму три, каму чытыри, каму как. А ани нам носят. Сорок свитых»⁶². Сосредоточение поминальных мотивов вокруг дня Сорока мучеников Т.А. Агапкина⁶³ объясняет «особой сакральностью числа сорок и его ролью в обычаях, относящихся к области смерти». Как таковая задача жаворонков соседям, родственникам, детям фиксируется на территории бывшей Области войска Донского достаточно широко, но лишь локально обоснование этого обычая принимает формульный характер. Возможно, это связано с отсутствием полеводства как типа занятий в ряде населенных пунктов дельты Дона, как следствие, продуцирующая символика праздника теряет актуальность и на первый план выходит символика поминальная.

Семантика числа 40 актуализируется также в приметах праздника (мороз в этот день предвещает впоследствии еще сорок морозов (Дубовский, Зимовниковский, Красносулинский, Чернышковский районы)); в меморатах, повествующих о наказании за непочтение к празднику: «И доить, и слякать, и у нас вот эти казаки были на том хутари, вот рядом, и бывала приижяли сюда абизатильна, а здесь уже помесь была. И вот устраивали празники, начинали сначала, тада ш ни пили так, как типерь пьют. Па капильки выпьют и начинают барьбу. Бароца начинают. Вот боряца, боряца, патом начинают драца, ну уже биз нажей, никада ни палки, ни нажи — кулаком, хто сильнее, папиридрались, пабились, а

⁶⁰ ПМ Б.Н. Проценко 1991. РО, Тацинский р-н, сл. Скосырская, информант Кравцов А. М., 1908 г. р.

⁶¹ ПМДЭ РГУ 2003. РО, Азовский р-н, х. Казачий Ерик, информант Беспалова Т. И., 1925 г. р., собиратели Власкина Н. А., Шестак С. А.

⁶² ПМДЭ РГУ 2003. РО, Азовский р-н, х. Донской, информант Заруцкая М. А., 1923 г. р., собиратели Власкина Н. А., Шестак С. А.

⁶³ Агапкина 2000, 256.

пато́м начина́ють мирава́ния и пью́ть. А прии́жсяю́ть на ла́шадах. И вот а́дин прие́хал, нахрю́кался как па́расёна́к — э́та я по́мню, ма́мка мне ра́сказы́вала, а́га. И е́хать у́же да́мой. А он па́даи́дет, как са́рдэ́лька, ма́каро́нка, да ка́ня — ка́жы за́лесть, ни за́лезить, пры́гнуть на си́дло и упа́л, ни за́лезить и фсе. Ну ха́дил, ха́дил ва́крух ка́ня: “Да со́рак свя́тых, да со́рак му́ченика́ф, да па́маги́ти ра́ди Хри́ста на э́тава за́разу взле́сть!” А ра́згана́ица, каа́аак си́ганул! И на ту сто́рану упа́л ка́ня! Фстае́ть: “Аа́ааа, ма́ть ва́шу та́к, што́ вы, ду́раки, фсе со́рак па́тхвата́ли! Я пра́сил, што́п ф си́дло ки́нули, а вы пи́рики́нули чи́рис си́дло, фсе со́рак па́тхвата́ли!” И пра́знава́ли вот та́кии э́ти»⁶⁴.

Значимость числа в названии праздника подтверждается возможностью перемещения на него смыслового акцента: «А́стани́ца со́рак дне́й да Па́схи, жа́варо́нки пя́кли»⁶⁵ — информант преклонного возраста (на момент записи бабушке было 94 года) переводит праздник в разряд подвижных, сохраняя, однако, ассоциацию с числом 40.

Доминанта символического осмысления дня памяти святого **Алексея, человека Божьего** (Тёплый Алексей, Алёшка, Алёша, Алексей с гор потоки, Алексей Божий человек с гор потоки) — это связь праздника с таянием снегов, сходом воды, приходом весны: «З го́р па́токи. Ну э́нта А́ликсей три́цата́ва ма́рта. А́ликсей з го́р па́токи. На А́ликсе́я — э́нта про́ста пра́зник. Ну фсе́да х́то па́гуля́ить, а х́то. (Соб.: Почему он так называется: с гор потоки?) Ну па́таму́ ш́та у́же з го́р па́токи, у́же с́нех та́ить, з го́р иде́ть, с́нех та́ить, иде́ть ру́чьи, и вот з го́р па́токи. А́ликсей. Э́та три́цата́ва ма́рта. Он фсе́да ф чи́сле»⁶⁶; «На А́лёшку то́жы при́мета бы́ла. Э́та то́жы, е́сли, га́варя́ть, те́плава А́лёшку да́ждёмся, вот те́плый А́лёшка ти́пла при́нисе́ть. То у́же па́шла ви́сна. У́же ни бу́дить хо́лодна. Па́том с́разу бы́ли ре́зка ти́пло, ва́да шу́мить. Та́м на кра́ю, та́м гу́дя́ть э́ти ба́лки, бы́вала, фсе́ на пу́ти с́носите́, где ка́кая ка́пну́шка, ски́рду́шка — фсе́ в ба́лку с́ни́се́ть — гу́дите́ па́лаво́дье. Вы́йди́шь — та́кая кра́сата, шу́мить кру́гом. Пру́т — а́дно ди́журя́ть, што́п ни ра́зарва́ло, пла́тину на́правля́ю́ть, што́п ва́да во́время в а́твод па́шла, ли́ба ра́зарве́ть»⁶⁷.

Птичьи мотивы характерны не только для дня Сорока мучеников, но и для дня св. Алексея: дети делают уточек из куги и пускают их по воде (Кумылженский район). Этот день воспринимался и как время пробуждения земли: в Иловлинском районе отмечали, что на А́лёшу Бо́жьего че́ловека из ку́рганчи́ков па́р иде́т; а в Чернышковском районе к празднику могла быть приурочена посадка картофеля на огороде.

Подведем некоторые итоги. Анализ материалов по ранневесенней обрядности, зафиксированных в разное время на территории проживания донских казаков, показывает, что дни почитания святых Евдокии, Сорока мучеников, Алексея Божьего человека являются важными компонентами структуры донского календаря, призванными маркировать начало весны, оживление природы: таяние снегов, пробуждение земли, прилет птиц, активизацию животных, начало нового цикла сельскохозяйственных работ. Однако, несмотря на достаточно высокую прорабо-

⁶⁴ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информанты Гречкина А. Е., Шульгина М. Д.

⁶⁵ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Кузнецова Ф. А.

⁶⁶ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информант Черкасова А. П.

⁶⁷ ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН 2009. Информанты Гречкина А. Е., Шульгина М. Д.

танность мартовского календаря в донской традиции, необходимо констатировать разную сохранность и актуальность для информантов его элементов — как правило, большая часть свидетельств о рассматриваемом отрезке календаря касается дня Сорока мучеников, что закономерно, поскольку с этим днем связано устойчивое ритуальное действие (выпечка обрядового печенья), которое придает празднику статус события.

Совпадая в целом с общеславянским символическим осмыслением ранневесеннего цикла, рассмотренный праздничный комплекс обладает на территории бывшей ОВД и своей спецификой. Из-за более теплого климата, чем на метропольных территориях, к Сретенью оказались приурочены приметы, связанные с наступлением весны. Обладает своеобразием сам перечень праздников, составляющих ранневесенний комплекс. Отдельные представления и ритуальные практики имеют собственные ареалы в пределах одного или нескольких микрорегионов. Среди них: обрядовая трапеза и качание именинника в дни Евдокии и Алексея в Дубовском районе, тексты о наказании инородцев в Морозовском, бытование закличек в Даниловском районе и акцентированная поминальная символика дня Сорока мучеников в Азовском. В целом можно сделать вывод об обусловленности варьирования представлений и ритуальных практик, приуроченных к ранневесенним праздникам, ландшафтными и погодными особенностями микрорегионов, типами хозяйствования и разнообразием сочетаний этноконфессиональных групп на каждой из историко-культурных территорий в пределах Области войска Донского.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина Т. А.* 1995: Весна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Н. И. Толстой (ред.). Т. 1. А–Г. М., 348–352.
- Агапкина Т. А.* 2000: Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.
- Агапкина Т. А.* 2002: Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.
- Бондарь Н. И.* 2003: Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар.
- Гнутова Л. И., Проценко Б. Н.* 2004: К изучению донской календарной обрядности: празднование Нового года // Традиционная культура. 4, 48–53.
- Добровольская В. Е.* 2008: Народный календарь // Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2 т. / А. С. Каргин (ред.). Т. 1. М., 45–80.
- Добровольская В. Е., Киселева Ю. М.* 2004: Праздники // Традиционная культура Гороховецкого края: в 2 т. / А. С. Каргин (ред.). Т. 1. М., 33–61.
- Иванов П. В.* 1907: Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. XVII сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков.
- Кабакова Г. И.* 1999: Евдокия // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Н. И. Толстой (ред.). Т. 2. Д–К. М., 172–173.
- Корепова К. Е.* 2009: Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.
- Крылов А.* 1876: Святки // Донские областные ведомости. Неофициальная часть, 14.

- Масленица 1876: Масленица // Донские областные ведомости. Неофициальная часть, 20.
- Махрачева Т. В.* 2008: Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект).
- Новак Л. А., Фрадкина Н. Г.* 1979: Обряды и праздники донских казаков. Из истории // Обряды и праздники на Дону. Очерки, статьи, рекомендации. Ростов-на-Дону, 7–38.
- Пономарев С.* 1876: Луганская станица. Этнографический очерк // Донские областные ведомости. Неофициальная часть, 50.
- Проценко Б. Н.* 1995: Донской обряд плодородия: своеобразие и традиции // Этнографическое обозрение. 1, 45–52.
- Рыблова М. А.* 2009: Весенние праздники у донских казаков в XIX — начале XX в.: половозрастной аспект // ПИФК. 1, 414–438.
- Соколова В. К.* 1979: Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.
- Страхов А. Б.* 1991: Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Мюнхен.
- Толстая С. М.* 1997: Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир / И. И. Свирида (ред.). М., 62–79.
- Толстая С. М.* 2005: Полесский народный календарь. М.
- Харузин* 1885: Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. М.
- Чичеров В. И.* 1957: Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. Очерки по истории народных верований. М.

EARLY-SPRING HOLIDAYS OF THE DON COSSACKS: THE ISSUE OF TERRITORIAL CALENDAR RITES VARIATION

N. A. Vlaskina

The article deals with the analysis of the data on early-spring rites recorded at various times in the Don Cossacks residence territory. The research shows that the days of honoring St. Eudocia, Sts. Forty Martyrs at Sebaste, St. Alexius are important components of the structure of the Don calendar to mark the beginning of spring, nature revival (thawing of snow, earth awakening, birds arrival, activation of animals, the beginning of a new cycle of agricultural works). Given the holiday complex under study on the whole agrees with Slavic symbolical understanding of the early-spring cycle, it possesses specific features in the territory of the former Don Cossacks Host. The author infers that variation of early-spring holiday rituals and celebrations depended on micro-region specific landscape and weather features, types of economic management and combinations of various ethno-confessional groups in each historical and cultural territory within the scope of the Don Cossacks Host Area.

Key words: calendar rites, early-spring holidays, Don Cossacks, regional variant

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ СТАНИЦЫ РАЗДОРСКОЙ*

Статья посвящена мониторингу состояния традиции в рамках конкретной историко-культурной территории на примере станицы Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области. В качестве объекта исследования выступают фрагменты традиционной обрядности (празднование свадьбы и Троицы), анализируемые на нескольких хронологических этапах. Материалом для исследования послужили полевые данные разных лет, собранные в исследуемой историко-культурной территории.

Ключевые слова: традиционная культура, трансформация, донские казаки, свадебный обряд, Троица

Современное состояние обрядовой культуры донских казаков представляет собой тесное переплетение традиций и инноваций. Процессы взаимодействия этих двух форм неоднократно становились объектом этнографических исследований. Актуальность проблемы соотношения традиционного наследия и новых форм в народной культуре объясняется тем, что в настоящее время традиция переживает новый этап своего исторического развития: одна часть ее архаических форм претерпевает значительную трансформацию, другая — утрачивается, заменяется новыми элементами обрядности. Вместе с тем, современный человек «как никогда обостренно начинает понимать ценность и высокую миссию традиционной культуры. Пытается спасти ее для себя и будущих поколений. Традиционная культура ищет свое место в изменяющемся мире. Это противоречие и составляет ядро современного развития традиционной культуры»¹.

Данная статья посвящена мониторингу состояния традиции конкретной историко-культурной территории — станицы Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области, то есть исследованию традиционной обрядности конкретного населенного пункта на нескольких хронологических этапах. Обращаясь к изучению обрядовой культуры станицы Раздорской, мы выделяем две формы ее существования: традиционную, относящуюся к концу XIX — середине XX вв., и современную — конец XX — начало XXI вв. Эти формы отличаются друг от друга по количественному составу обрядовых действий, их структуре, содержанию и происхождению элементов обряда, составу участников, песенному репертуару.

Выбранный нами для исследования населенный пункт — нижнедонская² станица, в прошлом входившая в Первый Донской округ Области войска Донского

Попова Наталья Сергеевна — младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. E-mail: popova-n-s@yandex.ru

* Статья написана в рамках проекта «Этнолингвистический словарь донского казачества» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез»

¹ Каргин 2008, 55–56.

² Многие ученые разделяют территорию бывшей Области войска Донского на Верхний Дон (по Хопру до Среднего Дона) и Нижний (от ст. Раздорской и южнее). Уже на ранних стадиях заселения донской земли обозначились основные отличия «верховых» и «низовых» казаков: начиная с

(ОВД), считается первой столицей донского казачества. Время образования городка Раздоры исследователи относят к середине XVI — первой половине XVII вв.

Основной источниковой базой для данной работы послужили неопубликованные материалы из личного архива автора статьи, а также сотрудника Раздорского этнографического музея-заповедника А. Д. Поповой. Кроме того, привлекались полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций РГУ и ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Из опубликованных источников были использованы материалы «Большого толкового словаря донского казачества»³.

Процессы трансформации, связанные со значительными изменениями в религиозной, хозяйственной, социальной и культурной жизни, затрагивают разные уровни обрядности донских казаков. В данном исследовании мы рассмотрим фрагменты семейной и календарной обрядности станицы Раздорской, в частности, празднование свадьбы и Троицы. Они до сих пор играют значительную роль в жизни станицы. Диахронический анализ этих двух показательных обрядов позволит составить представление об основных процессах трансформации в традиции рассматриваемой территории.

Вопросы развития, возрождения тех или иных фрагментов традиционной культуры находятся в центре внимания работ многих современных этнографов и фольклористов. Так, к примеру, А. С. Каргин указывает на существование следующего противоречия: с одной стороны, архаичные формы традиционной культуры благодаря процессам модернизации оказываются отчужденными, невостребованными, с другой стороны, происходит осознание ценности традиционной культуры⁴. Эти процессы мы наблюдаем и на материале, собранном в рассматриваемом нами населенном пункте — станице Раздорской.

Обратимся к рассмотрению одного из фрагментов календарной обрядности — Троице. В современное время в этом празднике можно выделить как традиционные, так и вторичные элементы культуры. К сохранившимся традиционным формам стоит отнести следующие:

1) подготовку троичкой зелени.

Основу традиционного народного праздника составляет культ растительности: все обрядовые действия связаны с зеленью, которая в это время начинает расцветать. К празднику заранее собирается необходимая растительность: травы (к примеру, чабрец, пырей, ковыль), полевые цветы и ветки деревьев (клена, акации, дуба). Предпочтение отдается веткам, имеющим форму «троицы», то есть три ответвления. А из пород троичким деревом считается дуб: *«Чабрец устилают. Веточки в эту встречают по-над домом. И спицальное есть дерево троица, дуб, троичкое дерево»*⁵. *«Мы ходили в пятницу, чебурок. И есть специальное дерево — троица. Просто любое дерево, ломать веточки, встречать под Троицу. По-старому это троица или троичкое дерево, не дуб, не берёза, нищего это, а просто дерево, знаете, похоже чтоб на троицу було. [Формой похоже?] Да, да»*⁶.

особенностей говора, комплексов одежды, традиционной обрядовой культуры и заканчивая чертами характера.

³ БТСДК 2003.

⁴ Каргин 2008, 55–56.

⁵ Каганова Евдокия Фёдоровна, 1910 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. О. Карпенко в 2001 г.

⁶ Бударина Мария Кирилловна, 1924 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Н. Подковальникова в 2001 г.

«До Троицы это вот обязательно накануне Троицы шли вот с Забалки, по бу-грам в степь и приносили охапки цветов»⁷. «А раньше шли когда с Каныгина. Мы же нарываем цветов — вот горошек, бессмертник и еще как ёлочка вот такая»⁸;

2) украшение жилищ, дворов, храма.

Зеленью украшают все жилое пространство: в доме усыпают пол, подоконники и любые другие поверхности мебели, букеты втыкают перед входом в жилище и во двор: *«Веточки в эту встречают по-над домом, украшают калитку. Идешь по приступкам, там встрекнуты, это Троица»⁹. И украшали при входе в дом — букеты привязывали, зеленью украшали, и обязательно в комнатах, чабрецом. Прямо посыпали на чистый мытый пол, деревянный пол»¹⁰;*

3) церковную службу.

Второй день Троицы — воскресенье — начинается со службы в церкви. Прихожане приносят с собой собранную накануне зелень для украшения храма. Во время службы девочки и женщины плетут веночки и надевают их на голову: *«У нас плели веночки, прямо в церкви. Обязательно, травы там, цветы были. И ба-тюшка читает, и мы плели веночки со цветочков. Все с букетами в церковь на Троицу»¹¹. «А в церкви в воскресенье делают дорожку прямо с цветов, с этих вот. Красиво! Служба идет, становятся на колени, а на полу полно ж чебурок. А цветов вот таких вот было, особенно эти ёлочки, всякие там цветочки были, роз много. Устилали дорожку к налою. Становились на коленки и скорей давай веночки. И надевали на голову. Идет служба, и так выходили, с этими веночками»¹²;*

4) плетение и бросание венков в реку.

В Раздорской после церковной службы все отправляются к Дону, девушки и женщины бросают в реку Дон плетеные веночки. Тем самым осуществляется гадание молодых девушек на замужество, а женщин — на судьбу. На берегу проводятся культурные мероприятия со сценическим действием и ярмаркой, устраиваются скачки, проводятся игры, исполняются песни: *«У нас было по-над Доном когда-то Троица, и Троицкий праздник праздновали, и скачка была, и там всяко праздновали»¹³. «Потом, когда заканчивается служба, все деушки шли за станицу. И вот туда деушки шли, как раз там называется у нас «колено». Оно так идет, потом раз заворачивает, как колено. И вот приходили девочки на колено, а там яры. И с яров бросали веночки свои. А ребята прямо в одежде ныряли и ловили. Чей веночек поймает, та его невеста»¹⁴. «А раньше за Красный Яр, за станицей. И вода близко подходила, и дорожка, тропинка была. А яр такой крутой был,*

⁷ Волобуева Надежда Александровна, 1932 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Е. Муштенко в 2001 г.

⁸ Качалина Валентина Васильевна, 1935 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Е. Муштенко, Н. Власкина, С. Шестак в 2001 г.

⁹ Каганова Евдокия Фёдоровна, 1910 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. О. Карпенко в 2001 г.

¹⁰ Волобуева Надежда Александровна, 1932 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Е. Муштенко в 2001 г.

¹¹ Богучарская Евдокия Яковлевна, 1923 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Н. Власкина, С. Шестак в 2001 г.

¹² Качалина Валентина Васильевна, 1935 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Е. Муштенко, Н. Власкина, С. Шестак в 2001 г.

¹³ Каганова Евдокия Фёдоровна, 1910 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. О. Карпенко в 2001 г.

¹⁴ Богучарская Евдокия Яковлевна, 1923 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Н. Власкина, С. Шестак в 2001 г.

и вот прямо веночки бросали в Дон. Да, бабушки — и мы же свои. И детей много ходило тоже. И мы их бросали, и бежим до места, где ближе они. И: «Ой-ой-ой, мой вон! Мой вперед мечить, значит, быстрее замуж выйдешь». Другой: «А мой потонул, значит, ты ни это, тебе не скоро». И бабки идут тоже свои веночки. А потом собирались после и пели песни троецкие — «А веселая да беседашка да настала»¹⁵;

5) обрядовую трапезу.

Традиционно на третий день Троицы в станице поминали умерших — ходили на кладбище, украшали могилы цветами и зеленью. В этот день на острове Поречный (на левом берегу Дона) совершалась служба по погибшим казакам, после этого устраивалась обрядовая трапеза — жарили яичницу: «На третий день Троицы раньше такой закон был, что яичницу жарить на ту сторону Дона»¹⁶. В современном праздновании сохраняется лишь приготовление яичницы во время воскресного культурного мероприятия.

Перейдем к рассмотрению вторичных элементов современной Троицы. Во-первых, к ним относится использование театрализованной формы проведения праздника, а именно — постановочного действия на сцене. Главным персонажем культурного мероприятия является нехарактерный для данной традиционной культуры Семик, который имеет распространение на территории центральной части России. Такое заимствование можно объяснить подготовкой сценария для праздника с использованием обобщенных сведений о Троице без учета местных традиций.

Во-вторых, репертуар песен на культурно-массовом мероприятии. Так, помимо троецких исполняются гулебно-плясовые, шуточно-игровые, военно-бытовые («Скакал казак через долину», «У меня-то муженек», «Из-за леса копии мечей» и др.) и авторские песни.

В-третьих, новым для данной территории является разжигание костра и перепрыгивание через него во время троецкого гулянья. По-видимому, костер в современном представлении фигурирует как неотъемлемая часть народного праздника весенне-летнего цикла (так, разжигание костра встречается на станичных масленичных гуляниях).

Таким образом, в праздновании Троицы произошел целый ряд трансформационных процессов: прежде всего, редукция традиционно-народной составляющей; появление новых, заимствованных из культур других территорий элементов обрядности: к примеру, персонаж Семик, разжигание костров. К исчезнувшим обрядам можно отнести поминание погибших казаков, проводившееся на 3-й день Троицы на острове Поречном, а обрядовая трапеза современного праздника происходит во второй день, а не на третий, как ранее.

Перейдем к рассмотрению одного из фрагментов семейной обрядности — свадьбе в станице Раздорской. Исследователи Б. Н. Проценко¹⁷, О. Литвиненко¹⁸ и др., занимающиеся изучением донского свадебного обряда, выделяют в нем трёх-

¹⁵ Качалина Валентина Васильевна, 1935 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Е. Муштенко, Н. Власкина, С. Шестаков в 2001 г.

¹⁶ Бударина Мария Кирилловна, 1924 г.р., ст. Раздорская, У.-Д. р-н РО, зап. Н. Подковальникова в 2001 г.

¹⁷ Проценко 2004.

¹⁸ Литвиненко 1997.

частную структуру. Вслед за ними мы в традиционной раздорской свадьбе выделяем: *предсвадебье, день свадьбы, послесвадебье*. По сравнению с традиционным, современный свадебный обряд значительно редуцирован, кроме того, в нем наблюдаются существенные трансформационные процессы. Поэтому в современной свадьбе можно выделить два этапа: *предсвадебный* и *свадебный*. Структуру современной свадьбы можно представить следующим образом:

1. Предсвадебный этап:

— *Сватовство*. В современной свадьбе сватовство является первым фрагментом предсвадебного этапа. Оно в целом сохраняет основные традиционные особенности обряда. В дом невесты приезжают самые близкие родственники жениха, при входе в дом происходит разговор в шуточно-игровой форме, при этом употребляются традиционные устойчивые фразы, выражения: *У вас — товар, у нас — купец; горлица, голубь, лебедь белая* и др. Обязательным условием сватовства остается накрывание на стол стороной жениха. Родители невесты готовят *каравай* (в традиционной свадьбе — *встречник*), который отдается будущим сватам. Сохранным остается поведение молодых: жениху дают разного рода задания, в шуточной форме проверяются его умственные и физические способности; невеста, которая во время испытаний находилась в другой комнате, выходит к жениху, и сваха перевязывает им рушником руки. Это обрядовое действие символизирует скрепление, соединение молодых¹⁹. Жених дарит кольцо невесте. Родственники договариваются о дате свадьбы. После этого дня девушка считается просватанной.

— *Смотрины*. Под свадебным обрядом *смотрины* понимается визит родственников невесты в дом жениха с целью обсуждения подробностей проведения свадьбы. В традиционной свадьбе для этих мероприятий отводилось два обрядовых действия — *оглядины/ смотр печей* (визит родственников невесты в дом жениха с целью осмотра его подворья и достатка) и *сговор* (обсуждение деталей проведения свадьбы). Таким образом, изменилась содержательная сторона данного свадебного обряда.

— *Девичник/мальчишник*. Традиционно девичник отмечался накануне свадьбы. Невесте *по-бабичьи* повязывался платок на голову, подружки пели грустные песни, помогали в последних приготовлениях к свадьбе. В современное время девичник проводят примерно за неделю до дня свадьбы. Сохраняется сам факт посещения подруг. Мальчишники в традиционной свадьбе не проводились. В современном обряде он аналогичен девичнику: жених устраивает вечер для своих близких друзей.

2. Свадебный этап. Современную казачью свадьбу обычно отмечают два дня — в доме жениха или невесты. Традиционная свадьба длилась три дня: первый и третий праздновали у жениха, второй — у невесты.

А) первый день свадьбы. К наиболее устойчивым и сохранным стоит отнести следующие обрядовые действия:

— одевание невесты: как правило, помогают наряжаться близкие подружки. Важным остается желание уберечь невесту от сглаза и порчи. Для этого в подол платья прикрепляются булавки или иголки.

¹⁹ Валенцова 2012, 360.

— родительское благословение: родители благословляют дочь семейной иконой, которая потом дарится молодым.

— выкуп невесты: сидя на посаде, невесту «продают» младшие в роду дети. Как правило, размер выкупа оговаривается заранее.

— наблюдение *смотрельщиков* за ходом свадебного обряда: таким образом осуществлялось социальное признание и общественное одобрение брака;

— перевязывание дороги после бракосочетания: символизирует жизненные трудности, которые будут встречаться в семейной жизни молодых;

— разламывание *встречника* над головой жениха и невесты на пороге дома родителей жениха (хлеб символизирует достаток и сытость: одну отломанную часть забирают в дом для угощения приглашенных гостей, а другую отдают *смотрельщикам*);

— *дары* во время свадебного застолья: гости (в порядке степени родства) публично дарят подарки молодым, после даров подсчитывается и оглашается общая сумма подаренных денег и количество подарков.

Б) второй день свадьбы представляет собой так называемую «антисвадьбу» с ряжеными — гости переодеваются в жениха и невесту, продают место молодоженам; переодетые в *реаниматоров* сват и сваха предлагают в игровой форме снять синдром похмелья с помощью лекарственных препаратов (спиртных напитков, рассола, кваса), лечебных процедур (массажа, прогревания). Гостям продаются ложки для традиционного блюда на второй день свадьбы — лапши.

По сравнению с остальными блоками традиционной культуры, свадебный обряд является наиболее сохранным. Однако стоит отметить, что и в нем происходят значительные трансформационные процессы. Так, к примеру, утрачиваются следующие свадебные обряды:

— *смотреть печи* — предсвадебное действие, которое происходит после сватовства, оно заключается в том, что родственники невесты приезжают в родительский дом жениха смотреть, где будут жить молодые.

— *подушки* — перевоз приданого невесты в дом жениха.

— *хоронить концы* — обрядовое действие, совершаемое на третий день свадьбы: гости прячут нужные в хозяйстве предметы (веник, нож, сковородку и т.д.), а хозяева должны их выкупить.

— *завивать овин/заливать пожар/тушить костер, пожар* — на третий день свадьбы происходит тушение костра и перепрыгивание через него, что символизирует избавление молодоженов от скандалов, ссор и других неприятностей.

— *носить калину* — на третий день свадьбы родители жениха благодарят невесту за то, что она сохранила свою «честь». Матери и отцу невесты они прикрепляют веточки калины. Затем все гости идут по станице, к Дону с *калиной* (украшенная лентами и цветами ветка любого дерева).

— *бить горшок* — эпизод послесвадебья, который символизирует уход невесты из родительского дома: «*Тешиу кладут на лауку, становють гаршок на пузу и бьють, а зять дарить новый тухли*»²⁰.

В связи с утратой традиционных обрядовых действий исчезает и связанная с ними свадебная лексика, некоторые вербальные действия: к примеру, утратилось наименование для родственников невесты, которые переносили приданое — *по-*

²⁰ БТСДК 2003, 45.

душечники; наименование для младшего родственника невесты, который продает приданое — *торгаш*; человек, который сообщает родителям невесты о приезде сватов — *гонец с подходом/сводя*. Исчезновение обрядовых действий влечет за собой утрату наименований свадебных персонажей с сохранением их функций: женщины, которые величают молодых во время выкупа невесты в традиционной свадьбе — *ігрицы*, а в современной эту функцию выполняет приглашенный фольклорный коллектив. Исчезли представления о *свадебном колдуне* — члене общины, которого не пригласили на торжество, портит свадьбу молодым.

Устойчивые словесные формулы в обрядах практически не употребляются, участники во время беседы сохраняют только семантику обрядового действия, при этом используются импровизированные речевые конструкции; помимо свадебных чаще воспроизводятся тексты застольных песен; не сохранился текст песни, исполняемый невестой на заре в день свадьбы. В обрядовой терминологии происходят изменения в наименованиях персонажей: *тайная подруга* теперь носит наименование *дружка*, *друг* — *дружко*, *дружко* — *сват*, *свашка* — *сваха*, *полудраж* — *сват*, *подсвашка* — *сваха*, *вечерние* — *сваты*.

Современный свадебный обряд представляет собой переплетение традиционных и новых форм. Так, благодаря процессам модернизации в свадебном обряде происходят заимствования из других культур — прикрепление замков на мостах; бросание букета и подвязки невесты; конкурсы для гостей; фотосессии молодоженов; посещение памятных мест. Появляются новые персонажи: *тамада*, *реаниматоры* (сват и сваха, предлагающие в шуточной форме снять синдром похмелья); свадебный каравай заменяется покупными шишками или эклерами.

Подводя итоги нашего исследования, следует выделить основные факторы, влияющие на трансформацию традиционной культуры:

— процессы модернизации, которые накладывают свой отпечаток в целом на культурную жизнь современного человека;

— запрет на религиозную жизнь в советское время привел к исчезновению традиционного венчания в день свадьбы и троичного молебна по погибшим казакам;

— действия по возрождению казачества, ставшие актуальными в 80–90-е годы, когда были приняты на государственном уровне ряд документов по поддержанию традиционной культуры. Это привело к тому, что в популяризации традиционной культуры были задействованы клубные работники, учителя, стремящиеся возродить праздники, используя в качестве источников базы тексты из интернета, СМИ, различных брошюр, при этом без учета местных особенностей традиции.

Таким образом, современная традиционная обрядность станицы Раздорской находится в процессе постепенной трансформации, обобщения местных обрядов с традициями других территорий, утраты архаичных обрядовых действий и появления новых, благодаря заимствованию из других культур.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь донского казачества. 2003. Ростов-на-Дону.

Валенцова М. М. 2012: Узел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. Т. 5. М.

Каргин А. С. 2008. Прагматика фольклора. М.

Литвиненко О. 1997: Заметки о свадебных обрядах в северных районах Ростовской области // Памяти Листопадова. Сборник статей. Ростов-на-Дону.

Проценко Б. Н. 2004: Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. 4 (16), 26–34.

MONITORING OF COSSACK VILLAGE RASDORSKAYA TRADITIONAL RITES

N. S. Popova

The paper deals with tradition monitoring within the framework of a concrete historical and cultural territory by the example of stanitsa Rasdorskaya in Ust-Donetsk district of Rostov oblast. The object of the study is a fragment of traditional rites (weddings and Trinity Sunday) covering several periods. The material of the study is derived from field work data acquired during several years in the historical and cultural territory under study.

Key words: traditional culture, transformation, Cossacks of the Don, wedding rite, Trinity Sunday

© 2013

В. А. Печняк

ПРОСТРАНСТВО СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ (по материалам этноэкспедиции 2012 г.)

Казачество как уникальное культурное явление представляет собой большой интерес. Прежде всего, тем, что в нём живет дух состязательности и противоборства, который изначально был призван поддерживать боевой дух военного сословия. Оренбургское казачье войско образовано «сверху», кроме того в него вошли представители разных сословий и народов. Тем не менее, характерная для всех казачьих войск состязательность наблюдается и у них. В статье предпринята попытка ответить на следующие вопросы: какие формы приобретала состязательность? Какие сферы жизни пронизывала и насколько глубоко укоренилась в сознании казаков и их современных потомков?

Ключевые слова: оренбургское казачество, новая линия, состязательность агональность, борьба, казаки

Печняк Вячеслав Александрович — аспирант Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: swarogwinter@mail.ru

В последнее время необычайную популярность набирают исследования, посвященные гендерной проблематике. Но исследователи традиционно уделяли внимание преимущественно женщинам и «женскому». «Мужская» тематика оставалась на задворках этих исследований и рассматривалась в основном как отражение «женского». Ввиду малоразработанности проблематики, связанной с мужественностью, указанная выше тема представляется чрезвычайно актуальной.

Разнообразные виды состязаний, характерные для всех без исключения народов, возникли в глубокой древности как элемент физической подготовки для успешной охоты, ведения военных действий, охраны соплеменников, собственности и т.д. Они становились неотъемлемой частью традиционной культуры этносов. Как составная часть традиционной культуры русских, многие элементы состязаний сохраняются до наших дней. Одним из важных элементов в мужской воинской культуре, отражающим ментальность русского человека, являются рукопашные состязания. Происхождение единоборств у русских — узловой вопрос истории состязательной культуры.

Особый интерес в рамках данной темы представляет собой казачество. В среде казачества как военизированного общества, где состязательность является еще и полноценной составляющей для воспитания дееспособного члена общества, состязательность, на наш взгляд, проявлена наиболее ярко. Проблемой состязательности в среде донского казачества занимается А. В. Яровой. По его мнению, с утратой казачеством политической самостоятельности быт казачьих станиц переходит от военного к военизированному¹. Учитывая, что Оренбургское Казачье Войско было создано «сверху», такая «военизированность» особенно характерна для него. В описаниях этнографов начала XX в. часто встречаются упоминания о боевитости и особом состязательном духе среди оренбургских казаков. А. И. Мякутин, описывая любимые забавы казачат (катание верхом, взятие снежных городков и т.д.), отмечает, что особенно любят они играть в войну². Игры в войну, как и драки, были очень важны для формирования будущего казака. Обычай молодежных драк — «край на край села» — характерен для общерусского контекста, но в казачьих поселках приобретал специфическую окраску и кристаллизовался, отвечая требованиям военизированного быта казаков: «Эти драки «край на край» были своего рода развлечением, обучением военному делу. Старые казаки их не осуждали, но даже разжигали, подзуживали»³.

Оренбургское казачье войско являлось этнически неоднородным: помимо славянского населения, в него входили башкиры, калмыки, кайсаки, а также нагайбаки. Тем не менее, наблюдалось общее для всего войска стремление к состязательности, а также схожее его проявление среди представителей разных народов, входивших в ОКВ.

Объектом нашего исследования является состязательность, предметом — её проявления во всех аспектах и формах как неотъемлемая часть жизни человека и общества, и в особенности — маскулинной части культуры.

Состязательность — понятие, включающее в себя стремление превзойти окружающих, создать, включиться и победить в любом виде соревнования. Широко это понятие используется для культуры античности. Для древнегреческого

¹ http://dikoepole.com/2010/03/30/man_cossacks_kulture/

² Мякутин 1910, 52.

³ Мякутин 1910, 352.

общества состязательность имела большое значение. А. И. Зайцев отметил, что «древнегреческое общество принадлежало, во всяком случае, от гомеровской до классической эпохи, к категории обществ, в которых важное значение имела установка индивида на то, чтобы превзойти окружающих в достижении своих жизненных целей»⁴.

Для культуры русских, как и для большинства мировых культур, также характерна состязательность, проявляющаяся в различных физических формах мужских состязаний спортивного характера (праздничные кулачные бои, борьба и т.д.) и «игры в войну»⁵, перерастающую в перманентное противостояние (двор на двор, деревня на деревню, деление по «концам» и улицам), а также на бытовом уровне (противостояние мужчина-женщина, состязание соседей и т.д.).

Под аспектами состязательности мы будем понимать комплекс переживаний, чувствований, мыслей, оценивающих определенный момент жизни как состязание. Здесь можно говорить о некоторых состязательных способах человеческого существования. В центре этого противоборства и находится человек. Также в понятие состязательности входят и различные формы физических состязаний спортивного характера: кулачные бои, борьба, скачки, палочные бои, взятие снежного городка, драки и т.д.

Состязательность пронизывает все сферы общества, создавая пространство для индивидуальной и коллективной жизни. Она содержит не просто природное влечение, но активную борьбу за жизненное пространство, будь то личная свобода индивида или благосостояние общества. В этой борьбе проявляется уже не столько природная, инстинктивная агрессивность, которая замыкается в рамки ритуала, здесь обнаруживаются различные формы состязательности, которые можно назвать превращенными формами агона — это конкуренция в экономике, борьба за власть в политике, борьба за любовь в интимной сфере, состязательность в доблести и т.д.

Состязательность образует особое пространство, пронизывающее все сферы общества и человеческой жизни. В данном докладе мы остановимся на основных из них — тех, которые были выявлены в ходе полевых исследований.

В августе 2012 года состоялась этноэкспедиция сектора этноистории УрО РАН совместно с кафедрой археологии и этнологии УрФУ в Нагайбакский район Челябинской области. Исследуемая народность — нагайбаки — этнографическая группа кряшен, говорящих на среднетатарском диалекте. Конфессиональная принадлежность народа — православное христианство. При этом, в отличие от кряшен, нагайбаки не причисляют себя к татарам.

В ходе экспедиции нами было проведено исследование состояния состязательности нагайбаков. Как и у большинства казаков, в поселениях нагайбаков бытовала «игра в войну». В селе Фершампенуаз существовало разделение по центральной дороге, проходящей через всё село: «И поселились у нас по центральному переулку разделение идет тот конец, этот конец. Как таковых драк не было, но всё равно было некое напряжение», — рассказывает А. Г. Тептеев 1943 г.р.⁶ «Ох-

⁴ Зайцев 2001, 81.

⁵ Горбунов, http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=19.

⁶ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершампенуаз, Нагайбакского р-она Челябинской обл. Тептеев А. Г. 1943 г.р.

рана» своей территории бытовала у нагайбаков с детского возраста: дети строили снежные крепости у себя во дворе, при этом объявлялась «война» следили за тем чтобы не допустить разрушение собственной крепости, и по возможности разрушить чужую: «У нас были крепостя ... снегу много было, даже бураны были и снегу наметало к заборам. И мы бегали друг у друга эти крепости разрушали. Следили «ага, нету его» прибегали и разрушали, потом это в драку превращалось»⁷.

Подключение мальчика к состоянию взрослости происходило через гендерные маркеры: демонстрацию атрибутов «мужского». Также респонденты отмечают, что мальчика с самого раннего возраста называли «казак», что призвано было приобщить ребенка к гендерным стереотипам: «Мальчик растет, он как родился, значит казак... Воспитывается как? Воспитание... в первую очередь показывал вот винтовку свою, саблю свою. Вот это мужское. Вот висел здесь»⁸.

Вхождение в пространство состязательности происходило и через вертикальную трансмиссию. Иногда за состязаниями детей и подростков наблюдали и старики, которые, порой, сами могли вступать в спор: «Мы там крутимся-вертимся. Один встает, показывает. Вот так делать, вот так надо делать. Вот так мы рубили. А потом второй встает и говорит: не, ты неправильно показываешь! Начинают уже деды ругаться из за внуков, что вот делается не так»⁹.

Также маленькие нагайбаки постоянно «фехтовали» на игрушечных шашках из проволоки. В дворовых войнах она становилась непререкаемым участником: «На саблях ... была проволока какая-то она не круглая, толщиной мм пять и там был профиль, она очень сталистая, вот мы её делали и очень много было того что там щеку кому...»¹⁰. Территориальное противостояние продолжалось и в более взрослом возрасте. Во время проводов в армию в с. Фершампенуаз для призывника и его провожающих считалось почетным перегордить всю улицу, чем больше народу придет провожать — тем лучше и почетнее. К тому же такая демонстрация носила провокационный характер для предстоящей драки: «Накануне (проводов) обычно вечер, молодежью собираемся. Там чисто молодежь, водку пили, там вино, ходили по улицам пели, плясали. Ну тогда обязательно с гармошкой и чем больше улицу загораживают тем лучше считалось... А тогда это это с песнями с плясками, к военкомату, там кто больше кого пересвистит, перепоеет ... потом обязательно было подраться, с приезжими особенно, с отделения или других совхозов»¹¹. Порой драку на проводах специально провоцировали: «Да вот там начинается «Ты че его толкнул, он маленький ты прыгаешь на него!?!», а он специально идет, чтобы на него прыгнули»¹².

⁷ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершампенуаз, Нагайбакского р-она Челябинской обл. Тептеев А.Г. 1943 г.р.

⁸ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Париж, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Ишмекеев Н.П., 1953 г.р.

⁹ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Париж, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Ишмекеев Н.П., 1953 г.р.

¹⁰ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершампенуаз, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Тептеев А.Г., 1943 г.р.

¹¹ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершампенуаз, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Тептеев А.Г., 1943 г.р.

¹² Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершампенуаз, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Тептеев А.Г., 1943 г.р.

Сама драка проходила по определенным условным правилам: «Ну вот пример, тогда мода была с ремнями ходить. И ими дрались. Вот гумбейский был Яша Ишменев, я ему руку захватил (ремнем), дернул — он упал. Я его тащу. Пока я его тащу его кто-то пинает. Он кричит: «Подожди, руку отпусти!» Вот я ему дал возможность освободить руку, подняться. И дальше начали драться. (Смеясь) Вот оно, вроде и так. Но не помню, чтобы было такое, чтоб там кого-то покалечили. Хотя, бывало, что и сильно дрались»¹³.

Скачки устраивались рядом с реками и озерами — в наиболее подходящих для этого местах. Все участники стартовали в один забег. Победителем считался тот, кто придет первым, проскакав 3 круга. Для победителей существовала награда — полотенце от лучшей мастерицы: «Вот на скачках, со слов моей бабушки, девушки которые выходили осенью замуж, в течение зимы рукоделием занимались, среди них проводился конкурс, когда полотенце вышитое, кто на скачках побеждал тому приз первого места рукодельниц»¹⁴. Со слов респондентов, в еще более раннее время победитель и девушка, изготовившая «лучшее» полотенце, должны были вступить в брак, что в свою очередь указывает на связь состязательности с жизнью общества, где состязательность выступает методом отбора партнеров.

Кроме физических состязаний, мы зафиксировали характерную для всех нагайбаков бытовую состязательность. Подавляющее большинство опрошенных указывают на то, что существует негласное соревнование между соседями. Например, если кто-то на улице сменил черепицу на крыше дома, то через какое-то время соседи тоже начнут менять черепицу, причем постараются в чем-то превзойти «начавшего»: «Все нагайбаки очень хозяйственные и вот еще что... Если например я дом сайдингом покрыл, то сосед мой не успокоится пока тоже дом сайдингом не закроет или вообще фасад облицует по-модному!»¹⁵. Некоторыми опрошенными это качество расценивается как зависть. Однако мы склонны видеть в этом скорее проявление состязательности.

Итак, мы рассмотрели основные аспекты проявления состязательности у оренбургских казаков на примере нагайбаков по материалам экспедиции 2012 года. Мы привели ряд примеров, на которых постарались показать разностороннее проявления состязательности в виде физических состязаний и присутствия особого пространства, которое находит проявление и в бытовой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Яровой А. В. 2000: Мужская культура конца XIX — нач XX вв. в Задонских станицах. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dikoeopole.com/2010/03/30/man_cossacks_kulture/

Горбунов Б. В. 1996: Игра «В войну» в народной традиции (по материалам Рязанского края станицах. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=19

¹³ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершанпенуаз, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Тептеев А. Г., 1943 г.р.

¹⁴ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершанпенуаз, Нагайбакского р-на Челябинской обл. Тептеев А. Г., 1943 г.р.

¹⁵ Полевые исследования автора, Этноэкспедиция 2012, Южный отряд, с. Фершанпенуаз, Нагайбакского р-она Челябинской обл. Ишменев А. Д. 1985 г.р.

Зайцев А. И. 2001: Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб.
Мякутин А. И. 1910: Песни оренбургских казаков: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. Ч. 4. Казань.

COMPETITIVENESS IN THE CULTURE OF ORENBURG COSSACKS

V. A. Pechnyak

Cossacks as a cultural phenomenon are of great interest primarily because of their spirit of competition and contention that initially was meant to keep up the morale of the military class. Orenburg Cossack Army was formed by the government. It involved representatives of different social and ethnic groups. However, they also happen to display competitiveness that is typical of all Cossack Armies. The author of the article makes an attempt to supply answers to the following questions: What forms did competitiveness take? What areas of life did it permeate? And how deeply is it ingrained in the minds of the Cossacks and their modern descendants?

Keywords: Orenburg's Cossacks, new line, contention, competitiveness, conflict, the Cossacks

© 2013

С. А. Моисеева

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ КОСТЮМ КАК ЗНАК «ПЕРЕХОДА» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОЗАВОДСКИХ СЁЛ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (на материале экспедиций второй половины XX в.)*

В статье предлагаются результаты исследования одного из наиболее выразительных видов традиционной одежды — женского праздничного костюма русских сёл Белорецкого района Башкортостана. Автор рассматривает костюмный комплекс в качестве половозрастного кода региональной культуры, отражающего трансформации социального статуса женщины в пространственно-временной системе координат.

Ключевые слова: праздничный костюм, половозрастной код, социальный статус, региональная культура, ритуально-мифологические функции

Основным контекстом символического функционирования женской одежды, высвечивающим её знаковую сторону, являлись календарные и семейные ритуалы.

Моисеева Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. E-mail: folklab@masu.ru

* Работа выполнена в рамках проекта № 6.2693.2011 «Антропологический потенциал фольклорных исследований в современном мире: культурные смыслы, дискурсы, ритуальные практики» Министерства образования и науки РФ.

Рис. 1. Женский праздничный костюм. Узян, 1930-е гг.

Впервые праздничный наряд в исследуемом регионе (русские села Белорецкого района республики Башкортостан, образованные в середине XVIII века как крестьянские поселения при металлургических заводах) девушка готовила себе к 15–16 годам. «Лет с 15-ти начинали девчонку наряжать» (Кожевникова А. К., 1913 г. р.)¹. «Помню, как мне исполнилось 15 лет. Вижу, подружка платье новое одела, мне тоже охото стало, вот с этих лет мы нащали наряжаться. Хварсить стали» (Серёгина А. В., 1921 г.р.)². «Девщёнке идти в хоровод — ей наряд новый шьют» (Беяева О. И., 1913 г.р.)³.

Изготовление предметов костюмного комплекса было одним из основных занятий девушек, начиная с 10–12 летнего возраста. В результате девочка осваивала кройку, шитьё, вышивку, способы украшения — вообще сложную технологию создания национального костюма, включая, так сказать, практическую эстетику,

¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–17, Тирлян 1999.

² Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Нижний Авзян 1998.

связанную с вышивкой традиционных орнаментов плодов, ягод, отдельных цветов или их композиций на рубахах, кофтах, запонах и других предметах. Освоение технологии костюма было школой подготовки девочки к будущей жизни в семье, когда требовалось «всех обшить». Красоту женского костюма составляла не только гармония цвета вышивок, орнаментов, не только тщательная проработка деталей и продуманность любых пропорций и цветовых решений, но и умение носить вещь. Девушки это понимали, поэтому присматривались к другим и действовали по принципу подобию, хотя и старшие охотно помогали, подсказывали, особенно мать, бабушка. Только умение обращаться с вещью, надевать и носить ее делало, например, рубаху из полотна домашнего изготовления по-настоящему функционально значимой и притягивающей взгляд, привлекательной. Девушка в традиционном обществе ценилась настолько, насколько привлекательным был её праздничный наряд.

С 15 лет девушка должна была участвовать в так называемых «смотрах девичьих кадров». В п. Ломовка такие смотры проводились на день Кузьмы и Демьяна (1 ноября по старому стилю), на Михайлов день (8 ноября), на святочных вечёрках. «В Кузьминки три дня ссыпались, наряжались, и каждый день меняли праздничный наряд» (Козлова О. Г., 1938 г.р.)⁴. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели. Плясали под гармошку. Частушки пели, песни про любовь обманную пели, ну и другие» (Штырляева А. А., 1924 г.р.)⁵. «Михайлов день 8 ноября. Девушки тоже «ссыпались», собирались все вместе. На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели, плясали. В этот день было много «глядельщиков» — старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили» (Плохова Е. И., 1904 г.р.)⁶. Нарядишься на Святки, сидишь, а парни выбирают. Приходят и матери, а девка должна на себя все обновки надеть» (Савинова Г., 1903 г.р.)⁷. «На особки святочные на нас ходили глядеть. Глядельщики это были. А мы все на лавки с девками встаём и пляшем. А все родители смотрели на нас. А если одёжа плохая была, то мы прятались куды-нибудь в уголок, чтоб на народ не показываться» (Горелова Е. И., 1935 г.р.)⁸. Таким образом, в этом посёлке проходили так называемые «выставки невест», и, возможно, они являлись рудиментом рассыпавшегося ритуала «надевания паневы/скакания в паневу», символизировавшего переход девушки из средневозрастной группы в группу совершеннолетних. Особый интерес в этой связи представляет замечание Д. К. Зеленина о таком обряде в одноименном селе Ломовка Богородицкого уезда Тульской губернии, где девушки, достигшие 16-летнего возраста, должны были «становиться на лавку и ходить из одного угла в другой». Ученый рассматривает этот ритуал в контексте «обрядовых празднеств совершеннолетия девицы»⁹. В сёлах Нижний и Верхний Авзян, Кага, Узян «выставки невест» проводились весной. Для девушек средней возрастной группы (16–19 лет) были значимы «проходы» центральных улиц села в ранневесенний период без участия парней. «Как тепло стаёт: юбки с

⁴ Архив ЛНХ МаГУ, ЭК–8, Ломовка 1997.

⁵ Рожкова, Моисеева 2003, 24.

⁶ Рожкова, Моисеева 2003, 18.

⁷ Рожкова, Моисеева 2003, 26.

⁸ Рожкова, Моисеева 2003, 56.

⁹ Зеленин 1994, 181.

уборками, запоны, кохты расшитые, ленды атласны привяжем прямо на кохту и идём по главной улице до базару и обратно, а все смотрят на нас» (Калашникова А. А., 1910 г.р.)¹⁰. Посредством этих шествий 16–19-летние девушки старались показать себя и добиться расположения парней, «чтоб парни липли, как репей». Зафиксированная экспедициями конца 90-х годов XX века информация в селах Нижний Авзян, Верхний Авзян, Узьян отмечает обычай смотра и выбора невест родителями для своих сыновей во время празднования Красной горки. «Кашцели были на Пасху усю неделю до Красной горки. На кашцели все ходили. Вот были у нас, повыше нашего мауазина, там были карусели круулые. Туды дык все ходили: и пожилые, и молодые. Мы так жа соберёмси:

— Куда пойдём?

— Айдатя пойдём нонще у лоу, туды на кашцели.

Пошли туды. Пришли туды на кашцели. Вот одна девушка....А жарко, Пасха поздняя была, вот так как щас жарко. Вот она пришла у пуховой шале. А я стою да уоворю: «уоспыди, щё ж она ещё тулуп не одела?» А мине их девки-та, лоуиновские, уоворять:

— Дык тута её мать и отец, и вон ети Платоновы-то невесту вубирають.

— Да иде ж они её вубирають?

— А вот щас улядят, вот Максимова у его была ухажерка, у щём она подвязана. Энта у полушалошке, а ета у пуховой шале — Настыка Армизонова.

Во! А их толька ущерась приехали с Баймаку, привезли ей шаль пуховую. А нонще она подвязала. Ах ты, щё ж они ей не дали у покос ешё, чтоб косить у ей. Ну, смеёмси! Ну, и вот выбрыл. Ему-то её не надо, ему-то надо, он знакомилси с Максимовой с Анюшкой, а они выбрыли у пуховой шале и узяли. Вот ета на Красную горку на кашцелях-та невест себе и приулядывали» (Белева О. И., 1913 г.р.)¹¹. «Бывало-чи матери сыновьям на кашцелях в Красную горку выбирали невесту. Вот Ивану Платонову мать ведь Настю-то так и приглядела. Говорит: «Вот, Иван, каку невесту тебе приглядела, с уборкой». У Насти-то юбка с уборкой была красивше всех» (Телятникова Н. Е., 1912 г.р.)¹². Как видим, в смотрах невест особую роль играла новая праздничная одежда, специально к этому дню изготовленная девушкой «своерушно». Таким образом, названный новый возрастной этап девушки (16–19 лет) обязательно должен был быть отмечен и новой одеждой. С этого возраста девушку могли сватать «жанихи». Следовательно ритуал выбора невест являлся своего рода одной из форм межвозрастной коммуникации, где одежда девушки выступала знаком её готовности к браку.

В начале XX в. для региональной традиции был актуален сарафанный комплекс праздничной женской одежды. Каждая невеста должна была в составе приданого иметь не менее 20 сарафанов. Наиболее популярными в исследуемых сёлах были круглые (прямые) сарафаны. Шились они преимущественно из ткани фабричного изготовления в виде широкой высокой юбки на лямках. «Это мамин сарафан, свадебешный. Мать венчалась в уолубом как небо, унизу отторощено, пришиты уборочки, положены кружава тюлевые, кремовые, на уборочке. Пришиты лямки щерез плещо. И боры собраты. Ну, вовсю пущаный по ширине, а

¹⁰ Архив ЛНХ МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

¹¹ Рожкова, Моисеева 2003, 143.

¹² Рожкова, Моисеева 2003, 148.

на уруди мелкими складочками собрато, штоб груди зашли. Собрать мелкими бориками и отторочат эти боры, а мощешки не прорезанные, задетые, нити продёруты. Эти мощки выметаны. Здеся ведь 12 аршин материи. Раньше широкие были сарафаны, бывало, пять ребятишек под материн сарафан пряталось» (Бочарова Т. И., 1912 г.р.)¹³. «Сарафаны были очень широкие, выделявали сисятник» (Габова Е. И., 1909 г.р.)¹⁴. «Сарафаны носили: у матери был кашемировый, красный и синий цветом. Пошла жисть-то плохая, она из него мне две рубахи сшила. И ещё ей на юбку осталось» (Сухов Н. П., 1929 г.р.)¹⁵. «Сарафаны были у девок и розовые, и красные, и цветастые» (Габова Е. И., 1909 г.р.)¹⁶.

Носителем культурной семантики являлся покрой и цвет сарафана. Для девочек до 15 лет и женщин после 50 застёжку на сарафане кроили сбоку, а девушке-невесте и женщине-молодке положено было застёжку на сарафане иметь спереди. У девичьих сарафанов подол украшали с помощью пришитых атласных лент, венчалые шили с оборкой, украшенной кружевом. Женские же сарафаны были лишены таких украшений. Девичьи праздничные сарафаны шились из ткани ярких расцветок, иногда даже ткань в таких изделиях была цветной. Женские сарафаны шили из ткани тёмных тонов. «Сарафаны носили в девках цветастые, а у баб — темненькие были» (Беляева О. И., 1913 г.р.)¹⁷. В 30-е годы XX столетия сарафан переходит в разряд исключительно обрядового предмета женской одежды: свадебной и похоронной. «Невесту на свадьбу одевали в розовый, красный сарафан с уборкой» (Платонова А. И., 1927 г.р.)¹⁸. «Бывало, хоронят, и бабы говорят, что в венчалом сарафане положили» (Копытова М. С., 1935 г.р.)¹⁹.

Постепенно к середине XX в. сарафан заменяется юбкой. Юбки шились из «бумази», «коленкора». В гардеробе девушки брачного возраста обязательно должна была быть красная или бордовая юбка. «У нас любили бордовый цвет. Даже частушка была: «Мамонька, борды, борды / Тятенька не купит/ Без бордовой юбочки / Никто меня не любит» (Косарева М. Ф., 1930 г.р.)²⁰. «На кашцели наряжались. У мене была юбка красная. Мама, бывало, скажет: «На кашцели не садись, юбку изомнёшь» (Платонова А. И., 1927 г.р.)²¹. «Ивану Платонову выбирала мать невесту на Красную горку. Выбрала Настьку Армизонову. У её юбка была красившее всех — красная с уборкой» (Телятникова Н. Е., 1912 г.р.)²².

Наиболее важными элементами девичьего праздничного костюма в первой половине XX в., маркирующими брачный возраст девушки, являлись рубашка с вышитыми рукавами и запон, который шился без нагрудника до талии, с вышивкой по подолице. Орнамент вышивки на рубашке и запоне был одинаковым и назывался в местной традиции «каalinka». Этот орнамент представлял собой трансформацию виноградных гроздьев. Виноград, как известно, символ жизни и

¹³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

¹⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-23 А, Узян 2001.

¹⁵ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-23, Кага 2001.

¹⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-23 А, Узян 2001.

¹⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-20, Нижний Авзян 2000.

¹⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Нижний Авзян 1998.

¹⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

²⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-11, Ломовка 1998.

²¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Ломовка 1998.

²² Архив ЛНК МаГУ, ЭК-20, Нижний Авзян 2000.

Рис. 2. Праздничный запон, вышивка «калинка», Симаковой Л.А., 1937 г.р., п. Верхний Авзян.

продолжения рода в народной культуре южных славян. Природно-климатические условия Южного Урала трансформировали мотив винограда в кисть калиновых ягод, широко распространенных в исследуемом регионе. К весенним праздникам каждая девушка 16–17 лет готовила себе белый запон с вышивкой «калинка». Вероятно, вышивка преобразовывала предмет в определенный символ, который может трактоваться как «калинка — красная ягода — красная девица — невеста». Символическое значение калины закрепляется в широко распространенной в регионе свадебной песне: Ой, калинушка, калинушка моя, /.../ Ещё кто тебе, калинушку, щипал и ломал?²³

Обратим внимание на то, что невеста в свадебных песнях всегда красавица, а, по народным представлениям, обязательным условием красоты являлось белое лицо и алые щёки. Заметим, в регионе невесту называли «пунец». «Невеста — пунец, у её вид пунцовый: полная, лицо белая да щеки алые» (Зайцева Л.С., 1867 г.р.)²⁴. Таким образом, «если учесть, что калина имеет белые цветы

²³ Рожкова, Моисеева 2000, 22.

²⁴ Магнитогорский государственный архив Ф. 463. Оп. 1. Д. 32.

и красные ягоды, то можно предположить, что мы получим отправную точку для существующей связи представлений»²⁵. В. И. Ерёмина, цитируя П. В. Шейна, сообщает, что «невеста в Тульской губернии была одета в пунцовый сарафан и покрыта белым полотном. Красная фата, под которой невеста едет к венцу, характерна для свадебного обряда Вятской губернии»²⁶. Как видим, сочетание белого и красного было символичным для образа невесты. Поэтому считаем, что запон с вышитыми ягодами калины на белом фоне не случайно входил в ансамбль девичьего праздничного костюма, а затем и свадебного, символизирующего, на наш взгляд, девичество. «На белых запонах крупно вышивали крестом цветы или ягоды нитками красными и черными» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)²⁷. На более древнюю связь калины/огня указывал А. А. Потебня: «Эпитеты слова калина — ясная, красная, жаркая, червонная, так решительно относят это слово к понятию огня, что нет возможности сомневаться в том, что оно одного происхождения с калить, раскалять»²⁸. В. И. Ерёмина считает, что «производным от калина/огонь явилось и название калинники — отделенные молнии, видимые по вечерам и ночам на горизонте в конце июля и в августе»²⁹. Интересно, что в отдельных сёлах региона, в Узяне на Ивана Постного, а в Каге и Тирляне на день Кузьмы и Демьяна, проходящем здесь как девичий праздник, обязательно пекли пироги — «калинники». «Бывало-чи мамка на Ивана Постного калинник печёт, в печку ставить его, возьмет и перевяжет, будто он куда убежить» (Савельева А. П., 1930 г.р.)³⁰. «На Ивана Постного, 11 сентября, пекли калинники. Они были из ржаной муки с калиной, раскаленной в печи» (Колесникова Е. П., 1915 г.р.)³¹. «На Кузьмишки калинники пекли, пироги с калиной. А ещё возьмут, раскалят ягоды калины и в квас добавляют, и на Кузьмишки молодежь квас-то этот и пьет» (Логинова А. В., 1927 г.р.)³². «В Кузьминки три дня ссыпались, наряжались и обязательно запон расшитый «калинкой» одевали, калинники пекли» (Козлова О. Г., 1938 г.р.)³³. Запоны, украшенные узором «калинка», должны были быть у каждой девушки, достигшей 16–17-летнего возраста. Позднее в таких запонах девушку возили под венец: «Раньше запон девки по праздникам надевали или когда взамуж шли» (Копытова М. С., 1935 г.р.)³⁴. Так, в одежде девушек, участвующих в молодежных весенних и осенних обрядах, присутствовали элементы венчального костюма, символизирующие наступление брачного возраста участниц.

Рубаху/блузку шили обычно из белой бязи, вышивка выполнялась по краю рукава, на плечьях, вокруг горловины крестом, использовались при этом, в основном, нитки красного и черного цвета. «Рубахи были белые, рукава длинные. Без застёжек всё, сами девки, мы и вышивали, рубахи-то, крестом вышивали» (Калашникова А. А., 1910 г.р.)³⁵. «Большинство одевались холщовые рубахи, были

²⁵ Ерёмина 1978, 112.

²⁶ Ерёмина 1978, 112.

²⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–20, Верхний Авзян 2000.

²⁸ Ерёмина 1978, 113.

²⁹ Ерёмина 1978, 113.

³⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–23 А, Узян 2001.

³¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–7 А, Узян 1996.

³² Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13 А, Кара 1998.

³³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

³⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

³⁵ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

здесь коленкоры, на рукавах вышиты красные ягоды» (Бочарова Т. И., 1912 г.р.)³⁶. «Рубаха под горлышко собрата мелко-мелко, рукава цветами, петухами, ягодами расшивали» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)³⁷.

Затем рубаха активно стала заменяться блузкой. Различали рубаху и блузку по типу материала: рубаху шили из ткани домашнего изготовления, а блузку, в основном, из покупных тканей. «Блузки одевали с юбками, парами носили, блузки с рюшами были» (Плохова А. Н., 1931 г.р.)³⁸. Интересно, что незамужние девушки у локтя на сборенную часть рукава рубахи/блузки повязывали атласные ленты ярких расцветок. «На рубахе у локтя ленточки или банты привязаны» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)³⁹.

Позднее в комплекс девичьего костюма стала входить кофта/кофточка. «Кофточки у нас были с застёжками сзади, впереди кружева, ленточки» (Штырляева А. А., 1924 г.р.)⁴⁰. «У моей сестры была кофточка, так я воровала на особки её» (Синицина В. П., 1927 г.р.)⁴¹. «Кофты были всяки: на заде застёжки, а спереди три ленточки, а на низу их вышивки и бантики» (Плохова Е. И., 1904 г.р.)⁴².

В двух сёлах изучаемого региона (Инзер, В. Авзян) мы встретились с интересным предметом женского костюма, называемого здесь гуцулка. Предположительно широко распространена она была в 1930–1950-е гг. Гуцулка — это кофточка с короткими рукавами. Характерной особенностью этого вида одежды была круглая горловина с неглубоким разрезом по центру. Края горловины и разреза обязательно украшались вышивкой. «Девчонками мы с юбками гуцулку носили, кофточку такую. Вот эту гуцулку я сама шила и расшивала сама» (Катаева А. А., 1936 г.р.)⁴³. Заметим, что гуцулки были только в гардеробе незамужних девушек.

В конце XIX — начале XX в. неотъемлемой частью женского праздничного костюма являлся пояс. Пояс — общевосточнославянский термин, есть и другие названия: опояска, кушак, сетка, покроя, ремень. В изучаемом же регионе, в основном, использовался термин — пояс, реже — ремень, кушак. «Пояса были мужские и женские, это раньше носили» (Петрова Е. С., 1935 г.р.)⁴⁴. «Этот пояс давнишний, шать даже прабабушкин, мы уж не носили пояса. А мама говорила, раньше обязательно подпоясывались» (Копытова М. С., 1935 г.р.)⁴⁵. «Был тугой пояс на невесте, из семи полос была бухта» (Калиничева Т. Е., 1928 г.р.)⁴⁶. «Пояс же был большой, цветной, с шишками. Называли его кушаком» (Зарубина Е. А., 1929 г.р.)⁴⁷. Известно, что для восточных славян были типичны плетённые и тканые пояса из шерсти, конопли, льна и даже из лыка. В исследуемых сёлах нам удалось отснять несколько женских поясов. Все они оказались ткаными, узкими в виде тесьмы и предназначались для ношения с праздничной одеждой. «А у мам-

³⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–20, Верхний Авзян 2000.

³⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–20, Верхний Авзян 2000.

³⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13 А, Кага 1998.

³⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–20, Верхний Авзян 2000.

⁴⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

⁴¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

⁴² Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

⁴³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–19, Инзер 2000.

⁴⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

⁴⁵ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

⁴⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13 А, Кага 1998.

⁴⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

ки был пояс и она его, бывало, на праздники завяжет поверх юбки. А пояс этакий с кисточками, плетеный» (Плохова Е. И., 1904 г.р.)⁴⁸. «Пояс был большой, цветной с шишками. Называли его кушаком. Их ткали на станах из цветных ниток» (Зарубина Е. А., 1929 г.р.)⁴⁹. Пояса, которыми располагает этнографическая коллекция лаборатории народной культуры МаГУ, были выполнены закладной техникой: разноцветный уток пропускали через часть основы и поворачивали нить обратно. На фоне этих цветных полос вытканы слова молитвы. Пояс в народных верованиях — символ пути через мифические и реальные преграды. Как часть одежды, принимающая форму круга, в быту использовался в качестве оберега. Не случайно пояса имели разнообразные рисунки-символы и надписи, обладавшие защитными свойствами. В русских сёлах Белорецкого района первую скошенную траву «подтыкали за пояс, чтобы заготовить хороший корм для домашнего скота». На Масленицу подпоясанные старухи катались с горы «чтобы лён был долгий». Пояс употребляли в обрядах, связанных с первым выгоном скота. «Когда корову покупают, стелют пояс в воротах, корова должна перейти его, тогда она уже не будет возвращаться к старым хозяевам, а придёт домой» (Медведков Н. П., 1925 г.р.)⁵⁰. Пояс/ремень в 1930–1950-е гг. широко использовался местной молодёжью в обрядовой жизни во время игр в хороводе и особке. «Бывало на Красную горку девку раскатают и шлёпают ремнем. Жениха успрашивают» (Соколова Н. Е., 1929 г.р.)⁵¹. «Собирались на вещера и играли. Становят два стула: на одном — парень, на другом девушка садится, спиной друг к другу. На промежутке парень с поясом. Все говорят: «Сено, солому, овес повез», — и парень с девкой должны повернуть голову, если в одну сторону, то целуются, а если не целовались — их били поясом или хлесткой» (Копытова М. С., 1935 г.р.)⁵². «Поясом на вечёрках били по ладошкам. Значит один парень у другого девку отбивает» (Телятникова Н. Е., 1912 г.р.)⁵³. «У нас когда масленица идёт, пояса старушечные привязывают на дуги лошадиные. Пояса-то ведь полосочками всякими — красиво» (Сухов Н. П., 1929 г.р.)⁵⁴.

Неотъемлемой частью женского костюма в первой половине XX в. являлся платок. По замечанию И. С. Веселовой «наличие/отсутствие платка, способ повязывания — код, по которому в традиционной культуре идентифицируется статус женщины. Поэтому практически все переходные обряды с ее участием в главной роли сопровождаются сменой одной формы головного убора на другую»⁵⁵. В регионе до середины 1930-х гг. наблюдается значительная разница между прическами и головными уборами девушек и замужних женщин. Среди девичьих причёсок преобладала причёска в одну косу. «Сзади должна быть обязательно коса, если это девушка. В косу вплетали ленту» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)⁵⁶. «Зимой девки бывало оденут полупальтик, завяжут платок назад, а коса-то длинная и вся зимой на-

⁴⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

⁴⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–11, Ломовка 1998.

⁵⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–21, Тирлян 2000.

⁵¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Нижний Авзян 1998.

⁵² Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Верхний Авзян 1998.

⁵³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–13, Нижний Авзян 1998.

⁵⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–23, Кага 2001.

⁵⁵ Веселова 1996, 7.

⁵⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК–20, Верхний Авзян 2000.

руже» (Волкова Н. С., 1925 г.р.)⁵⁷. Причем, имел значение способ плетения косы: пряди наверх и прядки под низ. «Девшонки завсегда одну косу плетут. А когда замуж — на две, и прядки под низ, а девкой — прядки наверх. Женщина «куковку» делает» (Белова Р. Г., 1925 г.р.)⁵⁸.

Прическа невесты отличалась от прически девичьей. Первоначально невесте распускали волосы. На что указывает обряд расплетания косы, который представлен в бытовавших в регионе причетах. «Вещером невеста перед свадьбой в бане помоеся, там подруга нащипает ей косу щесать, она плащеть: Милые подруженьки, / Расчешите мои русы косоньки, / Заплетите мои русы косоньки, / Завяжите два бантика. Ой, наревьёся прямо» (Илисёва А. Г., 1915 г.р.)⁵⁹. «Невесте косы расплетали подружки и шишку делали, и обязательно розовую лендошку на неё. Лендошку барями на иголку собирали и на «шишку» (Юрочкина Е. Д., 1927 г.р.)⁶⁰.

Наряду с ритуалом расплетания косы в изучаемых селах существовал обряд прощания с красотой, волей. Красота — лента красного или розового цвета. Этот акт отразился в коротких ритуальных причетах, в которых невеста просила сестру, мать, подругу снять «девью красоту». «Это ещё я была маленькая, надо меньшей сестре подарить ленточку, когда взамуж выходишь. Вот мне сестра дарила и причитывала: «Вот я тебе дарю, сестричка, русу косыньку, счастье девичье» (Волкова Е. Г., 1906 г.р.)⁶¹. «На девешнике определяли красу. Это любимая подружка делала, ну и мать могла. Развязывали ленточку в косе и подавали невесте. Она кланяется, опускает ленточку к полу, потом подымает руки вверх и плачет: Определю я свою красу девичью ...» (Бочарова Е. Д., 1917 г.р.)⁶². «Перед венчанием невеста причитывала: «Милая моя мамочка, расплети-ка ты мне ленточку, да определи-ка ты мою буйную головушку к милому дружку» (Точилкина М. П., 1929 г.р.)⁶³. «Перед венцом невеста косу расплетает, а ленточку подружкам дарит. Дружка говорит: «Отец и мать, разрешите русу косу продать» (Быкова П. К., 1912 г.р.)⁶⁴.

Распущенные волосы невесты заплетали в одну, иногда в две косы и делали «куковку», «околку», «шишку». «У женщин старинная прическа: вот так две косы в одну сходятся — гнездом. И платок обязательно» (Урцева В. М., 1930 г.р.)⁶⁵. «Когда провожали невесту, косу ей расплетали, завивали волосы в «шишку» — это значит девка женщиной становится, молодкой» (Телятникова Е. Н., 1912 г.р.)⁶⁶. «А уж после свадьбы невеста никуда не собиралась — она уже семейная, у неё теперь «шишка» на голове» (Слепова Н. Ф., 1928 г.р.)⁶⁷. «Девшонки завсегда одну косу плетут... Женщина «куковку» делает. Только волосы у бабы боже изба, чтобы были распушены и не подвязаны с «куковкой» (Белова Р. Г., 1925 г.р.)⁶⁸. «Мама

⁵⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-20, Верхний Авзян 2000.

⁵⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-21, Тирлян 2000.

⁵⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-10, Верхний Авзян 1997.

⁶⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-10, Верхний Авзян 1997.

⁶¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-17, Тирлян 1999.

⁶² Архив ЛНК МаГУ, ЭК-5, Узян 1994.

⁶³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-5, Узян 1994.

⁶⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-7 А, Кара 1996.

⁶⁵ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-21, Тирлян 2000.

⁶⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Нижний Авзян 1998.

⁶⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

⁶⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-21, Тирлян 2000.

до самой смерти косичку плела, но она её не вешала, а заворачивала» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)⁶⁹. Итак, социальный статус девицы в народной традиции назывался воля или кра'сота. Ритуал передачи красоты маркировал переход девицы в другую социовозрастную группу. При этом утрата воли, красоты сопровождалась ритуалом расплетания косы и сменой головного убора: поверх «куковки» невесте надевали «чехлушку». «Чехлушки были, чтобы волосы не попадались, сзади сбориком затянуть. Чехлушка — шапочка с оборочками, бисерки пришиты, кто богатый. Свекровь моя чехлушку носила. Это уж женщины замужние носили» (Сухов Н. П., 1929 г.р.)⁷⁰. «Я вот замуж выходила в 44 году. У нас в Авзяне фату-то не надевали раньше, а мне из Белорецка привезли. А на другой вечер молодушку надо по-другому подвязать. У мужа-та маво бабушка была, ей 96 лет было тогда, она и говорит: «Подвяжите мою сноху по-молодушечьи». Это вот две косы заплетут, вокруг головы их уложут, шапочку оденут, а поверх шелковый платок, он такой твердый, переливчатый был. А платок-то завяжут так, чтобы вот лущинки, кончики платка, вверх стояли. Мне и подвязали. Бабушка и говорит: «Глядите теперь на молодушку». А горько-то стали кричать — жених платок как заденет, платок у мене на голове так и вертится, а жених поправляет, а хрестне та поправлять не даёт. А вечером-то бабушка говорит: «Видали, жених невесте платок-то всё поправляет? Вот, жить они будут, не разойдутся, но драться будут, а жить всё равно будут, на колени упадет, покается, и дальше жить будут». Так и вышло: побьет мене да потом каитси» (Белова Р. Г., 1925 г.р.)⁷¹. Невесте на чехлушку надевали сложенный с угла на угол в два ряда платок, который был из плотного с переливами шёлка яркого цвета. Его клали на лоб, переплетали на затылке и выставляли вперед концами. Названный способ завязывания платка на невесте превращал этот предмет в символический знак. «Шёлковые платки были, натуральные, их на невесту завязывали как вроде два рога» (Храмцова А. И., 1925 г.р.)⁷². Невеста, надев этот головной убор, становилась молодой. Позднее платок, завязанный таким способом, стали называть чехлушкой. «Платок, который одевали невесте, назывался чехлушка. Брли четырёхугольное полотно, одна сторона застрачивается и в неё вдеается гашник. Поверх одевали платок, он отсвечивал всеми цветами радуги. Платок свертывался, завязывался сзади на узел, и его концы стояли. Везли в платке этом невесту с венчания, она уже женщина. Если на ком увидишь стоячие концы, значит это — молодушка» (Калиничева Т. Е., 1928 г.р.)⁷³. «Бывало говорили: «Невеста подвязана по-молодучьи» (Копытова М. С., 1935 г.р.)⁷⁴. «Невесте завязывали шелковый, камлотовый платок, который переливался. Платок подвязывался венчиком, концами назад, так, чтобы они торчали» (Горбатова В. А., 1925 г.р.)⁷⁵. Практически с этого времени женщина не должна была показываться на людях без платка. «У женщин старинная прическа: вот так две косы в одну сходятся — гнездом. И платок обязательно» (Урцева В. М.,

⁶⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-20, Верхний авзян 2000.

⁷⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-23, Кага 2001.

⁷¹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-21, Тирлян 2000.

⁷² Архив ЛНК МаГУ, ЭК-20, Верхний Авзян 2000.

⁷³ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13 А, Кага 1998.

⁷⁴ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

⁷⁵ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-10, Верхний Авзян 1997.

1930 г.р.)⁷⁶. «Это девчонки без платков ходили, а бабы без платка никуда» (Слепова Н. Ф., 1928 г.р.)⁷⁷. С возрастом менялся способ завязывания платка: молодые женщины узел делали сзади, старые — под подбородком. «Молодушки платок назад завязывали, а старухи на шее, под подбородком» (Копытова М. С., 1935 г.р.)⁷⁸. Причем, женщина, достигшая 60-летнего возраста, обязательно носила волосник, под который прятала волосы. Замужних женщин хоронили обязательно в платке, а старухам под платок надевали ещё и чепец/капорок. «Вот бабушка себе на смерть готовила капорок, под платок, чтоб одели ей» (Евстифеева В. С., 1936 г.р.)⁷⁹.

Таким образом, смена головного убора отражала возрастные и социальные изменения в жизни женщины.

Региональный праздничный женский костюм с начала XX в. и до его середины заметно менялся. Одни элементы исчезали, другие появлялись. Расшитые рубахи из домотканины заменились блузками из покупных тканей, затем блузку в середине XX в. заменила кофта с пуговицами, рюшами, уже без вышивки. Сарафаны под воздействием городской культуры, уступили место юбкам. На смену юбкам приходит атласное платье. Обязательной принадлежностью женского праздничного костюма в начале XX в. был белый запон, украшенный «калинкой», к середине XX в. белый цвет запона меняется на черный, а сам запон становится лишь свадебным предметом женской одежды. Во второй половине XX в. он выходит из активного употребления, переходя в элемент сценического костюма: «Вот в таких фартуках, маминых, бабушкиных, расшитых, мы выступали, песни старинны пели. И в Уфу ездили, и тут пели» (Копытова М. С., 1935 г.р.)⁸⁰. Женский головной убор чехлушка уже в середине XX в. заменился платком. Но эти и другие изменения не отразились на смысловой предназначенности как отдельных предметов, так и всего костюмного комплекса в целом. Ещё в 1950-е гг. одежда отражала возрастные и социальные изменения в жизни женщины, выполняя при этом определенные ритуально-мифологические функции, посредством цвета, украшения и способов ношения. Так девичий наряд старались выкрасить в яркие цвета или шили из разноцветных тканей. Для девичьего костюма была обязательна вышивка «калинка». Женские же наряды были однотонных тёмных расцветок. У девушки была одна коса с вплетенной лентой. Молодка/молодушка заплетала две косы, собирая их в «гнездо», «шишку», «куковку», «околку». Поверх надевала чехлушку-платок. Затем женщина уже не имела права носить другую причёску и ходить без платка.

Таким образом, праздничная одежда до середины прошлого столетия в местной традиции фиксировала положение женщины в пространстве и времени, репрезентировала её переход из статуса в статус и обеспечивала ее владелице возможность коммуникации и самореализации в социуме.

⁷⁶ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-21, Тирлян 2000.

⁷⁷ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

⁷⁸ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998.

⁷⁹ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Нижний Авзян 1998.

⁸⁰ Архив ЛНК МаГУ, ЭК-13, Верхний Авзян 1998

Веселова И. С. 1996: Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // ЖС. 3, 7–10.

Ерёмина В. И. 1978: Поэтический строй русской народной лирики. М.

Зеленин Д. К. 1994: Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / А. Л. Топорков (ред.). М., 179–192.

Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (сост.) 2000: Русские свадебные песни горнозаводских сёл Башкирии: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Магнитогорск.

Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (сост.) 2003: Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. Магнитогорск.

FEMALE DRESSY CLOTHES AS A SYMBOL OF TRANSITION TO TRADITIONAL CULTURE OF YUZHNOURALSK AREA VILLAGES (BASED ON THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY EXPEDITIONS)

S. A. Moiseyeva

The paper presents results of the investigation into one of the most expressive types of traditional clothes, namely, female dressy clothes of Russian villages in Beloretsk district of Bashkortostan. The author considers the attire as age- and gender-related code reflecting female social status transformation within the frame of time and space reference.

Key words: dressy clothes, age- and gender-related code, social status, regional culture, ritual and mythological functions

© 2013

Т. И. Рожкова

«ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ДЛЯ НИЗШИХ ЧИНОВ...» (1836 г.) В. И. ДАЛЯ И «ЗАПИСКИ» Н. В. АГАПОВА (КОНЕЦ XIX в.): К ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Записки казака Н. В. Агапова, рассмотренные в контексте правительственных преобразований в Оренбургском крае, позволяют дополнить представления о деятельности В. И. Даля в качестве чиновника по особым поручениям при губернаторе. Записки убедительно свидетельствуют, что книга В. И. Даля была принята в казачьих войсках и способствовала укреплению воинской культуры казачества.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, В. И. Даль, Н. В. Агапов, социальные регулятивы, воинская присяга и клятва, «наивное» письмо

Рожкова Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: robin.55@mail.ru

Исследователи оренбургского казачества не раз писали о том, что обустройство края, порученное И. И. Неплюеву в 30-е годы XIX в., определило особое внимание к региону со стороны правительства. Эта точка зрения высказана в ряде работ¹. Конкретное содержание совершенствования системы управления с конца XVIII до середины XIX в. обстоятельно прописано в книге Е. В. Годовой². Необходимость и сложность военно-административных преобразований на территории Оренбургского войска во многом была связана с событиями крестьянской войны 1775–1777 гг., обнажившей проблемы самого разного характера. В «Отчете» В. А. Перовского, занимавшего должность военного губернатора края с 1833 по 1842 гг., отмечалось, что хотя после бунта «все и затихло», но «тишина» в доверенной ему области не есть следствие «устройства, а только усталости и изнеможения». Задачу своей деятельности новый губернатор видел в том, чтобы «довести край до возможности стать на ряду с прочими областями Империи». «Из развалин прошедшего быта и зародышей новой гражданственности» губернатор предполагал «постепенно создавать порядок и частными мерами»³.

В Оренбург В. А. Перовский прибыл со своей «командой» летом 1833 г. В ней в должности чиновника особых поручений находился В. И. Даль. Разносторонняя деятельность врача, этнографа, писателя и лингвиста в Оренбурге неоднократно привлекала внимание исследователей, мы обратимся к одному сюжету его оренбургской биографии, к истории написания «Памятной книжки для нижних чинов императорских казачьих войск» (1836), оказавшей влияние как на творчество известного к тому времени литератора, так и на культурно-психологический облик оренбургского казачества.

Хотя на титуле «Памятной книжки» авторство не указано, сомнений оно не вызывает. В. И. Даль включает книгу в перечень своих сочинений, упоминает о ней в письмах к сестре. Сочинение не имеет литературного характера и подчинено задаче воспитания у нижних чинов казачьих войск социально желательного поведения. В «Отчете по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 год» В. А. Перовский включает издание в ряд своих «частных» мероприятий по обустройству края: «Приняты меры к обмундированию и вооружению всех казачьих

¹ В частности, А. В. Глинкин, А. И. Лазарев пишут: «...Оренбургское казачье войско с самого начала, т. е. со времени строительства первой Оренбургской оборонительной линии (20-40-е годы XVIII века), формировалось по желанию и под эгидой государства, под руководством властей — не так, как складывалось, например, Донское, Кубанское, Уральское войско: там все начиналось с «вольницы», со стихии, там сначала возникало братство «беглых людей», «удалых разбойников», охранявших границы государства по своему усмотрению, вступивших в конфликты с чужими королями и своими царями, и лишь потом, вследствие разных социально-исторических передраг, подчинившихся узде правительства; дух этой вольности никогда не был ведом оренбургским казакам» (Глинкин, Лазарев 1996, 6). Эту мысль поддержал журналист А. Иванов, который в масштабном культурном проекте «Увидеть русский бунт» высказал следующее мнение: «Это было первое полноценное казачье войско России, которое не зародилось само собой, а было целенаправленно создано властью» (Иванов 2012, 24).

² С 1798 года, пишет оренбургская исследовательница, губернаторы Оренбургского края вместе с атаманами Оренбургского казачьего войска работали над созданием документа, регламентирующего жизнь и службу оренбургских казаков: «Кропотливая работа, темпы которой в силу складывающихся обстоятельств то замедлялись, то становились более интенсивными, продолжалась в течение 37 лет, и, наконец, 12 декабря 1840 г. проект Положения об Оренбургском казачьем войске был утвержден» (Годова 2007, 71).

³ ОР РНБ. Ф.571. Ед.хр. 13 С.5.

войск, к обучению их стрельбе, составлена особая памятная книжка для этих войск»⁴. Подробности работы над книгой вычитываются из писем Даля к сестре и его собственным заметкам, сделанным позднее.

7 марта 1836 г. В.И. Даль сообщает: «Я написал, по поручению начальства, «Памятную книжку для казачьих войск». Я очень любопытен, как это получилось, и как ее примут. Это народная книжка, написанная простым языком, в которой излагаются все правила и обязанности казака»⁵. Составляя роспись своих сочинений, напротив «Памятной книжки» он сделал следующую запись, разъясняющую причины данного ему поручения: «Правительство разослало в казачье войско, весьма некстати, **общую памятную книжку** (воинские правила, наставления и пр.) для всей армии; пошел ропот на солдатчину; я написал **особую книжку**, и она принята, напечатана в Департаменте военных поселений и разослана во все казачьи войска»⁶. Таким образом, сочинение В.И. Даля было вызвано реакцией казаков на некую книгу, которая покушалась на «особость» и социальные привилегии казачества. Факты открытого неприятия солдат Уральскими казаками содержатся в книге Н. Фокина⁷. Перед военным губернатором встала задача создать новый текст, учитывающий ментальность оренбургского казачества. Было естественным поручить это дело человеку, имеющему способности к словесности.

Вычислить книгу, о которой упоминал Даль, среди изданий этой темы не сложно: в 1835 г. была издана одна «Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии» (СПб., 1835), адресованная солдатам.

«Вопрос: Что есть солдат?

Ответ: Чтоб быть хорошим солдатом, немного надобно: люби Бога, Государя и Отечество; повинуйся слепо начальству; будь храбр и неустрашим в сражениях...»⁸

В письме к сестре В.И. Даль проговорил, что выбрал для своего сочинения «простой язык», но никак не высказался по поводу книги-предшественницы, послужившей образцом некоторых его рассуждений. Из этой книги он взял вопросно-ответную форму изложения, тематические разделы: что такое знамя, кто таков часовой, что такое военные артикулы и т. д. Процитированный выше фрагмент «Что есть солдат?» Даль убрал, заменив рассуждением на тему «Кто таков рядовой казак?», и сделал это с учетом настроений казачества: «Рядовой казак — это тот же солдат, воин Государев <...> А ныне звание казачье Государь благословил почтить и возвысить, даровать казакам всех казачьих войск атамана царской крови: самого Государя Цесаревича, Наследника Царского Престола Александра Николаевича, да сохранит Господь Бог здоровье и благодать его на многие лета!»⁹. Сходство двух книг проявляется на лексическом уровне. Возьмем материал раздела «Что есть знамя» из книги для нижних чинов гвардии и армии: «Знамя есть *священная хоругвь*, под которою соединяются *верные своему долгу воины*. Знамя — *святыня*, слава, *честь* и жизнь служащих. Честный, храбрый солдат, — умрет в

⁴ ОР РНБ. Ф.571. Ед.хр. 13. С. 65.

⁵ Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 26.

⁶ Даль 2002, 470.

⁷ Некоторые факты противостояния солдат и казаков, касающиеся середины XIX века, приведены в работе Н. Фокина (Фокин 2010, 126, 128).

⁸ ПК, 5.

⁹ Даль 2002, 97-98.

руках со знаменем, а не даст его на *порушение неприятелю*; ибо знамя заключает в себе все священные драгоценности наши: *Веру, Государя и Отечество!*»¹⁰. В книге В. И. Даля, обращаясь к казакам, эта идея изложена следующим образом: «Знамя – *хоругвь* или стяг. Это вещь великая, *святая*. К знамени своему стекаются *верные воины*, в нем вся *честь* и слава их. Знамя – символ, или представитель *веры нашей, Государя и Отечества*; за него клади живот свой и не давай честного знамени своего на *порушение неприятелю*»¹¹. Видно, что при переработке материала В. И. Даль использует синонимические замены: «умрет в руках со знаменем» на «за него клади живот свой»; «заключает в себе все священные драгоценности наши» на «в нем вся *честь* и слава их». Слово «солдат» он полностью исключил, хотя перенес в свою книгу примеры героического подвига прапорщика Щегловитова, рядовых Пичугина и Лазарева.

В. И. Даль неоднократно признавался, что его работа завершилась успешно. Сестре в Москву он писал: «Памятная книжка моя, о которой ты спрашиваешь, удостоилась полного Высочайшего одобрения и распространена во все казачьи войска (4 июня 1836)¹². Пересылая ей напечатанную книгу, поделился: «Посылаю тебе, при открывшемся случае, книжечку мою, которая, наконец, вышла. Кой-что выкинуто, но, спасибо, ничего не переменили. Она разослана во все казачьи войска» (4 августа 1837)¹³. Автор остался доволен своей работой. Доволен тем, что его пристрастие к писательскому труду оказалось востребовано. В письме к М. П. Погодину В. И. Даль пишет следующее:

«№ В. Это последнее — полезнейшее и, может быть, самое лучшее, что я написал» (2 декабря 1840)¹⁴. Такая эмоциональная и явно завышенная оценка этой работы объясняется историей развития писательства. Время еще сохраняло идею необходимой связи писательского труда и «общественной пользы». Идея эта была жива в творческом самосознании В. И. Даля.

На сочинение появились хвалебные отклики в периодической печати: «Мы с величайшим удовольствием прочли присланную нам недавно из Оренбурга «Памятную книжку для Императорских казачьих войск», писанную, как слышно, по поручению начальства одним из лучших наших литераторов, живущих в том краю. Простота и народность языка, коим объясняются в ней важнейшие нравственные и служебные обязанности казака как человека и русского воина, обличают талант высокий, постигший искусство говорить понятно русскому необразованному человеку»¹⁵. По завершении своего труда, перед Далем открылись новые творческие перспективы: «Поручено мне написать еще нечто подобное». Ему захотелось облечь дидактические высказывания в художественную форму: «Это мне очень приятно; и это занятие, за которое я взялся бы охотно и с большим чувством самоуверенности; в этом роде я могу быть полезен». Вскоре появились нравоучительные повести «Солдатские досуги» (1843), через десять лет, по поручению Константина Николаевича, — «Матросские досуги» (1853). Так, писатель обратился к написанию сборников открытой идеологической и дидак-

¹⁰ ПК, 14.

¹¹ Даль 2002, 94.

¹² Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 27.

¹³ Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 32.

¹⁴ Даль 2002, 470.

¹⁵ Даль 2002, 470.

тической нагрузки. Исследователь Оренбургского края Н. Модестов дал этим его работам следующую характеристику: «Образцы вполне научного и в то же время до крайней степени популярного изложения высоких научных истин». Эти книги были ответом «на возникший в тридцатых годах прошлого столетия вопрос о том, что читать русскому человеку низших слоев общества»¹⁶. С точки зрения истории авторства, В. И. Даль продолжил в русской литературе сочинительство произведений для народной пользы. Подтверждая свою политическую благонадежность, в автобиографической записке 1841 года он перечислит один из сборников как пример искреннего «повиновения»: «Если угодно обратить внимание на «Памятную книжку для Императорских казачьих войск», написанную мною по поручению оренбургского военного губернатора и удостоенную Высочайшего одобрения; если угодно взглянуть на «Солдатские досуги», написанную мною по собственному побуждению, то, может быть, согласится, что тот, кто написал книжки эти, должен быть глубоко проникнут истиною изложенных начал безответного повиновения Богом данному Государю: иначе этот простой народный язык едва ли бы стал убедительным и ясным»¹⁷.

Прояснить восприятие книги В. И. Даля оренбургским казачеством нам помогут записки казака Николая Васильевича Агапова (р. 1821 — ум. после февраля 1898 г.). Записки создавались, как это часто бывает, на склоне жизни. С точки зрения психологии, автобиографическая память такого типа призвана «обеспечить преемственность» поколений, «организовать «поле возможностей» для потомков», в них автор стремится передать накопленные «ценности и знания»¹⁸. Биография служивого казака не обещала любви к литературному труду. Его брат, Василий Васильевич Агапов, генерал-майор, советник оренбургского губернского правления и атаман 3-го отдела Оренбургского войска, представляя рукопись краеведу и историку казачества С. Н. Севастьянову, писал об авторе следующее: «Николай Васильевич как-то не <охоч> к грамоте и упражнялся на вольной волюшке в бо<дфк> <лазаньи по деревьям, в беганьи на перегонки>, <езде> на баранах, козлах и <лошадях>. <нрзб>, чушки, бабки и проч. Зато он вышел бойцом и с врагами. Большую часть своей службы провел в степи и постоянно с боевыми отличиями. Все чины и ордена получил с бою. Иначе как бы он, полуграмотный, без образования, мог дослужиться до чина подполковника?»¹⁹. Записывать свои воспоминания старый казак Николай Агапов, возможно, взялся по его просьбе, ему он высылал свои законченные тетради. В свою очередь Василий Васильевич Агапов просил историка С. Н. Севастьянова подготовить рукопись к печати: «Посылая Вам рассказы старого воина, брата моего, подполковника Николая Васильевича Агапова, прошу Вас когда-нибудь на досуге прочесть их и, если позволит время, проредактировать. Можно даже кое-что неподходящее исключить» (12 января 1898 г.)²⁰. Письмо позволяет думать, что для советника Оренбургского губернского правления Василия Агапова ценность текста изначально выходила за рамки семейной письменности. Он считал необходимым представить записки всему казачьему сообществу: «Все это для военного сборника, куда, потом, и по-

¹⁶ Модестов 1913, 64.

¹⁷ Даль 2002, 469.

¹⁸ Нуркова 2000, 64-65.

¹⁹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²⁰ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

шлем» (12 января 1898 года)²¹. По всей вероятности, в судьбе старшего брата Василий Васильевич видел высочайшие ценности казачьей ментальности, о которых самое время было напомнить. В письме к краеведу Василий Агапов проговорил несколько важных для себя тем, связанных с возможной публикацией: «Немного найдется у нас таких вояк, и было бы желательно хоть об одном передать читающей публике славу и гордость казацкой <семьи>, не в одних только гражданских заслугах, <дфк> в ратном поле с врагами земли русской»²². Действительно, записки Николая Агапова почти не содержат воспоминаний о личной жизни, семье и детях. В центре — становление личности молодого казака, природа его героизма, смекалистости, тема верности долгу и преданности государю и Отечеству.

С 1837 г. книга В. И. Даля распространялась среди оренбургских казаков. В 1840 г. состоялась первая военная командировка Николая Васильевича Агапова к «управителю Средней части орды». Одна из ведущих тем его рассуждений — тема верности воинской присяге, хотя сам ритуал принятия присяги в записки не включен²³.

В записках Агапова, человека, воспитанного «в строго религиозной» семье, присяга функционирует в сакральном поле ценностей. Для него она сродни «родительскому святому благословению», которое всегда свято чтилось, а исполнение считалось основой всякого успеха. Человек, нарушающий родительские наказы, оказывался без судьбы. В этом поле жизненных ценностей и возникает тема присяги. Николай Агапов так отвечает своему начальнику на предложение продать коня: «Я дорожу завещанием своего дорогого родителя, я запечатал в сердце моем его слова равно как данную мне присягу»²⁴.

Исторически присяга более позднее явление, она «выступает носительницей юридического отношения, это форма клятвы, приносимая государству или его институтам»²⁵. С историко-культурной точки зрения, клятва как «ритуальное действие средневековой религиозной культуры» дополнилась в присяге новым смыслом, регулирующим отношение человека с государством.

В обеих книгах, изданных для нижних чинов, присяга — религиозно-правовой акт: «клятва, обещание, которое возносится из уст человека прямо к Богу» (В. И. Даль); «клятва, данная пред лицом Божиим на кресте Спасителя и на святом его Евангелии» («Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии»). Средневековый смысл клятвы дополнился в них государственной идеологией: «казак, вступая на службу из малолетков» дает присягу «Богу и Государю» (В. И. Даль); «служить Богу и Государю верою и правдою» («Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии»). Так проходил процесс создания института государствен-

²¹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²² Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²³ Ритуал присяги Уральского казачьего войска см. Фокин 2010, 203.

Безусловно, можно предположить, что высказывания этой темы должны быть самыми распространенными в воспоминаниях воинов. Между тем, это оказалось не так. Приблизительно в это время были напечатаны «Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева» (Уральск, 1895), где эта тема возникает только один раз: «Поступай ко мне — твоему государю на службу», — сказал грозно Пугачев.

— Один раб двум царям не служит, — смело ответил Алексей. — Я присягал императрице Екатерине и тебя не признаю за своего государя, — сказал Алексей (Гуляев 1895, 8).

²⁴ Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков 2013, 11.

²⁵ Опехов, <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig6.html>

ной регуляции поведения воина, с учетом ситуации, при которой церковь являлась господствующим институтом воздействия на мировоззрение народа. Неслучайны в разделе «Что такое присяга?» напоминания казакам и солдатам, перешедшие из средневековой воинской культуры: «На том свете душа нужна. А кто присягал на одно, а делает другое, не будет прав и перед Богом» (В. И. Даль); «Нет пощады подлому беглецу ни на белом свете, ни на страшном суде Божиим» («Памятная книжка для нижний чинов гвардии и армии»).

При чтении записок казака Агапова мы имеем возможность наблюдать, как оформление сакрального характера присяги способствует регулированию сложнейших ситуаций в походной жизни. В одних эпизодах присяга функционирует как «божба» как безусловное свидетельство и доказательство чистоты помыслов казака в противоречивых обстоятельствах.

«Лошади чуть едва тащились с усталости и чуть, сутки не пивши, отошли от места верст десять, встречаются десять казаков, отсталых во время погони. Я спешил и во фрунт, поздоровавшись, спросил:

— Вы принимали присягу и помните, что там сказано?

— Помним, Ваше благородие.

— Почему же вы не хотели со мной ехать, а отстали? Вы должны поступать по долгу принятой вами присяги.

— Рады бы с вами умереть, да лошади у нас задохлись»²⁶.

Агапов принимает объяснение отставших казаков, не сомневаясь в правдивости и искренности их слов. В записках есть эпизоды, когда перед Агаповым встает необходимость принятия быстрого решения. Здесь присяга способствует безусловному объединению казаков, определяет единый порыв храбрости:

«Я встал и разбудил всех, приказываю им:

— Не робеть, помня присягу, берись за оружие!»²⁷.

О присяге вспоминал Агапов в ситуации своего искушения, чтобы обрести внутреннее успокоение и не допустить «смущения духа»: «Я доволен деньгами и наградой от своего государя, от вас получить ничего не могу, это вам годится, ваше — будь у вас, а мое — у меня. На то присяга»²⁸. Послушание — одно из главных качеств «исправного казака» в книге нравственных правил В. И. Даля и важнейшая черта в поведении Николая Васильевича: «Как мы, полковник, по Вашему приказанию и по назначению должны исполнять без ропта, куда Вам будет угодно, служба одинакова»²⁹. Присяга определяла меру свободы казака в условиях постоянных военных походов: «Надеюсь, что он не откажет. А вы, господа, гордитесь тем, что на нас начальство надеется, и поэтому мы должны исполнять распоряжения всякого рода по долгу принятой нами присяги»³⁰.

В книге для нижних казачьих чинов В. И. Даль особо останавливается на прописывании правил поведения казака в случае, если ему придется быть свидетелем при дознании: «Не менее того со страхом и великою правдою присягай, коли начальство требует тебя в свидетели: что видел, что знаешь — говори; чего не знаешь,

²⁶ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 33.

²⁷ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 61.

²⁸ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 88.

²⁹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 28.

³⁰ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 34.

не видал — не говори»³¹. Эта сторона нравственных обязанностей воина помогала выстроить открытый диалог внутри казачьей общины: «Ну, есаул, как ты с командой ездил в аул? Нам послушать угодно, Расскажи все нам подробно с начала и до конца и как выручили сотника Алабужина-молодца (он вас, я думаю, ожидал как родного отца) и всю его команду, и по долгу присяги скажи же всю правду»³². Сакральный смысл присяги ярко проявляется в эпизоде выяснения «истинных» обстоятельств на поле сражений: «По прибытии взвода на назначенное место полковник Соколов допросил прежде урядников, потом казаков и после двух киргиз, всех под присягою, по одиночке: как было дело и сколько было хивинцев»³³. В записки вошел сюжет, в котором Агапов под давлением со стороны начальства нарушил присягу, хотя ему было велено сказаться больным:

«На это был согласен, что сотню сдать могу, а подать рапорт о болезни никак нельзя.

— Почему же так?

— А потому что я принял присягу служить верой, правдой, а Вы мне предлагаете изменить присягу и быть преступником Богу и великому государю.

— Боже мой, да если я Вам дам предписание о сдаче сотни.

— Только с разрешения военного губернатора.

— Но тогда ведь Вы не получите никакой части, кроме субалтерн-офицера, а эта Ваша сдача не более как на одну неделю и опять примите свое начальство над сотнею. Согласны?

— Нет, полковник, мне присяга всего дороже»³⁴.

Агапов подробно описывает все обстоятельства происходящего:

«Тут вся комиссия начала меня уговаривать в подании о болезни рапорта.

— Я страшусь этого, Вы же можете меня изменником божественной присяги.

— Мы божимся Всевышним Богом, что это не от Вас самих зависит, а требует от Вас начальство»³⁵. По всей вероятности, эта история серьезно беспокоила Агапова и в старости, хотя он и «остался во всех отношениях правым», а многие угодили под суд.

Походная жизнь оренбургского казака требовала от него не только воинского героизма. Служба в степи провоцировала неординарные психологические ситуации, требовала особой уверенности в отношениях с рядовыми казаками, вышестоящими по званию, ордынцами и пр. Среди документов регламентирующих нравственную жизнь и службу оренбургских казаков — «Памятная книжка для казачьих войск» В. И. Даля. Написанная по поручению губернатора, она нашла своих единомышленников и способствовала укреплению внутреннего мира казака в его непростом диалоге с жизнью, с Богом и Государем.

ЛИТЕРАТУРА

Глинкин А. В., Лазарев А. И. 1996: Песни оренбургских казаков. Челябинск.

Годовова Е. В. 2007: Оренбургское казачье войско в 1798-1865 годах. Самара.

³¹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 94.

³² Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 91.

³³ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 54.

³⁴ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 91.

³⁵ Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков 2013, 91.

- Гуляев А. Л. 1895: Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева. Уральск.
- Иванов А. 2012: Увидеть русский бунт. М.
- Матвиевская Г. П., Прокофьева А. Г., Зубова И. К., Прокофьева В. Ю. 2011: Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге. Оренбург.
- Модестов Н. 1913: В. И. Даль в Оренбурге. Исторический очерк. Оренбург.
- Матвиевская Г. П., Прокофьева А. Г., Зубова И. К., Прокофьева В. Ю. (ред.) 2002: Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург.
- Нуркова В. В. 2000: Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти. М.
- Орехов С. И. 1989: Клятва и проклятие как элементы религиозного культа// Отношение человека к иррациональному. Сборник. Свердловск. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig6.html>
- Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии 1835. СПб.
- Филиппова И. А., Годовова Е. В., Моисеева С. А. (ред.) 2013: Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Оренбург.
- Фокин Н. 2010: Уральск православный. Уральск.

V. I. DAL AND ORENBURG COSSACKS (THE ISSUE OF MENTALITY SHAPING)

T. I. Rozhkova

The notes of Cossack N. V. Agapov examined within the framework of government reforms in Orenburg area make it possible to develop the idea of V. I. Dal's activity as the governor's ad hoc officer. The notes supply conclusive evidence that V. I. Dal's book was approved by the Cossacks and fostered Cossack military culture.

Key words: the Orenburg Cossack Army, V. I. Dal, N. V. Agapov, social rules, oath of allegiance, 'naïve' letter

© 2013

О. В. Рвачева

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ. ПОПЫТКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Процесс казачьего возрождения, начавшийся в к. 1980-х гг., по замыслу его участников должен был восстановить культурную среду казаков. Однако воспоминания о «золотом веке» казачьей истории, объединявшие тех, кто желал возрождения казачества, расходились с историей. Попытки же воплощения культурных традиций и форм в современных условиях конца XX — начала XXI в. приводили к искажению социокультурной системы.

Рвачева Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Южного научного центра РАН, доцент кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала РАНХиГС. E-mail: olgarvacheva@mail.ru

Социальная память потомков казаков стала важнейшим фактором казачьего возрождения, однако она же создала ситуацию деформации истории. В статье рассматривается, как противоречия между социальной памятью и историческими реалиями повлияли на развитие процесса казачьего возрождения в конце XX в.

Ключевые слова: социальная память, история, казачество, возрождение казачества

В обыденной жизни мы часто обращаемся к памяти и истории как к синонимичным понятиям. Для индивидов и социальных групп история и память — это и накопленный опыт, и средство осмысления этого опыта. Однако в отличие от истории и исторического сознания, в контексте их научного понимания, память выбирает из прошлого события и факты актуальные для настоящего существования индивида или коллектива. При этом часто складывается ситуация мифологизации и конструирования прошлого. Цель данной статьи — проанализировать как обращение к памяти и к истории повлияло на начало и развитие процесса казачьего возрождения конце XX — начале XXI в.

Спецификой существования казачьих сообществ в современной России являлась прерывистость их исторического бытия. Казачество как специфическое социокультурное явление постепенно исчезало из реалий советского общества. Это происходило как под воздействием различных мер по расказачиванию, так и в связи с тем, что мероприятия советской власти по модернизации страны приводили объективно к размыванию основ социокультурной системы казачества.

Результатом такого состояния казачества стало то, что одной из важнейших посылок казачьего возрождения в к. 1980-х гг. «запустившей» механизм воспоминания стал страх «потерять прошлое, угроза его забывания, ослабление... памяти»¹.

Так, тема сохранения памяти и традиции звучала и в письмах жителей Ростовской области, присылаемых в 1990 г. в редакцию газеты «Молот» и в Оргкомитет Съезда казаков Дона: «...отрадно, что на Верхнедонецкие народные казачьи хоры становятся привычным явлением, что возрождаются народные промыслы...», «...поют бабушки, тетки и дядьки, мама с отцом... в нестройном пении моих родных трогает меня казачья песня, и веет ветер старины, и тоска по родной земле, и любовь к ней понятны мне и близки. Хочу, чтобы маленькая дочурка моя, не в пример своей маме, знала и умела петь эти грустные и задорные песни, гордилась тем, что в ее жилах течет казачья кровь...», «...сохранить надо рецепты приготовления донских блюд. Кто слышал, что такое «кулага»?», «...Литературному товариществу «Шолоховский круг» надо резко улучшить свою деятельность. Идти к людям. Ведь многие не знают ни истории казачества, ни славных его (минувших) дел»².

Второй важной посылкой казачьего возрождения, непосредственно связанной с темой памяти, стал поиск в обществе новой идентичности взамен разрушавшейся советской. Казачья культура в скрытой форме продолжала сохраняться на протяжении всего советского периода, а в конце 1980-х гг. в результате кризиса советской культуры, сложились благоприятные обстоятельства для выхода казачьей культуры из латентного состояния.

Работа памяти для процесса возрождения казачества имела на наш взгляд ключевое значение, так как она позволяла восстановить временную последова-

¹ Дубин 2008, 10.

² Озеров, Киблицкий 2000, 102, 103, 106, 108 и др.

тельность культурного опыта³. Другая важная функция памяти — «от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем... с проекцией в будущее» — также оказалась востребованной в казачьем возрождении. Участникам казачьего возрождения, говорившем от имени казачьих сообществ, требовалось не просто воссоздать картину прошлого казачества, но и актуализировать это прошлое, то есть история казачества должна была оправдывать и обосновывать необходимость казачьего возрождения.

Участники процесса возрождения казачества сразу озвучили идею «воссоздания своей среды обитания»⁴. На практике это должно было привести к воссозданию основных элементов социокультурной системы казачьих сообществ — воинской службе, специфической системе самоуправления и особой системе общинного землепользования. Стержневой основой системы являлась служилая воинская компонента, определявшая и специфику культуры, и особый статус казаков в прошлом (военно-служилое сословие).

В попытках возрождения этих элементов проявилось противоречие между образами социальной памяти и историческими реалиями.

Казачья служба воспринималась участниками возрождения как некий родовой компонент системы: «казак рождался воином, с малолетства готовил себя к военной службе». Полезность и нужность казачьей службы Российскому государству воспринималась вне времени и исторических обстоятельств: «Сегодня необходимо в союзе с представителями власти, армейского командования, военкоматами и Союзом казаков вернуть в армию казачьи воинские традиции»⁵.

Утрата казаками военно-служилого статуса после установления советской власти означала для многих не только утрату привилегий, но и исчезновение одного из важнейших критериев казачьей идентичности. Неслучайно в период создания территориально-милиционной системы в 1920-30-х гг., имевшей внешнее сходство с системой иррегулярных войск, власть предложила ее казакам как адаптационную форму для вовлечения в процесс социалистического строительства. А в Законе Краснодарского края о реабилитации кубанского казачества, принятого в 1995 г. ликвидация традиционных форм подготовки, обучения и несения воинской службы характеризовалась как репрессивная мера в отношении кубанского казачества⁶.

В Концепции государственной политики по отношению к казачеству 1994 г. государственная служба казачества была объявлена фактором, в результате воздействия которого «казачество приобрело те черты, которые характеризуют его как специфическую часть российского народа». Среди видов и форм государственной службы, перечисленных в Концепции, служба в Вооруженных силах РФ стояла на первом месте⁷. Таким образом, и для казачества, и для власти возрождение

³ Дубин 2008, 10.

⁴ Таболина 1999, 81.

⁵ Водолацкий, Озеров, Киблицкий 2006, 78-79

⁶ Закон Краснодарского края № 15-КЗ от 26 сентября 1995 г. «О реабилитации кубанского казачества» // Сборник нормативных актов Российской Федерации и Краснодарского края, принятых в отношении казачества 1995, 163.

⁷ Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству. Одобрены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 // Российская газета. 1994. 13 мая.

казачьей службы становилось важным идентификационным и мобилизационным принципом, позволявшим казакам не только вспомнить о важнейшем элементе культурной специфики, но и вернуть «утрату», а власти использовать возможный потенциал социальной группы.

Следуя логике возрождения как восстановления исторических форм жизнедеятельности казачества, участники казачьего движения в нач. 1990-х гг. неоднократно высказывали пожелания о восстановлении традиционных форм организации казачьей службы, которая, по их мнению, способствовала бы улучшению качества службы и избавлению от многих негативных моментов в армии.

Участники возрожденческого процесса не обращали внимания на те исторические факты, которые свидетельствовали о том, что уже к началу XX в. военная служба казаков являлась не только архаическим пережитком феодальной служилой системы за льготы, но и становилась экономически тяжела для самих казаков. В начале XX в. в среднем затраты на снаряжение казака составляли больше двухсот рублей, росло число казаков, неспособных за собственный счет снарядиться на службу. Таким казакам выдавались ссуды станичными обществами, взамен общество получало право распоряжаться паем такого казака, сдавать его в аренду в счет погашения ссуды⁸. В 1900 г. начальник Главного управления казачьих войск Щербов-Нефедович после командировки в Область Войска Донского в отчете написал, что есть случаи, когда казаки-отцы просят станичный сбор взять в распоряжение пай их сыновей и тем самым снимают с себя ответственность за снаряжение на службу⁹.

Не менее важным для анализа проблем возрождения казачьей военной службы является установление невозможности воспроизвести традиционные принципы комплектования казачьих частей, а именно принцип территориальности, создания воинских землячеств. Во-первых, вооруженные силы российского государства формировались по закону на экстерриториальной основе, во-вторых, казачьих войск как территориально-административных единиц больше не существовало, как и иррегулярных частей которые они комплектовали, и реализовать предлагаемый способ формирования воинской части - хутор-отделение-взвод; станица-рота; район-батальон-полк — оказалось невозможно. Попытки его внедрения были неудачными.

Уничтожение после гражданской войны войсковой системы и насильственный передел земли, произведенный большевиками с последующим введением колхозного строя, привел к складыванию и закреплению в памяти потомков казаков мифа об утерянном казачьем благосостоянии в виде земельного пая, обеспечивающего казакам безбедное существование в Российской империи. В результате движение за возрождение казачества в конце XX в. одним из краеугольных принципов этого возрождения объявило восстановление казачьей общинной ответственности на землю¹⁰.

Как современные историки, так и исследователи земельного вопроса в казачьих войсках в нач. XX в. констатировали кризис системы общинного землеполь-

⁸ Футорянский 1995, 59-60.

⁹ Доклад о результатах командировки начальника главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1900 г. в Область Войска Донского 1902, 33.

¹⁰ Водолацкий, Озеров, Киблицкий 2006, 35-36.

зования. По Положению 1835 г., душевой надел казака должен был составлять 30 дес. Однако к нач. XX в. в результате увеличения населения этот размер сократился в несколько раз и на Дону в среднем составлял 11 дес. (а в реальности по отдельным округам доходил до 4-5 дес.¹¹).

Серьезную проблему для развития землепользования составляла процедура наделения паем молодого казака и сопровождавшие ее земельные переделы. Авторы аналитических материалов, публикуемых Статистическим комитетом Области войска Донского, отмечали, что именно переделы в начале XX в. особенно негативно отражались на состоянии казачьей наделной земли, так как приводили казачий пай к размерам, достаточным лишь для удовлетворения необходимых потребностей и то в средние по урожайности годы¹².

Отсутствие законодательных актов, позволивших бы казакам осуществлять землепользование в других формах (артельные аренды, например и др. формы землепользования, которые стали доступны крестьянам во второй половине XIX в.) усугубляли экономическое отставание казаков от крестьян, проживающих на территориях казачьих войск.

Однако ни кризис экономический, сопровождавший общинное казачье землепользование, ни другие исторические факты, как то: полуфеодальное прикрепление казака к станице (для отлучки из станицы требовалось разрешение атамана), невозможность свободного распоряжения своим земельным паем (казак был лишь пользователем земли но не собственником ее), не принимались участниками возрождения во внимание. На российских общеказачьих форумах нач. 90-х гг. XX в. постоянно принимались положения в поддержку общинного принципа землевладения: «Необходимо соединение общинного хозяйствования с современными сельскохозяйственными технологиями, возвращение к понятию юртовых земель... с их общинным обихаживанием...»¹³. В принимаемых на разных уровнях власти документах снова и снова воспроизводится положение о необходимости восстановления специфичной формы казачьего землевладения и землепользования, которая определяется как общинная. Для осуществления этой задачи федеральные и региональные власти разрабатывали документы, вводящие в правовую и хозяйственную практику понятие казачьего землепользования, создавали условия для формирования специального целевого земельного фонда для наделения земель казачьих обществ. Однако в новых экономических условиях воспроизвести общинное землепользование было невозможно.

Но была и другая сторона вопроса. Казачьи войска являлись земельными общинами, в пределах которых казаки, составляя повсеместно менее половины населения, тем не менее на правах «титульного этноса» контролировали все экономические ресурсы. К началу XX в. сформировалась особая казачья земельная идеология, основанная на принадлежности занятых казаками земель всему казачьему войску и казачьих демократических порядках землепользования¹⁴. С началом возрожденческого процесса казаки попытались вернуть себе особое положение на территориях традиционного проживания, инициировав правовые попытки

¹¹ Футорянский 1995, 67.

¹² Греков 1901, 19.

¹³ ГАКК. Ф. 1843. Оп.1. Д. 19. Л. 83.

¹⁴ Водолацкий, Озеров, Киблицкий 2006, 35-36.

объявления этих территорий историческими территориями проживания казаков. Участники возрожденческого процесса вновь обратились к идеологическим обоснованиям казачьих прав на землю которые, как явствует, например, из резолюций первого Большого круга Союза казаков Области войска Донского, оплачены казачьей кровью¹⁵.

Наконец, третий элемент казачьей социокультурной системы, который попытались возродить в современных условиях — казачье самоуправление, — также не избежал деформаций, связанных с особенностями восприятия событий прошлого социальной памятью.

Казачьи сообщества рассматривали как хранителей и носителей традиций демократического управления. «Когда американские отцы-основатели» только выработывали основы демократического общества, казаки уже сотни лет жили по законам демократии»¹⁶.

Несмотря на то, что управленческие институты казаков на всех этапах истории выполняли в общем-то одни и те же функции (организация сообщества, выработка норм управления), специфика их различалась порой кардинально. В XVI–XVII вв. атаман и круг на Дону исполняли не только функции управления, но и играли сакральную роль, их основной задачей являлось сохранение общей доли (жизненной силы) сообщества¹⁷. В XVIII–XIX вв. войсковые круги превратились в декоративный элемент казачьей системы управления, а атаман стал имперским чиновником. Восстановление деятельности кругов и рад и выборности атамана после февральской революции 1917 г. привели к формированию в казачьих областях системы представительной демократии¹⁸.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в общественно-политической лексике в связи с развитием движения за возрождение казачества вновь появляются такие слова, как «круг», «атаман», «казачий сход» и пр. По сути это свидетельствовало о начале процесса конструирования социокультурных границ казачьего возрождения. В его практику вводились традиционные элементы организации и управления, существовавшие у казаков до начала XX в. Но традиционные казачьи управленческие институты приобретают принципиально иную специализацию. В 90-х гг. XX в. казачий круг уже не является органом управления социума, тем более органом государственного управления, донским парламентом, «хозяином земли Донской», каковым он был в 1917 г. и в период гражданской войны. Теперь это форма собрания в рамках общественной организации, без прежних прав и суверенных возможностей. Атаман становится главой не политико-административного образования с собственной территорией, а общественной организации, пусть и получившей после 1997 г. особый реестровый статус.

Все попытки введения традиционного казачьего самоуправления на казачьих территориях даже на уровне станицы-хутора столкнулись с главной проблемой современности — отсутствием выраженной казачьей идентификации у населения. Было непонятным, чьи интересы в таком случае представляли казачьи структуры власти.

¹⁵ Водолацкий, Озеров, Киблицкий 2006, 75.

¹⁶ Водолацкий 2005, 23–24.

¹⁷ Рыблова 2008, 131.

¹⁸ Рвачева, Рыблова 2009.

Таким образом, в казачьем возрождении отчетливо проявились те черты, которые Дж. Тош назвал чертами социальной памяти, обладающими особенно серьезным искажающим эффектом¹⁹. Это особое отношение к традициям и ностальгия по прошлому, когда из истории казачества вычленялись в наиболее привлекательном виде факты и явления, такие например как патриотизм казаков их участие и героизм в военных сражениях. При этом не учитывалось, что казаки нередко в истории выступали и в качестве «потрясателей основ» российской государственности.

В начале возрожденческого процесса память, обладая мощным мобилизационным эффектом, способствовала быстрому развитию возрожденческого процесса. Но противоречия между историческими реалиями и сюжетами, выбранными социальной памятью привели к торможению этого процесса, так как реальность постсоветской действительности потребовала серьезных адаптационных механизмов для восстановления казачьей среды обитания.

ЛИТЕРАТУРА

Водолацкий В. П. 2005: Круг десятый (обратной дороги нет). Документально-информационный бюллетень по основным направлениям деятельности казачьих обществ на 2005 г. Ростов-на-Дону.

Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. 2006: Возрождение: первый круг казаков Дона. Ростов-на-Дону.

Греков А. 1901: Очерки крестьянского землевладения и землепользования в таганрогском округе // Сборник Области Войска Донского Статистического комитета. Вып. 2, 14–22.

Дубин Б. 2008: Память, война, память о войне // Отечественные записки. 43 (4), 6–21.

Озеров А. А., Киблицкий А. Г. 2000: История современного донского казачества. Исследования и документы. Монография. Ростов-на-Дону.

Рвачева О. В., Рыблова М. А. 2009: Тенденции развития систем казачьего управления на территории Войска Донского (XVIII–XX вв.) // Власть. 4, 136–139

Рыблова М. А. 2008: Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону (XVI–XVIII вв.) // Власть. 11, 129–133.

Табolina Т. В. 1999: Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М.

Тош Дж. 2000: Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.

Футорянский Л. И. 1995: Казачество на рубеже веков. Оренбург.

SOCIAL MEMORY AND HISTORY: (METHODOLOGICAL ANALYSIS ATTEMPT)

O. V. Rvacheva

Cossack revival that started in the late 1980s was meant to restore Cossack cultural environment. But reminiscences of the Cossack golden age that united partisans of Cossack revival differed from history. Attempts to adjust cultural forms and traditions to modern conditions at the turn of the century brought forth distorted socio-cultural system. Cossack descendants' social memory became an important factor of Cossack revival, but it also created history distortion. The paper covers the impact created by contradictions between social memory and historical facts on Cossack revival in the late 20th century.

Key words: social memory, history, Cossacks, Cossack revival

¹⁹ Тош 2000, 22.

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ФОРМ ОБРЯДОВОГО СВАДЕБНОГО ХЛЕБА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН*

В статье рассматриваются принципы номинации обрядовых форм хлеба в восточнославянской свадьбе. Автором исследована взаимосвязь между ментальными представлениями, связанными со свадьбой, и наименованиями ритуальной выпечки у восточных славян, определены элементы «плана содержания» обряда, которые обуславливают выбор того или иного признака при номинации форм хлеба.

Ключевые слова: принцип номинации, обряд, культурный термин, восточнославянская свадьба, обрядовый хлеб

Номинация — это «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц — слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений»¹. Исследователи языковой номинации отмечают, что имена не обозначают «субстанционального характера вещей», а отражают лишь один из аспектов именуемого предмета: «В акте наименования человек из множества данных, которые поставляются нашими чувствами, устанавливает определенные фиксированные центры восприятия»². В число важных понятий теории номинации входит принцип номинации, который является семантической, содержательной категорией и определяется как «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых номинаций»³.

По отношению к культуре язык рассматривается не просто как один из ее кодов, но и как первоначальная основа, которая «всегда стоит за любым другим культурным знаком, к какому бы субстанциональному коду он ни относился, ибо все выражаемое культурными текстами может быть выражено и средствами языка»⁴. Изучение принципов номинации элементов традиционной культуры представляется перспективным, поскольку во внутренней форме таких лексем могут актуализироваться важные для культуры смыслы. Такое исследование может оказаться продуктивным при применении этнолингвистического подхода, предполагающего комплексное рассмотрение языкового материала в широком культурном контексте с привлечением ряда методов, разработанных в лингвистике, целью кото-

Гревцова Татьяна Евгеньевна — стажер-исследователь лаборатории филологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, аспирант Южного федерального университета. E-mail: tanyar_2@mail.ru, grevcova@ssc-ras.ru

* Работа выполнена в рамках проекта «Народная традиция донского казачества в меняющемся мире: опыт этнолингвистического словаря» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

¹ Телия 1997, 269.

² Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова 1977, 49.

³ Блинова 1972, 99.

⁴ Толстая 2008, 337.

рого является реконструкция славянской духовной культуры⁵. Важный источник такой реконструкции — особый пласт народной лексики, называемый культурной терминологией⁶. К особенностям культурных терминов можно отнести то, что они одновременно принадлежат и языку, и культуре⁷ и являются заглавием определенных текстов, их словесными символами⁸.

Свадебный обряд, являющийся наиболее устойчивым фрагментом традиционной народной культуры славян, является богатейшим источником для изучения обрядовой лексики и терминологии⁹. Хлеб как наиболее сакральный вид пищи у славян наделяется различными символическими функциями во всех обрядовых комплексах традиционной славянской культуры (родильно-крестильном, свадебном, похоронном, календарном). Большое количество названий свадебного хлеба, зафиксированных в восточнославянских говорах, хорошая сохранность действий с формами выпечки на разных этапах обряда делали и делают привлекательным изучение терминологии и символики ритуального использования изделий из теста в восточнославянской свадьбе¹⁰.

Цель статьи — выявить взаимосвязь между ментальными представлениями, связанными со свадьбой, и наименованиями форм обрядового свадебного хлеба у восточных славян. Для поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**: 1) осуществить выборку производных лексем, обозначающих формы свадебной выпечки, из диалектных словарей русского, белорусского и украинского языка, этнографических и этнолингвистических работ, посвященных восточнославянской свадьбе; 2) выявить принципы номинации производных лексем, обозначающих изделия из теста, с которыми совершаются ритуальные действия на разных этапах обряда; 3) определить элементы «плана содержания» свадебного обряда, которые обуславливают выбор того или иного признака при номинации форм выпечки¹¹.

С лингвистической точки зрения, термины, обозначающие формы обрядовой свадебной выпечки у восточных славян, можно разделить на две группы: те, которые на данном синхронном срезе осознаются как непроизводные (включая и заимствования) (укр. *бóхун* — ‘хлеб, который гости приносят на свадьбу’¹², укр. *книш* — ‘свадебная выпечка, изготавливаемая у молодой’¹³, рус. *бурсák* ‘маленький продолговатый хлебец, который невеста пекла к обряду запоя’¹⁴), и те, которые осознаются как производные (рус. *ку́рник* — ‘украшенный хлеб, подаваемый в конце свадебного угощения’¹⁵, рус. *ры́бник* — ‘пирог, который разделяется после венца между молодыми’¹⁶, рус. *рукобóйтник* — ‘большой медовый пряник,

⁵ Толстой 1995, 15–26.

⁶ Толстой 1995, 22.

⁷ Толстая 1989, 216.

⁸ Толстой 1995, 22.

⁹ Узенева 2010, 14.

¹⁰ Библиографию см. в Гура 2012, 11–15.

¹¹ Понятие «обрядовый хлеб» в данной работе понимается в узком смысле — как совокупность изделий из теста, приготовленных способом выпечки или жарения.

¹² Аркушин 1, 2000, 29.

¹³ Магрицька 2003.

¹⁴ Кудряшова 2011, 59.

¹⁵ Филин, Сороколетов, Мызников 16, 1980, 135.

¹⁶ Дилакторский 2006, 541.

который сваты разламывают за столом¹⁷). Следует отметить, что в отношении культурной терминологии такое разделение может представляться условным, так как данная лексика всегда является производной по отношению к общеупотребительным словам и обладает особыми свойствами, которые обуславливаются ее функционированием в обряде: она описывает обряд с позиции стороннего наблюдателя и является его метаязыком¹⁸. Таким образом, исследователя обрядовой терминологии может интересовать не только то, как внутренняя форма названий свадебной выпечки отражает основные культурные смыслы ритуала, но и проблемы возникновения и развития культурных функций у производных названий повседневной выпечки в свадебном обряде. Однако интерес с точки зрения изучения принципов номинации представляет вторая группа терминов — производные лексемы, внутренняя форма которых осознается носителями традиции. Именно в словах данной группы представляется возможным выделить символические смыслы свадебного обряда, актуализированные в названиях выпечки.

Производные лексемы мы разделили на две группы: 1) лексемы, принципы номинации которых отражают свойства выпечки, и 2) лексемы, в которых актуализировано функционирование выпечки в обряде. В названиях первой группы чаще всего находят отражение свойства теста, внешний вид, форма изделия и способ ее придания при изготовлении, качество начинки (при ее наличии). В наименованиях второй группы обычно актуализируются такие обрядовые элементы, как этап свадьбы и само ритуальное действие, совершаемое с выпечкой, персонаж обряда (адресат или адресант действия), особые локусы, непосредственно культурные значения свадьбы. Кроме того, принцип номинации ряда терминов отражает принадлежность выпечки к свадебному обряду вообще (рус. *свадебные калачи* — ‘свадебная выпечка, которой угощают дружок и дружка встречающих по дороге к венцу’¹⁹, рус. *свадебник* — ‘свадебный пирог’²⁰, укр. *весільні хлібці* — ‘выпечка в виде двух круглых хлебов, которая символизирует молодых и разделяется между участниками свадьбы вместе с караваем’²¹).

Лексемы, принципы номинации которых отражают такие свойства выпечки, как качества теста (рус. *мушник* — ‘обрядовый хлеб из ячменной муки на сочне, использующийся как свадебный каравай’²², рус. *аржаной каравай* — ‘каравай, испеченный в доме невесты накануне сватовства’²³) или способ приготовления или придания формы изделию (рус. *наливник* — ‘наливная шаньга, непременно свадебное угощение’²⁴, рус. *сгібень* — ‘белый пшеничный хлеб, необходимая составляющая свадебного угощения’²⁵, укр. *паляниця* — ‘хлеб во время сватовства’²⁶), часто являются названиями повседневной выпечки, которые становятся культурными терминами в связи с их функционированием в особой обрядовой ситуации.

¹⁷ Мельниченко 8, 1989, 139.

¹⁸ См. Толстая 1989.

¹⁹ Филин, Сороколетов, Мызников 12, 1977, 338.

²⁰ Филин, Сороколетов, Мызников 36, 2002, 248.

²¹ Магрицька 2003.

²² Подюков, Хоробрых, Антипов 2004, 89.

²³ Пискунова, Махрачева, Губарева 2001, 88.

²⁴ Подюков, Хоробрых, Антипов 2004, 92.

²⁵ Филин, Сороколетов, Мызников 37, 2003, 17.

²⁶ Магрицька 2003.

Подобным же образом приобретают ритуальные функции в свадьбе непроеданные на современном языковом срезе и исконные лексемы (бел. *piróg* — ‘выпечка с начинкой, которую едят после договора о браке’²⁷, укр. *млині* — ‘главное угощение на вечере молодого и его товарищей за день до свадьбы’²⁸), и заимствованные наименования изделий из теста (рус. *куккуй* — ‘свадебный пирог с мясом’²⁹, рус. *коку́ра* — ‘изделие из теста, служащее традиционным свадебным угощением’³⁰).

В ряде наименований, обозначающих свадебный хлеб, актуализируются его вкус и свойства теста (рус. *мякуша* — ‘приготавливаемый к свадьбе ржаной хлеб, зашиваемый накануне девичника в скатерть вместе с двумя пшеничными калачами, столовой чашкой, миской, солонкой с солью и двумя новыми ложками’³¹, рус. *не́жник* — ‘продолговатый свадебный пирог, который выпекают вместе с караваем’³², укр. *го́жа хлі́біна* — ‘хлеб во время сватовства’³³, рус. *хорошу́ля* — ‘круглый с украшениями свадебный пирог’³⁴). Отражение хорошего качества хлеба в его названиях является закономерным именно для свадьбы, так как обилие и богатство праздничного стола, многообразие обрядовой выпечки на нем продуцируют богатую и счастливую семейную жизнь новобрачных (с такими представлениями связано и поверье, что неудавшийся главный свадебный хлеб сулит неблагоприятную жизнь молодым).

Номинация форм обрядовой выпечки может отражать наличие и состав начинки, которая в некоторых случаях является знаковой для структуры ритуала. Например, рус. *ку́рник* — ‘круглый пирог с начинкой из курицы или куриных потрохов’³⁵ соотносится с курицей как символом невесты и воплощением плодovitости³⁶. В названиях рус. *сла́дкие пиро́ги* — ‘маленькие пирожки с мясом и черемухой, политые маслом и посыпанные сверху толченым сахаром, которые подаются как последнее блюдо свадебного угощения’³⁷, рус. *сла́дкое* (в знач. сущ.) — ‘пирожки с вареньем и вино, посылаемые отцом невесты новобрачным утром на другой день после свадьбы’³⁸ отражена вкусовая характеристика сладкого, которая является одним из основных кодов в свадебном обряде и символизирует сладкую жизнь молодоженов, мир и согласие в доме, обладает эротической коннотацией в славянской культуре³⁹.

Названия, в которых отражен внешний вид выпечки, можно разделить на мотивированные ее формой и собственно внешним видом. Зачастую в названиях первой группы отражена круглая форма хлеба (рус. *кру́глик* — ‘круглый пирог с начинкой, который обязательно печется на свадьбу’⁴⁰, рус. *кру́глый пиро́г* — ‘мяс-

²⁷ Кривіцкі, Цыхун, Яшкін, Михайлаў, Трухан 3, 1984, 305.

²⁸ Магрицька 2003.

²⁹ Филин, Сороколетов, Мызников 16, 1980, 35.

³⁰ Филин, Сороколетов, Мызников 14, 1978, 104.

³¹ Филин, Сороколетов, Мызников 19, 1983, 81.

³² Добровольский 1914, 493.

³³ Магрицька 2003.

³⁴ Мельниченко 10, 1991, 39.

³⁵ Филин, Сороколетов, Мызников 16, 1980, 135.

³⁶ Гура 2012, 309.

³⁷ Филин, Сороколетов, Мызников 38, 2004, 223.

³⁸ Филин, Сороколетов, Мызников 38, 2004, 223.

³⁹ Седакова 2012, 33–35.

⁴⁰ Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003, 242.

ной или сладкий пирог, подаваемый «под закрытием», т.е. покрытым тарелкой в конце обеда, перед благословением к венцу; едят его на третий или четвертый день свадьбы⁴¹, укр. *кру́гленьке* — ‘каравай молодой’⁴², *кружók* — ‘печенье, выпеченное невестой для жениха’⁴³). Отражение в названиях свадебной выпечки ее круглой формы не случайно, поскольку круг является значимым мифопоэтическим символом, отражающим представление о циклическом времени и об основных формах структурирования пространства. В свадебном обряде идея круга реализуется не только в изготовлении выпечки определенной формы, но и в совершении определенных обрядовых действий, связанных с идеей круга (круговых движений, обходов, опоясывания, смотрения через круглые предметы: венок, кольцо, специальный калач)⁴⁴. С символикой круга связан и мотив кручения, виття, который отражен в некоторых названиях свадебного хлеба⁴⁵ (укр. *вэрч* — ‘свадебная шишка, которую дают гостям при одаривании молодых’⁴⁶, рус. *витушки* — ‘калачики, которые бросали на улице народу свадебники’⁴⁷).

Важную роль играла и величина свадебной выпечки, особенно главного хлеба — каравай, чья символика, помимо остальных значений, характеризуется избыточностью. Поэтому каравай старались сделать максимально больших размеров⁴⁸. Это свойство каравай отражено и в некоторых названиях, которые отражают противопоставление изделий из теста обычных размеров и главного свадебного хлеба. Например, укр. *коровай маненький* — это хлеб среднего размера, который предназначен родителям молодых⁴⁹.

В изделиях из теста, состоящих из двух частей, воплощается символика соединения жениха и невесты. Наименования такой выпечки часто отражают парность, сочетание в данной форме двух отдельных хлебов, осознаваемых как единое (укр. *близня́та* — ‘две булочки, которые клали на свадьбе перед молодыми’⁵⁰, укр. *парні́ хліб* — ‘две булочки, которые клали на свадьбе перед молодыми’⁵¹, укр. *дво́йко* — ‘выпечка в виде двух птиц, предназначенная молодым’⁵²).

Названия обрядового свадебного хлеба могут быть мотивированы предметами (укр. *борона́* — ‘выпечка в виде бороны, которую вручают родителям невесты’⁵³, бел. *ші́шка* — ‘фигурная булочка, которую пекут вместе с караваем и раздают детям на свадьбе’⁵⁴, бел. *ме́сец* — ‘обрядовое свадебное печение в виде месяца, которое пекут вместе с караваем у молодой и у молодого’⁵⁵, укр. *теремо́к* — ‘хлеб для одаривания дружек’⁵⁶), животными (рус. *лисíца* — ‘пряник,

⁴¹ Филин, Сороколетов, Мызников 15, 1979, 299.

⁴² Магрицька 2003.

⁴³ Филин, Сороколетов, Мызников 15, 1979, 313.

⁴⁴ Белова 1999, 11–12.

⁴⁵ Гура 2012, 705.

⁴⁶ Агапкина 2001, 340.

⁴⁷ Филин, Сороколетов, Мызников 4, 1969, 302.

⁴⁸ Байбурин 1993, 80.

⁴⁹ Магрицька 2003.

⁵⁰ Аркушин 1, 2000, 22.

⁵¹ Аркушин 2, 2000, 29.

⁵² Магрицька 2003.

⁵³ Магрицька 2003.

⁵⁴ Крывіцкі, Цыхун, Яшкін, Михайлаў, Трухан 5, 1987, 352.

⁵⁵ Крывіцкі, Цыхун, Яшкін, Михайлаў, Трухан 3, 1984, 76.

⁵⁶ Магрицька 2003.

приносимый под белым покрывалом родственниками молодым на другой день свадьбы⁵⁷, *ёж* — ‘калач, внутрь которого сажали живого голубя и который ставили на ночь к молодым’⁵⁸), птицами (укр. *сова́* — ‘выпечка в виде совы, предназначенная для матери молодой’⁵⁹, рус. *пичу́жечки* — ‘небольшие булочки в виде птичек, которые раздают вместе с караваем’⁶⁰, укр. *п’ївник* — ‘специальная булочка, которую пекут к свадьбе’⁶¹). Изготовление выпечки определенной формы отражает глубинную символику ритуала. Например, элементы предметного кода (в том числе и изделия из теста) продолговатой формы или с коллочками (*боро́на*, *ши́шка* и *ёж*) «наделяются в свадьбе фаллической символикой и используются с магической целью обеспечения деторождения»⁶². Не всегда данная выпечка обнаруживает сходство изделия с предметом, который отражен в ее номинации, однако названия хлеба сохраняют глубинные смыслы обряда даже при их утрате на уровне элементов предметного кода ритуала. Некоторые формы обрядового хлеба получают номинацию по внешним украшениям и сопутствующим видам угощения по принципу метонимии. Например, сыр, с которым в ряде локальных традиций подают каравай, может служить мотивирующей базой для наименований выпечки (рус. *сыры́* — ‘нарезанный хлеб (пряники) для угощения сватов во время подачи карава́я’ — ср. название платков, подносимых в качестве подарков — *сыры́*⁶³). Названия украшений карава́я также могут служить мотивирующей базой для терминов, обозначающих обрядовый хлеб (рус. *сад* — ‘украшенная цветами коврига хлеба, подносимая невесте накануне венчания’⁶⁴, *ро́ща* — ‘круглый свадебный пирог, украшенный ветками, искусственными цветами, который родственники невесты привозят жениху во время свадьбы’⁶⁵).

Названия значительной группы форм свадебного хлеба отражают их ритуальные функции и вследствие этого являются специфически свадебными терминами. Чаще всего такие термины мотивированы названиями обрядов и эпизодов свадьбы, во время которых совершаются обрядовые действия с этими формами, самими действиями, участниками свадьбы (адресантами или адресатами обрядовых действий).

Термины, принцип номинации которых отражает совершаемые с ними ритуальные действия, наиболее часто мотивированы ключевыми моментами свадьбы. Например, на предсвадебном этапе значимым является окончательное скрепление договора о браке, которое в некоторых локальных традициях на рассматриваемой территории совершается при помощи специальных действий с хлебом (отсюда рус. *рукобѣ́тник* — ‘большой медовый пряник с узорами, который сваты разламывали за столом’⁶⁶). На Русском Севере важной частью предсвадебья является эпизод мытья невесты в бане накануне свадьбы. К данному обряду приурочено заши-

⁵⁷ Мельниченко 6, 1987, 5.

⁵⁸ Харузин 1885, 142.

⁵⁹ Магрицька 2003.

⁶⁰ Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003, 368.

⁶¹ Аркушин 2, 2000, 52.

⁶² Гура 2012, 337.

⁶³ Филин, Сороколетов, Мызников 43, 2010, 148.

⁶⁴ Филин, Сороколетов, Мызников 36, 2002, 18.

⁶⁵ Филин, Сороколетов, Мызников 35, 2001, 209.

⁶⁶ Мельниченко 8, 1989, 139.

вание в скатерть вместе с другими предметами специального хлеба — *ба́енника* (*ба́йника*, *ба́нника*, *ба́янника*), получившего названия от наименования данного этапа ритуала⁶⁷. Во время свадебного застолья особо выделяется последнее блюдо, которым часто выступает пирог, называемый рус. *разгóнным пирогом*⁶⁸, *ставáльным пирогом*⁶⁹, *разгóнником*⁷⁰, *разгóнником*⁷¹.

Распространенным является способ номинации форм хлеба по этапу свадьбы, во время которого с ними совершаются ритуальные действия. Так, на Дону зафиксированы термины *встрéчник*, *встрéчный*, обозначающие выпечку, которую держат родители жениха во время встречи молодых по возвращении их от венчания⁷². Ряд наименований мотивированы поведением невесты в основном на предсвадебном этапе (укр. *плаксі́й* — ‘хлеб в виде кольца, через который молодая смотрит на молодого’⁷³, рус. *плач* — ‘круглый хлеб с выпеченными и наложенными сверху буквами, составляющими имя невесты’⁷⁴, рус. *пла́кальник* — ‘сдобный пирог с говядиной, который посылают невесте после сговора для угощения гостей и подруг при пении плачей’⁷⁵, рус. *слезя́ник* — ‘пирог с рисом и изюмом, который едят девушки накануне свадьбы во время пения плачей’⁷⁶). Значимой является и мотивация названий свадебной выпечки действием перемены прически невесте, поскольку данный акт является одним из ключевых моментов ее перехода в новый социальный статус (рус. *круча́льные* — ‘свадебные калачи, раздаваемые молодыми после венчания’⁷⁷, рус. *крути́льный пиро́г* — ‘круглый пирог с мясом, который после обряда кручения посылают священнику’⁷⁸, рус. *крути́льный хлеб* — ‘хлеб, подаваемый при обряде кручения невесты’⁷⁹).

Наименования свадебного хлеба могут быть мотивированы терминами, обозначающими участников свадьбы: как адресантов, так и адресатов обрядовых действий (рус. *кня́жá* — ‘каравай’⁸⁰ — от названий молодых во время свадебного застолья, производных от корня *княг-*/*княз-*; рус. *неве́стин кала́ч* — ‘специальный калач, изготавливаемый для невесты’⁸¹, укр. *сваті́вська хлі́біна* — ‘хлеб во время сватовства’⁸², рус. *молоду́хин пиро́г* — ‘пирог, который пекут на второй день свадьбы у жениха’⁸³). Бо́льшая часть таких наименований связана с невестой.

Ряд лексем, обозначающих свадебную выпечку, мотивирован значимыми обрядовыми локусами, например, такими как свадебный стол (рус. *столови́к* — ‘большой ржаной хлеб, который пекут к свадьбе и кладут на конце свадебного

⁶⁷ Гецова 1980, 89, 95, 107, 136.

⁶⁸ Филин, Сороколетов, Мызников 33, 1999, 310.

⁶⁹ Подюков, Хоробрых, Антипов 2004, 113.

⁷⁰ Даль 4, 1998, 22.

⁷¹ Дилакторский 2006, 428.

⁷² Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003, 91.

⁷³ Магрицька 2003.

⁷⁴ Карташова 1997, 136.

⁷⁵ Филин, Сороколетов, Мызников 27, 1992, 74.

⁷⁶ Клевцова, Никитин, Петрова, Строгова 2010, 1102.

⁷⁷ Филин, Сороколетов, Мызников 15, 1979, 335.

⁷⁸ Мельниченко 5, 1986, 96.

⁷⁹ Филин, Сороколетов, Мызников 15, 1979, 326.

⁸⁰ Гура 2012, 242.

⁸¹ Сердюкова 2005, 95.

⁸² Магрицька 2003.

⁸³ Филин, Сороколетов, Мызников 18, 1982, 228.

стола'⁸⁴, рус. *насто́льники* — 'пироги, которые во время свадьбы гости приносят молодым'⁸⁵, рус. *столовѹха* — 'свадебный хлеб'⁸⁶).

Для свадебного обряда одними из важнейших смыслов являются переход молодых в иную социальную группу и получение новой доли. Эти мотивы отражены и в некоторых наименованиях ритуальной выпечки (укр. *до́ля* — 'две булочки, которые пекут из каравайного теста и кладут на свадебном столе перед молодыми'⁸⁷, укр. *сво́е* — 'свадебная шишка с красными «колючками», за которой приходят посланцы молодого в знак честности молодой'⁸⁸).

Часть наименований, обозначающих формы свадебного хлеба, соотносятся с его протеканием ритуала весьма отдаленно. Такие термины могут отражать вторичное использование обрядовой выпечки (рус. *дрема́*, бел. *драмушкі* — 'хлеб, приносимый каравайницами домой и раздаваемый детям, для того, чтобы они лучше спали'⁸⁹). Другие термины отражают непосредственно смыслы свадьбы. Например, в названии *ялови́ца* — 'сдобная булка хлеба, передаваемая жениху родичами невесты'⁹⁰ актуализировано символическое сравнение невесты с коровой, значимое для славянской свадьбы и проявляющееся в различных элементах обряда.

После рассмотрения производных лексем, обозначающих формы обрядового свадебного хлеба, можно сделать вывод о том, что при разнообразии способов их номинации большинство таких терминов отражает важнейшие культурные смыслы ритуала. В исследуемой группе можно выделить два основных принципа номинации: отражение в наименовании свойств выпечки и наименования и актуализация особенностей функционирования хлеба в ритуале в его названии.

Для первой группы терминов наиболее значимыми являются внешний вид и форма выпечки, способ ее приготовления, свойства теста. Во внутренней форме терминов второй группы чаще всего отражены ритуальные действия с выпечкой, этап на котором они совершаются, адресанты и адресаты таких действий. Кроме того, некоторые наименования непосредственно отражают основные культурные смыслы свадьбы: соединение жениха и невесты, получение ими новой доли и переход в новый социальный статус. Однако и лексемы, мотивированные свойствами выпечки, зачастую отражают обрядовую семантику (продуцирование богатой жизни новобрачным с помощью хорошего качества теста и изобилия выпечки на свадебном столе, символическое сравнение невесты с курицей, идея круга, мотив кручения, фаллическая символика и др.).

Специфическое название обрядовой выпечки (исходя из ее использования в обряде) показывает, что в конкретной ситуации свадьбы ее обрядовая функция преобладает над утилитарной. Это подтверждается и тем, что в одной функции могут выступать различные формы изделий из теста. Исследование показало, что большую роль при номинации обрядовой выпечки играет акциональный код свадьбы (и по количеству терминов, и по разнообразию «сюжетов»), а персонажный, темпоральный и локативный коды имеют меньшую значимость.

⁸⁴ Филин, Сороколетов, Мызников 41, 2007, 220.

⁸⁵ Дилакторский 2006, 284.

⁸⁶ Филин, Сороколетов, Мызников 41, 2007, 220.

⁸⁷ Аркушин 1, 2000, 138.

⁸⁸ Магрицька 2003.

⁸⁹ Гура 2012, 213.

⁹⁰ Добровольский 1914, 1019.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина Т. А.* 2001: Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики): Хлеб // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы / А. А. Плотникова (отв. ред.). М., 337–354.
- Аркушин Г. Л.* 2000: Словник західнополіських говірок: в 2-х т. Луцьк.
- Байбурин А. К.* 1993: Ритуал в традиционной культуре. Л.
- Белова О. В.* 1999: Круг // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Н. И. Толстой (ред.). Т. 2. М., 11–12.
- Блинова О. И.* 1972: Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: диалектная лексика 1971 / Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов (ред.). Л., 92–104.
- Гецова О. Г.* (ред.) 1980–2010: Архангельский областной словарь. Вып. 1–13. М.
- Гура А. В.* 2012: Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.
- Даль В. И.* 1998: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
- Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К.* (ред.) 2003: Большой толковый словарь донского казачества. М.
- Дилакторский П. А.* 2006: Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб.
- Добровольский В. Н.* 1914: Смоленский областной словарь. Смоленск.
- Карташова Т. А.* 1997: Свадебный обряд донских малороссов // Памяти Листопадава / Т. С. Рудиченко (ред.-сост.). Ростов-на-Дону, 132–139.
- Клевцова А. В., Никитин А. В., Петрова Л. Я., Строгова В. П.* (авт.-сост.) 2010: Новгородский областной словарь. СПб.
- Кривіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я., Михайлаў П. А., Трухан Т. М.* (склад.) 1982–1987: Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Мінск.
- Кудряшова Р. И.* (ред.) 2011: Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград.
- Лисенко П. С.* 1974: Словник поліських говорів. Київ.
- Магрицька І. В.* 2003: Словник весільної лексики українських східнослов'янських говірок (Луганська область). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnyk.html>.
- Мельниченко Г. Г.* (отв. ред.) 1981–1991: Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып. 1–10. Ярославль.
- Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.* 2001: Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов.
- Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* 2004: Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Колье; Соликамск; Березники; Пермь.
- Седакова И. А.* 2012: Сладкий // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Н. И. Толстой (ред.). Т. 5. М., 33–39.
- Сердюкова О. К.* 2005: Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону.
- Телия В. Н.* 1997: Номинация // Русский язык. Энциклопедия / Ю. Н. Караулов (гл. ред.). М., 269–270.
- Толстая С. М.* 1989: Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор / Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / Н. И. Толстой (отв. ред.). М., 215–229.

Толстая С. М. 2008: Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.

Толстой Н. И. 1995: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.

Узенева Е. С. 2010: Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.

Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Кубрякова Е. С. 1977: Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева (отв. ред.). М., 7–98.

Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (ред.) 1965–2011: Словарь русских народных говоров: в 44 т. М.; Л.

Харузин М. Н. 1885: Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М.

PRINCIPLES OF RITUAL WEDDING BREAD NOMINATION BY THE EASTERN SLAVS

T. Ye. Grevtsova

The article deals with principles of ritual bread nomination at the Eastern Slavic wedding. The author studies the relationship between mental representations associated with the wedding and the names of the ritual bread by the eastern Slavs, and identifies elements of the ritual 'plane of content' that determine the choice of a feature in the nomination of bread forms.

Key words: principles of nomination, ritual, cultural term, Eastern Slavic wedding, ritual bread

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. Москва
БНТ	— Башкирское народное творчество. Уфа
БШ	— Башкирские шежере. Уфа
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ВИ	— Вопросы истории. Москва
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края
ГАОО	— Государственный архив Оренбургской области
ИСЭГИ ЮНЦ РАН	— Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МГА	— Магнитогорский городской архив
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НА ЧГИГН	— Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
ОВД	— Область войска Донского
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПК	— Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии 1835. СПб.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГО	— Русское Географическое общество
РОИИ	— Российское общество интеллектуальной истории
РЭМЗ	— Раздорский этнографический музей-заповедник
СА	— Советская археология. Москва
ЦИА РБ	— Центральный исторический архив Республики Башкортостан
AJA	— American Journal of Archaeology. Princeton
BASOR	— Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Jerusalem. Baghdad
CPh	— Classical Philology. Chicago
HZAG	— Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Stuttgart
JASCSA	— The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Athens
JRS	— The Journal of Roman Studies. Cambridge
JUS	— Journal of Ukrainian Studies. Toronto
LAC	— Library and Archives Canada
ND, Oc.	— Notitia Dignitatum in partibus Occidentis
ND, Or.	— Notitia Dignitatum in partibus Orientis
NEA	— Near Eastern Archaeology. Boston.
NZN	— Notae Numismaticae. Zapiski Numizmatyczne. Kraków
RE	— Paulys Real Enciklopädie der classischen Altertumswissenschaft / G. Wissowa, W. Kroll (Hrsg.). Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1975
TLL	— Thesaurus Linguae Latinae
ZSSR/RA	— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte / Romanistische Abteilung

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Разумов Н. В.</i> (Пермь) — Афинский стратег Тимофей: опыт биографии.....	3
<i>Павлов А. А.</i> (Сыктывкар) — М. Юний Гракх и Г. Семпроний Тудитан: к истокам интерпретации плебейского трибуната в римской юридической историографии ..	15
<i>Фролов Р. М.</i> (Ярославль) — Coetus как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона	26
<i>Жаровская А. Н.</i> (Ярославль) — Приготовление винных напитков в Древнем Риме (по сочинению «De re coquinaria»)	33
<i>Телин А. Е.</i> (Ярославль) — Контроль захоронений в рамках cura urbis римских эдилов	38
<i>Банников А. В., Шмидт Г. А.</i> (Санкт-Петербург) — Предыстория военного мятежа 360 г. н.э.: сколько раз Юлиан отправлял войска на помощь Констанцию?	44

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Горохов А. А.</i> (Тобольск) — Основные тенденции развития общинно-частного хозяйства у древних евреев в период правления Давида и Соломона (X в. до н.э.)	54
<i>Дмитриев В. А.</i> (Псков) — Рога Амона, культ быка и Фарр Кеянидов (еще раз к вопросу о царских коронах Сасанидов)	64

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Старикова Г. И.</i> (Магнитогорск) — Археологическая коллекция Магнитогорского историко-краеведческого музея	80
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

<i>Лопатин В. А.</i> (Саратов) — Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX — начало XXI вв.)	100
<i>Литовченко Е. В.</i> (Белгород) — Междисциплинарные подходы в исследовании идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты	114

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Фурцев Р. В.</i> (Москва) — Развитие политических отношений между Миланом и империей в период правления Максимилиана I Габсбурга	128
<i>Недашковский Л. Ф.</i> (Казань) — Ремесло Золотой Орды	136

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Беланджер Д.-К.</i> (Оттава) — Антиамериканизм в конце XIX — начале XX вв. в Канаде: гендерный дискурс	155
---	-----

<i>Дроздова О. А.</i> (Оттава) — Сохраняя веру: украинские иммигранты и образование украинской греко-православной церкви Канады	163
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Нисковский А. А., Козлова М. И.</i> (Сыктывкар) — Региональные аспекты советской индустриализации (на примере Коми края): конфликт интересов	173
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Билетцы» и гадательные двуступища А. П. Сумарокова парадигма любовного чувства	180
<i>Тимофеев Н. А.</i> (Москва) — Проблема бездействия и активности человека в прозе А. П. Чехова 1886–1887 годов	187
<i>Абрамзон Н. В.</i> (Магнитогорск) — Семейные ценности в произведениях Г. И. Успенского	193
<i>Копцева Н. П., Смолина М. Г.</i> (Красноярск) — Традиции и своеобразие в поэзии Александра Свитина	204
<i>Иванова Е. Р.</i> (Орск) — Идеино-художественное своеобразие новеллы А. фон Дросте-Хюльсхоф «Бук иудея»	209
<i>Жаткин Д. Н., Комарова Е. В.</i> (Пенза) — Осмысление творчества А.-Ч. Суинбёрна русской литературной критикой последней четверти XIX века	217
<i>Жаткин Д. Н., Рябова А. А.</i> (Пенза) — Восприятие творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX–XX вв. (К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин, С. С. Розанов, В. К. Мюллер)	226
<i>Щелокова Л. И.</i> (Москва) — Семиосфера окопа в романе В. Некрасова «В окопах Сталинграда»	234

ЛИНГВИСТИКА

<i>Волкова В. Н.</i> (Великий Новгород) — Зона синкретизма гиперболы в русскоязычных информационных текстах	248
<i>Третьякова Л. Н.</i> (Москва) — Когнитивная структура концепта-символа «штык» в военной концептосфере	257
<i>Следников А. Г.</i> (Ярославль) — О передаче на латинском языке антропонимов иноязычного происхождения	262
<i>Абкадырова И. Р.</i> (Ростов-на-Дону) — Особенности актуализации мексиканского коммуникативного стиля в дискурсе художественной литературы	269
<i>Сулавко А. Ю.</i> (Ростов-на-Дону) — Фразеологические единицы как этноспецифический сегмент картины мира (на материале испанского языка)	276
<i>Беляева В. Е.</i> (Томск) — Использование разнообразных методов для выявления лакун в селькупском языке	282

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Антонов И. В.</i> (Уфа) — К вопросу о раннем этапе русско-башкирского взаимодействия	289
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Чуваши Южного Урала (вторая половина XIX — начало XXI в.)	296

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Казачество: проблемы исторической памяти и культурной идентичности»*

<i>Мещеряков А. В.</i> (Оренбург) — Социокультурный облик чиновников Войскового хозяйства Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в. .	313
<i>Годовова Е. В.</i> (Оренбург) — Новые подходы к изучению повседневности казачества	321
<i>Власкина Н. А.</i> (Ростов-на Дону) — Ранневесенние праздники донских казаков: к вопросу о территориальном варьировании календарной обрядности	329
<i>Попова Н. С.</i> (Ростов-на-Дону) — Мониторинг состояния традиционной обрядности станицы Раздорской	342
<i>Печняк В. А.</i> (Екатеринбург) — Пространство состязательности в культуре Оренбургских казаков (по материалам этноэкспедиции 2012 г.)	349
<i>Моисеева С. А.</i> (Магнитогорск) — Женский праздничный костюм как знак «перехода» в традиционной культуре горнозаводских сёл Южноуральского региона (на материале экспедиций второй половины XX в.)	354
<i>Рожкова Т. И.</i> (Магнитогорск) — «Памятная книжка для низших чинов...» (1836 г.) В. И. Даля и «Записки» Н. В. Агапова (конец XIX в.): к истории оренбургского казачества.	366
<i>Рвачева О. В.</i> (Волгоград) — Социальная память и история. Попытки методологического анализа казачьего возрождения	374
<i>Грецов Т. Е.</i> (Ростов-на-Дону) — Принципы номинации форм обрядового свадебного хлеба у восточных славян	381

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME

<i>N. V. Razumov</i> (Perm) — Timotheus: Biographical Essay	3
<i>A. A. Pavlov</i> (Syktyvkar) — M. Iunius Gracchanus and G. Sempronius Tuditanus: Sources of Plebs Tribune Interpretation In Roman Historiography of Jurisdiction	15
<i>R. M. Frolov</i> (Yaroslavl) — Coetus as the Term for Political Gatherings in the Works of Cicero	26

CONTENTS

395

<i>A. N. Zharovskaya</i> (Yaroslavl) — The Preparation of Wine Drinks in Ancient Rome According to 'De re coquinaria'.....	33
<i>A. E. Telin</i> (Yaroslavl) — Control of Burial Places within the Cura Urbis of Roman Aediles	38
<i>A. V. Bannikov, G. A. Shmidt</i> (St. Petersburg) — Prehistory of Military Revolt in AD 360: How Many Times Did Julian Send Troops to Help Constantius?.....	44

THE ANCIENT ORIENT

<i>A. A. Gorokhov</i> (Tobolsk) — Principal Tendencies of Ancient Jew Private Commune Economy During the Reign of David and Solomon (the 10 th Century BC)	54
<i>V. A. Dmitriyev</i> (Pskov) — Horns of Amon, the Cult of the Bull, and Keyanid Farr (Sassanid Royal Crowns Issue)	64

IN WORLD MUSEUMS

<i>G. I. Starikova</i> (Magnitogorsk) — Archaeological Collection of Magnitogorsk Local History Museum	80
--	----

HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

<i>V. A. Lopatin</i> (Saratov) — Pokrovsk-Type Monuments: Historiography Key Issues (Second Half of the 20 th — early 21 st Centuries).....	100
<i>Ye. V. Litovchenko</i> (Belgorod) — Interdisciplinary Approach to Identifying Properties of Late Latin Intellectual Elite.....	114

MIDDLE AGES

<i>R. V. Furtsev</i> (Moscow) — Development of Political Relations between Milan and the Empire During the Reign of Maximilian I Habsburg.....	128
<i>L. F. Nedashkovsky</i> (Kazan) — The Golden Horde Craft	136

MODERN HISTORY

<i>D. C. Bélanger</i> (Ottava) — Anti-americanism in the Canada of the late 19 th — early 20 th Centuries: Gender Discourse.....	155
<i>O. A. Drozdova</i> (Ottava) — Keeping the Faith: Ukrainian Immigrants and the Formation of the Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada.....	163

RUSSIAN HISTORY

<i>A. A. Niskovsky, M. I. Kozlova</i> (Syktyvkar) — Regional Aspects of Soviet Industrialization: Conflict of Interests (based on Komi Region).....	173
---	-----

PHILOLOGY

LITERARY OF CRITICISM

<i>T. Ye. Abramzon</i> (Magnitogorsk) — A. P. Sumarokov's 'Cards' and Fortune-Telling Distich: Paradigm of Love	180
---	-----

<i>N. A. Timofeyev</i> (Moscow) — Inactivity and Activity in A. P. Chekhov's Prose of 1886–1887	187
<i>N. V. Abramzon</i> (Magnitogorsk) — Family Values in G. I. Uspensky's Works	193
<i>N. P. Koptseva, M. G. Smolina</i> (Krasnoyarsk) — Tradition and Originality of Alexander Svitin's Poetry	204
<i>Ye. R. Ivanova</i> (Novotroitsk) — Ideological and artistic peculiarity of A. von Droste-Hulshoff's story "Die Judenbuche"	209
<i>D. N. Zhatkin, E. V. Komarova</i> (Penza) — Russian Literary Criticism of the Last Quarter of the 19 th century on A. Ch. Swinburne Works	217
<i>D. N. Zhatkin, A. A. Ryabova</i> (Penza) — Understanding Christopher Marlowe's creative work in Russia in late 19 th — early 20 th centuries (K. D. Balmont, M. A. Voloshin, S. S. Rozanov, V. K. Muller)	226
<i>L. I. Shchelokova</i> (Moscow) — Trench Semiosphere in V. Nekrasov's Novel "V Okopakh Stalingrada" ("In Stalingrad Trenches")	234

LINGUISTICS

<i>V. I. Volkova</i> (Veliky Novgorod) — Syncretism Zone: Hyperbole in Russian Information Texts	248
<i>L. N. Tretyakova</i> (Moscow) — The Cognitive Structure of the "Bayonit" in the Military Conceptosphere	257
<i>A. G. Slednikov</i> (Yaroslavl) — Foreign Proper Names In Latin	262
<i>I. R. Abkadyrova</i> (Rostov-on-the-Don) — Peculiarities of Modeling Mexican Communication Style in Literary Discourse	269
<i>A. Yu. Sulavko</i> (Rostov-on-the-Don) — Phraseological Units as an Ethnospecific Slot of the World-Image (Based on Spanish)	276
<i>Ye. V. Belyaeva</i> (Tomsk) — Different Methods for Revealing Lacunae in the Selkup Language	282

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>I. V. Antonov</i> (Ufa) — The Early Period Of Russian-Bashkir Interaction	289
<i>V. V. Medvedev</i> (Magnitogorsk) — The Chuvash of the South Urals	296

Materials of the All-Russian Scientific Conference «The Cossacks:
Problems of Historical Memory and Cultural Identity» (Magnitogorsk,
18th — 19th of April, 2013)

<i>A. V. Meshcheryakov</i> (Orenburg) — Socio-cultural Make-Up of an Orenburg Cossack Troops Economic Government Servicemen in the Second Half of the 19 th century	313
<i>Ye. V. Godovova</i> (Orenburg) — Another Way of Cossack Daily Routine Study	321
<i>N. A. Vlaskina</i> (Rostov-on-the-Don) — Early-Spring Holidays Of The Don Cossacks: The Issue Of Territorial Calendar Rites Variation	329
<i>N. S. Popova</i> (Rostov-na-Donu) — Monitoring of Cossack Village Rasdorskaya Traditional Rites	342

CONTENTS

397

<i>V.A. Pechnyak</i> (Yekaterenburg) — Competitiveness in the Culture of Orenburg Cossacks .	349
<i>S.A. Moiseyeva</i> (Magnitogorsk) — Female Dressy Clothes as a Symbol of Transition to Traditional Culture of Yuzhnouralsk Area Villages (based on the Second half of the 20 th century Expeditions)	354
<i>T.I. Rozhkova</i> (Magnitogorsk) — V.I. Dal and Orenburg Cossacks (The Issue of Mentality Shaping)	366
<i>O. V. Rvacheva</i> (Volgograd) — Social Memory and History: (Methodological Analysis Attempt)	374
<i>T. Ye. Grevtsova</i> (Rostov-na-Donu) — Principles of Ritual Wedding Bread Nomination by the Eastern Slavs	381

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2013

Сдано в набор 03.09.2013. Подписано в печать 12.10.2013.
Формат 70х100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.